ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА

ДРАМЫ

Драмы

Педро Кальдерон де ла Барка

Педро Кальдерон де ла Барка. Драмы
От редколлегии
Драмы
Дама привидение
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ

СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
СЦЕНА 21-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я

СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
Стойкий принц
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я

СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
Луис Перес Галисиец
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я

СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ

СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
СЦЕНА 21-я
Поклонение кресту
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я

СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
Любовь после смерти
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я

СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я

СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
СЦЕНА 21-я
Чистилище святого Патрика
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я

СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
Жизнь есть сон
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я

СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я

СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
Врач своей чести
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я

СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я

СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
Волшебный маг
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я

СЦЕНА 16-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я

СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
СЦЕНА 21-я
СЦЕНА 22-я
СЦЕНА 23-я
СЦЕНА 24-я
СЦЕНА 25-я
СЦЕНА 26-я
СЦЕНА 27-я
Саламейский алькальд
ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я

СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
СЦЕНА 20-я
СЦЕНА 21-я
СЦЕНА 22-я
СЦЕНА 23-я
СЦЕНА 24-я
СЦЕНА 25-я
СЦЕНА 26-я
ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я

СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
Дополнения
Жизнь есть сон. Перевод Д.К. Петрова
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я

СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я
СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
СЦЕНА 15-я
СЦЕНА 16-я
СЦЕНА 17-я
СЦЕНА 18-я
СЦЕНА 19-я
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
СЦЕНА 1-я
СЦЕНА 2-я
СЦЕНА 3-я
СЦЕНА 4-я
СЦЕНА 5-я
СЦЕНА 6-я
СЦЕНА 7-я
СЦЕНА 8-я
СЦЕНА 9-я

СЦЕНА 10-я
СЦЕНА 11-я
СЦЕНА 12-я
СЦЕНА 13-я
СЦЕНА 14-я
К. Бальмонт. ПРЕДИСЛОВИЕ. [Ко второму выпуску издания Сочинений Кальдерона (М., 1902)]
К. Бальмонт. [Предисловие к драме]. "ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ"
Приложения
Н.И. Балашов. На пути к не открытому до конца Кальдерону
1. КАК СЛОЖИЛОСЬ ЭТО ИЗДАНИЕ
2. ВЗАИМНЫЙ АНТАГОНИЗМ КАЛЬДЕРОНА И КОНТРРЕФОРМАЦИИ.
"ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН" И САМЫЕ "ТРУДНЫЕ" ДРАМЫ И АУТОС КАЛЬДЕРОНА
3. ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА КАЛЬДЕРОНА. КОМЕДИИ, "ДРАМЫ ЧЕСТИ"
4. ФИЛОСОФСКИЕ ДРАМЫ: "ВОЛШЕБНЫЙ МАГ", "СТОЙКИЙ ПРИНЦ", "ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ"
5. ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ "ЛУИС ПЕРЕС ГАЛИСИЕЦ" И "САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД"
Д.Г. Макогоненко. Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы
I

II
III
Г.А. Коган. Материалы по библиографии русских переводов Кальдерона
1. К ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ КАЛЬДЕРОНА
2. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЛЬДЕРОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
Избранные произведения. Сборники
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Обоснование текста

Педро Кальдерон де ла Барка
Драмы

Издание подготовили
Н. И. БАЛАШОВ и Д. Г МАКОГОНЕНКО

От редколлегии

Книга была завершена и отредактирована, когда мы узнали, что 28 октября 1986 г. скончался ответственный редактор книги и один из деятельнейших членов Редколлегии серии "Литературные памятники" академик Георгий Владимирович Степанов.

Академик Г. В. Степанов ушел от нас в полном расцвете творческих сил: ему было 67 лет (он родился 9 апреля 1919 г.). Широкий специалист в области общего языкознания, романских литератур и языков, Г. В. Степанов во второй половине XX в. безусловно был у нас в стране ведущим специалистом. Он скончался академиком АН СССР и иностранным членом Королевской Испанской академии, а начинал свою испанизическую деятельность на полях Народно-революционной войны в Испании 1936-1939 гг. Когда в последнее десятилетие он смог снова посещать пробуждающуюся Испанию, то в лекционных залах на тысячи дружеских взглядов он встречал и взгляды врагов. Они, рассказывал Георгий Владимирович, однажды для того что ли, чтобы

показать свою осведомленность, повезли его по местам боев, в которых он участвовал когда-то...

Но весы советско-испанских культурных связей склонялись не в сторону тех, кто лелеял отчуждение, а в сторону, которую представлял Г. В. Степанов. Он сам сделал необыкновенно много для этого. Перевел и издал книги лучших испанских писателей XX в. — "Алую зарю" Пио Барохи, новеллы Унамуно, "Хутор" Бласко Ибаньеса, книги современного кубинца Онелио Хорхе Кардосо, боливийца Аугусто Сеспедеса, классиков XIX в.

Испанист Г. В. Степанов одним из первых оценил значение культуры латиноамериканского Нового Света. Из европейских языков испанский, после английского, наиболее распространен в современном мире. В Латинской Америке он имеет свою специфику и отличия в разных странах. Теоретические основы изучения испанского языка в странах Латинской Америки — важнейшая научная и практическая задача. Ей посвящена книга Г. В. Степанова "Испанский язык в странах Латинской Америки". Под редакцией Г. В. Степанова в 1985 г. вышел первый том пятитомной "Истории литератур Латинской Америки" и в 1988 г. выходит второй том.

В последние годы жизни Георгий Владими-

рович Степанов все большее внимание уделял великой испанской классике, осознавая, что Сервантес, как Шекспир, Гете, Толстой и все более входящие в мировой культурный оборот Низами, Руставели, Саади, Кабир, — являются знаменателями процесса взаимопонимания народов.

Под редакцией Г. В. Степанова в "Литературных памятниках" вышел Бальтасар Грасиан (1981); теперь выходит Кальдерон. По его замыслу будет осуществлено "большое издание" "Дон Кихота" с приложением обширного научного аппарата.

Начало настоящей книге положила проведенная в 1981 г. в Москве по случаю 300-летия с года смерти писателя конференция "Кальдерон и испанская культура XVII в.". Материалы конференции опубликованы небольшим тиражом в научном издании "Iberica (II). Кальдерон и мировая культура" (1986). Открывает издание "Слово о Кальдероне" Г. В. Степанова. Воспроизведением этой — может быть самой краткой в истории литературы содержательной статьи о великом драматурге — мы завершаем вступление к книге.

"Кальдерон — одна из центральных фигур в европейской художественной культуре XVII в. Он был выдающимся сыном великого столе-

тия, за которым традиция, как это ни странно, не закрепила особого эпитета — наименования. Хронологически это столетие обрамляют век Возрождения и век Просвещения. XVII век — своенравный наследник эпохи Ренессанса. Своенравие его сказалось в капризно-причудливой избирательности по отношению к прежним ренессансно-демократическим идеалам и своеволие — в выдвижении принципиально новых идей о мироустройстве и об устройстве человеческой жизни, личной и общественной.

Творческое наследие Кальдерона постоянно пересматривалось и по-разному оценивалось не только современниками, но и от эпохи к эпохе, от страны к стране в зависимости от эстетических и этических норм и концепций, присущих нациям и народам в разные периоды их духовного развития.

О жизни и творчестве Кальдерона было создано немало легенд. Житейские легенды возникали от скудости биографических данных о великом драматурге, противоречивость, запальчивая пристрастность в оценках его творчества — от недостатка методологической строгости и исторической объективности в исследовательской практике.

Потребовалось немало времени, чтобы исследователи пришли к, казалось бы, простой идее рассматривать творчество Кальдерона в контексте знаменитого "века без названия", с одной стороны, и к серьезным попыткам объяснения непреходящей значимости кальдероновских творений для духовной жизни последующих поколений — с другой.

Когда говорят о том, что XVII век составил эпоху в развитии науки или положил начало науке нового времени, то тем самым подчеркивают только одну из сторон развития общественного сознания. Однако следует заметить, что в области художественного сознания XVII столетие, впитавшее в себя прогрессивный опыт предшествующих эпох, было тоже поворотным: в процессах развития различных форм общественного сознания наблюдался примечательный параллелизм.

Кеплер, один из творцов астрономии нового времени, не только провел резкую грань между "мыслимой идеей круга" и "действительным путем планеты", но и вообще развеял "чары округленности", установив эллиптичность планетных орбит. Кальдерон, кажется, первым сказал о небе, что это не небо, и, может быть, оно не голубое, он был первым художником слова, который пре-

образил абстрактные тезисы о смысле жизни в "поэтические тексты", создав философские драмы "Жизнь есть сон" ("La vida es sueno") и "В этой жизни все истина и все ложь" ("En esta vida todo es verdad y todo es mentira").

Идея о том, что в искусстве средства воспроизведения тем эффективнее, чем резче они отличаются от изображаемого предмета, в XVII в. стала теснить прежние, возрожденческие принципы правдоподобия, подражания природе, простоты и уравновешенности. И дело не только в том, что Кальдерон нарушает правду истории или географии, сообщая, что Россию от Швеции отделяет река Дунай, или превращая Иерусалим в морской порт, а в том художественно-эстетическом ракурсе, с которого он зрит мир и заброшенного в него человека. Кальдерон, как бы отрываясь на крыльях философии от бренной земли, зависает в воздухе и обретает способность видеть человеческие достоинства, добродетели и пороки в их самых общих очертаниях, схематизированных и предельно обобщенно мыслимых.

Немецкие романтики нарекли Кальдерона "поэтом чести". Это правильно в том смысле, что из всех возможных регуляторов гармонического общественного устройства Кальдерон избира-

ет ключевое категориальное понятие чести. Понятие "честь", имеющее значение некоего универсального морального принципа поведения отдельного человека, приобретает у Кальдерона смысл основного регулятора социальных отношений, фундамента общественного блага, при том, что функция носителя абсолютной идеи чести приписывается в первую очередь королю. Однако следует подчеркнуть, что чувство чести, порядочности в отношениях с людьми, чистоплотности в поступках и помыслах всегда остро переживалось в Испании всеми — от сеньора типа Дон Кихота до крестьянина Санчо. Притча о горностае была широко известна во всех слоях общества, и Кальдерон представил ее в своих драмах чести в наиболее обобщенной, абстрагированной и схематизированной форме. Содержание общенародной притчи следующее. Чтобы поймать горностая, охотники устраивают грязную лужу и гонят на нее животное. Зверек предпочитает умереть, но не замараться в грязной жиже. Может быть, именно поэтому шкурка горностая стала подбоем королевской мантии и символом жертвенно-незапятнанной чести. Если понятие чести Кальдерон использует как наиважнейшую категорию применительно к

конкретному сообществу себе подобных — к нации испанцев, то любовь и вера приобретают в его произведениях некий космический принцип, посредством которого усмиряется стремящаяся к распаду вселенная под напором разнонаправленных сил и обилия несогласующихся между собой форм. Любовь в понимании Кальдерона помогает разуму проложить дорогу не только к людям, но к вещам и событиям. Любовь у Кальдерона нерасторжимо связана с верой, которая означает не только сверхъестественную христианскую добродетель, но и обыденную доверчивую преданность и верность в действиях и поведении всякого "естественного" человека. Способность доверять, т. е. способность постичь нравственную ценность другой личности, требует душевной стойкости. Требование душевной стойкости тем более важно, что сама вера, если она не слепа, включает в себя момент риска. Вера в другую личность без надежных оснований и гарантий превращается в высшее испытание моральной стойкости и подлинный критерий в отношениях человека к человеку. Такими видел Кальдерон источники моральной силы, способной противостоять трагическим коллизиям, обнаружившимся в "веке без названия".

Кальдерона, как и других художников и мыслителей, глубоко волновала тема бессмертия. Если под бессмертием понимать существование личности в сознании потомков, то драматург-мыслитель Кальдерон, давший миру идеи-образы на все времена, может быть причислен к бессмертным".

Драмы

Дама привидение[1]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Мануэль
Дон Луис
Дон Хуан
Косме, слуга
Родриго, слуга
Донья Анхела
Донья Беатрис
Клара, служанка
Исабель, служанка
Слуги
Толпа

---

[1] Примечания: 1

Комедия написана в 1629 г. Впервые напечатана в 1636 г. в "Первой части комедий Кальдерона". Это одна из самых известных его комедий. Возможно, сюжет ее восходит к недошедшей испанской комедии: Тирсо де Молина в пьесе "Молчание знак согласия" (1615) упоминает о некоей комедии, где действует "влюбленный оборотень".

Перевод Бальмонта печатается впервые по машинописи 1919 г. для изд-ва братьев Сабашниковых. Для современной нормы печати испанских имен привычно написание: Луис — вместо Люис у Бальмонта, Косме вместо Космэ, Анхела вместо Анхеля, Бальтасар вместо Бальтазар.

Действие происходит в Мадриде.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Улица.

Дон Мануэль, Косме, одетые по-дорожному[2]

Дон Мануэль

Косме[4]

Дон Мануэль

Всего на час мы опоздали,
А то бы видели мы праздник,
Каким Мадрид великодушный
Отметил ныне день крестин

---

[2] Примечания: 2

...одетые по-дорожному. — Испанские дворяне, которые обычно одевались в платье темного цвета, отправляясь в дорогу, надевали богатые наряды, в которых преобладали светлые тона.

[4] Примечания: 4

Первый монолог Косме содержит дружески шутливые намеки на известные пьесы Лопе де Веги, Миры де Амескуа, Рохаса Сорильи. Эрудиция Косме в античной мифологии и истории — полуреальное свидетельство влияния испанского театра на широкие круги народа.

Властительного Бальтасара[3].

Всего на час[5]*... Вещей немало*
Так из-за часа потерялось
И из-за часа удалось.
Пирам пришел бы часом раньше,
И Тисбэ не была бы мертвой,
И ежевика не пятнала б:
Как нам поэты говорят,
Писалась ежевичным соком
Трагедия Пирама с Тисбэ.
И опоздай на час Тарквиний,
Была б Лукреция тогда
Уже в постели, не пришлось бы
И авторам без оснований
Вести запутанную тяжбу,
Насилие он совершил,

---

[3] Примечания: 3

Отметил ныне день крестин // Властительного Бальтасара. — Главное указание на датировку драмы. Инфант Бальтасар Карлос, сын Филиппа IV, был крещен 4 ноября 1629. Бальтасар умер подростком и не правил.

[5] Примечания: 5

Всего на час... — Новое характерное для барокко понимание большого воздействия времени и других внешних факторов на жизнь по сравнению с более уверенной активностью человека Возрождения.

Или не совершал насилья.
И только час один бы Геро
Подумала, бросаться с башни,
Иль не бросаться с башни ей,
Она не бросилась бы верно,
Тогда и Мира де Амесква
Комедии своей прекрасной
Для сцены бы не написал,
И не пришлось бы Амариллис
Изображать ее так дивно,
Что, карнавальная плясунья,
Сумела много раз она —
(Верней людей великопостных) —
Смотревших — за голову взяться.
И, потерявши из-за часа
Великий праздник, мы сейчас
Терять ночевки уж не будем:
Коль опоздал Абиндарраэс,
Ночлег имеет на дворе он.
И бешено хочу скорей
Увидеть этого я друга,
Что так тебя увидеть жаждет,

Как будто первый ты любовник,
Чье имя на устах у всех,
Ему постель, ему и ужин,
Хоть собственно донять и трудно,
Откуда счастие такое
На долю выпадает нам, —
Хоть на турнир мы не стремимся,
Он нас готов обоих встретить.

Мы с Дон Хуаном де Толедо, —
Ты это, Косме, должен знать, —
Такою сочетались дружбой,
Что, сколько древность ни явила
Примеров дружбы для столетий,
А в нас ей зависть, коль не стыд.
Учились вместе мы, — науки
Переменили на оружье,
Он мне в бою товарищ бранный.
Когда ходили в Пьемонт,
Команду дал мне Дук де Ферья[6],
Отряд доверив, — я же знамя

---

[6] Примечания: 6

Команду дал мне Дук де Ферья. - Герцог Фериа - испанский дипломат, военный и государственный деятель второй половины XVI в.

Дал другу, и в боях отважных
Моим он знаменосцем был.
Глубокую во время схватки
Он рану получил, — немедля
Ему постель мою я отдал,
За ним ходил, и видит Бог,
Он самой жизнью мне обязан.
Молчу я о других заслугах,
Которые размеров меньших:
Кто благодарен, тот о них
Не говорит, — и потому-то
Нам в академиях рисуют
Щедротность некой пышной дамой,
Что повернулась к нам спиной, —
В том смысл, что, раз благодеянье
Свершил, о нем забыть прилично,
Иначе нет благого дела.
И, чтобы кончить, Дон Хуан,
Как друг, признательности полный,
Узнав, что за мои заслуги
Я получаю повышенье,
Его Величеством почтен,

И ко двору явиться должен,
Гостеприимным быть желает,
Меня в своем принявши доме.
Хоть он мне в Бургос написал,
И улицу и дом мне назвал, —
Верхом въезжая, не хотел я
Расспрашивать, как мне проехать,
И я на постоялый двор
Мулов с поклажею отправил,
А сам пошел пешком, — увидел
Толпу, наряды, вопрошаю,
В чем дело, — праздник, говорят,
Хочу хоть вскользь его увидеть,
Но мы явились слишком поздно,
И это...

СЦЕНА 2-я

Донья Анхела, Исабель, закутанные в ман-

тильи до глаз[7]*. — Те же.*

Донья Анхела

(Обе уходят очень поспешно.)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Судя по одежде,
Я с кабальеро говорю.
Я к вашим качествам взываю,
Молю за женщину вступиться,
Что видит в вас свою защиту.
Тут для меня и жизнь, и честь,

---

[7] Примечания: 7

...закутанные в мантильи до глаз. - Речь идет об испанском обычае "закутывания", заимствованном у андалусийских морисков. Испанские женщины в средние века закрывали лица вуалями. Закутывались также в плащ, чаще всего черного цвета, который закреплялся на голове шпилькой с драгоценными камнями. Для закутанной женщины существовал особый термин "tapada". При закутывании мог остаться открытым один глаз, как правило, левый.

Чтоб не узнал вон тот гидальго,
Кто я, идя за мною следом.
Я вашей жизнью заклинаю,
Не допустите, чтобы здесь
Достойной даме причинили
Несчастие и оскорбленье...
Когда-нибудь случиться может...
Прощайте. Мертвая иду.

Что это? Дама или ветер?

Вот случай.

Что намерен сделать?

Об этом спрашивать ты можешь?
Как я могу не помешать
Несчастию и оскорбленью?
За нею муж идет, конечно.

Что ж ты замыслил?

Нужно хитрость,
Чтоб задержать его сейчас,
Измыслить нужно ухищренье,
А если пользы в нем не будет,

Прибегнуть надо будет к силе,
Не дав ему понять предлог.

Коль ухищрения ты ищешь,
Тогда уж я одно придумал.
Вот и воспользуюсь — от друга
Рекомендательным письмом.

СЦЕНА 3-я

Дон Луис, Родриго. — Дон Мануэль, Косме.

Дон Луис

Родриго

(Косме подходит. Дон Мануэль отходит к стороне.)

Косме

Дон Луис

(Косме задерживает его.)

Косме

Дон Луис

Дон Мануэль (в сторону)

Косме

Дон Луис

Косме

Дон Луис

(Толкает его.)

Дон Мануэль (в сторону)

(Подходит.)

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

(Обнажают шпаги и бьются.)

Косме

Родриго

Косме

Узнать, кто это, я намерен,
Хоть потому, что так желает
Она со мной остаться скрытной.

Узнаешь, лишь иди за ней.

Сеньор, стыжусь я беспокоить,
Но, ваша милость, окажите
Такое мне благоволенье:
К кому вот это здесь письмо?

Сейчас терпенья не имею.

Коль только нет у вас терпенья,
Имею я его в избытке,
Охотно с вами поделюсь.

Уйдите прочь.

Еще их видно.
Какая улица прямая!

Я жизнью вашей...

Я клянусь вам,
Что вы несносный человек,
И голову я разобью вам,
Коль так вы этого хотите.

Хочу, но очень маловато.

Я больше не могу терпеть.
Прочь!

(Подойти теперь мне нужно.

Что хитрость начала, то храбрость
Пусть кончит тотчас.)

Кабальеро,
Пред вами это мой слуга,
И я совсем не понимаю,
Чем мог он причинить обиду,
Чтоб стали так его толкать вы.

На жалобу ответа нет,
И никому не отвечал я
В подобных случаях. Прощайте.

Когда б моя желала храбрость,
Потребовав, найти ответ,
Пускай поверит ваша дерзость,
Что без него я б не остался.
Спросил я, в чем была обида,
Или досада в чем была:
Он просто вежливость — вопрос мой,
Явить учтивость надлежало,
И при дворе ей обучают,
Так не пятнайте же теперь
Столицу славою дурною,

Чужой здесь вежливости учит
Тех, кто знаком с ней быть обязан.

Кто думает, что не могу
Ей обучать...

Язык сдержите,
За сталью речь.

Вполне согласен.

Кому придет охота драться!

Эй вы там, шпагу наголо!

А шпага у меня девица,
Без объяснений невозможно
Так запросто с ней обращаться.

СЦЕНА 4-я

Донья Беатрис, Клара, в мантильях. Дон Хуан и толпа. — Те же.

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан (к Дону Луису)

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Луис

Дон Хуан

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Косме

Дон Хуан

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Мануэль (в сторону)

Дон Луис (в сторону)

Косме (в сторону)

(Дон Мануэль, Дон Хуан и Косме уходят.)

Пусти же, Беатрис, меня!

Ты не пойдешь туда!

Заметь, что
С моим тут братом поединок.

Вот горе!

Я с тобою рядом.

Стой, Дон Хуан, остановись.
Ты мне не храбрости прибавил,
А делаешь меня трусливым.
Заметьте, кабальеро, если
Один дуэль я не отверг,
Теперь, когда приходит помощь,
Я поединок оставляю,
Так явно, что не трусость повод.
Идите с Богом. Не могу
Сражаться, против благородства,

С тем, кто свою являет доблесть.
Идите с Богом.

Почитаю
За блеск и тонкость чувства вас.
Но, если бы у вас случайно
Еще сомненье оставалось,
Меня найдете, где хотите.

Вам добрый час.

Вам добрый час.

Что вижу я и что я слышу!
Дон Мануэль!

Вы, Дон Хуан!

Душа моя в недоуменья,
Не ведает, что предпринять ей.
Я вижу ссору брата с другом,
(Одно и то же брат и друг)
Узнать я должен, в чем тут дело.

Причина вот. Тот кабальеро
Вступился за слугу, который
По глупости предлогом был

Того, что я с ним был невежлив.
И это все.

Коль так, позволь мне
Его обнять. Гость благородный,
Что ждем, и есть Дон Мануэль.
Брат, подойди. Вы оба бились
Равно и, доблесть показавши,
Должны вы с этого мгновенья
Друзьями быть, и быть вдвойне.
Обнимемся.

Пред тем как вас я
В объятья заключу, позвольте
Сказать мне, что, увидев храбрость
Сеньора Дон Луиса, я
Ему услуги предлагаю.

Я друг ваш, и меня печалит,
Что не узнал я вас немедля,
Мне мог бы это показать
Ваш смелый нрав.

Но ваша смелость
Меня довольно покарала.

Я ранен в руку.

Я хотел бы
Тысячекратно ранен быть.

Какая вежливая ссора!

Идемте сделать перевязку.
Ты, Дон Луис, пока побудь здесь,
Ждет Донья Беатрис меня,
Ты ей поможешь сесть в карету
И извинишься перед нею
За то, что я пред ней невежлив.
Идемте же в мой дом, сеньор,
Сказать вернее, в ваш, — там рану
Обмоем мы и перевяжем.

Да ничего.

Идем скорее.

Как это грустно для меня:
Мадрид меня встречает кровью.

Какая для меня досада,
Что так узнать и не пришлось мне,
Кто эта дама.

Заслужил
Мой господин то, что имеет:
Пускай вперед остережется
Быть Дон Кихотом перекрестков[8].

СЦЕНА 5-я

Дон Луис, Донья Беатрис, Клара, Родриго.

Дон Луис

Донья Беатрис

Дон Луис

Донья Беатрис

Дон Луис

Донья Беатрис

(Донья Беатрис и Клара уходят.)

Ну, буря пронеслась теперь.
Верните же лицу, сеньора,
Цветы, которые увяли,
Пусть больше обморочный холод

---

[8] Примечания: 8

Быть Дон Кихотом перекрестков. - Сервантесовские ассоциации часты у Кальдерона в этой комедии (напр., I, 16; II, 1; III, 1 и т. п.).

Не студит вашу красоту.

Где Дон Хуан?

Он умоляет,
Чтобы его вы извинили.
Долг отозвал его к заботам
О друге раненом сейчас.

О горе! Смерть моя! Кто ранен?
Он? Дон Хуан?

О, нет, сеньора,
Не Дон Хуан. Когда бы ранен
Был брат мой, разве смог бы я
Быть так спокоен? Не пугайтесь.
Несправедливо, чтобы оба —
Вы — впали в грусть, а я — в досаду,
Когда совсем не ранен брат.
Грусть, говорю я, — грустно видеть,
Что так печалитесь вы сильно
Воображаемой печалью,
Что жжет через мечту сильнее.

Прошу сеньора Дон Луиса
Заметить, что ценю учтивость,

И оттого, что это ваша,
И оттого, что в ней любовь.
Но не могу я отвечать вам.
В том виноваты лишь созвездья:
Где волю не являют звезды,
Там тяжбу нужно прекратить.
И если при дворе оценят
То, что бывает очень редко,
Цените же мою правдивость,
Не часто встретишь так ее.
Прощайте. Оставайтесь с Богом.

СЦЕНА 6-я

Дон Луис, Родриго.

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

(Уходят.)

Идите с Богом. Ну, Родриго,
Мне не везет. Увидел даму,
Пленяет видом. Кто она?
Хочу узнать, но я задержан
Глупцом и ссорой. Что здесь хуже?
Не знаю. Бьюсь, приходит брат мой,
И мой противник — друг ему.
Меня он оставляет с дамой,
Чтобы пред ней я извинился,
Мне в даме только огорченье.
Одна закутана до глаз
И от меня бежит проворно,
Глупец толчется по дороге,
Чужой меня убить желает,
А брат его уводит в дом
Как гостя, и другая дама
Являет мне пренебреженье.

Весьма со мной судьба сурова.

Из неприятностей таких
Какую чувствуешь ты больше?
Сказать?

Никак не угадаешь.

Всего обиднее, что брат твой
С красавицею Беатрис
Тебе сейчас внушает ревность?

Ошибся.

Ну так в чем забота?

Уж если говорить серьезно,
(Я доверяюсь лишь тебе),
В том наибольшая забота,
Что так мой брат неосторожен:
Он в дом наш приглашает гостя,
И гость, Родриго, молодой,
Сестру красивую имея,
Она вдова и молодая,
И держит так ее он скрытно,
Что солнце ведает едва

О том, она живет ли в доме.
Как родственница навещает
Ее лишь Беатрис.

Я знаю,
В таможне муж ее служил[9],
Морские получал он сборы,
И Королю остался должен
Весьма значительную сумму.
В столицу прибыла она
Тайком и здесь, уединенно
Живя, хлопочет, чтоб получше
Устроиться с его долгами.
И этим извинен твой брат.
Подумай и размысли точно:
Не позволяет положенье
Ни с кем ей заводить знакомства,
Пускай Дон Мануэль твой гость,
Ведь он сеньор и не узнает,

---

[9] Примечания: 9

Рассказ Родриго о службе покойного мужа Анхелы в таможне не столько нужен для действия, сколько свидетельствует об усилении интереса к быту и нравам (costumbres), свойственному литературе XVII в. Ср. I, 11 12, 14 и др. Интерес к бытописанию позже назывался по-испански "костумбризмом".

Что в доме женщина такая, —
Какое же тут неудобство,
Чтоб в этом доме он гостил?
Притом еще он был заботлив,
И в комнате ее проделал
На улицу другую дверь он,
А ту, что раньше в дом вела, —
Чтоб устранилось подозренье
О том, какая здесь забота,
Иль для того, чтоб можно было
Ее потом легко открыть, —
Заделал он стеклянным шкафом,
Который так устроен ловко,
Что никогда нельзя подумать,
Что в этом месте дверь была.

Смотри, чем хочешь успокоить.
Меня ты этим убиваешь:
Защита из стекла для чести —
Удар, и хрустнуло стекло.

СЦЕНА 7-я

Обиталище Доньи Анхелы в доме Дона Хуана.

Донья Анхела, Исабель.

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Дай, Исабель, мне поскорее
Мой траурный покров. (О, горе.)
Меня живой окутать в саван,
Решила так моя судьба.

Поторопись, а то несчастье:
Коль брат имеет подозренье,
Пусть не найдет он подтвержденья,

Тебя такою увидав,
Какой тебя в дворце он видел.

Бог, помоги мне! Умираю
Здесь меж стеною и стеною,
И солнце самое меня
Едва ли знает, потому что
В срок дня печаль мою не втиснешь,
И вымолвить не в состоянье
Непостоянная луна,
Что видела мои рыданья.
Поистине я взаперти
Живу, лишенная свободы,
Вдова я моего супруга,
Двух братьев суженая строгих.
И в преступленье вменят мне,
Что, низости не совершая,
А отвергая лишь опеку,
До глаз закутана покровом,
В тот славный я пошла театр,
Который голосом металла,
Могучим языком из бронзы,
Прославлен в праздничном сияньи.

Жестокая моя звезда!

Не может в этом быть сомненья,
Сеньора: ты вдова, красива,
Ты молода и так изящна, —
И вот, заботясь о тебе,
Твои тебя скрывают братья.
Признай, что вдовье положенье
К грехам любви весьма наклонно,
В особенности при дворе,
Где в наше время очень в моде
Грустящие такие вдовы;
Увижу вдовушку в печали,
И небо я благодарю:
Вот целомудрие, вот честность,
Нахмурится, едва посмотришь,
И вид у ней преображенный.
В покрове длинном что за лик!
Но, только набожность откинут
И траурный покров отбросят,
Под каждый звук они запляшут
Быстрей, чем мячик по ветрам.
Два смысла в нашем разговоре,

И мы его, сеньора, бросим.
А что же мы не говорили
О кабальеро до сих пор,
Которому ты честь вручила,
И ныне стал он твой избранник?

В моей душе ты прочитала
То, что я думаю сейчас.
Я озабочена не столько
О нем, как о себе самой же:
Чуть прочь мы, звон там шпаг раздался,
И мысль пришла мне, Исабель,
(Скорее я скажу — химера)
Что так он принял близко к сердцу
Мне сделанную неприятность,
Что, верно, шпагу обнажил,
Взяв на себя мою защиту.
Я поступила очень глупо,
Его втянувши в это дело,
Но если женщину смутишь,
Что думает она, что знает?

Не знаю, помешать он мог ли,

Но знаю, что за нами брат твой
Уж более не шел.

Постой!

СЦЕНА 8-я

Дон Луис. — Донья Анхела, Исабель.

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела (в сторону)

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Исабель (в сторону)

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела (в сторону)

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

(Уходит.)

Анхела!

Господин и брат мой,
Приходишь ты ко мне в волненьи.
Что приключилось? Что с тобою?

Со мною что? Со мною честь.

Беда! Меня узнал он верно!

И потому я озабочен,

Когда к тебе нет уваженья.

Ты неприятности имел?

Всего, пожалуй, неприятней,
Что, приходя к тебе, я с той же
Заботой остаюсь, как прежде.

Еще испуг?

Как я могла
Так причинить тебе заботу?
Заметь...

Причиною была ты.
И видеть...

Горе мне!

Анхела,
Что брат наш так тебя не чтит...

Вот это так!

Когда довольно
Тебе забот твоих, он новых
Готов прибавить. За досаду
Не он, но гость мне заплатил.
Когда его еще не знал я,

Его пророчески я ранил.

Как это было?

Я на площадь
Дворцовую пришел, сестра,
До изгороди, потому что
Ни всадникам и ни каретам
Там больше не было дороги,
И я пришел туда пешком.
К кружку друзей я направляюсь,
Они, я вижу, веселятся,
До глаз закутанная дама
Им много говорит острот,
И все они ей восхищались,
Наперерыв хваля искусство
И меткость быстрых изречений.
Но, только что я подошел,
Ни слова больше не сказала,
И кто-то наконец с вопросом
К ней обратился, почему же,
Чуть я пришел, она молчит.
Всем этим был я озадачен,

Смотрю, не знаю ли ту даму,
Но рассмотреть ее не мог я,
Закуталась она еще
И прячется, и вся есть тайна.
Не мог узнать ее, — решаюсь
Тогда идти за нею следом,
Она спешит, и каждый миг
Глядит, иду ли я за нею;
Едва оглянется, и тотчас
В том шпора моему желанью.
Так продолжалось, вдруг слуга
Сеньора, что поздней к нам гостем
Отправился, ко мне подходит
И просит, чтоб прочел письмо я,
Я отвечал, что тороплюсь,
Я думал, что меня нарочно
Он хочет задержать, я видел,
Как женщина с ним говорила,
Идя поспешно мимо них,
И так он с просьбой был упорен,
Что я не знаю, что ответил.
Тут гость наш подошел, вступаясь

За своего слугу, — весьма
Он по-военному держался.
В конце мы обнажили шпаги.
И это все. А быть могло бы
Гораздо больше.

Ну смотри,
Какая женщина дурная!
Через нее ты в затрудненье
Попал, и об заклад побьюсь я,
Ловушку ставила она,
Кто ты, совсем она не знала,
И просто очень ей хотелось,
Чтоб ты пошел за нею следом.
Вот потому-то иногда
Я говорю, быть может, лишку
Твержу тебе (коли припомнишь),
Чтоб из-за женщиной различных
В опасность ты не попадал,
У них одна всегда утеха —
Запутать и завлечь мужчину.

Что делала ты в предвечерье?

Сидела дома у себя,
Слезами только утешалась.

А с нашим братом говорила?

С утра сюда не заходил он.

Как дурно, что небрежен он!

Оставь ты эти огорченья.
Терпеть — гораздо лучше будет:
Он старший брат и он нас кормит.

Ну, если так спокойна ты,
И я спокоен, потому что
Из-за тебя я огорчался.
И, чтоб ты видела, что злого
Не чувствую, пойду к нему
И буду с ним вполне любезен.

СЦЕНА 9-я

Донья Анхела, Исабель.

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

(Уходят.)

Что скажешь ты, моя сеньора?
Какие, после наших страхов,

Здесь новости у нас в дому!
Кто жизни был твоей защитник,
Сегодня он твой гость, он ранен,
В твоем находится он доме.

Уж заподозрила о том,
Когда я, Исабель, узнала
От брата о возникшей ссоре,
А также и о том, что гостем
Был тот, кто в ссоре ранен был.
И все же не могу поверить,
Такой невероятный случай:
Едва сюда в Мадрид он прибыл,
Встречает тотчас даму он,
Которая защиты просит,
И брата, — тот наносит рану,
И брата, — тот его уводит
В гостеприимный дом к себе.
Стеченье этих обстоятельств
Настолько странно, что, хотя бы
Все и случилось так, поверю,
Когда увижу я его.

Коль таково твое желанье,
Я знаю, как его ты можешь
Увидеть, да еще и больше,
Чем видеть.

Ты сошла с ума.
Так комната моя далеко
От комнаты его!

Есть место,
Где эта комната с другою
Так сходится, что обе вплоть,
На это ты не ужасайся.

Не то, чтоб я его хотела
Увидеть, хочется лишь знать мне —
Скажи, как это может быть?
Я слушаю, и я не верю.

Не знаешь ты, что брат твой сделал
Из двери шкаф?

Я понимаю,
К чему ты разговор ведешь.
Ты говоришь, что там доска есть,
И если просверлим мы дырку,

Мы можем увидать и гостя.

Я дальше разговор веду.

Скажи.

Ту дверь совсем желая
Прикрыть, и спрятать дверь, откуда
В тот сад пройти возможно было,
А если нужно, так открыть,
Твой брат тогда распорядился
Передвижной тут шкаф поставить.
Тот шкаф (хотя стекла в нем много)
Вполне легко передвигать.
Отлично я про это знаю:
Когда я шкаф тот прибирала,
Я лестницу к нему случайно
Приставила, и он с гвоздей
Посдвинулся, и вовсе съехал,
Все вместе на пол полетело,
Когда с зацепок он сорвался,
И лестница, и шкаф, и я.
Теперь защитой он фальшивой
Стоит там, и его подвинуть,

Так там любой пройдет, сеньора.

Не будем ничего решать,
Сообразим лишь, что возможно.
Допустим, Исабель, хочу я
Пройти в ту комнату, сдвигаю
Я этот шкаф. А если кто
Его оттуда станет двигать?

Конечно, может это сделать.
Но, чтобы мы спокойны были,
Приделаем мы два гвоздя
Нарочно — шкаф открыть сумеет
Лишь тот, кто будет знать об этом.

Когда слуга придет за светом
И за бельем, скажи ему,
Что, если гость из дома выйдет,
Пусть известит тебя об этом;
Я думаю, что из-за раны
Не сляжет он теперь в постель.

И ты пойдешь туда? Решишься?

Я вздорным мучаюсь желаньем
Узнать, не тот ли это самый,

Кто так меня сегодня спас.
Когда я, Исабель, причина,
Что с ним случилась неприятность
И кровь он пролил, я о ране
Его заботиться должна,
Коль только выказать вниманье,
Могу неузнанной остаться.
Идем, должна я шкаф увидеть,
И если можно мне пройти,
О нем заботиться я буду,
А он не будет знать, откуда
Внимание к нему приходит.

Но это прямо как рассказ.
А если он его расскажет?

Он сделать этого не может.
Явил он слишком много качеств,
Он скромно-благороден был,
Меня пленивши этим сразу:
Как мужественный, был он твердым,
Как вежливый, учтиво тонким,
Как умный, сразу понял он, —

Не может он меня обидеть,
Болтливостью в заботу ввергнув:
Как мог бы злой язык испортить
Так много превосходных черт?

СЦЕНА 10-я

Комната Дона Мануэля. Подвижной шкаф с полками; на них хрусталь. Жаровня и пр.

Дон Хуан, Дон Мануэль, Слуга со свечой, затем Дон Луис и Второй Слуга.

Дон Хуан

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Мануэль

(Входит Дон Луис и Слуга с покрытой корзиной, в ней шпага, тщательно уложенная.)

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Мануэль

Пожалуйста, прошу, приляжте.

Ничтожная такая рана,
Что, право, Дон Хуан, жеманство
Нам даже говорить о ней.

Звезду мою благодарю я,
А то скорбел бы неутешно:
За удовольствие вас видеть —
Платить печалью, — знать, что вы
Здесь в доме сильно нездоровы,
И знать, что ранены рукою
Вы брата моего, хотя бы
В том не было его вины.

Он превосходный кабальеро,
Его клинок моя есть зависть,
Его манерою пленен я,
И друг ему я и слуга.

Я ваш слуга, сеньор, и это —
Мое показывает горе.
Вам жизнь мою я предлагаю,
И больше пусть в моих руках
Не остается то орудье,

Которым причинилась рана,
Мне более оно не любо,
Служить не может больше мне.
Я этой шпагою вас ранил,
Ее к ногам слагаю вашим,
Дабы прощенья попросила,
Коль виновата в чем она.
Отмстите ею, — и над нею,
И надо мной пусть будет кара.

И в храбрости и в остроумьи —
Я вами побежден во всем.
Я эту шпагу принимаю,
Со мною будет неразлучно,
Меня уча всегда быть храбрым.
Могу спокойно жить теперь:
Кто, опоясан вашей сталью,
Не будет жить вполне спокойно?
Лишь в ней мне страх грозил бы верный.

Здесь Дон Луис мне показал,
Как нужно обходиться с гостем,
И я хочу, чтоб получили

Вы также от меня подарок.

Обоим как вам отплачу!

СЦЕНА 11-я

Косме, нагруженный чемоданами и подушками.

Те же.

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Хуан

Косме

Дон Луис

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Луис

Косме

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Дон Хуан

Дон Мануэль

Дон Хуан

(В сторону.)

(Все уходят, кроме Косме.)

Чтоб двести тысяч злобных духов
Кричали о свирепстве адском
И обратились кровожадно
Из духов в двести тысяч змей,
И чтоб они меня схватили
И полетели, — лапы к небу, —
Во исполненье воли Божьей
И правосудного суда,

Но только бы без оскорблений
Мне жить в Галисии привольно,
Или в Астурии скитаться,
А не в Мадриде пребывать.

Сдержись...

Держи своя держалка.

Что говоришь?

Что говорю я.
Изменник тот, кто ход откроет
Свободный — своему врагу.

Опомнись. Где врага ты видишь?

Фонтан, и в нем вода фонтана.

Ты этим так обеспокоен?

Вот так по улице иду,
Несу подушки, чемоданы,
И хлоп в закраину фонтана,
Все так несу, как в поговорке:
Идя, ударил в грязь лицом.
Кому все это было нужно?

Ступай, ты пьян, ступай отсюда.

Когда бы пьян я был, тогда бы
Не так сердит я был с водой.
Когда в одной читаю книге,
Что льет струя, и бьют фонтаны,
И изменяются потоки,
Я этому не удивлюсь,
И удивительно ли будет,
Коль из воды вино здесь станет.

Когда он речь такую начал,
Так не окончит целый год.

Весьма он странный нрав имеет.

Хочу, чтоб только ты сказал мне
(Читать умеешь, это видно,
Ведь ты о книге говорил),
Зачем просил ты так несносно,
Чтобы тебе письмо читали?
Куда идешь?

Читаю книги,
А писем не могу читать.

Ответ удачный.

Я прошу вас,
Его всерьез не принимайте,
Себя он постепенно явит,
Увидите, что он шутник.

Из шуток я парад устрою,
И вас прошу покорно в гости.

Мне кажется еще не поздно,
И навещу я кой кого.

Я к ужину вас ожидаю.

Ты, Косме, эти чемоданы
Раскроешь и одежду вынешь.
Почистишь хорошенько все.

Коли захочешь запереть ты,
Вот ключ, — есть у меня в запасе.
Другой, на случай, если ночью
Вернусь я в слишком поздний час,
Иного нет ключа, ни двери.

(Так говорю не без причины.)
Ключ в комнате оставь, а утром
Сюда придут, чтобы прибрать.

СЦЕНА 12-я

Косме.

Косме

(Открывает чемодан и вынимает кошелек.)

(Уходит.)

Имущество мое, приди-ка,
С тобою свидеться желаю,
Хочу приметить я, насколько
В дороге потолстел мой клад.
В гостиницах или харчевнях
Счета не ткут из тонкой пряжи,
Не то, что дома, где, считая,
По ниточке тебя ведут.
В такое можно впасть стесненье,
Что бесполезно руку к сердцу
Тянуть, а лучше уж к карману
Чужому, но не своему.

Мошна, твой вид совсем прелестен,

Ты округленная такая,
Ты в путь отправилась девицей,
А путь окончила с брюшком.
Сочту-ка, что в тебе таится.
Нет, попусту растратишь время:
Каких ягнят я господину
Золоторунных продавал,
Чтоб до краев была полна ты?
Что есть, то есть, и делу крышка.
Вот чемодан его, достану
Оттуда вещи, а не то
Придет и ляжет спозаранка,
Ведь он велел мне разобраться.
Но если это он велел мне,
Я должен подчиниться вдруг?
Раз он велел, напротив нужно
Понять, что делать мне не нужно,
Ведь я слуга. А прогуляться —
Вот это надобно сейчас,
Пойти в обитель помолиться.
Ты этого желаешь, Косме?
— Желаю. — Ну идем же, Косме.

Нам час, а после господам.

СЦЕНА 13-я

Донья Анхела, Исабель, выходят через дверь, скрытую шкафом.

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

(Вынимает все в порядке перечисления и

разбрасывает вещи по комнате.)

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

(Садится писать.)

Исабель

(Вынимает деньги из кошелька и кладет в него угли.)

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

(Уходят через шкаф.)

Должно быть, комната пустая,
Родриго мне сказал, что гость наш
Ушел, ушли и братья также.

Свой опыт сделать я могу.

Ты видишь, никаких препятствий,
И здесь проход совсем свободный.

Я вижу, Исабель, напрасны
Предосторожности мои,
Мы никого не повстречали.
Дверь открывается свободно
И закрывается свободно,
Не оставляя ни следа.

Зачем пришли мы?

Чтоб вернуться.
Когда две женщины желают
Одну осуществить проделку,
Довольно помечтать о ней.
Два раза об одном и том же
Мы говорим: Ведь я решила,
Что, если гость — тот кабальеро,
Который с храбростью такой
Как мой защитник встал и бился,
Хочу ему подарок сделать.

Вот здесь принес твой брат подарок,

И шпага на столе, гляди.

Мой письменный прибор, смотри-ка?
Поди сюда.

Мой господин мне
Велел его сюда доставить,
И письменный поставить стол,
И сотней книг его украсить.

Здесь на полу два чемодана.

И отпереть. Сеньора, хочешь
Посмотрим, что там в них лежит?

Да, вздорное во мне желанье
Взглянуть, какая с ним одежда
И драгоценности какие.

Ну, кто хлопочет о солдате,
Он драгоценщик не отличный.

Что у тебя?

Бумаги, письма.

От женщины?

О, нет, сеньора,

С тетрадью сшитая тетрадь,
Какая-то, должно быть, тяжба,
Тяжелая.

Когда бы это
От женщины писанье было,
В нем легкость ощутила б ты.
Напрасно только тратишь время.

Белье тут чистое.

Как пахнет?

А пахнет просто чистотою.

Нежнейший дух из всех духов.

Три качества я замечаю:
В нем точность, чистота и мягкость.
Но что это, сеньора? Видишь?
Железки разные в мешке.

Дай посмотреть. Уж не мешок ли
Зубоврачебных инструментов?
Но вот щипцы, чтоб завиваться,
А это — волосы поднять.
А это — чтоб усы крутились.

При сем гребенка, с нею щетка.
В таком здесь все лежит порядке,
Что верно на его башмак
Найдется должная колодка.

Откуда это заключаешь?

Оттуда, что ее я вижу.

Что там еще?

А вот. При сем
Вторая связка, в лике писем.

Подай-ка. Женские, конечно,
И не одно писанье только,
Портрет.

Что в том тебя дивит?

Смотрю на красоту — пленяет
Нас красота и на картине.

Досадуешь, портрет увидя?

Вот глупость. Больше не смотри.

Теперь что замышляешь сделать?

Хочу ему письмо оставить.

Возьми портрет.

Я в это время
Взгляну-ка в чемодан слуги.
Тут деньги. Медные монеты,
Размеров пребольших и наглых,
В том обществе, где золотые
Как короли, а серебро
Как принцы, это чернь простая.
Проделаю над ним я штуку,
Над тем лакеем, деньги выну
И угли положу в мошну.
Мне скажут: Где же к черту угли
Возьмет здесь женщина? Забыли,
Что в ноябре все происходит,
И в комнате жаровня есть.

Вот написала. Как считаешь?
Куда бы положить письмо мне,
Чтоб брат, сюда придя случайно,
Его никак не увидал?

Под покрывало на подушку, —
Когда постель свою откроет,

Письмо наверно он увидит,
Пока же — там надежен клад.

Совет отличный. Так скорее
Клади письмо и прибери все.

Дверь отпирают, ключ я слышу.

Тогда оставь все, Исабель,
Как есть, и спрячемся скорее.

Шкаф создал нас — в него уходим.

СЦЕНА 14-я

Косме.

Косме

(Рассматривает содержимое кошелька.)

Себе я послужил довольно,
Так за один и тот же счет
И господину мы послужим.
Но видно, что с аукциона
Все наше тут распродается?
Так и пошли мы с молотка?
Здесь прямо рыночная площадь.

Кто тут? Молчанье, слава Богу.
Нет никого, а если кто-то
Укрыт, желает он молчать.
Пожалуйста, не говорите,
Говорунов не уважаю,
Но, если говорить по правде,
Шепнуть тихонько на ушко —
Весь трепещу я от испуга.
Но изучатель чемоданов
Вещей искал напрасно ценных,
И пусть себе их ворошит,
Лишь деньги бы мои не тронул,
А там хоть триста раз являйся.
Но, что я вижу! О, Всевышний!

Он в уголь деньги превратил.
Ой, привиденье, привиденье,
Ты привидение презлое,
Ты превращай свои монеты,
Не деньги те, что я украл.

СЦЕНА 15-я

Дон Мануэль, Дон Хуан, Дон Луис. — Косме.

Дон Хуан

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

Дон Хуан

Косме

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Хуан

(Уходит.)

Дон Луис

(Уходит.)

Что ты кричишь?

Что приключилось?

Что здесь такое? Говори же.

Мне нравятся манеры эти!
Сеньор, коль у тебя жильцом
Здесь привиденье в этом доме,
Зачем же нам тут быть гостями?
Я на минутку отлучился,
И вот как вещи я нашел,
Таким путем, таким манером
Разбросаны они повсюду,
И кажется, что все богатство
Распродается с молотка.

Пропало что-нибудь?

Все цело.
Вот только в этом кошельке
Деньжонки были, сбереженья,
Так вместо денег угли там.

Да, понимаю.

Но как глупо!

Ни красоты, ни смысла в шутке.

Я вовсе не шучу, ей Богу.

Молчи, такой ты — как всегда.

Что правда, правда; но порою
Бываю в здравом я рассудке.

Дон Мануэль, покойной ночи,
Ложитесь с Богом, и пускай
Вас привиденье не тревожит.
Слуге же своему скажите,
Чтоб шутки выдумал другие.

Недаром же так храбры вы,
Вам с обнаженной шпагой нужно
Всегда распутать неприятность,
А неприятностей довольно
Приносит этот вам глупец.

СЦЕНА 16-я

Дон Мануэль, Косме.

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Входит в альков.)

Косме

(Дон Мануэль возвращается с письмом.)

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Читает.)

Косме

Дон Мануэль

(Читает.)

Как говорят со мной, ты видишь?
Меня считают сумасшедшим

За то, что я терплю такого,
Как ты. Куда бы ни пошел,
С тобой мне всюду неприятность.

Ты здесь один, и шуток строить
Я так лицом к лицу не буду,
Ведь ты еще мне не отец.
Пусть дьяволы меня уносят,
Пусть две их тысячи примчатся,
Коли неправду говорю я,
И кто-то, — кто бы ни был там, —
А эту всю стряпню состряпал.

Прикрыть свою ты хочешь глупость.
Все собери, что разбросал ты,
И спать ложись.

Сеньор, пускай
К галере буду я прикован...

Молчи, молчи, а то сейчас же
Ты в голову удар получишь.

Весьма я был бы огорчен,
Случись подобное со мною.
Ну что же, снова в чемоданы

Я всю эту начинку втисну.
О, небо, если б я имел
Трубу — суда вещей домашних!
Я протрубил бы возглас судный,
И каждая была б на месте.

Скорей мне, Косме, посвети.

Что там с тобой, сеньор, случилось?
Людей каких-нибудь ты встретил?

Постель я, Косме, открываю,
Хочу уже ложиться спать,
И нахожу под покрывалом
Письмо, а на конверте надпись,
Которой очень удивлен я.

Кому?

Да мне, но странно так.

Что там написано?

Вот, слушай.

"Никто меня да не откроет.
Принадлежу Дон Мануэлю".

Хвала же Господу, что ты

Теперь поверить мне обязан.
Не открывай письмо, покуда
Не скажешь заклинаний должных.

Я новизной всего смущен,
А вовсе не испуган, Косме.
И удивление — не страх.

"Весьма заботит меня ваше здоровье, ибо я была причиною вашей опасности[10]. И потому, благодарная и огорченная, умоляю вас известить меня о нем и принять мои услуги. И для того и для другого случай найдется, ответ можно оставить там, где вы нашли это письмо. Заметьте, что во всем этом должно соблюсти тайну, ибо в тот день, когда кто-нибудь из друзей об этом узнает, я потеряю честь и жизнь".

Косме

Дон Мануэль

---

[10] Примечания: 10

Весьма заботит меня ваше здоровье, ибо я была причина вашей опасности. - Архаизмы письма доньи Анхелы, с одной стороны - стилизация "рыцарского стиля", образцы которого были всем известны по "Дон Кихоту"; с другой - очень напоминают начало "Неистового Роланда" Ариосто.

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Сколь странный случай!

Разве странный?

Тебя не удивляет это?

Напротив, все теперь мне ясно.

Как так?

Вполне уверен я,
Что та закутанная дама,
Которая так убегала

От Дон Луиса, это дама
Его, я не могу сказать
Жена, когда еще он холост.
А если это так, в чем трудность,
Чтоб в доме, где живет любимый,
Нашлась надежная рука,
И ей сюда открылся доступ?

Придумано совсем отлично.
Но страх мой продолжает дальше.
Пускай его тут дама. Так.
С чем вас, сеньор, я поздравляю.
Но, улицею пробегая, —
То, что должно случиться было,
Как угадать могла она,
Чтоб вдруг письмо так приготовить?

Тогда, когда уж все случилось,
Отдать письмо могла кому-то,
Слуге, который взял его.

Но, если б даже так, — как мог бы
Его он положить в постели?
С тех пор, как в комнату вошел я,

Никто сюда не приходил.

Могло случиться это раньше.

Могло. А эти чемоданы?
А перевернутые вещи?
И тут готовое письмо?
Пожалуй, дело здесь сложнее.

Взгляни-ка, заперты ли окна.

Засовами, и за решеткой.

Опять в сомнение я впал,
И много в мысли подозрений.

В чем подозренья?

Не сумею
Их изъяснить.

Что ж хочешь сделать?

Хочу писать и отвечать,
Пока не разъясню, в чем дело,
Писать в таком я буду тоне,
Чтоб было видно, что ни страха,
Ни удивленья нет во мне.
Я убежден, что будет случай,

И натолкнемся на того мы,
Кто будет приносить мне письма
И за ответом приходить.

Хозяевам о том ни слова?

Ни слова. Не могу доставить
Зла женщине, ко мне с доверьем
Отнесшейся.

Ты оскорбишь
Того, кто, думаешь, ей милый?

Нет, потому что с ней мне можно
Не сделать ничего дурного.

Нет, мой сеньор, побольше тут,
Чем ты сейчас предполагаешь,
И с каждым доводом, я чую,
Ты только множишь подозренья.

В чем дело?

Письма от тебя
Уходят и к тебе приходят,
И сколько ты следить ни будешь,
А все же тут нечисто дело.

Что полагаешь ты о том?

Я полагаю, что возможно
Войти и выйти очень ловко,
Что в комнате, быть может, место
Есть потайное, скрытый вход.
Об этом обо всем гадая,
Могу я, Косме, ум утратить,
Но в сверхъестественное верить,
Уволь, никак я не могу.

Нет привидений?

Кто их видел!

Нет домовых?

Воображенье.

Колдуний?

Вздор.

А ведьм?

Ошибка.

А духов страсти?

Сущий бред.

Волшебниц?

Тоже нет на свете.

А фей?

Безумье.

Чародеев?

Нелепость.

Одержимых бесом?

Ты сумасшедший.

Пойман ты!
А дьяволов?

Без важной власти.

А душ Чистилища?

Они-то
Меня влюбляют? Ну и глупость.
Оставь меня. Ты надоел.

Что ж наконец решаешь делать?

Следить, следить и днем и ночью,
С вниманьем самым неослабным,
(Разгадку этим я найду) —

Не веря в домовых, ни в духов.

Я думаю, есть некий демон,
И там он действовать повинен,
Где курят и пускают дым.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Обиталище Доньи Анхелы.

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

(Читает.)

О необычном говоришь мне.

О необычном, ты сказала?
Постой. Еще конец узнаешь.
На чем остановились мы?

На том, что через шкаф проникла

В его ты комнату спокойно,
И так заметить это трудно,
Как открывать его легко.
Ему письмо ты написала,
И день спустя ответ имела.

Так я скажу: Такого стиля
Я не видала никогда.
В волшебное он приключенье
Свою примешивает шутку
И странствующим подражает
Он рыцарям, чей путь всегда
Таких исполнен приключений.
Вот от него я получила
Письмо, которое охотно
Я, Беатрис, тебе прочту.

"Красивая волшебница, кто бы ни были вы, Этому рыцарю томимому сострадающая и с достаточным участием заботы его уменьшающая, молю вас, соизвольте меня осведомить, кто он, жестокосердец низкий, кто он, языческий злодей, который в злых чарах вас держит окованную, дабы вторично во имя ваше, излеченный от минувших ран, вступил я в битву необычную, хотя бы должен был в ней умереть, ибо в жизни не более преимуществ, чем в смерти, если рыцарь наклонен исполнить свой долг. Даятель света вас да защитит, и меня да не забудет.

***Рыцарь Дамы Невидимки*[11]".**

Донья Беатрис

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

---

[11] Примечания: 11

Рыцарь Дамы Невидимки. — Возможно, навеяно аналогичным пародированием рыцарского стиля в "Дон Кихоте" Сервантеса.

Донья Беатрис

Клянусь, написано прекрасно,
И самый слог весьма подходит
К необычайному событью.

Я изумления ждала.
Когда ж ответ я прочитала
И вижу вместо дивованья
Изящную такую шутку,
Решила я продолжить стиль
И, отвечая, сообщила...

Постой, не делай сообщений,
Там Дон Хуан, твой брат, приходит.

Сомненья нет, приходит он,
Чтобы, как любящий и верный,
Тебя благодарить за счастье
С тобою, Беатрис, беседу
Здесь в доме у себя вести.

Я рада, говоря по правде.

СЦЕНА 2-я

Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан

Донья Беатрис

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

(Хочет уйти.)

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

(Уходит.)

Нет худа без добра, вещает
Пословица, и это правда,
Я вижу это на себе,
Мне радость в вашем огорченьи.

Узнал я, что отец ваш с вами
Имел суровую беседу,
Пленительная Беатрис,
И оттого к нам в дом пришли вы,
Без удовольствия, пожалуй.
Мне грустно, что в печали вашей
Себе я радость нахожу.
Мне грустно, что в моей отраде
Для нас одно лишь огорченье,
Не чувствую того несчастьем,
Что вас приводит к нам сейчас.
Любовь здесь действует различно:
В вас болью, а во мне восторгом,
В чем свойства, говорят, ехидны,
Что сразу порождает яд
И вместе с ним противоядье.
Добро пожаловать к нам в гости,
Хоть прогостите вы недолго,
Все ж вместе с ангелом на миг
Возможно здесь увидеть солнце.

Вы сожаленья и приветы
Перемешали так учтиво,

Что отвечать мне нелегко.
С отцом имела объясненье;
Причина вы; хоть он не знает,
Кто был тот притязатель нежный,
Но знает, что с балкона я
Там ночью с кем-то говорила,
И до тех пор, пока досада
В нем не пройдет, должна остаться
С двоюродной моей сестрой,
В чью добродетель он так верит.
Я вам скажу — того довольно,
Что нравится мне неприятность:
Ведь и во мне самой любовь
Влиянье разно проявляет.
Лучи роняя золотые,
Так солнце действует различно:
Один цветок сейчас умрет,
Другой мгновенно расцветает.
Любовь, светя мне в сердце, ранит
Заботу в нем и убивает,
И в сердце радость расцвела,
Что нахожусь я в вашем доме,

В алмазной сфере, где и солнцу
Чертог является завидный,
И ангелу найдется кров[12].

Два любящих в любовь играют,
И выигрыш у них отличный:
Иначе как бы так охотно
Вы мне дарили это все?

Ты знаешь, что, сестра, пришло мне
На ум? Чтоб отомстить за гостя,
Который так тебя заботит
Своим присутствием, решила
Ты эту гостью отыскать,
Чтоб я в такой же был заботе.

Ты хорошо сказал, и это
Я сделала, чтобы возможность
Имел ты быть приятным ей.

Я этой местью осчастливлен.

Что, Дон Хуан, ты хочешь сделать?

---

[12] Примечания: 12

И ангелу найдется кров. - Трудно переводимая игра слов, построенная в оригинале на омонимичности слова "angel" (ангел) и имени "Angela" (Анхела).

Куда идешь?

Иду — услугу
Для Беатрис осуществлять.
Лишь для тебя — тебя оставить
Могу.

Пусть он идет спокойно.

Бог да хранит вас.

СЦЕНА 3-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Донья Беатрис

(Хочет уйти.)

Да, заботит
Тот гость меня, и так сильна
Моя сейчас о нем забота,
Что неизвестно мне, живу ли
Иль не живу, как он не знает,

Живет ли, не живет ли он[13].
Но я с тобой, и ту заботу
Могу легко сейчас развеять,
Пускай там гость, и ты здесь гостья,
И в этом вовсе мы равны.

Лишь потому не огорчаюсь
Его отсутствием, что знать мне
Так хочется конец рассказа.

Чтобы тебя не утомлять,
Скажу, что письма уходили,
И получала я ответы,
В которых столько чувств изящных,
Что их достойно получать.
В них так серьезное сквозь шутку
Сквозит, что равного не знала.

Что ж, наконец, он полагает?

Что дама Дон Луиса я.
Два обстоятельства он вместе

---

[13] Примечания: 13

... как он не знает, // Живет ли, не живет ли он. - Барочное сомнение. На более глубоком уровне такое сомнение возникает как один из основных мотивов драмы "Жизнь есть сон".

Сопоставляет: то, что скрылась
Я от него, и что имею
От комнаты другой я ключ.

Меня одно лишь удивляет.

А именно?

Как человек тот,
Узнав, что кто-то носит письма
И кто-то получает их,
Не подстерег тебя ни разу?

Он сделать этого не может.
Там около его порога
Всегда следят за тем, кто внутрь
Пришел, и кто ушел оттуда,
И Исабель туда не входит,
Заранее не убедившись,
Что в комнате нет никого.
Однажды это уж случилось,
Подружка милая: день целый
Слуга выслеживал и ждал там,
И по-пустому он сидел;
Была напрасна та забота.

Да, Исабель, чтоб не забыть:
Ты в подходящую минуту
С собой возьмешь корзину эту.

Еще одно соображенье.
Как можешь ты его хвалить,
Что так умен он и находчив,
Когда в подобном приключенья
Он тайну шкафа не способен,
Нередкостную, разгадать?

А помнишь, некий Хуанело
Яйцо стоймя сумел поставить[14],
Хоть умные с ним тщетно бились,
Толпясь пред яшмовым столбом?
А Хуанело, подошедши,
Чуть-чуть ударил, сразу встало.
Все трудности большие трудны,
Пока не знаешь тайну их.
И все легко, когда узнаешь.

---

[14] Примечания: 14

... некий Хуанело // Яйцо стоймя сумел поставить... - В Испании известный анекдот приписывался не только Колумбу, но и итальянскому часовщику XVI в., работавшему в Испании, Хуанело, механику и строителю, автору проекта поднятия реки Тахо у города Толедо.

Еще вопрос.

Я жду. Какой же?

Что думаешь извлечь из этих
Безумств?

Сама не знаю я.
Тебе я раньше говорила,
Что выказать ему хотела
Признательность, и позабавить
Себя в своих печальных днях,
Пускай хотя бы только это.
Но нет, я так глупа и вздорна,
Что ревность к женскому портрету
Я чувствую, который он
Хранит, и только будет случай,
Хочу войти туда, я тотчас
Его возьму. Как мне признаться?
Решила даже я его
Увидеть, с ним вести беседу.

Кто ты, ему сказать не хочешь?

Да Боже упаси. Как можно?
И он, как полагаю я,

Такой измены не свершил бы
Перед хозяином и другом.
Из-за того лишь, что считает
Меня он дамою его,
Он так мне пишет боязливо,
Учтиво, робко и смущенно.
И в неприятности подобной
Совсем я не желаю быть.

Так как же он тебя увидит?

Узнай же, как я все устрою
Преудивительно, меж тем как
Не буду в комнате его,
Что было б для меня опасно,
А он придет, не зная, где он.

Другой выходит брат на сцену,
Сейчас здесь будет Дон Луис.

Ты после обо всем узнаешь.

Какое разное влиянье
Судьбы и как в заслугах равных
Так расстоянье велико,
Что то же самое желанье

В одном — обязывает нежно,
В другом — всего лишь утомляет.
Идем отсюда, не хочу,
Чтоб Дон Луис со мной был вместе.

СЦЕНА 4-я

Дон Луис. — Те же.

Дон Луис

Донья Беатрис

Дон Луис

Донья Беатрис

Дон Луис

Донья Беатрис

(Хочет уйти, Дон Луис ее задерживает.)

Дон Луис

Донья Беатрис

(Уходит.)

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

(Уходят.)

Зачем уходите отсюда?

Лишь потому спешу отсюда,
Что вы приходите сюда.

Свет красоты, воздушно-чистой,
Прозрачней солнечного дня,
Зачем бежишь ты от меня?
Я разве сумрак ночи мглистой?
Пусть довод за меня речистый
В том будет, что тебя сейчас
Я задержу на этот раз:
Коль даже в этом затрудненье,
Я тверд в решении своем,
И не прошу я позволенья,
Коль ты отказываешь в нем.
Твоя суровость необычна,
И благосклонностью ко мне
Да не приснится мне во сне
То, что лишь было бы прилично,

Что как учтивость, столь обычно.
Безумиям любви моей,
Я знаю, нет здесь снисхожденья,
Она встречает лишь презренье,
Но чем ты строже, тем сильней
Тебя люблю — во имя мщенья.
Чем больше мучаешь меня,
Тем больше не даешь мне славы:
Приняв от тебя отравы,
Люблю вдвойне, печаль гоня.
И если моего огня,
Меня чуждаясь, ты не хочешь,
И пытку новую мне прочишь,
И если я струю лучи,
А ты желаешь быть зимою,
Две крайности мы здесь с тобою,
Пойми, как чувства горячи,
И научись любить душою,
Иль ненавидеть научи.
Учи меня зиме холодной,
Я научу тебя весне;
Свою отдай всю строгость мне,

Я дам тебе порыв свободный;
Мы будем в той игре несходной
Я память и забвенье ты,
И я любовь, а ты презренье;
Хоть много лучше, без сравненья,
Любви дать больше красоты,
Любовь есть Бог, — пренебреженье
Пусть будет за двоих в тебе,
И за двоих во мне влюбленье,
Любовь с покорностью судьбе.

Вы сетуете так учтиво,
Что и хотела бы я грусть
Утешить, но не буду. Пусть
Вновь жалоба журчит красиво.

Мне казнь настолько особливо
Дана, что я уже привык
Пренебреженья знать язык.

Его вы дальше изучайте
И одиночество вкушайте,
Чтоб дух еще в него проник.

Быть может, ты захочешь мщенья,

Давай вдвоем страдать сейчас.

Я слушать не желаю вас.
Подруга, до тебя моленье:
Сдержи его, пока из глаз
Исчезну.

Где же уваженье
К себе, что столько ты зараз
Способен видеть небреженья?

Сестра, о что ж мне предпринять?

Дать всем страданиям забвенье.
Любить, внушая отвращенье,
То не любить, а умирать.

Когда я презрен, как я буду
Искать забвения? Нельзя.
Пусть улыбнется — в том стезя:
Обласканный, ее забуду.
Обиженный, я должен к чуду
Стремиться, пусть его и нет.
Но снится сон мне невозможный.
Ведь даже самый осторожный,
Когда несет он бремя бед,

Из тьмы выносит скорбь на свет.
Кто сердцем знал благоволенье,
Легко тот ведает забвенье,
В благоволеньи боли нет,
Но не забудешь оскорбленье.

СЦЕНА 5-я

Родриго. — Дон Луис.

Родриго

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

Родриго

Дон Луис

Родриго

Откуда ты?

Я сам не знаю.

Мне кажется, что ты расстроен.
Причину мне не скажешь ты?

Я с Доньей Беатрис был вместе,
С ней говорил.

Ни слова больше.
Мне видно, там какой с тобою
Сейчас у ней был разговор.
Но где? Ее я здесь не видел.

Гостит безжалостная в доме
Там у сестры. Недоставало
Еще и этой боли мне,
Что здесь она живет как гостья.
Так брат с сестрою ежедневно
Куют мне всяческие козни:
Через одного — Дон Мануэль,
И Донья Беатрис приходит
Через другую, чтобы в доме
Я ревновать имел причину.

Тихонько, он идет сюда.

СЦЕНА 6-я

Дон Мануэль. — Те же.

Дон Мануэль (в сторону)

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис (в сторону)

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

(Дон Луис и Родриго уходят.)

С кем в мире что-нибудь такое
Случалось? Что мне сделать, небо,
Чтобы распутать эту тайну,
Без колебания узнать,
Возлюбленная Дон Луиса
Она иль нет, — и как сумела
Создать так много ухищрений?

Сеньор Дон Мануэль, привет.

Привет сеньору Дон Луису.

Откуда путь ваш?

Из дворца я.

Вопрос мой был совсем излишний.
Коли о чем хлопочет кто,
Так можно знать, куда идет он,
Или откуда он приходит:
В дворец уходят все дороги,
Как в средоточие путей.

Когда б я лишь в дворец стремился,

Я мог бы и не торопиться,
Но бесконечное стремленье
Уводит далее меня.
Его Величество сегодня
В Эскориале[15]*, — донесенья*
Ему туда свезти мне нужно,
Затем что важные они.

Коль чем могу вам послужить я,
Вы знаете, что ваш всегда я.

За эту милость преклоняясь,
Целую ваши руки я.

В том не пустое только слово.

Желание я в этом вижу,
Чтоб преуспел я.

Это правда.
Скорей окончишь ты дела.

Но разве будет справедливо,

---

[15] Примечания: 15

Его Величество сегодня // В Эскориале... - Эскориал - знаменитый монастырь-дворец недалеко от Мадрида, построенный по проекту архитекторов Хуана Баутиста де Толедо, Хуана де Эррера и Франсиско де Мора в правление Филиппа II. Дворец был основан в честь победы над Францией при Сен-Кантене в 1574 г.

Чтоб столь изящный кабальеро
Был скукою хлопот подобных
От развлечений отвлечен?
За несомненное считаю,
Что вас зовут часы к усладам,
И это было бы ошибкой,
Когда бы вас я звал с собой.

Когда бы привелось вам слышать
Сейчас мой разговор с Родриго,
Вы так бы мне не говорили.

Я, значит, все же угадал?

Да, потому что хоть суровость
Я красоты одной надменной
И возглашал, но небреженье
Способно так же поглотить,
Как благосклонность, понуждая
Мечту — искать уединенья.

Ужели так вы несчастливы?

Люблю я чары красоты,
Но без звезды благоволящей.

Со мной скрываетесь вы верно.

Когда б на это воля неба!
Но столь несчастным я рожден,
Что эта красота упорно
Меня бежит, как сумрак ночи
Бежит сияния рассвета,
И жжет меня блеснувший день.
Хотите знать, какая крайность
В моей судьбе неблагосклонной?
Чтоб я не шел за нею следом
И о любви не говорил,
Другую личность попросила,
Чтобы задержан был я ею.
Возможна ль большая суровость?
Все ищут помощи других
Для достижения свиданья,
Но помощи она желает,
Чтобы свидания избегнуть!

СЦЕНА 7-я

Дон Мануэль.

Дон Мануэль

Что нужно больше объяснять!
Та женщина, что убегала
Его исканий и просила
Другую личность, чтоб стремленью
Его была преграда в ней,
Меня он разумеет с нею.
Я разъяснил одно сомненье,
Но, если разговор с ней был,
Не дама же она его:
Будь с ним она в его же доме,
Он не был бы в пренебреженьи,
И в большем я еще сомненьи:
Раз не любимая его
И не живет с ним в доме вместе,
Так как же пишет, отвечает?
Едва один обман рассеян,
Как новый уж готов обман.
Что делать мне? Воображенье
На смуту громоздит смущенье.
Иметь так с женщиною дело,
Да упаси тебя Господь!

СЦЕНА 8-я

Косме. — Дон Мануэль.

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Уходит.)

Косме

(Уходит.)

Сеньор, как дело с привиденьем?
Быть может, видел невидимку?
Меня утешило бы слышать,

Что привиденья больше нет.

Потише говори.

Мне нужно
Идти к нам в комнату, не смею.

А в чем же дело?

Дело в страхе.

Мужчине говорить про страх?

Он говорить-то и не должен,
Да что же делать, если страшно,
Когда такие приключенья?

Ты эти глупости оставь.
Свет принеси, писать мне нужно,
И приготовиться к отъезду —
Сегодня к ночи из Мадрида
Я должен выехать.

Так, так.
Ты этим говоришь, что тоже
И ты достаточно испуган.

Напротив, просто я вниманья
Не обращаю на тебя.

Другими занят я делами,
О них сейчас и размышляю.
Но даром время я теряю
Перед отъездом, я пойду
Сейчас проститься с Дон Хуаном.
Зажги мне свет.

Зажгу, конечно.
И привиденью будет видно,
Не быть ему всегда впотьмах.
Тут свечечка вот есть такая,
Там лампочка вон умирает,
Зажгу одну я о другую.
Не ловкий разве человек?
А между делом я и делом
Не трачу понапрасну время,
А трепещу себе от страха.

СЦЕНА 9-я

Комната Дона Мануэля.

Исабель, выходит из-за шкафа, с покрытой корзиной.

Исабель

Они ушли, сказал слуга.
Как раз минута, чтоб поставить
С бельем корзину в должном месте.
Беда. Темно. Полна я страха.
Самой себя боюсь впотьмах.
Я вся дрожу. Господь Всевышний!
Я первое из привидений,
Которое взывает к Богу.
И стол никак я не найду.
Что буду делать? От испуга
Совсем забыла, где я в зале.
Куда иду, не понимаю.
И как мне быть здесь? Где же стол?
О, Господи! Коль не сумею
Отсюда вовремя я выйти,
И в комнате меня увидят,
В минуту прахом все падет.
Мне страшно, страшно, а к тому же,
И дверь, я слышу, открывают,
И кто приходит, он со светом.
Ну, приключению конец,

Ни скрыться негде мне, ни выйти.

СЦЕНА 10-я

Косме, со светильником. — Исабель.

Косме

(Идет вперед, Исабель сзади него, ускользая от возможности, чтоб он ее увидал.)

Исабель (в сторону)

Косме

Исабель (в сторону)

(Ударяет его и тушит свет.)

Косме

Исабель

Прошу покорно, невидимка,
Коль благородным привиденьям
Покорность нравится, молю,
Меня не вспомнить в колдованьях
И позабыть при чарованьях,
Четыре довода при этом
Для убежденья привожу:

И первый, мы же сговорились;

Второй вам ведом, ваша милость;
И третий, меж людей разумных...
Четвертый, эти вот стихи[16]*:*
Сеньора Невидимка
Меня вы пожалейте,
Ведь я совсем малютка,
Таких страстей не знал.

Теперь при свете ясно вижу,
Как в комнате идти мне нужно,
И он меня еще не видел.
Что если погашу я свет?
Пока он вновь зажжет светильник,
Уйти отсюда я успею.
Пусть он меня сейчас услышит,
Меня не сможет увидать.
Тут две беды, и эта меньше.

Страх — музыкант, и я танцую.

Так — этого сейчас достигну.

---

[16] Примечания: 16

Четвертый, эти вот стихи... - Куплет, который поет Косме, пародирует испанскую народную песенку.

О, несчастливец, я убит.

Священника!

Теперь спасайся!

СЦЕНА 11-я

Дон Мануэль. — Исабель, Косме.

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Исабель (в сторону)

Дон Мануэль

(Исабель наталкивается на Дона Мануэля, и он ухватывается за ее корзину.)

Исабель (в сторону)

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

(Уходит.)

Исабель (в сторону)

(Уходит, оставляя корзину в его руках.)

Дон Мануэль

Что это означает, Косме?
Без света ты?

Тут привиденье
Одним дыханьем ледяным
Двоих горячих умертвило,
Меня и свет.

Ты все боишься,
И наяву тебе тут снится.

Боками я за то плачу.

О, если б только дверь найти мне!

Кто тут?

Вот это много хуже:
На господина наскочила.

Свет, Косме, принеси скорей,
Мне кто-то в руки здесь попался.

Не выпускай его!

Скорее!
Не выпущу!

Держи покрепче!

Корзину крепко он схватил,
Пускай с добычей остается.
Я шкаф нашла. И до свиданья.

Кто б ни был ты, стой без движенья,
Покуда свет не принесут,
Иначе я, клянуся Богом,
Кинжал играть заставлю быстро.
Но я лишь воздух обнимаю,
Я ощущаю только ткань,
Там что-то легкое по весу.
Что может это быть? О, Боже!
Кто видел большее смущенье?

СЦЕНА 12-я

Косме, со светом. — Дон Мануэль.

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Читает.)

Ну, привидение, на свет.
Но где же? Разве не держал ты
Его в руках? Сеньор, в чем дело?

Я сам не знаю, что ответить.
В моих руках одно белье,

А привиденье убежало.

Ну, что же ты об этом скажешь?
Ведь сам сказал — его ты держишь,
А словно ветер, нет его.

Скажу тебе, что та особа,
Которая весьма искусно
Сюда приходит и отсюда
Уходит, в темноте была
Сегодня вечером со мною.
Чтобы могла отсюда выйти,
Она светильник погасила
В твоих руках, — в руках моих
Оставила корзину эту
И прочь поспешно убежала.

Каким путем?

Вот этой дверью.

Чтоб я рехнулся, хочешь ты?
Клянусь, я видел привиденье,
В последнем свете догоравшем,
Который тлел еще немного.

Какое же оно на вид?

Монашек, росту небольшого,
Под клобуком, как будто рожки
На голове, длины изрядной,
То привиденье — капуцин.

Что не привидится от страха!
Ну, посвети сюда поближе,
Посмотрим, что принес монашек.
Корзину эту подержи.

Корзину адскую держать мне?

Держи.

Сеньор, нечисты руки,
Свеча накапала мне сала,
И я запачкаю тафту,
Ты на пол бы ее поставил.

Белье здесь чистое в корзине.
И в нем письмо лежит. Посмотрим,
Умеет ли писать монах.

"В то короткое время, что вы живете в этом доме, нельзя было более пригото-

вить белья. По мере того как оно будет готовым, его будут приносить. Касательно того, что вы говорите о друге, в убеждении, что я дама Дона Луиса, уверяю вас, что не только я не его дама, но и не могу ей быть. И об этом при личном свидании, которое не замедлит. Да хранит вас Бог".

Косме

Дон Мануэль

(Дает бумаги Косме, тот кладет их на стул. Дон Мануэль пишет.)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Оно крещеное, виденье,

Припоминает имя Божье.

Вот видишь, привиденье это,
Богобоязненно оно.

Уж поздно. Уложи скорее
И чемоданы и подушки,
Вложи в портфель бумаги эти,
Их отвезти — в том дело все.
Пока укладываться будешь,
Я привидению отвечу.

Тут я покуда положу их,
Чтобы держать их под рукой
И не забыть. Спрошу я только:
Теперь ты веришь в привиденья?

Вот глупости и небылицы.

Да, небылица хороша.
Что ж, не было того, что было,
И ты не получил по ветру
Подарок в руки? Это глупость?
Ты, впрочем, совершенно прав:
Тебе одни услады в этом.
Но мне дай верить, потому что
Мне неприятности на долю.

Каким же образом?

А так —
У нас все вещи вверх ногами, —
Находишь это ты забавным,
А я их приводи в порядок,
Моя работа не мала.
Тебе сюда приносят письма,
Уносят от тебя ответы, —
А у меня уносят деньги,
Приносят угли мне взамен.
Даруют сладости, — немедля
Ты их вкушаешь, как отшельник,
А я пошусь, как всякий грешник,
До сладостей мне хода нет.
Тебе платки, рубашки, брыжжи,
А мне испуг — про это слышать.
Домой приходим мы, — и тотчас
Тебе корзину подают,
Благопристойно и удобно, —
А мне сейчас дают в загривок,
Такой ударище по шее,
Что мозг я выплюнуть готов.

И словом, для тебя, сеньор мой,
Лишь удовольствия по вкусу,
А для меня одни ущербы
И в добавление испуг.
Так привидение по правде
Тебя рукой ласкает мягкой,
Когда ж оно ко мне доходит,
Уж тут железная рука.
Позволь же наконец мне верить,
Нельзя испытывать терпенье,
И отрицать — что человеку
Пришлось загорбком воспринять.

Окончи быстро чемоданы,
И в путь. Там в комнате покуда
У Дон Хуана подожду я.

Так что же делать мне еще?
Ты черный плащ надел[17]*, и баста.*

Запри и ключ возьми с собою,
А раз в нем надобность возникнет,

---

[17] Примечания: 17

Ты черный плащ надел... - Согласно этикету, на дворцовые приемы полагалось являться в черной одежде.

Пока в отлучке мы с тобой,
Другой есть ключ у Дон Хуана.
Смущен, что разгадать мне это
Не удалось, но время терпит.
Честь дома моего зовет
С надеждою на повышенье,
И удовольствие мне только:
Так меж двух граней все неважно,
И важности главнейшей — честь.

СЦЕНА 13-я

Комната Доньи Анхелы.

Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Такое было испытанье?

Я думала, что колдованье
Все кончилось: Увидит он
И вмиг о всем оповещен.
Беда к нам шла, и очень скоро,
Ведь все бы он узнал, сеньора.
Но ускользнуть сумела я.

Как странно!

Тайна тем твоя
Весьма усилена: Корзина,
И никого, и в чем причина?

И если, хитростью моей,
Я с ним увижусь, разумей,
Как он, — (не может быть сомненья),
—
Весь будет полон изумленья.

Как тут внимательным ни будь,
А можно каждого вспугнуть,

Когда, Анхела, он нежданно
Увидит, как кругом все странно:
Вот новизна со всех сторон,
И с дамою красивой он,
Она богата и прелестна,
А где все это, неизвестно.
А после (так решила ты),
Весь в ощущеньи слепоты,
С завязанными он глазами
Уйдет безвестными путями.
Еще бы не дивился он,
Совсем растерян и смущен!

Так будет все, даю я слово,
И у меня уж все готово.
Сегодня, если б здесь не ты,
Он с наступленьем темноты
Сюда пришел бы.

Чем мешаю?
Я о любви не разболтаю.

О нет, подружка, не в тебе
Препятствие, а в той судьбе,

Что, братьев ты моих, влюбляя,
Зажгла, ты им звезда златая,
И не хотят покинуть дом,
Живя здесь в свете золотом.
Пока они не отлучатся,
Во всем опасности таятся.

СЦЕНА 14-я

Дон Луис, за занавесом. — Те же.

Дон Луис (в сторону)

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Дон Луис (в сторону)

Донья Беатрис

Дон Луис (в сторону)

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Дон Луис (в сторону)

Донья Беатрис

Дон Луис (в сторону)

(Уходит.)

Донья Анхела

О, Боже, как себя таить?
Как чувства закручу я нить
И, мыслью тяготясь моею,
Как обуздать ее сумею?
Но, если так я слаб с собой,
Я буду тверд с моей судьбой,
И тотчас же мое решенье —
Страсть победить, сдержать стремленье.

Я расскажу тебе, как я
Смогу, себя здесь не тая,
Тебя совсем не покидая,
Не быть тут как помеха злая.
Хочу узнать конец всего.
Мой план...

Так расскажи его.

Мы обе скажем стороною,
Что мой отец послал за мною,
Устроим так, как будто я
Ушла из этого жилья,
Все будут думать — я далеко,
А я недреманное око.

Какая здесь обида мне?

И, оставаясь в стороне,
Укроюсь, чувства наблюдая.

Что слышу, о, планета злая!

Мне в этом будет благодать.

А что же после нам сказать?
Как ты вернешься?

Вот смущенье!
Другое будет измышленье.

Да, будет. Это слышать мне!
Я весь в терзаньях, весь в огне.

Я буду рада чрезвычайно,
И без свидетелей, и тайно,
Любви, в которой образец,

Увижу ход я и конец.
Не возбуждая подозренья,
Из своего уединенья
Все, разузнавши, утаю,
И снова в комнату твою.

Я слишком ясно понимаю.
(Я не живу! Я умираю!)
Мой брат блаженство заслужил,
Мне — ревность, жить нет больше сил.
С ним будет тайное свиданье,
А мне горенье и сгоранье.
И не увидит их никто,
А я страдай, терпи за то.
И без свидетелей (Злодеи!)
Хотят узнать конец затеи.
Чтоб я досаду знал сполна,
Он будет счастлив и она.
О, если так, судьба немая,
Я буду им помеха злая,
Она в укромный уголок,
Я тотчас к ним через порог.
Весь дом бесстрашно обыщу я,

Найду, найду ее, ревнуя.
Когда во мне горит пожар,
Нет средств других, нет больше чар.
Чтоб загасить свою досаду,
Чужую я смущу отраду,
Для ревности последний путь —
Так утолиться как-нибудь.
Дай, небо, мне насытить гневность:
Любовь — мне яд, и смерть мне — ревность.

Я принимаю твой совет.
Итак, тебя уж завтра нет.

СЦЕНА 15-я

Дон Хуан. — Донья Анхела, Донья Беатрис, Исабель.

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела (в сторону)

Дон Хуан

Донья Анхела

(В сторону, к ней.)

(Донья Анхела и Исабель уходят.)

О, Беатрис, краса живая!
Сестра! Вам от меня привет.

Скучали мы, что вас здесь нет.

Мне, значит, светит золотая
Звезда, коль в вашем солнце свет
По мне соскучился, сеньора.
Я счастлив это слышать. Да.
Но опасаюсь, есть беда,
Со счастьем я расстанусь скоро:
Взаправду ли моя звезда
Такое заслужила счастье

Знать ваше нежное участье?
И вот и в счастье несчастлив,
И в нежный падаю обрыв,
Где тьмы и света соучастье.

О Дон Хуан, я не хочу
Опровергать предположенье:
Так было много промедленья;
Чтоб к моему прийти лучу,
Что вывожу я заключенье:
В другом вам месте свет светил,
И, красоту оставя эту,
Прости сказать вам нужно свету
И тьму любить по мере сил.
Тут вывод ясен: Несчастливым
Вы стали, — сумрак наступил,
И вы поглощены обрывом.

Боюсь сейчас вас оскорбить,
Сказав вам точно объясненье,
В чем было это промедленье:
Пришлось с Дон Мануэлем быть,
Отъезда разделить мгновенья;

Как раз он отбыл.

О, мученье!

Чего, сестра, смутилась ты?

В восторге радостной мечты,
Как в неприятности, волненье.

Боюсь, что радость коротка,
Ведь завтра он опять вернется.

(Надежда снова мне смеется.)
Хоть неприятность к легка,
Я выразила удивленье,
Что было это промедленье.

Тут неприятности и нет.
Но ты и Дон Луис, я знаю,
Готовы видеть бремя бед
В том, в чем я радость получаю.

Ответить я бы и могла,
Но ничего не отвечаю.
И я уж не настолько зла,
Чтобы тебе расставить сети:
Любовь не любит, чтобы третий

Был там, где нежная игра,
И выигрыш вдвоем вернее,
Играй же в карты, не робея.
А мне сейчас уйти пора.
Ты, Исабель, пойдешь со мною.

Сегодня же я так устрою,
Что женский унесу портрет.
Войду легко, преграды нет.
Свет приготовь и плащ, в котором
Пройди, невидимая взорам,
В желанный для меня предел.
Я не хочу, чтоб он имел
Портрет другой, когда мне пишет,
И голос мой чрез письма слышит.

СЦЕНА 16-я

Донья Беатрис, Дон Хуан.

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Беатрис

(Уходят.)

Так вправду нежен ты со мной?

По степеням мое влеченье
Тебе явлю чрез рассужденье.

Скажи мне.

Слушай голос мой.
О, Беатрис, я так люблю правдиво[18],
И так любовь к красавице сильна,
Что, если б не хотел любви, должна
Моя душа любить то, что красиво.
Заметь, как все сложилось прихотливо:
Будь власть забвенья в сердце мне дана,
Забыл бы я любовь, и вмиг она
Возникла б — из свободного порыва.
Любовь была бы прихоть, не закон.
Кто любит потому лишь, что забве-

---

[18] Примечания: 18
Обмен сонетами (*"О, Беатрис, я так люблю правдиво..."*) встречается в испанских драмах Золотого века.

нье
Любимой ощутить не может он, —
Заслуга в чем? Нет вольного влеченья.
Я не могу забыть тебя. Влюблен.
Звезда сильней. Скорблю, что побежден.

Когда б влеченье вольное решало,
И свет звезды влиял бы как закон,
Тот был бы волей верной осенен,
Кто перемены не признал бы жала.
И если б я внезапно увидала,
Что мой порыв с любовью разлучен,
Такой бы тотчас я отвергла сон,
Его своим никак бы не признала.
Ведь в этот миг, что потеряла б я,
Чтоб позабыть и вновь вернуть любленье,
Была бы без любви душа моя.
И рада я, что не дано забвенья:
Тот был бы миг как льдяная струя,
Тебя не позабыть мне — на мгновенье.

СЦЕНА 17-я

Улица.

Косме, убегает от Дона Мануэля, а тот преследует его.

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Косме уходит и возвращается.)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Уходят.)

Клянусь, что, если б я не помнил...

А ты и помни.

Что бесславье
Мне в этом будет, совершил бы
С тобой безумие сейчас.

Всегда я добрым был слугою,
И сам ты согласись, оплошность
Любой христианин свершает.

Кто ж вынести способен, кто
Чтоб именно — что было важно,
О чем особо говорил я,
Вдвойне вниманью поручая,
Как раз ты это позабыл?

Вот потому и позабыл я,
Что это было очень важно:
Когда б неважное забыл я,
О чем бы тут и говорить?

Но мне свидетель Бог Всевышний,
Так думал я о тех бумагах,
Что в сторону я отложил их,
И то, что повредило мне,
Как раз была моя забота:
Не отложи я их в сторонке,
С другими были бы вещами.

Ну, хорошо хотя бы то,
Что вспомнил ты на полдороге.

Забота мною овладела,
А почему, и сам не знал я,
Ну, думаю, какой-то вздор,
Тут вдруг припомнил я и понял,
Что из-за самой я заботы
И позабыл бумаги эти.

Поди скажи, чтоб подождал
Слуга с мулами там поодаль,
Нам неудобно грохотать тут,
А то весь дом мы перебудим.
Ключ у меня, могу войти,
Без шума взять мои бумаги.

Сказал ему, чтоб подождал он.
Но только, господин, замечу —
Без света как же мы войдем?
Искать бумаги и без шума —
Ведь это просто невозможно.
Коль в помещеньи Дон Хуана
Нет света, как увидим мы?

Несносный человек. Теперь ты
Желаешь, чтоб его судил я.
Ты сам не сможешь. (О, бесчестный,
Ведь ты причиной был всего!)
На ощупь взять их, где оставил!

Сомнение мое не в этом,
Слепой я до стола дошел бы,
Где положил их.

Открывай.

Боюсь, найти я не сумею,
Куда теперь их привиденье
Переложило. Ведь какую
Я вещь оставил, чтоб потом
Я сдвинутой ее не видел?

Коль нет бумаг на должном месте,
Тогда мы света и попросим.
А до тех пор зачем будить
Гостеприимнейших хозяев!

СЦЕНА 18-я

Комната Дона Мануэля.

Донья Анхела и Исабель, выходят из шкафа.

Донья Анхела

Исабель

Донья Анхела

Исабель

(Исабель уходит, закрывая шкаф.)

Весь дом уснул, и сон — владыка
Всех чувств, полжизни похититель,
И гость уехал, знаю я,
Теперь я, Исабель, желаю
Взять тот портрет.

Иди тихонько.

Запри там. До тех пор, пока ты
Сюда за мною не придешь,
Я буду здесь, чтоб на опасность
Не натолкнуться.

Жди спокойно.

СЦЕНА 19-я

Дон Мануэль, Косме, впотьмах. — Донья Анхела.

Косме (говоря тихонько со своим господином, стоящим у двери.)

Дон Мануэль

Косме

Донья Анхела

(Вынимает свечу, которая была в потайном фонаре.)

Косме (в сторону, к своему господину)

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Донья Анхела

Косме

Дон Мануэль

Косме

(Донья Анхела вставляет свечи в канделябры, находящиеся на столе, берет кресло и садится к ним спиной.)

Донья Анхела

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Подходит и хватает ее за руку.)

Донья Анхела (в сторону)

Косме

Донья Анхела (в сторону)

Косме

Донья Анхела

Косме

Дон Мануэль (в сторону)

Косме

Донья Анхела

Косме

Дон Мануэль

(Вынимает шпагу.)

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Косме

(Оба уходят.)

Дверь открыта.

Ступай тихонько.
Коли они услышат шум,
Встревожатся еще сильнее.

Поверить можешь, что боюсь я?
Что если б это привиденье
Нам посветило?

Свет был скрыт,
Теперь пора светить открыто.

Где привидение являлось
Так вовремя? Оно нам светит.
Ты им, как видится, любим,

Мой свет оно немедля гасит,
Тебе мгновенно зажигает.

Приди к нам, помощь неба! Это
Уж сверхъестественно сейчас:
Чтобы так быстро свет явился,
Нечеловеческих рук дело.

Признал ты наконец, что правда?

Из мрамора изваян я.
Готов сейчас назад вернуться.

Ты смертный. Ты доступен страху.

Я вижу стол, на нем бумаги.

К столу идет.

Клянусь, что я
Смущен и полон изумленья.

Ты видишь то, чего мы ищем,
Нам свет показывает ясно
И прямо нас к столу ведет.
А кто несет его, не видно.

Свечу поставлю здесь и буду
В его бумагах разбираться.

Теперь все видно нам, смотри.
Такой красавицы волшебной
Не видывал нигде я сроду.
О, боже! Что это такое?
Как гидра эти чудеса,
Из одного родятся сотни.
Что предпринять мне, я не знаю.

Вот медленно садится в кресло.

В ней образ редкой красоты,
Написанный волшебной кистью.

Что правда, правда. Кто другой бы
Способен был такое сделать!

Светлей свечи ее глаза.

Еще бы — это звезды неба
Люцифера.

Тот каждый волос —
Луч солнца.

Скрадены оттуда.

И каждый локон тот — звезда.

Конечно. Прямо, значит, с неба

Звезд принесли сюда пригоршню.

Не знал я красоты подобной.

Наверно б так не говорил,
Когда бы только ноги видел,
Проклятье по ногам их метит.

Здесь волшебство очарованья,
Красивый ангел предо мной.

Красив, но с лапками он только.

Но что такое? Что ей нужно
В моих бумагах?

Вот увидишь:
Что ты намерен был искать,
Она как раз того и ищет,
Чтоб от хлопот тебя избавить, —
Весьма услужлив этот призрак.

О, Боже, что мне предпринять?
Я не был никогда трусливым,
А этот раз я страха полон[19].

---

[19] Примечания: 19

Я не был никогда трусливым,// А этот раз я страха полон. - Изображение страха кабальеро не часто в испанском театре.

А я и много раз пугался.

Недвижны ноги, как во льду,
И волосы все встали дыбом,
Вздохну, и каждый вздох — кинжал мне,
Вкруг шеи чувствую я петлю,
Но я ли буду ведать страх?
Клянусь, что я сейчас увижу,
Смогу ли победить я чары.

Ты ангел, женщина, иль демон,
Но рук моих ты не уйдешь.

О, я несчастная! Нарочно
Он говорил, что уезжает.
Он лучше знал, что хочет сделать.

Во имя Бога, нам скажи,
(В том имени погибель Ада)...

Но я сумею притвориться.

Кто ты? Чего от нас ты хочешь?

Я к благородному пришла
Дон Мануэлю Энрикесу,

Чтоб возвестить, что он получит
Бесценный клад, но лишь не трогай
Меня сейчас, иначе ты
Великое утратишь счастье,
Уж уготованное небом,
Итак, не впутывайся в волю
Благоволительной звезды.
В письме последнем я писала,
Что скоро свижусь я с тобою,
Предвидела я эту встречу.
Сдержала слово я свое,
И в человеческом явилась
Я облике, какой сумела
Принять. Иди же ныне с миром
И здесь меня сейчас оставь.
Час не пришел еще, чтоб знал ты,
Что делаю и совершаю.
Но завтра я тебе откроюсь.
Заметь, не должен никому
О происшедшем говорить ты,
Коль потерять ты не желаешь
Великое предназначенье.

Иди же с миром.

Что ж, сеньор?
Мир, не войну нам возвещает.
Чего же будем ждать еще мы?

Клянусь, мне стыдно, что боюсь я
Каких-то призрачных теней.
Так если вправду не боюсь их,
Все сразу я сейчас проверю.
О, женщина, кто б ни была ты,
(Ты женщина, так мыслю я,
Никак не существо иное),
Клянусь, кто ты, я знать желаю,
И я узнаю, как вошла ты,
С какою целью, и зачем.
Не завтра, я хочу сегодня
Таким блаженством насладиться.
Коль демон, с демоном беседа,
Коль женщина, беседа с ней.
Твои угрозы мне не страшны,
Хотя бы дьяволом была ты.
Но полагаю, что, имея,

Как это вижу, плоть и кровь.
Ты женщина, никак не дьявол.

А это ведь одно и то же.

Не тронь меня, утратишь счастье.

Великолепно говорит
Та дьяволическая дама,
Не тронь ее, она не арфа,
Не лютня, не играй, не скрипка.

Я выну шпагу. Если дух,
Мне в этом можно убедиться.

Хотя бы я тебя ударил,
Тебя мне невозможно ранить.

О, горе, шпагу удержи,
Себя не обагряй ты кровью!
Что будет доброго, когда ты
Несчастную пронзишь оружьем?
Я женщина, да, признаюсь.
Хотя любить и преступленье,
Но в том вина уж не такая,
Чтоб умереть мне смертью злою,

Коль я любила хорошо.
Так не пятнай моею кровью
Закал блестящей этой стали!

Скажи, кто ты?

Сказать мне нужно.
Уж не смогу я довести
До цели — моего желанья,
Мою любовь, как я хотела.
Но, если только нас услышат,
Опасность будет нам грозить,
Услышат нас или увидят,
Убить нас могут. Потому что
Я большее, чем можешь видеть.
И нужно потому, сеньор,
И эту дверь закрыть и ту, что
В прихожей, запереть немедля.
А то услышать шум здесь могут
Или увидеть этот свет.

Свети мне, Косме, и немедля
Запрем мы двери. Ну, ты видишь,
Здесь женщина, не привиденье?

А я того не говорил?

СЦЕНА 20-я

Донья Анхела, и тотчас Исабель.

Донья Анхела

(Исабель приходит через шкаф.)

Исабель

Донья Анхела

(Обе уходят и замыкают шкаф.)

Увы, я заперта снаружи,
И Боже мой, сказать придется
Всю правду мне! Гость был находчив,
И подстерег, а Исабель
Проход чрез шкаф загородила.

Тсс, ищет брат тебя, сеньора.

Отлично. В шкафе переборку
Задвинешь. О, моя любовь!
Сомненье остается в силе.

СЦЕНА 21-я

Дон Мануэль, Косме.

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

(Дон Мануэль берет у него свечу, входит в альков и снова выходит.)

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Вот двери заперты, сеньора,
Так продолжайте же рассказ свой...
Но что такое? Где она?

А я об этом что же знаю?

Вошла в альков она, быть может?
Иди вперед.

Идти пред вами?
Пешком? Невежливо, сеньор.

Всю комнату сейчас осмотрим.
Пусти, сказал я.

Я пускаю.

Звезда моя ко мне враждебна.

На этот раз не через дверь

Она ушла.

Иначе как же?

Я этого не постигаю.
Но только видишь, говорил я,
Что это дьявол пред тобой,
Не женщина.

Клянусь, что тотчас
Подвергну комнату осмотру,
Быть может, под какой картиной
В стене я обнаружу щель,
Или под этими коврами
Пещера скрыта, или ход есть
(Я все-таки его открою)
В пролетах там на потолке.

Вот только шкаф здесь есть.

О шкафе
Не может быть и разговора,
Как был он, так и есть стеклянный.
Другое нужно осмотреть.

Смотрельщик я совсем неважный.

Предположить мне невозможно,
Что облик тот был невещественн,
Ей смерть была совсем страшна.

Но угадала и узнала,
Что ночью мы сюда вернемся,
Затем лишь чтоб ее увидеть.

Она явилась мне как тень,
И свет ее был фантастичен,
И все ж ее, как человека,
И осязать возможно было,
И ясно видеть; страх был в ней,
Как в смертной; женщина боится
Таким же образом: как призрак,
Она исчезла невидимкой,
Как привиденье, здесь была.
Дать только волю рассужденью,
И я не знаю, Бог свидетель,
Не знаю я, во что мне верить
И что я должен отрицать.

Я знаю. Я-то...

Что ж ты знаешь?

Что это был здесь жено-дьявол.
И нового тут ничего нет,
Ведь дьявол женщина весь год,
И для того, чтоб с ней сквитаться,
Что столько раз она есть дьявол,
К нам дьявол так сюда и прибыл,
И побыл женщиной разок.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Комната Доньи Анжелы.

Дон Мануэль, впотьмах. — Исабель ведет его.

Исабель

(Уходит и запирает дверь.)

Дон Мануэль

(Смотрит через замочную скважину.)

(Дверь открывается, и выходят несколько служанок; они приносят салфетки, сладости и воду. Все, проходя, делают поклон, а сзади всех Донья Анхела, богато разоде-

тая.)

Сейчас придет моя сеньора,
Здесь в этой зале подожди.

Совсем хорошая ловушка.
Дверь заперта? Конечно, да.
Что с этой пыткою сравнится?
Я посетил Эскориал,
Вернулся только что оттуда,
И это было — волшебство,
Что свет во тьму мне приносило
И озадачило меня,
Письмо мне пишет, очень нежно,
Где так подробно говорит:
"Коль вы дерзаете со мною
Увидеться, сегодня в ночь
С слугою выйдите, который
Сопровождает вас всегда.
Два человека будут ждать вас
На кладбище (Какая мысль!)
Себастиана, с ними будет
Для вас удобный паланкин".
Она меня не обманула,

Сел в паланкин я[20] *и блуждал,*
Покуда чувства направленья
В пути совсем не потерял.
И наконец я очутился
У входа мрачного один,
Где только чудились мне страхи
И привидения впотьмах.
Там женщина ко мне приходит.
(Так показалось мне во тьме)
И ощупью меня уводит
По комнатам вперед, вперед,
Я ничего притом не вижу
И я ни с кем не говорю.
Но наконец сквозь щель дверную
Я вижу свет. Конец пути.
Любовь, достигла ты желанья,
Увидишь даму ты сейчас.
Как следует — все приключенье.

С каким убранством этот дом!
И сколько женщин там блестящих!

---

[20] Примечания: 20

Сел в паланкин я... - Путешествие дона Мануэля в паланкине с кладбища также навеяно приключениями Дон Кихота.

Какой величественный зал!
Какие дамы и наряды!
Какая роскошь красоты!

СЦЕНА 2-я

Донья Анхела, Служанки, Донья Беатрис. — Дон Мануэль.

Донья Анхела (в сторону, к Донье Беатрис)

Донья Беатрис

Донья Анхела

(К Дону Мануэлю.)

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Донья Беатрис (в сторону)

(Все подходят с салфетками, водой и несколькими коробками с сухим вареньем.)

Донья Анхела

Донья Беатрис

Дон Мануэль (в сторону)

Сейчас мои считают братья,
Что возвратилась ты домой,
Так значит это страх пустой,
И наше продолжать занятье
Мы можем с легкою душой.
Тебе здесь нечего бояться.

Какую роль играю я?

Служанка ты теперь моя.
А после будешь укрываться,
Смотреть из комнаты другой,
Что будет у него со мной.

Вам было скучно дожидаться?

О, нет. И только говорю
Сейчас я правду вам, сеньора.
Кто ночью ждет и ждет зарю,
Тот знает, что она не скоро
Ему засветится для взора,
И знает, что заботы те
В ночной исчезнут темноте.
И потому мое страданье
Я в нежной потопил мечте,
Я знал, что дня блеснет сиянье.
Хоть и не нужно, чтобы ночь
Меня так тягостно томила,
Пред тем как прах сокрылся прочь,
И чарований ваших сила
Мне солнце неги засветила.
Для солнца вашей красоты
Не нужно было темноты,
Вы день, что и без солнца светит.
Вот ночь, в покровах черноты,
Бежит рассвет, сияньем метит
Улыбкой нежной все кругом,
Не золотой в нем свет для взора,

Но все же светит он, сеньора,
И пенье птиц звучит. Потом
Выходит яркая аврора,
И золотит и жжет заря
Воспламеняющим пожаром.
И вслед ее минутным чарам
Выходит солнце, все горя,
Светя и вместе позлащая.
Рассвет, за ночью вслед вступая,
Горит, из мрака свет творя.
Заря рассвету подражая,
Являет пламенный свой вид.
Но солнца светлое явленье,
То божество, что вне сравненья,
Зарю на бой зовет, горит.
Но вы, — и солнцу вы затменье,
В вас высший пламень говорит
Так ясно, что бывать вам ночи
Не нужно было полномочий,
Когда могли вы после дня
Взойти из светлых средоточий,
Как солнце солнца для меня.

Хотя признательность мне нужно
Вам выразить за эту речь,
Где слово к слову, в миге встреч,
Вы сочетали так жемчужно,
Но я должна вас остеречь.
Ведь не такое это зданье,
Не так до неба вознеслось,
Чтоб ветру быстрому пришлось
Здесь утомить свое дыханье,
Приют, лишь скромный для мечтанья,
И в ваши сладкие слова
Могу поверить я едва.
Я не рассвет, нет в сердце пенья,
И здесь улыбка не жива.
Я не заря, мое томленье
Пред вами скрыто, и явленья
Нет перед вами слез моих.
Не солнце я, в огне живых
Лучей и правду не являю,
Которую я обожаю.
В недоуменностях таких
Кто я, сама того не знаю.

Но точно молвлю, говоря,
Что не рассвет я, не заря,
Не солнце. Ибо не роняю
Сейчас ни слез из янтаря,
Ни смехов светлых. Уверяю
Я вас, сеньор Дон Мануэль,
Я только женщина, не боле,
Всегда была я в женской воле,
И вы единственная цель,
Вы цепь, в чьей ныне я неволе.

Неволя та невелика,
И если вижу вас со мною,
Сеньора, все ж я вам открою,
Что это я ценю слегка:
Во мне есть большая тоска
Чрез вас, — ее не успокою.

Через меня?

Да, потому,
Что вы скрываетесь во тьму,
Сказать мне, кто вы, не хотите.

Сеньор, желанью моему,

Прошу вас, в этом уступите,
Меня открыться не просите.
Когда хотите быть со мной,
Со мною будьте, только знайте,
Кто я, о том не вопрошайте,
Я быть загадкой теневой
Должна, ее не омрачайте.
Не то я, чем кажусь для глаз,
Не тем кажусь я, что на деле.
Хотите быть со мной, — у вас
Есть достиженье этой цели,
Но не желайте знать рассказ,
Кто я: Коль в этом непокорство
Окажете, явив упорство,
Одно лишь может в этом быть,
Что не хотите вы любить,
Хотя бы я любить хотела.
Художник пишет мертвеца
И лик один — пред вами тело
Без жизни, мертвый цвет лица,
И лик другой — пред вами смело
Сияет радость без конца.

Любовь художник, два в ней лика,
Меня вы видите в одном,
Я, кажется, вам нравлюсь в нем,
Но, может быть, все будет дико,
Когда увидите в другом.
Одно сейчас сказать должна вам:
Вы слушаете, мысль тая,
Что дама Дон Луиса я,
Вы в заблуждении неправом,
И в этом клятва вам моя.

Скажите, что же вам, сеньора,
Велит скрываться от него!

Быть может, это оттого
Так избегаю я позора,
Что положенья моего
Высокого могу лишиться,
Коль Дон Луису вдруг случится
Меня узнать.

Прошу одно
Сказать: Как это вам дано
В дом проникать ко мне?

И это
Пока пусть будет без ответа.

(Теперь и я являюсь сюда.)
Вот сладости, прошу покорно,
И, ваша светлость, тут вода...

Кто говорит со мной так вздорно?
Была ли светлость здесь когда?
Ты хочешь обмануть сеньора
Дон Мануэля, будто я
Такая важная?

Моя
Владычица...

Ну вот как скоро
Загадка кончилась моя:
Не ошибусь, конечно, я,
Теперь подумавши, что это
Передо мною дама света,
И что за золото она,
Здесь тайною окружена.

СЦЕНА 3-я

Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан (за сценой)

Донья Анхела (в сторону)

Исабель

Донья Беатрис (в сторону)

Дон Мануэль (в сторону)

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Исабель

Дон Хуан (за сценой)

Дон Мануэль

(Дон Мануэль уходит за Исабель.)

Дон Хуан (за сценой)

Донья Анхела

(Донья Беатрис уходит, и входит Дон Хуан.)

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

Донья Анхела

Дон Хуан

(Уходит, и Донья Беатрис возвращается.)

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Эй, Исабель, дверь отопри мне!

О небо, что это за шум?

Я умерла!

Я леденею?

О, Боже! Мукам нет конца?

Сеньор, отец мой там стучится.

Что делать должен?

Нужно вам
Укрыться в комнате отдельной.
Сведи скорее, Исабель,
Его в ту комнату, что знаешь,
В отдельную. Ты поняла?

Идем скорей!

Ну что же, скоро?

О, боже, не покинь меня!
Здесь жизнь и честь стоят на карте.

Я дверь сорву!

Ты, Беатрис,
Вот в этой комнате побудешь,
Тебя здесь не должны найти.

Чего ты в этот час здесь хочешь.
И почему тревожишь нас!

Сперва, Анхела, объясни мне,
Что значит этот твой наряд?

Я оттого всегда печальна,
Что вечно в трауре хожу,

И я оделась, чтоб увидеть,
Не веселей ли будет так.

Не сомневаюсь. Грусть у женщин
Наряды могут прогонять,
И драгоценности — лекарства.
Но все же думаю, что ты
С такою мыслью неуместна.

Что в этом важного? Никто
Меня увидеть здесь не может.

К себе вернулась Беатрис?

Да, и отец ее разумным
Нашел беседу прекратить.

Лишь это знать сейчас хотел я,
Чтобы решить, могу ли я
Ее увидеть постараться.
Ну, оставайся с богом здесь,
И помни, твой наряд не к месту.

Дверь, Беатрис, скорей запри.

Прекрасно вышли мы из страхов.
Твой брат идет меня искать.

Пока все в доме не затихнет,
Дон Мануэль к нам не придет,
В мой кабинет пойдем со мною.

Коль это с рук тебе сойдет,
Ты будешь в доме невидимка.

СЦЕНА 4-я

Комната Дона Мануэля.

Дон Мануэль и Исабель, выходят впотьмах из шкафа.

Исабель

Дон Мануэль

Исабель

(Уходит.)

Дон Мануэль

Вот здесь без шума ты побудь,
Чтобы тебя не услыхали.

Как мраморный я буду тут.

О только б дверь я закрепила!
Сумею ли? Я вся дрожу.

Какое это дерзновенье
Решиться так войти туда,
Где человек не может видеть.
Какая тут грозит беда
И в чем опасности таятся.
Вот в доме я сейчас чужом,
Его хозяин, столь он знатный,
Что светлостью его зовут,
Тот дом исполнен изумлений,
И так далек от моего.
Но что такое? Дверь открылась,
И кто-то в комнату вошел.

СЦЕНА 5-я

Косме. — Дон Мануэль.

Косме

(Идет на ощупь.)

(Наталкивается на Дона Мануэля.)

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль (в сторону)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Уходит.)

Косме

(Через шкаф выходит Исабель.)

Создателя благодарю я,
Что нынче в дом вхожу свободно.

И в комнате не знаю страха,
Хотя вошел я без свечи.
То привиденье Невидимка
С моим резвится господином,
Так мной зачем бы заниматься?

А вот, однако, началось!
Кто тут?

Молчанье, кто б ты ни был,
А то убью тебя кинжалом.

Как бедный родственник я буду,
Что у богатого в дому.

(Наверно тут слуга какой-то
Зашел случайно, — от него я
Узнаю, где я). Расскажи
Чей это дом и кто хозяин?

Сеньор, хозяин здесь есть Дьявол,
И дом здесь Дьявола, который
Отсюда да умчит меня.
Живет тут некая сеньора,
Чье имя Дама Привиденье,
Та Невидимка некий дьявол,
Что принимает женский лик.

А ты кто?

Некий я наперсник,
Или слуга, и подчиненный,
Служитель я, и сам не знаю,
Зачем я в этих волшебствах.

А кто твой господин?

Безумный,
Глупец, никчемный, юродивец,
Простак, из-за подобной дамы
Себя в убожестве блюдет.

А как зовут?

Доном Мануэлем
Энрикесом.

О, Иисусе!

И Косме я Катиборатос.

Ты? Косме! Как сюда вошел?
Я твой сеньор. Скажи, за мною,
Как я отправился в дорогу,
Вошел ты следом? Ты за мною
Вошел, чтобы укрыться здесь?

Великолепная забава!
Как ты сюда попал, скажи мне?
Ведь ты отправился так смело
Один туда, где жданным был?
И вот вернулся. Как же это?
И как, скажи, здесь очутился?
Ведь я с ключом не расставался,
Его с собой ношу всегда.

А это комната какая?

Твоя, иль Дьявола, быть может.

Свидетель Бог, что лжешь ты нагло,
От дома был я далеко,
Вот только что в другом был доме,

Совсем на наш он не похож был.

Так это было привиденье,
Тебе я правду говорю.

Меня с ума свести ты хочешь.

Еще разуверений нужно?
Иди вперед вот этой дверью.
И прямо выйдешь до ворот,
Тогда ты сможешь убедиться.

Ты правду говоришь. Слежу я.

Когда же, господа честные,
Хитросплетениям конец?

СЦЕНА 6-я

Исабель. — Косме; потом Дон Мануэль.

Исабель (в сторону)

Косме (в сторону)

Исабель

Косме (в сторону)

Дон Мануэль

Исабель

Косме

Исабель

Дон Мануэль

Исабель

Косме

(Исабель берет Косме за руку и уводит через шкаф.)

(Уж Дон Хуан ушел из дома,
И нужно Дону Мануэлю
Не дать узнать, в каком он месте,
Его я проведу сейчас.)

Тсс, господин, меня ты слышишь?

Ну, это хуже: От шипенья
Я ломоту почуял в бедрах.

Мой господин ушел к себе.

Речь о каком же господине?
(Дон Мануэль возвращается.)

Я в комнате своей, конечно.

Ты тут?

Я тут.

Иди со мною.

Прекрасно, я пойду с тобой.

Не бойся, ничего не бойся.

Сеньор, я схвачен невидимкой!

СЦЕНА 7-я

Дон Мануэль

(Уходит.)

Откуда же обманы эти,
Я не узнаю наконец?
Не отвечаешь, что за глупость?
Ответь мне, Косме, Косме! — Небо!
Я лишь на стены натыкаюсь.
Ведь я же с ним здесь говорил?
Куда же он пропал так быстро?
Он разве тут не находился?
Поистине вполне разумно
Теперь лишиться мне ума.
Но кто-нибудь сюда войдет же.

Я посмотрю, как он прибудет.
В алькове я покуда спрячусь
И терпеливо подожду,
Пока я точно не узнаю,
Кто эта Дама Привиденье,
И не покажет невидимка
Свою мне в ней красоту.

СЦЕНА 8-я

Зала Доньи Анхелы.

Донья Анхела. Донья Беатрис. Служанки. — Потом Косме, Исабель.

Донья Анхела (К Донье Беатрис.)

Донья Беатрис

Донья Анхела

Служанка

(Выходит Исабель, ведя за руку Косме)

Косме

Исабель

Косме (в сторону)

Донья Анхела

Исабель (в сторону, к своей госпоже)

Донья Беатрис

Исабель

Донья Анхела

Донья Беатрис (в сторону)

Косме

Донья Беатрис

Косме

Донья Анхела

Косме

Донья Анхела

Косме (в сторону)

Донья Анхела

Косме

Донья Беатрис

Косме

(Стучат.)

Донья Анхела

Донья Беатрис

Исабель (в сторону)

Донья Анхела (в сторону)

Мой брат ушел, тебя он ищет,
А Исабель к Дон Мануэлю
Пошла, чтобы его к нам снова
Сюда ввести, скорее все
Как следует мы приготовим,
Все подождите здесь покуда,
Чтоб он нашел готовый ужин.

Я не видала никогда
Истории такой забавной.

Идет?

Идет, шаги я слышу.

Несчастный я! Куда иду я?
Уж эти шутки чересчур.
Но нет, я вижу здесь красавиц.
Я Косме или я Амедис?
Космильо или Белианис?

Идет. Но Боже, это что ж?

Теперь попался я в ловушку.

Что, Исабель, тут приключилось?

Сеньора, я туда вернулась,
Где ждал меня Дон Мануэль,
Когда же в комнате была я,
Я встретилась там со слугою.

Позолотить ошибку хочешь?

Там света не было.

Увы!
Теперь уж все разоблачится.

(Его нам нужно одурачить.
Начнем же.) Косме!

Дамиана!

Поближе подойди сюда.

А мне и здесь так превосходно.

Приблизься, ничего не бойся.

Такой, как я, бояться будет?

Так почему не подойдешь?

(Отговориться невозможно,

Тут будет честь моя задета.)
А уваженье непонятно?
Зачем же непременно страх?
Я не испытываю страха
И перед самым Сатаною,
Когда пришел он в лике женском.
Ведь это с ним не в первый раз.
Когда свои кует он ковы,
Он облекается в нагрудник
И надевает также юбку.
Ведь их не дьявол изобрел.
Он в виде девушки красивой,
Богатой, стройной, разодетой,
Однажды пастуху явился,
И тот, едва лишь увидал,
В нее немедленно влюбился.
Он насладился дьяволицей,
Тогда он в страшном гнусном лике
Ему угрозно возопил:
"О, жалкий человек, не видишь,
Какой увлекся красотой?
Она такой пред тобой,

От головы до самых ног.
Отдайся же в грехе подобном!"
А он, раскаяние зная
Еще и менее, чем прежде,
За наслажденьем так сказал:
"Напрасный и обманный призрак,
Когда ты думаешь, что горько
Отчаялся в грехе несчастный,
Поутру завтра воротись
В том самом лике, как являлся.
И ты увидишь, что влюблен я
Не менее, чем был и раньше,
И, во свидетельство прими,
Что в лике женщины не страшен
Людской душе и самый Дьявол".

Теперь приди в себя немножко,
Вот сладость, вот воды испей,
От страха возникает жажда.

Я не испытываю жажды.

Иди же и о том подумай,
Что возвратиться должен ты,

А это двести миль отсюда.

О, Боже Вышний! Что я слышу?

Стучат?

Стучат.

Ведь вот несчастье!

Судьба преследует меня!

СЦЕНА 9-я

Дон Луис. — Те же.

Дон Луис (за сценой)

Донья Беатрис (в сторону)

Дон Луис (за сценой)

Донья Анхела (в сторону)

Исабель

Донья Беатрис

(Уходит.)

Косме (в сторону)

Исабель (к Косме)

Косме

(Уходят.)

(Дверь открывается, и входит Дон Луис.)

Донья Анхела

Дон Луис

Донья Анхела

Дон Луис

(Приподнимает один из занавесов и видит Донью Беатрис.)

(Донья Беатрис выходит.)

Донья Беатрис

Дон Луис

Донья Анхела

(Исабель и Косме производят шум в шкафу.)

Дон Луис

Донья Анхела (в сторону)

Дон Луис

(Берет свечу.)

(Уходит.)

Эй, Исабель!

Спаси нас Боже!

Дверь отопри.

На каждый страх я
Имею брата.

Что нам делать!

Я спрячусь от него скорей.

Она и есть та Невидимка.

Иди со мной.

Пойду с тобою.

Чего ты от меня желаешь?

Я удовольствия других
Моей заботой нарушаю.
У дома паланкин увидел,
В нем верно Беатрис вернулась,
И видел, брат пришел домой.

Чего ж ты хочешь? Объясни мне.

Как раз живешь ты надо мною,
И мне казалось, услыхал я,

Что гости у тебя сейчас,
Я захотел в том убедиться.

Здесь Беатрис?

Пришлось вернуться,
Отец мой снова рассердился,
По-прежнему в досаде он.

Я вижу, обе вы в смущеньи.
Что означают те приборы?
Тарелки, сладости, стаканы?

Зачем допрашиваешь ты
О том, в чем мы в уединеньи
Находим женскую забаву?

А этот шум что означает?

Я умираю!

Видит Бог,
Какие-то здесь бродят люди.
Не может быть, чтоб это брат мой
Так осторожно пробирался.

Увы мне! Небо, состраданья!
По глупости я захотел

Любовную развеять ревность,
И ревность чести предо мною.
Я свет возьму, хоть и опасно, —
При свете объяснится все,
И честь теряется при свете.

СЦЕНА 10-я

Донья Анхела, Донья Беатрис, Слуги.

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

Донья Беатрис

Донья Анхела

(Уходят.)

Ай, Беатрис, ведь мы погибли,
Коль только он их повстречает.

Уже успела Исабель
Его в ту комнату спровадить,
Напрасно ты сейчас боишься,
Нас тайна шкафа охраняет.

А если хочет так беда,
Что Исабель в своем волненье
Его приладить не успела,
И он туда проникнуть сможет?

Куда-нибудь тебе скорей
Укрыться нужно в безопасность.

Я к твоему отцу отправлюсь,
Как он тебя ко мне отправил:
Переменилась только роль,
Твоя беда теперь со мною.

СЦЕНА 11-я

Комната Дона Мануэля.

Исабель, Косме, Дон Мануэль. — Потом Дон Луис.

Исабель

(Уходит.)

Дон Мануэль

(Входит Дон Луис со свечой.)

Дон Луис (в сторону)

Косме

Дон Луис

Косме

(Прячется под стол.)

Дон Мануэль

(Кладет руку на свою шпагу.)

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме (в сторону)

Дон Луис

(Обнажает шпагу.)

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль (в сторону)

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

(Приподнимает стол и видит Косме.)

Косме (в сторону)

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

Дон Луис

Дон Мануэль

Косме

(Уходит.)

Входи скорей.

Опять я слышу,
Что в комнате сейчас есть кто-то.

Мужчину видел я, клянусь.

Дела неважны.

Как случилось,
Что этот шкаф здесь передвинут?

Ну, свет пошел. А я наткнулся
На стол, — будь стол защитой мне.

А это вот таким манером.

Дон Мануэль!

Что здесь такое?
Вы, Дон Луис! Что это значит?

Где Невидимка-то прошла,
Сто раз хотел бы им сказать я.

Не рыцарь, низкий, и предатель,
Гость вероломный, втихомолку
Честь похищающий того,

Кто дал приют тебе, защиту
И окружил тебя почетом,
А ты в такие приключенья

Без удержу направил путь
И без достоинства дерзаешь, —
Вынь из ножон клинок бесчестный!

Я это сделаю затем лишь,
Чтоб защитить себя сейчас,
Твоими я смущен словами,
Тебя я вижу и смущаюсь,
Смущаюсь я самим собою,
И всем, что здесь, я изумлен.
И хоть меня убить ты хочешь,
Меня ты умертвить не сможешь,
Я жизнь испытывал в жестоком,
И смерть бессильна перед ней.
И оттого меня не сможешь
Убить, что не убит я скорбью,
А если ты и очень силен,
Поверь, что скорбь моя сильней.

Здесь доводами не поможешь,

Лишь делом.

Дон Луис, помедли,
Быть может, удовлетворенье
Смогу тебе я дать вполне.

Какое удовлетворенье
Ты можешь дать мне, если словом
Ты будешь множить оскорбленья?
Когда ты в комнату вошел
Чрез эту дверь к той недостойной,
Какие для такой обиды
Придумать сможешь объясненья?

Пусть эта шпага, Дон Луис,
Пронзит мне грудь тысячекратно,
Коль что я знал об этой двери
Или о комнате какой-то.

Так что ж ты делал в этот час
Без света здесь?

(Что мне ответить?)
Я жду, чтобы слуга вернулся.

Ты прятался, я это видел.

Или солгали мне глаза?

Обманчивы глаза нередко.

И если зренье обмануло,
Быть может, также слух солгал мне?

И слух.

Солгали, словом, все.
Лишь ты здесь утверждаешь правду.
А ты один...

Прошу сдержаться,
Затем что, прежде чем ты скажешь
И прежде чем вообразишь,
Тебя я умертвить успею.
И если так судьба желает,
На первом месте я. Законы
Священной дружбы — да простят!
И если биться суждено нам,
Так будем биться достойно нас:
Поставь тот свет, чтоб он обоим
Светил в дуэли нам равно.
Запри ту дверь, откуда вышел,
Сюда войдя неосторожно,

Я эту дверь запру в то время,
А ключ пусть будет на полу,
Кто жив останется, тот выйдет.

Я шкаф припру столом отсюда,
И если б даже захотели
Открыть оттуда, нет пути.

Открылся прямо ход в кулисы.

Кто тут?

Судьба меня пытает.

Тут никого.

Вот этот самый,
Кого ты ждал, Дон Мануэль?

Не время говорить об этом,
Я прав, и это твердо знаю.
Что хочешь думать, то и думай,
Тот будет жить, кто победит.

Чего ж вы ждете? Бейтесь двое.

Меня ты очень оскорбляешь,
Коль это обо мне ты мыслишь.
О том я думаю сейчас,

Как поступить мне со слугою:
Коль отошлю его, конечно,
Он обо всем сейчас расскажет:
А коль останется он здесь,
В том преимущество мне будет,
Он за меня, конечно, встанет.

Тут неудобства не возникнет,
Такого я не совершу.

В алькове дверь есть: там пусть будет
Он взаперти, мы будем равны.

Да, это мысль.

Чтоб стал я биться,
Вам нужно будет хлопотать,
О том же, чтобы я не бился,
Заботиться пустое дело.

СЦЕНА 12-я

Дон Мануэль, Дон Луис.

Дон Мануэль

Дон Луис

(Бьются.)

Дон Мануэль

Дон Луис

(Рукоятка его шпаги ломается.)

Дон Мануэль

Дон Луис

(В сторону.)

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

(Дон Луис уходит.)

Вот мы остались только двое.

И начат поединок наш.

Не видел я руки столь меткой!

Я не видал руки столь твердой!

Я безоружен; рукоятка
Сломалась, биться мне нельзя.

Тут в храбрости нет недостатка,
А только случай, так пойди же
И шпагу принеси другую.

Ты так же смел, как и учтив.

(Судьба, что должен предпринять я
В таком тяжелом затрудненьи?
Одновременно честь он отнял
И, победивши, дал мне жизнь.
Пойду придумаю я повод,
Действительный или наружный,
Чтобы узнать мне, как я должен
В таком сомненьи поступить.)

Так что ж ты не идешь за шпагой?

Пойду, и если подождешь ты,
Приду назад я с нею быстро.

Там как бы ни было, но я
Здесь буду ждать тебя.

Так с Богом.
Дон Мануэль, тебя храни Он!

И да блюдет тебя Всевышний!

СЦЕНА 13-я

Дон Мануэль, Косме взаперти.

Дон Мануэль

Косме (за сценой)

Дон Мануэль

(Дон Мануэль входит туда, где Косме.)

Ключ вынимаю я, а дверь
Закрою, чтоб не видно было,
Что кто-то есть здесь. Сколько мыслей
Толпится в голове смятенно
И мне покоя не дают.
Как справедливо угадал я,
Когда решил, что ход здесь тайный,
И Дон Луиса эта дама.
Все так и есть, как думал я.
Но где ж несчастия обманут?

Сеньор, сеньор, я заклинаю,
Раз ты один, позволь мне выйти,

Я привидения боюсь,
Оно тут примется немедля
Играть в вопросы и ответы,
И даст одно, возьмет другое,
А мне и стен тут не видать.

Я отопру тебе, чтоб только
Твоих мне глупостей не слышать,
Чтоб не терзаться этим вздором
И жалких низостей не знать.

СЦЕНА 14-я

Донья Анхела, в мантилье; Дон Хуан, задерживается у двери комнаты. — Дон Мануэль, Косме, за сценой.

Дон Хуан

(В сторону.)

(Уходит.)

Донья Анхела

(Выходит Дон Мануэль и Косме.)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

(Косме замечает Донью Анхелу)

Косме

Дон Мануэль

Косме

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль (в сторону)

(К Донье Анжеле.)

(В дверь стучат.)

Косме

Дон Мануэль

Донья Анхела

Дон Мануэль

(Донья Анхела становится за Доном Мануэлем, Косме открывает дверь.)

Здесь ты останешься, покуда
Не расспрошу и не узнаю,
Какая в этот час причина
Тебя заставила уйти
Из дома; не хочу, чтоб прямо
В свое прошла ты помещенье,
Неблагодарная, там буду
Я до тебя и расспрошу,
Что тут с тобою происходит.

(Пусть в комнате Дон Мануэля
Она побудет это время,
А если он придет домой,
Поставлю я слугу у входа,
И скажет тот, чтоб не входил он.)

О, горе мне! Пришли несчастья,
Одна беда к другой беде.
Я мертвая.

Уйдем скорее.

Чего боишься?

Это Дьявол,
Не женщина, меня ухватит,
И в этой комнате она.

Ведь кто она, теперь мы знаем,
И стол стоит пред этой дверью,
И ключ в другой. Как ей проникнуть?

Как вздумает, так и войдет.

Ты глуп.

Спаси меня Всевышний!

Что там?

Пример приходит кстати.

Скажи мне, женщина, ты призрак,
Ты наваждение? Ответь.
Меня задумала убить ты?
Каким путем сюда проникла?

Дон Мануэль...

Скажи.

Послушай.

Ко мне стучится Дон Луис,
Он входит, полный дерзновенья,
Себя сдержал, решил проверить,
Дом осмотрел, слепым остался,
Продлил осмотр, нашел тебя,
И тотчас звук мечей раздался,
Ведь шпага говорить умеет.
Я знаю, что замкнулись двое,
Обида в них и смелый дух,
И если сталь ведет беседу,
А речь молчит, исход какой же?
Один — живой, другой — убит,
Тут, ни жива и ни мертва,
Спешу из дома я скорее
И в тишине, во тьме холодной,
Иду, как бледный образ счастья,
Что только шутит надо мной:
Тут спотыкаюсь, там — упала.
Тут шаг неверный, чувства гаснут,
И в шелковой моей одежде
Я вижу тесную тюрьму.
Одна печальна и смятенна,

Неверною ведома мыслью,
К порогу прихожу темницы,
Где думала найти приют...
Но где несчастный знал отраду?
И вот стою я на пороге,
Но так несчастия созвенны,
Что брат пришел мой, Дон Хуан.
Я всячески ему стараюсь
Не дать узнать меня — усилья
Вредят мне только. Странный случай:
В молчаньи — женщине беда.
Молчаньем я себя убила!
Но, словом, он стоял у двери,
Когда я подошла к порогу:
Вулкан в снегах, утес в огне.
Луна светила еле-еле,
И при неверном этом свете
Он на груди моей увидел,
Как драгоценности блестят,
(Не в первый раз они так губят!)
И он услышал шелест платья.
(Не в первый раз нам в платье гибель!)

Он думал, милая его,
Он мотыльком летит на пламя,
Чтоб в нем, любя, воспламениться,
И не возлюбленную видит,
А тень звезды своей, меня.
Кто мог бы думать, что влюбленный
Стремится к той, кого ревнует,
И небо так к нему враждебно,
Что даже в ревность принял он.
Заговорить хотел, не в силах,
Волнение всегда безгласно.
И наконец, чуть внятно молвив,
Меня печально он спросил,
В чем смысл такого оскорбленья.
Ему ответить я хотела,
(Но, я сказала, чувство немо.)
И говорить я не могла.
Испугу ум помочь не может,
Приходит помощь слишком поздно,
И оправданьями своими
Лишь подтверждала я вину.
"Ступай, — сказал, — сестра лихая,

Пятно на нашей древней чести,
Тебя замкну в уединеньи,
Где в достоверном будешь ты,
Пока я зорко — осторожно
Не разъясню причину злого
И не сумею успокоить
Мою бессонную тоску".
Сюда вошла, тебя я вижу,
Небесная мне в этом радость,
В моем я доме привиденьем
Была из-за любви к тебе.
Тебя я чтила и скрывалась,
Была сама себе гробницей,
Когда б тебя не берегла я,
Какая б в том была любовь!
И где же было б уваженье
Лицом к лицу сказать о страсти!
Но я любить тебя хотела,
И цель моя — любовь к тебе.
Я потерять тебя боялась,
Завоевать тебя стремилась,
Чтоб быть всю жизнь тебе покорной

И душу всю отдать тебе.
Хочу служить тебе — и плачу.
И умоляю, заклиная,
Чтоб ты смягчил мое несчастье,
Чтоб ты помог, чтоб защитил.

(Мои несчастия как гидра
Многоголовая: чуть только
Одно кончается, другое
Из праха тотчас восстает.
Как быть мне в этом лабиринте?
Я думал, дама Дон Луиса,
Она сестра его, и если
Была обида столь сильна,
Когда любви его касалась,
И лишь затрагивалась нежность.
Какая сила в оскорбленьи,
Когда затрагивает честь?
Несправедливое мученье!
Его сестра она. И если
Ее освободить хочу я
И кровью защитить моей,
Взывая к стали как к защите,

Ее тем больше обвиняю,
Я тем скажу, что я предатель.
Изменник очага его.
Свою доказывать невинность,
Ее тем самым обвиняя, —
С моей несогласимо честью,
Ее мне обвинять нельзя.
Так что ж мне предпринять возможно,
Коль совершаю я измену,
Вставая на ее защиту,
А если брошу, низкий я?
Я за нее — я гость нечестный,
Ее я брату предоставлю —
Бесчеловечный я, — где ж выход?
Освобожу — я низкий гость,
Оставлю — я в любви бесчестный.
Как ни взгляни, все будет худо,
Итак умру я, убивая.)

Сеньора, страх свой прогони,
Я благороден, ты со мною.

Сеньор, стучат.

Наверно это
Со шпагой Дон Луис вернулся.
Открой.

О, горе мне! Мой брат!

Не бойся ничего. Вся храбрость
Моя — тебе защитой будет.
Вот тут стань за моей спиною.

СЦЕНА 15-я

Дон Луис. — Донья Анхела, Дон Мануэль, Косме.

Дон Луис

(Идет к Донье Анхеле и обнажает шпагу.)

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Дон Луис

Дон Мануэль

Вот я вернулся. — Это что ж?
Изменница!

Сдержите шпагу,
О, Дон Луис. Я в этой зале
Вас ожидал, когда ушли вы,
И я не знаю, как сюда
Пришла вот эта дама, — ваша
Сестра, согласно заявленью.
Даю вам рыцарское слово,
Что я не знаю, кто она,
И если только говорил с ней,
Так с кем я говорил, не знаю.
Ее я в месте безопасном
Хочу увидеть, — хоть бы мне
Пришлось за то расстаться с жизнью.
Дуэль меж четырьмя стенами
Должна была свершиться тайно,
Теперь ей нужно гласной быть.
Едва ее освобожу я,
Вернусь к предмету нашей ссоры,
И так, как между нами было,
Что честь и шпага стали нам
Два разных довода, и ценных,
Позвольте мне пойти за честью,

Как я позволил вам — за шпагой.

Да, я за шпагою ходил,
Но лишь затем, чтобы немедля
Ее к ногам повергнуть вашим.
С тем обязательством покончив,
Которым с вами связан был,
Могу я биться с вами снова,
Коль возникает новый повод.
Она сестра мне. Предо мною
Ее не уведет никто,
Не будучи ее супругом,
И если взять ее хотите,
Так можете рукою мужа.
Такое слово давши мне,
Ее возьмите, уведите,
И возвратитесь, если нужно.

Я возвращусь, но, увидавши,
Как осмотрительно ты тверд,
Хочу к ногам твоим припасть я.

Встань, встань, прошу я.

И чтоб лучше

Сдержать обещанное слово,
Моя рука твоей сестре.

СЦЕНА 16-я

Донья Беатрис, Исабель, Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Донья Беатрис

Дон Хуан

Косме

(К Дону Мануэлю.)

Дон Мануэль

Косме

Исабель

Косме

И если только в посаженном
Отце здесь будет недостаток,
Я тут: придя сюда, где раньше

Сестру оставил, я молчал
И не хотел идти к несчастьям,
Но выхожу я к наслажденьям.

Раз к этому приходит дело,
Свидетели уместны здесь.

Ты Беатрис, в моем здесь доме?

Я из него не выходила,
Сейчас причину ты узнаешь.

Коль громко случай нас зовет,
Воспользуемся им немедля.

Ну, слава Богу, привиденье
Означилось перед глазами.

Так что же, молви: был я пьян?

Женись на Исабель, коль трезвый.

Женился бы, будь только трезвый,
Да не могу.

А в чем же дело?

Я время не хочу терять,
Ведь это не устроишь сразу.

Воспользуюсь минутой лучше,
Чтобы за автора смиренно
У всех прощенья попросить.

Стойкий принц[21]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Фернандо, принц
Дон Энрике, принц
Дон Хуан Кутиньо
Царь Феса, старик
Мулей, начальник армии
Селин
Брито, шут
Альфонсо, король Португалии
Таруданте, царь Марокко
Феникс, инфанта
Роза

---

[21] Примечания: 21

Драма написана в конце 1628 г. Впервые напечатана в "Первой части комедий Кальдерона" в 1640 г.

В основе сюжета пьесы лежат подлинные исторические события - африканский поход португальских войск под командованием инфантов Фернандо и Энрике (1437). Португальцы тщетно пытались взять Танжер штурмом. Защитники крепости вместе с прибывшим подкреплением разбили португальские отряды. По условиям перемирия инфант дон Фернандо остался в качестве заложника и должен был получить свободу в обмен на крепость Сеуту. Энрике, возвратившись в Португалию, собрал кортесы для ратификации мирного договора. Однако знать и духовенство воспротивились такому обмену. Фернандо умер в плену в 1443 г., лишь в 1473 г. его останки были возвращены португальцам в обмен на знатного мавританского пленника. Вскоре Фернандо был канонизирован как мученик, и его имя обросло множеством легенд.

›››

История принца Фернандо была подробно изложена в хронике "Vida del principe constante, segun la cronica de su secretario Joan F. Alvares y otros infonnaciones". Возможно, что с этой критикой был знаком Кальдерон. Кроме того, он мог знать и пьесу о доне Фернандо (1595-1598), приписываемую (хотя, по мнению некоторых авторитетных критиков, и без должных оснований) Лопе де Вега.

Подвигу Фернандо посвящены 52-я и 53-я октавы I песни поэмы "Лузиады" (1572) португальского поэта Камоэнса (1524-1580).

Сара
Эстрелья
Селима
Португальские солдаты
Пленники
Мавры

Сцена в Фесе и его окрестностях и в окрестностях Танхера. — Действие начинается в 1437 году.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Сад Царя Фесского.

Пленники выходят с пением; Сара.

Сара

Первый пленник

Сара

Второй пленник

Сара

Третий пленник

Сара

Пленники (поют)

Ну, пойте, пойте, звуки песен
С прекрасной Феникс говорят,
Пока она, внимая песне,
Меняет пышный свой наряд.
Ей часто нравились напевы
Печали, плена и скорбей.

Те песни, что рождались волей
Колодок наших и цепей,
Ужель могли ей быть желанны?

Могли и были. Пойте ей.
Она вас слушает отсюда.

То будет худшей из скорбей.
О, Сара нежная, лишь звери,
Лишь птицы, чья душа во тьме,
Чей дух мышленьем не украшен,
Поют, веселые, в тюрьме.

Так никогда вы не поете?

В усладу горести своей,
Но не чужой, слагаем песни.

Она вас слушает. Скорей.

Все высокое сдается
Тяжкой силе долгих лет.
Время с легкостью несется
Для губительных побед.

СЦЕНА 2-я

Роза. — Те же.

Роза

(Пленники уходят.)

Ступайте, пленники, из сада,
И пенье кончите. Сюда
Выходит Феникс молодая,
Как предрассветная звезда,
И ей гордится луг зеленый,
И ей украшены цветы.

СЦЕНА 3-я

Феникс, Эстрелья и Селима, как бы кончая одевать Инфанту. — Сара, Роза.

Эстрелья

Сара

Феникс

Эстрелья

(Ей дают зеркало.)

Феникс

Селима

Феникс

Сара

Роза

Феникс

Сара

Второй зарею к нам являясь,
Как царственно прекрасна ты!

И первая сказать не смеет,
Что ей обязаны одной
Своим багряным блеском — роза,
Жасмин — своею белизной.

Подайте зеркало.

Не надо
Просить совета у него:
Ни одного нет недостатка
В картине лика твоего.

Что в красоте (пусть я признаю,
Что я красива), что мне в ней,
Коль нет веселья, нет блаженства?

Какая ж боль в душе твоей?

Ах, если б знала я, Селима,
Что мучит сердце, мне б тогда
Усладой горести служила
Моя сердечная беда!
Когда б я знала, в чем страданье
И чем нарушен мой покой,
Я назвала бы огорченьем
То, что зову теперь тоской.
Но я лишь чувствую и знаю
Глухую боль каких-то ран,
Воспринимаю огорченно
Души встревоженной обман.

Когда тебя не развлекает

Весною расцвеченный сад,
Где в пышном храме из жасминов
Колонны роз, блестя, молчат,
Отправься к морю: лодка будет
Воздушной колесницей дня.

И на волнах увидя столько
Живого блеска и огня,
Печально сад промолвит морю:
"Уж солнце, в мир бросая тень,
В свое вернулось средоточье:
Как быстро минул этот день!"

Напрасно, образуя тени,
Являя дали, тешит взор,
Средь отражений и сияний,
Земли и моря дружный спор.
С цветами спорят блеском волны,
С волнами речь ведут цветы,
И друг у друга отнимают
Первопрестольность красоты.
Увидя, как умеет море
Движеньем волн своих дышать,

Стремятся в зависти растенья
Его теченью подражать:
И потому зефир влюбленный,
Волнуя цвет и аромат,
Колеблет нежные растенья
И изменяет пышный сад,
И он является не садом,
А океаном из цветов:
И море, видя с огорченьем,
Как вешний сад и свеж и нов,
Стремится также разукрасить
Роскошной пеной берег свой,
Высокие ломает волны,
С их белизной и синевой,
И в состязании изящном,
Вторичный воплотив закон,
Красуется залив зеленый
И голубой цветущий склон,
И красотою ярких перьев,
И переливностью сквозной,
Блистает сад, как море в цвете,
И море точно сад весной:

Так как же тосковать должна я,
Когда привлечь не могут взор
Земля и небо, сад и море?

Велик души твоей раздор.

СЦЕНА 4-я

Царь, с портретом. — Те же.

Царь

Феникс

Царь

Феникс (в сторону)

Царь

Феникс

(В сторону.)

(В сторону.)

Царь

Феникс (в сторону)

(Слышен пушечный выстрел.)

Сара

Царь

Когда недуг твой позволяет
Дать отдых для сердечных бед,
Пусть этот подлинник прекрасный
(То подлинник, а не портрет,
В нем дышит жизнь) тебе расскажет,
На утешение всем нам,
Что Принц мароккский, Таруданте,
Кладет венец к твоим ногам.
Он от него послом явился,
И несомненностью зови,
Что раз посол немым приходит,
Так с ним послание любви.
В его защиту я вступаюсь:
Он десять тысяч мне дает
Проворных всадников, которых
В моих войсках недостает.
А я как раз намереваюсь
Немедля Сеуту отбить.
Пусть стыд положит гнев на милость
И не препятствует любить
Того, кто будет в нашем Фесе,

На много беспечальных дней,
Блистательно короноваться,
Как царь над красотой твоей.

Аллах да будет мне защитой!

Ну, что ж ты опускаешь взор?
Что так тебя тревожит сильно?

Увы, мой смертный приговор.

Что говоришь ты?

Государь мой,
Ты знаешь, что уж столько дней
Ты был мой царь, отец, владыка.
Что ж говорить мне?

(О, Мулей!
Какой тобой утрачен случай!)
Молчание (О, горе мне!)
Есть знак лишь моего смиренья.

(О, лжет душа, горя в огне,
Лжет голос, говоря такое!)

Возьми портрет.

Возьму рукой,

По принужденью, не душою.

Встречают пушечной пальбой
Мулея, кончившего ныне
По морю фесскому блуждать.

И справедлива эта встреча.

СЦЕНА 5-я

Мулей, с жезлом главнокомандующего.
— Те же.

Мулей

Царь

Мулей

(В сторону.)

Феникс (в сторону)

Мулей (в сторону)

Царь

Мулей

Царь

Феникс

Царь

(Царь и дамы садятся.)

Мулей (в сторону)

Царь

(Уходит.)

Дай ноги, Государь, обнять!

Мулей, счастливое прибытье!

Кто, прибывая, видит свет
Такой властительнейшей сферы,
Чьей силой мир кругом одет,
И кто, вступая в пристань, видит
Дочь солнца, ясную зарю,
Его прибытие счастливо,
Я это смело говорю.
Прошу, сеньора, дай мне руку.
Я эту милость заслужил:
Лишь для тебя готовя славу,
Я не щажу послушных сил.

(Ушел как раб, и вновь с любовью,
Как прежде пылкой, прихожу).

(О, небеса! Что предо мною?)
Я с благодарностью гляжу,
Мулей, на преданность и верность.
(Я умираю.) Твой приход
Да будет счастлив.

Нет, как вижу,
Он много мне сулит невзгод.

Что ж нового, Мулей, на море?

Теперь терпенье покажи:
Дурные вести приношу я.

Все, что ты знаешь, нам скажи:
Кто одарен душою стойкой,
Тот с ликом ясности всегда
Добро и зло равно встречает.
Сядь, Феникс нежная, сюда.

Я здесь.

Садитесь все. Внимайте.
Не скрой молчаньем ничего.

(Нет красноречья, нет молчанья,
Увы, у сердца моего.)

Великий Царь, как повелел ты,
С двумя галерами я вышел,
Чтоб совершить объезд по морю
Вдоль берберийских берегов[22].
Твоим намерением было,
Чтоб прибыл я в тот город славный,
Что звался некогда Элисой;
У самой бухты он стоит
Близ Геркулесова пролива[23],
Название его от Сейдо,
А Сейдо, Сеута, в еврейском,
Как и в арабском, красота.
Воистину красив тот город!
Но небеса его отторгли
От твоего венца, владыка;
Быть может, мудрый Магомет
Хотел свой гнев явить нам в этом,
И в посрамленье нашей силы
Нам португальские знамена

---

[22] Примечания: 22

Чтобы совершить объезд по морю // Вдоль берберийских берегов. - Берберийский берег - обозначение, принятое для африканского побережья.

[23] Примечания: 23

Близ Геркулесова пролива... - Имеется в виду Гибралтарский пролив.

На башнях видятся его.
И в них насмешка нашей славы,
Для нашей гордости преграда
Кавказ, которым задержался
Могучий Нил твоих побед[24],
И посредине перервавшись,
Поток разливный остановлен,
И путь в Испанию утрачен.
Так выполняя твой приказ,
Я вышел в море, чтоб разведать,
Какой он вид теперь имеет,
Какие в нем сокрыты силы,
И как вернее можешь ты,
Уменьшив тяжесть предприятья,
Начать войну. Да будет воля
Небес на то, чтобы с победой
Тебе был город возвращен!
Хотя теперь нам ждать придется,
Покорствуя беде важнейшей;

---

[24] Примечания: 24

Для нашей гордости преграда // Кавказ, которым задержался // Могучий Нил твоих побед... - В поэтической лексике того времени Кавказ - частый символ высочайшей преграды; Нил - величайшей реки в мире.

И замысел ты свой отвергни,
Увидя, что зовет другой:
Войска, которые тобою
Для Сеуты предназначались,
Должны к Танхеру устремиться,
Там та же горькая беда,
Там то же горькое несчастье,
Там та же пытка, та же мука.
Я это знаю, потому что
Однажды, утренней порой,
В тот час, когда, полупроснувшись,
И смутный запад попирая,
Выходит солнце, разметавши
Волну сияющих волос
Над нежной белизной жасминов,
Над блеском роз багряноцветных,
И тканью золотой стирает
С очей проснувшейся зари
Сверканье слез огня и снега,
Их превращая в пышный жемчуг,
Вдали на море увидал я
Громаду тяжких кораблей:

И в это первое мгновенье
Не мог решить мой взор смущенный,
Что было там на горизонте,
Утесы или корабли.
Подобно как в живописаньи
Искусной кистью создаются
Виденья, облики, и дали,
И, перспективой обольщен,
То видит глаз глухие горы,
То города с их светлой славой, —
Всегда рождает отдаленность
Толпу чудовищ для очей, —
Так точно в областях лазурных,
Смешавши волны с облаками
И море с небом сочетая,
Сплетенье света и теней
Родило тысячи обманов
Для глаз, увидевших сначала
Лишь облик смутных очертаний
Без различенья четких форм.
Сперва, увидев, что краями
Те отдаленные предметы

Уходят в небо, мы решили,
Что это были облака
Из тех, которые стремятся,
К сафиру моря прикоснувшись,
Зачать потоки дождевые,
Чтоб их кристаллами родить.
И складно было так подумать,
Неисчислимая громада,
Казалось, всю морскую бездну
По капле думала испить.
Потом нам ясно показалось,
Что это рой морских чудовищ
В сопровождении Нептуна
Из водных выступил пещер;
Игрушка утреннего ветра,
Вздувались паруса, качаясь,
И нам казалось, это крылья
Качаются над зыбью волн.
Но этот Вавилон огромный
Приблизился, и было видно,
Что вымпела с их трепетаньем —
Его висячие сады.

Удостоверенное зренье
Тогда узнало без ошибки,
Что это близилась армада
По глади рассеченных вод.
Вкруг кораблей взметались волны,
Они кудрявились, крутились
То серебристыми скалами,
То горами из хрусталя.
Такие вражеские силы
Перед собою увидавши,
Я повернул: порой умело
Бежать — есть тоже победить.
Подробно море это зная,
Зашел я в замкнутую бухту,
Где под прикрытьем двух утесов
Нашел прибежище себе.
И мог без страха встретить ярость
Такой могущественной силы,
Явившейся на изумленье
Земли и моря и небес.
Они пришли, нас не заметив,
И я, желая (столь понятно!)

Узнать, куда армада эта
Направила дальнейший путь,
Решил вторично выйти в море,
И этот раз мои надежды
Напрасными не оказались,
Всевышней волею небес:
От флота сильного отставший
Один корабль на зыби водной,
Незащищенный, слабо бился,
Он, как позднее я узнал,
От всей армады, перенесшей
Свирепость бури, отделился,
И был разбит, и был разорван,
И так наполнен был водой,
Что не могли его насосы
Ее вычерпывать: качаясь
И наклоняясь вправо, влево,
Он выплывал и утопал,
Я подошел к нему вплотную,
И утопавших тем утешил,
Хоть я и мавр, — иметь в несчастьи
Товарища, — приятно всем,

Настолько, что усладой служит
И вид врага. Желанье жизни
Настолько охватило многих,
Что, сделав лестницей канат,
Они сдались, хотя другие
Их осуждали, восклицая,
Что жить — не жить, живя без чести,
И с португальским хвастовством
Сопротивленье оказали.
Один из сдавшихся подробно
Поведал, что армада эта
Из Лиссабона шла в Танхер,
Чтоб осадить его геройски,
И на стенах его зубчатых
Чтоб португальские знамена
Блистали так же, как всегда
На Сеуте мы это видим,
Когда выходит в небо солнце.
Царь португальский, Эдуарте,
Чья слава, полная побед,
Витает с римскими орлами,
Своих двух братьев посылает,

Энрике и Фернандо, славу
Столетья нашего, чтоб здесь
Они победой увенчались.
Магистры ордена — чье имя
Христос и Авис, — эти братья[25]*;*
И на груди у них кресты,
Зеленый крест и крест багряный.
Они четырнадцати тысяч
Солдат выплачивают деньги,
Тех не считая, государь,
Что служат им в свой счет, бесплатно.
Коней могучих десять сотен
Дала испанская надменность,
И каждый конь — как ягуар,
Как ягуар, одетый тигром.
Они теперь уже в Танхере,
И в этот час, о, государь мой,

---

[25] Примечания: 25

Магистры ордена - чье имя // Христос и Авис, - эти братья... - Ависский орден - португальский духовно-рыцарский орден, был основан в 1162 г. кастильскими рыцарями ордена Калатравы. Получил название по городу Авису, в 1162 г. сыграл значительную роль в истории Реконкисты (в 1789 г. перестал существовать). Орден Христа - португальский духовно-рыцарский орден, основанный в 1319 г. королем Дионисием I.

Ступают по его пескам,
А если нет, то проплывают
Вдоль берегов. Так поспешим же
И защитим его: бесстрашно
Бич Магомета подними,
И лучший лист из книги смерти
Исторгни властною рукою,
Быть может, совершится ныне,
Что Морабиты предрекли, —
Что португальская корона
Найдет злосчастную могилу
Среди песков, сожженных солнцем,
На африканских берегах.
Пусть силою меча кривого
Кровь португальцев изольется,
И ширь полей зелено-синих
Воспримет ярко-алый цвет.

Молчи, не говори мне больше,
Твои слова смертельный яд,
Они во мне свирепость будят
И казнью лютою казнят.
Пускай Инфанты с мощной ратью

Идут, подобные огню.
Я укрощу смельцов кичливых
И в Африке похороню.
Мулей, ты с конницей немедля
Отправься к берегу и там
Держись, пока с своею силой
Я не приду на помощь к вам.
Твоей я крови доверяюсь.
Ты в стычку вовлеки врагов,
Не дозволяя захватить им
Все протяженье берегов,
А я с проворностью такой же,
Как ты, неся с собой беду,
Всех остальных бойцов бесстрашных
На поле битвы приведу.
Мы кровью спор запечатлеем,
Мы явим для веков пример,
И Сеута моею будет,
Им не достанется Танхер.

СЦЕНА 6-я

Феникс, Мулей, Сара, Роза, Эстрелья, Селима.

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

Феникс

Мулей

(Уходят.)

Хоть ухожу, но не хочу я
Уйти, о, Феникс, без того,
Чтоб не сказать, что умираю
Я от недуга моего.
И мой недуг меня заставит
Почтительность к тебе забыть:
Но тот, кто ревностью терзаем,
Учтивым может ли он быть?
В твоей руке прекрасно-белой
Скажи, врагиня, чей портрет?
Кто этим счастием обласкан?
Скажи мне, кто? Но, впрочем, нет.
Не говори мне оскорблений:
Не слыша от тебя, кто он,
Его в твоей руке увидя,
Я слишком, слишком поражен.

Мулей, хотя мое желанье
Тебе позволило любить,
Но оскорбительным, но грубым
Со мною ты не должен быть.

То правда, Феникс, сам я знаю,

Что так нельзя мне быть с тобой;
Но видит небо, что, ревнуя
И мучаясь, я сам не свой.
Тебе служил, тебя любил я,
Тебя я в сердце берегу;
Но если я молчал, влюбленный,
Молчать, ревнуя, не могу.

Твоя вина не заслужила,
Чтоб объясненья я дала,
Но для себя самой хочу я,
Чтоб не было меж нами зла.
Причина есть...

Так есть?

Конечно.

Да сохранит тебя Творец!

Портрет мне...

Послан?

Тарданте.

Зачем?

Затем, что мой отец,

Не зная о моей заботе...

Отлично.

Пожелал, чтоб два
Владенья царские...

Довольно.
Причина, значит, такова?
Творец тебя да покарает!

Но в чем, скажи, моя вина,
Когда отец замыслил это?

Ты лучше умереть должна
Была сегодня, но портрета
Не принимать.

Свою боязнь
Могла я скрыть, но что же сделать
Могла бы я?

Пойти на казнь,
Как я пошел бы.

Неизбежность.

Ты позабыла свой обет.

Я уступила поневоле
Насилию.

Насилья нет!

Так что же?

Я, с тобой расставшись,
Мою надежду схоронил.
И так как снова убеждаться
В твоей измене — выше сил,
Я ухожу, — ты можешь, Феникс,
Мне пожелать побольше зла.

Иди, разлука неизбежна...

Уже душа моя ушла.

В Танхер, а сетованья после
Окончишь в Фесе, в свой черед.

Да будет мой недуг продолжен.

Прощай, разлука нас зовет.

Итак, портрета не отдавши,
Ты мне велишь теперь идти?

Когда б не Царь, его давно бы

Я уничтожила.

Пусти,
Отдай же, говорю, портрет мне,
Пусть вырву из руки — того,
Кто за моей спиною вырвал
Меня из сердца твоего.

СЦЕНА 7-я

Побережье Танхера.

За сценой слышен звук рожка, шум высадки на берег, затем выходят Дон Фернандо, Дон Энрике, Дон Хуан Кутиньо и португальские солдаты.

Дон Фернандо

Дон Энрике

(Падает.)

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

(Уходит.)

О, Африка прекрасная, пусть первым
На берег твой песчаный я вступлю,
Чтоб тяжести шагов ты уступила,
Как волны уступают кораблю.

А я вторым на почве африканской
Встаю.

Да осенит нас Дух Святой!
И здесь за мною следом предвещанья.

Энрике, прогони свой страх пустой.
Раз ты упал, паденье это значит,
Что пред тобою самая земля,
Как пред царем, объятья раскрывает.

Пустынны горы, долы и поля,
Арабы, увидав нас, прочь бежали.

Танхер закрыл ворота стен своих.

Граф де Миральва, Дон Хуан Кутиньо,
Враги ушли, но мы отыщем их.
Исследуйте подробно поле битвы,

И прежде чем полдневный жгучий зной
Нас будет жечь и ранить беспощадно,
Забросьте в город возглас боевой.
Скажите, чтоб не думал защищаться,
А ежели царит упорство в нем,
В Танхер ворвавшись, быстро я сумею
Его наполнить кровью и огнем.

Смотри же, как, направившись к воротам,
Я вплоть до крепостных приближусь круч,
Хотя бы там вулкан огней и молний
Извергнул к солнцу сонмы дымных туч.

СЦЕНА 8-я

Брито, Дон Фернандо, Дон Энрике, португальские солдаты.

Брито

Дон Энрике

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

Благодаренье Богу, я на суше.
Иду, куда хочу. Апрель и май.
Ни тошноты, ни ужасов, ни качки,
И я не в море. Ну, вода, прощай.
Не в море я, где даже самый быстрый
К чудовищу из дерева причтен,
И может быть судьею этим глупым
Внезапно на погибель осужден.
Родимая земля, да не умру я
В воде, и до последнего конца
Пускай и на земле не умираю.

Ты можешь слушать этого глупца?

А ты так безрассудно, безутешно
Не слушаешь, как шепчет страх в тебе?

Душа моя полна предчувствий темных,
И казнь моя желательна судьбе:
Везде я вижу только лики смерти,
С тех пор как флот оставил Лиссабон,

Едва на этот берег берберийский
Набег армады нашей был решен,
Как Аполлон, весь в саване туманов,
Сокрыл свой образ, между туч, вдали,
И море, бурей бешеной объято,
Вдруг разметало наши корабли.
Взгляну на море — там ряды видений,
На небо — там в лазури вижу кровь,
На воздух — там ночные вьются птицы,
Смущенный, я смотрю на землю вновь,
Разъятая, она могилы кажет,
Я падаю, бессилием объят.

Я изъясню тебе твои сомненья,
Печалиться не нужно, милый брат.
Один корабль у нас разбила буря,
И этим самым море предрекло,
Что слишком много войска взято нами;
Оделось небо пышно и светло,
В багряный цвет, — не ужас в том, а праздник;

Чудовища нам видятся в воде
И птицы в ветре — создали не мы их,
И если здесь мы видим их везде,
Они конец кровавый предвещают
Своей земле. Не верь в пустой обман,
Приличны эти все приметы маврам,
В них указаний нет для христиан.
Мы оба христиане, и с оружьем
Не для тщеславья прибыли сюда,
Не для того, чтоб мир в бессмертных книгах
Сказания о нас читал всегда.
Пришли мы возвеличить веру в Бога,
Ему и честь и слава надлежит,
Когда дозволит, будем жить счастливо:
Гнев Божий нас повсюду сторожит.
Его страшиться должно; но не в страхах
Пустых нисходит гнев с Его вершин:
Ему служить пришли мы, не обидеть:
Так будь же до конца христианин.

Но что случилось?

СЦЕНА 9-я

Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Энрике

(Уходят.)

Брито

(Уходит.)

(За сценой слышен призыв к оружию.)

Повелитель,
Идя к стене, как ты сказал мне,
На склоне той горы высокой
Я конный увидал отряд;
Сюда стремится он из Феса,
И так наездники проворны,
Что кони, кажется, не кони,
А перелетных стая птиц.
Их не поддерживает ветер,

Земля едва их ощущает,
И воздух и земля не знают,
Они бегут или летят.

Так поспешим же к ним навстречу,
Вперед направим мушкетеров,
За ними с копьями и в латах
Пусть выйдут конные бойцы.
Начало доброе, Энрике,
Нам обещает этот случай.
Его приветствовать должны мы.
Итак, мужайся.

Я твой брат.
Не устрашит меня неверность
Такого случая и даже
Не устрашил бы облик смерти.

А что касается меня,
Мне надо быть всегда в засаде.
И стычка же! На копья — копья.
Турнир, скажу вам, превосходный,
Ну, надо мне скорей в тайник.

СЦЕНА 10-я

Другой пункт побережья. Дон Хуан и Дон Энрике, сражаются с несколькими маврами.

Дон Энрике

Дон Хуан

Дон Энрике

Дон Хуан

Дон Энрике

Дон Хуан

(Уходят.)

Смелей, на них, уже разбиты,
Повсюду мавры отступают.

Поля убитыми покрыты
Солдатами и лошадьми.

А что ж не видно Дон Фернандо?

В пылу борьбы он где-то скрылся.

Отыщем же его, Кутиньо.

Где ты, повсюду я с тобой.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо, со шпагой Мулея, и Мулей, с одним только щитом.

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

(Уходит.)

Дон Фернандо

Мулей (за сценой)

Дон Фернандо

Мулей (за сценой)

Дон Фернандо

Мулей (за сценой)

Дон Фернандо

(За сценой слышны барабаны и трубы.)

На поле битвы опустелом,
Что общей кажется могилой,
Или театром самой смерти,
Остался, мавр, один лишь ты,
Твои солдаты отступили,
Твой конь струит потоки крови,
Покрытый пеною и пылью,
Он возмущает дольний прах,
И меж коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Тебя добычей он оставил
Моей властительной руки.
И я горжусь такой победой,
Ее желаннее иметь мне,
Чем видеть это поле битвы
Венчанным злостью гвоздик.
Так много пролито здесь крови,
И так украсилось ей поле,
И так несчастие громадно,
Что утомленные глаза,

Проникшись жгучим состраданьем,
Уставши всюду видеть гибель,
Невольно ищут, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет.
Итак, твою сразивши храбрость,
Я из коней, бродивших в поле,
Взял одного, и оказался
Таким чудовищем тот конь,
Что, сын ветров, он притязает
Быть у огня усыновленным,
И между пламенем и ветром
Его оспаривает цвет,
Он белый весь, и потому-то
Вода сказала: "Он рожденье
Моих глубин, его из снега
Могла сгустить одна лишь я".
По быстроте он, словом, ветер,
По благородству — пламя молний,
По белизне — воздушный лебедь,
По кровожадности — змея,
По красоте — высокомерный,
По дерзновенности — могучий,

По ржанью звонкому — веселый,
По груди сильной — великан.
Сев на седле и сев на крупе,
Вдвоем с тобой чрез море крови
Мы проносились между трупов
На оживленном корабле,
И между пеною и кровью,
Как бы играя в перламутре,
Он от хвоста до самой челки
В стремленьи бешеном дрожал
И, чуя тяжесть над собою,
Двойною парой шпор пронзенный,
Он мчался, чудилось, влекомый
Теченьем четырех ветров.
Но и такой атлант могучий
Под тяжестью своей сломился,
Затем что тяжкий гнет несчастий
И зверю чувствовать дано;
А может быть в своем инстинкте
Задет, он про себя промолвил:
"Веселым шествует испанец,
Печальным едет в путь араб:

Так против родины я буду
Изменником и вероломным?"
Но будет говорить об этом.
Глубоко опечален ты,
Скрывает сердце, сколько может,
Но ты устами и глазами
Изобличаешь те вулканы,
Что у тебя в груди кипят,
И шлешь ты пламенные вздохи,
И слезы нежные роняешь,
И каждый раз, как обернусь я,
Моя душа удивлена;
Должна другая быть причина,
Которая тебя печалит,
Не мог твой дух одним ударом
Судьбы жестокой быть сражен:
И было бы несправедливо
И дурно, если б о свободе
Так горько плакал тот, кто может
Так тяжко раны наносить.
И потому, коль, рассказавши
Другому о своем несчастьи,

Тем самым горе облегчаешь, —
Пока к моим мы не придем,
Раз эту милость заслужил я, —
Тебя степенно и учтиво
Я убеждаю, расскажи мне,
Какое горе у тебя.
Скорбь сообщенная бывает
Не побежденной, но смиренной,
И я, виновник самый главный
Превратности твоей судьбы,
Желаю быть и утешеньем
И устранителем причины
Твоих печальных воздыханий,
Коли причина разрешит.

Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
И ты словами побеждаешь,
Как шпагой можешь побеждать.
Когда меня на поле битвы
Ты победил мечом могучим,
Ты жизнь мою своею сделал,
И вот вторично взят я в плен;

Моя душа твоею речью
Побеждена, ты повелитель
И над душою и над жизнью,
Ты и жесток и милосерд,
И побежден тобой я дважды
Оружием и обращеньем.
Ко мне проникшись состраданьем,
Испанец, ты меня спросил,
О чем я пламенно вздыхаю;
Я сознаю, что, если скажешь
Другому о своем несчастьи,
Оно тогда умягчено,
Но сознаю я вместе с этим,
Что тот, кто говорит о боли,
Желает, чтоб она смягчилась,
Моя же боль в моей душе
Царит настолько над моими
Восторгами, что, не желая
Смущенья их и облегченья,
Хотел бы я о ней молчать;
Но нужно мне повиноваться,
И я тебе открою тайну.

Я Фесского Царя племянник,
И называюсь шейх Мулей.
Мой род прославлен многократно
Наместниками и пашами.
Но я был сыном злополучии
С первоначальных дней моих,
И даже на пороге жизни
Родился я в объятьях смерти.
Пустыня, что была великой
Могилой для испанских войск,
Была моею колыбелью:
Узнай, что я родился в Хельве[26],
В тот самый год, когда у Хельва
Вы пораженье понесли.
Явился я к Царю Инфантом,
Служить ему. — Но тут начало
Моих печалей и несчастий:
Казни, судьба, меня, казни.
Я красоту увидел в Фесе,

---

[26] Примечания: 26

Узнай, что я родился в Хельве... - Хельвы - одна из транскрипций названия острова Джерба (залив Габес в Средиземном море), вблизи которого в начале XVI столетия происходили жестокие сражения испанских войск с турками и маврами.

Она, мое очарованье,
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить мог.
И чтоб любовь была вернее,
Чтоб не могла она порваться,
Росли мы оба неразлучно
С первоначальных наших лет,
И в те младенческие годы
Любовь не молнией явилась,
Когда глубоко поразила
Не силу и не высоту,
А нежность, трепетность, смиренность,
И, чтоб явить свое господство,
Она неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Но как вода своим упорством
На камне след обозначает
Не силою своих ударов,
А тем, что падает всегда,
Так неотступными слезами
Сумел пробить я камень сердца,

Который в долгом равнодушьи
Казался тверже, чем алмаз;
Не силою заслуг особых,
А тем, что я любил безмерно,
Ее заставил я смягчиться,
И, осчастливлен ею, жил,
Хотя недолго, наслаждаясь
Восторгами любви блаженной,
Но отлучился на несчастье:
Довольно этим я сказал!
Другой влюбленный в это время
Меня убил своей любовью,
Он счастлив был, а я несчастен,
Он близко был, я далеко,
И я в плену, а он свободен,
Так велико противоречье
Его судьбы с моей судьбою:
Решай, могу ли я скорбеть!

О, смелый мавр и в чувствах нежный,
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И очарован, как сказал мне,
И любишь, как изобразил,

И так ревнуешь, как вздыхаешь,
И так мечтаешь, как боишься,
И так желаешь, как тоскуешь,
Блаженно мучаешься ты.
Один лишь выкуп мне желанен:
Чтобы твоим был этот выкуп.
Вернись к возлюбленной, скажи ей,
Что португальский дворянин
Тебя в рабы ей посылает:
А ежели она захочет
Мне заплатить из чувства долга,
Мое добро бери себе:
Возьми у ней любовь как деньги
И получи с нее проценты.
Смотри, уж конь, упавший наземь,
Передохнул и снова встал;
Я знаю, что зовут любовью,
И знаю, в чем беда разлуки,
Тебя удерживать не стану,
Бери коня и поспешай.

Я не скажу тебе ни слова;
Кто дар свой щедро предлагает,

Тот награжден уже тем самым,
Что принят добровольный дар.
Скажи мне, португалец, кто ты?

Не более, как благородный.

Кто б ни был ты, я это вижу.
Я буду навсегда твой раб,
Как в счастии, так и в несчастьи.

Бери коня, не медли. Поздно.

Когда тебе так показалось,
Что чувствует, кто был в плену
И кто к любви спешит, свободный?

Великодушно — дать другому
Свет жизни.

Храбрый португалец!

Он с лошади мне говорит.
Чего ты хочешь?

Я надеюсь,
Что будет день, когда сумею
Я отплатить за это благо.

Да усладит тебя оно.

Добро не может потеряться.
Аллах тебя да сохраняет,
Испанец смелый[27].

Если только
Аллах есть Бог, будь счастлив с ним.

Но что за трубный звук я слышу?
Им ветры быстрые полны,
Загрохотали барабаны,
Я слышу музыку войны.

СЦЕНА 12-я

Дон Энрике, Дон Фернандо.

---

[27] Примечания: 27

Разговор между Мулеем и дон Фернандо представляет собой переделку стихотворения знаменитого поэта Гонгоры, которое, в свою очередь, было написано под влиянием народной песни. Поэты тех времен, также как и живописцы, не стесняясь, подражали друг другу, заимствовали друг у друга, желая достигнуть идеальных образцов в искусстве. Приведем стихотворение Гонгоры:

ИСПАНЕЦ ИЗ ОРАНА

Среди коней, освобожденных
От седоков своих убитых,
Что ищут в поле, не глядит ли
Меж красного зеленый цвет,
Берет испанец из Орана
Коня, что бродит одиноко,

По ржанью звонкому - веселый,
По груди сильной - великан.
И на него он сам садится
И мавра пленного сажает.
Ста всадников начальник храбрый,
Его в бою он захватил.
На быстрого коня садятся;
Двойною парой шпор пронзенный,
Несется он, как бы влекомый
Теченьем четырех ветров.
Печальный в путь араб поехал,
И, как умел, настолько тихо
Метал он пламенные вздохи,
И слезы горькие ронял.
И каждый раз, как обернется,
Испанец видит с изумленьем,
Что нежно плачет, кто в сраженьи
Так тяжко раны наносил.
И вот степенно и учтиво
Его он просит, чтоб сказал он,
Какая этих слез причина,
Коли причина разрешит.
И пленный, пленником являясь,
Без отговорок отвечает,
И на вопрос, дышавший чувством,
Испанцу так он говорит.

- Велик ты в храбрости, испанец,
И так учтив ты, как бесстрашен;
Оружием и обращеньем
Двояко ты меня пленил.
Меня спросил ты о причине
Моих горячих воздыханий,
И должен я тебе ответить,
Раз я есть я, и ты есть ты.
От берберийки благородной
И от губительного турка
Родился в Хельве я в тот год, как
Разбиты в Хельве были вы.
Я воспитался в Тремесене,
Близ матери моей и близких,
Как сирота; отец мой умер,
Корсаром трех морских судов.
Одна красавица из рода
Мелионесов благородных
Жила близ моего жилища,
Чтоб ближе смерть я встретить мог.
Предел среди красивых женщин,
Коль не предел среди жестоких,
И, словом, дочь пустынь песчаных,
Родительниц красивых змей.
Столь красота ее прекрасна,
Что на устах ее гвоздики

Цветут верней, чем это видим
В два ярких месяца весны.
Чуть только на нее взгляну я,
Ее чело сияет солнцем,
Одетых столькими лучами,
Насколько пышны волоса.
Мой разум, ею побежденный,
Красноречиво говорит мне
Чтоб я простил ее жестокость
И только помнил красоту.
Росли мы оба неразлучно,
И в те младенческие годы
Любовь неравными стрелами
Пронзила юные сердца.
Как золото, во мне возникнув,
Она сплелася нежной сетью,
В ней, как свинец, одни насмешки
И небреженье родила.
Так вот, испанец, та причина,
Которой к скорби я подвигнут:
Решай, имею ль основанье
О стольких горестях скорбеть!
- О, смелый мавр, - ему сказал он. -
Коль ты влюблен, как повествуешь,
И если любишь, как сказал мне,
Блаженно мучаешься ты.

Кто мог бы думать, увидавши
Твои свирепые удары,
Что в сердце столь суровом скрыта
Такая нежная душа?
Коль ты пленен любовью, можешь
Сейчас отсюда возвратиться,
А то сочтут, пожалуй, кражей
То, в чем я видел лишь судьбу.
И выкупа я не желаю,
Пусть мне она не посылает
Ни багряниц весело-цветных,
Ни превосходнейших ковров.
Свободен ты, иди же с Богом,
Страдай, люби, и жить ты будешь,
Когда же ты ее увидишь,
Прошу я, вспомни обо мне.
И вот с коня испанец сходит.
За ним и мавр сошел на землю,
И, на земле пред ним простершись,
Целует ноги у него.
И говорит: - О, вождь бесстрашный,
Живи еще тысячелетье,
Ты бравым был, меня пленивши,
Вдвойне был бравым - отпустив.
Аллах с тобою да пребудет,
И даст тебе всегда победу,
Дабы распространил ты славу
В деяньях доблести такой.
Когда впервые изменилась
Жестокость той змеи красивой,
Меня как раз в бою пленил ты.
Решай же, мог ли я скорбеть!

(Romancero general, f. 1, p. 123, Bibl. de aut. esp. t. X. - К. Б.).

Дон Энрике

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

Фернандо, я к тебе с известьем.

Что нового?

Ты слышишь шум?
Войска из Феса и Марокко
На нас примчались, как самум.
Нежданно прибыл Таруданте,
Чтоб фесскому царю помочь,
Сам царь пришел с огромным войском,
И обступили нас, как ночь.
Ведя осаду, их войсками
Мы с двух сторон осаждены,
С одним рука с рукой сразимся,
Другому тыл предать должны.
Нас ослепили блески Марса.
Что делать нам в беде такой?

Что делать? Умереть, как должно,
С невозмутимою душой.

Мы два Маэстре, два Инфанта,
Довольно было бы сказать —
Два португальца, чтобы страха
Ни перед чем не показать.
Так повторим, Христос и Авис,
Христос и Авис навсегда,
И с радостью умрем за веру,
Коль умереть пришли сюда.

СЦЕНА 13-я

Дон Хуан. — Дон Фернандо, Дон Энрике.

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

(Уходят с обнаженными шпагами, и возникает битва.)

В недобрый час на этот берег
Сошли мы с наших кораблей.

Не время говорить об этом,
Сражаться нужно нам. Смелей!

Судьба взывает к нашей силе,
Мы вражьей стиснуты толпой,
Итак, на бой. Христос и Авис!

Идемте все. На бой, на бой!

СЦЕНА 14-я

Брито

(Бросается на землю.)

Не выйти нам из переделки,
Два против одного сошлись.
Преподлая, скажу вам, штука.
О, небо, небо, отворись!
Хоть щелку маленькую дай мне,
Чтоб смерти избежать тому,
Кто вышел в битву, сам не зная,
Ни для чего, ни почему.
Давай-ка притворюся мертвым[28],
А заодно, не будь я глуп,
Вменю себе, что это время

---

[28] Примечания: 28

Давай-ка притворюся мертвым... - Совершенно таким же образом поступает у Шекспира Фальстаф в I части Генриха IV (V; 4) (К. Б.).

Я не жил, будучи как труп[29].

СЦЕНА 15-я

Мавр, с обнаженным мечом нападает на Дона Энрике. — Брито, на земле.

Мавр

Дон Энрике

(Топчут лежащего Брито и уходят.)

Брито

Кто отражает так удары
Руки, струящей свет огней
Четвертой сферы?[30]

Тот, кто может,
Доверясь храбрости своей,
С врагами бешено сражаться

---

[29] Примечания: 29

А заодно, не будь я глуп, // Вменю себе, что это время II Я не жил, будучи как труп. - В оригинале у Кальдерона эти строки даны по-португальски. В силу языковой близости они понятны испанскому читателю. В переводе сохранить эту особенность практически невозможно.

[30] Примечания: 30

...свет огней // Четвертой сферы. - Четвертой сферой является Солнце, занимающее в планетной системе Птолемея четвертое место (К. Б.).

Как со свирепыми зверьми.
Кто я, тебе мой меч покажет.

И топчет же. Ах, черт возьми!

СЦЕНА 16-я

Мулей и Дон Хуан, Кутиньо, сражаясь. — Брито.

Мулей

Дон Хуан

(Уходят оба.)

Брито

Я вижу, португалец смелый,
Как сила велика твоя,
И не смущаюсь, вам победу
Сегодня дать хотел бы я.

О, горе мне, куда ни встану,
Топчу я трупы христиан.

Топчи, пожалуй, только я-то
Зачем в удел топтанью дан?

СЦЕНА 17-я

Дон Фернандо, отступая перед Царем и другими маврами. — Брито.

Царь

Дон Фернандо

Высокомерный португалец,
Я обещание даю,
Что если ты оружье сложишь,
Ты дружбу получил мою.
Скажи мне, кто ты?

Только рыцарь.
И больше сведений не жди.
Убей меня.

СЦЕНА 18-я

Дон Хуан, становится рядом с Доном Фернандо. — Те же.

Дон Хуан

Царь

Пусть враг сначала
Найдет отпор в моей груди,
Она стеной алмазной будет.
Вперед, Фернандо, дай им знать
Свою наследственную храбрость.

Чего еще мне больше ждать?
Пусть прекратится спор оружья,
Не нужно больше славы мне:
Раз этот пленник мной захвачен,
Победа решена вполне.
Во имя плена или смерти
Исполни, что я говорю:
Твой рок свершен, отдай же шпагу,
Фернандо, Фесскому Царю.

СЦЕНА 19-я

Мулей; потом Дон Энрике. — Те же.

Мулей

Дон Фернандо

(Входит Дон Энрике.)

Дон Энрике

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Мулей (в сторону)

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Энрике

Дон Фернандо

(Уходят.)

Что вижу?

Лишь Царю бы отдал

Я шпагу: не отдать ему —
Не мужество, а безрассудство.

Мой брат!

Волненью своему,
Энрике, не давай быть явным;
Мы тешились в пылу борьбы,
Прими же эту неудачу,
Как переменчивость судьбы.

Теперь, Энрике, Дон Фернандо
В моих руках: и я могу
Лишить вас жизни: но в победе
Я не желаю мстить врагу.
Я шел лишь на свою защиту,
И если вашу кровь пролью,
Такой я не достигну славы,
Как сохранив вас, в честь мою.
И чтобы выкуп был вернее,
Вернись к Царю, пусть знает он,
Что здесь Фернандо, и тобою
Он может быть освобожден.
Но пусть запомнит Эдуарте,

Что не получит он его,
Покуда Сеута не будет
Владеньем царства моего.
А Вас, светлейший Принц, прошу я
Теперь пожаловать за мной,
Идемте в Фес.

Иду за сферой,
Чей свет — путеводитель мой.

Итак, за ревностью и дружба
Зажжет мой дух огнем борьбы.

Энрике, я в плену останусь,
Но не страшусь моей судьбы.
Ты скажешь брату, чтобы в этом
Нежданном бедствии моем
Он был Царем-христианином.

Ужель ты усомнишься в нем?

Я говорю, христианином
Пусть явит он теперь себя.

И таковым сюда вернусь я.

О неизбежном не скорбя,

Иди. Обнимемся.

Ты пленник,
Меня пленяешь.

Дон Хуан,
Прощай.

Я остаюсь с тобою.

О, друг, ты мне судьбою дан!

О, злополучное событье!

Скажи Царю... Но, впрочем, нет.
Лишь передай мое молчанье
Царю, как горький мой привет.

СЦЕНА 20-я

Мавры. — Брито.

Первый мавр

Второй мавр

Брито

(Встает и нападает на них.)

Еще христианин убитый.

Сегодня порубились мы.
Давай-ка бросим трупы в море,
Во избежание чумы[31].

А вот давайте-ка сперва я
Открою настеж вам башки;

Мы, португальцы, и умерши,
Довольно на руку бойки.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Горный склон близ садов Царя Фесского.

Феникс, и тотчас Мулей.

Феникс

Мулей

Феникс

(Уходит.)

---

[31] Примечания: 31

Давай-ка бросим трупы в море, // Во избежание чумы. - И после завоевания Сеуты бросали трупы в море. Страх перед чумой не был безосновательным: позднее она полтора года свирепствовала в Фесе. В Португалии она также неоднократно вспыхивала в XV в., короли Дуарте и Альфонсо V были ее жертвами (К. Б.).

Эстрелья! Роза! Сара! Что же,
Никто меня не слышит?

Я.
Ты для меня горишь как солнце,
Я пред тобой как тень твоя.
Услышав голос твой певучий,
Ускорил я свои шаги.
Чего ты хочешь?

Здесь останься
И мне советом помоги.
Как рассказать, сама не знаю.
Под тенью нежною ветвей,
Неблагодарный, льстивый, вольный,
И сладостный, бежал ручей,
В волне серебряно-хрустальной
Качая свет дневных лучей;
Неблагодарный, потому что
Не хочет ждать, стремясь вперед;
И льстивый, потому что шепчет,
Но, сам не чувствуя, течет;
И вольный, потому что звонко

Журчанье сладостное льет.
Я по горе гналась за зверем,
К ручью случайно подошла;
И ощутив, как между веток
Прохладно дышит полумгла,
Остановилась в этой чаще
И на мгновенье прилегла.
На этом склоне многоцветном
Гирляндами дышал жасмин,
Там были алые гвоздики,
Весенняя краса долин,
В расцвет растений изумрудных
Вплетался радостный кармин.
Но только душу предала я
Журчанью нежному, как пух,
Как вдруг я слышу шелест листьев,
Гляжу, насторожила слух,
Старуха, вижу, африканка,
Не человек, а точно дух.
Живой скелет того, что было
Лишь тенью бледной и пустой,
Чело наморщено, угрюмо,

Весь вид обманчивый и злой,
Как бы древесный ствол иссохший
И с неободранной корой.
И трепещи, — с печалью темной,
Как бы в предвиденьи невзгод,
Она протягивает руку,
И за руку меня берет,
И тут уж я — как ствол недвижный,
И у меня по жилам — лед.
И в сердце ужас пробуждая,
И сохраняя страшный вид,
Ко мне свой голос обратила,
И яд смертельный в нем горит,
Так быстро-быстро зашептала,
И так невнятно говорит:
"Беда, несчастная, проклятье,
Неустрашимая беда!
Твоя краса ужели будет
Ценою трупа навсегда?"
Она сказала, и от скорби
Я не избавлюсь никогда.
Я не живу: а умираю.

От привиденья — беглеца
Я услыхала предвещанье,
И жду зловещего конца.
О, горе, горе мне! Я буду
Ценой презренной мертвеца!

СЦЕНА 2-я

Мулей

Легко понять химеру эту,
Легко распутать этот сон.
В них образ той жестокой пытки,
К которой дух мой присужден.
Супругой будешь Таруданте,
Ему ты руку дашь свою;
Но лишь об этом я помыслю,
Как слышу в сердце смерть мою.
Но я избегну этой пытки;
С тобой не будет он счастлив,
Твоей любовью не упьется,
Меня сначала не убив.
Тебя утратить, это можно,

Но жить, утратив, — свыше сил.
Раз нужно, значит, чтоб меня он,
Пред тем как взять тебя, убил,
Так жизнь моя ценою будет,
Которой купит он тебя.
И так как я умру, ревнуя,
И негодуя, и любя,
Свершится это предсказанье,
И ты поймешь его, когда,
Меня утратив, будешь вправду
Ценою трупа навсегда.

СЦЕНА 3-я

Дон Фернандо, три пленника. — Мулей.

Первый пленник

Второй пленник

Третий пленник

Дон Фернандо

Первый пленник

Второй пленник

(Пленники уходят.)

Ты на охоту шел, Фернандо,
Тебя увидеть — радость нам,
И мы, в саду работу бросив,
Пришли припасть к твоим ногам.

Решением всевышним рока
Нет радости у нас иной.

И в этом милосердье неба.

Друзья, обнимемтесь со мной.
И видит бог, когда бы мог я
Разрушить тяжкий гнет цепей,
Я вашей бы хотел свободы
Скорей и раньше, чем моей.
Но думайте, что это было
Благословением небес, —
Что мы здесь вместе муку терпим;
Просвет надежды не исчез
Для тех, кто мудростью умеет
Все злоключенья побеждать;
Перетерпите гневность рока,
И будем перемены ждать:

Судьба, жестокая богиня,
Вчера цветок, сегодня труп,
Меняясь, наш удел изменит
Усмешкою капризных губ.
О, Господи! Я понимаю,
Что дать несчастному совет
И оказать лишь словом помощь,
В том мудрости особой нет.
Но если этот раз лишь в слове
Вся помощь слабая моя,
Тут нет вины моей, простите,
Мне дать вам нечего, друзья.
Я думаю, что нам подмога
Из Португалии спешит,
И то, что прислано мне будет,
Все вам, друзья, принадлежит.
А если выкуплен из плена
Я буду, слово вам даю,
Вы все отправитесь со мною.
Работу выполнять свою
Теперь идите, чтоб хозяев
Своих не раздражать ничем.

Властитель, жизнь твоя — отрада
И утешение нам всем.

Живи, наш повелитель, дольше,
Чем Феникс, что живет века.

СЦЕНА 4-я

Дон Фернандо, Мулей.

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

(Уходит.)

Дон Фернандо

Скорблю, ни с чем вас отпуская,
И велика моя тоска.

Кто им поможет!

Здесь смотрю я,
С какой любовью ты сумел
Смягчить невольникам их участь.

Меня печалит их удел.
Глядя, как мрачная превратность
На них свою бросает тень,
Я научаюсь быть несчастным;
И может быть настанет день,
Когда мне будет это нужно.

Ты Принц, и думаешь о том?

Родясь Инфантом, волей рока,
Я ныне сделался рабом:
И я отсюда заключаю,
Что если этим стать я мог,
Быть может худшее готовит
Мне в будущем неверный рок:
Между Инфантом и плененным
Длиннее путь судьбой пройден,
Чем между тем, кто просто пленник
И тем, кто более пленен.

Взывает день ко дню другому,
И вновь зовет его другой,
Соединяя в звенья цепи,
Со скорбью скорбь, тоску с тоской.

Моя печаль еще сильнее.
Ты ныне пленник, — день пройдет,
На родину вернувшись Принцем,
Ты будешь счастлив в свой черед:
Мое бесплодно ожиданье,
Судьба изменчивей луны,
Но перемены, улучшенья
Моей судьбе не суждены.

С тех пор, как я придворный в Фесе,
Ты не сказал мне ничего
О том, как любишь.

Есть причина
Для умолчанья моего:
Хранить в глубокой тайне имя
Возлюбленной поклялся я.
Но я послушен долгу дружбы,
И от тебя не утая

То, что тебе сейчас скажу я,
Равно и клятву соблюду.
Единственной и несравненной
Считаю я мою беду;
Так, несравненной, потому что
Вне всех сравнений рождены
Моя любовь и светлый Феникс.
Мечты мои одним полны:
Мое мечтание есть Феникс,
Когда гляжу, когда молчу;
Мое страдание есть Феникс,
Когда скорблю, люблю, хочу;
Мое отчаяние — Феникс,
Когда я плачу, как в бреду;
И луч моей надежды — Феникс,
Когда со страхом счастья жду;
Моя любовь и мука — Феникс,
И если Феникс я сказал,
Как верный друг и как влюбленный,
Признался я и умолчал.

Как он разумно изъяснился,
Учтив он так же, как влюблен.

Когда его страданье — Феникс,
Он большей скорбью огорчен.
Моя печаль — страданье многих,
Обыкновенная беда.

СЦЕНА 5-я

Царь. — Дон Фернандо.

Царь

Дон Фернандо

Царь

Тебя искал я, Принц светлейший,
И потому пришел сюда.
Пока меж перлов и кораллов
Не скрылось солнце за горой,
Мне хочется, чтоб ты развлекся
Моей охотничьей игрой:
Уже устроена облава
На тигра.

Государь, ценя,
Что ты находишь развлеченья

Ежеминутно для меня,
Скажу, что если развлекаешь
Ты так невольников своих,
Утрата родины не будет
Непоправимою для них.

Раз пленник полон тех достоинств,
Что ты в душе своей вместил,
Вполне законно и разумно
Ему служить по мере сил.

СЦЕНА 6-я

Дон Хуан. — Те же.

Дон Хуан

Дон Фернандо

Иди, великий Царь, на берег
Морской, и ты с него увидишь
Наикрасивейшего зверя,
Сумевшего соединить
Искусство гордое с природой:
Там христианская галера,
Нарядная, приходит в гавань,

Хотя вся в трауре она.
И сомневаешься, как может
Веселой быть ее угрюмость,
И португальские знамена
Блистают на ее снастях;
Я думаю, что раз в неволе
Принц Португальский, эти знаки
Есть указанье, что жалеет
Она о горести его,
И потому, покрывшись черным,
Тоскуя о его плененьи,
Идет вернуть ему свободу.

О, добрый друг мой, Дон Хуан,
Не так ты объясняешь траур;
Когда б она несла свободу,
Она оделась бы, ликуя,
В одни веселые цвета.

СЦЕНА 7-я

Дон Энрике, одетый в траур, со свернутым листом. — Те же.

Дон Энрике (к Царю)

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Энрике

(Они обнимаются.)

Дон Фернандо

Дон Энрике

(К Царю.)

Дон Фернандо

Царь

Дон Энрике

Дон Фернандо

(Разрывает полномочие, которое привез Энрике.)

Царь

Дон Энрике

Мулей

Дон Энрике

Дон Хуан

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Позволь, великий Царь, с тобою
Обняться.

Доброе прибытье,
Светлейший Принц.

Так значит верно,

Что осужден я, Дон Хуан!

Мулей, так значит совершилось
Мое заветное желанье!

Теперь, когда благополучным
Тебя я вижу, мне позволь,
О, государь, обняться с братом.
Фернандо!

Милый мой Энрике!
Что означает этот траур?
Но, впрочем, нет, не говори:
Твои глаза сказали столько,
Что бесполезным было б слово.
Не плачь. Коль ты пришел сказать мне,
Что я невольник навсегда,
В том высшее мое желанье:
Ты мог бы требовать награды
За вести добрые, и вместо
Того, чтоб траур надевать,
Одеться пышно, как на праздник,
И ликовать. Как поживает

Король, мой добрый повелитель?
Скажи лишь мне, что он здоров, —
Я счастлив. Ты не отвечаешь?

Коль повторенные страданья
Нам доставляют боль двойную,
Пусть сразу их узнаешь ты.

И ты, великий Царь, внимай мне:
Хоть этот горный склон нам будет
Дворцом пустынным, здесь, прошу я,
Аудиенцию мне дай,
И пленнику отдай свободу,
Услышавши такие вести.
Вся разгромленная армада,
Что в тщетной гордости своей
Была для волн тяжелой ношей,
Инфанта в Африке оставив
Заложником переговоров,
Пошла печально в Лиссабон.
И как услышал Эдуарте
Трагические эти вести,
Печаль к нему внедрилась в сердце,

И то, что было лишь тоской,
Преобразилось в летаргию,
И, опровергнув говорящих,
Что от тоски не умирают,
Скончался добрый наш Король.
Да будет он допущен в небо!

О, горе мне! Так много стоил
Ему мой плен?

Аллаху зримо,
Как тягостна мне эта весть.
Но продолжай.

Король покойный
Распорядился в завещаньи,
Чтобы за выдачу Инфанта
Вам Сеута была сдана.
И с полномочьем от Альфонсо,
Который нам, взамену солнца,
Явился пышною денницей,
Я прихожу, чтоб город сдать:
И так как...

Замолчи, довольно,

Ни слова более, Энрике:
Слова такие недостойны,
Их неприлично говорить
Ни Португальскому Инфанту,
Ни христианскому Маэстре,
Ни даже подлому и злому,
Кто в мире как дикарь живет,
Не ведая христовой веры,
Сияющей лучом бессмертным.
Мой брат, что сопричислен к небу,
Пред смертью это завещал
Не для того, чтоб исполнялось
Дословно это повеленье,
А для того, чтоб показать вам,
Что хочет воли он моей,
Чтоб, значит, вы мою свободу
Другими средствами искали,
Другим, жестоким или мирным,
Неукоснительным путем.
Сказавши: "Сеуту отдайте", —
Он завещал вам: "Предпримите
Что только можно, и усилья

Пусть и до этого дойдут".
Но как же можно, как же можно,
Чтоб христианский, справедливый
Король отдать решился мавру
Тот город, что им куплен был
Своею кровью, потому что
Лишь со щитом и шпагой, первый,
Он утвердил свои знамена
На боевых его зубцах?
И главное еще не в этом:
Сдать мавру город, заслуживший,
Чтоб католическая вера
В нем торжествующей была,
И в храмах умолявший Бога,
С благоговеньем и любовью?
Да разве это было б делом,
Достойным честных христиан,
И соблюденьем правил веры,
И христианским милосердьем,
И бранной славой португальской,
Чтобы Атланты вышних сфер,
Чтобы возвышенные храмы,

На место светов золотистых,
В которых луч играет солнца,
Прияли мусульманский мрак,
И чтоб враждебные им луны,
Родив подобные затменья,
В церквах осуществляли ужас
Таких трагедий роковых?
Так значит это будет благом,
Чтоб храмы превратились в хлевы,
Часовни сделались конюшней,
Иначе, ежели не так,
Чтоб обратилися в мечети?
И тут язык мой умолкает,
Тут пресекается дыханье,
Тут мукою я удушен:
Лишь при одной подобной мысли
Готово сердце разорваться
И волосы восстали дыбом,
И телом овладела дрожь.
То было бы не первым разом,
Что хлев и ясли оказались
Гостеприимными для Бога;

Но раз мечети, в них для нас
Навеки будет знак позорный,
И надпись нашего бесславья,
Гласящая: "Здесь Бог когда-то
Имел жилище, а теперь
Его прогнали христиане,
И помещен здесь ими Дьявол".
И даже это позабыто,
(Как общий приговор гласит)
Что в дом чужой никто не входит,
Чтобы, хозяина обидеть, —
Так разве будет справедливо,
Чтоб в Божий Дом вошел порок,
И нами был сопровождаем,
И мы, чтоб он вошел вернее,
Ему посторожили двери,
А Бога выкинули вон?
Католики, что пребывают
С своими семьями, с богатством,
В том городе, быть может станут,
Чтоб только их не потерять,
Трусливо отпадать от веры.

И мы доставим им возможность
Впадать в соблазн греха такого?
И будут дети христиан
Перенимать у мавров нравы,
И подчиняться их обрядам,
И жить сочленами их секты?
И столько жизней дорогих
Из-за одной, совсем ничтожной,
Должны погибнуть безвозвратно?
Но кто же я? Ужели больше,
Чем просто смертный человек?
Коль быть Инфантом — умножает
Мое значение, я — пленный:
Невольник притязать не может
На пышность почестей; я — раб:
И значит, тот впадет в ошибку,
Кто назовет меня Инфантом.
Так кто ж распорядиться может,
Чтоб жизнь единого раба
Такой ценою окупилась?
Кто умирает, тот теряет

Свою физическую цельность[32],
Ее я в битве потерял:
Раз потерял, так значит умер:
Раз умер, было бы деяньем
С разумной мыслью несовместным,
Чтоб ныне ради мертвеца
Навек погибло столько жизней.
Так пусть же это полномочье
Разорвано на части будет,
И станет искрами огня,
И станет атомами солнца.

Но нет, я съем обрывки эти,
Да не останется ни буквы,
Способной миру возвестить,
Что мысль подобная возникла
В умах у знати лузитанской[33].
Царь, я твой раб, распоряжайся

---

[32] Примечания: 32

Кто умирает, тот теряет // Свою физическую цельность. - Жизнеописание Иова см. в Книге Иова Ветхого Завета. В монологе можно усмотреть известное соответствие Евангелию (Матв., 16, 25): "кто потерял душу свою ради Меня, тот обретает ее".

[33] Примечания: 33

В умах у знати лузитанской. - Лузитания - латинское название Португалии.

Своим слугой, повелевай;
Я не хочу своей свободы,
Ей обладать не в состояньи.
Вернись на родину, Энрике:
Скажи, что в Африке меня
Оставил ты похороненным,
Затем что жизнь моя отныне
Во всем подобна будет смерти.
Фернандо, христиане, мертв;
Остался вам невольник, мавры;
Для ваших, пленники, страданий
Прибавился товарищ ныне;
О, небо, смертный человек
Твои восстановляет церкви;
О, море, скорбный умножает
Рыданием твои пучины;
О, горы, темный к вам пришел,
Чтоб жить средь вас, как ваши звери;
О, ветры, нищий удвояет
Дрожаньем крика ваши Сферы;
Во мгле глубин твоих, земля,
Себе мертвец могилу роет;

Чтоб все вы, Царь, и брат, и мавры,
И христиане, и созвездья,
И небо с морем и с землей,
И солнце, и луна, и горы,
И звери дикие узнали,
Что ныне, между злоключений
И бедствий, некий стойкий принц
Возвысил свет христовой веры
И оказал почтенье Богу:
И если б не было другого
Мне основания, как то,
Что в Сеуте одна есть церковь
Во имя вечного Зачатья
Владычицы земли и неба,
Я б сотни жизней потерял,
Чтоб лишь она не потерялась.

Неблагодарный, безучастный
К моей победоносной славе,
К величью царства моего,
Как ты дерзаешь отказать мне
В моем желанье самом сильном?
Но если ты в моих владеньях

Сильнее правишь, чем в своих,
Что ж тут мудреного, что рабства
Ты не почувствовал? Но если
Себя моим рабом признал ты,
С тобой я буду как с рабом:
Твой брат и все твои пусть видят,
Что как невольник самый подлый
Теперь ты ноги мне целуешь.

Какая боль!

Какая скорбь!

Какой удар!

Какая пытка!

Ты мой невольник.

Это правда,
И в этом месть твоя ничтожна;
Из лона темного земли
Для однодневного скитанья
Исходит человек, рождаясь,
Чтоб разные пути изведать
И снова возвратиться к ней.

Благодарить тебя я должен,
Не обвинять, ты научаешь,
Как достоверного жилища
Скорей могу достигнуть я.

Раз ты невольник, ты не можешь
Иметь ни прав, ни притязаний,
И если Сеутой владеешь
И признаешь, что ты мой раб,
И признаешь меня владыкой,
Зачем же не сдаешь мне город?

Затем, что он не мой, а Божий.

Повиновения закон
Тебе не говорит ли ясно,
Что должен ты повиноваться?
Так я тебе повелеваю
Сдать город.

Небо нам велит,
Чтоб раб всегда повиновался
Хозяину лишь в справедливом;
А ежели рабу хозяин
Прикажет, чтобы он грешил,

Его он слушаться не должен;
Грех, сделанный по приказанью,
Есть грех.

Тебя велю убить я.

И будет жизнью эта смерть.

Так чтобы жизнью смерть не стала,
Живи, всечасно умирая;
Узнай, что я могу быть гневен.

А я пребуду терпелив.

Но ты не выйдешь на свободу.

Но Сеута твоей не будет.

Эй, кто там!

СЦЕНА 8-я

Селин, Мавры. — Те же.

Селин

Царь

Дон Энрике

Мулей

Дон Хуан

Царь

Дон Фернандо

(Его уводят.)

Царь

Дон Энрике

Царь

Мулей (в сторону)

Государь...

Немедля
Пусть будет этот раб сравнен
Со всеми: пусть ему на шею
И на ноги наденут цепи;
Пусть служит он в моих конюшнях,
Пускай работает в садах,
Как все, пусть терпит униженья,
Отбросив шелковый наряд свой,
Пускай он ходит в грубой сарже,
Ест черный хлеб и воду пьет
Солено-грязную; пусть спит он

В удушливых сырых темницах;
На слуг его и на вассалов
Наложен тот же приговор.
Взять их отсюда.

О, мученье!

О горе!

О, беда!

Увидим,
Увидим, варвар, что сильнее,
Твое ль терпенье, мой ли гнев.

Увидишь; потому что будет
Мое терпенье бесконечным.

Энрике, верный обещанью,
Я позволяю, чтобы ты
Вернулся в Лиссабон свободно;
От африканских вод отправься
К своим сородичам, скажи им,
Что португальский их Инфант,
Маэстро Ависа, остался
За лошадьми ходить моими;

Пускай они сюда приходят
Освободить его.

Придут.
И если я в его несчастьи
Его теперь не утешаю
И ухожу, так это только
Лишь потому, что я хочу
Сюда вернуться с большей силой,
Чтобы вернуть ему свободу.

Прекрасно, если только сможешь.

Явился случай, наконец,
За прямодушье — прямодушьем
Платя, представить верность дружбе;
Фернандо я обязан жизнью,
Ему я выплачу свой долг.

СЦЕНА 9-я

Сад.

Селин; Дон. Фернандо, как пленник, в цепях; потом пленники.

Селин

(Уходит.)

Дон Фернандо

(Входят несколько пленников, и в то время как они роют в саду, один из них поет.)

Первый пленник (поет)

Дон Фернандо

Второй пленник

Дон Фернандо (в сторону)

Второй пленник

Дон Фернандо

(Уходит.)

Третий пленник

Царь приказал, чтоб ты работал
С другими вместе, здесь в саду.
Его веленью повинуйся.

Я снисхождения не жду.

На фесского тирана
Король направил брата,
Инфанта, Дон Фернандо,

Чтоб покорить Танхер.

И будет так вставать воспоминаньем
Моя судьба в томительных мечтах.
Во мне печаль и горькое смущенье.

О чем ты, пленник, думаешь в слезах?
Не плачь, утешься, нам сказал маэстре,
Что скоро все вернемся мы домой,
Он всех освободит нас из неволи.

Как скоро вы расстанетесь с мечтой!

Утешься, брат, возьми-ка эти ведра
И принеси воды мне из пруда
Полить цветы.

Охотно и немедля,
Я в этом вам готов служить всегда.
Моя забота, в сердце скорби сея,
Прольет потоки быстрых слез из глаз.

Еще пригнали пленников работать.

СЦЕНА 10-я

Дон Хуан и второй пленник. — Те же.

Дон Хуан

Второй пленник

Дон Хуан

Третий пленник

Быть может, здесь его на этот раз
Увидим мы: в саду, быть может, был он,
И узники укажут мне его.
С ним вместе быть — явилось бы отрадой
Для горького мученья моего.
Скажи, приятель, мне, и да поможет
Тебе Господь! ты не видал в саду
Среди рабов маэстре Дон Фернандо?

Нет, не видал.

Где ж я его найду?
О, горе мне!

Я говорю, что новых
Еще пригнали пленников сюда.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо, с двумя ведрами воды. — Те же.

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Второй пленник

Первый пленник

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

О, смертные, да не смутит вас видеть,
Какая мне ниспослана беда;
Инфант, маэстре Ависа, являет
Пример того, как переменчив рок.

Властитель и в таком убогом виде.
О, если бы тебя спасти я мог!
Несчастие!

Прости тебя Всевышний!
О, Дон Хуан, ты огорчил меня:
Среди своих мне жить хотелось скрытно,
Работая как раб день изо дня.

Прощения, сеньор, прошу смиренно.
С тобою говорил я как слепой.

Дай нам припасть к твоим ногам, властитель.

Встань, друг. Зачем так говорить со мной?

Светлейший Принц...

Как может быть светлейшим —
Чья жизнь такою тьмой окружена?
Я равный, с вами, пленник между пленных,
Мне та же доля, что и вам, дана.

О, если б с неба молния упала,

Чтоб дать мне смерть!

Как можно, Дон Хуан,

Чтоб благородный так в печаль вдавался?

Обетованья неба не обман.

Как раз теперь должны явить мы храбрость,

Все мужество душевной высоты.

СЦЕНА 12-я

Сара, с небольшой корзиной. — Те же.

Сара

Дон Фернандо

Первый пленник

Сара

Дон Фернандо

(Уходит Инфант, и все уступают ему дорогу. Сара остается.)

Выходит в сад моя сеньора, Феникс,

И говорит, чтоб краски и цветы

Украсили края корзины этой.

Всегда служить ей первый я готов,
Дай мне корзину, я ее украшу.

Пойдемте и нарвем скорей цветов.

Я здесь вас подожду пока.

Не нужно
Считать меня особым между вас:
Равны страданья, и не нынче, завтра
Сравняет всех последний смертный час.
Не будем же откладывать до завтра
То, что сегодня можно довести
До ясного конца.

СЦЕНА 13-я

Феникс, Роза, Сара.

Феникс

Сара

Феникс

Роза

Сара

Феникс

Сара

Феникс

Ты, Сара,
Цветов велела принести?

Велела.

Мне хотелось красок,
Чтоб развлеклась моя тоска.

Поверить просто невозможно,
Что так, сеньора, велика
Твоя печаль, — что дух твой может
Быть сновидением смущен.

Что так могло тебя встревожить?

То, что я видела, не сон,
Раз мне привиделось несчастье.
Когда несчастный видит клад,
Я знаю, Сара, он исчезнет
И не воротится назад;
Но если он во сне увидел,

Что на него идет беда,
Он, пробудившись, видит горе,
Его томящее всегда.
Я от судьбы не жду пощады,
Она гнетет нас без конца.

Ну, если так скорбеть ты будешь,
Что ж сохранишь для мертвеца?

Уж чувствую свое несчастье.
Какая пытка мне дана!
Как веселиться мне, когда я
Ценою трупа быть должна?
Хотя бы только знать могла я,
Кто будет этот мертвый?

СЦЕНА 14-я

Дон Фернандо, с цветами. — Феникс, Сара, Роза.

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

(Феникс, Сара и Роза уходят.)

Я.

Что вижу? Небо!

Чем смутиться
Так вдруг могла душа твоя?

И голосом твоим, и видом.

Поверю и без всяких слов.
Но чтоб служить тебе, о, Феникс,
Я приношу тебе цветов.
Моей судьбы гиероглифы,
Они родилися с зарей,
И вместе с светлым днем скончались.

Вот этот нежно золотой
Цветок названье носит чуда.

Какой цветок не будет им,
Раз для тебя он мною сорван?

Он служит образом твоим.
Кто ж создал эту перемену?

Мой рок.

Так непреклонен он?

Так силен.

Твой удел мне страшен.

Пусть не тревожит он твой сон.

Но почему?

А потому что,
Рождаясь, человек всегда
Есть раб судьбы своей и смерти.

Скажи, ведь ты Фернандо?

Да.

Кто ж так судьбу твою принизил?

Закон раба.

Кем создан он?

Царем.

Зачем?

Затем что, Феникс,
Его я власти подчинен.

Сегодня он тебя не любит?

Ко мне исполнен он вражды.

Возможно ли, чтоб в день короткий
Могли расстаться две звезды?

С веселостью, и пышной, и беспечной,
Цветы проснулись утренней зарей.
Настала ночь, и вот, с холодной мглой,
Их сон объял, непробудимо вечный.
В них с золотом и с белизною млечной
Играла злость радужной игрой.
И тускло все. Вот лик судьбы людской.
Так много день уносит быстротечный.
С рассветом ранним розы расцвели
И умерли: в одной и той же чаше
И колыбель и гроб себе нашли.
Так точно мы, рожденные в пыли,
В единый день свершаем судьбы наши:
Столетья — час, когда они прошли.

Ты мне внушаешь страшный ужас,
Мне страшен вид и голос твой;
Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

А что ж цветы?

Раз ты нашел в них
Узорный знак твоей тоски,
Могу я только оборвать их
И разбросать их лепестки.

Но в чем же их вина?

В их сходстве
С созвездьями.

Скажи, а ты
Не любишь их?

Мне нет отрады
В сияньи звездной красоты.

Но почему?

Родившись в мире
Как женщина, я навсегда
Раба своей судьбы и смерти,
Так мне велит моя звезда.

Цветы и звезды значит сродны?

Конечно.

Волей их — скорбя,
Такого свойства их не знал я.

Узнай.

Я слушаю тебя.

Те брызги света, сеть их огневая
Есть смесь лучей и скрытых темных снов,
Приняв от солнца светлый свой покров,
Они живут, блистая и страдая.
Цветы ночные. Их краса живая
Горит огнем лишь несколько часов;
И если день — столетье для цветов,
То ночь для звезд — их мера вековая.
И к нам от этой призрачной весны
Струится боль, и радостные сны, —
Живет ли солнце, или догорает.
Какой же не дождемся мы беды,
Что прочного получим от звезды,
Что на ночь вспыхнув — за ночь умирает.

СЦЕНА 15-я

Мулей. — Дон Фернандо.

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Я ждал, чтоб Феникс удалилась,
И здесь стоял среди деревьев:
Орел, всегда влюбленный в солнце,
Порой стремится от него.
Мы здесь одни?

Одни.

Послушай.

Скажи, Мулей, свое желанье.

Хочу, чтоб ты узнал сегодня,
Что и у мавра есть в груди
И преданность и верность дружбе.
Не знаю, как начать; не знаю,
Как выразить тебе сумею
Все огорчение мое
При виде этой перемены
К тебе презрительного рока,
При виде этой притчи миру
И злой неверности судьбы.
Но я опасности подвержен,
Когда меня с тобой увидят,
С тобой сурово обращаться
Есть повеление Царя.
И голос предоставив скорби,
Которая сумеет лучше,
Как раб, с тобою изъясниться,
Я падаю к твоим ногам.
Инфант, тебе принадлежу я,

И я не милость предлагаю,
А только возвращаю долг свой,
Который ты мне дал взаймы.
Ты дал мне жизнь, ее тебе я
Пришел отдать теперь; затем что
Добро есть клад, что бережется
До дня, когда придет нужда.
И так как страх меня смущает
И сжал мне ноги кандалами,
И так как грудь моя и шея
Между веревкой и ножом,
Беседу нашу сокращая,
Все выскажу тебе я сразу,
И говорю, что нынче ночью
Тебя у взморья ждет судно.
Через отверстья подземелий,
Где ваши мрачные темницы,
Я вам заброшу инструменты,
Чтоб цепи вы могли сломать.
Снаружи отомкну засовы,
И ты со всеми, сколько в Фесе
Есть пленных, можешь удалиться

На том судне в родимый край,
Вполне уверенный, что в Фесе
Я в безопасности остался, —
Легко мне будет так устроить,
Как будто заговор был ваш;
Итак с тобой спасем мы оба:
Я честь, ты жизнь; а если б даже,
О помощи моей узнавши,
Меня казнил во гневе Царь,
Не стал бы я жалеть о жизни.
И так как, чтоб склонять хотенья,
Иметь необходимо деньги,
Возьми сокровища мои,
За них тебе заплатят много.
И это выкуп мой, Фернандо,
За возвращенье мне свободы.
Мой долг тебе был так велик,
Что рано ль, поздно ль, было нужно
Его отдать во имя чести.

Благодарить тебя хотел бы,
Но, вижу, в сад выходит Царь.

Тебя он видел?

Нет.

Не дай же
Ему предлога к подозренью.

Я спрячусь между этих веток,
А он тем временем пройдет.

СЦЕНА 16-я

Царь. — Мулей.

Царь (в сторону)

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей (в сторону)

Царь

Мулей

Царь

(Уходит.)

Мулей

(Мулей с Фернандо; говорили
С такой опаской, и как только
Меня увидели, сейчас же
Один уходит, а другой
Желает что-то скрыть. Мне надо
Бояться. Верно иль неверно,
Мне страх грозит, приму же меры.)
Я очень рад...

Великий Царь,
Дай мне обнять твои колена.

С тобой побыть.

Что повелишь мне?

Меня глубоко огорчило,
Что Сеута мне не сдана.

Ты победителен и силен,

Поди на приступ, город сдастся.

Он будет мой без траты крови.

Каким же образом?

Таким:
Фернандо так хочу принизить,
Что Сеуту он сам отдаст мне.
И знаешь что, Мулей, боюсь я,
Маэстре ненадежен здесь.
Его увидя в униженьи,
Пожалуй, пленники стакнутся,
И всей толпою возмутятся,
Из сострадания к нему.
А сверх того и очень сильно
В сердцах людей корыстолюбье;
Весьма легко он может златом
Вниманье стражей усыпить.

(Теперь мне выгоднее будет
Сказать, что все это возможно,
Чтобы не мог иметь позднее
Он подозрений на меня.)
Твой страх вполне благоразумен:

Они наверно пожелают
Освободить его.

Одно лишь
Нашел я средство, чтоб никто
На власть мою не покусился.

И это средство, государь мой?

Чтоб о надежности Инфанта
Ты позаботился, Мулей.
Ты ни боязнью, ни корыстью
Никак не можешь быть подкуплен.
Так будь его главнейшим стражем,
Смотри же, сбереги его.
И что бы с Принцем ни случилось,
Ты дашь отчет мне.

Нет сомненья,
Царь слышал, как мы говорили.
Да не предаст меня Аллах!

СЦЕНА 17-я

Дон Фернандо. — Мулей.

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

Мулей

Дон Фернандо

О чем скорбишь?

Ты слышал?

Слышал.

Так как же спрашивать ты можешь,
О чем скорблю, когда в смущеньи
Стою меж другом и Царем?
Во мне столкнулись честь и дружба:
Когда тебе я буду верен,
Пред ним изменником я буду;
А верность сохраню пред ним,
С тобой неблагодарным буду.

Что ж делать? (Небо, помоги мне!)
Кого хочу освободить я,
Мне доверяют охранять.
Что если Царь владеет тайной?
Но чтоб найти вернее выход,
Я у тебя прошу совета:
Скажи, что должен делать я.

Мулей, любовь и дружба ниже,
Чем честь и верность государю.
Царю никто ни в чем не равен,
Лишь равен он один себе.
Вот мой совет: ему ты должен
Служить и обо мне не думать;
Я друг твой, и во имя дружбы,
Чтоб сохранилась честь твоя,
Сам за собой смотреть я буду;
И если б кто другой сказал мне,
Что предлагает мне свободу,
Не принял бы я жизнь свою,
Покуда честь твоя со мною.

Фернандо, не давай советов

Учтивых столь же, сколько верных.
Я знаю, что мой долг тебе
Есть жизнь, и что платить я должен;
Итак я ночью все устрою,
Как мы с тобою говорили.
Освободись, и жизнь твою
Я искуплю своею смертью;
Лишь только б ты освободился,
Мне после ничего не страшно.

И было б честно, чтобы я
Жестоким был и беспощадным
С тем, кто со мною милосерден,
И чтоб того, кто жизнь дает мне,
Жестоко чести я лишил?
Нет, и тебя хочу я сделать
Судьей моей судьбы и жизни:
Теперь и ты мне посоветуй.
Возможно ль взять мне от того
Свою свободу, кто потерпит
За это кару? Допустит ли,
Чтоб он, ко мне великодушный,
Убийцей чести был своей?

Что посоветуешь?

Не знаю.
Ни да, ни нет сказать не смею:
Нет, потому что будет больно
Мне самому; да, потому
Что если да тебе промолвлю,
Пожалуй, я и сам увижу,
Что мой совет не подходящий.

Нет, ты мне должный дал совет.
Благодаренье, потому что
Во имя Бога и закона,
Которые владеют мною,
Я буду в рабстве стойкий принц.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Зал в летнем помещении Мавританского Царя.

Мулей, Царь.

Мулей (в сторону)

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

Мулей

Царь

(Так много Царь поставил стражей
Над Дон Фернандо, что его
Спасти я больше не надеюсь.
Во имя долга моего,
Как верный друг, я постараюсь
Ему помочь по мере сил.)
Властитель, в море и на суше,
Ты знаешь, я тебе служил,
И если милости достоин,
Услышь...

Внимаю и молчу.

Фернандо...

Более ни слова.

Не хочешь слушать?

Не хочу.
Раз только назвал ты Фернандо,
Меня ты этим оскорбил.

Но чем же?

Тем, что дал мне случай
Не дать того, о чем просил.
А дать нельзя, когда ты просишь
За Принца.

Как же, раз его
Мне поручил ты, не желаешь
Отчета слышать моего?

Я слушаю; но состраданья
Не жди.

Немилосердный рок
Фернандо истерзал настолько,
Что мир, чьи клички есть намек,

Дивясь таким страданьям, назвал
Его чудовищем судьбы;
Твой гнев изведав и суровость,
В таком неравенстве борьбы,
В несчастность бедствий вовлеченный,
Предав скорбям свой смелый дух,
В том месте, что назвать боюсь я,
Дабы не оскорбить твой слух,
Недужный, нищий, параличный,
Сраженный мужеством своим,
Он просит милостыни жалкой
У проходящих перед ним;
Ты повелел, чтоб он работал,
Чтоб был преследуем людьми,
Чтоб спал в угрюмых подземельях,
Чтобы ходил за лошадьми,
Чтобы узнал, что значит голод, —
И обездоленный во всем,
И слабый раньше от природы,
Он был разбит параличом.
Так сила бедствий исказила
Его прекрасный царский вид.

Холодной ночью, черной ночью,
Он в мрачном подземельи спит.
Но, стойкий в вере неизменно,
Упорствует, как прежде, в ней,
И чуть, родитель утра, солнце,
Зажжет огни своих лучей,
Как узники (о, горе, горе!)
Циновку жалкую берут,
Недужного несут на воздух,
И — как мне вымолвить? — кладут
На место, что навозной кучей
Должны назвать мы: оттого
Что так он болен, стал он смраден;
Никто у дома своего
Ему лежать не позволяет;
Все гонят нищего, и он,
Без состраданья, без вниманья,
Лежит, мученьем удручен.
И лишь один слуга и рыцарь
Его не кинули в беде.
Стараются его утешить,
Ему сопутствуют везде,

Они с ним пищу разделяют,
Хотя ее и одному
Едва хватает, и от мавров
Гоненья терпят, потому
Что, повинуясь милосердью,
Инфанту служат. Но и гнев,
И беспощадную жестокость
Неоднократно претерпев,
Они его не покидают.
И каждый раз, когда идет
Один на поиски за пищей,
Другой при нем сидит, и ждет,
И страждущего утешает.
Смягчи же гнев свой, государь,
Будь, коль не жалостию тронут,
Так ужасом, о, сильный Царь,
Коль не слезами, изумленьем.

Ты кончил? Хорошо, Мулей.

СЦЕНА 2-я

Феникс. — Те же.

Феникс

Царь

Феникс

Царь

Феникс

Царь

Властитель, если заслужила
Я что-нибудь в любви твоей,
О милости я умоляю.

В чем отказать тебе могу?

Фернандо...

Более ни слова.
Могу ли я помочь врагу?

Внушает ужас всем, кто видит
Маэстре в низости такой;
И я просить хотела только...

Стой, Феникс, замолчи же, стой.
Скажи мне, кто велит Фернандо
Идти за гибелью вослед
И умирать злосчастной смертью?

Мое ли в том желанье? Нет.
Когда во имя веры предал
Он сам себя скорбям таким,
Зови его — к себе жестоким,
А не меня — жестоким с ним.
В его руке возможность выйти
Из этой низости на свет:
Пусть только Сеуту отдаст мне,
Он вдруг избавится от бед.

СЦЕНА 3-я

Селин. — Те же.

Селин

Феникс (в сторону)

Мулей (в сторону)

Царь

(Селин уходит.)

(Они садятся.)

Перед тобой предстать желают
Посланники, о, Царь великий:

Один пришел от Таруданте,
Из Португалии другой,
По поручению Альфонсо.

Какая скорбь с моей сравнится?
Пришли за мной от Таруданте,
Сомнения не может быть.

Я потерял свою надежду,
Убит я ревностью и дружбой.

Пускай войдут.

Со мною, Феникс,
На этом возвышеньи сядь.

СЦЕНА 4-я

Дон Альфонса и Таруданте, входят с разных сторон. — Те же.

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте (к Феникс)

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Царь

Таруданте (в сторону)

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Таруданте

Дон Альфонсо

Царь

Дон Альфонсо

Царь

Дон Альфонсо

(Уходит.)

Властитель Феса благородный...

Царь Феса гордый и могучий...

Ты светлой славой...

Светлой жизнью.

Не умирай...

Всегда живи...

И ты, заря такого солнца...

Восток подобного заката...

Блаженствуй вопреки столетий...

И царствуй вопреки времен...

И упивайся...

Услаждайся...

Великой радостью...

Хвалами...

Высоким счастьем...

Нежным блеском...

С немногим злом...

С большим добром.

Христианин, как ты дерзаешь
Там говорить, где говорю я?

Где бы ни был я и с кем бы ни был,
Везде я первый говорю.

Раз я из племени арабов,
Мне надлежит теперь быть первым;
Где есть свои, для чужеземцев
Не может предпочтенья быть.

Нет, может, там, где понимают
Учтивость; потому что всюду,
Как постоянно можем видеть,
Сидит на лучшем месте гость.

Будь даже это основаньем,
Ты победить меня не мог бы;
Не правом речи обладает,
А только первым местом гость.

Довольно. Оба здесь садитесь.
Пусть начинает португалец:
Как представителя другого
Закона, мы должны принять
Его с почетом наибольшим.

Я пристыжен.

Я буду краток:
Король Альфонсо Португальский,
Чья слава, пышная, как свет,
В насмешку зависти и смерти,
Живет в вещаньях громких бронзы,
Тебе привет свой посылает,
И говорит: ввиду того,
Что сдача Сеуты — условье
Освобождения Фернандо,
И от свободы Принц отрекся,
Условье это не приняв,
Тебя определить он просит
Цену его освобожденья
В таких размерах, чтобы алчность
Пред щедростью смирила дух.
Он серебром тебе и златом
Даст столько, сколько могут стоить
Два города. Итак об этом
Он просит дружески тебя,
Но если Принца не отдашь ты,
Тебе дает он обещанье

Освободить его оружьем,
И с этой целью создает
На легкой пенной влаге моря
Готовый в путь плавучий город
Из тысячи вооруженных
Непобедимых кораблей,
Клянясь, что он огнем и кровью
Освободит его из плена
И победит тебя, оставив
Окровавленными поля,
Настолько, чтобы солнце утром,
Увидев землю изумрудом,
Ее с закатом покидая,
Увидело сплошной рубин.

Хоть я посланник, и ответа
Не от меня ты ожидаешь,
Христианин, но я осмелюсь,
Во имя моего Царя,
Тебе ответить, потому что
Его коснулось оскорбленье:
Властителю, что перед нами,
Он повинуется, как сын.

Так пусть же знает Дон Альфонсо,
Что именем его он вызван
Сюда явиться в срок не больший,
Чем от зари и до зари,
И столько алых жарких красок
На этих узрит он равнинах,
Что небо самое промолвит:
"Весь мир сегодня — из гвоздик".

Когда бы, мавр, ты был мне равным,
Свестись могла бы эта битва
К единоборству роковому
Двух славных юных. Но скажи,
Скажи, чтоб вышел твой властитель,
Коль он на славу притязает;
А я так сделаю, что выйдет
Немедленно на битву — мой.

Себя почти ты обнаружил,
А если это так, сумеет
Тебе ответить Таруданте.

На поле битвы жду тебя.

И будешь ждать меня недолго,

Лечу, я молния.

Я ветер.

Я огненный вулкан.

Я гидра.

Я гнев неистовства.

Я смерть.

Меня ты слышишь — и не в страхе?

Меня ты видишь — и не умер?

Владыки, в гневе вы расторгли
Завесы, чьею тьмою был скрыт
Лик солнца от очей нескромных.
В моей земле — меж вами битвы
Не быть без моего согласья,
А я отказываю в нем,
Дабы иметь досуг — принять вас
И угостить с почетом должным.

Гостеприимства не приемлю
От тех, кто мне наносит боль.
Сюда пришел я за Фернандо:
Желание его увидеть

Меня заставило явиться
Вот так переодетым в Фее:
Но прежде, чем туда дошел я,
Узнав, что здесь ты, в летнем замке,
Я поспешил сюда, влекомый
Надеждой, звавшею меня,
И так как вижу, что надежда
Меня звала сюда обманно,
Узнай, властитель, что теперь я
Лишь твоего ответа жду.

Ответа? Что ж, король Альфонсо,
Он будет не речист и ясен:
Не дашь мне Сеуту — не бойся,
Инфанта ты не увезешь.

Итак, война. Со мной он будет!
А ты, посол, иль кто б ты ни был,
Увидимся на поле битвы.
Теперь вся Африка дрожи!

СЦЕНА 5-я

Царь, Феникс, Мулей, Таруданте.

Таруданте

Феникс

Мулей (в сторону)

Царь

Таруданте

Царь

Таруданте

Царь

Мулей

Царь

Мулей (в сторону)

(Уходят.)

Не мог достичь я до сегодня,
О, Феникс нежная, блаженства
Служить тебе как твой невольник,
Быть может, заслужу теперь
Блаженство пред тобой склониться
И, пав к ногам твоим покорно,
Просить, чтоб руку ты дала мне
В обмен поверженной души.

Пусть победительный властитель
Вниманье там не расточает,
Где чувствуют к нему почтенье,
Пусть цену знает он свою.

Кто это видит пред собою
И сам себя не убивает,
Чего он ждет?

Владыка светлый,
Не знал я, что идешь ты в Фее,
Итак, прости, что принимаю
Тебя не с пышностью достойной.

Мое отсутствие могу я
Продлить на самый краткий срок;
И если, как мы предположим,
Посланник мой сюда явился,
Чтоб увезти мою супругу,
Как соизволил ты решить,
Пусть самоличное прибытье
В вину мне вменено не будет,
И пусть увижу я скорее
Свершенье счастья моего.

Во всем меня ты побеждаешь:
Твой долг тебе уплачен будет,
Ты должен быть освобожденным
От этих мыслей и забот,
И так как нам грозят войною,
Ты должен поспешить с отъездом,
Не то пересечет проходы
Прибытье португальских войск.

Мне все равно, я с сильным войском,
Так численны мои отряды,
Что все окрестные равнины
Как смута людных городов:
Я возвращусь во всеоружьи,
Чтоб быть твоим солдатом верным.

Мы поспешить должны, однако,
С твоим отъездом. Только в Фее
Должна прибыть сначала Феникс,
Дабы украсить этот город.
Мулей!

Великий Царь!

Со стражей

Ты будешь Феникс провожать,
И по прибытии на место
Ты передашь ее супругу.

Лишь этого недоставало
Для завершенья бед моих:
Когда меня не будет в Фесе,
Последнюю свою поддержку
Со мной Фернандо потеряет,
И будет вовсе одинок.

СЦЕНА 6-я

Улица в Фесе.

Дон Хуан, Брито и другие пленники, выносят Дон Фернандо и сажают его на циновку.

Дон Фернандо

Брито

Дон Фернандо

Первый пленник

Дон Фернандо

Второй пленник

Третий пленник

(Пленники уходят.)

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

(Уходит.)

Дон Фернандо

Кладите здесь меня, чтоб лучше
Я насладился блеском дня.
О, милосердный мой Создатель,
Как услаждаешь ты меня!
Когда многострадальный Иов
Такой же мукой был объят,
Он проклинал сиянье солнца, —
Но был он во грехе зачат.
А я его благословляю,
Благоволенье Бога в нем,
И каждый луч есть возглас к Богу,
Поющий светом и огнем.

Так хорошо тебе, владыка?

О, лучше, чем я заслужил!
Как много для меня благого
Ты, Царь Небесный, совершил.
Когда из мрачных подземелий
Я выхожу на свет дневной,
Даешь мне солнце, чтоб согреться:
Ты расточителен со мной.

С тобой хотел бы я остаться,
Тебя утешить, видит Бог;
Но нужно нам идти работать
И удержать докучный вздох.

Прощайте, дети.

Горе, горе!

Что может горестнее быть?

Со мной вы остаетесь оба?

Я тоже должен уходить.

Что буду без тебя я делать?

Я ворочусь к тебе сейчас;
Чего-нибудь поесть ты должен.

Мулей, увы, покинул нас,
И нет нам более поддержки,
И должен я идти к врагу,
Но все же я пойду спокойно
И все исполню, что могу;
Хоть с невозможностью придется
Мне быть в сомнительной борьбе:
Никто не должен по указу
Напиться даже дать тебе,
И ничего не продавать мне,
За то, что я всегда с тобой.
Могли ль мы думать, что придется
Быть так караемым судьбой?
Но вот идут.

О, если б мог я
В ком состраданье возбудить,
Чтобы хотя одно мгновенье
Еще в страданиях пожить!

СЦЕНА 7-я

Царь, Таруданте, Феникс, Селин. — Дон Фер-

нандо, Брито.

Селин

Царь (к Таруданте)

Таруданте

Дон Фернандо

Брито

Царь

Брито

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

Дон Фернандо

Царь

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Таруданте)

Таруданте

(Уходит.)

Дон Фернандо (к Феникс)

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

Дон Фернандо

Феникс

(Уходит.)

Великий государь, ты вышел
На улицу, где пред собой
Сейчас Инфанта ты увидишь.

Я пожелал пойти с тобой,
Чтоб ты мое величье видел.

Весьма ценю такой почет.

Подайте милостыню, люди,
С мольбою нищий вас зовет,
Взгляните на меня, я болен,
Я предан тяжести скорбей,
Я, голодая, умираю,
И даже зверь между зверей

Всегда находит состраданье.

Здесь просят милостыню так:
Имейте состраданье, мавры,
О хлебе молит вас бедняк,
Святой ногою Магомета
Он заклинает вас о том.

Что веру он хранит в несчастьи
И в унижении таком,
Меня бесславит, оскорбляет.
Инфант, маэстре!

Царь зовет.

Меня? Ты обманулся, Брито,
Не от меня он слова ждет:
Я не Инфант и не маэстре,
Я труп его, лишенный сил;
И я с землей соприкоснулся;
Инфант, маэстре — прежде был,
Не так мое названье ныне.

Коль быть Инфантом перестал,
Ответь мне просто как Фернандо.

Теперь, хотя б с земли я встал,
К твоим ногам паду покорно.

Ты тверд в решении своем.
Смиренье это или храбрость?

Поклон раба — перед Царем.
И так как я твой раб, и так как
Я нахожусь перед тобою,
С тобою говорить я должен:
Внимай, властитель мой и Царь.
Ты Царь, промолвил я, и если
Иной закон тобою правит,
Так беспредельна, так могуча,
Пышна божественность царей,
Что безусловно порождает
Она душевное величье;
И ты с великодушной кровью
Таишь способность сострадать;
Не только меж людей, но даже
Среди зверей названье это
Так властно, что закон природы
Ему покорствовать велит;

Так в разных книгах мы читаем
О первобытных общежитьях,
Что лев, могучий царь животных,
Когда нахмуривает лоб,
На нем встает короной грива,
Но он проникнут милосердьем,
Того, кто перед ним склонился,
Не растерзал он никогда.
В соленых пенных брызгах моря
Дельфин, властитель рыб, с короной
Серебряной и золотою
Из светло-синей чешуи,
Не раз, во время сильной бури,
Спасал на сушу погибавших[34],

---

[34] Примечания: 34

Дельфин, властитель рыб... // ...Не раз, во время сильной бури, II Спасал на сушу погибавших... - Дельфин, как царь рыб, был в свите Нептуна (Гомер, Одиссея, V; 421). О сострадательных наклонностях дельфина Геродот рассказывает следующее (I, 23; 24): "Когда певец Арион, мефимнеянин, с большими богатствами собрался отплыть в Коринф, нанятые им коринфяне в открытом море решили бросить его в воду и завладеть его имуществом. Арион попросил, чтобы ему позволили, стоя на корме, в полном наряде, спеть песню перед смертью. Ему позволили. Он взял кифару, спел песню и бросился в море. Перевозчики отправились в Коринф, а дельфин взял Ариона к себе на спину и вынес его на Тенар. Впоследствии Арион пожертвовал тенарскому святилищу медное изображение человека, сидящего на дельфине. - По понятиям древних, дельфины выносили на сушу и других людей, как живых, так и мертвых" (Aelian, "De natura anirnalium", VI, 15, VIII, 3; XII, 6) (К. Б.).

Чтоб море их не поглотило.
Могучий реющий орел,
Которому воздушный ветер
На голове взбивает перья[35],
Царь птиц, приветствующих солнце,
Исполнен высшей доброты, —
Чтоб человек не выпил смерти,
Которую жестокий аспид
Сокрыл во влаге серебристой,
К кристаллам примешавши яд, —
Своими сильными крылами
И клювом возмущает воду.
И меж камней и меж деревьев
Мы видим той же власти знак:
Покрытый нежною коронкой,

---

[35] Примечания: 35

...орел, // Которому воздушный ветер // На голове взбивает перья... - Ветер таким образом делает его голову как бы венценосной. О милосердии орла рассказывает Элиан (XVII, 37): "Один жнец, пойдя к источнику за водой для своих товарищей, убил змею, от которой орел, обвитый ею как кольцом, никак не мог освободиться. Вернувшись затем к своим товарищам, он дал им воды, и они напились. Когда же он сам поднес сосуд с водой к губам, орел, летавший поблизости, опрокинул сосуд и разлил воду. Жнец, негодуя на неблагодарность, начал бранить его, но, когда он обернулся, товарищи его были уже объяты смертными муками, и он увидел тогда, что змея отравила источник, а орел спас ему жизнь" (К. Б.).

Гранат, властитель над плодами,
Меняет цвет, когда отравлен,
И, погашая свой рубин,
Мерцает сумрачным топазом,
С оттенком обморочно-бледным.
Алмаз, перед которым силу
Теряет даже сам магнит,
Ему на верность присягая,
Так благороден, что измену
Хозяина изобличает,
И если раньше пред резцом
Он был непобедимо твердым,
По совершении измены
Становится как бы золою.
Так если меж зверей и рыб,
Меж птиц, камней и меж растений
Величье царское являет
Свою способность к милосердью,
Несправедливо, государь,
Чтоб меж людей она исчезла:
И для тебя не оправданье
Отличье твоего закона,

Бесчувственность везде одна.
Я не хочу тебя растрогать,
Чтоб ты, слезам моим внимая,
Дал жизнь мне царским состраданьем,
Я не прошу тебя о ней;
Я знаю, умереть я должен
От этой тягостной болезни,
Мои омрачены ей чувства,
Все тело от нее — как лед.
Я сознаю, я ранен смертью,
И чуть скажу какое слово,
Я чувствую, мое дыханье —
Как острой шпаги лезвие.
Я знаю, наконец, я смертен,
И нет мгновений достоверных;
По этой-то причине разум
Устроил гроб и колыбель
Похожими по внешней форме,
Похожими по матерьялу.
Когда кого-нибудь мы просим,
Мы руки складываем так
И поднимаем их; когда же

Хотим мы что-нибудь отбросить,
Мы то же делаем движенье,
Но опускаем руки вниз.
Когда рождаемся мы к жизни,
То в знак того, что мир нас ищет,
Он в колыбель нас принимает,
Которая открыта вверх.
Когда же презреньем или гневом
Он пожелает нас отбросить,
Он вниз тогда роняет руки,
И тот же самый инструмент
Меняет смысл при той же форме,
И, сохраняя ту же сущность,
Что было кверху колыбелью,
То книзу превратилось в гроб.
Так близко мы живем от смерти,
Так тесно при рожденьи нашем
Сливаются, черта с чертою,
И колыбель и ложе мглы.
Чего ж он ждет, кто это слышит?
Кто это знает, что он ищет?
Не жизни, в этом нет сомненья,

А смерти: я о ней прошу;
Пусть небо даст мне исполненье
Желанья умереть за веру,
То не отчаянье, не думай,
Меня не отвращает жизнь,
Но я ее отдать хотел бы
В защиту дела правой веры,
Чтобы в единой жертве Богу
Душа и жизнь слились в одно.
Итак, хотя я жажду смерти,
Но чувством я своим оправдан.
И где бессильно состраданье,
Пусть там тебя обяжет гнев.
Ты лев? Тогда с могучим ревом
Скорее разорви на части,
Кем оскорблен ты и поруган.
Орел? Тогда скорей изрань
Свирепым клювом и когтями
Того, кто разорить решился
Твое гнездо. Дельфин? Вещай же
О страшных бурях моряку,
Что бороздит пучины моря.

Гранат? Яви нагие ветви,
Как признак Божеского гнева,
Неукротимости ветров.
Алмаз? Рассыпься мелкой пылью
И сделайся отравой жгучей,
И утомись, и успокойся,
Но только знай притом, что я,
Хотя б я больше ведал бурей,
Хотя бы больше видел гнева,
Хотя б я больше знал печалей,
Хотя бы больше знал тоски,
Хотя бы больше встретил бедствий,
Хотя бы больше понял голод,
Хотя б в лохмотьях был, хотя бы
В грязи и в низости лежал,
Но непреклонен буду в вере,
Она как солнце предо мною,
Она как свет, меня ведущий,
Она нетленный мой венец,
Ты победить не можешь Церковь,
Меня, коли захочешь, можешь,
Но будет Бог моей защитой,

Как я защита дел Его.

Возможно ль, чтоб в таких мученьях
Ты сохранил такую гордость
И сам сумел себя утешить,
Когда страдания — твои?
И чтобы мне в упрек ты ставил,
Что я тебе не сострадаю,
Не милосерд к чужому горю,
Коль ты не милосерд к себе?
Не я, а ты, своей рукою,
Себе удар наносишь смертный,
Проникнись ты к себе участьем,
Проникнусь им к тебе и я.

Властитель, окажи мне помощь.

Какое горькое злосчастье!

Когда в тебе душа красива,
Как нежно тело у тебя,
Перед Царем будь мне защитой.

Какая скорбь!

Не взглянешь даже?

О, ужас, ужас!

Впрочем, правда:
Скорбь видеть не твоим глазам.

Какая пытка!

Но хотя бы
Ты на меня и не смотрела,
Хоть ты уходишь прочь, но нужно,
Чтоб ты услышала теперь,
Что если даже ты красива,
Ты более меня не стоишь,
И может быть я стою больше.[36]

В твоих словах смертельный яд.
Ты голосом наводишь ужас,
Меня своим дыханьем ранишь.
Оставь меня. Чего ты хочешь?
Страдать сильней я не могу.

---

[36] Примечания: 36

И может быть я стою больше. - В этой фразе двойной смысл, так как, в исполнение предсказания старухи, пленная Феникс будет выдана в обмен на труп Дон Фернандо, и явится таким образом "ценою мертвеца" (К. Б.).

СЦЕНА 8-я

Дон Хуан, с хлебом. — Дон Фернандо, Брито.

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

Дон Хуан

Дон Фернандо

(Его уносят на руках.)

За то, что шел к тебе я с хлебом,
Меня преследовали мавры,
Смеялись надо мной и били
Меня до нанесенья ран.

Наследство праотца, Адама.

Бери и ешь.

О, друг мой верный!

Ты этот хлеб приносишь поздно,
Ко мне уже подходит смерть.

Да ниспошлет мне свет свой небо!

Но всякая болезнь смертельна,
Как быть, когда все люди смертны,
Как быть, когда в конце концов,
Уставши в этом лабиринте,
Старея, человек, смущенный
Самим собой, заболевает,
И тот недуг приносит смерть?
О, человек, не будь небрежным:
Не забывай о вечной казни,
Не жди в болезнях предвещаний,
Ты сам — страшнейший твой недуг.
Пока живешь ты в этом мире,
Ты по земле ступаешь твердой,
Но ты над собственной могилой
Проходишь в мире каждый миг.
Закон печальный, рок суровый:
Что б ни случилось, видеть ясно,
Что с каждым шагом (о, мученье)

Ты должен уходить вперед,
И даже Бог не может сделать,
Чтоб этот шаг твой был не сделан.
Друзья, конец мой подступает:
Несите на руках меня.

Последнее мое объятье
Отдам тебе.

С последней просьбой
К тебе я, друг мой, обращаюсь,
Мой благородный Дон Хуан.
Раздень меня, когда умру я,
Найди в угрюмом подземельи
Мое монашеское платье, —
Так долго я его носил, —
И в нем меня, с лицом открытым,
Похорони, коль Царь жестокий
Смягчит свой гнев и не откажет
Мне в погребеньи; обозначь
Мою могилу; я надеюсь,
Что, умирая как невольник,
Я буду выкуплен позднее

И буду спать у алтаря.
Тебе, Создатель мой Небесный,
Церквей так много сохранил я,
Что я надеяться решаюсь,
Ты приютишь меня в одной.

СЦЕНА 9-я

Побережье вдали от города Феса. — Ночь, Дон Альфонса, солдаты с мушкетами.

Дон Альфонсо

Оставьте на лазурном побережья
Громаду этих тяжких кораблей,
Которые, на изумленье небу,
Качает море в снежности своей.
И пусть меж этих дальних горизонтов
Морские горы выбросят солдат,
Чтоб корабли, как греческое зданье,
Зажгли пожар, губительный стократ.

СЦЕНА 10-я

Дон Энрике. — Те же.

Дон Энрике

Дон Альфонсо

Дон Энрике

Дон Альфонсо

Дон Энрике

Дон Альфонсо

Дон Энрике

Ты не хотел, властитель, чтобы вышло
Близ Феса наше войско; пожелал,
Чтоб в этом месте высадка свершилась,
Ты место несчастливое избрал:
Сюда идет бесчисленное войско,
Движеньем гонит ветер пред собой,
И возвышает горные вершины
Воинственной растущею толпой.

Супругою уводит Таруданте
Принцессу Феса, он спешит к себе...
Но пусть раскат грохочущего эхо
Об этом громче возвестит тебя.

Энрике, я нарочно выбрал этот
Заранее намеченный проход:
Я войско Феса вместе с этим войском
Нашел бы, если б там причалил флот.
Теперь же, разделенных, я сумею
Сперва одних, потом других разбить.
И, прежде чем они соединятся,
Вели скорей к оружию трубить.

Безвременно сраженье это будет.

Мой гнев теперь ко всем советам глух,
Пусть мщение нагрянет безотложно,
Я в Африку явлюсь как грозный дух.

Смотри, уж ночь, закутанная в тени,
Светило дня сокрыла в бездне вод.

Мы будем в дымном сумраке сражаться;
Той веры, что в душе моей живет,

Не победить ни времени, ни силе.
Фернандо, если в этот самый час,
Во имя Бога, терпишь ты за веру,
Победа ждет и не обманет нас.
Мне будет честь, ему святая слава.

Ты гордостью своею увлечен.

СЦЕНА 11-я

Дон Фернандо. — Те же.

Дон Фернандо (за сценой)

Дон Альфонсо

Дон Энрике

Дон Альфонсо

(Появляется инфант Дон Фернандо, в рыцарской одежде своего ордена и с зажженным факелом.)

Дон Фернандо

(Уходит.)

Дон Энрике

Дон Альфонсо

(Уходят.)

На бой! На бой! Иди вперед, Альфонсо!

Ты слышишь чей-то крик и зов и стон?

Я слышу трубный звук, сигналы к битве
И смутные меж ними голоса.

Итак, вперед, Энрике. Нет сомненья,
Сегодня нам помогут небеса.

Помогут, да; твою увидя веру,
Они тебе замыслили помочь,
И защитят твое святое дело.
Из рабства я уйду отсюда прочь.
Пример, достойный общего вниманья:
За столько храмов, Бог дает мне храм;
Со светочем, изъятым у Востока,
Я буду озарять дорогу вам,
И с властным войском, царственный Альфонсо,
Войдешь ты в Фес, — пойми, что говорю, —
Не для того, чтоб там короноваться,

Но мой закат преобразить в зарю.

Альфонсо, в том, что вижу, сомневаюсь.

Я верю в то, что вижу пред собой,
И если речь идет о славе Бога,
Скажи: "Победа", — говоря: "На бой".

СЦЕНА 12-я

Внутренняя часть стен Феса.

Царь и Селин; в вышине Дон Хуан с одним пленником, и гроб, в котором, по-видимому, находится Инфант.

Дон Хуан

Царь

Дон Хуан

Царь

Дон Хуан

Царь

Дон Хуан

Тиран, ты можешь услаждаться,

Что варварски ты уничтожил
Жизнь превосходнейшую.

Кто ты?

Хотя бы ты убил меня,
Я тот, кто будет при Фернандо,
И если б даже от печали
Померк мой ум, я в самой смерти,
Как верный пес, пойду за ним.

Вот, христиане, образец вам,
Он возвестит векам грядущим
О том, что суд мой справедливый
Неукоснительно суров;
Жестоким да не назовется
Отмщение за оскорбленье
Особ высоких царской крови.
Теперь, Альфонсо, приходи,
Будь вызывающе-надменным,
Освободи его из рабства,
И пусть я потерял надежду,
Что будет Сеута моей,
Но так как ты притом утратил

Надежду получить Фернандо,
Я ныне услаждаюсь, видя,
Что в тесной замкнут он тюрьме.
И мертвый не освободится
Он от моей суровой кары,
Пусть будет он на посмеянье
Пред всеми выставлен теперь.

Получишь скоро воздаянье:
Уже над морем и над сушей
Отсюда вижу я знамена
Сюда идущих христиан.

Взойдем на вышку и посмотрим,
Что происходит за стенами,
Какие новые готовит
События закон судьбы.

Я вижу траурные знаки,
Влачатся горестно знамена,
Звучат чуть слышно барабаны
И не дымятся фитили.

СЦЕНА 13-я

Внешняя часть стен Феса.

Отдаленный бой барабанов; впереди идет Дон Фернандо, с зажженным факелом, за ним Дон Альфонса, Дон Энрике и солдаты, ведущие захваченных в плен Таруданте, Феникс и Мулея; потом Царь и Селин.

Дон Фернандо

(Уходит.)

Дон Альфонсо

(На стену выходят Царь и Селин.)

Царь

Дон Альфонсо

Царь

Феникс

Царь

Феникс

Царь

Дон Энрике

Дон Альфонсо

Царь

Дон Альфонсо

Феникс

Царь

(Уходит со стены.)

(Гроб спускают на веревках по стене.)

Дон Альфонсо

Дон Энрике

Сквозь непроглядный ужас ночи,
Никем не знаемой дорогой,
Тебя я вел: и облик солнца
Расторг сплетенья дымных туч.
О, победительный Альфонсо,
До Феса ты дошел со мною:
Ты перед фесскою стеною,
Так выкупи теперь меня.

Кто на стенах там есть, услышьте!
Пусть выйдет Царь ко мне скорее!

Чего, воитель юный, хочешь?

Чтоб ты Инфанта отдал мне!
Чтоб ты маэстре Дон Фернандо
За Тарданте и за Феникс,
Которых видишь пред собою,
В обмен мне отдал! Выбирай:
Смерть Феникс иль его свободу.

О, друг Селин, что буду делать
Среди подобных затруднений:
Фернандо мертв, а дочь моя
В его руках. Судьбы превратность,
Вот до чего дожить пришлось мне.

Но что я вижу пред собою?
О, что же это, государь:
Я в этом тяжком затрудненьи,
И жизнь моя под страхом смерти,
И честь моя в такой тревоге,
А ты не знаешь, что сказать?
Ты можешь медлить хоть минуту,
И колебаться хоть мгновенье,
Чтоб получить мою свободу?
Ты держишь жизнь мою в руке,

И соглашаешься (о, мука!),
Чтобы моя (о, горечь пытки!)
Была в несправедливом рабстве?
Твой голос может жизнь мою
Единым словом (о, страданье!)
Восстановить, и ты спокойно
Молчанием предоставляешь,
Чтоб мой звучал такой мольбой?
Здесь на глазах твоих кинжалом
Готовятся пронзить мне сердце,
А ты глядишь, как льются слезы
Перед тобою из моих?
Ты Царь, — и оказался зверем,
Отец, и предстаешь как аспид,
Судья, и палачом явился,
Нет, ты не Царь и не отец.

О, Феникс, это замедленье
Не понимай как нежеланье
Тебе дать жизнь, — желает небо,
Чтобы окончилась моя.
И так как более не хочет,
Чтоб наши жизни продолжались,

Узнай, Альфонсо, что с закатом
Вчерашний день, в тот самый час,
Как отбыла из Феса Феникс, —
Закончив путь свой в море пены,
Закончив путь свой в море смерти,
Скончались — солнце и Инфант.
И этот гроб смиренно-тесный
Оправа царственного тела.
Сверши же приговор над Феникс:
Пускай за кровь прольется кровь.

О, горе мне! моя надежда
В одно мгновенье оборвалась.

И ничего мне не осталось,
Чтоб хоть мгновение прожить.

Что слышу? Да поможет Бог мне!
Как поздно, небо, о, как поздно
К нему пришла его свобода!

Не говори так; если сам
Фернандо в символах сказал нам,
Чтоб мы его освободили,
Он разумел свой прах остывший,

Хотел сказать, что прах его
За много храмов храм получит,
И выкупить его должны мы.
Царь Фесский, чтобы ты не думал,
Что меньше этой красоты
Фернандо отошедший стоит,
Я на него ее меняю.
Пошли же снег мне за кристаллы,
Январь мне обменяй на май,
Отдай мне за алмазы — розы,
За неземной прекрасный образ
Дай мертвого многострадальца.

Альфонсо, что ты говоришь,
Непобедимый?

Говорю я:
Пусть пленники его опустят.

И стала я ценою трупа:
Свершился неба приговор.

Спускайте со стены высокой
Тяжелый гроб, и сам спущусь я,
Чтобы у ног Альфонсо сдаться.

О, Принц, о, мученик святой!
Тебя в объятья принимаю.

Перед тобой, мой брат, склоняюсь.

СЦЕНА 14-я

Царь, Дон Хуан, пленники. — Те же.

Дон Хуан

Дон Альфонсо

Дон Хуан

Дон Альфонсо

(К Царю.)

(К пленникам.)

Царь

Дон Альфонсо

Привет, великий наш Альфонсо,
Дай руку.

Друг мой Дон Хуан,
Таков отчет твой об Инфанте?

Я был при нем до самой смерти,

Пока его не увидал я
Свободным, мертвым и живым:
Взгляните, как лежит он тихо.

Дай руку мне свою, родной мой.
Несведущий, я слишком поздно
Тебя пришел освободить.
Но в смерти, что всего важнее,
Всегда являет лик свой дружба.
Твои блаженные останки
Я отвезу с собой во храм.

Тебе я, Царь, вручаю Феникс
И Таруданте, и в супруги
Прошу ее отдать Мулею,
С Инфантом он так дружен был.

Придите, пленники, взгляните,
Вот ваш Инфант, попеременно
Его несите до армады.

Пусть все идут вослед за ним.

Под заунывный трубный голос,
Под стройный рокот барабанов
Пусть похоронным маршем войско

Идет, — чтоб кончил долгий путь,
Прося смиренно извиненья
За все великие ошибки,
Инфант Фернандо Лузитанский,
В христовой вере стойкий Принц.

Луис Перес Галисиец[37]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Луис Перес
Мануэль Мендес
Дон Алонсо де Тордойя
Хуан Баутиста
Адмирал Португалии
Педро, шут
Леонардо
Исабель, сестра Луиса Переса
Донья Хуана, дама
Донья Леонор, дама
Касильда, служанка

---

[37] Примечания: 37

Точная дата написания неизвестна. Примерная датировка - 1628-1630 гг. Впервые напечатана в "Четвертой части комедий различных авторов" в 1647 г.

В основе замысла Кальдерона лежит реальная история, относящаяся, по всей видимости, к концу XVI в.

Подробно об этой драме см. в статье Н. И. Балашова, наст, изд., кн. 1; история ее перевода Бальмонтом изложена в статье Д. Г. Макогоненко, кн. 2 наст. изд.

Согласно современным правилам написания, в этом издании печатается Луис вместо Люис в машинописи Д. К. Бальмонта.

Коррехидор - в этом случае чиновник правосудия, имеющий большие полномочия.

Альгвасилы - судейские приставы, частично выполнявшие функции полиции.

Коррехидор
Следственный Судья
Альгвасилы
Крестьяне
Солдаты
Слуги
Толпа

Действие происходит в Сальватиерре, в ее окрестностях и в окрестностях Санлунара.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Зал в загородном доме Луиса Переса близ Сальватиерры.

Луис Перес, с обнаженным кинжалом, настигающий Педро; Исабель и Касильда удерживают его.

Исабель

Луис

Педро

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Педро (в сторону)

Луис

Педро

(Уходит, и с ним Касильда.)

Спасайся, Педро!

Не уйдешь,
Когда я за тобою в злобе!

Его вы удержите обе!

Клянусь, ты от меня помрешь!

Зачем такое обращенье?
Ты пламенеешь весь огнем.

Неблагодарная, на нем
Твои отмщу я оскорбленья.

Я не пойму.

Понять пора.
Сперва обидчика убью я,
Потом тебе все разъясню я,
О, недостойная сестра.
Все явится в разоблаченьи,
И сердце, ртом и гневом глаз,
Засветит яростный рассказ,
Все разорвавшись в обличеньи.

Когда, к ущербу моему,
Ты так исполнен притязанья,
Я, не поняв твое деянье,
Твой довод вдвое не пойму.
Так нагло говоришь со мною?
Презренный, и глупец вполне,
Не брат, а злой ты ворог мне.

Я враг твой, этого не скрою.
Вот этой стали ход я дам,
В твоей крови она, быть может,
Бесчестье смоет вдруг и сложит
Обиду в прах к моим ногам.

Тому во вред чужая ссора,

Кто вздумал впутаться в нее,
А мне в том польза, и ее
Использую я бегством скоро.
Чуть от тирана побегу,
Уж поработаю ногами
И помахаю я руками,
Так защититься я смогу.
С тобою ныне час разлуки,
О, родина моя, прощай.

Ты волен, Педро, примечай,
Мои не досягнули руки
Тебя сейчас, хоть совершил
Измену ты. Остереженье
Прими же как предупрежденье:
Впредь изо всех старайся сил
Нигде не встретиться со мною.
Коль в самом дальнем я краю
Когда увижу тень твою,
Тебя немедля успокою
И через тысячу я лет.

Я это слышу, в это верю,

За тяжбу принял я потерю,
И пересмотра дела нет.
А если ты даешь согласье,
Чтоб жил в отлучке, я уйду,
Среди пигмеев, как в среду,
Я проведу свое злочасье.
За грех мой — тяжкий мне урок,
Так искуплю твои я гневы:
Изгнанником быть сыну Евы
Средь карликов, — о, горький рок!

СЦЕНА 2-я

Луис, Исабель.

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

(Уходит.)

Луис

Ушел он, и теперь нас двое.
Узнать мне нужно, из чего
Весь пламень гнева твоего,
И в чем свершенье было злое.

Сестра... О, если б Бог хотел,
И никогда бы предо мною
Ты не была моей сестрою,
В один включенная предел!
Ты думаешь, что я как сонный
Терпел, хотя и замечал,
Все знал, все видел, но молчал,
Когда бесчинствовал влюбленный,
Что послужить тебе готов,
Не только честь твою пятная,
Но кровь и доблесть оскверняя,
Твое наследство от отцов?
Нет, Исабель, я оскорбленья
Претерпевал не как глупец,
Не как невидящий слепец,

А умножая рассмотренье,
Чтоб чувство мерить не на глаз,
А все узлы распутать вместе,
Затем что в ревности и чести
Отчет возможен только раз.
И если возникает случай,
Свое я чувство покажу,
Но ясно я при том скажу:
Избегнем длинноты тягучей,
И ты заметь, сестра моя,
Что молвлю в уваженье к дому,
А если нет, так по-иному
Тебе отвечу завтра я.
Хуану Баутисте, знаю,
Желанна ты. В груди его
Достойного нет ничего,
Я то исканье отвергаю.
Об этом нам довольно слов,
И это ты имей для знанья.
И лишнее — упоминанье,
Что твой искатель — из жидов.
Сальватиерру я покинул,

Заботой этою ведом:
В уединении своем
Я все ж те мысли не отринул.
И здесь он тянет нить свою,
И здесь свое он продолжает,
Письмо с слугою посылает,
За это я его убью.
Явилась в миг ты подходящий,
Я гневный дал тебе ответ,
Так пусть, во избежанье бед,
Не ищет он руки грозящей.
Пусть между вас двоих любовь
Исправится. Иначе, Богом
Клянусь в моем решеньи строгом,
Грозить уже не буду вновь,
Преград себе не буду ставить,
Я ринусь бешено к врагу,
Его и дом его сожгу,
Чтоб Инквизицию избавить
От тех заботливых трудов.

Не дав мне даже оправдаться,
Спешишь ты ярости отдаться

Пустых, слепых от гнева слов.
В чем ты винишь, я не виновна.

Как так?

Нет в женщине вины,
Коль ей безумства внушены:
Удел наш общий, безусловно.

Я принял бы вполне, сестра,
Твои слова как оправданье,
Но вот письмо, в нем указанье...

Довольно. Замолчать пора.
Такое следствие чрезмерно.
Что хочешь от меня, Луис?
Не впору башмаки пришлись.
Ты брат, не муж мой, достоверно.
А так как ты мне не супруг,
Явил бы сразу разуменье,
Когда любое объясненье
Без спора принял бы ты вдруг.
Затем что лучше обмануться,
Коль невозможно злу помочь,
И, бросив подозренья прочь,

За полной правдой не тянуться.
Заметь, что я сестра твоя,
Свои обязанности знаю:
Сегодня так и отвечаю,
Иначе завтра молвлю я.

Ты хорошо мне отвечаешь,
И лучше хитрость и обман,
Коль в них исход известный дан,
Другого ж выхода не знаешь.
Ошибся в поведеньи я,
Запутался, не сладив с малым.
Сестра, ты явишься началом
Тех бед, в которых смерть моя.

СЦЕНА 3-я

Касильда; потом Мануэль Мендес, Луис.

Касильда

Луис (в сторону)

(Касильда уходит, и входит Мануэль Мендес).

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

(Становится на колени.)

Луис

Мануэль

Луис

(Мануэль уходит).

Там португалец благородный
В наш деревенский прибыл дом,
Спросил, где ты.

О зле моем
Миг размышленья непригодный.
Скажи, чтоб он вошел сюда.

Луис Перес, коль промедленье
Продлилось бы, без позволенья
Сюда вошел бы я тогда.

Тысячекратное объятье
Вам, Мануэль, то малый счет:
Смерть этот узел разорвет,
Его не дам ей развязать я.
В Сальватиерре с нами вы.
Добро пожаловать, мой милый.

И приложил к тому я силы,
Чуть не лишился головы,
Опасностей для жизни много.

Мне грустно, ежели у вас
Одни печали в этот час.

Коль я у этого порога
Почтен, забыта скорбь моя.

Из Португалии, оттуда,
Ваш путь сюда. И вот покуда
Причины не узнаю я
Того таинственного "что-то",
Что вас ведут к иной стране,
Вполне естественно во мне
Встает живейшая забота.
Все рассказать вам трудно вдруг.

Но просит вас мое участье
Сказать немного про несчастье.
Так что же с вами? Я ваш друг.

Вот слушайте меня с вниманьем.
Коли разлука без ущерба
Была для дружбы, — вы навряд ли
Могли забыть, Луис Перес,
О днях счастливых в Лиссабоне,
Когда моим вы гостем были
Из-за событий, что Кастилью
Заставили покинуть вас
И дом почтить мой... Но не это
Предметом будет для беседы:
Речь обо мне. Забыть навряд ли
Могли вы также, что вполне
Мой ум пленен был нежным счастьем.
Не нужно мне давать оценку,
Насколько страсть была предельна:
Я португалец, в этом все,
И слов дальнейших тут не нужно.
Донья Хуана де Менесес —
Мой обожаемый владыка,

Царица жизни, светлый лик,
Пытаясь восхвалить достойно
Восторг ее очарованья,
В бессилии слабеет голос,
Дыханье гаснет в немоте,
Затем что божеству такому
Сама Любовь приносит жертвы,
Пред ней алтарь себе построив,
И этот образ взяв в свой храм,
Два года жили мы в покое
Влюбленные: у чувства, если
Оно взаимность повстречало,
Для ревности причины нет,
Божественною красотою
Питается лишь столько ревность,
Чтоб легким страхом, чтоб боязнью
Будить любовь еще сильней,
Не убивать ее презреньем.
С такою ревностью любил я
Все более и был доволен:
Когда без ревности любовь,
Так без души она есть тело.

Ведь тому, кто врачеваньем
Избрал отраву, раздувая
Живой огонь в немой золе,
Кто зверя делает домашним,
Владеющего силой яда,
Кто море бороздит надменно,
В непрочной веселясь ладье!
Беда тому, кто посмеяться
Над ревностью своею вздумал!
Он пробует, шутя, отраву,
Ее вкусивши, он мертвец,
Он веселит в себе ехидну,
Она ему ломает сердце,
Играет хрусталем он тонким,
И гроб находит в хрустале.
Затем что если ревность — ревность,
И явится как таковая,
Она есть море, пламень ярый,
Ехидна, мед, но в меде яд.
Причиной для моей отравы
Был превосходный кабальеро,
Учтивый, храбрый и разумный,

Его я не затрону честь,
Хоть пролил кровь его, отмщая
Мое жестокое мученье:
Одно — убить своею сталью,
Другое — ранить языком.
И потому я полагаю,
Что никогда, врага имея,
Я на него не нападаю,
Когда он где-то в стороне.
Итак, скажу, не оскорбляя
Его, что этот кабальеро,
Ее отца просил, и в жены
Ее судил ему отец.
Скажу, чтобы сказать все сразу,
Он был богат, того довольно.
Участвовали в договоре
Тот, кто богат и кто скупец.
И наконец настал день свадьбы...
Верней, о, небеса, день смерти,
Веселье с трауром смешалось,
День свадьбы днем был похорон,
Едва сошлись друзья, родные,

И ночь покров сгустила черный,
Как я, исполнен дерзновенья,
В ее вошел внезапно дом,
И новобрачного бесстрашно
Среди собравшихся нашел я,
В одну минуту говорили
С ним мой язык, моя рука.
Язык промолвил: "Я властитель
Той красоты". Рука взмахнула
Кинжалом, два свершив удара,
И на полу лежал мертвец.
Так гром и молнию явили
Кинжал и голос говоривший,
Клинок мой — свет родил внезапный,
А голос — прозвучал как гром.
Смутились все, и между всеми
Не жить, а биться расположен,
Чтобы отчаянью отдаться,
И, умирая, убивать,
Донью Хуану ухватил я, —
При этой смуте и тревоге
Нетрудно было сделать это, —

Лишь миг, она уж на коне...
Не на коне! Что говорю я?
На вихре, на крылатом ветре,
Но для чего слова мне тратить,
Хвалы слагая быстроте?
Скажу одно: он столь был легким,
И столь послушным, что казался
Мне быстрым — в час, когда он бег-
ство
Осуществлял, свершая бег.
Рубеж мелькнул нам Португальский,
И миновали мы границу,
Приветствовали мы Кастилью,
И пристань верную нам в ней.
Уверены, что в вас защиту
Найдем, примчались мы проворно,
Луис Перес, в Сальватиерру,
И вот у ваших ног я здесь.

Друзья мы, дружба необманна,
Запишет нашу дружбу время
На плитах из нетленной бронзы,
Несчастью дайте вы приют, —

Не потому что здесь несчастный,
А потому что к вам прибег он,
И в этом благородный связан, —
Когда же нет привета мне,
Взываю я во имя дамы,
Которую оставили в роще,
На берегу реки вот этой,
Ее с собой взять не хотел,
Пока я с вами не увижусь,
Один пошел сюда искать вас,
И мне сказал слуга какой-то,
Что в деревенском доме вы,
И в ваше прибыл я объятье,
Обязанный, доверья полный,
Преследуемый, боязливый,
Влюбленный. Дальше речи нет:
Сказав — влюбленный, уповаю,
Что справедливо и по праву
Встречаюсь я с благоволеньем
В том чувстве, присужденном мне.

Учтивости все эти слыша,
Я, Мануэль Мендес, настолько

Обижен ими, что не знаю,
Давать ли мне какой ответ.
Чтобы сказать мне: "Одного я,
Луис Перес, убил гидальго,
Со мной в сопровожденьи дама,
И к вам я прихожу в ваш дом", —
Ужели правду были нужны
Словесные те построенья?
Хочу вас научить теперь,
Как нужно было говорить.
Вот, Мануэль, меня услышьте.
На много лет в наш дом пришли вы,
Хорошие то будут годы,
И рады послужить вам здесь.
Вернитесь же туда немедля,
Где вы оставили ту даму,
И поскорее приведите
Ее в приветливый уют.
Я здесь меж тем останусь, ибо
В учтивостях я неискусен,
И позабочусь, чтобы не был
Ее приходом взят врасплох.

Позвольте, чтоб еще раз сердце
Свою явило благодарность,
В вас друга верного признавши.

Сеньор, идите поскорей:
Себя увидя на чужбине,
Тревожиться должна сеньора,
И нужно быстро успокоить
Ее возвратом.

Исабель!

СЦЕНА 4-я

Исабель. — Луис.

Исабель

Луис

Исабель

(За сценой слышен звук шпаг.)

Луис

Чего ты хочешь?

Если только
Когда-нибудь моей любовью

Твою снискал я благодарность,
Ее мне покажи теперь.
Забудь досаду, и не будем
Давать предмет для разговоров,
На все потом найдется время.
Сегодня дом наш для гостей,
Перед которыми имею
Я долг признательности строгий,
И заплатить его намерен.
Пришел к нам Мануэль Мендес
С своей женой.

Я в этом буду,
Как и во всем, твоей слугою.

Но Боже мой, что там случилось?

Весьма приметный стук мечей.
И крики.

СЦЕНА 5-я

Альгвасилы. — Те же.

Альгвасил 1-й (за сценой)

Альгвасил 2-й (за сценой)

Исабель

Альгвасил 1-й (за сценой)

(За сценой выстрелы.)

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Мертвый ли, живой ли,
Он должен наш быть.

Мы напрасно
За ним спешим.

От многих кто-то
Там убегает на коне.

Пали в него!

Бог да поможет
Тебе, несчастный!

Что такое?

В него стреляли из мушкета,
И мертвый наземь он упал.

Напротив, случай тут счастливый:
Лишь лошадь ранили те пули,
В крови она поверглась наземь,
А кабальеро бодрый встал,
И жизнь свою он защищает,
И шпагой молнии он сеет.

Преследуем, он направляет
До дома нашего свой бег.

СЦЕНА 6-я

Дон Алонсо, с обнаженной шпагой. — Луис, Исабель.

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

(Уходит.)

О, небеса! Защиту дайте

Несчастному, что, задохнувшись,
Здесь падает.

Вы, Дон Алонсо?
Какими вы судьбами здесь?

Нет времени о том поведать.
Луис Перес, могу просить лишь,
Чтобы меня вы защитили:
За то, что сделал, нужно мне
Быть в Португалии немедля.

Так грудью пусть владеет смелость:
Тот успевает в затрудненьях,
Кто в твердости усилья смел.

СЦЕНА 7-я

Узкий проход между двух возвышенностей.

Луис, Дон Алонсо.

Луис

Коррехидор

Луис

(Делает черту.)

Коррехидор

Луис

Коррехидор

Альгвасил 1-й

Луис

(Отступает, нанося шпагой удары.)

Альгвасил 1-й (за сценой)

Альгвасил 2-й (за сценой)

Уж близко мост чрез эту реку,
Которая между Кастильей
И Португалией — граница.
Едва на той вы стороне,
И не страшна погоня будет.
В проходе узком я останусь,
Что меж горы и этим домом,
Благодарить мне не придется,
Коль замысел вы не свершите
По принужденью.

Это как же?

Игрою бьющихся мечей

Я, защищать решивши этот
Проход, намерен это сделать.
Из всех, кто тут, клянусь, вот этой
Никто не перейдет черты.

Убить его!

Остановитесь!
Потише!

Смерть ему!

Да будет
Луис Перес убит, немедля!

Вы трусы, курицы, вы псы,
Канальи, так я умираю!

Я ранен насмерть!

Я убит!

СЦЕНА 8-я

Роща на берегу реки.

Донья Хуана и Мануэль.

Донья Хуана

Мануэль

Донья Хуана

Нет, никогда мне раньше не казалось,
Что так ты мил со мною, Мануэль:
Благодарю за то, что я здесь оставалась
Недолго, и твоя осуществилась цель.

Сеньора, я люблю, и потому неложно
Скажу, что совершу все, все, что невозможно.
Совсем не нужно было мне
Войти в предел Сальватиерры:
Недалеко здесь в стороне
Нашел в ущельях я сиерры
Дом деревенский, где живет
Луис Перес, мой друг, который
Превысит в дружбе всякий счет,
И вот конец пути нам скорый,
Как будто прямо он для нас
Здесь поселился: зоркий глаз
Ничей следить не будет пусть за нами,
В покое будем мы, покрытые горами.

Я, Мануэль, не утаю:

Кто бросил родину, отца и честь свою,

И все же в этом состояньи

Доволен, что тебе свое существованье

Способен в жертву принести,

Что может тот желать еще в своем пути?

Я только одного желаю:

Чтоб в этой вот горе был храм любви для нас,

И твердостью моей я буду каждый час

Граниты побеждать, сейчас уж побеждаю.

СЦЕНА 9-я

Дон Алонсо; потом Альгвасилы. — Донья Хуана, Мануэль.

Дон Алонсо

Донья Хуана

Мануэль

(Приближается к Дону Алонсо.)

Дон Алонсо

Мануэль

Альгвасилы (за сценой)

Дон Алонсо

Куда ведет меня мой рок,
Без мысли правильной, без правильных дорог?
Куда ведет аллея эта,
Меж тем как небо мне в беде не шлет просвета?
Уж нет дыхания в груди,
Одни несчастья и опасность впереди.
Спастись я не могу. На землю упадаю.
О, горе! Небеса! Спасите! Умираю!

Я слышу голоса людей.

Тут на земле, в тени ветвей,
Какой-то кабальеро бравый
Лежит совсем невдалеке,
Упав на травы,
И сталь видна в его руке.
Сеньор, вы ранены, скажите?

Мое благодарение примите,
Гидальго, за такую доброту.
Не ранен, лишь устал, в глазах я темноту
Вдруг ощутил и наземь повалился, —
Кто думал, что с ветрами он сравнился
Своею быстротой,
Вот он лежит, сравнен с землей.

Дух бодр. Восстаньте, не робея.

Займемте мост! Скорей, скорее!
Чтоб чрез него не спасся он!

Несчастье худшее грозит со всех сторон.
Что делать? Этою толпою
Я был преследуем, они гнались за мною,
И хоть бесстрашный друг стеной
Стоял как крепость за спиной,
Боюсь, они его убили,
Он пал, их уступая силе.

СЦЕНА 10-я

Луис, потом один Альгвасил, за сценой.

— Те же.

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Дон Алонсо

Луис

Мануэль

Донья Хуана (в сторону)

Альгвасил 1-й (за сценой)

Мануэль

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

(Луис Перес ухватывает Дона Алонсо, отходит с ним и бросается в реку.)

Луис (за сценой)

Донья Хуана

Луис (за сценой)

Мануэль

Луис (за сценой)

Мануэль

Луис (за сценой)

Мануэль

Донья Хуана

(Уходят.)

Они отбили к мосту ход,
Закрыт мне самый небосвод.
Увы, я в этой роще мглистой
Найду сегодня гроб тенистый.

Луис Перес, что было тут?

Несчастия мне сети ткут.

За друга бился, встав спиною.

Луис Перес, вы здесь со мною.

Умремте вместе, коль зовет к себе конец:

Мы дружбы и любви вернейший образец.

Тот, чья вина во всем, пусть духом не робеет,

И также умереть сумеет.

Я в затруднении большом: в чем ныне цель?

Но это главное. Услышьте, Мануэль.

Сегодня ткань всего такая,

Что меч ваш пусть молчит, меня не защищая.

Вот трудность в чем:

Хоть о моей тут жизни дело,

И защитить ее рукой могли б вы смело,

Взмахнув мечом,

Честь требует моя, чтобы в моем вы

доме

В мое отсутствие ее хранили. Кроме

Внимательности вашей, в нем

Защиты нет, и пуст мой дом.

Что жизнь, и что есть смерть, я очень различаю.

Я, право, вас не понимаю.

Коль вас придут искать, хочу я умереть.

Ужели стал бы я смотреть,

Как вы сражаетесь, стремя в бою отвагу,

А сам не обнажил бы шпагу?

Где больше женщину преследует беда?

Вот тут они!

Толпой идут сюда.

Их сборище спешит такое,

Что защищаться мы никак не сможем трое.

Убьют нас или всех возьмут.

Что предпринять возможно тут?

В себе вы мужество найдете,
Чтоб в реку броситься и плыть?

Немедленный конец забот
Тут мог бы быть,
Умей я плавать.

В поисках свободы
Вы на моих плечах пройдете эти воды.
Так, Мануэль, себе не изменю
И честь и жизнь я сохраню.
Там в Португалии жизнь будет безопасна,
Не смогут взять меня, погоня их напрасна.
Честь целой будет, как была:
Вы в доме, значит, честь цела.
Здесь бесполезны изъясненья:
В сестре красивой честь и все мои владенья.
Прощайте же! Довольно слов!

Как друг, пребуду я таков,
Что в вашем доме буду оком.

Скажите...

В странствии вы будете далеком,

Но в доме будете присутствовать вполне.

Будь, Боже, милостив ко мне!

Дельфин, он меряет простор от края к краю.

Вам, Мануэль, я честь мою вверяю!

С широким холодом вступил он в смелый бой.

Будь зорок!

Буду здесь тобой!

Прощай!

Как верить нам в подобное злосчастье?

Куда же я пойду, не повстречав несчастья?

СЦЕНА 11-я

Другое место на противоположном берегу

реки, уже в Португалии.

Адмирал Португалии и Донья Леонор, в охотничьем наряде.

Адмирал

Донья Леонор

Адмирал

Донья Леонор

Весь воздух в мирном летнем зное,
Ветров не шелохнет струя,
Итак, племянница моя,
Ты можешь тут пребыть в покое
На берегу реки большой,
Забывши все свои заботы.

Прекрасны радости охоты:
Как будто в ней идешь войной.

Как верно это наблюденье,
С тобой согласен я вполне:
Охота так близка войне.
Что восхитительней для зренья?
Встает могучий дикобраз,
И, свирепея пред врагами,

Он белоснежными клыками
Сулит собакам грозный час.
И ту швырнет на землю, смелый,
И ту, упорством обуян,
Резнет, а сам он как колчан,
В нем человеческие стрелы.
А вид несущейся борзой?
Когда добычу упускает,
То лапы в бешенстве кусает,
И снова мчится вперебой.
Бегут, стремится шея к шее,
Закон дуэли, видно нам,
Сужден природой и зверям,
Решает ловкость, кто сильнее.

Кого не радует тот вид
Воображаемых борений?
Но я люблю полет парений,
Глядеть, как сокол ввысь летит.
Я не могу без обмиранья
Смотреть на цаплю: по ветрам
Она проносится вон там,
Из перьев быстрое сгоранье,

Из перьев молния она,
С проворной быстротой какою
Из холода несется к зною,
Ее уносит вышина.
Изящны спешные усилья,
И вверх крылом она махнет,
Огнем пылающим мелькнет,
И вниз она опустит крылья,
Вкруг них повеет холодком.
И вдруг два сокола, для зренья
Две точки, в выси отдаленья
Взметнулись в небе голубом,
И возле них не блещут светы,
Огни крыло их не несет,
Но падают они с высот,
Как две внезапные кометы.
И цаплю так они теснят,
Хоть ловко цапля улетает,
Как будто неба не хватает,
И в воздухе препятствий ряд.
И, побежденная врагами,
Вдруг наземь падает тогда

Она, как алая звезда,
Бессильно шевеля крылами.
Дух соколиный обуян
Надменностью, достигнув цели:
Природою закон дуэли
И самым птицам в небе дан.

СЦЕНА 12-я

Педро. — Адмирал, Донья Леонор.

Педро

Адмирал

Педро

Адмирал

Педро

Адмирал

Педро

Адмирал

Педро

Какая тут земля? Не знаю.
Где ни ступлю я впопыхах,

Немедля ощущаю страх,
Неведомо к какому краю
Я, путешествуя, иду.
Я в Португалии. Прекрасно.
Но сводничал я так злосчастно,
Что в этом лишь снискал беду.
Не ужас разве? То служенье,
Где каждого награда ждет,
Чуть до меня дошел черед,
Уж не приносит награжденья.
Быть может, преуспею я
Здесь в Португалии. Кто знает?
Иль вновь беда подстерегает?
Тут люди. Знатная семья.
Что если б был привет от знати
Малютке, что скорбит один
Среди лесов, среди долин?
Ведь это было б очень кстати.

Уж солнце, феникс вышины,
Светильник красоты отдельной,
Свой путь свершило в небе цельный,
Уходит, предвкушая сны.

Коль хочешь ты домой вернуться,
Я позову кого-нибудь,
Чтоб дал коня тебе, и в путь,
Пред тем как сумраки сольются.
Эй, кто там?

Я, сеньор.

Вы кто?

Что я, сеньор, об этом знаю?

Я в первый раз вас замечаю.
Вы служите мне? Нет, не то?

Коль не слуга я ваш, слугою
Я вашим буду в добрый час.
Прослушайте один рассказ,
Все станет ясно чередою.
Однажды Дон Такой Сякой,
Что не служил, не отличился,
Спокойно во дворец явился,
В столовый входит он покой,
А час обеда наступает,
И каждый, кто там был кругом,
Манеру соблюдая в том,

Учтиво плащ с себя снимает,
Чтоб разные нести блюда.
Дабы от них не отличиться,
И он спешит разоблачиться,
И важно шествует туда,
Чтобы свою иметь в том жатву.
К нему подходит майордом
И задает вопрос о том,
Он должную принес ли клятву.
"О, нет сеньор, — так отвечал
Пришедший. — Но, коль есть хотенье,
Я поклянусь без промедленья".
И коль начало в том начал,
Я поклянусь весьма охотно,
И буду клясться, буду клясть,
А раз случится мне отпасть,
Не будет это беззаботно.

На остроумье щедры вы.

Увы, иного не имею
И щедрою рукой я сею
Все семена из головы.

СЦЕНА 13-я

Луис Перес и тотчас Дон Алонсо. — Те же.

Луис (за сценой)

Донья Леонор

Адмирал

Донья Леонор

Дон Алонсо (за сценой)

Адмирал

Педро

Донья Леонор

(Луис и Дон Алонсо выходят мокрые.)

Дон Алонсо

Луис

Адмирал

Педро

(В сторону.)

(Отступает.)

Адмирал

Педро

(В сторону.)

Адмирал

Педро

(Уходит.)

О, горе, горе!

Что такое?
Какой-то голос?

Вдалеке
Плывет там кто-то по реке,
И бьет его теченье злое.

И между ужасов и волн
Он на плечах несет другого,
То потопает он, то снова
Плывет поверх воды, как челн.

О горе мне!

Туда скорее,
Чтобы помочь тому пловцу,
Я награжу.

Я вмиг к концу
Поплыл бы, плавать не умея.
А то охотно бы помог
В суровостях его несчастья.

Уж это лишнее участье,
Они выходят на песок.

О, небесам благодаренье!

Благодарение Христу!
Уж не ныряю в темноту
Того хрустального стремленья.

Сюда, сюда! Я помощь дам!

Теперь.

Но что я вижу! Боже!

Так помогите им. Ну что же?
Вам лишь смотреть по сторонам?

Я сострадательным родился
И, увидавши тех двоих,
Увы, в злосчастиях таких
Невольно сердцем я смутился.

Клянусь, Луис Перес за мной

Явился в этот край сегодня,
Чтоб кару здесь нашла та сводня,
Те происки с его сестрой.
Что ж на войну я отправляюсь?
Ведь с ним приходит смерть моя,
И из Кастильи изгнан я,
И Португалии лишаюсь.

Куда идете?

К стороне.
Затем что вызвал этот случай
Во мне припадок, и тягучий.
А клятва клятвой, и при мне.

СЦЕНА 14-я

Адмирал, Донья Леонор, Луис, Дон Алонсо.

Адмирал

Дон Алонсо

Адмирал

Дон Алонсо

Адмирал

Дон Алонсо

Луис

Адмирал

Дон Алонсо

Адмирал

Дон Альфонсо

Донья Леонор

Адмирал

Луис

Дон Алонсо

Луис

Адмирал (в сторону)

Донья Леонор

Адмирал

Дон Алонсо

Адмирал

Дон Алонсо

Донья Леонор

Адмирал

Дон Алонсо

Луис

Он сумасшедший. Кабальеро,
Смелее, и ко мне на грудь.

При вас могу я отдохнуть,
И кончилась страданий мера.

Скажите, кто вы? В этот час,
Я обещаю вам неложно,
Чистосердечным быть вам можно,
Я искренно жалею вас.

Я вас прощу осведомленья,
Чтобы в ошибку я не впал.

Скажу охотно. Адмирал
Я Португалии. Сомненья
Отбросьте, веря в честь мою,
Свою мне расскажите муку,
Я защищу, — даю вам руку
И вместе слово в том даю.

Я принимаю и скажу вам.
Из дома славного я родом,

Моя фамилия Тордойя,
То имя ведает почет.
Я Дон Алонсо называюсь.
Сегодня утром к кабальеро
Я одному почуял ревность,
Вошел к одной я даме в дом,
Он там, его на поединок
Зову, и он, себя достойный,
Немедля вышел, плащ и шпага,
Мы бьемся, наземь он упал,
Двумя ударами пронзенный.
Несчастье! В это время смута
Возникла всюду по соседству,
И правосудье тут как тут.
Хотели взять меня, я скрылся,
И на коне бежал проворном,
Моей душой — он стал крылатым,
Но застрелил его мушкет.
Я побежал пешком и прибыл
В дом деревенский, где у двери
Луис Перес стоял на счастье...

И тут уже докончу я.

Чуть увидал, что Дон Алонсо
Преследуем такой толпою,
Сказал, чтоб он бежал, что буду
Его я грудью защищать.
Мой дом на склоне под горою,
Веселью предан он как будто,
На деле же он дом печали,
Приют несчастья моего.
Пред самым домом — ход ущелья,
И потому необходимо,
Что все, кто той идут дорогой,
Проходят прямо предо мной.
Сперва учтивыми словами,
Потом мольбами я пытался
Разубедить Коррехидора,
Чтоб Дон Алонсо не теснил.
Не захотел меня он слушать
И дерзко пожелал он гнаться,
Он так и сделал бы, когда бы
Не вынул эту шпагу я,
И жив Господь! Мелькая сталью,
В неистовой я этой схватке

Такою яростью проникся,
Что ранил, верно, пятерых.
Бог помоги, чтоб не смертельно!
Себя увидев виноватым
Гораздо больше Дон Алонсо,
Решил, что лучше сделать мне
Прыжок через забор колючий,
Чем прибегать к мольбам и просьбам.
И видя, что проход тот занят,
Что вместе с тем и занят мост,
Беру я Дон Алонсо в руки,
А шпагу в рот, и прямо в реку,
Как говорится, грудью в воду.
И вот мы прибыли сюда.
Тысячекратно мы счастливы,
Найдя высокую защиту,
И нам уж нечего бояться,
Когда нам дали слово вы.

Дал слово и его исполню.

И нужно дорожить нам словом,
Соперник мой был очень знатен.

Как звался тот, кто был убит?

Тот кабальеро был достоин
Хвалений самых превосходных,
Всегда в соединеньи были
Несчастие и смелый дух.
Назвать его — в том нет утраты
Ни в почести его, ни в славе.
Он назывался Дон Диего
Де Альварадо.

Горе мне!
Что слышу, небо? Низкий, низкий,
Тобой мой брат убит?

Предатель!
Тобой убит был мой племянник?

Христово тело в помощь мне!
Еще того недоставало!
Но да иль нет, а мне придется
Вновь шпагу обнажить бесстрашно.

Превосходительный сеньор,
Прошу сдержаться и заметить,
Что сталь свою лишь оскверните,

Ее в покорного вонзивши.
Я с Дон Диего был в бою
Лицом к лицу и в честной брани,
Без низости и без предательств,
Без выгоды и без обмана.
Сеньор за что же хочет мстить?
Притом сеньор свое дал слово
И не сдержать его как мог бы?

А если нет, клянусь я небом,
Мое железо, вот оно,
Взмахну, спадет немало листьев,
Пусть Португалия приходит
Хоть целиком со мной бороться.

О, Боже, как мне поступить
В столь странной смуте? Здесь я слышу,
Как кличет честь, там кровь взывает.
Но это рассечем сомненье.
Я, Дон Алонсо, вам скажу:
Коль слово дал, оно из бронзы,
Я дал, нельзя мне отрицаться,
Но также месть — закон, который

Всегда на мраморе пишу.
И потому, чтоб совершились
И месть и слово равномерно,
Пока в моих владеньях будешь,
Ты неприкосновенен здесь.
Но чуть, — заметь, — из них ты выйдешь,
Ты встретишь смерть: я обещался
Тебе защитою быть в доме
Моем и в доме защищу.
Но не давал тебе я слова
В чужом защитою быть доме.
И потому, едва ты ступишь,
Уйдя, на землю Короля,
Твой избавитель — твой противник,
И твой защитник — вмиг твой ворог,
И тот, к кому ты прибегаешь,
Тебя убьет. Теперь иди.

Постой, я не давала слова
Не наносить ему обиды,
И отомстить теперь хочу я.

Прошу, племянница, сдержись.

Я здесь ему сейчас защита.
Зачем ты медлишь? Ты свободен.
Иди. Чего ты ждешь?

Хочу я
К стопам победным ниц припасть,
Великодушье восхваляя.

Сказать ты этого не сможешь,
Как жизнь свою моей дашь стали.

Какой прекраснейший удел
Убитым быть такой рукою!

Без жизни я.

И без души я.

Луис Перес, что можешь молвить?

Что было худо, а теперь
В беде гораздо лучше стало.
Уйдем отсюда, потому что.
Здесь власть его. А там увидим,
Кто кошку в воду понесет.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Поле в окрестностях Санлунара.

Мануэль и Донья Хуана, как путники.

Мануэль

Донья Хуана

Мануэль

Донья Хуана

Мануэль

Донья Хуана

Беда одна не ходит к людям.

Всегда несчастия и беды
Одни других зовут и кличут.

Как горько видеть мне тебя,
Хуана, странствующей в землях
Чужих. В тот час, когда я думал,
Что нам Галисия как пристань,
Для наших бурь там был залив,

Где большая взыграла буря.
И новый нас уводит случай,
Веля Сальватиерру бросить
И в Андалузию идти,
Спеша через чужие страны.

Когда я, Мануэль, отчизну
Покинула, оставив сердцем
Моих родных, я в путь пошла,
Готовая к несчастьям большим.
Пошла не для того, чтоб жить мне
В стране вон той или вот этой,
А чтобы только жить с тобой:
И так да будет, как захочет
Мое несчастье или счастье.

Каким поступком или словом
Тебя смогу благодарить,
Найдя для чувства выраженье?
Но нежность мы пока оставим,
Не час теперь словам влюбленным.
Куда же скрылся наш слуга,
Которого в пути я нанял?

На поиски хочу пойти с ним
Чего-нибудь тебе в усладу,
Пока ты отдохнешь, уснув.

А вон как раз он к нам подходит.

СЦЕНА 2-я

Педро. — Донья Хуана, Мануэль.

Педро

Мануэль

Донья Хуана

Мануэль

(Донья Хуана уходит.)

Сеньор, что повелеть изволишь?

В Санлунар ты пойдешь со мною.
А ты, любовь, иди соснуть.

Я буду здесь грустить о нашей
Разлуке, если и недолгой.

Я быстро возвращусь к любимой.

СЦЕНА 3-я

Мануэль, Педро.

Мануэль

Педро

Мануэль

(За сценой бьют в барабан.)

Педро

Мануэль

Педро

Мануэль

(Уходит.)

По видимости, эта грусть
Есть лишь предчувствие печали
О горе том, что причиню ей.

Как хочешь причинить ты горе
Той женщине, которой ты
Обязан нежностью столь дивной?
Хоть я слуга настолько новый,

Что ты меня своим слугою
Едва признаешь, — в те два дня,
Что ты со мною делишь тайны,
Я в тысяче любовных знаков
Великое вниманье видел.

Тот долг отвергнуть не могу.
Но, Педро, воля человека
С судьбой бороться неспособна.
Из Португалии бежал я,
В Галисии нашел приют,
Но в Андалузию мне нужно
Спасаться бегством. В этом небо,
Его решенья, и нельзя мне
Надолго оставаться здесь,
И в этой я стране не в силах
Удостоверить безопасность
Иначе, как приняв участье
В войне, уплывши к островам
На север, меж соленой пены[38].

---

[38] Примечания: 38

...как приняв участье // В войне, уплывши к островам // На север, меж соленой пены. - Речь идет о замышлявшемся в то время походе Непобедимой Армады против Англии.

Да пожелает небо видеть
На позолоченных их башнях
Свет католических знамен.
Хочу зачислиться в солдаты,
Я так опасности отброшу,
Что жизни угрожают всюду.
Ты думаешь, — бьюсь об заклад, —
Что так оставить эту даму
Бесчестным будет оскорбленьем,
Затем что ввергну я в опасность
И честь ее и красоту.
Но так не будет, потому что
Ее спокойно я оставлю
В уюте самом достоверном,
В Санлунаре, в монастыре.
В то время как в отлучке буду,
Все, чем владею, хоть немногим,
Вполне принадлежать ей будет,
А этой шпаги хватит мне.

Великодушное деянье,
Твою венчающее доблесть.
Но что это за барабаны?

А надо думать, что вблизи
Здесь кордегардия наверно,
И это там бьют в барабаны.

Ты верно говоришь. Вон знамя.

Направим же туда шаги.
Коль первый мне отряд военный
В пути встречается, пусть будет
Судьбе моей благоугодно,
Чтобы в него я был включен.
Иди, найди там знаменосца
И сообщи ему, что двое
В его отряд вступить желают.

СЦЕНА 4-я

Луис Перес, солдаты. — Педро.

Педро (в сторону)

Солдат 1-й

Педро

Солдат 1-й

Луис

Солдат 2-й

(Солдаты уходят.)

Педро (в сторону)

Луис (про себя)

Педро

Луис (не видя и не слыша Педро)

Педро

Луис (про себя)

Педро

Луис (про себя)

Педро

Луис

Педро

Сеньора

(Узнает его и приходит в смущение.)

Луис

Педро

Луис

Педро

(Ко мне идет один солдат,
Я от него все разузнаю.)
Сеньор солдат, прошу покорно,
Из вежливости к чужеземцу
Мне укажите, кто у вас
Здесь знаменосец?

Вон, что носит
Повязку красную у сердца.

Вон тот, который — бравый видом
И к нам сейчас стоит спиной?

Он самый.

Вас прошу считать я
Меня за друга и солдата.

Все послужить тебе готовы.

Вот знаменосец здесь один.
Прекрасный случай.

О, Всевышний!
Как был бы счастлив я, когда бы
Я в сердце не имел заботы,
Что гложет сердце и мутит.

Прошу сеньора Знаменосца...

Сестру с таким оставить нравом
В такой опасности великой!

Сеньора Знаменосца я...

Какая выгода мне будет
В том, что моя найдет здесь доблесть?
То, что в одном найду я месть,
Могу утратить я в другом.
Но в этой смуте утешенье —
Сознанье, что оставил друга...

Прошу сеньора Знаменосца
Услышать. Стукну в эту дверь.

Что он живет в моем там доме,
И за спиной моей как крепость.

Он верно глух на это ухо.
Зайду с другой я стороны.
И нрав же, доложить могу я!
Прошу сеньора Знаменосца...

Кто говорит со мной?

Просить хотел один солдат...

Но нет, солдат совсем не хочет,
А если выразил желанье,
Он лгал, как гоготанье гуся.

Стой, подлый, стой. Ты позабыл,
Что я сказал тебе? Не помнишь,
Что никогда со мной не должен
Встречаться, потому что, где бы,
Когда б ни повстречался мне,
Убью тебя?

Ты молвишь правду.
Но кто тебя найти бы думал
В Санлунаре, и знаменосцем?

Клянусь, что ты заплатишь мне
За то несчастие, в котором
Ты был причиной.

Убивают!
Спасите!

СЦЕНА 5-я

Мануэль. — Луис, Педро.

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

(Обнимаются.)

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

(К Педро.)

Педро

(Уходит.)

Что здесь приключилось?
Солдат какой-то бьет слугу,

Что я за справкою отправил.
Не знаю я, что за причина
Того слугу вас заставляет
Так бить... Но что я вижу здесь?

Что вижу? Боже Всемогущий!

Я справедливо удивлен.

Я думаю, что это сон.
Вы, Мануэль, и в яви сущий?

Луис, вы быть должны сейчас
Там в Португалии. Оттуда
Какое привело вас чудо,
Заставив повстречаться нас?

В Сальватиерре поселились
В моем вы доме, Мануэль.
Какая же была в том цель,
Что вы в далекий путь пустились,
Решая гибель тем мою?
Каким я замкнут странным кругом?
Так долг свершаете пред другом,
Что вам доверил честь свою?
Пусть небо служит мне порукой:

Другого не оставил там
Сокровища и вверил вам
Его я дома пред разлукой.

Одно в нас сердце тут, и в нем
Сейчас единое волненье,
И то же самое сомненье,
Одним пылаем мы огнем.
Из затруднения и спора
Сперва дозвольте выйти мне.
Потом у нас наедине
Возникнет тайна разговора.

Я в затруднении одном,
Тут затруднение другое.
Чтоб трудности не множить вдвое,
Их быстрым разрешим концом.
Слуга тот ваш?

Мое скитанье
В Санлунар привело меня.
С ним повстречался — вот два дня.
Тут все мое повествованье.

Сегодня в этом для него

Святилище.

Запомни четко:
Та дружба для тебя находка,
Не каждый день найдешь того,
Кто так спасет тебя от смерти.
Теперь иди.

Уйду я, да.
Но ты, я знать хочу, куда
Уйдешь? Уж в это все поверьте:
Туда я не хочу идти.
Где избежать с тобой мне встречи?
Но бесполезны эти речи,
Уловку я сумел найти.
Одним желаньем мы томимы:
Не видеться. Легко помочь.
Меня с чужбины гонишь прочь,
Отлично, в край пойду родимый.

СЦЕНА 6-я

Луис, Мануэль.

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Вот мы вдвоем. Так от меня
Хотели вы узнать, какая
Судьба, нас вдруг соединяя,
Решила с этого нам дня
Дать вместе быть. Чтоб я ответил
Вполне, — сказать довольно мне,
Что чуть в чужой я был стране,
Как в Португалии я встретил
Опасность большую мою:
Чуть из кристальности той влажной
На берег вышел я, отважный,
В земле я был, где власть свою
Как повелитель тех владений
Осуществляет Адмирал
Всей Португалии. Он дал

Приют нам верный от мучений.
Но (случай горестный!) сейчас,
Как только мы достигли цели,
Узнавши, кто был на дуэли
Убит Алонсо, сразу нас
Изгнал, и каждый вновь был странник,
Бегущий бешенства его
И пламя гнева, оттого
Что был убит его племянник.
Какие приключенья нас
В пути далеком повстречали,
Какие встретили печали,
Не в силах рассказать сейчас.
Везде сильна людская злоба.
В Санлунар прибыли, и Дух
Нам покровитель был и друг,
Мы в войско поступили оба.
Он главный капитан в войне[39],

---

[39] Примечания: 39

...и Дух // Нам покровитель был и друг, // Мы в войско поступили оба. // Он главный капитан в войне... - Имеется в виду герцог Медина Сидония, испанский политический деятель конца XVI в. - начала XVII в. он возглавил неудачную экспедицию Непобедимой Армады против Англии (1588 г.).

Что с Англией Король затеял,
Заботы он от нас отвеял,
И знамя он доверил мне[40],
А Дон Алонсо над отрядом
Команду дал. Кончаю я,
И в этом повесть вся моя.
Теперь вас вопрошаю взглядом
И словом: Мануэль, вы друг,
Так расскажите же мне честно
Про все, что стало вам известно,
Я все забуду, что вокруг,
И весь прильну моей душою
К тому, что скажете сейчас.

Так слушайте же мой рассказ.
Едва поплыли вы рекою,
Вмиг альгвасилы тут как тут.
Но, увидавши вас свободным
И в средоточии холодном,
Уж прочь скорей они бегут.
Они надежду потеряли

---

[40] Примечания: 40

И знамя он доверил мне. - Знаменосец - один из младших офицерских чинов в испанской армии XVII в.

Схватить вас. Я вошел в ваш дом,
И был любезно принят в нем,
И мог бы жить там без печали,
За что я вас благодарю.
Но как уйти нам от решений
Судьбы и всех ее гонений?
И как о том заговорю?
Как продолжать мое сказанье,
Когда хотел бы умолчать,
И вместе с тем сломить печать
Той тайны и того молчанья?
Вы, верно, помните, Луис,
Как вы, прощаясь, восклицали
Слова, которые из дали
Ко мне печально донеслись:
"В моем вам доме пребыванье,
Мою храните зорко честь".
В том изъяснении и есть,
Что к чести полон был вниманья
Я зоркого, и оттого
Ваш друг сегодня убегает.

Ваш сказ как смерть в глазах мелька-

ет,
Прервите, Мануэль, его.
Здесь в каждом слове мне ехидна
И в каждом звуке василиск[41].
Из слов могильный обелиск
Вы созидаете мне, видно.
Яд должен выпить я скорей,
В словах отрава эта мглиста.

Хуан там некий Баутиста,
Среди крестьян он богатей,
Влюбившись и вполне плененный
Красивой вашею сестрой,
Открыто ей служил и, той
Своей любовью ободренный,
Настолько дерзость он простер,
Что ночью в дом он к нам взобрался.

О, небо!

---

[41] Примечания: 41

И в каждом звуке василиск. - Современные Кальдерону испанские словари так объясняли, что такое василиск: "Змея, о которой говорил еще Плиний (книга VII, глава XXI). Обитает в африканских пустынях: на голове у нее гребень в форме короны, а на туловище белые пятна ... свистом приводит в трепет... взглядом убивает. Василиск получил название "королевского" как из-за короны на голове, так и из-за смертоносной силы своего яда, сильнейшего среди змеиных ядов".

Страж там оставался,
И ночью зорок был мой взор.
Иду из моего покоя,
В другую комнату вхожу,
И там кого-то нахожу.
В плаще закутан. Что такое?
Так говорю, тесня того
Вошедшего: "Здесь дом известный,
Его хозяин друг мой честный,
И страж здесь чести я его.
Я эту дерзость покараю,
И эту низость накажу".
К нему со шпагой, но гляжу,
В окно он прыг, я настигаю
И тотчас прыг за ним в окно.
На улице стояли двое,
Помощники во всем, и в бое.
Хоть трое их, мне все равно,
Я нападаю, дело чисто,
Один был ранен, а другой,
Убит, свалился предо мной,
Но убежал тот Баутиста.

Что делать? Я в краю чужом,
Как быть мне там, не разумею,
Жену я на руках имею,
И в затруднении таком
Что сделать мог? От наказанья
Скорей бежать. Коль в этом я
Ошибся, в том вина моя,
Но нахожу я оправданье:
В намереньи я честен был.
Когда бы вас заставил случай
Среди таких быть злополучии,
Ваш разум то же б вам внушил.

Да, правда, если б очутился
Так точно с человеком я,
Несла бы смерть рука моя,
И всех бы я убить стремился.
Здесь ощущаем мы равно,
И наше положенье схоже,
Затем что я бы сделал то же,
Раз в том же быть мне суждено.
И верно сказано о друге,
Что зеркало для друга он.

Но я обратно отражен
В его поступке и услуге.
Ведь если в зеркало гляжу,
То, что держу рукою правой,
Являет в левой вид лукавый,
Тут рок наш тяжкий нахожу:
В вас честь моя, в вас оскорбленье,
В зеркальности не встретишь лесть,
В зеркальном отраженьи честь
Есть лик обратный поношенья.
В Сальватиерру я вернусь,
Я не увижу битвы злобной:
Коль честь в опасности подобной,
И вовсе чести я лишусь.

СЦЕНА 7-я

Дон Алонсо. — Луис, Мануэль.

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Мануэль

Дон Алонсо

Мануэль

Луис

Дон Алонсо

Мануэль

Дон Алонсо

Мануэль

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

(Уходят.)

Луис Перес, в чем размышленья?

Вас умоляю об одном:

Коли в поступке вы моем
Нашли когда благодаренья
Предлог, тогда через меня
Добры вы будьте с Мануэлем,
Меня судьба к иным уж целям
Зовет, отсюда прочь гоня.
В Сальватиерру возвращаюсь,
Несчастье там произошло.

Заметьте....

Претерпевши зло,
На все в обиде я решаюсь.

Вам представлять хотел, как друг,
Я доводы разубежденья,
Но, услыхав про оскорбленье,
Намеренье меняю вдруг.
Напротив, вам, как другу-брату,
Твержу с своей я стороны:
Луис Перес, вы мстить должны,
И рад я вашему возврату.
Прошу заметить лишь одно.

А именно?

Я уповаю,
Что вместе с вами отбываю,
И рядом с вами суждено
Мне будет встретить затрудненья,
Опасностей изведать круг,
Затем что я ваш верный друг
И в вас нашел мое спасенье.

Когда Луис Перес решил
Домой немедля возвратиться,
Есть друг, что с ним не разлучится,
Ему служа по мере сил.
Принес я весть про то несчастье,
Я связан дружбой с ним, — итак,
В том указующий мне знак,
Что здесь я выкажу участье.

Причиною того был я,
Что все так спуталось нестройно:
Луис Перес ведь жил спокойно,
Когда пришла беда моя,
И я искал его подмоги.
Так если я причиной был,

Хочу служить по мере сил,
С ним по одной идти дороге.
Не безызвестно никому:
То сердце с грубостью знакомо,
Кто, взяв кого-нибудь из дома,
Даст возвратиться одному.

Пойдете вы иль нет, решу я,
Что, если кто учтив вполне,
Нет в этом оправданья мне,
Коль буду трус и не пойду я.

Двух благородств я вижу спор,
То состязание пригоже.
Но я один пойду, о, Боже,
Да будет в этом договор.
Бежали оба вы из смуты,
И не играть вам головой
Велит ваш случай роковой,
И злой судьбы не множить путы.
В чем будет дружбы знак моей,
Коль, цель свою осуществляя,
Пойду, в опасности ввергая

Таких достойных двух друзей?
К кому потом направлю слово?

Пусть так. Но, взявши одного
И даже потеряв его,
Вы сохраняете другого.

Коль кто-нибудь один пойдет,
Я должен это быть.

Пожалуй,
Знак справедливости тут малой.
Луис Перес пусть изберет.

Прекрасно. Я даю согласье
На это. Так решай же вдруг,
Как верный и разумный друг,
Разделит кто твое злочастье.

Обидеть должен одного...
Но, если рассужу я строго,
Теряет Дон Алонсо много,
И, значит, не возьму его.
Ты, Мануэль, пойдешь со мною.

От вас ли это слышу я?

Где под вопросом жизнь моя,
Ваш довод — с выгодой людскою?
Какой напрасный разговор!
Но, коль от вас мне оскорбленье,
Вам присуждаю я в отмщенье:
Возьмите этот мой убор,
Мои сокровища с собою.
Вот эту малость. Так прощу.
Быть может вас я отыщу,
Коль час наступит с смертью злою.

Прощайте. Обниму я вас.
Сестра с предателем отмщенье
Изведают за оскорбленье,
И честь восстановлю зараз.
Беру я то, что драгоценно,
От друга, чтоб вернуть потом.

Так говорить — обида в том.

Так поступлю я, несомненно.

СЦЕНА 8-я

Зала в благородном доме Луиса Переса.

Исабель, Касильда.

Касильда

Исабель

Касильда

Исабель

Касильда

Исабель

Касильда

Исабель

Касильда

Исабель

Послушай, что случилось. Донья,
Да, Леонор де Альварадо
В Сальватиерре.

Цель какая?

Кровь брата, думаю, ее,

Магнит текучий, побудила
Искать за смерть его отмщенья.
С Хуаном Баутиста нынче
Она имела разговор.

Что из того ты заключаешь?

Так слушай дальше: удивившись
На это, я спросить решилась
Знакомого, он Леонор
Слуга, какая в том причина,
Что Баутиста был допущен
К ней в дом. И вот что рассказал он:
В том, что здесь Следственный Судья,
Сюда прибывший из столицы,
Чтобы расследовать убийства
И преступленья Дон Алонсо,
А также брата твоего,
В том, что занес он в показанья,
Ни слова не было иного,
Как в обвиненье им обоим:
И, благодарная ему,
Такую честь она явила.

Лишь тем свидетелям удача
Всегда бывает в этом мире,
Кто подтвердит слова истца.

Касильда, смерть мне в этом слове,
Меня рассказом ты убила.
Как допустить такую низость
Подобных слов, подобных дел?
Чтобы Хуану Баутиста
Пришло желание — обиду
Отмстить, другим неся обиду?
Сам оскорбленье нанеся,
Других он в этом обвиняет?
Кто видел что-нибудь такое?
Чтоб оскорбленный был в отлучке,
А оскорбитель явно мстил?

Узнай еще.

Скажи скорее.

Он жалобу принес на друга,
Что господин мой здесь оставил:
Ведь он его слугу убил,
Так пожелал он рассказать все

Судье.

Так честь моя прекрасно
Прославлена, коль, обвиняя
Его, он обвинил меня.

СЦЕНА 9-я

Педро. — Исабель, Касильда.

Педро (в сторону)

Исабель

Педро

Исабель

Педро

(Далеким путь мне показался.
Кто убегает, слышит в страхе,
Что на ногах его колодки.
Приютом выбирал ли кто,
Святилищем, когда преступник
Дом избирал, где преступленье
Он совершил?) Моя сеньора!
Дай в знак мне счастья моего

Не ножку карлика средь ножек,
Малютку, что живет в чулочке
И смотрит еле-еле в щелку,
Глядя на мир из башмачка.
И, жизнь мою щадя, скажи мне,
Не проходил ли здесь сеньор мой?

Ты вовремя приходишь, Педро,
Добро пожаловать сюда.
Опасности тебе не вижу:
С тех пор, как ты ушел отсюда,
Такие были здесь событья,
Что брат в отсутствии сейчас.

Я это знаю и, однако,
На это я не полагаюсь:
Коли сейчас его здесь нету,
Он верно близко где-нибудь.

Как так?

Когда я воротился,
И он, конечно, не замедлит:
Всегда идти за мною следом
Своей он должностью избрал.

Он привидение такое,
Видение плаща и шпаги,
Как пугало мое, повсюду
За мной идет он по пятам.

СЦЕНА 10-я

Хуан Баутиста. — Исабель, Касильда, Педро.

Хуан (в сторону)

Исабель

(Уходит.)

Хуан

Касильда

(Уходит.)

(Коли его присудят к смерти,
Как заслужило преступленье,
Он не придет в Сальватиерру,
Хочу уверенным в том быть.
Моих довольно показаний,
Чтоб осужден он был наверно,

Мое намеренье в том было.
Но предо мною Исабель.)
Блажен, кто мог коснуться сферы,
Где золотые светят светы,
Где яркие лучи роняют
Вот те хрустальные шары,
Где человеческой планеты
Горит сиянье ярче солнца,
Будя в верховном солнце зависть
Перед такою красотой.

Довольно, Баутиста, будет.
Уж не планета я, не солнце,
И не в сиянье я одета,
А только в молнии одни.
Из сердца самого исходят
Молниеносные горенья,
И светы сердца — только гневы,
И ветер эти искры мчит.
Напрасно, глупый, тщетно, грубый,
Ты в сумасшедшем ослепленьи
Направил, как сказал ты, к солнцу
Свой опрометчивый полет.

Ты здесь найдешь свою гробницу,
Где был хрусталь, там он разбился,
Где был огонь, там только пепел,
Тюрьма забвенья эта грудь.
Кто выдумал из оскорблений
Презренно сделать лесть и ласку?
И разве низкое отмщенье
Заслуга, чтоб снискать любовь?
Коли мой брат тебя обидел, —
Лицом к лицу и сделав вызов,
Ища отмстить обиду шпагой,
Достойный был бы это путь
И нежных чувств моих достойный.
Но лишь не языком отмщенье.
Однако не дивлюсь, что трусы,
Не смея встать лицом к лицу,
Отмщенья ищут за спиною.
Вот в чем причина перемены.
И кто благодарит за низость?
Полюбит кто ползучий нрав?

Послушай, Исабель!

Напрасно.
Ее упреки справедливы.

СЦЕНА 11-я

Хуан Баутиста, Педро.

Хуан

Педро

Хуан

Педро

Хуан

Педро

Хуан

Педро

Хуан

Педро

Хуан

(Уходит.)

Несчастие я встретил в этом.
Где думал выиграть вполне

Пред Исабель, там проиграл я.
Уж скольких, небеса, уж скольких
Убили только ухищренья.

Коли в досаде не совсем
Ты потерял свой дух и разум,
Хоть обними того, кто, предан,
Из-за тебя пошел в изгнанье
И много страхов претерпел.

Ты, Педро! Рад тебя я видеть.

К твоим услугам.

Если вправду
К моим услугам ты приходишь,
Как в этом был бы счастлив я.

Скажу, и ты увидишь тотчас.

При Исабель сейчас живешь ты?

Сегодня только воротился
И думаю, что буду с ней.
Привычно быть в ее мне доме.

Коль ночью дверь ты мне отворишь,
Чтоб мог я дать ей объясненье

Того, что, вижу, обо мне
Наговорили ей другие,
Тебе я новое дам платье.

Что в этом потерять могу я?
Тебе открою ночью дверь.
Но это пусть вот так случится:
Ты постучишь, — я, догадавшись,
Пойду, и спрашивать не буду,
Кто там, и отворю тебе.
А ты войди уж осторожно,
Как будто нет моей вины тут.

Прекрасно. Солнце на закате.
Так, значит, скоро и вернусь.

СЦЕНА 12-я

Педро.

Педро

Скажу я, сводники неложно
Игорный дом любви содержат,
О доме речь теперь игорном:

Игру заводят игроки,
И сводники заводят то же.
Влюбленные в тот дом приходят,
Играют в карты бесконечно.
Игрок, что топает, шумит,
Ревнивец, потому что ревность
Всегда себя являет криком.
Кто, проиграв, хранит молчанье,
Игрок тот есть игрок министр,
В игру вступил и платит деньги,
С досадою, но без досады.
Кто под заклад играет, это
Игрок-любовник новичок,
Что для любимой покупает
То платье новое, то жемчуг.
Игрок, что за игрой плутует,
Любовник опытный в игре,
Коли потери, так потери,
Но без конца терять есть глупость.
Играющий под честным словом —
Вот обещающий в любви,
Чтоб в срок исполнить обещанье.

Любовник, что в любви играет
Заученную роль, есть шулер,
С колодой крапленых он карт.
Глазельщики, что только смотрят,
И нет для игроков в них пользы,
Соседи, что болтать готовы
В игорном доме нежных чувств.
А карты в той игре суть дамы,
И их мешать весьма нетрудно.
Когда черед за картой новой,
Тут получаешь на чаек.
И наконец, коль есть конец тут,
Как ни построишь рассужденье,
Игорный дом всегда играет,
Исправиться не может он,
Хотя б прислало правосудье
Ему о том оповещенье,
Игра, как тяжба, тоже стоит,
Игрок играет без конца.
Так я, забывши про опасность,
И проиграв, играть готовлюсь,
Чтоб отыграться хорошенько.

Но вот приходит Исабель.

СЦЕНА 13-я

Исабель, Касильда, Инес. — Педро.

Исабель

(В дверь стучат.)

Педро (в сторону)

Исабель

Педро

(В сторону.)

(Уходит.)

Исабель

(Возвращается Педро, испуганный.)

Педро

Исабель

Педро

(В сторону.)

(Служанки входят.)

Касильда, солнце спать готово

В Испанском море голубом,
Постель как зеркало, и в нем
Оно, закатное, багрово.
Поди, запри входную дверь,
И ты с Инес мне песню спойте,
Во мне печали успокойте
Печальной песнею теперь.

Инес, ты слышала, стучали?
Кто там приходит в этот час?

(А не влюбленный ли как раз,
Чтоб разогнать твои печали.)
Я отворю пойду.

Ступай.
Но осторожен будь с гостями,
Спроси, кто ждет там за дверями,
И, лишь узнавши, открывай.

Конечно.

(Правду утверждаю:
Кто ждет за дверью, знаю я.)

Откуда та боязнь моя?

Всем телом дрожь я ощущаю.
Какое в этот миг во мне
Предвосхищение злополучии?
Какой грозит неверный случай?
Я вся во льду и вся в огне.

Сеньора!

Что там?

Только двери
Я отпер, кто-то входит в дом,
До глаз закутанный плащом.

(Я оправдался в полной мере.)

СЦЕНА 14-я

Луис Перес. — Исабель, Педро.

Исабель

Луис

Педро (в сторону.)

Луис

Исабель

Луис

Педро (в сторону)

(Отходит.)

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

Исабель

Луис

(К Педро.)

Педро

Луис

Педро

Луис

Педро

Луис

Педро

Луис

(Ударяет его.)

Педро

Луис

(Уходит.)

Педро

(Встает и смотрит им вослед.)

(Уходит.)

Кто так сюда приходит?

Я.

Что вижу!

Захотел свиданья
С тобой.

Какое испытанье!
О, боже!

В чем боязнь твоя?
Чего вы так смутились оба?

Меня да не коснется злоба.
Бежать из этого жилья!

Как ты решился в смуте новой
Сюда заносчиво прийти?
Уж в исполненье привести
Готов свой приговор суровый
Придворный Следственный Судья.
Беда злосчастная моя!
Ты в положеньи безнадежном,
Тебя считает он мятежным,
Вещает чрез него закон...

Скажи.

Ты к смерти присужден.

Не в том мне большее мученье.
Затем что без дальнейших слов
Спокойно встретить смерть готов

Тот, кто таит в себе решенье
Твои загладить оскорбленья.

Не понимаю я тебя.

Пришел свершить я искупленье,
Не для того, чтоб час губя,
В рассказе выразить себя.
Коль в том причина возвращенья,
Свершу я должное, поверь.
Но в чем Судьи постановленье,
Еще не знаю я теперь
Во всем законченного смысла.
Какая тут беда нависла?
Скажи мне, в чем я обвинен?

Не знаю, говорят различно.
Я только знаю, что публично
Через глашатая зовут
Тебя, чтобы предстал ты тут.
На всем, что в доме, запрещенье.
На содержание мое
Дают лишь малость, и ее
Как получать без униженья?

О следствии не знаю я.

Не говори, сестра моя,
Так боязливо предо мною.
Коль я пришел теперь сюда,
Невелика еще беда,
Хочу тебя я взять с собою,
Не можешь ты одна с нуждою
Быть без меня спокойной здесь.

Да, правда. Может без усилья
Раскрыть тут дерзкий коршун крылья,
Богач лукавств исполнен весь,
Но мне его противна спесь.

Твои слова залог покою.
Но есть еще забота мне.

И в чем?

Не знаю я вполне,
Какой же был здесь надо мною
Судьей составлен приговор.
Не отлучусь я до тех пор,
Как тайну ту сполна раскрою.

Но как сумеешь ты узнать?

Чтобы узнать, в чем осужденье,
Достичь мне нужно рассмотренья
Того, что мог он написать.

И раз я должен быть в изгнанье,
И отправляться в дальний путь,
Пусть будет так — за что-нибудь.
С тебя начнется наказанье.

Окончится пусть лучше мной.
Начни другим.

Ты здесь!

Внимание!
Узнав, что путь перед тобой,
Немедля принял я решенье...

Ну, продолжай.

В одно мгновенье
Сюда явиться до зари.

Зачем?

Вперед тебя шагая,
И лик мой от тебя скрывая.

Предатель! Негодяй! Умри!

О, Боже, час пришел кончине!
(Падает как мертвый.)

Иди со мной, и в свой черед
Освобожу от всех невзгод
И бед, тебе грозящих ныне.
От злых тебя спасу я чар,
Коль буду рядом я с тобою,
Когда огонь захватит Трою,
А будет, Небо, здесь пожар.
Узнают все, и мал, и стар,
Какой достиг здесь в мире славы
В Галисии Луис Перес!

Она ушла, и он исчез.
Смерть, мило ты была лукавой.
Благословляю я тебя:
Меня совсем не погубя,
Ты выдумкой была мне правой.
Тот счастие себе найдет,
Кто ждет себе от смерти чуда.
Они ушли, и я отсюда

Молниеносно в свой черед
Бежать, а там уж Бог спасет.

СЦЕНА 15-я

Зала в доме Судьи в Сальватиерре.

Следственный Судья и Слуга; потом другой.

Судья

(Слуга ставит стол со свечами и бумагами.)

Слуга 1-й

(Входит другой слуга.)

Слуга 2-й

Судья

(Слуга 2-й уходит.)

Свежее будет в этой зале,
Стол письменный сюда поставьте,
И приготовьте мне бумаги,
Я все их должен рассмотреть.
Сличить мне нужно и проверить

Свидетельские показанья,
И рассудить, что в этом деле
Постановить придется мне.

Все сделано по указанью
Сеньора.

Чужеземец хочет
Беседовать с тобой. Сказал он,
Что важно, чтоб его сейчас
Ты выслушал в связи с тем делом,
Из-за которого ты прибыл.

Он хочет дать мне показанье.
Скажи ему, чтоб он вошел.

СЦЕНА 16-я

Луис Перес, Мануэль и Слуга 2-й. — Судья, Слуга 1-й.

Луис

(говоря отдельно с Мануэлем у двери)

Мануэль

(Уходит.)

Луис

Судья

(Слуги уходят.)

Останься, Мануэль, у двери
И последи, чтобы, покуда
Я говорю, мог говорить я,
Пусть не войдет сюда никто.

Войти сюда? Иди спокойно,
Не бойся, чтобы я позволил
Кому-нибудь войти: войду лишь,
Быть может, я сюда, заметь.

Почтительно целую руки
Судье, прошу его садиться,
И без свидетелей остаться,
Мне нужно говорить о том,
О чем сейчас ведет он дело.

Ступайте.

СЦЕНА 17-я

Судья, Луис.

Луис

Судья

(В сторону.)

Луис

Судья

Луис

Судья

Луис

Судья

Луис

Судья

Луис

Судья

Может быть, беседа
Продлится, у Судьи прошу я
Позволить мне, чтоб сел на стул.

Покорно вас прошу, садитесь.

(Тут что-то важное предвижу.)

В Галисии как, ваша милость,

Здоровы ли?

Вполне здоров,
Готов служить, коль это нужно.

Мне кажется, что ваша милость,
Чтобы преступников известных
Судить, изволили прибыть.

Да, Дон Алонсо де Тордойя,
И некого Луис Переса.
Убил Тордойя — Дон Диего
Де Альварадо, но в бою,
Лицом к лицу и в честной брани.

Достаточна ли в том причина,
Чтоб из столицы человека
Ученого — в такую глушь
Послать, удобств его лишая,
Достоинству его приличных,
Чтоб случай рассмотреть, подобных
Которому везде не счесть?

Суть следствия совсем не эта.
Гораздо здесь важнее дело
Сопротивленья против власти,

И ранен был Коррехидор
Одним буяном, очень наглым,
Луис Перес зовется подлый
Преступник, что живет здесь только,
Чтобы убийства совершать.
Но почему так говорю я,
Свое рассказывая дело,
Не зная вас? Кто вы, скажите?
Чего хотите вы сейчас?
Я должен знать, с кем говорю я.

Коль в этом дело, вам скажу я,
Кто я, и это очень просто.

Так кто же вы?

Луис Перес.

Эй, слуги!

СЦЕНА 18-я

Мануэль. — Судья, Луис.

Мануэль

Судья

Луис

Мануэль

Луис

(Мануэль уходит.)

Судья (в сторону)

Луис

Судья

Луис

(Берет дело.)

Судья

Луис

Судья

Луис

(Читает.)

(Читает.)

(Читает.)

(Читает.)

(Вырывает его.)

Что велеть изволишь,

Сеньор? Что тебе угодно?

Вы кто?

Он мой один товарищ.

И столь покорный ваш слуга,
Что уж никто войти не смеет
Сюда, пока я здесь служу вам.

Вы не смущайтесь, ваша милость,
Прошу вас, господин Судья.
С удобством сядьте: разговор наш
Пространный.

(Тут благоразумно
Не рисковать моею жизнью,
Раз я с подобными людьми.
У них пособники есть, верно.)
Чего же вправду вы хотите?

Сеньор, я вас прошу заметить,
На несколько отсюда дней
Я отлучался, — лишь вернулся
И, кое с кем ведя беседу,
Узнал, что ваша милость дело

Ведет, и обвиняюсь я.
Я одного спросил, в чем дело,
И он одно мне отвечает,
Другой другое: в нетерпеньи,
Что правда неизвестна мне,
Я счел вполне благоприличным
Прийти спросить того, кто знает
Всех лучше. Вас я умоляю,
Коль можно умолить, сеньор,
Сказать мне, в чем я обвиняюсь,
Дабы без знанья не гадал я,
В чем будет это обвиненье,
В чем оправдание мое.

Уместно это любопытство!

Быть может очень я развязен.
Но, если вы не то хотите
Сказать... Да вот и дело все,
Как видится: оно мне скажет,
Судью благодарить не нужно.

Что делаете?

Я листаю

Бумаги дела моего.

Заметьте...

Ваша милость, сядьте.
Я не хотел бы повторять вам
Одно и то же слишком часто.
Начало дела есть... Его
Читать не стоит, мне известно,
Что приблизительно стоит там.
Так к следствию мы переходим.
Свидетель первый говорит.

Андрес Хименес, давши клятву,
Под словом клятвы утверждает,
Что он рубил дрова в то время,
Когда увидел, что пришли
Два бравых ликом кабальеро
И биться начали друг с другом,
Но очень скоро он увидел,
Что Дон Диего наземь пал,
А Дон Алонсо, увидавши,
Что поспешают люди власти,
От правосудья убегая,

Задумал скрыться на коне,
Но конь убит был из мушкета,
И быстро в бегство обратившись,
Он прибыл, убегая, к дому
Луис Переса (Тут уж я!),
Луис Перес, весьма учтиво
Прося, молил Коррехидора,
Чтоб кабальеро так жестоко
Он не преследовал, но тот
Не захотел исполнить просьбу.
Тогда он, ставши на дороге,
Коррехидору дерзновенно
Сопротивленье оказал.
Сказать не может, — потому что
Он не видал, — когда и где он
Нанес Коррихидору рану.
Под клятвой это говорит,
Которую принес. И правда.
Затем, что тот Андрес Хименес
Достойный человек и честный.
Второй свидетель говорит.

Так утверждает Хиль Паррадо:

Услышав шум борьбы и крики,
Он вышел из Сальватиерры
И видел, как Луис Перес
Со всеми бился, — видел также,
Как бросился потом он в реку,
И больше ничего не знает.
Как краток и существен он!
Затем Хуан здесь Баутиста,
Свидетель третий. Что ж, посмотрим,
Что пред судьею возвещает
Старинный тот христианин.

Он говорит, что находился
Среди деревьев, в час, как вышли
Два кабальеро, стали биться,
И бились наравне они,
Пока не вышел из засады
Луис Перес, встал с Дон Алонсо,
И оба низких Дон Диего
Предательски убили так.
Сеньор Судья, вам знать угодно
Получше, что за человек тот?

Так знайте. Он настолько подлый,
Что он открыто признает:
Предательство он четко видел
И оставался сам спокойным,
Не вмешиваясь в эту низость.
Клянусь же Господом, он лжет.

Сел на коня тут Дон Алонсо,
Луис Перес, оставшись пешим,
Сопротивляясь правосудью,
Свершил убийство. Это жид.
Прошу вас дать мне разрешенье
Взять этот лист.

Я самолично
Верну, когда он будет нужен,
Затем что этого я пса
Заставлю правду исповедать,
Хотя не очень это странно,
Что в правде исповеди слаб он,
Его наука недолга.
И если судьи изучают
При составленьи приговора

Свидетельские показанья,
Свидетель должен быть не лжец.
И тех должны услышать судьи,
Кто показует в оправданье.
Так, ваша милость, рассудите,
В чем преступление мое:
Я лишь стоял у двери дома,
Где я живу, и был спокоен,
А если вдруг пришло несчастье,
Чтобы меня там отыскать,
Как от него могу бежать я?
Так, кто разумен, тот увидит,
Что, если подошло несчастье,
Есть оправдание в беде.

СЦЕНА 19-я

Толпа, и тотчас Мануэль. — Судья, Луис.

Один (за сценой)

Мануэль (за сценой)

Луис

(Открывает дверь.)

Толпа (за сценой)

(Входят альгвасилы и вооруженная толпа.)

Судья

Луис

Судья

Луис

Судья

Луис

Судья (к своим)

Мануэль

Луис

(Делает так.)

Один

Судья

Луис

(Они двое становятся по одну сторону представителей правосудия, альгвасилы и толпа — по другую и начинают биться шпагами.)

Все собрались сюда толпою.

Тот, кто находится там в доме,
Луис Перес. Туда войдите,
И взять его.

Но здесь гора,
И он тут под ее защитой.

Пустите, Мануэль, пусть входят.

Уже совсем не важно это,
Что знать хотел я, то узнал,
И вы увидите немедля,
Что, кто войдет сюда чрез двери,
Через окно пойдет наружу.

Схватить его! Схватить его!

Остановитесь. Обещаю,
Луис Перес, как благочестный,
Что если вы сейчас сдадитесь,
Я буду другом вам всегда.

Друзей ученых не люблю я.
Не видят обязательств судьи
И в данном ими обещаньи,
Они лишь видят свой закон.

Заметьте, если не сдадитесь,
Я покарать могу, предавши
Вас смерти пред лицом народа.

Вот это так: пусть смерть придет,
Коль можете ее призвать вы.

Что ж кажется вам? Не могу я?

Нет, потому что полагаюсь
На руки смелые мои.

На них! А будут защищаться
Убить их!

Так. На них бесстрашно,
Луис Перес!

На них скорее,
Бесстрашный Мануэль Мендес!
Я свечи погашу немедля.

Посмеют ли впотьмах сражаться,
Посмотрим.

Ужас и смущенье!

Какая спутанность и жуть!

Презренные, канальи, трусы,
Придется нынче вам навеки
Запомнить славу Галисийца,
Чье имя есть Луис Перес!

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Гора.

Луис Перес, Исабель, Донья Хуана и Мануэль.

Луис

Мануэль

Исабель

Донья Хуана

Луис

Исабель

(Уходят.)

Высокая гора, что служит здесь колонной
Для отдыха луны, и этот лес взнесен-

ный

Послужат нам теперь оплотом крепостным,

Доверимся в тревоге им.

Был у врагов хороший случай,

И час нам ворожил немало злополучий,

Но против двух таких людей

Бессилен был их строй с той трусостью своей.

Теперь убить меня им трудно,

И им надеяться на это безрассудно,

Пускай они лелеют месть,

Мне в том защиты много есть,

Что им неведомо, какой пошел дорогой:

Пока я здесь, в пустыне строгой,

В отъединении глухом,

Пусть ищут нас они в убежище другом.

Кто думать будет в состояньи,

Что обеспечил я свое существованье,

Что, убегая, я исчез

В безвыходной горе, где всюду только лес?

С той стороны земля родная,

А тут течет река. Природа, воздвигая

Свои созданья, глыбы стен,

Тех, кто сюда вошел, в свой замыкает плен.

Здесь ров серебряный и склоны,

В зеркальность смотрится весь этот мир зеленый,

И в средоточии таком

Теперь и крепость нам и дом.

В глуши, непроницаемой для взгляда,

Надежная дана ограда —

Для красоты, исполненной лучей,

Твоей супруги и сестры моей.

Здесь время потечет, наряд свой изменяя,

Снег будет январю, расцвет цветов для мая.

А по ночам в деревне той,

Что родинкой темнеет над скалой,

Ночлег нам будет, там легко скрываться.

Вдвоем к дорогам будем мы спускать-

ся.

Когда засветит день,

Чтоб у крестьян окрестных деревень

Снискать свое нам пропитанье,

Но без насилия, а брать лишь как даянье.

А час тем временем пройдет,

Поищут нас, забудут в свой черед,

Тогда из этих мест мы сможем отлучиться,

Чтоб от опасностей в другом нам месте скрыться.

А в новой области наш неизвестен вид,

Там нас судьба быть может защитит,

Коль может оказать влиянье

Судьба на наше состоянье.

Великодушный друг, Луис Перес,

В том нет особенных чудес,

Чтобы убивший дерзновенно

В дому убитого сокрылся. Несомненно,

Что хитрость не могла бы предположить того,

И правосудие не ищет там его.
И так выходит, что убитым
Он к жизни сохранен, и спрятан в месте скрытом.
Так скрыла горная нас эта вышина,
И пусть гора врагам видна,
Хотя бы получили извещенье,
Не будут здесь искать, напрасно было б рвенье,
А если б и пришли, так и тогда
Невелика еще была бы нам беда,
Вдвоем мы явимся оплотом,
Наш тыл доверя тем высотам
И этим ласковым волнам,
Что будут словно крепость нам.
Они здесь в споре тешатся игрою:
Река является горой, гора рекою,
И кажут лик нам двух миров
То глыба хрусталя, то море из цветов.
Двоих вас слушаю, и, видит Бог, обидно
Мне чувствовать, что вы бесстыдно
Нас презираете, решая так, что здесь

Лишь двое вас, в том смысл защиты весь.

Заметь, мой брат, я тут с тобою,

И сильною моей рукою

И в подражание тебе

Над смертью посмеюсь, бесстрашная в борьбе.

Я лик являю здесь трусливый:

Так поздно прихожу, но и во мне порывы,

Готова я, супруг, заметь,

И убивать и умереть.

Обеим вам благодаренье

За эту бодрость дерзновенья,

Но заблуждением так было б поступить,

Вы женщины, вам женщинами быть.

Мы двое, — сердце с сердцем слито, —

Вполне надежная защита,

Врага сумеем здесь отбить.

Идем же, Мануэль, теперь мы на дорогу

И там найдем, коль так угодно Богу,
Мы пропитание, а вы недолгий час
Побудьте здесь и подождите нас.

Молиться будем мы, чтоб так вернулись скоро,
Что будет неприметностью для взора
Мгновение, что были мы без вас.

СЦЕНА 2-я

Дорога у подножья горы.

Луис, Мануэль.

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Теперь, когда вполне надежны
Меж этих скал, покрытых лесом,
Моя сестра с супругой вашей,
Не без причины, Мануэль,

Хотел я с вами удалиться:
Мне нужно в очень важном деле
Узнать подробно ваше мненье.
Когда сегодня ночью мне
Пришлось прочесть в судейском доме,
Что подлый, лживый есть свидетель,
Который говорит, что видел,
Как Дон Алонсо я помог,
Когда он бился с Дон Диего
Де Альварадо, и убили
Его вдвоем мы вероломно,
Заметьте, — как могу терпеть
Я посягательство такое
Со стороны того, кто хочет
Словами извратить деянье
Того несчастного, чей рок
Судил в одном быть виноватым,
Что он был честным человеком.

А как зовется тот свидетель?

Когда узнаете, кто он,
Поймете, как сильна обида:

Свидетель этот — Баутиста.

Он подлый трус, не удивляйтесь
Вы на него, Луис Перес.
Трусливый, чести не имея,
Не суд достойных рук желает
Избрать для разрешенья тяжбы,
А прибегает к клевете
И к бегству. Вот что мы предпримем.
Средь бела дня, прогнавши страхи,
И смерти не боясь нисколько,
Пойдем и пред самим Судьей
Его из собственного дома
Возьмем и приведем на площадь,
Где вынужден сказать он будет,
Что лжесвидетелем он был.
С той ночи, как его в живых я
Оставил и бежать дозволил,
Не нахожу себе я места.

Так вправду быть должно, мой друг.
Но все устроить нужно лучше.
Два способа бывают в ссорах,

Заметьте, что теперь скажу вам.
Та ссора, что меня зовет,
Всегда меня найдет готовым,
Будь злой исход у ней иль добрый.
Но если сам ищу я ссоры,
Пусть добрый выход я найду:
Кто хочет плавать или биться,
И сохранит свою одежду,
В том настоящий будет праздник.
Но кто-то, слышу я, идет.
Ступайте же со мной, чтоб видеть,
Как жить отныне я намерен, —
То буду брать я, что дадут мне,
Но не обидев никого,
Затем что я разбойник добрый.

СЦЕНА 3-я

Леонардо. — Луис, Мануэль.

Леонардо (за сценой)

(Выходит.)

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

Луис

Леонардо

(Уходит.)

Мануэль

Луис

Мануэль

Ну, Мендо, лошадей из леса
Веди на поводу тихонько.
Здесь хорошо, пройдусь пешком.

К рукам сеньора припадаю.

Час добрый вам в пути, гидальго.

Куда дорогу, ваша милость,
Вы держите в подобный зной?

Я в Лиссабон.

А путь откуда?

С зарею из Сальватиерры
Я отбыл.

Рад я это слышать.
Что нового, скажите, там?
Весьма в том буду вам обязан.

Вестей особенных неслышно.
Лишь говорили о безумствах
Кого-то, кто буянит там,
Своею жизнью мир смущая.
Когда-то он, за что не знаю,
Нанес Коррехидору рану
И одного из слуг убил,
А этой ночью в дом пришел он
К Судье, что следствием был занят,
Из любопытства захотел он
То дело прочитать свое...

Весьма он, вижу, любопытен.

Когда же взять его хотели,
От всех он скрылся, с ним приятель,
Который, как и он, злодей,
Убил, как он же, человека.
Вся власть его тревожно ищет
С его пособником, и, мыслю,
Им бегством не спастись никак.
Вот все, что нового я слышал.

Теперь, сеньор, хотел бы знать я,
(Я по тому сужу, что слышал
От вас, — вы умный человек):
Что сделали бы вы, когда бы
В стесненьи друга увидали,
И к вашим бы ногам припал он,
Прося вас жизнь его спасти?

С ним ставши рядом так, я был бы
До смерти или до победы.

И были бы за то злодеем?

Нет.

А когда бы вам потом
Сказали, что Судья составил
Бумагу, где он указует,
Что совершили вы убийства
И преступленья, — вы то: да
Не захотели бы разведать,
Кто был свидетелем тем лживым?

Да.

Так скажите же еще мне.
Когда бы этот человек
Из-за случившегося видел
Себя преследуемым всюду,
И не имел бы ничего он,
Чем пропитаться бы он мог,
Не поступил ли бы он право,
О том прося?

Кто отрицал бы?

И если б тот, кого просил он,
Дал что-нибудь, не вправе ль он
Был взять, что дали?

Это ясно.

Коль это ясно, так узнайте,
Что я Луис Перес: живу я
Вот так, как видите, — прошу,
В моем несчастьи помогите,
Весьма обязанным вам был бы,
Но впрочем — все есть воля ваша.

Чтоб вам помочь, Луис Перес,
Мне вовсе доводов не нужно,
Необходимость понимаю,
И что нужда есть, мне известно.
Коль эта золотая цепь
Помочь нужде не может вашей,
Даю вам слово возвратиться
И вам помочь тем, что имею.

Вы благородный человек.
Но прежде чем, сеньор, возьму я
Ту золотую цепь, скажите,
Даете ль мне ее из страха,
Затем что в поле вы один?

Луис Перес, ее даю вам —
Лишь ваше чувствуя несчастье,

И точно так же поступил бы,
Будь целый здесь со мной отряд.

Тогда беру. И пусть не смогут
Сказать, что злое я замыслил.
Когда захочет рок жестокий
Моей безжалостной звезды,
С моею жизнью я расстанусь,
И буду в смерти я утешен,
Когда о мне промолвит слава:
Пусть с тем, кто честный человек,
Так поступают справедливо.

Еще вы что-нибудь велите?

Нет.

Так пускай же вам свободу
Пошлет судьба, Луис Перес.

Вас проводить хочу, покуда
Не выйдете вы из стремнины.

Мой друг, не стоит это делать.

Прекрасно делать воровство
В учтивом благородном стиле.

Просить не воровать.

Кто видит,
Что двое милостыню просят
Вот так, — разумно ль отказать?

СЦЕНА 4-я

Два Крестьянина. — Луис, Мануэль.

Крестьянин 1-й

Крестьянин 2-й

Крестьянин 1-й

Луис (к Мануэлю, который тотчас отходит)

Крестьянин 1-й

Луис

Крестьянин 1-й

(Отдает ему деньги.)

(В сторону.)

Луис

Крестьянин 1-й

Луис

Крестьянин 1-й

Луис

Крестьянин 1-й

Луис

Крестьянин 1-й

Луис

(Крестьяне уходят.)

Весь новый виноград купил я,
Что на горе поверх долины.

Что во владеньи был Луиса
Переса?

Самый он как раз.
Распродают его именье,
Суд хочет заплатить издержки
Писцу, судье, — как раз я деньги
На это самое несу.

Хороший это мой знакомый,
Могу заговорить с ним смело,
Его доподлинно я знаю.

Что нового, скажи, Антон?

Луис! Да как же это можно?
Вы здесь, а все кругом вас ищут!

Собой рискуя, почему бы
Не мог? Но дело-то не в том.
Ты друг мой. Я в нужде великой.
Не поступлю я недостойно.
С тобою деньги, помоги мне,
Коли захочешь ты помочь.
Ни умирать не собираюсь,
Ни обижать тебя не буду,
Так разреши, что должно сделать.
Идти свободно можешь ты.

Какое может быть тут средство?

Одно: отдать вам эти деньги.

(Так жизнь свою я сохраню,
А не отдам, убьет меня.)

Возьму охотно деньги эти,
Но ранее узнать я должен,
Что ты охотно отдаешь их

По воле собственной своей

По воле доброй — это видно,
Иначе как бы вам служил я?
Но мне с ним тоже недостача.

Я этого уж не пойму.
Когда бы мог того избегнуть,
Ты этих денег мне не дал бы?

Конечно.

Так возьми назад их
И отправляйся с Богом в путь.
Нехорошо, чтобы сказали,
Что у кого-нибудь в дороге
Луис Перес здесь отнял деньги:
Коль скажут, что в нужде я взял,
Когда мне дали, то неважно,
А если скажут — взял насильно,
Тут важности великой дело.
Так деньги вот, и с Богом в путь.

Что говорите?

Говорю я

То, что ты видишь, мой приятель.
Иди же с Богом.

От враждебных
Людей избавь тебя Всевышний!
Аминь! В кармане у меня
Тут шесть дублонов, и не знает
О них жена, ты можешь взять их.

И ни монетки не возьму я.
Идите с Богом. Поздний час,
И солнце близится к закату.

СЦЕНА 5-я

Дон Алонсо. — Луис, Мануэль в отдалении.

Дон Алонсо (не видя Луиса)

(В сторону)

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

(Уходит.)

Не тщетно, дружба, воздвигало
Язычество — тебя считая
За божество — ряд алтарей,
Тебе тем почесть воздавая,
Ты божество, и мысль людская
Тебя лелейно обожает.
Вот я отыскиваю здесь,
Желая быть правдивым другом,
Того, кому обязан жизнью.
Такого в дружбе нет закона,
Что если бросил друг меня,
Так должен я его покинуть.

(Тут люди. Я лицо закрою,
Чтобы меня здесь не узнали.)

Немилосердная судьба
Нас заставляет, кабальеро,
Двоих людей, вполне достойных,
Просить о помощи, чтоб только
Других нам способов не знать.
Коли помочь нам вы хотите
Тем, что лишенья не составит,
Обязаны вам будем очень,
А если нет, дорога тут,
И Бог пошли вам путь счастливый.

Луис Перес! Моей печали
Ответ единственный — рыданье,
И вот объятия мои.
Что это значит?

Что я вижу?

Тысячекратно обниму вас.

Я вас предполагал на море,
Средь волн, жильцом на корабле,
И вас в Сальватиерре вижу.
Сеньор, зачем сюда пришли вы?

Отыскивая вас, иду я.

Едва с прибрежья увидал
Армаду я, едва вступил я
На сходни, как о вас я вспомнил,
И так мне сделалось вдруг стыдно,
Что я покинул вас, Луис,
Что я решил идти за вами,
И не терзаться этой мыслью.
Так поступать — быть верным другом.
Коль друга обижает друг,
Он оставлять его не должен.
Вот вы мне нанесли обиду,
С такою прихожу я местью:
Пришел, чтоб с вами умереть.
Располагайте, друг мой, мною,
Что сделать вы со мной хотите?

К ногам хочу прильнуть я вашим.

Рассказ начните о себе.

Я с Мануэлем, мы живем здесь
В лесу, в горах, и наши жизни
Ценою жизней защищаем.

Теперь пришел сюда к вам я,
И все, Луис, пойдет иначе.
Деревня та, что под горою,
Моя: коли в нее войду я,
Одетый так, к вассалу в дом,
Которому могу я верить,
Жить безопаснее мы будем,
А там вы что-нибудь решите,
Увидите, что делать вам.
Пока побудьте в этом месте,
Отправлюсь я поговорить с ним
И возвращусь к вам с доброй вестью.
И в самом деле для добра
И зла одна у нас дорога,
Для нас троих удел единый.

СЦЕНА 6-я

Луис, Мануэль.

Луис

Мануэль

(Слышен шум.)

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

(Бросаются наземь, ветви их скрывают.)

Вот друг!

Сюда идет нестройно
Толпа людей.

И много их.
К ногам воззвать теперь нам нужно
И впадинам горы лесистой.

Коль побежим по лесу, ветки,
Лесистой чащи языки,
Расскажут, что в лесу там люди.
Что делать нам?

Вот эти скалы
Оградой дикою нам будут
И нас от взоров защитят.
Мы в этих глыбах притаимся.

Другого выбора здесь нет нам,
Уже они совсем подходят.

Утес, живому гробом будь,
Возникнет обо мне реченье,
Что я в могилу сам вошел.

СЦЕНА 7-я

Судья, Леонор. — Те же.

Судья

Луис (в сторону, к Мануэлю)

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Мануэль

Луис

Донья Леонор

Судья

Слуга

Я тех двоих отыскивал напрасно,
О, Леонор, красивая везде.
Но я нигде не встретил дома тени,
И ни черты, ни оттиска следов.
Узнал я, что печальное известье
В вас будит беспокойство, и сейчас
Пришел туда, где я могу, сеньора,
Сложить покорно жизнь у ваших ног.

Вы слышите?

Потише говорите.

Я подлого предателя хочу
Подвергнуть мести явной, — где же лучше
Найду я случай захватить его?
Могу снискать хвалу и честь и славу,
За честь восставши друга и свою.
Судья, истец, свидетель — налицо здесь.
Я выхожу.

Заметьте.

В этом тверд.

Встаю за честь, с опасностью для жизни.

Идите же, когда решились вы.

Коль честь, не я удерживать вас буду.

Но подождите чуточку. Сюда

Идет толпа.

О, горе! Этот случай

Я потерял.

Толпа сюда идет.

Эй, кто тут? Что такое там случилось?

Кого-то захватили на горе.

СЦЕНА 8-я

Альгвасилы ведут связанного Педро. — Те же.

Альгвасил

Судья

Педро

Судья

Педро

Судья

Педро

Судья

Педро

Судья

Педро

Судья

Педро

(Альгвасилы и Слуги уходят, уводя с собой Педро.)

Сеньор, суди, мы были строги,
Пусть будет строгим и закон:
Слуга Луис Переса он,
И нам попался на дороге,
Что в Португалию ведет.
Он из Сальватиерры скрылся
В тот самый день, как отлучился
Луис Перес. Где скрылся тот,
Он должен знать: он возвратился

Вчера, а нынче убегал.

Ряд указаний здесь не мал.

О, да! Я, видишь, согласился.
И уж таков теперь закон:
Будь я в Германии, в Китае,
В Японии, в ином ли крае,
Где только я, там будет он.

Так где же он теперь, скажи нам?

Придет он вскорости за мной,
Уж в этом он всегда такой:
Слуга быть должен с господином.
И если я сегодня взят,
Ему захочется быть взятым,
Чтоб лишь со мною быть как с братом,
Так встретиться со мной он рад.

Так где же он?

Того не знаю.
Но разум мой уверен весь,
Что где-нибудь он близко здесь.

Как так?

А вот как заключаю:
Когда узнает он, что я
Вот тут, и он здесь будет тоже.
Как я узнал, всего дороже
Ему здесь в мире жизнь моя.
А может вправду, — если б знал я,
Где господин мой в этот час,
Сказал бы и бежал от вас,
Его бы кары избежал я.
Могу сказать я без прикрас:
Уж кто мне в мире ни желанен,
А меньше всех Луис Перес.
Коли отсюда я исчез,
Поступок мой весьма не странен:
Бежал от гнева я его,
И в Португалии я скрылся,
Он в тот же день там очутился.
Я для спасенья своего
Путь в Андалузию направил,
И там Луис, и я в плену.
Вернулся в эту я страну.

Меня и здесь он не оставил,
Сейчас же он пришел сюда.
Со мной как с мертвым он расстался,
Но я-то ночью жив остался,
Ну, думаю, прошла беда,
И я пожаром не охвачен.
Опять задумал я бежать.
Меня вот эти люди хвать,
И вот сеньор Судья и схвачен.
Схватили как его слугу.
Но больше не слуга ему я.
До ног до ваших припаду я,
Ни в чем не виноват, не лгу.
Но если только господина
Поймать хотите моего,
Сейчас поймаете его:
Пусть буду здесь. Мне все едино.
Приманкой буду я ему,
И будет он у вас в ответе:
Немедля попадет к вам в сети,
Стремясь к желанью своему.

Себя ты дурачком покажешь,

В том извиненье не вполне.
Где он, скажи немедля мне?
А если нет, на дыбе скажешь.

Не очень важный я ездок,
И, если б знал, в одно мгновенье
Я, убегая от мученья,
Молчанья б прекратил зарок.
Но дело в том, что я не знаю.

Прекрасно. Так пускай же он
В деревню будет отведен.
И вам его не разрешаю
Я развязать. Пусть будет там
Под наблюдением, покуда
В Сальватиерру он оттуда
Не будет приведен, чтоб нам
Дать показанья. Слишком ясно,
Что в дерзкой храбрости он скор,
И потому его сеньор
Им пользовался не напрасно.

Так смел я в храбрости моей?
Однако, в размышленьи строгом,

Могу и здесь поклясться Богом:
Из этих четверых людей,
Что состоят при мне, как стража,
Не нужны трое, — из троих
Нет надобности нам в двоих, —
А из двоих в одном, — и даже
Нам одного бы пополам,
А там простимся с половиной,
И пусть не будет ни единой,
Чтобы следить, ни здесь, ни там.

СЦЕНА 9-я

Судья, Донья Леонор, Хуан, Баутиста, Луис и Мануэль, спрятавшиеся.

Судья

Луис (в сторону, к Мануэлю)

Мануэль

Судья

(Мануэль и Луис выходят.)

Мануэль

Луис

Хуан (в сторону)

Донья Леонор (в сторону)

Судья (в сторону)

Луис

Судья

Луис

Мануэль

Судья

Луис

Судья

Луис

Донья Леонор

Луис

(Предъявляет ему лист из судебного дела.)

Донья Леонор (в сторону)

Луис

Хуан

Луис

Хуан

Луис

(Стреляет в Хуана Баутиста из пистолета, тот падает наземь.)

Хуан

Луис

(Оба уходят.)

Идем.

Ушли, кто был с оружьем,
И небеса мне посылают
Тот случай, что мои желанья
Так жадно жаждали найти.
Судья и Донья Леонор здесь,
И Баутиста, и охраны
У них здесь нет, и нет препятствий, —
Чего же лучшего мне ждать?

В чем нерешительность, скажи мне?

Где быть могли бы эти люди?

Вот здесь, коль так хотите знать вы.

Благих да сохранит Господь!

Вот все мы, нет здесь недочета.

Что вижу? Небо!

О, беда мне!

Да снизойдет ко мне Всевышний!

Все остаются на местах.
Как были, так пускай и будут.
А от сеньора Баутиста
Мы здесь услышим два-три слова.

Эй, кто там!

Мир и тишина!

Звать — не имеет вовсе смысла,
Коль не хотите вы услышать
Ответ тех слуг, что в вашем доме
Уже служили в прошлый раз.

Так к правосудью потеряли
Здесь уваженье? Так со мною
Обходятся?

Кто уваженья
Оказывает больше вам?
Сеньор, не я ли? Потому что

Я вас ни в чем не оскорбляю,
Напротив, точностью служу вам:
Дабы не утомлялись вы,
Отыскивая нас повсюду,
Я вас ищу и прихожу к вам.

Вас ваша дерзость побуждает
Предстать перед сеньорой так,
Которая обиду терпит,
Ее родная кровь пролита
Предательством и жаждет мщенья,
Вот эти самые цветы
Облиты той невинной кровью,
Живут как бы двойною жизнью.

Сеньоре окажу услугу,
Когда причину устраню
Несправедливости тех гневов,
Что недостойны знатной крови
И вызваны обманом низким
Того свидетеля, что лжет.
Скажите, я прошу сеньора:
Когда бы с вашим братом бился

Без преимуществ Дон Алонсо,
Лицом к лицу, — ужели вы
Ему искали бы отмщенья?

Нет. Если женщины не знают
Закон дуэли, как мужчины,
Такие женщины, как я,
Обязанность прекрасно знают,
Как нужно отнестись к несчастью.
И если только Дон Диего
В бою достойном был убит,
Тогда, конечно, Дон Алонсо
И в доме у меня не может
Отмщенья ждать. Клянуся небом,
Его сама бы я, простив,
В несчастьи честном защитила.

Я принимаю это слово.
И так как всем закон известен,
Свидетель должен подтвердить
Свое свидетельство законно.
Вот, Баутиста, что сказал ты.

Я прочитаю, ты же скажешь,

Что в этом истина, что ложь.

Какая смелая решимость!

Ты говоришь, что ты скрывался,
Когда увидел поединок
И двух затеявших тот бой.
То правда?

Правда.

Говоришь ты,
Что видел, как из чащи леса
Я вышел и моею шпагой
Стал Дон Алонсо защищать.
Ты знаешь, что неправда это,
Скажи же правду.

Это правда.

Лжет твой язык несправедливый!

Всевышний да поможет мне!

Сеньор Судья, пусть ваша милость
Включит и эту смерть в то дело.
И до свиданья. Отвяжи-ка
Там, Мануэль, тех двух коней,

Что привезли сеньоров этих,
Им недостатка в том не будет,
Ведь здесь им нужно оставаться.
Прощайте.

СЦЕНА 10-я

Судья, Донья Леонор; Хуан Баутиста, раненый.

Судья

Хуан

Жизнью Короля
Клянусь, что этот дерзкий вызов
Или мне будет стоить жизни,
Или найдет свое возмездье.

Сеньора, слушай и узнай:
Я умираю справедливо,
Лишь выдумка, что там сказал я,
Хотел его сестры достигнуть.
Твой брат убит лицом к лицу,
И Дон Алонсо честно бился.
Я эту правду подтверждаю,

Чтоб этот долг, хотя бы поздно,
В печальной смерти заплатить.

СЦЕНА 11-я

Альгвасилы и Слуги с Педро, который сопротивляется им. — Те же.

Альгвасил

Судья

Педро

Судья

Педро

Альгвасил (к другому)

(Слуги уходят с альгвасилами.)

Донья Леонор (в сторону)

(Уходят.)

Услыша выстрел оружейный,
Язык огня к ветрам кричащий,
Немедленно мы воротились,
Чтобы узнать, что повелишь.

Придите все, в том лесе горном

Луис Перес нас ожидает.

Не говорил ли я, что тотчас
За мной он явится вослед?

Сегодня смерть должна придти к ним.
Чтоб этот человек не скрылся,
(Что он виновен, это видно)
Пусть двое сторожат его.

Когда о местопребыванъи
Луиса было преступленьем
Молчать, так я не говорил ли,
Что он придет, и он пришел?
Какая же вина за мною?

Мы двое будем с ним дозором.
Помалкивай, иди, предатель.

Я очень огорчусь, узнав,
Что этот человек захвачен.
И если с ним была я гневной,
Теперь, когда узнала правду,
Я справедливо поступлю,
Не отомщая ту обиду.
И в столь великом злополучьи

Я жизнь его спасти желаю.
Кто смел, в обиженном найдет
Себе надежную защиту.

СЦЕНА 12-я

Луис и Мануэль, потом Судья.

Луис

Судья (за сценой)

Мануэль

Луис

Мануэль

Судья (за сценой)

Задохлись, утомились кони,
Здесь в горной чаще подождем мы
И встретим их лицом к лицу.

Они вот в этой чаще скрылись
Среди ветвей. Ищите всюду.

Погибли мы. С такой толпою
Бороться невозможно нам,
В тылу нам никакой защиты.

Защита есть. Спина с спиной
Мы станем и везде с врагами
Лицом к лицу мы будем биться,
Они не смогут окружить нас,
Встречая шпагу впрямь и вплоть.
Так бейтесь с тем, кто подойдет к вам
Отсюда, я же буду биться
С другими, кто придет оттуда,
Друг другу будем мы оплот.

Когда меня ты охраняешь,
В защите я. Иди, кто хочет.

На них!

СЦЕНА 13-я

Судья с альгвасилами и толпа. — Луис, Мануэль.

Луис

(Луис и Мануэль становятся друг к другу спиной и идут, отражая удар кругом, альгвасилы стараются разъединить их.)

Мануэль

Луис

Судья

(Альгвасилы отступают.)

Луис

(Уходит.)

Мануэль

(Уходит.)

Судья

(Уходят.)

Сюда, сюда, канальи!

Как, Мануэль, дела?

Идет.
Как с вашей стороны?

Танцуют.

Но это дьяволы, не люди.

Они освободили место.
На высоту!

На высоту!

За ними, чтоб они не скрылись.

СЦЕНА 14-я

Другое место горы.

Исабель и Донья Хуана, на вершине скалы.

Исабель

Донья Хуана

Исабель

Я, услыхавши тот мушкет,
Объята страхом незнакомым.
Другим он показался громом,
А для меня в нем молний свет.
Зачем такое промедленье?
Где Мануэль и где Луис?
Все испытанья к нам сошлись,
Во мне испуг и удивленье.
Подруга, что ты скажешь мне?

Какого хочешь ты ответа?
И я не вижу здесь просвета,
И я с тобой в одной волне.

Мы с этой спустимся вершины.

Уж лучше умереть зараз,
Чем умирать так долгий час,
В томленьи тягостной кончины.

СЦЕНА 15-я

Луис, Мануэль. — Исабель, Донья Хуана.

Луис

Исабель

Донья Хуана

Мануэль

Луис

Исабель

Луис

Мануэль

Исабель

(Хватает большой камень.)

(Восходят вместе на высокую скалу.)

Скорей к вершине, Мануэль:
Чуть там, плечо с плечом, мы рядом

Хоть с целым схватимся отрядом,
Ударов будет там метель.

Луис...

Ты, Мануэль...

Блаженство...

Сестра...

Что приключилось здесь?

Враждебный мир за нами весь.

Судьбы уйдешь ли верховенства?

Пусть мир весь бешенство свое
Стремит. Что сделать тут могли бы?

В моих руках — вот эти глыбы,
А в ваших — это лезвие.

СЦЕНА 16-я

Судья. Альгвасилы. — Те же.

Судья

Луис

Судья

(Слышен выстрел из мушкета, и Луис падает, скатываясь со скалы.)

Луис

Судья

Луис

Судья

Исабель

Судья

(Судья и альгвасилы уходят, уводя Луиса).

Мануэль

Донья Хуана

Мануэль

Донья Хуана

Мануэль

(Спускается вниз.)

Взбирайтесь на скалу крутую.
Он оскорбленья громоздит,
Но он изменит гордый вид,
Когда над ним я возликую.

Клянусь, что все утесы те
Мне будут площадью публичной,
Тот выступ — плахою отличной,
И суд свершу я в высоте.
Живым иль мертвым, кто доставит
Луис Переса, — честь моя!
Две тысячи эскудо я
Ему в награду дам.

Ославит
Меня дешевый торг такой.
Когда бы вы разумны были,
Меня бы не продешевили.
Судья, иль мертвый, иль живой,
Вы все, что собрались, внимайте,
Пусть будет здесь, или вон там,
Четыре тысячи я дам.

Убить обоих их! Стреляйте!

Услышь, Всевышний! Я убит!

Так сдайся.

Я взываю к шпаге.
Но горе! Есть порыв отваги,

А силы нет. Прискорбный вид.
Не в силах на ноги подняться.
Придите взять меня теперь.

И в смерти он, как дикий зверь,
Хотел бы мне сопротивляться.

Не убивайте вы его.
А если смерть к нему подходит,
Пусть и меня она находит,
Уж мне не нужно ничего.

В Сальватиерру нам дорога.
Добыче этой очень рад.

Пусти!

Куда? Вернись назад!

Я вниз!

Постой!

О, ради Бога!
Коль будем спорить мы о том,
Тебя, как маленькую ношу,
Сейчас в долину эту сброшу
И сброшусь — оба там умрем.

СЦЕНА 17-я

Дон Алонсо, сильно встревоженный. — Мануэль, Донья Хуана.

Дон Алонсо

Мануэль

Дон Алонсо

(Уходят.)

Что тут случилось?

Там под стражей
Луис Переса увели.
Чтоб честь мою не смять в пыли,
Явлю я дружбы знак и даже
Я все пределы превзойду.

Идем за ним. Сюда я тайно
Пришел, но столь необычайно
Здесь все смешалось, как в бреду,
Что крайности нам почему ж бы
Теперь бояться? Маски прочь.
Спешим скорей ему помочь,

Иль все умрем во имя дружбы.

СЦЕНА 18-я

Другая местность.

Два альгвасила с Педро.

Альгвасил 1-й

Педро

Альгвасил 2-й

Педро

Альгвасил 1-й

Педро

Альгвасил 1-й

Педро

Шумя меж гор, шумят в долине.

Меня немножко подождите,
А я пойду и чрез минутку
Про все разведаю и вам
Приду сказать, что там случилось.

Не шевелись, и прочь ни шагу,

А то тебя удержат пули.

Задержка эта — первый сорт.
Ну, хорошо, коль не хотите,
Чтобы пошел я на разведку,
Идите оба, разузнайте
И расскажите мне потом.

Тебя нельзя ни на минуту
Оставить нам.

Вот постоянство!
Меня блюдут. Я разве — праздник,
Что соблюдают так меня?
Одно имею утешенье:
Пока я нахожусь под стражей,
Луис Перес придти не может,
И я в святилище теперь.

Сюда идет толпа большая.

И впереди два мушкетера,
А сзади там еще другие,
И между этих четырех
Какой-то человек, в плаще он,
И множество, вослед, народа.

СЦЕНА 19-я

Судья, альгвасилы и толпа с Луисом Пересом, закутанном в плащ. — Те же.

Судья

Альгвасил 1-й

Судья

Альгвасил 3-й

Судья

Педро

Луис

Педро

Луис

Судья

Где тот, кого вы захватили?

Он здесь, сеньор.

Пусть так идут,
Соединенные друг с другом.

Луис не сможет, потому что

Его рука совсем разбита,
И он вконец лишился чувств,
Сеньор, из-за потери крови.

Ему лицо теперь откройте,
Пускай он воздухом подышет.

Вот так преследует судьба,
И тут исчерпано терпенье.
Теперь чем кончится все это?
Одни колодки для обоих,
И для двоих одна тюрьма,
Одна нам виселица будет,
Одна и петля для обоих,
Одна нам будет и могила.

Кто жалуется здесь?

Никто.

Не бойся, Педро, уж не нужно
Тебе меня теперь бояться:
Чтоб убивать, вчерашний день был,
Сегодня надо умирать.
О, притязанья человека,
Вы, побледневшие во прахе!

Какая там толпа в походе?
Вооруженные они.

СЦЕНА 20-я

Донья Леонор, Донья Хуана, Исабель и Слуги, вооруженные. — Те же.

Донья Леонор

Исабель

Педро (в сторону)

Луис

Я с ними здесь соединилась.
Стыдясь, что мщенья я хотела,
Воспламененная обманом,
Что выдумал предатель тот,
Хочу явить благоволенье,
Когда сполна узнала правду.
Того мне узника отдайте,
Что до меня, он мной прощен.

А если нет, его отнимем.
Отдайте узника немедля.

Чем кончится теперь все это?

Красивейшая Леонор,
Спасти мне жизнь ты не старайся.

СЦЕНА 21-я

Дон Алонсо, Мануэль и другие. — Те же.

Дон Алонсо

Судья

Дон Альфонсо

Мануэль

Исабель

Дон Алонсо

Судья

Дон Алонсо

Донья Леонор

Дон Алонсо

Педро

Дон Алонсо

Судья

Дон Алонсо

(Бьются, и альгвасилы отступают; с другой стороны Луис Перес выходит свободный)

Дон Алонсо

Луис

Дон Алонсо

Луис

Педро

Дон Алонсо

Луис

Сеньор, послушай.

Новый случай.

Я Дон Алонсо де Тордойя,
Приходом дружбу показав,
Решительность я вам являю.
Так без дальнейших объяснений
Нам узника сейчас отдайте.

И скольких тут ни видишь ты,
Они умрут скорей, но только
Свой завершат блестящий подвиг.

Дать узника!

Отдать немедля!

Посмотрим, сможете ли взять.

На них, и смерть им!

Дон Алонсо,
Я выступаю вместе с вами,
Но тотчас же, заметь, заплатишь
За то, что брат тобой убит.

Сейчас об этом нет беседы,
А после дам я оправданье.

И кончится их спор об этом
Тем, что помирятся они.

Сеньор Судья, нет, значит, средства?

Вполне достаточного нет здесь.

Итак, смелей, и прямо в битву.
На них друзья! На них, на них!

Луис Перес, вот вы сободны.

Мой друг, мой верный Дон Алонсо,
Скажите лучше — и плененный,

Хочу я сердцем отплатить
За этот подвиг и, покуда
Не отплачу, у этих ног я
Слагаю жизнь.

К чему учтивость!

Что делать?

Сделайся теперь
Монахом — способ наилучший,
Чтоб жить и вместе быть свободным.
Но расскажи мне. Час настанет,
Что буду я прощен тобой?
Уж перенес из-за тебя я
Путей и голода немало.
Прошу сеньора Дон Алонсо
Я за меня похлопотать.

Луис Перес...

Довольно, друг мой.
В угоду вам его прощаю.
Теперь за Доньею Хуаной
И за моей сестрой пойдем.
И вместе с этим завершенье

Да будет славных всех деяний,
Свершенных в жизни Галисийцем,
Чье имя есть Луис Перес.

Поклонение кресту[42]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эусебио
Курсио, старик
Лисардо
Октавио
Альберто, священник
Селио, Рикардо — бандиты
Чилиндрина
Хиль, крестьянин, шут
Брас, Тирсо, Торибио — крестьяне
Юлия, дама
Арминда, служанка
Менга, крестьянка, шутиха
Бандиты, Крестьяне
Солдаты

---

[42] Примечания: 42

Точная дата написания драмы неизвестна. Примерная датировка 1630-1632 гг. Впервые напечатана в 1634 г.

Подробно об антиконтрреформационном характере драмы см. в статье Н. И. Балашова, наст, изд., кн. 1.

Действие в Сиене и ее окрестностях.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Лес близ дороги, ведущей к Сиене.

Менга, Хиль.

Менга (за сценой)

Хиль (за сценой)

Менга

Хиль

(Выходят на сцену.)

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

(Уходит.)

Куда ж ослица провалилась?

А, дьявол! А, брыкливый бес!

Куда ж она теперь залезла?

Чтоб черт за ней туда залез!
Хоть бы за хвост кто ухватился,
У тысячи людей хвосты.

Ну, Хиль, ты славно постарался!

Ну, Менга, постаралася ты!
Должно быть, как верхом сидела,
Ты ей шепнула пару слов,
Чтоб на смех мне она взбесилась
И поскорей свалилась в ров.

Наверно ты сказал ей это,
Чтоб я свалилась вместе с ней.

Как нам тащить ее оттуда?

Что ж, в яме оставаться ей?

Один я справиться не в силах.

Я пвтащу ее за хвост,
Ты за уши.

Есть лучше способ,
Он и надежен, да и прост.
Карета раз в грязи застряла;
Ее, среди других карет,
Две клячи тощие влачили;
Других, глядишь, простыл и след,
А эта тащится, как будто
Над ней проклятие отцов;
Все с боку на бок, с боку на бок,
И вдруг (закон судьбы таков!)
В грязи засела; кучер хлещет,
И молит, и кричит седок,
Но ни угрозами, ни лаской
Никто несчастью не помог;

Карета тут как тут, ни с места,
Не стронет лошадей ничто;
Но догадались перед ними
С овсом поставить решето;
Едва завидели поживу,
Ну клячи рваться, что есть сил,
Приналегли — и потянули.
Я б то же сделать предложил.

Уж эти мне твои рассказы,
Не пожелаю я врагу[43].

Где много сытых есть животных,
Голодных видеть не могу.

Пойду-ка, посмотрю с дороги.
Нейдет ли из деревни кто,
К тебе пришли бы на подмогу,
Ты сам не годен ни на что.

Опять за старое ты, Менга?

Ослица бедная моя!

---

[43] Примечания: 43

Уж эти мне твои рассказы, // Не пожелаю я врагу. - В оригинале: "Que nunca valen dos cuartos tus cuentos". Куарто ("четвертушка") - самая мелкая медная монета в Испании. Ср. русскую пословицу: Гроша ломаного не стоит.

СЦЕНА 2-я

Хиль

(За сценой слышится шум.)

(Прячется.)

Ослица, счастие, блаженство!
Из всех ослиц, что видел я,
Ты первая во всей деревне;
Никто тебя не замечал
Ни в чем дурном, и меж гулящих,
Меж потаскушек не встречал.
Нет, ты не радовалась вовсе
Из своего идти хлева;
Взглянуть, и ясно было видно:
Не тем набита голова.
А эта девственность? А честность?
Клянусь, что ни один осел
Ее не видел у окошка.
Чуть кто пришел к ней — прочь пошел.
И ни о ком не молвит худа;

Чтоб сплетничать — да никогда;
Из удовольствия злословить
Заместо нет не скажет да.
А что до щедрости, так если
Что в брюхо у нее нейдет,
Она какой-нибудь ослице
Голодной тотчас отдает.

Но что за шум? Два человека
С своих коней сошли на землю,
И привязали их к деревьям,
И направляются сюда.
В их бледных лицах ни кровинки,
И спозаранок вышли в поле;
Они едят, должно быть, землю
Или их мучает запор.
Иль это может быть бандиты?
Конечно! Ну, на всякий случай,
Я спрячусь здесь: они подходят,
Они спешат, бегут, пришли.

СЦЕНА 3-я

Эусебио, Лисардо. — Хиль, спрятавшийся.

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

(Обнажают шпаги и бьются: Лисардо падает наземь, старается подняться и снова падает.)

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

Эусебио

Лисардо

(Эусебио уносит его на руках.)

Хиль

Мы можем тут остановиться,
Мы здесь со всех сторон закрыты,
И нас с дороги не увидят.
Вынь шпагу, Эусебио:
Так на барьер всегда я ставлю
Людей, как ты.

Хотя довольно
Для поединка — быть на месте,
Но все же я хотел бы знать
Причину твоего волненья.

Скажи, Лисардо, основанье
Такого гнева.

Оснований
Так много, что молчит язык,
И нет в рассудке рассуждений,
И нет терпенья у терпенья.
О них я умолчать хотел бы,
Хотел бы даже позабыть;
При повторении наносят
Они мне снова оскорбленье.
Скажи: ты знаешь эти письма?

Брось наземь, я их подниму.

Бери. Чего же ты смутился?
Чего ж ты медлишь?

О, проклятье,
Тысячекратное проклятье
Тому, кто может доверять
Листку бумаги тайны сердца!
Он камень, брошенный рукою,
Мы знаем, кто его направил,
Не знаем, где он упадет.

Теперь узнал?

Не отрицаю,
Мой почерк.

Ну, так я — Лисардо,
Живу в Сиене, и отец мой —
Лисардо Курсио. Он был
Так расточителен ненужно,
Что в краткий срок всего лишился,
Чем обладал он по наследству.
Как заблужденье велико
Того, кто тратами большими
Своей семье готовит бедность!
Но если даже благородство
И впрямь оскорблено нуждой,
Оно не может быть свободно
От обязательств прирожденных.
А Юлия (о, знает небо,
Как больно мне ее назвать!)
Иль соблюсти их не умела,
Иль не могла уразуметь их.
Но первое или второе,

Она сестра мне. Если б Бог
Ей не дал быть моей сестрою!
И должен ты себе заметить,
Что женщинам ее достоинств
Нельзя записок посылать,
Нельзя в любви им объясняться,
Нельзя им подносить подарки,
Ни засылать к ним подлых сводниц.
Я не виню тебя во всем.
Я признаюсь, что, если б дама
Дала мне только позволенье,
Я то же самое бы сделал.
Но ты забыл, что ты мой друг,
И в том вина твоя двойная
С виною, совершенной ею.
Когда ты пожелал увидеть
Мою сестру своей женой,
(Иначе я не представляю,
Не допускаю даже мысли,
Чтоб ты к иной стремился цели,
И эту не могу принять;
Свидетель Бог! Скорей, чем видеть

Ее обвенчанной с тобою,
Ее хотел бы я увидеть
Убитою моей рукой.)
Когда ее ты выбрал в жены,
Ты моему отцу был должен
Сперва открыть свое желанье,
Не ей. Таков был честный путь.
Тогда отец мой увидал бы,
Ответить ли тебе согласьем,
Иль отослать тебя с отказом,
И я в последнем убежден:
Раз качество и состоянье
В таких вещах поставить вровень
Лишен возможности — кто беден
И благороден, он тогда,
Чтоб кровь свою не обесцветить,
Коли имеет дочь — девицу,
Ее отдаст — никак не замуж,
А в сокровенный монастырь.
Быть неимущим — преступленье.
И доброй волей, иль неволей,
Но Юлия, сестра, немедля

Поступит завтра в монастырь.
И так как было б недостойно,
Чтоб инокиня сохраняла
Воспоминания безумной
Непозволительной любви,
Тебе их в руки возвращаю,
С таким решеньем безоглядным,
Что их не только отниму я,
Но устраню причину их.
Итак на место и за шпагу,
Один из двух пусти умирает:
Пусть ты не будешь больше с нею,
Иль я тебя не вижу с ней.

Останови, Лисардо, шпагу,
И так как я спокойно слушал
Твои презрительные речи,
И ты послушай мой ответ.
И пусть рассказ мой будет длинен,
Твое терпение — чрезмерным,
В виду того, что здесь мы оба
С тобой сошлись лицом к лицу, —
Но раз должны с тобой мы биться,

И раз один умрет наверно,
На случай, если небо хочет,
Чтоб я теперь несчастным был,
Услышь о дивном, чтоб смутиться,
О чудесах, чтоб восхититься,
Да не войдут с моею смертью
В молчанье вечное они.
Кто был отец мой, я не знаю:
Лишь знаю, первой колыбелью
Подножие Креста мне было,
А камень — первая постель.
Мое рожденье было странным,
Как пастухи передавали,
На склоне этих гор высоких
Они меня в глуши нашли.
Три дня в горах им было слышно,
Как плакал я, но не решались
Они проникнуть в глушь, из страха
Перед свирепыми зверьми,
Хоть ни один меня не тронул,
И кто же может усомниться:
Из преклоненья пред моею

Защитою — перед Крестом.
Меня нашел пастух, искавший
Овцу заблудшую в ущельях,
И он принес меня немедля
В деревню Эусебио,
А он там был не без причины.
Пастух сказал ему о чуде,
И милосердье подкрепилось
Благоволением небес.
В свой дом меня велел нести он,
В нем принял, как родного сына,
Там я возрос и воспитался,
Я — Эусебио Креста.
Так от него я называюсь,
И от моей первоначальной
Защиты, бывшей мне первичным
Руководителем моим.
По вкусу — выбрал я оружье,
Для развлечения — науку;
Приемный мой отец скончался,
И я его наследник был.
Мое рожденье было дивным,

Моя звезда не меньше чудной,
Она врагинею грозит мне
И с милосердием хранит.
Мой дикий нрав, во всем жестокий,
Еще тогда определился,
Когда беспомощным ребенком
Я был у няни на руках;
Своими деснами одними,
Но не без дьявольской подмоги,
До поранения прорезал
Я грудь кормилицы моей;
Она, от боли обезумев
И лютым гневом ослепившись,
Меня швырнула в глубь колодца.
И обо мне никто не знал.
Услышав смех мой, опустились
В колодец, и меня нашли там:
К губам ручонки прижимая,
Из них образовавши Крест[44],
Я на воде лежал. Однажды,

---

[44] Примечания: 44

К губам ручонки прижимая, // Из них, образовавши Крест. - Испанцы изображают крест, положив большой палец поперек указательного.

Когда пожар случился в доме,
И пламя прекращало выход,
И двери были под замком,
Ко мне огни не прикоснулись,
Я в пламени стоял свободный,
И, сомневаясь, убедился:
Тот день был праздником Креста[45].
Пятнадцать лет едва мне было,
Я в Рим отправился по морю,
И буря в море разыгралась,
И злополучный мой корабль
Разбила о подводный камень;
Разорванный и раздробленный,
Он затонул, а я счастливо,
Руками доску охватив,
Из моря выбрался на сушу,
И та доска имела форму
Креста. Среди утесов этих
С попутчиком я как-то шел,
И на распутьи, где дорога

---

[45] Примечания: 45

Тот день был праздником Креста. - Праздник Креста отмечается в католических странах 3 мая.

Делилась надвое пред нами,
Виднелся Крест. Я стал молиться,
А он тем временем ушел.
Я побежал за ним вдогонку,
И вижу, он лежит убитый,
В борьбе с бандитами. Однажды
Я шпагою ударен был
Во время ссоры, в поединке,
И, не имея сил ответить,
Упал на землю; все, кто были
При этом, думали, что я
Сражен неизлечимой раной,
А при осмотре оказалось,
Что только знак от острой шпаги
Отпечатлелся на Кресте,
Который я носил на шее,
И он удар свирепый принял.
Я раз охотился в ущельях
Неисследимых этих гор,
Вдруг небо тучами покрылось,
И, возвестив раскатным громом
Земле войну, оно метало

Как будто копья из воды,
Как будто сонмы пуль из града.
Ища от черных туч защиты,
Все притаились под листвою.
И эта глушь для нас была
Как бы походною палаткой,
Вдруг молния, летя по ветру,
Как мрачно-дымная комета,
Из тех, что были близь меня,
Двоих сожгла своим ударом.
В смятении, почти ослепши,
Смотрю кругом, и что же вижу,
Как раз за мною Крест стоял,
И полагаю, тот же самый,
Что при моем стоял рожденьи,
Тот самый Крест, чей отпечаток
Ношу я вечно на груди;
Меня отметило им небо,
Дабы означить всенародно
Последствия какой-то тайны.
И хоть не знаю я, кто я,
Таким я духом побуждаем,

Таким влечением волнуем,
Такой решимостью охвачен,
Что мужество мне говорит:
"О, да, ты Юлии достигнешь!"
Наследственное благородство
Над тем возвыситься не может,
Которое я сам снискал.
Таков-то я, и если ясно
Я сознаю причину спора,
И если я могу с избытком
Твою обиду возместить,
Твоей презрительною речью
Я в тоже время так разгневан,
Так ослеплен, что не желаю
Себя оправдывать ни в чем,
Не принимаю обвинений,
И раз ты хочешь помешать мне,
Чтоб я не мог на ней жениться,
Так если б заперли ее
В отцовском доме, или даже
За монастырскою оградой, —
Храни ее, как только хочешь,

А от меня ей не уйти;
И та, что не годилась в жены,
В любовницы мне пригодится:
Так оскорбленное терпенье,
Так исступленная любовь
Отмстит презренье и обиду.

Пусть, Эусебио, умолкнет
Словесный спор, где речь за сталью.

Я ранен!

Да? И не убит?

Нет, у меня в руках довольно
Еще есть силы, чтоб... О, горе!
Из-под ноги земля уходит.

И пусть дыхание уйдет.

Да не умру без покаянья.

Умри, несчастный!

Стой. Во имя
Креста, принявшего страданья
Христа, не убивай меня.

Да защитит тебя от смерти

Такой призыв. Приподнимись же;
Когда Крестом ты заклинаешь,
Нет силы у меня в руках,
И нет в спокойном сердце гнева.
Привстань.

Я не могу. Поспешно
Уходит жизнь с горячей кровью.
И вот уж чувствую, душа
Не знает, где ей лучше выйти,
Поняв, что выходов так много.

Тогда моим рукам доверься.
Ободрись. В нескольких шагах
Отсюда малая есть пустынь
Монахов кающихся; если
Живым туда придти успеешь,
Там исповедаешь грехи.

Итак, тебе я обещаю,
За то, что был ты милосерден,
О, если только удостоюсь
Пред ликом Господа предстать,
Я попрошу, чтоб ты не умер

Без покаянья.

Превосходно!
Примерное благотворенье:
Убил и тащит на плечах.

СЦЕНА 4-я

Брас, Тирсо, Менга, Торибио. — Хиль.

Торибио

Менга

Тирсо

Менга

Хиль

Тирсо

Хиль

Торибио

Хиль

Брас

Хиль

Менга

Хиль

Тирсо

Хиль

Торибио

Хиль

Брас

Хиль

Тирсо

Хиль

(Уходят.)

Он здесь остался, говоришь ты?

Вот здесь как раз остался с нею.

Вот он, сам не в себе, глядите.

На что ты так уперся, Хиль?

Ай, Менга!

Что с тобой случилось?

Ай, Тирсо!

Что ты увидал здесь?

Ай, ай, Торибио.

Скажи нам,
Что приключилося с тобой?

Ай, Брас, ай, ай, друзья, не знаю,
Не больше знаю, чем скотина!
Убил его, взвалил на плечи,
Должно, солить его пошел.

Да кто убил?

А что я знаю?

Кто умер?

Как же мог узнать я?

А кто взвалил?

Мне не известно.

А кто ж пошел?

Все тот же он.
Но ежели узнать хотите,
Идемте все.

Куда ведешь нас?

И сам не знаю я. Пойдемте,

Они отправились туда.

СЦЕНА 5-я

Зала в доме Курсио, в Сиене.

Юлия, Арманда.

Юлия

Арминда

Юлия

Арминда

Юлия

Арминда

Юлия

Я об утраченной свободе,
Арминда, горевать хочу,
И если я умру от горя,
Я в гроб и горе заключу.
Тебе, видать, не приходилось,
Как упоительный ручей,
Русло родное покидая,
Бежит дорогою своей,

И пробегает по долине,
И чуть подумают цветы,
Что он иссяк и обессилел,
Он вдруг нахлынет с высоты
И захлестнет их светлой влагой?
Тоска, дрожавшая в груди,
Мне тот же опыт показала,
И вновь покажет впереди:
Едва она сокрылась в сердце,
Как показалась в тот же час,
И думы, бывшие печалью,
Слезами хлынули из глаз.
Отцовский гнев мне дай оплакать.

Заметь, сеньора...

Есть ли рок
Желанней — смерти от печали?
Кто умереть от скорби мог,
Тот понял высшее блаженство;
И скорбь не слишком велика,
Коль вместе с жизнью не порвалась.

Но в чем, скажи, твоя тоска?

Лисардо, милая Арминда, —
Виной меня постигших зол:
От Эусебио все письма
Он у меня в столе нашел.

Он знал, что там они лежали?

И нет и в то же время да:
Мое несчастие решила
Моя жестокая звезда.
Он был такой угрюмый, хмурый,
Наверно он подозревал, —
Так я решила, — и не знала,
Что он-то достоверно знал.
Внезапно он приходит бледный
И умоляет, как сестру:
"Я, — говорит он, — проигрался
И продолжать хочу игру.
Дай что-нибудь из украшений,
Тебе я долг свой заплачу".
Я вынимаю ключ и ящик
Скорее отпереть хочу,
Но он, нетерпеливо-гневный,

Сам ключ хватает, отпер стол,
И тут же, в первом отделеньи,
Все письма тайные нашел.
Взглянул и запер. И ни слова
(О, Боже!) не промолвил мне,
Пошел к отцу, и заперся с ним,
Я здесь сижу, как в западне,
О чем-то долго говорили,
Я казни жду, дрожу, горю,
И вышли, наконец, и оба
Направились к монастырю.
Так мне Октавио поведал.
И если только мой отец
Свое решение исполнил,
Всем чаяньям моим конец.
Раз к Эусебио он хочет
Так умертвить любовь мою,
Монахинею я не буду
И лучше я себя убью.

СЦЕНА 6-я

Эусебио. — Те же.

Эусебио (в сторону)

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Арминда

Юлия

Эусебио

Юлия

Арминда

Юлия

Эусебио

Юлия

Арминда

(Эусебио прячется в другой комнате.)

(Еще никто так дерзновенно,
Или в отчаяньи таком,
Не приходил искать спасенья
К обиженному прямо в дом.
О, лишь бы только весть о смерти
Лисардо раньше не дошла
До Юлии, и лишь бы только
Она со мною прочь ушла,
Любви покорствуя послушно, —
Исход из бед моих найден.
Когда ж она узнает после,
Что мной Лисардо умерщвлен,
Себя в моей увидя власти,
Из неизбежности она
Сумеет сделать наслажденье.)
Как ты пленительно-нежна,
О, Юлия!

Как? Что такое?

Ты в этом доме?

Строгий рок,
Любовь к тебе мне приказала
Чрез этот преступить порог.

Но как ты на такую крайность
Дерзнул?

Я смерти не боюсь.

Чего же хочешь ты достигнуть?

Лишь на одно теперь я льщусь:
Я обязать тебя хотел бы,
Чтобы любовь моя была,
О, Юлия, твоей любовью
Вдвойне полна, вдвойне светла.
Моей любовью, как узнал я,
Так недоволен твой отец,
Что нашим чаяньям решился
Он быстрый положить конец.
И он желает, чтобы завтра
Навек ты обратилась в то,
Что превратит мою надежду
И счастие мое в ничто.

Коль то, что было, счастьем было,
И счастия ты хочешь вновь,
О, если ты любила вправду,
И глубока твоя любовь,
Иди со мной; ты видишь ясно,
Отцу противиться нельзя;
Оставь свой дом, и пред тобою
Возникнет новая стезя:
Мы все устроим; раз ты будешь
В моих руках, не может он
Не быть обласкан тем, что — нужно,
Обязан тем — чем оскорблен.
Есть у меня именья, виллы,
Чтобы тебе в них мирно быть,
Есть люди, чтобы встать в защиту,
И есть душа, чтобы любить.
Когда ты любишь не обманно,
И жизнь мне хочешь дать мою,
Дерзни, — а если нет, от горя
Я пред тобой себя убью.

Но, Эусебио...

Сеньора,
Мой господин идет сюда.

О, горе мне!

Была ли строже
К кому-нибудь его звезда?

Он может выйти?

Невозможно;
Сеньор у самой двери ждет.

Беда!

Несчастье! Что мне делать?

Побудь — вон там.

Скорей! Идет!

СЦЕНА 7-я

Курсио. — Юлия, Арминда; Эусебио, спрятавшийся.

Курсио

Юлия (в сторону)

Эусебио (в сторону)

Юлия (в сторону)

Курсио

Юлия

Курсио

Юлия

Курсио

Юлия

Курсио

Юлия

Курсио

(Арманда уходит.)

О, дочь моя, твое блаженство
Отныне верно навсегда,
И если в радости мне душу
Ты не пожертвуешь, тогда
Мое вниманье ты не ценишь.
Тебя заботливо любя,
Я все устроил и уладил,
И только ждем мы от тебя,
Чтоб нарядившись, как на праздник, —

О, заповедная мечта! —
Во всей красе своей ты стала
Супругой юною Христа.
Сегодня, ты подумай только,
Такая свадьба ждет тебя,
Что ты пред теми будешь первой,
Кто Богу посвятил себя.
Ну, что ж ты скажешь?

Что мне делать?

Когда она ответит да,
Я сам себя убью на месте.

(О, как ответить мне!) Всегда
Над жизнью власть отца имеет
Влиянье первое, но прав
Нет у нее на нашу волю.
Зачем решил ты, не сказав
Ни слова мне? Не лучше ль было,
Мне высказавши свой совет,
Спросить и о моем желаньи?

И о твоем желаньи? Нет!
Во всем одна моя лишь воля, —

Пусть буду прав я, иль неправ, —
Тебе должна служить указкой.

Тот иль иной удел избрав,
Я поступлю согласно с правом
Любого — свой удел создать.
Звезда несчастная не может
Свободной воли принуждать.
Дай мне подумать и размыслить
И не дивись, что я прошу
Мне дать известный срок, пред тем как
Все обсужу я и решу.
Вопрос идет о целой жизни.

Достаточно, что думал я,
Что за тебя я дал согласье.

Ну, если жизнь твоя — моя,
Будь за меня уж и монахом.

Молчи! Молчать! Решен вопрос!
Не то тебе сплету я петлю
Из собственных твоих волос.
Бесчестная! Тебе я вырву

Твой дерзкий, наглый твой язык.

Свою я волю защищаю,
Жизнь можешь взять хоть в этот миг.
Пусть кончится ее теченье,
Твой гнев окончен будет с ней;
Ты дал мне жизнь и можешь ею
Распоряжаться, как своей:
А волю даровало небо,
Ее тебе я не отдам.

Теперь вполне готов я верить
И подозреньям и мечтам;
Твое упрямство подтверждает,
Что мог я лишь подозревать,
Что мать твоя была бесчестной:
Когда ты смеешь посягать
На честь отца, с которой солнце
Равняться в блеске не могло,
Я вижу осквернение крови,
Горевшей пышно и светло
В своем почетном благородстве.

Не понимаю слов твоих

И потому не отвечаю.

Оставь, Арминда, нас одних.

СЦЕНА 8-я

Курсио, Юлия.

Курсио

Теперь слепая сила гнева
Мне рассказать повелевает
О страшной тайне, что хранил я
В душе в теченье долгих лет.
Так пусть язык тебе расскажет
То, что глаза тебе сказали.
Сиенское градоначальство,
Чтоб возвеличить кровь мою,
Мне дало порученье к папе
Урбану Третьему. В Сиене,
Когда я в Рим свой путь направил,
Осталась дома мать твоя,
И как о ней вещала слава,
По добродетели равнялась
Она матронам древнеримским,

Была меж наших образцом,
(Не знаю, как язык мой может
Ее порочить, но — несчастный!
Как часто вводит в заблужденье
Уверенность) она была
Одна, покуда с порученьем
Я восемь месяцев был в Риме;
Тогда велись переговоры,
Чтоб сеньорию передать
На благоусмотренье Папы:
Да ниспошлет Господь решенье,
Которое полезней будет.
Я продолжаю свой рассказ.
По возвращении в Сиену...
Но тут дыхание слабеет,
Но тут душа изнемогает,
И умолкает мой язык.
По возвращении в Сиену
(Несправедливая тревога!)
Я увидал, что так далеко
Зашла у матери твоей
Беременность, что ей осталось

Для несчастливого рожденья
Лишь незначительное время.
Она уже писала мне
В своих, обмана полных, письмах,
Что были у нее сомненья
Насчет подобного несчастья,
Когда я отправлялся в Рим;
И так представилось мне ясно
Мое бесчестие, что, в мыслях
Переживая оскорбленье,
Вообразил я свой позор.
Не говорю, что это правда,
Но благородному по крови
Не нужно ясно убеждаться,
Достаточно воображать[46].
И для чего же это нужно,
(О, суд несправедливый мира!
Закон немилосердный чести!)

---

[46] Примечания: 46

Но благородному по крови // Не нужно ясно убеждаться, // Достаточно воображать. - Основной пункт испанской ревности, столь отличной от английской, как она выражена у Шекспира. Кальдерон подробно развил этот взгляд в четырех драмах: "Врач своей чести", "За тайное оскорбление тайная месть", "Художник своего бесчестья" и "Величайшее чудовище ревность" (К. Б.).

Чтоб благородный жалким стал,
Когда незнаньем он оправдан?
Законы лгут: когда несчастный
Не мог предупредить причину,
Ее последствие — не в нем.
Какой закон имеет право
Винить несчастного? Какое
Есть прегрешение в безвинном?
Я говорю, законы лгут.
То не бесчестье, а несчастье.
Да, хороши законы чести,
Одним бесславьем покрывая —
Меркурия, кто честь украл,
И Аргуса, кто был ей стражем!
О, что же этот мир, который
Так невиновного позорит,
Приуготовил для того,
Кто, зная свой позор, безмолвен?
Среди подобных размышлений,
Среди сомнений столь жестоких
Не мог я сесть за стол, чтоб есть,
Не мог уснуть в своей постели.

Я жил с самим собой в разладе,
И сердце было как чужое,
Душа как деспот мне была.
И хоть порой в ее защиту
Я рассуждал с самим собою,
И хоть вполне я оправданье
Правдоподобным находил,
Боязнь позора в то же время
Столь настоятельно влияла,
Что, зная всю ее невинность,
Я отомстил — не грех ее,
Свои сомнительные мысли.
И чтоб отмщенье было тайным,
Гостей созвал я на охоту:
Ревнивцу дорог лишь обман.
В горах, когда другие были
Поглощены своей забавой,
Обманно-нежными словами
(Кто лжет, умеет их сказать!
Кто любит, им охотно верит!)
Увлек я мать твою, Росмиру,
К одной тропинке отдаленной

От проторенного пути:
Моим ласкательствам внимая,
Она вошла в уют, сокрытый
Меж горных стен, куда для солнца
Сплетеньем листьев и ветвей,
Соединенных грубой силой,
Чтоб не сказать — любовной связью,
Был прекращен малейший доступ.
И чуть напечатлела след
Своею смертною стопою,
Чуть с ней вдвоем...

СЦЕНА 9-я

Арминда. — Те же.

Арминда

Курсио

Арминда

Курсио

Юлия

Арминда

Курсио

Арминда

Эусебио

Арминда

Курсио

Когда бесстрашье,
Что у тебя гнездится в сердце,
И опытность твоя, сеньор,
В почтенных зримая сединах,
Перед нагрянувшим несчастьем
Тебе в поддержке не откажут, —
Как испытание души,
Оно стоит перед тобою.

Что за причина заставляет
Тебя перерывать рассказ мой?

Сеньор...

Сомнением не мучь.
Кончай.

Чего же ты умолкла?

Быть голосом я не хотела б

Твоей беды, моих несчастий.

Ее узнать я не боюсь,
И ты о ней сказать не бойся.

Лисардо, моего владыку...

Лишь этого не доставало.

Пронзенного, всего в крови,
Четыре пастуха соседних
Несут (о, Боже!) на носилках,
Умершего. Идут. О, только
Теперь на труп ты не гляди!

О, небо! Столько злополучии
Для одного!

СЦЕНА 10-я

Хиль, Менга, Тирсо, Брас и Торибио несут на носилках мертвого Лисардо. — Те же.

Юлия

Арминда

Брас

Курсио

Тирсо

Курсио

Менга

Курсио

Хиль

Курсио

(К Юлии.)

Юлия

Курсио

(Уходят.)

Какой же силой
Нечеловеческой свирепость
Его пронзила прямо в грудь?
Какой рукою своевольной,
Разгневанной столь кротким нравом,
Моя излита кровь? О, горе!

Сеньора...

Нет, не подходи.

Назад.

Тебя покорно просим,
Не подходи.

Друзья, не может
Терпеть душа. О, дайте видеть
Мне этот бездыханный труп,
Руину времени, осколок
Звезды несчастной, лик зловещий
Моих печалей роковых.
Какой бездушный рок (о, сын, мой милый!)
Тебе велел предстать, как скорбный прах,
Чтоб ты нашел в моих сединах саван?
О, памятник, возникший на песках!
Скажите мне, друзья: кто был убийцей
Того, чья жизнь всегда была моей?

Вот скажет Хиль; когда его убили,
Он в рощице стоял среди ветвей.

Скажи, приятель, кто убил Лисардо?

А я не знаю; знаю лишь, что он

Назвался Эусебио при споре.

Могу ли я быть больше оскорблен?
Вдвойне я Эусебио ограблен;
Он отнял жизнь и честь.

Ну, что ж, готовь
Его желаньям буйным оправданье,
Скажи: вполне чиста его любовь,
Ведь он, за неимением бумаги,
Ее твоею кровью записал.

Сеньор...

Не отвечай мне, и сегодня ж
Поступишь в монастырь, как я сказал.
Не то готовься, что с Лисардо вместе
Во мгле могилы будешь роковой,
В один и тот же день вас хороню я:
Он мертвый в мире, в памяти живой,
Ты мертвая во мне, живая в мире.
Иду и замыкаю эту дверь,
Останься с мертвым, чтоб, при виде смерти,
Как умирать — узнала ты теперь.

СЦЕНА 11-я

Юлия; Лисардо, мертвый; Эусебио.

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

(Слышен шум, каждый уходит а свою сторону, входят несколько слуг и уносят тело.)

Тысячекратно собираюсь,
О, Эусебио жестокий,
С тобою говорить, но сердце
Тысячекратно не велит,
И прекращается дыханье,
И на устах слова смолкают.
О, я не знаю, я не знаю,
Как мне с тобою говорить:
Ко мне в одно и то же время
Приходит гнев и состраданье,
Горят в одно и то же время
Негодованье и любовь.
Глаза хотела бы закрыть я,

Чтобы не видеть этой крови,
Чтобы не знать, что цвет гвоздики[47]
Взывает к мщенью за себя:
И оправдать тебя хочу я,
При виде слез твоих, затем что
Глаза и раны, в нашей жизни —
Уста, которые не лгут.
В одной руке держа влеченье,
Другой рукой готовя кару,
Одновременно я хотела б
Тебя казнить и защищать.
И меж таких слепых сомнений,
И между помыслов столь сильных
Меня сражает милосердье

---

[47] Примечания: 47

Чтобы, не знать, что цвет гвоздики... - Во времена Кальдерона гвоздика была таким же модным цветком, как в наши дни орхидея. Она и до сих пор осталась любимым цветком испанок, в чем легко убедится, проходя по улицам Севильи или слушая народные песни. Привожу три песни из превосходного собрания Франсиско Родригеса Марина:

1.

2.

3.

Красная, красивая гвоздика,
Сорванная с каплями росы, -
Эти раскрасневшиеся губы

Не твои, теперь они мои.

Ты для меня - мой отдых,
Ты для меня - наслажденье,
Ты - аромат гвоздики,
Все, в чем мои владенья.

Приблизился месяц к заходу,
От кровель спускаются тени.
О, как мне расстаться с блаженством
Гвоздик позлащенных твоих! (К. Б.).

И побеждает боль тоски.
Так значит — так меня ты ищешь?
О, Эусебио, так значит —
Взамену нежности ты хочешь
Меня жестокостью пленить?
В то время как, на все решившись,
Ждала я моего венчанья,
Ты хочешь мне, в замену свадьбы,
Устроить пышность похорон!
Когда я для тебя в угоду
Перед отцом явилась дерзкой,
Ты для меня готовишь траур
В замену праздничных одежд!
Когда, поставив жизнь на карту,
Я наш восторг осуществила,
Ты вместо свадебного ложа
(О, небо!) мне готовишь гроб!
Когда, презрев преграды чести,
Тебе я руку предлагаю,
Ты мне протягиваешь руку,
Всю обагренную в крови!
Как буду я в твоих объятьях,

Когда, желая нашей страсти
Дать жизнь горячею любовью,
Я тотчас натолкнусь на смерть?
Что может мир сказать, узнавши,
Что предо мною постоянно,
Коли не облик оскорбленья,
Так тот, кто совершил его?
И если б силою забвенья
Я схоронить его желала,
Чуть обниму тебя, и память
Его мне тотчас возвратит.
Тогда невольно, если даже
Тебя я страстно обожаю,
Самозабвенные услады
Я в гневность мести превращу.
И как, скажи, душа могла бы
Жить в столь мучительном разладе,
Что каждый миг ждала бы кары
И не желала бы ее?
Довольно будет, если в память
Того, что я тебя любила,
Тебя прошу, но не надейся

Меня увидеть никогда.
Из этого окна ты можешь
Проникнуть в сад; беги, спасайся,
Чтобы отец мой, возвратившись,
Не мог тебя увидеть здесь.
Беги, здесь быть тебе опасно,
И, Эусебио, запомни,
Сегодня ты меня теряешь,
Раз потерять меня хотел.
Забудь меня, живи счастливо,
И не смущай свое блаженство,
И не плати за радость счастья
Ни огорченьем, ни тоской.
А я монашескую келью
Для жизни сделаю темницей
Или, быть может, даже гробом,
Чтоб волю выполнить отца.
Там я оплачу злополучья
Звезды такой немилосердной,
Судьбы такой бесчеловечной,
Влияния таких страстей,
Планеты, мне такой враждебной,

Созвездий, столь упрямо-буйных,
Любви настолько несчастливой,
Настолько низменной руки,
Что жизнь мою она убила
И не дала мне этим смерти,
Чтоб я всегда жила в печали
И умирала без конца.

Когда с жестокими словами
Жестокость рук ты сочетаешь,
Ты можешь отомстить немедля,
Я падаю к твоим ногам.
Смотри, я схвачен преступленьем,
Твоя любовь — моя темница,
Мои погрешности — оковы,
И сила помыслов — палач;
Когда твои глаза — мне судьи,
Мой приговор конечно смертный,
Но обо мне промолвит слава:
"Он умер, так как он любил".
Да, только в этом я преступник,
Что я люблю тебя; не буду
Себя оправдывать, чтоб грех мой

Не показался не грехом;
Лишь одного теперь желаю,
Убей меня и будь отмщенной,
Возьми кинжал, пронзи им сердце,
Которым ты оскорблена,
Исторгни дух, в тебя влюбленный,
Пролей потоки жгучей крови,
Тебе самой принадлежащей.
А если ты меня убить
Сама не хочешь, пусть для мщенья
Придет отец, пойду, скажу я
Ему, что я в твоем покое,
Пускай спешит.

Остановись!
В последний раз с тобою буду
Я говорить, и ты исполнишь
То, что скажу я.

Обещаю.

Итак, иди скорей туда,
Где жить ты можешь безопасно.
Есть у тебя и дом, и люди,

Чтоб защитить тебя.

Разумней
Мне было бы утратить жизнь.
Раз жив я буду, невозможно,
Чтобы тебя не обожал я,
И даже в келье монастырской
Не будешь безопасна ты.

Сумей сберечь себя, сумею
Хранить себя и я.

С тобою
Увижусь?

Нет.

И нет исхода?

Не жди его.

Уже меня
Ты ненавидишь?

Постараюсь
Все сделать, чтобы ненавидеть.

Меня забудешь ты?

Не знаю.

Тебя увижу?

Никогда.

Но наше прошлое блаженство?..

Но эта кровь передо мною?..
Ты слышишь: дверь сейчас откроют.
Иди скорей.

Лишь для тебя.
И не увижусь я с тобою!

И не увидишь ты меня!

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Гора.

Рикардо, Селио, Эусебио, одетые бандитами, с мушкетами[48].

---

[48] Примечания: 48

Личность была не обеспечена в правосудии при господствовавших в старой Испании порядках. Личный самосуд был явлением распространенным, и разбойничество являлось нередко неизбежностью для тех, кто и не имел к этому особого расположения. Эта бытовая черта превосходно выражена Аларконом в драме "Сеговийский ткач" и Кальдероном в драме "Луис Перес Галисиец" (по К. Б.).

(За сценой слышен выстрел.)

Рикардо

Селио

Эусебио

Рикардо

(Рикардо и Селио уходят.)

Эусебио

Ударил в грудь ему свинец жестокий.

Свирепейший удар запечатлел
Трагедию — его горячей кровью,
Излитой на цветы.

Его удел
Свершился. Крест над ним скорей поставьте.
Да не казнит Господь грехи его!

Разбойникам не чуждо милосердье.

И если воля рока моего —
Чтоб стал я предводителем бандитов,
Пусть будут преступления мои,
Как и мои страданья, бесконечны.

В свирепости, в каком-то забытьи,
Они меня преследуют, — но я ведь
Лисардо не изменою убил;
И вот казнить я должен столько жизней,
Чтоб только сам живым и сытым был.
Имущества они меня лишили,
Мои все виллы забраны в казну,
И даже мне отказывают в пище.
Так каждому я голову сверну,
Кто подойдет сюда к уступам горным.

СЦЕНА 2-я

Рикардо, бандиты; Альберта, схваченный ими. — Эусебио.

Рикардо

Эусебио

Рикардо

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

(Альберто уходит с Рикардо и с разбойниками.)

Я посмотреть на рану пожелал,
И нечто необычное увидел.

Рассказывай.

Он на груди держал
Вот эту книгу; об нее-то пуля
Расплющилась, и, чувств лишившись, он

Оправился. Он здесь перед тобою.

Ужаснут я и вместе восхищен,
Скажи мне, досточтимый старец, кто ты,
Что небо, в благосклонности своей,
В твоем лице свое явило чудо?

Счастливейший я между всех людей:
Служителем быть Церкви удостоен,
Хоть чести я не заслужил такой;
И сорок лет в Болонье неусыпно
Учил я теологии святой.
Святейшеству Его, за это рвенье,
Меня угодно было наградить:
Святой Отец, как дар благой, изволил
Мне Трентское епископство вручить;
Дивясь, что у меня на попеченьи
Так много душ, свою же я забыл,
Я лавры бросил, я от пальм отрекся,
Я от мирских обманов отступил,
Ушел искать уроков достоверных,
Спасающих от ложного, — и вот
Я прохожу по сим местам пустынным,

Где правда обнаженная живет.
Я в Рим иду, чтоб Папа мне позволил
Отшельнический орден основать.
Но ты, как вижу, хочешь дерзновенно
Нить жизни недоконченной порвать.

Поведай мне, какая это книга?

А это плод, который я извлек
Из стольких лет занятий неусыпных.

Какой же в ней содержится урок?

История таинственного древа,
На коем, без боязни умерев,
Над смертью одержал Христос победу,
И усмирил ее свирепый гнев:
Правдивейший рассказ об этом древе.
Названье книги — "Чудеса Креста".

Свинец послушней воска оказался,
Не тронул ни единого листа,
И благо. Да угодно будет Богу
Чтоб, прежде чем листы ее пробить,
Удар мой, на меня же обратившись,
Мне руку поспешил испепелить!

Бери одежду, деньги, без помехи
Живи; лишь эту книгу я возьму.
А вы его подите проводите.

Иду и вознесу мольбы к Тому,
Кто видит все. Да озарит твой разум,
Чтоб ты свою ошибку увидал!

Коль блага мне воистину желаешь,
Молись, чтоб Он покаяться мне дал,
Пред тем как я умру.

Я обещаю,
Что в этом буду я Его слугой.
И так твоим я тронут милосердьем,
Что где б ты ни был, но в нужде такой,
В миг смерти, брошу я свою пустыню,
И ты найдешь во мне духовника:
Священник я, меня зовут Альберто.

Даешь мне слово?

Вот моя рука.

Вторично я твои целую ноги.

СЦЕНА 3-я

Чилиндрина. — Эусебио.

Чилиндрина

Эусебио

Чилиндрина

Эусебио

Чилиндрина

Эусебио

Чилиндрина

Эусебио

Чилиндрина

Эусебио

Чилиндрина

Эусебио

(В сторону.)

Чилиндрина

(Уходит.)

Эусебио

Всю гору я прошел, спеша к тебе.

Что нового, приятель?

Два известья,
Дурные оба.

В страхе и в борьбе
Дрожит душа. Ну, говори.

Во-первых,
(Об этом я хотел бы умолчать)
Отцу Лисардо дали порученье...

Ну, говори.

Тебя убить иль взять.

Другая весть меня пугает больше.
Смущаясь и стремительно спеша,
В предчувствии каких-то бед грядущих,
Идет как будто к сердцу вся душа.
Ну?

Юлия...

В предчувствии несчастий

Не обманулся я, коль свой рассказ
Упоминаньем Юлии ты начал.
Вот, я печален. О, не в добрый час
Я полюбил ее!.. Но продолжай же.

Она в монастыре.

Еще удар!
Нет больше сил. Так страшно небо мстит мне
За краткий свет надежд, за сладость чар,
Погибших, прежде чем я испытал их.
Я к небу должен ревностью пылать,
Раз для него она меня бросает.
Но, чтобы жить, я должен убивать,
Чтоб не погибнуть, должен дерзко грабить.
Так я не буду хуже, чем я был.
Пускай же в пропасть замыслы сорвутся,
Когда мой разум в пропасти вступил.
Где Селио? Рикардо? Позови их.

(Любя, сгораю!)

Я иду.

Скорей.
Я жду их здесь. — О, Юлия, тебя я
Найду, как вор, в обители твоей!
И никакая кара не страшна мне;
Чтоб овладеть такою красотой,
Любовь меня как деспот принуждает
Ворваться в тишь обители святой,
Проникнуть силой в сумрачную келью.
Отчаянье владеет мной теперь,
И если бы любовь мне не велела
Найти твою замкнувшуюся дверь,
И если бы она была бессильна
Такие дерзновенья мне внушить,
Я их свершил бы лишь затем, чтоб сразу
Так много преступлений совершить.

СЦЕНА 4-я

Хиль, Менга. — Эусебио.

Менга

Хиль

Менга

Хиль

(Замечают Эусебио.)

Менга (к Эусебио)

Хиль

Эусебио (в сторону)

Хиль

Эусебио (в сторону)

Хиль

Менга

И что же делать мне, несчастной,
Коль повстречаем мы его?

А я-то, Менга, здесь зачем же?
Крепись; не бойся ничего,
А если встретим атамана,
Со мной праща и петля есть.

Боюсь я, Хиль, его злодейства.
Что если посягнет на честь?
Забыл, что с Сильвией случилось,

Когда она сюда зашла?
Девицею вошла в ущелье
И женщиной домой пошла.
Подумать, ужасти какие!

Случиться может и со мной:
Я юношей вхожу в ущелье,
А как же я приду домой?

Ай, ай, сеньор, тебя погубит
Здесь Эусебио!

Сеньор,
В опасные места зашел ты,
Здесь может повстречаться вор.

Они, как вижу, не узнали,
Отлично.

Ищешь смерти? Нет?

(Ишь мужичье!) — Чем заплатить вам
Могу я за такой совет?

Лишь тем, что избежишь злодея.

Кто в руки попадет к нему,
Хоть и противиться не будет,

Пиши прощай, конец ему.
Убьет, и крест над ним поставит,
И грех свой, дескать, искупил.
Подумаешь, какая милость
Тому, кого он сам убил!

СЦЕНА 5-я

Рикардо, Селио. — Те же.

Рикардо

Селио

Хиль (к Эусебио)

Рикардо

Хиль

Менга

Эусебио

Менга

Хиль

Селио

Эусебио

Рикардо

Эусебио

(К бандитам.)

Рикардо

Селио

Хиль

Менга

Хиль

Селио

Эусебио

(Уходят.)

Он здесь был?

Да.

Беги! Разбойник!

Ты, Эусебио, нас звал?

Как, Эусебио сказал он?

Да.

Разве вас я обижал?
Что ж вы молчите? Отвечайте.

Ну, Хиль, где петля? Где праща?

Где черт? Чтобы тебя побрал он!

Когда сейчас, тебя ища,
Мы шли сюда, с высот я видел,
Внизу, на зелени лугов,
Идет отряд к уступам горным
Вооруженных мужиков.
Так Курсио осуществляет
Свою замысленную месть.
Сбери людей, реши, что делать,
Бежим, покуда время есть.

Бежать теперь необходимо,
Работа на ночь есть у нас.
Со мною оба отправляйтесь,
Я выбрал вас на этот раз
И честь свою вам доверяю.

Ее я свято сберегу.

Я жизнь дарую вам, крестьяне.
Два слова моему врагу
Вы от меня передадите:
Скажите Курсио, что я

С толпою храбрецов живу здесь,
И шайка велика моя;
Но я себя лишь защищаю,
Его не думал убивать,
И он причины не имеет
Меня с оружием искать.
Я без предательства, без козней,
Лисардо умертвил в бою,
Лицом к лицу мы с ним сразились,
И перед тем как жизнь свою
Он кончил, сам его отнес я,
На собственных своих руках,
Туда, где мог он с сокрушеньем
В своих покаяться грехах;
Меня бы должен уважать он
За это; если ж хочет мстить,
Пусть он узнает, что себя я
Всегда сумею защитить.

И чтоб они не увидали,
Куда теперь идти хотим,
Привяжем их к стволам деревьев,
Да и глаза завяжем им.

Вот и веревка.

Ну, скорее.

Я как святой Себастиан[49].

Я как святая Себастьяна.
Но раз такой удел нам дан,
Вяжи меня, вяжи, как хочешь,
Но лишь меня не убивай.

Меня не тронь; коль убегу я,
Меня распутным называй.
Клянись и ты скорее, Менга,
Такой же клятвой перед ним.

Привязаны.

Без промедлений
Мой замысел осуществим.
Уж ночь идет в покрове черном,
Гася огонь дневных лучей.
Пусть ты хранима самым небом,
Ты будешь, Юлия, моей!

---

[49] Примечания: 49

Святой Себастиан, привязанный к дереву и пронзенный стрелами, - один из самых распространенных сюжетов, тысячу раз повторявшийся в итальянской и испанской живописи (К. Б.).

СЦЕНА 6-я

Хиль, Менга, привязанные.

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Голос (за сценой)

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Ну, Менга, в этом положеньи
Теперь кто б ни увидел нас,
Конечно, тотчас же он скажет,

Что Перальвильо — здесь как раз[50].

Никак не стронуться мне с места,
Ты, Хиль, иди скорей сюда.

Ты, Менга, развяжи мне узел,
Я отвяжу тебя тогда.

Иди сперва ты, надоедный.

Ну, что ж, придет ли кто-нибудь?
Готов я об заклад побиться,
Что если тут проезжий путь,
Погонщик здесь мулов быть должен,
Что звонко песенку поет,
Иль путник, что проходит — клянча,
Или студент — набивши рот,
Или святоша — умоляя,
Чтобы на церковь дали ей[51],

---

[50] Примечания: 50

Что Перальвильо - здесь как раз. - Перальвильо - местечко близ Сиудад-Родриго, где "Святое Братство" инквизиции вешало преступников, захваченных на месте преступления (по К. Б.).

[51] Примечания: 51

Или святоша - умоляя,// Чтобы на церковь дали ей... - По-испански santera - это женщина, собирающая для святого какой-нибудь пустыни. Она ходит по окрестностям, неся образ святого, который подносит для поклонения и просит на содержание пустыни подношение.

А если никого здесь нету,
Уж тут не без вины моей.

Здесь говорят. Сюда, живее.

Прошу покорно, в добрый час.
Я тут запутался в сомненьях,
Вы разрешите их как раз.

Коли вы ищите веревки,
Я награжу вас тотчас ей.

Моя веревка будет толще,
Ко мне пожалуйте скорей.

Я женщина, мне помогите,
От страха я едва жива.

Тут, брат, любезности не к месту,
Меня развязывай сперва.

СЦЕНА 7-я

Курсио, Октавио, Брас, Тирсо, солдаты. — Хиль, Менга.

Тирсо

Хиль

Тирсо

Хиль

Курсио

Менга

Курсио

Хиль

Тирсо

Брас

Хиль

Тирсо

Хиль

Брас

Тирсо

Курсио

Менга

Хиль

Октавио

Курсио (в сторону)

Октавио

Курсио

Октавио

Брас

Тирсо

Хиль

(Все уходят, кроме Курсио)

Вот где-то здесь я слышал голос.

Чтобы тебе погибнуть!

Вот!
Что это значит, Хиль?

То значит,
Что дьявол всюду стережет.
Развязывай меня сначала,
Потом услышишь мой рассказ.

Что здесь случилось?

А случилось,
Что ты приходишь в добрый час,
Чтобы изменник был наказан.

Да кто же так вас привязал?

Кто? Эусебио, конечно,
И он при этом нам сказал...
Но что сказал он, я не знаю.
Скрутил он нас. Нет больше сил.

Ну, ну, не плачь: еще с тобою
Себя он кротким объявил.

Тебя ничем он не обидел,
Ты с Менгою не разлучен.

Ай, Тирсо, я совсем не плачу
О том, что был не кроток он.

О чем же плачешь? Расскажи нам.

О чем теперь я плачу? Ну,
О том, что с Менгой я остался.
Как у Антона-то жену
Похитил он, ты помнишь, было?
Ну, думаем, пришла беда;
Дней шесть прошло, и возвратилась,
Повеселились мы тогда,
Пожертвовал он сто реалов.

А Бартоло как повезло?

Он с Каталиной повенчался,
И вот, полгода не прошло,
Как родила: ты посмотрел бы,
Каким он гусем стал гулять:
Что в девять месяцев другая,
Моя, мол, успевает в пять.

Пока он жив, нет больше чести.

И это должен слышать я
Про бессердечного тирана?
Сколь велика беда моя!

Подумай, как его погубим,
И ежели прикажешь нам,
Мы, женщины, возьмем оружье,
За ним пойдем мы по следам.

Что здесь он, в этом нет сомненья:
Весь этот длинный ряд крестов
Поставлен им самим над теми,
Кто превращен им в мертвецов.

Во всех горах нет глуше места.

И здесь как раз о, небеса!

Невинность мне и непорочность
Свои явили чудеса,
А я сомненьями преступно
На красоту их посягал,
Меж тем как облик светлой правды
Во всем величьи мне предстал.

Сеньор, какою новой страстью
Твое мечтанье смущено?

Октавио, меня смущает
Воспоминание одно;
И так как не хочу в словах я
Мой обнародовать позор,
К моим глазам он подступает
И затуманивает взор.
Пусть все меня пока оставят,
И там помедлят на пути,
Чтоб я один пред небесами
С собою тяжбу мог вести.

Тяжел твой вздох. Идем, ребята.

Что говоришь?

Сказал он: вздох?

Не расслыхали приказанья?
Пойдемте-ка поищем блох.

СЦЕНА 8-я

Курсио

С кем не случалось, чтобы в горе
Он не ушел в уединенье,
И сам собой не утешался,
Не доверяясь никому?
Меня в одно и то же время
Так много мыслей угнетает,
Что с морем я и с ветром спорю,
Вздыхая и в слезах скорбя.
И в этой местности безлюдной,
В безмолвии, сам друг с собою,
Хочу развлечь мои страданья
Воспоминаньем лучших дней.
Пусть ни источники, ни птицы
Свидетелями мне не будут:
Бегут источники с журчаньем,
И есть язык у вольных птиц.

Я не хочу иных собратьев,
Как эти сумрачные ивы:
Они внимают и не помнят,
И значит могут умолчать.
Вот в этом месте разыгралась
Трагедия ревнивой страсти
И чистоты, пример которой
Лишь может древность указать.
Но кто освободиться может
От подозрений, при которых
Обманной кажется и правда?
Я знаю, ревность — смерть любви.
Ни для кого у ней пощады
Найтись не может; ни смиренный,
Ни строгий от нее не скрыты.
Так в этом месте, между гор,
Я и Росмира... Чуть припомню,
И вся душа моя трепещет,
И пресекается мой голос:
Здесь нет ни одного цветка,
Который бы не встал упреком,
Здесь каждый лист меня пугает,

И каждый камень изумляет,
И каждый ствол наводит страх,
И каждая гора грозит мне,
И каждый склон встает, как бремя;
И все свидетельствуют вкупе
О деле низменном моем.
Я вынул шпагу, но при этом
Она нисколько не смутилась:
В опасностях любви — невинный
Ни разу трусом не бывал.
"Остановись, — она сказала, —
Не говорю тебе, супруг мой,
Не убивай меня, — о, если
Меня ты хочешь умертвить,
Могу ль отказывать я в жизни,
Которая — твоя всецело?
Скажи лишь, почему так хочешь,
И дай в последний раз обнять".
Я отвечал: "Ты, как ехидна,
Того теперь во чреве носишь,
Кто умертвит тебя; довольно
Он указует на тебя.

Но прежде чем его увидишь
И прежде чем родишь бесславно,
Я буду твой палач, решаюсь
Тебя и ангела убить".
"О, если, — мне она сказала,
Супруг мой, если ты подумал,
Что изменить тебе могла я,
Меня немедленно убей.
Но этот Крест я обнимаю".
Она сказала, а пред нею
Был Крест. "Пусть будет он свидетель,
Пусть будет он защитник мой,
Тебя ни в чем я не умела
Ни оскорбить, ни опорочить".
Я помню, полный угрызений,
Хотел я броситься тогда
К ее ногам: я видел ясно
Во всем лице ее невинность.
Пусть кто замыслил злодеянье,
Сперва обдумает его:
Когда себя он обнаружил,
Хотя б исправиться желал он, —

Чтоб показать, что есть причина,
Он будет увлечен вперед.
И я, не потому, чтоб думал,
Что оправданье не правдиво,
Но для того, чтоб было цельным
То преступление мое,
Разгневанную поднял руку
И тысячу ударов смертных
По всем нанес я направленьям,
Но только воздух поразил.
Как мертвую, ее оставил
Я у Креста; спастись желая,
Домой направился — и что же —
Я дома нахожу ее, —
Светлей, чем радостное утро,
Когда заря выходит к миру,
И держит, как ребенка, солнце
На ласковых своих руках.
Держала Юлию Росмира,
Божественно-прекрасный образ,
Дышавший нежной чистотою:
(Какое счастие могло

С моим сравниться?) в этот вечер
Она родилась у подножья
Креста; и чтобы мир увидел,
Какое чудо Бог явил,
Ребенок был отмечен знаком
Неизъяснимого блаженства,
Отмечен посредине груди
Крестом из крови и огня.
Но горе мне! такое счастье
Отравлено сознаньем было,
Что, бесприютное, осталось
Другое существо в горах;
Средь мук, таких неумолимых,
Она почувствовала ясно,
Что у нее родилось двое;
И я тогда...

СЦЕНА 9-я

Октавио. — Курсио.

Октавио

Курсио

(Уходят.)

Идет отряд
Бандитов через ту долину;
Пред тем как ночь во тьме замкнется,
Спуститься нужно к ним навстречу,
А то гора известна им,
А нам неведомы ущелья.

Идемте ж все сомкнутым строем;
Я до тех пор не успокоюсь,
Пока ему не отомщу.

СЦЕНА 10-я

Внешний вид монастыря.

Эусебио, Рикардо, Селио, с лестницей.

Рикардо

Эусебио

Рикардо

Селио

Эусебио

Рикардо

Эусебио

Селио

Эусебио

(Поднимается по лестнице и уходит.)

Селио

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

(Уходят.)

Ставь лестницу, вот здесь, тихонько;
Не отставай же от меня.

Икаром буду я без крыльев,
И Фаэтоном без огня.
Взобраться я хочу до солнца,
И если мне поможет луч,
Я перейду за свод небесный.
Любовью сильной — я могуч.
Вы тотчас лестницу возьмите,
Как поднимусь; я дам вам знак,

Когда ее опять поставить.
Кто, воспарив, не мог никак
С высот заветных не сорваться,
Пусть воспарит и вниз падет:
Вся боль паденья не уменьшит
Миг созерцания высот.

Чего ж ты ждешь?

Какою силой
Ты, столь надменный, вдруг смущен?

Так вы не видите, что пламя
Грозится мне со всех сторон?

Сеньор, то привиденья страха.

Я страх[52]*?*

Всходи.

Хоть у меня
Глаза от пламени ослепли,
Но я пойду среди огня,
Пусть целый ад встает преградой.

---

[52] Примечания: 52

Я страх? - отличительная черта испанского характера - безрассудная смелость. Ср. в драме Тирсо де Молины "Севильский озорник, или Каменный гость", Дон Хуан восклицает "Yo temor?" (acto III, esc. 21) (К. Б.).

Взошел.

Какой-то тенью сна,
Фантазией, созданьем мысли
Его душа устрашена.

Отнимем лестницу.

Придется
Нам дожидаться до зари.

А все-таки туда взобраться
Есть храбрость, что ни говори.
Хоть мне, скажу тебе по правде,
С моей крестьянкой сладким сном
Упиться было бы желанней;
Но будет время и потом.

СЦЕНА 11-я

Келья Юлии.

Эусебио; Юлия, в постели.

Эусебио

(Отдергивает занавеску и видит спящую Юлию.)

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

(Уходят.)

Никем не видим и не слышим,
Влеком таинственной судьбой,
Весь монастырь, глубоко спящий,
Я обошел, окутан тьмой.
Я был у многих-многих келий,
В их двери узкие глядел,

Но Юлии нигде не видел,
И здесь моей мечте предел.
О, вечно лживые надежды,
Куда ж влечете вы меня?
Какое мертвое молчанье!
Но вижу слабый свет огня
Средь этой темноты зловещей.
Здесь келья тесная, и в ней
Я вижу Юлию. Так что же?

Не хватит храбрости моей,
Чтоб с ней заговорить? Я медлю!
Пред чем дрожит моя любовь?
Едва, смущенный, стану смелым,
Как, смелый, я смущаюсь вновь.
В смиренном этом одеяньи
Вдвойне волшебна красота:
О, если женщина красива,
Она стыдлива и чиста.
Ее пленительные чары,
Своею странностью маня, —
Предмет моей любви, — влияют
Непостижимо на меня:

Во мне в одно и то же время
Хотения любви зажглись,
И жажда чар, и стыд, и жалость.
О, Юлия, проснись, проснись!

Кто звал меня? Но что я вижу?
Ты тень желанья моего?
Тень мысли?

Так тебя пугаю?

Но кто ж от вида твоего
Не убежит?

Постой, помедли!

Чего ты хочешь в этот час,
О, призрак мысли повторенной,
Обманный, верный лишь для глаз?
Ты голос ли воображенья?
Ты заблуждений образец?
Рождение холодной ночи?
Мой сон? Мой призрак, наконец?

Я Эусебио, к тебе я
Пришел, о, Юлия, любя;

Когда б я был твоею мыслью,
Я был бы вечно близ тебя.

Тебя я слышу, понимаю,
Мой стыд тобою оскорблен,
Действительный, ты мне ужасней,
Чем если б ты был только сон.
Где я, рыдая, умираю,
Где доживая, я грущу,
Чего ты хочешь? Вся дрожу я!
Чего ты ищешь? Трепещу!
Что ты задумал? Умираю!
Что ты замыслил? Гасну вновь!
Как ты сюда дерзнул проникнуть?

Вся из чрезмерностей — любовь.
Моя тоска, моя суровость
Владеют нынче мной вполне:
Пока сюда ты не сокрылась,
Я жил, я мучился вдвойне,
Но я надеялся; когда же
Я красоты твоей лишен,
Я посягаю на обитель,

Топчу монашеский закон.
С тобою мы оба виноваты —
В чем есть вина, иль нет вины;
Две крайности, любовь и сила,
Во мне судьбою сплетены.
Не может небо оскорбиться,
Что жаждой полон я одной:
Пред тем как поступить в обитель,
Ты втайне стала мне женой;
В одном не может сочетаться
Обет монашеский и брак.

От счастья наших уз любовных
Отречься мне нельзя никак.
Слиянье было неизбежным
Двух наших чаяний в одно,
Я назвала тебя супругом,
И это было суждено;
Но здесь я стала инокиней,
Супругой сделалась Христа,
Ему дала навеки слово,
И я теперь его, не та,
Не прежняя. Чего ты хочешь?

Иди и погибай один,
Служи на изумленье миру,
Свирепый, убивай мужчин,
Насилуй девушек и женщин,
Но только от меня не жди
Плодов любви твоей безумной,
Здесь место свято, уходи.

Чем более твоя защита,
Тем более тебя хочу.
Я посягнул на эти стены,
Я брошен ветром, я лечу.
Влиянье высшей скрытой силы,
А не любовь владеет мной;
Исполни же мое желанье,
Не то, порвавши мрак ночной,
Я возвещу, что позвала ты
Меня сама, что много дней
Меня держала тайно в келье:
И так как твердостью своей
Меня в отчаянье ты ввергла,
Я закричу, и пусть...

Постой,
Подумай... (Горе мне!) Я слышу,
Сюда идут. Во тьме ночной
На хорах кто-то шевелится.
О, небеса! Что предпринять?
Чуть страх один меня покинет,
Как новый страх встает опять.
Запри скорее эту келью!
Вся в трепете, в испуге я.

О, как любовь моя могуча!

О, как строга звезда моя!

СЦЕНА 12-я

Внешний вид монастыря.

Рикардо, Селио.

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

Рикардо

Селио

Уж три часа, замедлил сильно.

Рикардо, кто блаженство пьет,
Тот никогда во мраке ночи
Рассвета ясного не ждет.
Ему наверно показалось,
Готов побиться об заклад,
Что солнце никогда так рано
Не надевало свой наряд.

Всегда светает слишком рано
Для тех, кто хочет; для того,
Кто насладился, слишком поздно;
Тут не изменишь ничего:
Кто ждет одно, кто ждет другое.

Ну, он-то, думаю, не ждет,
Чтобы восток скорей зажегся.

Уж два часа.

И напролет
Всю ночь пробудет, а не скажет,
Что два часа.

Пожалуй так:
Пока мы тут часы считаем,
Он не припомнит их никак
И наслаждается.

А знаешь,
Рикардо, я подумал что?
Ведь Юлия его призвала.

Еще бы. Так, без зова, кто
Забраться в монастырь посмеет?

Какой-то шум. Ты слышишь?

Да.

Выходит и спуститься хочет.
Приставим лестницу сюда.

СЦЕНА 13-я

Юлия, Эусебио, у окна. — Рикардо, Селио.

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

(Спускается.)

(Падает.)

Рикардо

Эусебио

(Он поднимается, и все трое они уходят, оставляя лестницу.)

Прочь, женщина!

Итак, когда я,
Твоим желаниям поддавшись,

Твоей печалью соблазнившись,
К твоим мольбам свой слух склонив.
Растрогана твоим рыданьем,
Двояко Бога оскорбила,
Как Господа и как супруга,
Ты от меня стремишься прочь,
С презрением непоправимым,
Гнушаясь мной до обладанья!
Куда ж из рук моих ты рвешься?

О, Женщина, оставь меня!
Чего ты хочешь? Не могу я
Не рваться прочь, когда увидел
В твоих объятьях знак чудесный
Каких-то божеских примет,
Из глаз твоих огни струятся,
В твоем дыханьи слышу пламя,
Твой каждый довод — жгучий кратер,
И каждый волос — как гроза,
В твоих словах — я смерть встречаю,
И в каждой ласке — ад разъятый;
Так устрашен я крестным знаком,
Который грудь твою хранит.

То было знаменьем чудесным,
И небеса да не допустят,
Чтоб я, хоть столь их оскорбляю,
Забыл почтение к Кресту,
Когда он будет мною сделан
Свидетелем моих падений,
Как позову его на помощь,
Как призову, не устыдясь?
Нет, Юлия, будь инокиней:
Нет, я тебя не презираю,
Тебя люблю теперь сильнее.

Останься, Эусебио.

Вот лестница.

Постой, останься,
Или возьми меня с собою.

Нельзя.

Блаженства не вкусивши,
Которого я столько ждал,
Тебя навеки покидаю.

О, Господи, не дай погибнуть!

Я падаю.

Что там случилось?

Не видите, что в высоте
Исполнен жгучих молний ветер?
Не видите, что в пятнах крови
Нависло небо надо мною?
Куда ж укрыться я могу,
Когда разгневается небо?
О, Крест божественный, отныне,
Перед тобою преклоняясь,
Даю торжественный обет,
Что я без всяких оговорок
Везде, где я тебя увижу,
Прочту, в мольбе,
Упавши на землю пред тобой!

СЦЕНА 14-я

Юлия (у окна)

(Спускается по лестнице.)

(Прячется.)

Я вся в тревоге, вся в смущеньи.
Так это-то, неблагодарный,
Твоя обещанная твердость?
Так это крайности любви?
Или моей любви тут крайность?
Угрозами, тоской, мольбами,
То как насильник, то как нежный,
Ты все настаивал, пока
Не победил меня; но только
Сумел назваться полновластным
И над собой и надо мною,
Как пред победою бежал.
Кто побеждал, спасаясь бегством,
Кто, как не ты? Я умираю!
О, небо! Для чего природа,
Чтоб убивать, рождает яд,
Когда на свете есть презренье?
Оно меня лишает жизни;
И в пытке снова я желаю
Того, пред чем презренна я.
Кто знал столь странное влиянье
Любви? Когда в слезах, с мученьем,

Он умолял, я отвергала;
Когда он бросил, я молю.
Так вот мы, женщины, какие,
Мы против собственных желаний,
Любя, тому, кого мы любим,
Упиться счастьем не даем.
Пусть нас никто не любит слишком,
Когда достичь награды хочет:
Любимые, мы презираем,
Отвергнутые, любим мы.
Не больно мне, что он не любит,
А больно, что меня он бросил.
Он здесь упал, за ним я кинусь.
Но это лестница? О, да!
Какое страшное мечтанье!
Остановись, воображенье,
Не устремляй меня с обрывов;
Раз я с тобою соглашусь,
Я совершаю преступленье.
Но Эусебио влюбленный
Не для меня ль сюда ворвался?
И не было ли сладко мне

Из-за себя его увидеть
В такой опасности? Так что же
Я сомневаюсь? Что ж колеблюсь?
Уйдя, я то же совершу,
Что сделал он, сюда вступая:
И раз одно с другим сравнится,
Он будет рад, меня увидя
В опасности из-за него.
Согласие ему давая,
Я тот же самый грех свершила;
Зачем же счастье будет меньше,
Когда вина так велика?
Когда согласье я давала,
И Бог свою десницу отнял,
Моя вина не прощена ли?
Чего ж должна еще я ждать?

Нет больше в сердце уваженья
Ни к миру, ни к стыду, ни к Богу,
Когда с закрытыми глазами
Иду к великой слепоте.
Я ангел, павший с высей неба,
Я демон, потому что, павши,

Раскаянья не ощущаю,
Хоть нет надежд вернуться ввысь.
Уже стою я вне святыни,
И мертвое молчанье ночи,
Меня окутывая мраком,
Тревожит ужасом мечту.
Настолько путь затянут тьмою,
Что я о сумрак спотыкаюсь
И, падая, не замечаю,
Что я в объятиях греха.
Куда иду? Чего хочу я?
Боюсь, что в смуте этих страхов
Восстанет каждый волос дыбом
И возмутится кровь моя.
Воображение в тревоге
Рождает в воздухе виденья,
И голос эхо глухо вторит
Неумолимый приговор.
То преступление, что прежде
Меня соделало надменной,
Меня не возбуждает больше
И заставляет трепетать.

Едва передвигаю ноги,
Они стеснились кандалами,
И на плечах я слышу тяжесть,
Она мучительно гнетет;
И вся я точно льдом покрыта,
Я не хочу идти отсюда,
Я в монастырь хочу вернуться
И замолить свой страшный грех;
Я верю в милосердье Бога,
Нет стольких звезд на небе дальнем,
Нет у морей песчинок стольких,
Нет стольких атомов в ветрах,
Что, если б сочетать их вместе,
Они не были бы ничтожны
Перед числом грехов, которым
Сумеет дать прощенье Бог.
Сюда идут, я слышу шорох,
Я спрячусь здесь, чтоб не видали
Меня прохожие, и после
Немедленно вернусь наверх.

СЦЕНА 15-я

Рикардо, Селио. — Юлия, спрятавшаяся так, что ей их не видно.

Рикардо

(Берут лестницу и уходят; Юлия возвращается туда, где была лестница.)

Юлия

Так Эусебио, упавши,
Испуган был, что мы забыли
Здесь лестницу, а день уж близко,
Пойдем, возьмем ее скорей.

Ушли: теперь могу подняться.
Нет никого. Но что же это?
Ведь лестница была у этой
Стены? Но нет, она вон там.
Но нет и там. О, силы неба!
Как без нее смогу подняться?
Но я несчастье понимаю:
Мне небом прегражден возврат.

Раскаявшись, хочу подняться,
И не могу. Нет милосердья.
Мне в нем отказано. Так пусть же
В отчаяньи я совершу,
Как женщина, дела такие,
Что небеса им изумятся,
Века, и мир, и грех смутятся,
И устрашится самый ад.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Гора.

Хиль, с множеством крестов и с одним очень большим на груди.

Хиль

Велела Менга дров достать мне,
Я на гору сюда пришел,
А чтоб опасности избегнуть,
Такую штуку изобрел:
Наш Эусебио, я слышал,
Благоговеет пред Крестом.

Что ж, с ног до головы прикроюсь,
И значит по дрова пойдем.
Сказал и сделал: тут как тут он.
Нигде я места не найду,
Где безопасность достоверна;
Нырнул в кусты, дрожу и жду.
Ну, этот раз меня не видел,
Пока пройдет, побуду тут.
В терновнике укрыться можно.
Ай, ай! колючки так и жгут.
Спаси, Создатель! Так и колют,
Сильнее, чем презренье той,
Кто всех мужчин к себе пускает,
Сильней, чем ежели какой
Глупец вас ревностью ужалит.

СЦЕНА 2-я

Эусебио. — Хиль, спрятавшийся.

Эусебио

Хиль (в сторону)

Эусебио

Хиль (в сторону)

Эусебио

Хиль

Эусебио

Хиль

Эусебио

Хиль

Эусебио (в сторону)

Хиль

Эусебио

Не знаю я, куда идти:
Как долги дни того, кто грустен;
И смерть не встретишь на пути,
Когда тяжка дорога жизни.
Ты, Юлия, была моей,
Я был в твоих объятьях нежных,
И силу ласковых цепей
Могла любовь из них соделать,
Но я, блаженства не познав,
Бежал от этих чар волшебных;

И все ж я пред тобою прав:
Не я причина перемены,
Я не в себе ее носил,
Моею волей овладело
Влияние сокрытых сил;
Мне что-то высшее велело
Крест на груди твоей почтить,
И я с таким Крестом родился;
Связующая эта нить,
О, Юлия, ведет нас к тайне,
Ее лишь Бог один поймет.

Нет, больше я терпеть не в силах,
Терновник рвет, терновник жжет.

Кто там? Меж веток кто-то скрылся.

Не выгорело ничего.

Тут кто-то к дереву привязан,
И Крест на шее у него:
Согласно моему обету,
Молитву должен я свершить.

Ты, Эусебио, кому же
Здесь молишься, позволь спросить.

Коль мне, зачем меня ты вяжешь?
Коль вяжешь, молишься зачем?

Кто ты?

И Хиля не признаешь!
Я тут стоял и глух, и нем,
С тех пор как ты меня оставил;
Сперва кричал, не помогло,
Никто не поспешил на помощь
И не услышал, как назло.

Но я тебя не здесь оставил.

Сказать по совести, сеньор,
Ты правду говоришь, но, видя,
Что я один меж этих гор,
Как был привязанным, так прямо
Я от ствола к стволу и шел,
И этаким манером значит
До этих самых мест добрел.

(Он Дурачок, и при расспросах
Пригоден будет он для нас.)
Тебя я помню, Хиль, с тех пор как
Тебя я видел в первый раз.

Так будем же вперед друзьями.

Друзьями? Ладно. И тогда
К себе туда уж не пойду я,
А значит перейду сюда.
Давай разбойничать[53]*; я слышал,*
Здесь, что ни день, то пир горой;
Не то что целый год работать.

Так оставайся здесь со мной.

СЦЕНА 3-я

Рикардо, бандиты; Юлия, одетая в мужскую одежду, лицо у нее закрыто. — Эусебио, Хиль.

Рикардо

Эусебио

Рикардо

Хиль

Эусебио

---

[53] Примечания: 53

Давай разбойничать... - В оригинале вместо bandeieros (разбойники) Хиль говорит bunderos - продавцы оладий.

Селио

Хиль (в сторону)

Эусебио

Рикардо

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия (в сторону)

Эусебио

Юлия

Эусебио

На той тропинке, что пониже
Пересекает горный склон,
Добыча в руки нам попалась,
Ты ей не будешь огорчен.

Сейчас поговорим об этом.
А к нам пристал еще солдат.

Откуда? Кто он?

Хиль: не видишь?

Он, правда, очень простоват,
Но знает гору превосходно
И будет нам проводником.
Лазутчиком его отправлю,
Чтоб шпионил за врагом.
Пускай оденется бандитом,
Вручить ему мушкет.

Бери.

Ну, заразбойничаем славно.
А страшно, что ни говори.

Кто этот, что лицо скрывает?

Откуда он, не говорит,
И как зовут его, не знаем,
Сказал, что все он сообщит
Лишь атаману.

Без помехи
Открыться можешь предо мной.
Скажи с какой приходишь целью?

Ты атаман?

Да.

Боже мой!

Зачем же ты пришел и кто ты?
Скажи.

Скажу наедине,
Когда лицом к лицу мы будем.

Все отойдите к стороне.

СЦЕНА 4-я

Юлия, Эусебио.

Эусебио

Юлия

(обнажает шпагу)

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

(Открывает лицо.)

Эусебио

Юлия

Эусебио

Юлия

Эусебио

Одни остались мы с тобою;
И лишь цветы, и лишь деревья
Свидетели твоей беседы.
Сними же маску и скажи:
Кто ты? Зачем сюда приходишь?
Что ты замыслил? Отвечай мне.

Чтоб сразу ты узнал, зачем я
Сюда пришел, и кто таков,

Вынь шпагу; этим сообщаю,
Что я убить тебя намерен.

Твоя решительность пугает;
Сильней, чем голос мог пугать;
Я отражу твои удары.

Сражайся, трус, и ты узнаешь,
Что я могу, тебя убивши,
Твои сомненья разрешить.

Я боюсь, но не затем, чтоб ранить,

А для того, чтоб защититься,
Я жизнь твою сберечь хотел бы;
Когда бы я тебя убил,
Я сам не знал бы основанья,
И то же самое случится,
Коль ты меня убьешь. Откройся,
Прошу, не откажись.

Ты прав.
Когда мы мстим за честь, отмщенье
Тогда лишь верно, — оскорбленный
Тогда лишь примириться может,
Коль оскорбитель будет знать,
Кем он караем[54].

---

[54] Примечания: 54

Когда мы мстим за честь, отмщенье // Тогда лишь верно... // Коль оскорбитель будет знать, // Кем он караем. - Любопытно сопоставить с этим слова Эдгара По: "Оскорбление не отомщено, если мститель не дает знать, что это он мстит тому, кто нанес оскорбление" ("Бочка Амонтильядо"). Рассказ Юлии на следующих трех страницах может показаться непредуведомленному читателю нагромождением вопиющих неправдоподобностей. См., однако, в кн. Д. К. Петрова (с. 90): "В иезуитской переписке читаем мы об одной весьма мужественной девушке, которая с отцом и с матерью храбро защищалась от разбойников, напавших на их дом. Другая женщина отправилась однажды из каталонского местечка Сальсас в Перпиньян. По дороге на нее напал какой-то солдат, ехавший верхом на лошади. Защищаясь, она выхватила у него кинжал и нанесла ему смертельную рану. Потом она сняла с него оружие, надела на себя и в таком виде приехала в Перпиньян" (Memmorial Historico Espanul. T. XVI. P. 268; T. XV. P. 293) (по К. Б.).

Ну, скажи мне,
Меня ты знаешь? Испугался?
Что ж так глядишь?

Сомнений полный,
И видя правду пред собой,
Я изумлен тем, что я вижу,
Испуган тем, что созерцаю.

Теперь меня ты видел?

Видел.
И оттого, что увидал,
Так возросло мое смущенье,
Что, если чувствами своими
Смятенными желал я раньше
Тебя увидеть, я теперь,
Когда они узнали правду,
То, что отдать я мог бы прежде
За то, чтобы тебя увидеть,
Охотно отдал бы за то,
Чтобы тебя я не увидел.
Ты, Юлия, в ущельи горном?
Ты, измененная двояко?

Ты, в одеянии мирском?
И как сюда одна пришла ты?
Что это значит?

Это значит,
Что миг разоблаченья правды
С презреньем встретился твоим.
И чтоб ты мог теперь увидеть,
Что женщина, когда стремится
В погоню за своим желаньем,
Есть выстрел, молния, стрела,
Узнай, что мне не только было
Усладой — делать преступленья,
Но мне желанно повторять их.
Я из обители ушла,
Один пастух в горах сказал мне,
Что я иду путем опасным,
И я в каком-то глупом страхе,
Чтобы опасность устранить,
С лукавостью, ножом, который
На поясе его болтался,
Его убила. Тем же самым
Ножом был путник умерщвлен:

С учтивостью он предложил мне
Сесть на его коня, на крупе,
Чтоб я немного отдохнула,
И так как он хотел свернуть
В одну деревню, для ночлега,
Я случай выждала и смертью
Благодеянье отплатила
В пустынном месте. И три дня,
Три ночи я в глуши безлюдной
Стеблями диких трав питалась
И на камнях спала холодных.
Я к бедной хижине пришла,
Ее соломенную кровлю
Шатром сочла я позлащенным,
Для чувств моих успокоеньем,
С гостеприимностью меня
Ее хозяйка приютила,
И муж ее, пастух, с ней спорил
В приветливом гостеприимстве.
Я отдохнула там вполне
И голод пищей утолила,
Хотя и скромною, но вкусной.

Но прежде, чем расстаться с ними,
Чтоб не могли они сказать
Тем, кто за мной пошел бы следом:
"Ее мы видели", — решилась
Я указанья уничтожить:
Пастух со мною шел в горах,
Чтоб показать, куда идти мне,
И я, убив, немедля
Вернулась в хижину, где то же
С его случилося женой.
Но, принимая во вниманье,
Что в собственной моей одежде
Был мой доносчик достоверный,
Ее переменила я.
Один охотник спал в ущельи,
И сон его я обратила
Не в тень, а в точный снимок смерти;
Его оружие взяла,
В его одежду нарядилась,
И после разных приключений,
Среди препятствий и ловушек,
Сюда бестрепетно пришла.

Дивлюсь, твоим словам внимая,
Пугаюсь, на тебя взирая,
И ты для слуха — чародейство,
Хотя для взора — василиск.
Нет у меня к тебе презренья,
О, Юлия, но опасаюсь
Возмездий, возвещенных небом,
И потому я ухожу.
Вернись в покинутую келью,
За монастырскую ограду;
Мне страшен Крест неизъяснимо.
Уйди. — Но что это за шум?

СЦЕНА 5-я

Рикардо и бандиты. — Те же.

Рикардо

Эусебио

Рикардо

Эусебио

Сеньор, скорее на защиту:

Чтоб захватить тебя в засаде,
Приходит Курсио с толпою
Крестьян окрестных деревень.
И множество их столь обширно,
Что на тебя восстали старцы,
И дети малые, и жены,
И говорят, что отомстят
Пролитую твоей рукою
Кровь юноши твоею кровью;
Клянутся, что они за это,
И за обиду стольких мстя,
Тебя, живым или убитым,
Но схваченным сведут в Сиену.

Мы, Юлия, с тобою после
Поговорим. Закрой лицо.
Иди со мною: непригоже,
Чтоб твой отец и враг мой лютый
Тобою овладел. — Солдаты,
Сегодня достославный день,
Чтоб показать им нашу храбрость.
Дабы никто не колебался,
Заметьте, что они приходят

Убить нас, или, что одно,
Взять в плен; коль мы не будем храбры,
Себя без чести мы увидим,
Узнаем горькие несчастья
И будем ввержены в тюрьму.
Итак, когда мы это знаем,
За жизнь и честь кто побоялся
Узнать сильнейшую опасность?
Пускай не думают они,
Что мы боимся их: навстречу
Скорей им выйдем; потому что
Судьба всегда стоит за храбрость.

И нечего нам выходить:
Они сюда приходят сами.

Я вас предупредил; так пусть же
Никто из вас не будет трусом:
А если — небом я клянусь! —
Кто побежит или отступит,
Я острие вот этой стали
В его груди окрашу кровью
Скорее, чем в груди врага.

СЦЕНА 6-я

Курсио и народ, за сценой. — Те же.

Курсио (за сценой)

Голоса (за сценой)

Юлия

(Уходит.)

Эусебио

Рикардо

Курсио (за сценой)

Эусебио

(Все уходят, и за сценой слышатся выстрелы из мушкетов.)

Среди запутанных ущелий,
За скалами, как за стенами,
Сокрылся безнадежно дерзкий
Изменник Эусебио.

Вот, вот, они за чащей веток.

Вперед, на них!

Остановитесь,
Презренные, — клянуся Богом, —
Иначе склоны этих гор,
Окрасив красной вашей кровью,
Я превращу в сплошные реки.

Трусливые в числе безмерны.

Ты скрылся, Эусебио!

Не скрылся, а иду на зов твой.

СЦЕНА 7-я

Другой склон горы, в глубине его виден Крест.

Юлия

(Уходит.)

Едва меж горных трав ступила,
Как страшные я слышу вопли
И вижу схватку пред собой.
Пороховые переклички,
И острия блестящей стали.
Одни мое смущают зренье,

Другие — возмущают слух.
Но что я вижу? Неприятель
Своей превосходящей силой
Разбил и гонит в беспорядке
Отряды Эусебио.
Пойду и соберу их снова,
И ободрю их смелой речью,
И если я опять сплочу их,
В его защиту буду я
Страх мира, гневный бич их жизней,
Свирепый нож зловещей парки,
И ужас для времен грядущих,
И удивленье этих дней.

СЦЕНА 8-я

Хиль, одетый как бандит; потом Менга, Брас, Тирсо и крестьяне.

Хиль

(Выходят Менга, Брас, Тирсо, другие крестьяне.)

Менга

Брас

Менга

Брас

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Брас

Хиль

Тирсо

Хиль

Менга

Тирсо

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

Менга

Хиль

(Уходят.)

Чуть новоявленным бандитом
Для верности я записался,
И вот, за то, что я разбойник,
Опасность на меня идет.
Крестьянином я был с друзьями
На положеньи побежденных;
Пришел к ворам, вступил в их шайку,
И то же самое со мной.
Хоть и не скряга я, а всюду
Ношу несчастье за собою;
И много раз мне приходилось
Воображать в такой беде,
Что будь я жид, и на жидов бы
Тогда несчастие простерлось.

Они бегут! Вперед, за нами!

Всех истребим до одного.

Вот здесь один.

Пускай умрет он.

Глядите, это я.

Мы видим
И по одеже, что разбойник.

Моя одежа наврала,
Как самый гадостный мошенник.

Лупи его.

Вали смелее.

Уж тут лупили и валили,
А ты заметь...

Чего заметь?
Разбойник ты.

Христианин я,
И при крещеньи назван Хилем.

Чего ж ты раньше не сказал нам?

Ты Хиль, зачем же ты молчал?

Уж как молчал, — спервоначалу
Вам говорил, что я такой-то.

Ты что здесь делаешь?

Не видишь,
Я против Бога восстаю,
И в пятой заповеди грешен:
Один я больше убиваю,
Чем летний зной и лекарь вместе[55].

Какое платье на тебе?

А дьявол. Одного убил я,
В его одежу и облекся.

Так как же крови нет на платье?
Была бы, если б ты убил.

А дело было очень просто:
Как, значит, он меня увидел,
От страху тут же он и умер.

Идем. Мы одержали верх.

---

[55] Примечания: 55

Один я больше убиваю, // Чем летний зной и лекарь вместе. - Знойный воздух испанского лета способствует повальным заболеваниям. Что касается испанских врачей, они всегда своим невежеством давали повод испанским поэтам к остроумным выходкам. Наиболее метки насмешки всегда остроумного и наблюдательного Тирсо де Молины, например, в его знаменитой комедии "Дон Хиль Зеленые штаны", где врач лечит целую улицу с помощью четырех афоризмов, двух текстов и трех силлогизмов (I, 2) (по К. Б.), 1 По понятиям Кальдерона, голос крови не может не говорить, в особенности когда речь идет об отце и сыне. На эту тему у него есть сцены в разных драмах, например: "В этой жизни все - истина и все ложь", "Жизнь есть сон" (по К. Б.).

Разбойники от нас бежали,
И мы спешим за ними следом.

Ну, хоть от голода помру я,
Теперь одежу эту прочь.

СЦЕНА 9-я

Эусебио. Курсио, сражаясь.

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

Курсио

(В сторону.)

(Обнимаются и борются.)

Эусебио

Курсио

Голоса (за сценой)

Курсио

Эусебио

Вот мы одни. Да примет небо
Благодарение за то, что
Оно сегодня даровало
Отмщение моей руке,
Чужим рукам не доверяя
Возмездье за мою обиду
И казнь твою.

Я полагаю,
Что, встретив, Курсио, тебя,
Благодарить я должен небо;
Сюда придя как оскорбленный,
Наказанным и окорбленным
Уйдешь отсюда. Но сказать
Поистине, я сам не знаю,
Каким нежданным уваженьем
К тебе душа моя прониклась,
Страшнее мне твой гнев, чем сталь:
И хоть меня пугать могла бы
Твоя испытанная храбрость,
Лишь эти строгие седины
В моей душе рождают страх.

Я, Эусебио, признаюсь,
Что ты мой гнев сумел умерить,
Сумел уменьшить оскорбленность,
Но не хочу, чтоб так слегка
Ты думал, что седин боишься,
Когда моя пугает храбрость.
Сражайся, чтоб звезда какая
Или благоприятный знак
Не воспрепятствовали мести,
Сражайся!

Я и страх? Как глупо,
В почтеньи ты увидел страх!
Но, если говорить по правде,
Победа, о которой мыслю, —
Припасть к твоим ногам покорно
И о прощении молить;
И потому мое оружье,
Что было ужасом столь многих,
К твоим ногам я повергаю.

Не думай, Эусебио,
Что, преимущество имея,

Тебя убить я пожелаю.
Вот, я в ножны влагаю шпагу.

(Так повода я избежал
Его убить). Давай сразимся
С тобою в рукопашной схватке.

Не знаю, от каких влияний сердце
В груди моей забилось в этот час
И, вопреки желаньям гневной мести,
Оно в слезах как бы глядит из глаз.
И чтоб ты был отмщенным в этой смуте,
Я умертвить хотел бы сам себя,
К твоим ногам я жизнь свою слагаю,
Осуществляй же месть, прошу тебя.

Кто благороден, тот и оскорбленный
Того, кто покорился, не убьет;
Иначе кровью блеск своей победы
В значительной он степени сотрет.

Здесь, здесь они.

Отряд мой, победивши
Твоих людей, спешит меня найти;

Твои солдаты в бегство обратились.
Беги и ты, хочу тебя спасти,
От мщения крестьян тебя не в силах
Я защитить, а биться одному
С такой толпой нельзя.

Врагов бояться
Как прикажу я сердцу моему?
Нет, Курсио, мне бегство незнакомо,
Со мною шпага, пусть начнется бой,
Для этих у меня найдется храбрость,
Которой не имел я пред тобой.

СЦЕНА 10-я

Октавио, Хиль, Брас и другие крестьяне.
— Те же.

Октавио

Эусебио

Все

Эусебио

Курсио

Октавио

Брас

Хиль

Октавио

Курсио

Эусебио

Октавио

Курсио

Октавио

Курсио

Эусебио

(Все уходят, сражаясь с ним.)

Курсио

Нигде, от самой низменной долины
До высшей точки этих диких скал,
Ни одного живого нет бандита;
И только Эусебио бежал...

Солгал ты, никогда он не был трусом.

Он здесь? Так пусть же он умрет сей-

час!

Ну, ну, я жду.

Октавио, помедли.

И ты, сеньор, удерживаешь нас?
Мы думали, что ты-то нас ободришь.

Защитой ты становишься тому,
Кто кровь твою и честь твою похитил?

Ты благосклонен к дерзкому — к нему,
Кто в эти горы внес опустошенье,
Кто стольких умертвил, что и не счесть,
И ни одну девицу не оставил,
Не подмарав девическую честь?
Зачем же за него ты заступился?

Что ж, недруга хранишь ты своего?

Послушайте, постойте (о, несчастье!):
В Сиену лучше отведем его.
Отдайся, Эусебио, во власть нам;
Как благородный клятву я даю

Быть для тебя в твоей беде защитой,
Не ставя в счет тебе вину твою.

Как Курсио тебе я мог бы сдаться,
Но как судье я сдаться не могу:
Почтенье в первом, во втором же трусость.

Так пусть же он погибнет. Смерть врагу!

Постойте...

Защитить его желаешь?
А родину предашь?

Предатель — я?
Прости мне, Эусебио, но этой
Обидой сражена душа моя,
И первый я убить тебя желаю.

Прошу тебя, владыка, отойди,
Чтоб не был устрашен твоим я видом.
А то, когда ты станешь впереди,
Ты для своих щитом надежным будешь.

Теснят его, теснят со всех сторон.

О, если б жизнь твою сберечь от смерти,
Хотя б с своею был я разлучен!
Он ранен насмерть тысячью ударов,
Облитый кровью, по горе идет,
Бросается в долину, отступая,
Лечу туда. Та кровь меня зовет,
В сомнении пугливо холодея;
В ней что-нибудь из крови есть моей,
А то б она меня не призывала,
И слух мой не стремился б жадно к ней.

СЦЕНА 11-я

Эусебио, спотыкаясь, спускается вниз.

Эусебио

С вершины самой дерзновенной,
Над жизнию теряя власть,
Я падаю, и вот не знаю,
Где, мертвый, я могу упасть.
Но, если о грехах помыслю,

Не то мне жаль, что жизнь моя
Потеряна: я размышляю,
Как мог бы этой жизнью я
Загладить все грехи. Повсюду
Грозит мне вражеская рать.
И так как жить мне невозможно,
Мне остается убивать
Иль умереть. Но было б лучше
Пойти в одно из скрытых мест
И помолиться о прощеньи;
Дорогу преградил мне Крест.
Так пусть убьют меня скорее,
Он жизнь мне вечную дает.
О, древо, на котором небо
Взростило достоверный плод,
Съеденье первого исправив,
Эдема нового цветок,
Свет радуги, под чьей дугою
Бежит стремительный поток,
В глубинах с миром примиренный,
Отдохновение от гроз,
О, арфа нового Давида,

О, виноградник новых лоз,
Скрижаль второго Моисея!
Я грешник, я молю, в борьбе,
В последней, окажи мне помощь;
Бог принял пытки на тебе
За грешников. Ты мне обязан
Лучом небесного огня:
Когда б весь мир во мне был только,
Бог смерть бы принял за меня.
О, Крест, ты для меня воздвигся,
Бог не страдал бы на тебе,
Когда бы грешником я не был!
Не будь же глух к моей мольбе,
Всегда, к тебе дыша любовью,
Я ждал, в игре страстей пустой,
Что умереть без покаянья
Ты мне не дашь, о, Крест святой.
Не первый буду я разбойник,
Который с Богом примирен
Был на тебе; нас двое, двое,
И мною не отвергнут он,
Так не отвергни же — с мольбою

Тебя просящего теперь,
Спаси меня тем самым чудом.
Лисардо, я, как дикий зверь,
Мог растерзать тебя, когда ты
Всецело был в моих руках,
Но я помог тебе пред смертью
Открыться Богу во грехах,
И ты покаялся, пред тем как
Тебя окутал смертный сон.
Я вспоминаю и о старце,
Хотя бы может умер он.
О, сжальтесь оба надо мною,
Уж я живу и не живу!
Взгляни, Лисардо, умираю!
Услышь, Альберто, я зову!

СЦЕНА 12-я

Курсио. — Эусебио.

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

(Отдает ему шпагу.)

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

Курсио

(Осматривает рану и видит Крест.)

Эусебио

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

Курсио

Эусебио

(Умирает.)

Курсио

(Рвет свои волосы.)

Здесь где-нибудь он, верно скрылся.

Коль ты пришел меня убить,
Возьми последний проблеск жизни.

Кто мог бы непреклонным быть
При виде этой жгучей крови?
Отдай мне шпагу.

Дать? Кому?

Мне, Курсио.

Тебе — охотно.

И эти ноги обниму,
И умолять тебя я буду,
Чтоб ты обиду мне простил.
Но рана порвала дыханье,
И говорить нет больше сил,
В душе боязнь и смутный ужас.

Могу ли чем тебе помочь
Как человек?

О, нет, я слышу,
Что смертная подходит ночь,

Лишь Бог душе моей помог бы.

Скажи, куда ты ранен?

В грудь.

Быть может есть еще дыханье
И есть надежда; дай взглянуть.

О, Боже! Что за знак прекрасный,
Божественный? Мой дух смущен.

То герб, он мне Крестом дарован,
Перед которым я рожден;
Я о своем рожденьи больше
Не знаю, ничего не знал.
Отец мой мне не показался
И в колыбели отказал;
Предчувствовал, должно быть, ясно,
Что буду я таким дурным.
Я здесь родился.

И довольство
Сравнится с горем здесь моим.
Печаль сравнится здесь с блаженством,
Одна их создала звезда,

Рок благодатный и враждебный.
О, сын мой! Раньше никогда
Тебя не мог назвать я сыном.
Ты, Эусебио, мне сын,
И все приметы замечая,
Я вижу, что теперь один
Я буду плакать, сокрушаться,
Найдя тебя лишь для того,
Чтоб сына своего увидеть
И вдруг похоронить его.
Твои слова лишь подтвердили,
Что я угадывал душой:
Ты матерью был здесь оставлен,
Где снова был отыскан мной.
Где совершил я прегрешенье,
Там и наказан навсегда;
Уж это место говорит мне,
Что ошибался я тогда.
Но в чем сильнее указанье,
Чем в этом знаменьи святом?
И грудь у Юлии таким же
Навек отмечена Крестом.

Нет, не без некой высшей тайны
В вас небеса тот Крест зажгли:
Они хотели, чтоб вы оба
Явились чудом для земли.

Отец, я более не в силах
С тобою говорить. Прости!
Вкруг тела слышу холод смерти.
Как бешен бег ее пути,
Пресекла все, и не могу я
Тебе заветных слов сказать,
Нет жизни, чтоб тебя утешить,
Души, чтобы тебе отдать.
Удар последний подступает,
Подходит достоверный сон.
Альберто!

Смерть того оплачу,
С кем в жизни был разъединен.

Приди, Альберто!

Рок неверный!
Несправедливая война!
Судьба!

Альберто! О, Альберто!

Ударом смертным сражена
Жизнь юного: так пусть седины
За эту скорбь заплатят мне.

СЦЕНА 13-я

Брас и тотчас вслед за ним Октавио. — Курсио. Эусебио, мертвый.

Брас

Курсио

(Входит Октавио.)

Октавио

Курсио

Октавио

Курсио

Рыдание твое и скорбь напрасны.
Ужель судьба суровою рукой
И мужество твое сразить сумела?

Я никогда не знал беды такой.
В моих глазах не слезы, жгучий пла-

мень,
Так пусть же вспыхнут склоны этих гор.
О, мрачная звезда! О, боль печали!
О, тягостный, суровый приговор!

Судьба сегодня, Курсио, решила
Тебе послать такую бездну бед,
Какую только вынесет несчастный.
Как рассказать? В душе уменья нет,
И тяжко мне, тому свидетель небо.

Что ж приключилось?

Юлия ушла.
В монастыре ее не оказалось.

Скажи мне, разве мысль сама могла
Изобрести подобное терзанье?
Себе представить даже я не мог,
Чтоб за одним несчастием другое
Так ниспослал мне беспощадный рок.
Октавио, вот этот труп остывший
Мой сын. Теперь ты можешь сам решить,

Не мог ли из ударов этих каждый
Над жизнью смертный приговор свершить.
Терпенья дай мне небо, или жизни
Меня лиши, — в ней слишком много мук.

СЦЕНА 14-я

Хиль, Тирсо, крестьяне. — Те же.

Хиль

Курсио

Хиль

Курсио

Тирсо

Брас

Курсио

(Уходит, рыдая.)

Брас

Другой

Тирсо

(Кладут между ветвей тело Эусебио.)

(Уходят.)

Хиль

Сеньор...

Еще несчастье?

Разбежавшись,
Разбойники соединились вдруг,
Спешат сюда, схватить тебя желают,
Какой-то демон служит им вождем,
От них самих свое лицо скрывает.

В печальном злополучии моем
Так возросли души моей страданья,
Что мне услада — новая беда.
Возьмите это горестное тело,
Чтоб сохранить до времени, когда
Остывший прах его найдет могилу.

Ты хочешь, чтоб в святой ограде он
Нашел себе могилу между верных?
Забыл, что он от церкви отлучен?

Такою смертью ежели кто умер,

Пусть гроб найдет он между этих скал.

О, мстительность людей по крови низких!
Ваш гнев настолько душу вам сковал,
Что он предел последний самой смерти
Готов без колебанья перейти?

Пусть в хищных птицах и зверях свирепых
Могильщиков сумеет он найти.

Чтобы достойно кару увеличить,
В ущелье сошвырнем его скорей.

Давайте лучше кое-как схороним
Усопшего в траве между ветвей.

Уж ночь идет, закрыта в мрачный саван;
Ты, Хиль, останься здесь, посторожи
Покойника; а коль придут бандиты,
Ты криком нам об этом расскажи.

Недурно. Эусебио спокойно

Они в траве меж веток погребли,
Меня к нему приставили как стража
И бросили в горах, и все ушли.
Почтенный Эусебио, припомни,
Тебе я другом был в те дни, когда...
Но что это? Обман воображенья?
Или толпа людей идет сюда?

СЦЕНА 15-я

Альберто. — Хиль, Эусебио, мертвый.

Альберто

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Хиль

Эусебио

Альберто

Эусебио

Альберто

Хиль

(Альберто открывает его.)

Альберто

Эусебио

(Поднимается.)

Альберто

(Эусебио и Альберто уходят.)

Хиль

Теперь из Рима возвращаясь,
В безмолвии застывшей ночи,
Среди ущелий этих горных
Вторично заблудился я.
Здесь Эусебио от смерти
Освободил меня, и ныне,
Как думаю, его солдаты
Весьма мне могут угрожать.

Альберто!

Чей дрожащий голос,
Чье еле слышное дыханье
Ко мне мое домчало имя

И зовом в слух ко мне вошло?

Альберто!

Вот, я снова слышу,
Меня зовут, и полагаю,
Что этот зов идет отсюда;
Давай посмотрим.

О, Творец!
То Эусебио взывает,
И страх мой всех страшнее страхов.

Альберто!

Зов раздался ближе,
О, голос, бьющийся в ветрах,
Меня по имени зовущий,
Ответь мне и скажи мне, кто ты?

Я Эусебио, Альберто;
Прошу тебя, приди сюда,
Где схоронен я между веток;
Приподними их, и не бойся.

Я не боюсь.

А мне так страшно.

Разъяты ветви, ты открыт.
Скажи же мне, во имя Бога,
Чего ты хочешь?

И во имя
Его, Альберто, я взывал,
Моя к тебе взывала вера,
Чтоб пред тем, как умереть мне,
Ты исповедь мою услышал.
С минуту как уж умер я;
И дух от тела был свободен,
Но роковой удар, смертельный,
Обычность действий их нарушил,
Но их еще не разделил.

Иди со мной, чтоб мог; Альберто,
Тебе я все грехи поведать,
Их больше, чем песчинок в море,
Пылинок в солнечных лучах.
Так много значит поклоненье
Кресту — для умягченья неба.

Итак, тебе все покаянья,
Что совершил я до сих пор,

Я отдаю, чтобы служили
Они твоей вине защитой,
Хотя немного.

Помереть мне
На месте — он ведь сам идет.
И, чтоб его яснее видеть,
На небе показалось солнце,
Свои лучи распростирает.
Пойду и всех оповещу.

СЦЕНА 16-я

Юлия, несколько бандитов; потом Курсио и крестьяне. — Хиль.

Юлия

Один

(Выходят Курсио и крестьяне.)

Курсио

Хиль

Курсио

Юлия

Курсио

Теперь, победу одержавши,
Они беспечно погрузились
В объятья сна, и этим самым
Нас к нападению зовут.

Когда ты хочешь захватить их
Врасплох — вот здесь всего удобней;
Они сюда идут толпою.

Да, явно, что бессмертен я:
Среди убийственных несчастий
Печаль меня не убивает.

Со всех сторон толпятся люди;
Так пусть теперь узнают все
Событие, из всех чудесных
Наичудеснейшее в мире.
Оттуда, где похоронен был
Меж веток Эусебио,
Он встал и, громко призывая
Священника, пошел. Но что же
Рассказывать о том я буду,
Что каждый может увидать?

Вон там, коленопреклоненный,
Он молится.

Мой сын! О, Боже!
Какие чудеса мы видим?

Кто больше чудо видеть мог?

И только что благой тот старец,
Во отпущенье прегрешений,
Святой обряд свершил, вторично
К его ногам он мертвый пал.

СЦЕНА 17-я

Альберто. — Те же.

Альберто

Курсио

Юлия

Курсио

Юлия

(Курсио хочет ударить ее шпагой, она обнимает Крест, находящийся на могиле Эусебио, и исчезает.)

Альберто

Курсио

Среди величий столь обширных
Пусть мир преклонится пред дивным,
Пред самым наибольшим чудом,
Которое я возвещу.
Как Эусебио скончался,
С соизволенья неба, в теле
Замедлил дух его, покуда
Не исповедал он грехи;
Так много значит преклоненье
Перед Крестом — в решеньях Бога.

О, милый сын мой, сын родимый!
Нет, не несчастен тот, кто мог
Такое заслужить блаженство
В трагической своей кончине.
Когда бы Юлия умела
Так искупить свои грехи!

Отец небесный! Что я слышу?
Какое чудо предо мною?
Я Эусебио искала,

Я Эусебио сестра?
Пусть знает Курсио, отец мой,
Пусть знает мир и все пусть знают
О прегрешениях тяжелых,
Свершенных мною: я сама,
Такому ужасу подвластна,
Во всеуслышанье об этом
Провозглашу: пусть все узнают,
Кто только в этот миг живет:
Я — Юлия! в числе позорном
Дурных — я худшая из худших.
У всех в виду был грех мой явный,
И буду каяться при всех;
Прося смиренно снисхожденья
И умоляя о прощеньи
У мира — за пример постыдный,
У Бога — за дурную жизнь.

Нагроможденность злодеяний!
Своею собственной рукою
Тебя убью, дабы жестокой
И смерть твоя была, как жизнь.

О, Крест святой, будь мне защитой!
Тебе даю я обещанье
По возвращении в обитель
Покаяться в своем грехе.

О, чудо!

И пред этим чудом
Благоговеньем проникаясь,
Счастливый автор завершает
Здесь Поклонение Кресту.

Любовь после смерти[56]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Альваро Тусани
Дон Хуан Малек, старик
Дон Фернандо де Валор
Алькускус, мориск
Кади, старик-мориск
Дон Хуан де Мендоса
Сеньор Дон Хуан Австрийский
Дон Лопе де Фигероа
Дон Алонсо де Суньига, коррехидор
Гарсес, солдат
Донья Исабель Тусани

---

[56] Примечания: 56

Пьеса не имеет точной датировки. Примерное время написания - 1633 г. Впервые напечатана в 1677 г. в "Пятой части комедий Кальдерона" (Барселона) под названием "Тусан из Альпухарры".

События, описываемые в драме, относятся к восстанию морисков и его подавлению войсками под руководством дона Хуана Австрийского в 1570 г.

При написании пьесы Кальдерон, возможно, пользовался многочисленными хрониками и историческими сочинениями, относящимися к истории восстаний испанских мавров.

Бальмонт напечатал драму в 1902 г., во II выпуске Сочинений Кальдерона, сопроводив ее статьей и комментариями.

Подробно о сходстве и различии пьес Кальдерона, в центре которых стоят героические личности испанцев, португальцев, христиан, магометан или людей, для характеристики которых вероисповедание

не имеет решающего значения, см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд. В Дополнения включена статья Бальмонта о драме "Любовь после смерти".

Донья Клара Малек
Беатрис, служанка
Инес, служанка
Слуга
Мориски, того и другого пола
Солдаты, христиане
Солдаты, мориски

Сцена в Гранаде и в различных пунктах Альпухарры.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Зала в доме Кади, в Гранаде.

Мориски[57] в казакинах и шароварах, женщины — мориски в белых корсажах и с музыкальными инструментами; Кади и Алькускус[58].

Кади

---

[57] Примечания: 57

Мориски - так называлось арабское население Испании, которое, во всяком случае формально, приняло христианство.

[58] Примечания: 58

Алькускус (al-cuzcuz) - национальное блюдо у мавританских племен. Как имя шута (грасьосо) довольно часто встречается в пьесах Кальдерона.

Алькускус

Кади

Все

Алькускус

Один (поет)

Все (поют)

Один

Все

Алькускус (поет)

Все

(За сценой слышен сильный стук.)

Кади

(Стук.)

Алькускус

Что, двери заперты?

И крепко.

Без знака пусть никто не входит.
И весело продолжим пляски,
Сегодня пятница, и мы

Ее отпразднуем согласно
Обыкновеньям наших предков,
Тайком от христиан враждебных,
Среди которых мы живем,
Теряя счет несчастьям стольким.
Они оклеветать не смогут
Обряды наши.

Начинайте

Ну, если в пляс и я пущусь,
Так шуму значит будет много.

Хоть пред Аллахом мы как тени,
Хоть горько плачем в нашем плене
О нас постигшей перемене,
Хоть африканский дух смущен...

Да здравствует его закон!

И да хранит воспоминанье
То незабвенное деянье,
Что силой нашего влиянья
Испанец был века пленен.

Да здравствует его закон!

Того мы не забудем танца,
Когда во славу африканца
Так заплясали мы испанца,
Что больше не кичился он.

Да здравствует его закон!

Хотят нас захватить в собраньи,
Сомненья нет. Король в указе
Собранья наши запретил[59],
И правосудие, увидев,
Что в этот дом вошло так много
Морисков, уловить нас хочет
На месте.

Ну, так что ж, бежать.

СЦЕНА 2-я

Дон Хуан Малек. — Те же.

Малек (за сценой)

Алькускус

---

[59] Примечания: 59

Король в указе // Собранья наши запретил. - Все мусульманские религиозные праздники были строжайше запрещены королевским указом Филипа II от 17 сентября 1566 г.

Один

Кади

Другой

Кади

Алькускус

(Алькускус открывает, и входит Дон Хуан Малек.)

Малек

Кади

Малек

Кади (в сторону, к морискам)

Алькускус

Кади

Малек

Кади

Другой

Кади

Другой

Один

Одна мориска

(Малек и часть морисков уходят.)

Алькускус

Один

Алькускус

Другой

Алькускус

(Уходят.)

Как можете вы медлить, если
Так громко в вашу дверь стучатся?

Напрасно тот зовет у двери,
Кто раньше душу не позвал.

Что делать?

Спрячьте инструменты,
Откройте двери и скажите,
Что навестить меня пришли вы.

Да, это будет хорошо.

Не выдавайте же друг друга.
Ну, Алькускус, открой. Что медлишь?

Да опасаюсь, вдруг откроешь,
А там за дверью альгвасил,
Ударов сто в живот мне влепит
Своею палкой, а живот мой
Не очень уважает палку,
Он больше почитает рис.

Не бойтесь.

Кто бы мог подумать?
Ты, Дон Хуан, что кровью светлой
Малека мог добиться чести,
Хотя и африканец, стать
Двадцать четвертым гранадинцем,
Ты в этот час приходишь в дом мой?

И не ничтожная случайность
Велит мне отыскать тебя,
Довольно, ежели скажу я,
Что привлекли меня несчастья.

Наверно хочет он бранить нас.

Коль так, беда не велика.
Нас взять гораздо было б хуже.

Что повелишь нам?

Успокойтесь,
Друзья; пускай вас не смущает
Мой неожиданный приход,
Сегодня, в айюнтамиенто, —
Из залы короля Филиппа
Второго, — президент прислал нам
Бумагу, чтобы город знал,
Что исполнение решений,
В ней заключающихся, будет
Его ответственностью. Вскрывши
Бумагу, начал секретарь
Ее читать пред заседаньем.
И все ее постановленья
Направлены неумолимо
На очевидный ваш ущерб.
Как верно время называют
Сопутником судьбы неверной:
На колесе одном стремятся
И на проворных двух крылах,
К добру и злу они несутся,
И бег свой вечно продолжают.

Одни из тех постановлений
Уж раньше были введены,
Другие — новые, но цель их
Одна: суровое решенье,
Чтобы никто из африканцев,
Чей род теперь лишь теплый прах,
Лишь искра яркого пожара,
Который жег страну испанцев,
Не соблюдал свои привычки:
Нельзя ни праздники блюсти,
Ни собираться вам для плясок,
Ни одеваться в шелк, ни мыться
В публичных банях; ни беседу
Вам на арабском языке
Нельзя вести в своем же доме,
А говорить лишь по-кастильски.
Как самый старший, я был должен
Начать, и потому сказал,
Что справедлива эта мера,
Что от привычек африканских
Отвыкнуть надо постепенно,
Но что не следует их гнать

С таким неистовством жестоким;
Что надо в этом быть воздержным,
И что насилие излишне,
Где изменился самый нрав.
Тут Дон Хуан, Хуан Мендоса,
Из рода знатного маркесов
Мондехар, мне в ответ промолвил:
"Конечно, Дон Хуан Малек
Пристрастно говорит, затем что
Сама природа побуждает
Его любовь своих по крови;
Вот он и хочет оттянуть,
Замедлить примененье кары
К морискам, темным, низким, подлым".
Я молвил: "Дон Хуан Мендоса,
Когда Испания была
В своем отечестве плененной
И угнетенною от мавров,
Те христиане, что смешались
С арабами и что теперь
Названье носят мосарабов,

Себе в бесчестие не ставят,
Что это было, потому что
Порою претерпеть судьбу —
Почетнее и благородней,
Чем одержать над ней победу,
И ежели мориски темный,
Приниженный и рабский люд,
Заметь, что рыцари из мавров
Ничуть не ниже христианских
С того мгновенья, как с водою
Крещенья приняли они
И католическую веру;
В особенности те, чьи предки
Столь часто были королями,
Как у меня". — "Да, молвил он,
То были короли — из мавров".
"Как будто, — я ему ответил, —
Кровь мавров, ставши христианской,
И царской перестала быть,
Раз это кровь Сегри, Валоров,
И кровь Венеги и Гранады".
От слова к слову, спор зажегся,

И так как были мы без шпаг...
Будь проклят, проклят этот случай —
Без шпаги спор вести словами,
То наизлейшее оружье,
Оно сильнее стали бьет,
И рана заживет скорее,
Чем может позабыться слово.
Да, что-нибудь ему должно быть
Такое в споре я сказал,
Что дерзновенно (тут дрожу я!)
Из рук моих (о, что за пытка!)
Он палку вырвал, и... Но будет;
Есть вещи: пережить их — боль,
Их рассказать — еще больнее.
Я встал в защиту вас, я вынес,
Как ваш защитник, оскорбленье,
Вы значит все оскорблены,
И у меня, увы, нет сына,
Чтоб смыть позор с моих печальных
Седин; есть дочь, в ней утешенье,
Но более всего — забот.
Проснитесь, храбрые мориски,

Обломки славы африканской,
Вас христиане угнетают,
В вас видят лишь своих рабов.
Смелей, вся наша — Альпухарра[60],
(Скалисто-гордая сиэрра,
Что лик свой к солнцу поднимает,
И с островами городов
Являет море трав зеленых
И бездну дикую утесов,
Среди серебряных туманов,
Откуда имя этих мест —
Галера, Гавия и Берха.)
Так удалимся в Альпухарру,
С оружием и с провиантом,
Назначьте для себя вождя
Из остающихся в Кастилье
Потомков доблестного рода
Воинственных Абенумейев,
И прочь позорное ярмо

---

[60] Примечания: 60

Альпухарра - труднодоступная горная цепь в Гранадском королевстве. Как классический центр арабского владычества Альпухарра стала символом Арабской Испании.

На вас наложенной неволи.
И я, ценой тревог бессонных,
Всех буду убеждать, что подлость,
Что униженье и позор
Терпеть такое оскорбленье,
Которое на всех простерто,
Хоть месть моя не всех коснется.

Коль это замышляешь ты...

Коли такое ты задумал...

Бери и жизнь, и все богатства.

Бери и душу у меня.

И все мы возвещаем то же.

А я от всех морисок, сколько
Их только есть во всей Гранаде,
Уборы наши отдаю.

А я, имея в Виварамбе[61]
Свою лавчонку мелочную,
Где масло продаю и уксус,

---

[61] Примечания: 61

В Виварамбе... - Когда-то предместье Гранады. Ныне - площадь того же названия в самом городе.

Орехи, фиги, миндали,
Изюм, чеснок, и лук, и перец,
Бичевки, пальмовые щетки,
Иголки, нитки, вместе с белой
Листки бумаги пропускной,
Ошейники, табак, и трости,
Коробки для храпенья перьев,
Облатки для заклейки писем,
Всю лавку, целиком как есть,
На собственной спине стащу я,
Чтоб быть, коль сбудется надежда,
Маркизом, герцогом иль графом
Всех Алькускусов на земле.

Молчи, я вижу, ты рехнулся.

Еще рехнуться не собрался.

А ежели ты не рехнулся,
Так нет сомнения, ты пьян.

Я пьян? Помилуй, в алькоране
От господина Магомета
Заказано нам было строго,
Чтобы мы не пили вина.

И в жизни не пил я... глазами;
А ежели придет охота,
Дабы не нарушать обычай,
Я больше выпиваю ртом.

СЦЕНА 3-я

Зала в доме Малека.

Донья Клара, Беатрис.

Донья Клара

Нет, Беатрис, пусть буду плакать,
Самой себя в беде мне жаль,
Пускай рыдания утешат
Хоть несколько мою печаль.
Раз не могу того убить я,
Кто дерзко опорочил честь,
Пусть выплачу над оскорбленьем
Все слезы, сколько их ни есть.
Пусть я от скорби умираю,
Коль не могу его убить.
Природа низкая велела
Нам столь обиженными быть,

Что ум и красоту давая,
Нам красоту она дала,
Которая легко темнеет
В том самом, чем светла была,
А раз темна, светлей не станет.
У мужа и отца отнять
Честь красотой легко мы можем,
Мы им ее бессильны дать.
Когда б мужчиною была я,
Гранада знала б теперь,
Мендоса будет ли надменным,
Мендоса будет ли как зверь.
И с юным, как он был со старым...
Да и теперь сумею я
Дать знать ему, что за обиду
Его постигнет месть моя.
Кто мог со стариком бороться,
И с женщиной он вступит в бой.
Но я надеюсь безрассудно,
Я только говорю с собой.
О, если б отомстить могла я!
Так велика моя беда,

Что в день единый (о, несчастье!)
Я потеряла навсегда
Отца и мужа: не захочет
Теперь со мной делить он дни,
Я никогда теперь не буду
За Дон Альваро Тусани.

СЦЕНА 4-я

Дон Альваро. — Донья Клара, Беатрис.

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Дон Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Беатрис

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

(Дон Альваро и Беатрис уходят.)

За знак худой считать я должен,
Когда, печаль свою кляня,
О, Клара нежная, так скорбно
В слезах ты назвала меня.
Когда наш голос эхо сердца,
Мы в звуках тешим скорбь его;
Я значит скорбь твоя: я вышел
Как звук из сердца твоего.

Не отрекаюсь от печали,
Омрачены мои мечты,
И меж скорбей, меня смутивших,
Не наименьшая есть ты.
С тобой разлучена я небом:
Не скорбь ли ты из всех скорбей?
Любовь моя столь необъятна,
Что мне не быть женой твоей,
Чтоб ты не связан был с женою,
Отец чей опозорен был.

Напоминать не буду, Клара,
Как я почтительно любил
И как твою любовь ценил я;
Лишь оправдать хочу себя,
Что я сюда придти решился,
Не отомстивши за тебя.
Но в том, что с местью я замедлил,
Есть высший дар, что мог я дать.
И если с женщиной нельзя нам
О поединке рассуждать,
И если я тебя утешить
Могу, сказав: "Не плачь, пойми,

Что не должна ты сокрушаться,
И во внимание прими,
Что там, где не было оружья,
(И главное в виду суда),
Нас действие не оскорбляет
И не позорит никогда", —
Однако ж этих оправданий
Не выставляю я теперь,
И, если не убив Мендосу,
Я прихожу сюда, поверь,
Вполне я прав перед тобою
И прав перед твоим отцом:
Не видит должной кары наглый,
Коль мстителя не встретил в том,
Кому несет он оскорбленье,
Иль не был сыном он убит,
Или наказан младшим братом;
И если мщением горит
Отец твой, — чтобы невозможной
Ему не показалась месть,
Восстановлю я Дон Хуану
Его утраченную честь,

И попрошу его, чтоб отдал
Тебя он, Клара, в жены мне:
Когда ему я буду сыном,
Он будет отомщен вполне.
Вот почему сюда пришел я;
И если, зная свой удел,
Доныне, — будучи столь бедным, —
К тебе я свататься не смел,
Теперь, раз это с ним случилось,
Я смело выскажу ему,
Что только это оскорбленье
Я как приданое возьму,
И это будет справедливым.
Известно миру с давних пор,
Что не напрасно утвержденье:
Наследство бедного — позор.

И я не буду, Дон Альваро,
Напоминать, когда скорблю,
Как искренно я обожаю,
Как сильно я тебя люблю.
Не говорю, что, умирая,
Двояко я оскорблена,

Что я, любви твоей отдавшись,
Навеки ей подчинена,
Что ты души моей стал жизнью,
Что жизни ты моей душа;
Но лишь одно хочу сказать я,
От горя к горести спеша,
Что та, которая покорной
Вчера была тебе рабой,
Не может быть твоей женою,
Не может нынче быть с тобой:
Коль ты вчера не мог быть смелым,
А нынче ждешь меня, любя,
Я не хочу, чтоб мир смеялся,
Чтоб он злословил про тебя,
Решив, что лишь тогда могла я
Вступить в супружество с тобой,
Когда такое дополненье
Мне было послано судьбой.
Я, окруженная почетом,
В богатстве, думала, что я
Твоей женой быть недостойна;
Но в том была мечта моя,

Я думала об этом счастья.
Реши же, как могу, любя,
Взамену милости желанной,
Быть горькой карой для тебя
И мир соделать очевидцем,
Что именно случилось так:
Мне нужно было быть без чести,
Чтобы вступить с тобою в брак.

Я мстить хочу, и в этом просьба.

Я не могу принять — губя.

Но Клара, ведь тебя люблю я.

Альваро, я ценю тебя.

Ты отказать не в состоянье...

Убью себя, и ты уйдешь.

Так я откроюсь Дон Хуану.

А я скажу, что это ложь.

И это верность?

Долгу чести.

И в том внимание?

К любви.
Клянусь, пред этим ликом неба,
Меня наверною зови,
Коль буду я кому женою,
Не искупивши свой позор;
Лишь этого хочу достичь я.

Но что же, если...

Мой сеньор
Идет внизу по коридору
С большою свитою сюда...

Здесь, в этой комнате укройся.

Вот злополучье!

Вот беда!

СЦЕНА 5-я

Дон Алонсо де Суньига, Дон Фернандо Валор и Дон Хуан Малек. — Донья Клара; Дон Альваро, спрятавшийся.

Малек

Донья Клара

Малек (в сторону)

Донья Клара

Малек

(Донья Клара уходит в ту комнату, где находится Дон Альваро, и стоит за полуоткрытой дверью.)

Дон Алонсо

Малек

Валор

Дон Алонсо

Валор

Дон Альваро (в сторону, к Донье Кларе.)

Донья Клара

Валор

Малек

Валор

Дон Альваро (в сторону)

Валор

Дон Альваро (в сторону, к Донье Кларе)

Донья Клара

Дон Алонсо

Малек

Донья Клара (в сторону)

Малек

(Донья Клара выходит.)

Донья Клара

(В сторону.)

Дон Алонсо

Валор

Дон Алонсо

Малек (в сторону)

Валор

(Уходят втроем.)

Донья Клара

Ты, Клара...

Мой сеньор...

(О, горе!
Уж лучше не встречаться нам!)
Побудь в той комнате.

Что будет?

Узнаешь все, услышишь там.

В Альамбре Дон Хуан Мендоса
Под стражею; и оттого,
Пока не разъяснится случай,
Ты должен дома своего
Не оставлять...

Я принимаю
Арест, и слово вам даю
Не выходить.

Ты не надолго
Свободу потерял свою;
Сеньор Коррехидор сказал мне
(В вопросы чести никогда
Не входит суд), пусть я устрою,
Чтобы окончилась вражда.

Двоякой истиной мы можем
Все разрешить, сеньор Валор:
Нет оскорбленья, нет закона,
Тут возникать не может спор
Ни во дворце, пред государем,

Ни в заседании суда;
Мы все оттуда, — оскорбленье
Проникнуть не могло туда.

Так значит средство...

Слышишь?

Слышу.

Вернейшее, какое есть,
Нашли мы.

Горе, если средством
Должна излечиваться честь!

Как знаем, Дон Хуан Мендоса
Из рода знатного, и он
Супружеством ни с кем не связан;
Всеобщим мненьем вознесен.
И Дон Хуан Малек, в чьих жилах
Кровь от гранадских королей;
А дочь его умом известна
И дивной красотой своей.
Коли за честь он хочет мщенья,
Кто на себя посмеет взять

То дело мести, как не близкий,
Не самый близкий, то есть зять.
И потому, коль с Доньей Кларой
Соединится Дон Хуан,
Тогда...

О, горе мне!

Не ясно ль,
Что, раз такой нам случай дан,
Само собою оскорбленье
Не может быть отомщено;
Он неизбежно — оскорбитель
И оскорбленный заодно,
Как сын и вместе как противник;
И если нет того, кем он
Мог оскорбленным быть, — тем самым
От мести он освобожден.
Равно, в подобном затрудненьи,
Не может Дон Хуан убить
Себя же; и свою обиду
В себе он Должен заключить:
И коль собою быть обижен

Не может человек, тогда
И Дон Хуан свою обиду
В себе сокроет навсегда.
Так честь обоих будет чистой,
И спорить нам нельзя о том,
Что оскорбитель с оскорбленным
Не могут вместе быть в одном.

Я дам ответ свой.

Умоляю,
Не погуби, остановись.

Да, выгоды сторон обеих
В таком решении сошлись.

Как думаю, не состоится
Решенье это, оттого,
Что Клара, дочь, его расстроит...

Есть значит кара для него:
Дает судьба мне в руки мщенье.

Он ненавистен ей; она
Его в супруги не захочет.

Нет, захочу, раз я должна.

Ты думаешь о том, быть может,
Что счастлива не буду я:
Но пусть не будет счастья в жизни,
Была бы честь жива твоя.
Когда б твоим была я сыном,
Меня бы призывал мой гнев,
Чтоб я отмстила, убивая
Или достойно умерев;
Но раз тебе не сын, а дочь я,
Я заключаю из того,
Что чем могу, служить мне нужно,
И значит выйду за него:
Отсюда ясно, что желаю
Я честь твою восстановить.

(И раз я убивать бессильна,
Я буду, умирая, мстить.)

Твой только разум был способен
Вложить в понятие одно
Такое смелое решенье.

И случай победят оно.
Итак, запишем на бумаге,

Чтобы оформить все, о чем
В согласьи мы договорились.

Ее мы оба понесем.

Пока готовится восстанье,
Прибегнуть к этому хочу.

Все кончится благополучно,
Раз я об этом хлопочу.

Теперь, пока писать бумагу
Они ушли в другой покой,
Тебе уйти, Альваро, можно,
Никто не встретится с тобой.

СЦЕНА 6-я

Дон Альваро. — Донья Клара.

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

(Уходят.)

Уйду, уйду, с решеньем твердым
Не возвращаться никогда,
Чтобы не видеть, что измена
Гнездится может иногда
В груди настолько благородной;
И если я, в твоих словах
Увидев смерть, не поднял бурю,
То не почтенье и не страх,
А удовольствие, затем что
Такою низкою...

Горе мне!

Которая одновременно,
Отдавшись лживости вполне,
Скрывая у себя мужчину,
С другим желает в брак вступить.
Такой не дорожу я больше
И не хочу ее любить.

Альваро, удержи свой голос.
Ты ошибаешься, грозя;

Все объясню тебе я после.

Нет, это объяснить нельзя.

Быть может, можно.

Не сама ли,
Я слышал, объявила ты,
Что руку отдаешь Мендосе?

Решили так мои мечты.
Но их конец ты разве знаешь?

Какой конец? Меня убить!
Скажи, какое оправданье
Еще ты можешь сочинить?
Он твоего отца унизил
И вместе с тем убил меня.

Альваро, я надеюсь твердо.
Что мы того дождемся дня,
Когда вполне ты убедишься,
Что злой пример не мной был дан,
Что изменяешь ты...

Кто видел
Такой утонченный обман?

Ему свою дала ты руку?

Дала.

Чтоб стать женой его?

Нет.

Ну, так как же ты сумеешь?..

Я не отвечу ничего.

Как сможешь, Клара, руку давши,
Не сделаться его женой?

Когда мою возьмет он руку,
Тем самым будет он со мной,
И он в моих руках, как в петле,
Быть может смерть свою найдет.
Так что же, ты теперь доволен?

Нет. Если только он умрет
В твоих руках, он этой смертью
Тебя, живую, осквернит,
И руки у тебя, о, Клара,
Чрезмерно хороши на вид,
Чтобы казнить. Но если в этом
Твое намеренье, заметь,

Что перед тем как он успеет
В твоих объятиях умереть,
Его убивши, от сомнений
Я буду быстро излечен.

И в том любовь?

То голос чести.

Вниманье?

Ревности закон.

Смотри, отец писанье кончил.
Кто удержать бы мог тебя!

О, как немного было б нужно,
Чтобы остался я, любя!

СЦЕНА 7-я

Зала в Альгамбре.

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Дон Хуан де Мендоса, Гарсес.

Гнев никогда ни в ком не может быть разумен.

Не извиняй себя. Ты прав был в этот миг,
Поддавшись гневу и его ударив.
Христианин вчерашний, он — старик,
И потому он счел вполне возможным,
Чтоб был Гонсалес де Мендоса оскорблен.

Есть множество людей, что, пользуясь почетом,

Надменны и заносчивы, как он.

Для этих кондестабль Дон Иньиго,

(Который нам пример прекраснейший явил),

Одною шпагою всегда был опоясан,

Другою же с собой как палку он носил.

И будучи однажды спрошен,

Зачем две шпаги у него,

Он отвечал: "Одну, которой опоясан,

С собой ношу я для того,

Кто сам у пояса всегда имеет шпагу,

Другую же, что служит мне как трость,

Ношу я для того, кто, шпаги не имея,

Своею наглостью во мне пробудит злость".

Он вправду доказал, что каждый кабальеро

Две шпаги должен бы носить, с игрой двойной,

И раз исход игры всегда решает шпага,
Чтоб здесь внезапно надо мной
Какой-нибудь не посмеялся случай,
Дай шпагу мне свою: хоть и под стражей я,
Пускай не буду без оружья.

Я счастлив, что судьба моя
Сегодня быть с тобою мне велела,
И буду близ тебя, коли придет твой враг.

Скажи, Гарсес, а как пришел ты из Лепанто[62]*?*

Домой я возвратился так,
Как с поля бранного приходит
Солдат, увидевший победные полки
И бывший в деле столь блестящем,
Под мановением властительной руки,
Служа рожденному орлом непобеди-

[62] Примечания: 62

Скажи, Гарсес, а как пришел ты из Лепанто? - Анахронизм. Сражение при Лепанто (7 октября 1570 г.) произошло уже после подавления восстания морисков. См. в статье Н. И. Балашова, наст, изд., кн. 1.

мым[63]*?*

Что, крылья протянув над царством многих стран,
Был в гордой мощи вне сравненья.

Как прибыл повелитель Дон Хуан?

Своим довольный предприятьем.

И было доблестным оно?

Так слушай же. С союзным войском...

Мне нынче твой рассказ узнать не суждено.
Там женщина пришла, закрытая вуалью.

Да, значит мне молчать пора:
Коль этот козырь показался,
Тогда окончена игра.

---

[63] Примечания: 63

Под мановением властительной руки, //Служа рожденному орлом непобедимым. - Имеется в виду дон Хуан Австрийский (1547-1578), побочный сын императора Карла V, прославившийся как полководец в многочисленных войнах, которые вела тогда Испания. В частности, он командовал соединенными испанскими и разными итальянскими войсками в морской битве при Лепанто. В испанской литературе XVI - начала XVII в. он окружен ореолом героя и великого полководца.

СЦЕНА 8-я

Донья Исабель Тусани, закутанная вуалью. — Те же.

Донья Исабель

Мендоса

Гарсес

Мендоса

Гарсес

Мендоса

(Гарсес уходит.)

Пусть скажет Дон Хуан Мендоса,
Раз женщина сюда приходит
Узнать, как чувствует себя он
В тюрьме, — он может дать ответ?

Зачем же нет? — Гарсес, оставь нас.

Заметь, сеньор, быть может это...

Ее по голосу узнал я,
Не бойся.

Я иду.

Ступай.

СЦЕНА 9-я

Донья Исабель, Дон Хуан де Мендоса.

Мендоса

Донья Исабель

Мендоса

Донья Исабель

Мендоса

Одновременно сомневаюсь
Я в зрении своем и в слухе,
Не знаю, что из них солгало
И что мне правду говорит:
Коли глазам своим доверюсь,
Твой вид не то, что ты на деле;
А если я поверю слуху,
Так ты не то, что ты на вид.
Мое желанье не отвергни
И совлеки туман воздушный,

Сними с себя покров свой черный,
Пусть скажет слух мне и глаза,
Что, если ты предстала свету,
Сегодня дважды встало солнце.

Чтоб ты не сомневался больше,
Кто Дон Хуан, к тебе пришел,
Должна открыть свое лицо я;
А то встревоженная ревность
Не хочет, чтоб, догадки строя,
Ты думал, кто бы это был.
Я, видишь...

Исабель, сеньора!
Ты у меня, в такой одежде,
В наряде, столь с тобой несхожем,
Ты так являешься ко мне!
Да как же мог я, как же мог я
В подобное поверить счастье?
Мне нужно было сомневаться?

Как только все узнала я,
Узнала, что ты здесь, под стражей,
Любовь не захотела медлить,

И, прежде чем домой вернулся
Мой брат Альваро Тусани,
Сюда пришла я со служанкой,
(Благодари!) она осталась
У двери.

Исабель, несчастье
Мне было счастьем, лишь ему...

СЦЕНА 10-я

Инес, в мантилье, испуганная. — Те же.

Инес

Донья Исабель

Инес

Донья Исабель

Мендоса

Донья Исабель

Мендоса

Донья Исабель

(Обе прячутся)

Сеньора!

Что, Инес, случилось?

Идет сеньор мой, Дон Альваро.

Хоть я пошла переодетой,
Быть может он меня узнал?

Какой непобедимый случай!

Коли за мной пришел он следом,
Погибла я.

Раз ты со мною,
Чего бояться можешь ты?
Войдите в этот зал соседний
И поскорее там запритесь;
Хотя бы он намеревался
Найти тебя, он не найдет,
Меня не умертвивши прежде.

В какой опасности великой
Я так нежданно очутилась.
О, помогите небеса!

СЦЕНА 11-я

Дон Альваро. — Дон Хуан де Мендоса;

Дон Альваро

Мендоса

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

Дон Альваро (в сторону)

Мендоса

(В сторону)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

Мендоса (в сторону)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Мендоса

(Бьются.)

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

Мендоса (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

(Наткнувшись на стул. Дон Альваро падает, Донья Исабель выходит, закутанная в вуаль, и удерживает Дон Хуана.)

Дон Альваро

Донья Исабель (к Дон Хуану)

(В сторону.)

(Уходит.)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Мендоса

(Бьются.)

Донья Исабель (в сторону, за занавесом)

(За сценой слышится стук в дверь.)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

Мендоса

Донья Исабель (выходя)

Дон Альваро

Мендоса

(Донья Исабель открывает дверь.)

Донья Исабель, спрятавшаяся.

С тобою, Дон Хуан Мендоса,
Я без свидетелей хотел бы
Поговорить.

Нас здесь лишь двое.

В его лице кровинки нет.

Закрою дверь.

Закрой.

(Прекрасно!)

Закрыта дверь. Теперь внимай мне.
Сейчас услышал я случайно,
Что для того, чтоб увидать
Тебя, приходит...

Это правда.

В тюрьму...

И ты обманут не был.

Тот, чьей душой и самой жизнью
Моя душа оскорблена.

Возможно ли сказать яснее?

О, небо, больше нет надежды!

И потому сюда пришел я,
(Опередивши всех других,
Чтоб помешать осуществленью
Подобной непристойной дружбы),
Дабы за честь свою вступиться.

Не понимаю слов твоих.

Я объясню тебе подробно.

Он не за мной; могу волненье
Выдохнуть.

Коррехидор надумал, —
И Дон Фернандо де Валор,
В родстве с Малеком состоящий, —
Что будто бы необходимо
Обосновать такую дружбу;
Мне надлежит ей помешать.
А почему, причин есть много,
Но говорить их не желаю;
И будь что будет, все равно мне,
Я лишь по прихоти пришел,
Взглянуть, что, храбрый с престарелым,
Настолько ли бесстрашен с юным,
И, словом, я пришел увидеть,
Кто будет из двоих убит.

Меня ты очень обязал бы,
Когда бы рассказал короче.

В чем состоит твое желанье,
А то, смутившись, думал я,
Что здесь замешано другое
Соображенье, посерьезней;
В том, что сказал ты, нет причины,
Чтоб озабоченным я был.
И так как должен я сражаться,
Кто б ни желал со мною биться,
Пред тем как с предложеньем дружбы,
О чем ты мне сказал, придут, —
Чтобы ты мог ее расстроить,
Скорей за шпагу.

Лишь за этим
Сюда пришел я; чтоб ты умер
Скорей, чем мог предположить.

Так поле битвы перед нами.

От затрудненья к затрудненью
Меня влекут мои несчастья.
Случалось ли еще кому
Возлюбленного видеть с братом,
Дерущихся, и быть лишенной

Возможности в их спор вмешаться?

Как смел он!

Как искусен он!

Что делать? за игрой слежу я,
И выигрыша я б желала
Обоим, потому что оба
Настолько связаны со мной...

Я падаю, о стул споткнувшись.

Остановись!

(Но что со мною?
Так чувство сердцем овладело.)

Ты дурно сделал, не сказав,
Что за стеной скрывались люди.

На что ж ты жаловаться можешь.
Коль жизнь тебе она дарует?
Раз помогла она тебе,
Она моим врагом явилась,
А не союзником. Но все же
Ее поступок был излишним,
Я знаю хорошо и сам

Законы рыцарства, и так как
Твое падение — случайность,
Тебе бы дал я встать спокойно.

Двояко благодарен я
Той даме: жизнь она дала мне,
И прежде чем ее успел ты
Мне дать, — так значит я свободен
От обязательства к тебе
И, подчиняясь чувству гнева,
Могу с тобою биться снова.

Кто ж нам мешает, Дон Альваро?

О, если б я могла кричать!

Стучат.

Как быть?

Живой откроет,
Другой умрет.

Отлично.

Прежде
Я им открою, чтоб впустить их.

Не открывать.

Не открывать.

СЦЕНА 12-я

Дон Фернандо де Валор, Дон Алонсо; потом Инес. — Донья Исабель, закутанная в вуаль, Дон Альваро, Дон Хуан де Мендоса.

Донья Исабель

Дон Алонсо

Донья Исабель (в сторону}

Дон Альваро

Мендоса

Дон Алонсо

(Выходит Инес)

Донья Исабель (в сторону)

(Обе уходят)

Сеньоры, этот кабальеро
И этот, оба ищут смерти.

Остановитесь; раз мы видим,
Что бьются меж собой они
И раз ты здесь, нам очевидно,

Что ты причина их раздора.

О, горе! Где найти спасенье
Хотела, гибель я нашла.

Чтоб дама, жизнь моя которой
Обязана своим спасеньем,
Не подвергалась подозренью,
Я, не скрываясь, объясню,
Чем побужден я был к дуэли.
В ней не любовь была причиной,
Но я как родственник явился,
Чтоб в чести Дон Хуан Малек
Был этой местью восстановлен.

И это правда, потому что
Ко мне случайно эта дама
Пришла сюда.

Ввиду того,
Что примирением, в котором
Установили мы условья,
Раздор улажен будет, — лучше,
Чтоб был окончен этот спор
Без крови, так как побеждает

Вдвойне, кто победил без крови.

Ступайте же, сеньоры, с Богом.

Лишь в этом выиграла я.

СЦЕНА 13-я

Дон Алонсо, Дон Альвиро, Дон Хуан де Мендоса, Дон Фернандо де Валор.

Валор

Мендоса

Валор

Мендоса

Валор

Мендоса

Дон Альваро

Дон Алонсо

Твоим родным, а также нашим,
Казалось, Дон Хуан Мендоса,
Что лучше, если этот случай
(Как мы в Кастилье говорим)

Останется в стенах, и ссора
Союзом мирным завершится.
Установив родство двойное;
И если с Доньей Кларой ты,
С прекрасным фениксом Гранады,
Соединишься, — как участник
Тогда...

Умолкни, Дон Фернандо
Валор: препятствия здесь есть.
Коль феникс — Донья Клара, может
Она в Арабии остаться;
Затем что в царстве гор кастильских
До фениксов нам дела нет.
И, как считаю, не пристало
Таким, как я, союзом брачным
Выплачивать за честь чужую,
И непристойно было б нам
Смешать с Мендосой кровь Малека,
Нет благозвучья в сочетаньи
Имен Мендосы и Малека.

Малек такой же...

Как и ты.

Да, потому что происходит
Он от властителей Гранады;
Ты так сказал; царями были
Малека предки и мои.

Мои же, и не быв царями,
Владык знатнее мавританских.
Мои воинственные предки
Из царства Астурийских гор.

Все, что сеньором Дон Фернандо
Здесь будет сказано об этом,
Я подтвержу на поле битвы.

Я быть судьей перестаю
И предстаю как кабальеро;
Я был в Кастилии Суньига,
Пред тем как был судьей назначен.
И потому, оставив жезл,
Где б ни было и как захочешь,
Я буду рядом с Дон Хуаном
И докажу...

СЦЕНА 14-я

Слуга. — Те же.

Слуга

Дон Алонсо

Мендоса

Дон Алонсо

Мендоса

Дон Алонсо

Мендоса

Дон Алонсо

(Дон Алонсо уходит, Дон Хуан де Мендоса уходит, сопровождая его.)

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Сюда приходят.

Все примем достодолжный вид.
Я вновь в свою вступаю должность.
Ты, Дон Хуан, здесь оставайся
Под стражею.

Я повинуюсь.

Вы оба можете идти.

И раз хотите вы ответа...

Меня и Дон Хуана всюду...

Нас можете найти со шпагой...

С одной защитою — с плащом.

И я на это соглашаюсь!

И это допустить могу я!

За то, что стал христианином,
Я так глубоко оскорблен?

Раз я его закон воспринял,
Так обо мне никто не вспомнит?

Свидетель Бог, я буду трусом,
Когда я не измыслю месть!

Клянусь, что буду я бесчестным,
Коль за себя не отомщу я!

Пусть только небо даст мне случай...

Пусть только случай даст судьба...

Раз только небо мне позволит...

Раз только рок меня допустит...

Узнаете, как многократно...

Испания оплачет вся...

Бесстрашие...

Непобедимость
Руки надменной и могучей...

Бесстрашно-царственных Валоров.

Неустрашимых Тусани.

Мои слова ты слышал?

Слышал.

Так пусть язык теперь умолкнет,
Пусть слово начинают руки.

А кто ж не хочет начинать?

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Горная цепь Альпухарры. — Окрестности Галеры.

Бой барабанов и звуки труб; выходят солдаты, Дон Хуан де Мендоса и Сеньор Дон Хуан Австрийский.

Дон Хуан

Мендоса

(В сторону.)

Дон Хуан

(За сценой призыв к оружию.)

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

(Призыв к оружию.)

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

(Призыв к оружию.)

Мендоса

Дон Хуан

(Призыв к оружию.)

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

Мятежные обрывы гор,

Чья высь чрезмерная, чья дикость

Смущает взор,

Нагроможденностью своей ты давишь землю,

Тяжелой глыбою, как неоглядный склеп,

Стесняешь воздух и сужаешь небо;

Берлога, воровской вертеп,

Чье лоно, мятежи зачавши,

Рождает молния с грохочущим дождем

И вплоть до Африки далекой
Бросает голос свой, как гром;
День роковой сегодня, да, сегодня,
Для хитрости твоих измен:
Сегодня с карою, как мститель,
Я прихожу к оплотам горных стен.
Хоть я стыжусь, что столь ничтожной славой
Украшен буду: воевать
С бандитами не будет значить
Их побеждать, а убивать.
И для меня в том мало чести —
Среди угрюмых этих гор
Разбить своим оружьем шайку,
В которой каждый — плут и вор.
Так пусть же временам грядущим передастся,
Что, честию своею дорожа,
Зову я это карой, не победой.
Но знать хотел бы я причину мятежа.

Итак, внимай повествованью,
Орел властительно-геройский,

Перед тобою Альпухарра,
Оплот пустынно-диких скал,
Пред нами горная твердыня,
Где ныне собрались мориски,
Чтоб вновь, как горцы-африканцы,
Испанию завоевать.
Она по высоте опасна,
По скату стен крутых упорна,
По положенью неприступна,
Непобедима по тому,
Какие силы в ней сокрыты.
В окружности она простерта
Миль на четырнадцать, с прибавкой
Еще пятидесяти миль,
Благодаря ее провалам;
Между вершиной и вершиной
Прекрасные лежат долины,
Пестреют пышные сады,
Глядят поля с обильной жатвой,
И вся громада гор покрыта
Селеньями и деревнями
Настолько, что, когда закат

Свое сиянье разбросает,
Они глядят как глыбы камня,
Что в глушь с вершины оборвались,
Но вниз не падают с горы.
Важнейшие из наилучших —
Галера, Гавия и Верха,
Сосредоточья бранных воинств
Тех трех, что ныне правят всем.
Всех в общей сложности морисков
Там тридцать тысяч, не считая
Детей и женщин, и имеют
Они обширные стада.
Хотя они по большей части
Едят не мясо, а лесные
Плоды, и овощи, и хлебы
С своих разделанных полей.
Они в искусстве земледелья
Так опытны и так усердны,
Что даже камни заставляют
Произрастанья им давать,
И раз у них в руке мотыга,

Для них плоды рождают скалы[64]
Позволь мне обойти молчаньем,
Что может быть отчасти я
Причиной был для возмущенья.
Хоть лучше мне сказать, что был я
Причиной первой, потому что
Ей не были для мятежа
Суровые постановленья,
Которые их столь стеснили;
Я должен так сказать, затем что,
Коль на одном вина всего,
Пускай она моею будет.
Но оттого ли, что случилась
Та ссора, где я был несдержан,
Иль оттого, что, день спустя,
При входе в айюнтамиенто,
Начальник главный альгвасилов
Из-под плаща взял у Валора

---

[64] Примечания: 64

Итак, внимай повествованью, // ...Для них плоды рождают скалы. - Очень показательный для драмы отрывок. Подсчитано, что в 29 отрывках пьесы (207 стихов) - почти 7% всего текста - речь идет о нравах и обычаях морисков, а в 34 случаях (примерно 192 стиха) - описывается природа Альпухарры.

Кинжал, который спрятал он,
Иль оттого, что ежедневно
Из сфер придворных исходили
Распоряженья, цель которых
Была все больше их стеснять,
И вот, отчаявшись, и в гневе,
Они поднять мятеж решились, —
Что б ни было, но, сговорившись,
Они постановили так,
Что, тайну свято соблюдая,
Они сберутся в Альпухарре,
Перенеся туда богатства,
Оружие и провиант.
Три года заговор скрывался,
Три года полное молчанье
Хранили знавшие измену,
Хотя так много было их:
Не поразительно ли это,
Что из собранья в тридцать тысяч,
Замысливших деянье это,
Не оказалось никого,
Кто разгласил бы эту тайну

Столь многих дней, умов столь многих.
Как заблуждается глубоко,
Кто говорит, что меж троих
Опасность постигает тайну.
Меж людных толпищ в тридцать тысяч,
Коль меж собой они согласны,
Опасности для тайны нет.
Как первый знак раскатов грома
От бури, что таилась в недрах
Угрюмых этих гор, где дерзость
С изменой прятались в тени,
Возникли грабежи, убийства,
И ограбленья многих храмов,
И вероломство, и кощунства,
И, словом, целый ряд злодейств,
Таких, что, вся в крови, Гранада
Стенанья к небу посылая,
Злосчастным сделалась театром
Трагедий и жестоких бед.
Пришло на помощь правосудье,

Но претерпело пораженье,
И тотчас встало в оборону,
И превратило посох в меч.
Где раньше было уваженье,
Там появилося насилье,
И гневный миг сопротивленья
Гражданской кончился войной.
Коррехидора умертвили,
И город, чувствуя опасность,
Воззвал к оружью, собирая
Всех ополченцев для борьбы.
Их оказалось недовольно,
Судьба всегда стоит за новость:
Приняв сторону мятежных,
Нам неудачи лишь дала.
А неудачи и несчастья
Настолько глупы и упрямы,
Что, раз упорствовать желают,
Так не предвидишь им конца.
У нас в рядах забота встала,
И наши возросли потери,
А в их рядах возникла гордость,

И возросла для всех беда.
Из Африки, как мы узнали,
Ждут их дружины подкрепленья,
И ежели оно прибудет,
Чтобы ему отрезать вход,
Дробить нам нужно будет силы.
И сверх того, коли пред нами
Они свою проявят гордость,
Другим морискам в том пример
Достойный будет подражанья;
Уже в Валенсии мориски,
В Кастилье и в Эстремадуре,
Чтобы немедленно восстать,
Ждут хоть какой-нибудь победы.
И чтоб ты ясно мог увидеть,
Что, хоть они и очень дерзкий,
Весьма решительный народ,
Но в то же время понимают
И государственную мудрость,
Скажу, какое их правленье;
Разведали об этом мы
От нескольких шпионов взятых.

Важнейшее, что нужно было
И что они сперва решили,
Избранье одного вождя.
И хоть касательно избранья
Был некий спор, меж Дон Фернандо
Валором, знатности особой,
И Дон Альваро Тусани,
Таким же знатным, — спор был кончен.
И Дон Хуан Малек придумал,
Что Дон Фернандо будет править,
Взяв в жены Донью Исабель,
Сестру родную Дон Альваро.

(О, как мне тягостно припомнить
Об этом Тусани, который
Так уважаем меж своих,
Что если сам Царем не выбран,
Его сестра Царицей стала!)
Итак, Валор, чуть был он выбран,
Как дал немедленно приказ, —
Чтобы противоставить нашим
Распоряжениям суровым

Свои решенья, иль затем, чтоб
Сильнее угодить своим,
И тем вернее ими править, —
Приказ, чтобы никто меж ними
Обрядов христианской веры
Не исполнял, и чтоб имен
Они не знали христианских:
Желая первый дать пример им,
Он подписал — Абенумейя,
Как звались прежние цари,
Владыки Кордовы, которых
Наследник он. Затем в приказе
Стояло, чтобы говорили
Все на арабском языке,
Ни на каком другом; чтоб всюду
В одеждах были мавританских;
Чтоб только секты Магомета
Держались впредь. Издав приказ,
Распределил он тотчас силы:
Галеру, самый ближний город,
Который видишь пред собою,
Чьи стены мощные и рвы

Построены самой природой
Так поразительно искусно,
Что без пролитья многой крови
Ей невозможно овладеть,
Он передал во власть Малеку,
Отцу прекрасной Доньи Клары,
Зовущейся теперь Малекой.
Для Дон Альваро Тусани
Он выбрал Гавию, что ими
Зовется Гавией Высокой.
А сам обосновался в Берхе,
В том сердце, чьим огнем живет
Весь этот исполин из камня.
Таков их общий план, — насколько
Его отсюда можно видеть;
И здесь перед тобой, сеньор,
Вся Альпухарра, чьи высоты
В своем величии свирепом
Как бы сползают по уступам,
Чтобы упасть к твоим ногам.

Рассказ твой, Дон Хуан, достоин
Тебя и имени Мендосы,

В нем верноподданность двойная.

Но чу! я слышу барабан.
Что б это значило?

Солдаты
Проходят на смотру.

Какие
Отряды это?

Из Гранады
И изо всех селений, где
Хениль стремит свое теченье.

А кто командует над ними?

Маркес Мондехар, граф Тендильи,
Алькайд пожизненный земель
Гранады, и алькайд Альгамбры.

Его воинственное имя
Гроза для мавров африканских.

Откуда этот новый строй?

Из Мурсии.

А им кто правит?

Маркес великий Де лос Велес.

Пусть будут летописью громкой
Деянья славные его.

А те отряды — из Баэсы,
Начальник их — вояка бравый,
Ему поставить нужно было б
Такие ж статуи, как он,
Бессмертные по бранной славе,
Санчо де Авила.

И сколько б
Ты ни хвалил его, все мало,
Пока не скажем, что в боях
Его учитель — герцог Альба,
Чья школа — быть всегда победным
И никогда не побежденным.

А этот полк сюда идет
Из Фландрии, простор Мааса
Меняя на простор Хениля,
На этот Юг меняя Север,
Как жемчуга на жемчуга.

Кто с ним приходит?

Знаменитый —
Чудовище по благородству
И по решимости — Дон Лопе
Де Фигероа.

Много мне
Слыхать случалось о великой
Его решимости и малом
Терпении.

Страдая тяжкой
Подагрой, он нетерпелив,
Из-за того, что он не может
Служить войне, как он хотел бы.

Мне хочется его увидеть.

СЦЕНА 2-я

Дон Лопе де Фигероа. — Те же.

Дон Лопе

Дон Хуан

Дон Лопе

Дон Хуан

Дон Лопе

Клянусь, в желании таком
Тебе, мой светлый повелитель,
Не уступлю я ни на йоту:
Лишь оттого свои я ноги
Терпел, чтобы припасть к твоим.

Как чувствуешь себя, Дон Лопе?

Как тот, кто, Фландрию покинув,
До Андалузии добрался,
Чтоб только быть твоим слугой.
Раз ты во Фландрию не хочешь
Идти, — вполне необходимо,
Чтоб Фландрия к тебе явилась.

Пусть соизволят небеса,
И я приду. Ну, как солдаты?

А так, что, если б Альпухарра
Была не менее как адом,
И в ней алькайдом — Магомет,
Они, сеньор, в нее вошли бы...
За исключеньем тех, конечно,
Что по скалам не могут ползать,

Подагру тяжкую терпя...

СЦЕНА 3-я

Солдат, Гарсес, Алькускус. — Те же.

Солдат (за сценой)

Гарсес (за сценой)

(Входит Гарсес, на спине у него Алькускус.)

Дон Хуан

Гарсес

Дон Лопе

Гарсес

Алькускус (в сторону)

Дон Хуан

Гарсес

Дон Хуан

Алькускус

Дон Хуан

Алькускус

Дон Хуан

Алькускус (в сторону)

Дон Хуан (в сторону, к Мендосе)

Мендоса

Дон Хуан

Гарсес

Дон Хуан

Мендоса

(Уходят Дон Хуан Австрийский, Дон Хуан де Мендоса, Дон Лопе и солдаты.)

Остановитесь.

Прочь: я должен
Пройти туда.

Что там такое?

Я на посту стоял, у склона
Вон той горы, услышал шум
Среди ветвей, иду и вижу,
Вот этот пес там притаился,
Шпион, конечно. От мушкета
Ремнем я руки у него
Скрутил, и чтоб собачьим лаем

Он рассказал нам, что такое
У них творится, за горами,
Вмиг за спину его к себе,
И здесь мы.

Молодец, ей Богу!
И есть солдаты здесь такие?

А ваша милость полагает
Что все во Фландрии они?

Ну, Алькускус, дела важны,
Вкруг шеи чувствую, как будто
Ее удавливает что-то.

Тебя я знаю, ты храбрец
И не впервые отличился.

О, как владыки награждают
И без наград, когда похвалят!

Поди сюда.

Мне говоришь?

Тебе.

Так слишком много чести,
Побуду здесь.

Ты кто?

(Мне нужно
На хитрости теперь пуститься.)
Я Алькускус, мориск; меня
Насильно взяли в Альпухарру;
По совести хрестиянин я,
Я знаю Трощу и Credo,
Pan Nostro, Salve Reina,
И заповеди разумею,
Числом четырнадцать; сказал я,
Что я хрестиянин, другие
Меня решили — прочь с земли;
Ну, я от них скорее тягу,
Бегу, и тут же попадаюсь
В другие руки. Если только
Меня помилуют, я вам
Все расскажу об них и место
Вам покажу, где вы войдете,
Не встретивши сопротивленья.

Как полагаю я, он лжет,
А может, говорит и правду.

Сомненья нет, что между ними
Есть много христиан. Я знаю
Одну, которую они
С собою увели насильно.

Итак, всему не будем верить,
Во всем не будем сомневаться.
Гарсес, мориска удержи
Как пленника...

И дам отчет я
О нем.

Из слов его увидим,
Обман ли это или правда.
Теперь стоянки обойдем,
Дон Лопе, и решим, откуда
Начать удобней наступленье.

Пусть Ваша Светлость все рассмотрит
Внимательно: на вид легко
Пойти на приступ, а на деле
Предстанет много затруднений;
И предприятья есть, как наше:

Их выиграть — почета нет,
Их проиграешь — униженье;
Итак, не выигрыш нам важен,
А важно, чтоб не проиграть нам.

СЦЕНА 4-я

Гарсес, Алькускус.

Гарсес

Алькускус

Гарсес

Алькускус

Гарсес

Алькускус

Гарсес

Алькускус

Гарсес

Алькускус (в сторону)

Гарсес

Алькускус

Гарсес

Алькускус (в сторону)

(Уходят.)

Ты, как зовут тебя?

Я Рис.
Я Алькускус между морисков,
Так по-хрестьянски буду Рисом.
Из мавританской знать похлебки
Мне в хрестиянской быть судьба.

Ну, Алькускус, ты мой невольник:
Смотри, не ври.

Прошу покорно.

Ты обещался Дон Хуану
Австрийскому...

Так это он?

Что ты ему покажешь место,
Где может он войти в сиэрру.

Да, господин.

Хоть это правда,

Что он пришел вас покорить,
И с ним маркесы, Де лос Велес
И де Мондехар, — и Дон Лопе
Де Фигероа с ним, — и Санчо
Де Авила, — но я хочу,
Чтобы вступленье в эти горы
Лишь мне благодаря случилось:
Веди меня туда, хочу я
Все осмотреть и рассудить.

(Христианина проведу я
И ворочуся в Альпухарру.)
Идем со мной.

Постой минутку.
Когда я выходил на пост
И в кордегардии оставил
Обед свой на огне; с собою
Его в суме теперь возьму я
(Чтобы времени нам не терять),
И в путь.

Отлично.

Так идем же.

О, Магомет! Услышь, пророче,
Спаси, и я отправлюсь в Мекку,
Хоть не пойму ни бе, ни ме.

СЦЕНА 5-я

Берхе.

Мориски и музыканты; и вслед за ними Дон Фернандо Валор и Донья Исабель Тусани.

Валор

Донья Исабель

Валор

(Музыка.)

Здесь, на зеленом этом склоне,
Где, пышноцветна и нежна,
Цветы на всенародный праздник
Сзывает ясная весна,
Чтобы в собраньи этом ярком,
Сильнейшей в чарах красоты,
Царице — розе присягнули
В повиновении цветы, —

Моя прелестная супруга,
Сядь здесь; вы пойте: может быть
Влиянье музыки сумеет
Ее унынье победить.

Воинственный Абенумейя,
Тебя дубовые листы
С могучих склонов Альпухарры
Венчают, — столь победен ты;
Тебя да увенчает также
Священный лавр, дитя измен
Пред солнцем, — в час когда Испанец
Оплачет свой жестокий плен:
Знай, не презрение к блаженству
Любви и доблести твоей
Меня печалью исполняет
В теченье этих долгих дней,
Но в этом рок мой; потому что
Так переменчив рок всегда,
Что чуть нам радость улыбнется,
Глядишь, за ней идет беда.
И скорбь моя не от причины,
(О, если б Бог желал того!),

А от такой непостоянной
Измены рока моего.
Раз не могу не быть счастливой,
Как не бояться мне, что вслед
За этим счастьем вдруг настанет
Грядущий миг сокрытых бед?

Коль оттого ты так печальна,
Что миг бежит, легко скользя
Меж радостей, — мне жаль, Лидора,
Тебя утешить мне нельзя.
Ты будешь, я боюсь, печальней
И все печальней с каждым днем:
Ведь власть моя с моей любовью
Все новым светятся огнем.
Так пойте в честь ее звучнее,
Прославьте образ дорогой:
Печаль и музыка, в созвучьи,
Всегда идут рука с рукой.

О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги в забытьи:
Вы так неверно торопливы,

Что нет сомненья, вы мои.

СЦЕНА 6-я

Малек, говорит с Доном Фернандо, преклонив колено; с двух разных сторон Дон Альваро и Донья Клара, в мавританских, одеждах; они остаются у дверей; Беатрис. — Те же.

Донья Клара (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

(Музыка не перестает звучать, хотя сцена идет своим чередом.)

Донья Клара (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

Донья Клара (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

Донья Клара (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

(Музыка)

Все (в сторону)

Малек

Валор

Малек

Валор

Донья Клара

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

Донья Клара

Донья Исабель

(В сторону.)

Малек

Дон Альваро

Донья Клара

Оба

(В то время как они дают друг другу руки, за сценой слышен барабанный бой.)

Все

Малек

Дон Альваро

Валор

Дон Альваро

(Новый призыв к оружию.)

"О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги, в забытьи..."

"Вы так неверно торопливы,
Что нет сомненья, вы мои".

Какую боль я ощутила,
Услышав музыку едва!

Каким смущеньем я проникся,
Услышавши ее слова!

Когда отец сюда приходит,
Затем чтоб завершить мой брак...

Когда любовь сулит мне счастье
И подает мне тайный знак...

Пусть вы, мечты мои, счастливы...

Пусть вы горите в забытьи...

Вы так неверно торопливы,

Что нет сомненья, вы мои.

Сеньор, под громкий шум оружья
Любовь не устает мечтать,
И я, мечтанья эти видя,
Решил Малеке мужа дать.

Скажи мне, кто счастливец этот?

Твой храбрый шурин, Тусани.

Вполне благоразумный выбор,
Друг к другу так идут они,
И так звезде единой служат,
И так ведут мгновеньям счет,
Что без нее он жить не мог бы,
И без него она умрет.
Что ж их не видно?

С легким сердцем
Я прихожу к твоим стопам.

Я жду, счастливый, чтобы дал ты
Властительную руку нам.

Тысячекратно обниму вас,
И так как мудрый алькоран

Освободил нас от обрядов,
И лишь один закон нам дан, —
Чтобы взаимными дарами
Друг другу предались они, —
Пускай отдаст теперь Малеке
Свои подарки Тусани.

Все слишком мало для волшебной,
Столь лучезарной красоты;
Ей солнце самое подвластно,
В лазури, дивной чистоты.
И я боюсь, что, бриллианты
Отдав небесному царю,
Лишь то, что от него исходит,
Ему я этим подарю.
Вот Купидон с своим колчаном;
Хотя из бриллиантов он,
Все ж пред тобою преклонился,
Как раб покорный, Купидон.
Вот ожерелье из жемчужин;
Заря их утром пролила
Как слезы, но подумать можно,
Что это ты их собрала.

Вот здесь орел; в нем цвет роскошный
Моей надежды; только он
Взглянуть на солнце может смело
И будет солнцем озарен.
Вот здесь для головной накидки
Заколка, радостный рубин;
Он больше мне служить не будет,
Закончен круг моих судьбин.
А это память... Но не нужно,
Чтоб ты ее теперь брала;
Хочу, чтоб без моих усилий
Она всегда с тобой была.

Твою любовь, твои подарки
Я принимаю, Тусани,
Всю жизнь, тебе я обещаю,
Со мной останутся они.

Я счастья вашему союзу
Желаю.

(Мне же
Суждено скорбеть.)

Друг другу дайте руки,

Пусть будут две души — одно.

К твоим ногам я повергаюсь.

Навек обнимемся с тобой.

О счастье...

Что там такое?

Испанский барабанный бой,
Не наши это барабаны.

Кто был в смущении таком?

Помедлим с празднованьем свадьбы,
Пока не разузнаем, в чем
Причина случая такого...

Еще не догадался ты?
Причина в том, что стал я счастлив,
И только солнце с высоты
На это счастье посмотрело,
Как предо мною в сей же час
Под звон испанского оружья
Тот свет пленительный погас.

СЦЕНА 7-я

Алькускус, за плечами у него сума. — Те же.

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Валор

Алькускус

Валор

Донья Исабель

Донья Клара

Валор

(Уходят Дон Фернандо, Валор, Донья Исабель, Малек, мориски и музыканты.)

Благодаренье Магомету,
Аллах молитву услыхал,
И я до ног твоих добрался.

Где, Алькускус, ты пропадал?

Все здеся.

Что с тобой случилось?

Был на посту я, сторожил,
А супостат один постылый
Подкрался сзади и схватил
Меня за шиворот; не медля
Меня представил значит он
К какому-то там Дон Хуану;
Я так и сяк со всех сторон,
Хрестиянин, мол, верю в Бога;
Он мне пощаду; а солдат
Хрестиянин впросак попался:
Ты, дескать, пленник, ну-ка, брат,
Скажи, какие есть тропинки;
А я сейчас и говорю,
Что знаю вход, мол, в Альпухарру;
А он — давай-ка посмотрю;
От всех товарищей украдкой
Дает мне эту вот суму
Пошли мы по ущельям значит,
Я все, мол, на себя возьму,
Вошли мы в гору, я и тягу,
Ему за мной догадки нет,

Сума его со мной осталась,
Пропал и пленник и обед;
За мною он погнался было,
А на него сейчас отряд,
Выходят значит наши мавры,
Ну, он немедленно назад;
А я сюда, и с извещеньем,
Что с войском к нам идет большим
Сам Дон Хуан Австриндустрийский,
Большой маркес Мондехо с ним,
А с ним маоец Велец, а вместе
Гроза прохладных всех сердец,
Дон Лопе, по-фигуре — Рожа,
И Санчо Дьявол наконец:
Все нынче значит в Альпухарру
И прямо на тебя.

Молчи,
Во мне уж загорелась гордость,
И вспышки гнева горячи...

Вот, с тех возвышенных утесов,
Где солнце, чуть роняя след,

Боится, что лучи погаснут
И что померкнет яркий свет,
Глядят в неясных очертаньях
Ряды враждебных нам дружин,
К пределам нашим подступают,
Как тени сумрачных вершин.

Великое приходит войско
От стен Гранады к нам сюда.

Пускай миры сюда приходят,
Я им не сдамся никогда.
Хотя бы даже тот, кто правит
Всем лабиринтом тех дружин,
И сыном был планеты пятой,
Как Карла Пятого он сын.
Пусть воздух этих горизонтов
Смутится тысячью знамен,
Меж этих гор найдет костер он
И будет в них похоронен.
И так как случай к нам подходит,
Пусть не внезапно он придет,
Сберемте наши силы; каждый

Пусть у себя испанцев ждет.
Пускай Малек идет в Галеру,
Пускай Альваро Тусани
Засядет в Гавии, я — в Верхе,
Зажги, Аллах, свои огни
И сохрани того, кто встретит
Свирепость вражеских полков:
Твое мы дело защищаем.
Так в Гавию, и ждать врагов.
А торжество любви успеем
Достойно справить мы потом,
Когда отпразднуем победу
Над наступающим врагом.

СЦЕНА 8-я

Дон Альваро, Донья Клара; Алькускус и Беатрис, в стороне.

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Оба (про себя)

Дон Альваро (про себя)

Донья Клара (про себя)

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

(Барабанный бой.)

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

(Оба уходят.)

"О, нет, не говорите, чьи вы,
Мои восторги, в забытьи..."

"Вы так неверно торопливы,
Что нет сомненья, вы мои".

Не пережитые блаженства,
Что, чуть родившись, отошли...

Цветы, что сорваны до срока,
Чуть расцвели, уж отцвели...

Когда вы сразу так опали
В дыханьи легком ветерка...

Не говорите, что цвели вы...

Лишь чувствуйте, что смерть близка...

О, нет, не говорите, чьи вы,
Мне это говорит тоска.

Восторги сердца, что разбилось,
Мертворождения мечты,
Едва на свет вы появились,
Вы снова в царстве темноты.
Быть может просто вы ошиблись,
Меня сочтя совсем другой;
Тогда прошу вас, ни мгновенья
Не будьте более со мной,
Ищите своего владыку,
Кто вас признает за свои;
Не замедляйте вашу ласку,
Мои восторги, в забытьи.

О, радости, я вас считаю
Непостижимым чудом дня;
Вы оттого так мало жили,
Что были чудом для меня.
Я был безумен от блаженства,

И вот безумен от тоски;
Мои восторги, ясно вижу,
Как от меня вы далеки.
Ищите же владельца, чьи вы.
Не медлите: коль вы мои,
Вы так неверно торопливы.

Раз вы зажгли огни свои,
Восторгом вы могли назваться...

Вы дважды были торжеством,
И сразу быть им перестали.

Двояко вы изменны в том.

Затем, что, будучи красивы,
Умчали прочь огни свои...

И так вы в бегстве торопливы...

Что нет сомненья, вы мои.

Я говорил здесь сам с собою;
Такой охвачен я борьбой,
Что сомневался я, могу ли,
Малека, говорить с тобой.
Когда любовь моя победу

Готовилась торжествовать,
Я вижу, снова нужно ждать мне,
Сейчас блаженству не бывать.
Итак, молчу теперь, чтоб слово
Не брало чувство у души.

Легко сказать другому — смолкни,
И трепет сердца утиши.
Над словом дух наш полновластен,
Затем что можем мы молчать;
Но в разуме чужом — возможность:
Внимать нам или не внимать.
Но в этот миг настолько скорбью
Душа поглощена моя,
Что, если б говорить и мог ты,
Тебе бы не внимала я.

Царь в Гавию велит идти мне,
Должна в Галеру ты идти;
Моя любовь с моею честью
Должна неравный спор вести.
Останься здесь, моя супруга,
И я взываю к небесам,

Чтоб нападенье и осада,
Грозящие бедою нам,
Явились в Гавию за мною,
К тебе в Галеру не пришли.

Итак, пока война Гранады,
Взметая дольний прах земли,
Продлится, я с тобой не встречусь?

О, нет, видаться можно нам:
До Гавии всего отсюда
Две мили, буду по ночам,
Покорный своему желанью,
К тебе, как птица, прилетать.

Любовь и большие пространства
Сумела бы уничтожать.
Я буду ждать у тайной двери,
Ты знаешь, в городской стене.

Любя, там буду каждой ночью.
Приди ж в объятия ко мне.

Опять грохочут барабаны.

Тоска!

Беда!

Несчастье вновь!

Любовь ли это?

Умиранье!

О, что же, как не смерть, любовь?

СЦЕНА 9-я

Беатрис, Алькускус.

Беатрис

Алькускус

Беатрис

Алькускус

Беатрис

Алькускус

Беатрис

(Вынимает то, что поименовано в стихах.)

(Уходит.)

Ну, Алькускус, поди поближе,

Теперь остались мы одни.

А нежности твои, Сарилья,
К суме или ко мне они?

Не можешь зубы ты не скалить,
Хоть мы погибни все в чуме.
Послушай же.

А эта нежность,
Она ко мне или к суме?

К тебе; но так как над любовью
Ты издеваешься моей,
Хочу увидеть, что в ней скрыто.

Так значит не ко мне, а к ней.

Вот ветчина... не одобряю,

Она обманчива на взгляд.
А вот вино. Несчастье! Все здесь,
Что ты принес с собою, яд.
И прикасаться не желаю,
И предсказать тебе берусь,
Коль это пробовать ты будешь,
Тогда помрешь ты, Алькускус...

СЦЕНА 10-я

Алькускус

(Барабанный бой.)

(Уходит.)

Все это яд? Сказала Сара,
И значит верь без лишних слов:
Она змея, и разумеет
Насчет отравы и ядов.
И то, что есть она не стала,
Мне об отраве говорит:
У Сары доложить могу вам,
Весьма изрядный аппетит.
Каков злодей! Но Магометом
Избавлен я от смертных уз.
Он спас меня за то, что в Мекку
На кость его пойду взирать.

Но вижу я, по склонам горным
Идет воинственная рать,
И шум совсем вблизи раздался,

Последую за Тусани,
Яды пускай возьмет кто хочет,
Авось не пропадут они.

СЦЕНА 11-я

Окрестности Галеры.

Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе де Фигероа, Дон Хуан де Мендоса, солдаты.

Мендоса

Дон Хуан

Дон Лопе

Дон Хуан

Мендоса

Отсюда все расположенье
Рассмотрим лучше мы, покуда,
Уже склоняйся к закату,
Повисло солнце в небесах.
Тот город, что лежит направо,
И на основе из гранита
Так много сотен лет, с утеса

Сорвавшись, все не упадет,
Зовется Гавией Высокой.
Тот город, что лежит налево,
Чьи башни со скалами вечно
Непримиримый спор ведут,
Зовется Берхой; здесь — Галера,
Ее зовут так, потому что
Она похожа на галеру,
А может быть и потому,
Что в океане из утесов,
Разбивши волны трав цветущих,
Она как бы плывет, мелькая,
Меж скал, покорствуя ветрам.

Из двух твердынь одну нам нужно
Осадой оковать.

Рассмотрим,
Какая более подходит,
Чтоб нашу цель осуществить,
И больше даст рукам работы;
Ногам же нечего здесь делать.

Теперь мориска приведите,

Который к нам попался в плен.
Правдивость слов его проверим.
Его с Гарсесом я оставил.
Куда же с пленником он скрылся?

Его с тех пор я не видал.

СЦЕНА 12-я

Гарсес (за сценой)

Дон Хуан

(Гарсес, раненый, входит, падая.)

Гарсес

Мендоса

Дон Хуан

Гарсес

Дон Хуан

Гарсес

Дон Хуан

(Его уносят.)

Дон Лопе

Солдат

Другой

Солдаты

Дон Хуан

(Уходят.)

Гарсес. — Те же.

О, горе мне!

Взгляните, что там.

К твоим ногам я не посмел бы
Явиться иначе как мертвым.

Гарсес!

Но что произошло?

Ошибку да простит властитель
За извещенье.

Говори же.

Мориск пленный, что тобою
Был для надзора отдан мне,
Сказал, что он сюда явился
Вести тебя на Альпухарру, —

И я, сеньор, узнать желая
Проход и первым в этом быть,
(Ведь честолюбье по корысти)
Сказал ему, чтоб он немедля
Проход мне этот показал.
Один по горным лабиринтам,
Где солнце, хоть оно и всходит,
Порою вовсе пропадает,
Пошел я по следам за ним.
И только между двух утесов
Мы очутились, он проворно
Вскочил на горный срыв и крикнул,
И вот в ответ на этот крик,
Иль может быть в ответ на эхо,
Отряд ответил мавританский;
Они спускались по утесу,
И на добычу понеслись,
Как подобает, как собаки,
Напрасно было защищаться;
Покрытый кровью, побежал я
Вдоль по горе, среди листов,
Ища в листве как бы прикрытья,

Достиг до самых стен Галеры,
И что же вижу, под стеною
Пролом: как будто бы утес,
Поддерживая тяжесть зданий,
Стенанье издал, пасть разъявши,
Как застонал, так и остался,
Полураскрыв свой грубый рот.
Туда я бросился, и то ли,
Что из виду у них я скрылся,
Или им просто показалось,
Что я разбился в глубине.
Но я оставлен был в покое
И мог, осматривая местность,
Увидеть ясно, что теченьем
И скрытой силой долгих дней
Как бы подкоп образовался
Под основанием Галеры
(В осаде гор скалистых время
Есть самый лучший инженер);
Воспользуйся провалом этим,
Не дожидаясь продолженья
Осады, и легко ты сможешь

Произвести там сильный взрыв;
Тебе я ныне предлагаю
За жизнь одну все жизни, сколько
Их скрыто между стен Галеры;
И пусть пред бешенством моим
Не встанут ни участье к детям,
Ни милосердье к престарелым,
Ни жалость к женщинам — настолько
Непримиримости во мне.

Возьмите этого солдата.

Как кажется мне, предвещанье
Благоприятно нам, Дон Лопе
Де Фигероа, что насчет
Галеры мы узнали это.
С тех пор как только я услышал,
Что в Альпухарре есть Галера,
Ее немедля осадить
Я пожелал, чтобы увидеть,
Не буду ль я на суше счастлив

С галерами, как был на море[65].

Так что ж откладывать? Идем,
Займем посты. Ночной порою,
Без шума, в этот час мы можем
Приблизиться к врагам заснувшим.
Ведем же на Галеру полк.

Так передайте по отрядам
Пароль условный. Слушай.

Слушай.

К Галере.

Небо, дай успех мне
На суше, как и на воде,
Чтобы, сравнив морскую битву
С предпринятою мной осадой,
И там и здесь меня познавши,
Сказали все, что на земле
И в море сразу две победы
Я одержал, сам не заметив,

---

[65] Примечания: 65

Не буду я на суше счастлив // С галерами, как был на море. - Дон Хуан имеет в виду морскую битву при Лепанто. Словесная игра построена на сближении слов "галера" - военный корабль и "Галера" - крепость морисков.

Что было славною осадой,
Что было битвою морской.

СЦЕНА 13-я

Стены Галеры

Дон Альваро, Алькускус; потом Донья Клара.

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

(Через потаенную дверь выходит Донья Клара.)

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

(Уходят.)

Жизнь, Алькускус, и честь сегодня
Тебе я смело доверяю;
Ты понимаешь, коль узнают,
Что я из Гавии ушел

И что пришел сюда в Галеру,
В единый миг я потеряю
И жизнь и честь. Ты здесь останься,
За кобылицей присмотри,
А я отправлюсь в сад и вскоре
Оттуда выйду, потому что
Нам в Гавию вернуться нужно,
Пока не хватятся нас там.

Тебе всегда слуга я верный;
И хоть сюда мы так поспешно
Направились, что не успел я
Суму оставить у себя,
Отсюда с места я не стронусь.

Коль только ты уйдешь отсюда,
Клянусь, ты с жизнью распростишься.

Ты?

Кто бы мог столь верным быть?

Входи скорей; а то пожалуй
Тебя здесь у стены увидят.

СЦЕНА 14-я

Алькускус, потом солдаты.

Алькускус

(Убегает и говорит за сценой.)

(Выходит на сцену.)

(Вынимает из сумы мех с вином и пьет)

(Пьет.)

(Пьет.)

(Пьет.)

(За сценой барабаны.)

Солдаты (за сценой)

Алькускус

Клянусь Аллахом, засыпаю.
Какой ты надоедный, сон!
Нет должности такой подлейшей,
Как сводничеством заниматься:
Всяк для себя во всем трудится,
Один лишь сводник для других.

Но, но, кобыла! — Продолжаю;
А то меня дремота клонит.
Сапожник новые порою
Себе готовит сапоги,
Портной бывает в новом платье,
И повар пробует, что соус,
Хорош ли будет, и пирожник
Свое пирожное едал,
Все в выгоде, один лишь сводник
Без прибыли ведет работу,
Что шьет, того носить не будет,
Что стряпает, того не съест.
Но... — Отвязалась. Вот так штука!
Пустилась прочь бежать отсюда.

Тпру, тпру, остановись, кобыла,
Весьма тебя о том прошу;
Коли мою исполнишь просьбу,
И ты проси, что ни захочешь.
Нет, не угнаться мне за нею,
Простыл и след... — Ах, Алькускус!

И дело же теперь я сделал.

На чем вернется мой хозяин?
Меня убьет он, нет сомненья,
Поспеть нам в Гавию нельзя.
Вот выйдет он сейчас и молвит:
"Подай кобылу". — "Нет кобылы".
"Что ж с ней случилось?" — "Убежала".
"Куда?" — "Туда вон, по горам".
"Убью тебя". Фить... И кинжалом
Меня ударит прямо в сердце.
Так если, Алькускус, нам нужно
С тобой от стали умереть,
И ежели в смертях есть выбор,
Уж лучше умереть от яду.
Смерть будет слаще. Начинаем,
Жизнь опостылела мне... Эх!

Так умереть куда пригоже,
По меньшей мере, умирая,
Своей не вымажешься кровью.
Ну, как дела? Да ничего.
Вот только яд не больно силен,
И если умереть нам нужно,
В себя побольше яду впустим.

Не холодна отрава, нет,
Покуда пьешь ее, тепленько,
Да и внутри подогревает:
Еще давай-ка яду впустим.

Как замечаю я, весьма
Мало-помалу умираю.
Вот, забирает, забирает,
Должно, теперь вступило в силу;
Мутиться начало в глазах,
И в голове как будто густо,
И чувствую во рту железо,
И заплетается язык мой.

Раз умираю я теперь,
Допьем весь яд, а то пожалуй
Другие отравиться могут.
Покажем милосердье. Где же
Мой рот? Никак не попаду.

Сторожевые у Галеры,
К оружию!

Что там такое?
Ну, если молния блеснула,

Услышим значит мы и гром.

СЦЕНА 15-я

Дон Альваро и Донья Клара, испуганные.
— Алькускус.

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Донья Клара

(Удерживает его и ранит себе руку.)

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Алькускус

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Алькускус

С высоких башен часовые
Огонь открыли.

Нет сомненья,
Воспользовавшись мраком Ночи,
Все христианские полки
Теперь к Галере подступили.

Иди скорей, спеши. Ты видишь?
Все в крепости пришло в движенье.

И это было б хорошо,
Чтоб обо мне сказали: "Даму
Свою он в городе оставил,
Который обложило войско
Враждебное..."

О, горе мне!

И отступлю я пред врагами?

Во имя Гавии ты должен,
Так честь твоя повелевает;
И может быть они теперь
Уж на нее идут рядами.

Кто видел большее смущенье,
Что в миг один меня объяло?
Моя любовь и честь моя

Зовут меня одновременно.

Ответь же на призывы чести.

Хочу ответить я обеим.

Каким же образом?

Таким:
Я увезу тебя с собою;
Равно себя могу сгубить я,
Тебя оставив здесь, иль взявши
Тебя с собой: так пусть любовь
И честь одну судьбу узнают,
Одну опасность повстречают.
Беги со мной: умчит нас лошадь,
Она летит быстрей ветров.

С моим супругом ухожу я:
И если дом я покидаю,
Опасности не подвергаюсь.
Я вся твоя.

Эй, Алькускус!

Кто там зовет?

Скорее лошадь.

Хм. Лошадь?

Живо. Что ж ты медлишь?

А значит лошадь дожидаю,
Сказала, тотчас, мол, вернусь.

Так где ж она?

Да убежала;
Вот я и жду, она вернется,
Раз честным словом обязалась.

Изменник! Видят небеса...

Постой, ко мне не прикасайся:
Как значит я вконец отравлен,
Дыханием я убиваю.

Немедля я тебя убью.

Остановись. Ай!

Что такое?

Кинжала твоего коснувшись,
Себе обрезала я руку.

И стоит жизни эта кровь.

Так я во имя этой крови

Тебя, мой милый, умоляю,
Не убивай его.

Чего бы
Не получила ты, прося?
Что, много крови?

Нет.

Скорее
Перевяжи платком.

Ты видишь,
Я не могу идти с тобою:
Спеши к себе; в теченье дни
Они не завоюют город,
А завтра я уйду с тобою,
Для нас проход, как прежде, будет —
Свободным с этой стороны.

С таким условьем соглашаюсь.

Аллах тебя сохраняет.

Зачем, когда мне жизнь противна?

Здесь средство есть расстаться с ней:
Еще немного тут осталось

*Наиплен*ительной отравы.

Ступай же.

Ухожу печальный.

Я огорченной остаюсь.

Поняв, что лик звезды враждебной...

Поняв, что рок неумолимый...

Меж мною и моей любовью...

Меж мною и моей мечтой...

Всегда встает...

Всегда грозится...

Внимательный к моим несчастьям.

И христианское оружье
Нас разлучает каждый миг.

Что ж это, смерть или дремота?
Как говорят, одно и то же;
Оно и правда: я не знаю,
Я умираю или сплю.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Окрестности Галеры.

Дон Альваро, не замечающий Алькускуса, который спит на земле.

Дон Альваро

(Натыкается на Алькускуса.)

(Пробуждает Алькускуса.)

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

(Шум за сценой.)

Дон Альваро

(Уходят.)

Холодный бледный сумрак ночи,

Твоим молчаньем ободрен,

Тебе свою надежду доверяю,

Восторг моей любви и мой заветный сон.

Пусть столько звезд во мгле твоей сияет,

Малека лучший свет зажжет, и вся блеснет,

Когда она, в моих объятьях,

Ко мне влюбленная прильнет.

На четверть мили от Галеры

Заботою я принесен;

Здесь безыскусственной природой

Из листьев лабиринт глухой расположен,

Не слишком спутанный, ни слишком очевидный;

Пусть будет он ночным приютом для коня;

Я привяжу его к стволу, и так как ночью

Никто не видит здесь меня,

На поводу теперь надежнее он будет,

Чем был вчера он со слугой.

Но нет случайности, которой не испуган

Тот, кто терзается любовною тоской.

И храбрым будучи, могу я опасаться:

Едва к стене я подхожу,

Как наступаю я на что-то

И труп злосчастный нахожу.

Все, что сегодня я увидел, все, что встретил,

Есть изумление и страх.

О, ты, печальный, ты, несчастный,

Кто гроб себе нашел в горах...

Но нет, счастливый ты, что смертью

Свои рок переменил, срою печаль гоня!

Меня тревожат привиденья.

Кто наступает на меня?

Что вижу я и что я слышу?
Кто здесь?

Кто? Алькускус, конечно,
Меня оставил ты с кобылой.
Так я и оставался здесь,
И тут меня никто не видел.
Коль в Гавию вернуться нужно
Сегодня же, зачем так поздно
Приходишь ты? Но, впрочем, что ж,
Всегда влюбленные ленивы,
Когда им надо расставаться.

Что здесь ты делал?

Как что делал?
Тебя все ждал, с тех пор как ты
Пошел к Малеке тайным ходом,

Кто видел что-нибудь такое?
Так значит со вчерашней ночи
Ты здесь был?

Что тут говорить

О ночи, да еще вчерашней?
Не спал я ни одной минуты,
Так мучил яд меня, который
Я выпил, чтоб себя убить.
Из страха, что твоя кобыла
Гулять отправилась в ущелья.
Но раз кобыла возвратилась,
И яд меня не умертвил,
(Аллаху было так угодно),
Идем же.

Что за вздор ты мелешь!
Ты пьян был.

Если есть такие
Яды, которые пьянят,
Пожалуй пьян... Так надо думать:
Во рту я чувствую железо,
Язык и губы — как огниво,
И небо — точно как фитиль,
И словно уксуса набрал я.

Ступай отсюда: не хочу я,
Чтобы ты вторично помешал мне,

Какой я случай потерял
Из-за тебя вчерашней ночью!
Недостает еще, чтоб снова
И этот случай я утратил.

Ну, в этом не моя вина,
А Сары: мне она сказала,
Что это яд, его и пил я,
Чтоб умереть.

Я слышу, люди.
Побудем здесь, пока пройдут.

СЦЕНА 2-я

Гарсес, солдаты.

Гарсес

(Уходят.)

Вот здесь подкоп к стене выходит:
Нас не видал никто, тихонько.
Уже зажжен огонь, мы можем
С минуты на минуту ждать,
Что треснет камень скал, извергнув

Пороховые тучи к небу.
Чтобы никто, как взрыв услышим,
Не медлил ни минуты здесь,
Займем скорей провал, который
Откроется, и будем биться
Из-за него, пока другие
К нам из засады не придут.

СЦЕНА 3-я

Дон Альваро, Алькускус; потом мориски и Дон Лопе.

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

(За сценой звук выстрела.)

Алькускус

(Взрыв подкопа.)

Мориски (за сценой)

Алькускус

Дон Альваро

Дон Лопе (за сценой)

(Барабаны.)

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

(Уходит.)

Алькускус

(Уходит.)

Ты слышал что-нибудь?

Ни слова.

Ночной дозор обходит гору.
Мне нужно от него сокрыться.
Ушли?

А что же ты ослеп?

Теперь к стене пойду поближе.

Но что случилось?

Нету глотки,

Чтобы так ясно говорила,
Как в пушке говорит жерло,
Хоть я не знал бы этой речи.

Да ниспошлет нам помощь небо!

И да поможет Магомет мне,
Его же да хранит Аллах!

Как будто бы с бессмертных осей
Весь шар содвинулся кристальный,
Сошла вся сфера из алмаза.

Взорвало славно. Все скорей
Спешите к горному пролому.

Какие Этны, Монхибелы,
Каких Везувиев вулканы
Скрывала в чреве у себя
Скала, родившая их сразу?

Где тут бездетные монашки,
И таракашки, и букашки?
Я вижу лишь огонь и дым.

Кто видел большее смятенье?
В неразличимых лабиринтах

Весь город закипел сраженьем,
И чтобы ужасы рождать,
Ехидна из смолы и аспид
Из пороха, вдруг разорвавшись,
Являют, что у них во чреве.
Испания взметнула бич.
Ни благородным, ни влюбленным
Я не был бы, когда на помощь
К моей возлюбленной, бесстрашно,
Не устремился бы в огонь,
Взобравшись на стену, ломая
Ее зубцы; когда Малеку
Я вынесу в своих объятьях,
Пусть крепость вся сгорит дотла,
Пусть целый мир сгорит с Галерой.

Ни благородным, ни влюбленным
Не буду я, коль только Сара
В такой останется беде.
Но что за важность оказаться
Ни благородным, ни влюбленным?
Довольно этих благородных,
Влюбленных прямо отбавляй.

Коли я сам беды избегну,
Пускай в пожаре гибнет Сара,
Пускай сгорит и вся Галера,
Мое тут дело сторона.

СЦЕНА 4-я

Развалины Галеры.

Дон Хуан де Мендоса, Дон Лопе де Фигероа, Гарсес, солдаты; потом Малек, мориски и Донья Клара.

Дон Лопе

Гарсес

(Уходит.)

Первый солдат

(Выходят Малек и мориски.)

Малек

(Бьются.)

Мендоса

Дон Лопе

Малек

Донья Клара (за сценой)

Малек (в сторону)

Донья Клара (за сценой)

Малек

Дон Лопе

(Христиане нападают и оттесняют морисков.)

Всех убивайте без пощады,
Карайте их огнем и кровью.

Иду, чтоб разбросать поджоги.

Я за добычею иду.

Довольно, чтобы для защиты
Я встал стеною городскою.

Перед тобой алькайд, владыка,
Ладин.

Оружие сложи.

Я буду складывать оружье?

Ладин, сеньор, отец, владыка!

Зовет Малека: если б мог я

Разъединиться пополам.

Я умираю от ударов
Христианина.

Так от этих
Себя не буду защищать я,
Пусть оба сразу мы умрем.

Умри, собака, и поклон мой
Снеси немедля Магомету.

СЦЕНА 5-я

После того, как за сценой окончилась битва, выходят солдаты, Гарсес, Дон Лопе и Дон Хуан де Мендоса.

Первый солдат

Второй солдат

Гарсес

Дон Лопе

Мендоса

Солдаты

(Уходят.)

Такой добычи не видал я.
Алмазов сколько я набрал!

Я этот раз обогатился.

Пощады никому не дам я,
Руби направо и налево,
Будь женщина или старик.
Вот только бы еще найти мне
Того бесчестного мориска,
Достойно буду отомщен я.

Теперь Галера вся в огне,
Скажи, чтоб били к отступленью,
Пред тем как, зарево увидев,
Придут на помощь.

К отступленью.
Отбойный марш.

Отбойный марш.

СЦЕНА 6-я

Дон Альваро; потом Донья Клара.

Дон Альваро

Донья Клара (за сценой)

Дон Альваро

(Уходит и выносит Донью Клару, с распущенными волосами, с окровавленным лицом и полураздетую.)

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

Дон Альваро

Донья Клара

(Испускает последний вздох.)

Дон Альваро

Меж гор огней, морей из крови,
Ежеминутно спотыкаясь
О трупы, но влеком любовью,
Пришел я к дому, где живет
Малека, — дом ее разрушен,
Он и оружьем и пожаром
Двояко сделан жалкой жертвой.
Супруга милая моя,
Коль прихожу я слишком поздно,

Умру сейчас же. Где Малека?
Не видно никого.

О, горе!

Тот зов, по воздуху летя,
Исполнен еле внятных жалоб
И повторенных восклицаний,
В ветрах вздохнув, как отзвук эхо,
В меня, как молния, проник.
Кто видел большее несчастье?
При свете сумрачном пожара,
Там женщина лежит, и кровью
Она смиряет жар огней...
Святое небо! То Малека.
Убей меня иль жизнь спаси ей.

Солдат испанский, ты, что гнева
И милосердия лишен:
Без милосердья, потому что
Жестокую нанес мне рану,
Без гнева, раз я не убита:
Еще вонзи мне в грудь кинжал.
Заметь, что это гнев чрезмерный.

Коль в действиях твоих не видно
Ни милосердия, ни гнева.

О, божество во власти бед,
(Есть божества во власти бедствий,
Ты всем об этом возвещаешь,
Им судьбы знать даешь людские),
Кто на руках тебя несет,
Тебя убить совсем не хочет;
Напротив, жизнь свою хотел бы
Разъединить он на две части.

Твои слова мне говорят,
Что ты араб и африканец;
И если я взываю в горе
И женщиной к тебе взываю,
Тебя двояко обязав,
Я об одной прошу услуге.
Альваро Тусани, супруг мой,
Алькайдом в Гавии остался:
Скорее отыщи его
И от меня объятье это
К нему снеси, как дар последний;

Скажи ему: "Твоя супруга,
В своей омытая крови,
Убитая рукой испанца,
Который более был жаден
К ее алмазам и нарядам,
Чем к чести девственной ее,
Теперь лежит в Галере мертвой".

Объятие, что ты даешь мне,
Не нужно твоему супругу
Передавать: он вышел сам
Навстречу радости последней;
Несчастье никогда не медлит.

Твой голос, о, мое блаженство,
Мне новое дыханье дал
И сделал смерть мою счастливой.
Дай, дай скорей с тобой обняться.
Пусть у тебя в руках умру я,
И пусть умру.

О, как неправ,
Как тот неправ, кто говорит нам,
В своем незнании глубоком,

Что будто бы любовь умеет
Две жизни превратить в одну!
Будь это чудо достоверным,
Не умерла бы ты, и я бы
Не жил; вот в этот миг бегущий
Я, умирающий, и ты,
Живая, были бы мы равны.
Ты, небо, видя это горе,
Вы, горы, видя эти беды,
Вы, ветры, слыша грусть мою,
Ты, пламя, скорбь мою увидев,
Как все вы допустить решились,
Чтоб лучший светоч был погашен,
Чтоб лучший ваш цветок завял,
Чтоб лучший вздох ваш был развеян?
И вы, кто был в любви испытан,
Скажите мне в моем сомненьи,
Скажите мне в моей беде,
Что должен делать тот влюбленный,
Который, приходя увидеть
Свою возлюбленную ночью,
Чтобы испить до дна любовь,

Так долго ждавшую награды,
Ее внезапно он находит
Своею кровью обагренной,
Лилеи нежную эмаль
Встречает в гибельной оправе,
Встречает золото в горниле
Неукоснительно суровом?
Как должен, горький, поступить,
Кто ждал, любя, постели брачной
И встретил гроб, где образ милый,
Что божеством ему являлся,
Пред ним явился как мертвец?
Но нет, советов не давайте,
И что бы мне сказать могли вы?
Кто в положении подобном
Не действует, руководясь
Тоской, плохое руководство
Ему советы. О, вершины
Неисследимой Альпухарры,
Театр, где явлена была
Игра трусливейшего дела,
Игра победы самой подлой,

И славы самой низко-грязной!
Пусть никогда бы, никогда
Твои высокие вершины,
Пусть никогда бы, никогда бы
Твои пленительные долы
Лик самой скорбной красоты
Не видели в своих пределах!
Но что я жалуюсь напрасно?
И самый ветер не внимает
Воскликновениям моим.

СЦЕНА 7-я

Дон Фернандо Валор, Донья Исабель Тусани, мориски. — Дон Альваро, Донья Клара, мертвая.

Валор

Донья Исабель

Дон Альваро

Валор

Донья Исабель

Валор

Дон Альваро

(Уходит.)

Валор

Донья Исабель

Валор

(Уходит.)

Донья Исабель (в сторону)

(Уходят.)

Хоть огненными языками
Галера нас звала на помощь.
Явились поздно мы.

Так поздно,
Что как зажженные костры
Все улицы ее пылают,
И пламенем пирамидальным
Угрозы шлют далеким звездам.

Что удивительного в том,
Что вы пришли сюда так поздно,
Коль опоздал и я в Галеру?

Какое скорбное предвестье!

Какой нежданный лик беды!

Что это?

Высшее несчастье,
Печаль, которой нет сильнее,
И злоключение, с которым
Ничто сравнить не можем мы:
Увидеть, что внезапно умер,
И умер смертью столь злосчастной,
Тот, кто с тобой любовью связан,
Есть точка высшая скорбей,
Есть завершение несчастий,
Есть величайшее из бедствий.
Та, кто пред вами (о, мученье!),
Вся бледная (о, горький рок!),
И в собственной (о, беспощадность!)
Крови омытая (о, пытка!),
Моя жена, моя Малека.
Рукою подлой в грудь ее
Удар направлен был смертельный,
Среди огня. Кто не смутится,
Кто не увидит с изумленьем,

Что гасится огонь огнем,
И что алмаз разрушен сталью?
Вы все, да, все вы — очевидцы
Наикощунственного дела,
В котором зверство без конца,
В котором самый мрачный ужас,
И испытанье без пощады,
Любовь и рок непобедимый;
И потому вас всех, вас всех
Зову теперь я в очевидцы
Великой, самой величайшей
И самой благородной мести,
Какую только сохранит
В бессмертных летописях вечность
Неразрушающейся бронзы,
И долголетье твердой яшмы;
Пред этой мертвой красотой,
Пред этой сломанною розой,
В которой смерть сама есть чудо,
Как было чудом и рожденье,
Пред этим я цветком клянусь
И, верный чувствам, обещаю,

Что отомщу ее кончину;
И ежели теперь Галера,
Недаром названная так,
Свое крушенье потерпела,
И тонет в бездне вод пурпурных,
И в море пламени крутится,
И от вершины в темный дол
Как бы на дно морей нисходит,
И если барабан испанцев
Чуть слышится в неясной дали,
И если полчища врагов
Теперь поспешно отступают,
Я по пятам пойду за ними,
Пока меж всех солдат испанских
Ее убийцу не найду;
Не отомщу ее кончину, —
Так отомщу свой гнев жестокий;
Дабы огонь, что это видит,
И мир, который это зрит,
И ветер, это услыхавший,
И рок, чьей волей это было,
И небо, давшее согласье,

И чтобы вместе с ними вы,
О, люди, звери, птицы, рыбы,
Цветы, созвездья, месяц, солнце,
Вода, земля, огонь и воздух,
Увидели, сказали всем,
Узнали, поняли, постигли,
Что в сердце у араба скрыта,
Что в верном сердце у араба
Непобежденная живет
Любовь и после смерти,
Да похвалиться смерть не сможет,
Что власть ее разъединила
Двух верных, в чьей душе любовь.

Остановись, постой!

Скорее
Теченье молний остановишь!

Возьмите мертвую отсюда
Красавицу. Пусть никого
Не устрашит такая Троя,
Такая варварская жертва,
Что в страхе рушится на землю

И пеплом по ветрам летит.
Смелей, мориски Альпухарры,
Владыка ваш Абенумейя,
Во имя мщенья за несчастья,
Недаром поднял этот меч.

О, если б небо пожелало,
И эти гордые Атланты
Огня, который их сжигает,
Ветров, которые их бьют,
В своих основах сокрушились
И, с места сдвинутые, пали,
Чтоб вместе с этим столько бедствий
Нашли в их гибели конец!

СЦЕНА 8-я

Лагерь около Берхи.

Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе, Дон Хуан де Мендоса, солдаты.

Дон Хуан

Дон Лопе

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

(Уходит.)

Одни развалины Галеры
Отныне будет видеть взор:
Она собою, в теплом прахе,
Являет Феникс и костер.
И в этой сфере распаленной
Средь жадных вспышек мы следим,
Как пламя служит Минотавром
И лабиринтом — черный дым.
Нам нечего здесь дожидаться,
Но прежде чем, светло горя,
Жемчужины на пену моря,
Заплакав, изольет заря,
Идем на Берху; дух мой бранный
Тогда насытится войной,
Когда падет Абенумейя
Живой иль мертвый предо мной.

Коль хочешь, чтоб судьбу Галеры
Узнала Берха, — хоть сейчас
Идем, сеньор, туда: для схватки
Довольно бранных сил у нас.
Но если примем во вниманье
Приказ, нам данный Королем,
Увидим, что его желанье
Не в том, что смело мы убьем
Его врагов, а что вассалов
Должны возможно мы щадить
И, наказав их, в самой каре
Уметь виновного простить.

С Дон Лопе я вполне согласен:
Твой гнев умеет укрощать,
Так покажи теперь виновным,
Что ты умеешь и прощать.
Умерь, сеньор, свою суровость,
И пусть тебя увидит свет
Великим в том, что ты — прощаешь,
В том, чтоб убить — величья нет.

Мой брат послал меня (то правда),

Чтоб я окончил этот спор,
Но безоружным не умею
Просить я, чтоб утих раздор.
Однако он вполне доверил
Прощение и кару мне;
Так пусть же мир теперь узнает,
Что, храбрым будучи в войне,
Умею я прощать с оружьем,
Просить умею, покарав.
Ты, Дон Хуан...

Сеньор...

Отправься
К Валору, в Берху, и, сказав,
Что я на Берху направляюсь,
Ты вместе возвестишь ему,
Что я, добро и зло сравнявши,
Лишь побужденью одному
Теперь душою повинуюсь:
Когда он мирно сдастся мне,
Я общее даю прощенье
Всем, кто участвовал в войне,

С тем, чтоб мятежники вернулись
К своим занятьям и делам,
И большей мести не желаю
За вред, что причинен был нам;
А коль он сдаться не желает,
Тогда, чтоб прекратить беду,
Как ветер, в Берху я закину
Пожар Галеры.

Я иду.

СЦЕНА 9-я

Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе, Солдаты.

Дон Лопе

Дон Хуан

Дон Лопе

Дон Хуан

Дон Лопе

Дон Хуан

Дон Лопе

Такой добычи мне увидеть

Не приходилось: из солдат
Нет никого, кто б, возвратившись,
Доволен не был и богат.

Такой роскошный клад скрывала
В себе Галера?

Сам взгляни,
Как веселы твои солдаты.

Из той добычи, что они
С собою принесли, хочу я
Все, что есть ценного, купить,
Чтобы сестре и Королеве
Как знак вниманья подарить.

С намереньем таким же точно
Я кое-что уже купил;
Вот ожерелье; у солдата,
Который сам его добыл,
Его купил я и охотно
Тебе, властитель, отдаю.

Оно прекрасно; принимаю,
Чтоб просьбу выполнить твою,
Когда ты с нею обратишься.

Подарком учишь ты своим
Давать, — учись же брать.

Награда —
В том, что служу собой — и им.

СЦЕНА 10-я

Дон Альваро, Алькускус. — Те же.

Дон Альваро

(не замечая Дон Хуана)

Алькускус

(В сторону, к Дон Альваро.)

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Дон Хуан

Дон Альваро (в сторону)

Дон Хуан

Дон Лопе

(Дон Хуан, Дон Лопе и солдаты уходят.)

Сегодня, Алькускус, с тобою
Мы сотоварищи, друзья,
Лишь на тебя я полагаюсь.

Тебе всецело предан я;
Хотя мне вовсе неизвестно,
Зачем ты ищешь новых стран.

(Тсс! Тут величина большая!)

Скажи, пред нами Дон Хуан?

Он самый.

Славного в деяньях,
Приятно видеть и врага,
В него впиваюсь жадным взором.

Как ровны эти жемчуга!

И если б не хотел ему я
Внимание отдать вполне,
Впиваться взором должен, должен:
То ожерелье (горе мне!),
Что держит он в руке (о, сердце!),
Узнал я тотчас же: его
Я подарил моей Малеке.

Идем, Дон Лопе. Отчего
Застыл в каком-то изумленьи,
Меня увидев, тот солдат?

Так кто ж, сеньор, не изумится,
Твой лик увидевши и взгляд?

СЦЕНА 11-я

Дон Альваро, Алькускус.

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Я был охвачен немотою.

Остались мы одни, сеньор.
Скажи, зачем сюда пришел ты
Из Альпухаррских наших гор?

Узнаешь скоро.

Что узнаешь?

Я знаю, в чем моя беда:
О том пришел я сокрушаться,
Что провожал тебя сюда.

Как так?

А так: хрестиянинчик
Меня взял в плен, я убежал,
Так если он меня увидит,
Тогда конец мне, я пропал.

Раз ты пришел переодетым,
Хотя б он встретился с тобой,
Тебя никак он не признает.
Мы здесь окружены толпой,
Как мы одетою, не бойся.
Кто может видеть наш обман?
Мы на морисков не похожи,
Нас все сочтут за христиан.

Ты по-испански навострился,
Ты на испанца сам похож,
Ты в плен не попадал к солдату,
Так ты за своего сойдешь;
Я по-испански еле-еле,

Я попадался в плен врагу,
Я в первый раз в таком костюме,
Как наказанья избегу?

Коль ты слуга, никто не будет
Тебе значенья придавать.
Не говори ни с кем.

А если
Кто спросит, как мне быть?

Молчать.

Да кто же может не ответить?

Кто знает, что грозит ему.

Связать язык мой удалось бы
Лишь Магомету одному,
Так я болтлив.

Я знаю, знаю,
В чем крайности моей любви.
Влюбленный, как язычник, в солнце,
Зашедшее в своей крови.
Вхожу я в войско в тридцать тысяч,
Чтобы найти в нем одного,

И, не имея указаний,
По ветру я ищу его.
Но может быть случится чудо,
Последний луч мой не исчез:
Что будет значить — чудом больше,
Где столько предо мной чудес?
Мне слишком хорошо известно,
Что невозможна месть моя;
Но, не задавшись невозможным,
Что больше мог бы сделать я?
Увидев первый знак столь ясно,
Как бы напав на верный след,
Его тщету я понимаю,
Мне указания в нем нет.
Та вещь была у Дон Хуана,
Он тот, кто он, кем должен быть,
И благородный, это ясно,
Не мог бы женщину убить;
Тот доблести не обличает
И благородства тот лишен,
Кто красотой не очарован
И чарами не восхищен;

В самом себе защиту носит
Очарованье красоты:
Так был не он ее убийцей.
Тот знак солгал, — солгала ты,
Любовь, неясным указаньем;
О, нет, ее убил другой.
Иной был низким, диким, подлым.

Так вот зачем я здесь с тобой?

Да.

Ну, тогда домой скорее,
Здесь оставаться смысла нет:
Как можешь отыскать убийцу,
Раз не имеешь ты примет?

Хоть нет надежды, я надеюсь.

Так пишут письма иногда:
"В столицу, моему Хуану,
Что в черное одет всегда".

Тебе лишь нужно...

Пред другими
Беседовать руками.

Да.

Аллах, молю тебя, да будет
На языке моем узда!

СЦЕНА 12-я

Солдаты. — Те же.

Первый солдат

Второй солдат

Третий солдат

Первый солдат

Второй солдат

Алькускус (в сторону)

Второй солдат

Алькускус

Третий солдат

Алькускус (в сторону)

Дон Альваро (в сторону)

Алькускус (в сторону)

Второй солдат

Дон Альваро

Первый солдат

Дон Альваро (в сторону)

Первый солдат

Дон Альваро (в сторону)

Первый солдат

Дон Альваро

Второй солдат

Дон Альваро (в сторону)

Алькускус (в сторону)

Первый солдат

Дон Альваро (в сторону)

Первый солдат

Дон Альваро (в сторону)

(Уходят.)

Так — верно выигрыш разделим;
Хотя бы за двоих играл я,
Раз выиграл, немного должен
Я лишку в доле получить.

Ведь проигрыш мы пополам бы
С тобой делили, отчего же
Не должен выигрыш быть равным?

Он справедливо говорит.

С товарищами из-за денег
Я не хотел бы пререкаться:
Пусть только кто-нибудь найдется,
Кто этот довод подтвердит,
И я настаивать не буду.

Чтоб кто-нибудь сказал нам то же?
Товарищ!

Ну, теперь терпенье.
Он говорит со мной, — молчок.

Ты что же, отвечать не хочешь!

А, а!

Немой!

Когда б вы знали!

(Ну, он меня совсем погубит,
Коль я на помощь не приду.
Вмешаюсь в разговор). — Идальги,

Прошу прощенья, что слуга мой
Желанье ваше не исполнил,
Но он немой.

Нет, не немой.
А я, — коль мы в пикет играем, —
Пик, девяносто, и ни взятки:
Какой же тут ответ возможен!

Так ты быть может разрешишь,
О чем его хотел спросить я.
Насчет игры у нас сомненье.

Охотно, если я сумею.

Я выиграл, но за двоих,
И был на ставке, между денег,
Вот этот Купидон...

О, горе!

Из бриллиантов.

О, Малека!
Те драгоценности, что ты
Должна была носить на свадьбе,
Твое надгробное наследство.

О, как же мстить мне, как же мстить мне,
Коль между крайностей таких
Меж Принцем и простым солдатом
Приметы смутно возникают?

При дележе я Купидона
Ему даю за счет того,
Что получил; он говорит мне,
Что драгоценностей не хочет:
Так вот, не справедливо ль будет,
Раз выигрыш достался мне,
Чтоб я при дележе был первым?

Придя так вовремя, хочу я
Уладить ваше разногласье;
За сколько был поставлен он,
За то его и покупаю;
С одним условием: чтоб раньше
Сказали мне, откуда взят он,
И сомневаться б я не мог.

Тут сомневаться невозможно:
На что сегодня мы играем,

Все добыто при разграбленьи
Галеры, у поганых псов.

Я должен это слушать, небо!

Не только убивать нельзя мне,
Но даже говорить не смею!

Надежный поручитель есть:
К тебе солдата приведу я,
Который эту драгоценность
Взял у красавицы-мориски,
Убив ее.

О, горе мне!

Пойдем; он сам тебе расскажет.

(Он рассказать мне не успеет:
Как только я его увижу,
Вонжу в него кинжал). — Идем.

СЦЕНА 13-я

Внешний вид кордегардии.

Солдаты и тотчас вслед за ними Гарсес, Дон Альваро и Алькускус.

Солдаты (за сценой)

Другие (за сценой)

(За сценой дерутся.)

Солдаты (за сценой)

Другой солдат

Другой

Гарсес (за сценой)

(Выходят, в схватке, Гарсес и солдаты, Дон Альваро удерживает их, сзади Алькускус.)

Дон Альваро

Алькускус (в сторону)

Солдат

(Падает на сцену.)

Постойте.

Прочь.

В его защиту
Пусть встанет целый мир, его я
Убью.

Он за врага вступился.

Он против нас — так смерть ему.

Хоть и один я, что за важность,
Пусть все со мною в бой вступают.

Все против одного, солдаты?
Какая низость! Видит бог,
Коль не хотите удержаться,
Я удержаться вас заставлю.

Пришел за делом: видеть ссору
И быть безмолвным.

Я убит!

СЦЕНА 14-я

Дон Лопе, Солдаты. — Те же.

Дон Лопе

Один солдат

(Все принимавшие участие в схватке убегают.)

Гарсес (к Дон Альваро)

(Уходит.)

Дон Лопе

Дон Альваро

Дон Лопе

Дон Альваро (в сторону)

Дон Лопе

Дон Альваро (в сторону)

Дон Лопе

Алькускус (в сторону)

(Их уводят.)

Что тут такое!

Ранен насмерть;
Бежим, чтоб нас не захватили.

Товарищ, я тебе обязан
Своею жизнью: я в долгу.

Постой-ка.

Я стою.

Оружье
Взять у обоих. Сдать мне шпагу.

(О, небо!) Я прошу заметить,

Что я не ссорился ни с кем
И шпагу вынул для того лишь,
Чтобы уладить эту ссору.

Одно известно мне: тебя я
У кордегардии нашел,
С оружием, а возле — мертвый.

Мне невозможно защищаться.
Кто видел что-нибудь такое?
Прийти, затем чтобы убить,
Дать жизнь другому и за это
Попасть в подобную опасность.

А ты? Где шпага? Речь ведешь ты
Посредством знаков? Хорошо.
Насколько помню, ты иначе
Умел когда-то изъясняться.
Взять в кордегардию обоих,
Пока других не отыщу.

Две неприятности мне были:
Молчать и видеть ссору; стало
Их три, коли считать умею:
Тюрьма, молчанье, ссора — три.

СЦЕНА 15-я

Дон Хуан Австрийский. — Дон Лопе; потом Дон Хуан де Мендоса.

Дон Хуан

Дон Лопе

Дон Хуан

(Выходит Дон Хуан де Мендоса.)

Мендоса

Дон Хуан

Мендоса

(В сторону.)

Дон Хуан

(Уходит.)

Что там произошло, Дон Лопе?

Повздорили из-за чего-то
И в ссоре одного убили.

Коль это так оставим мы,
Без наказанья, — ежедневно

Мы будем видеть ряд трагедий;
Но все же будем в правосудьи
Не слишком строги.

Дай припасть
К твоим ногам, о, повелитель.

Что нового принес, Мендоса?
Что говорит Абенумейя?

Пред Берхою глухой трубой
Был подан знак для перемирья,
И знамя белое, на зов мой,
Немым ответом развернулось.
Свободный пропуск был мне дан,
И я пришел к престолу, к небу
Абенумейи... Справедливо
И так сказал: он был как с солнцем
С прекрасной Доньей Исабель,
Зовущейся теперь Лидорой,
Царицей их. Согласно нравам,
Я на подушку был посажен
И был отмечен как посол
Большими знаками вниманья.

(Любовь, как неразумно будишь
Ты задремавшие мечтанья!)
А сам он был как пышный царь.
Я передал твое желанье,
И только что распространилось
Известие, что ты прощенье
Даруешь ныне, в тот же час
На улицах возникла радость,
На площадях и смех и песни,
Но, дерзкий и неустрашимый,
Абенумейя, увидав,
Что так прощенье изменило
И взволновало всех морисков,
Свирепостью воспламенившись,
Такой мне гордый дал ответ:
"Я царь над всею Альпухаррой;
И хоть мала такая область
Мне, храброму, — увижу вскоре
Испанию у ног моих.
Коль не желаешь Дон Хуана
Увидеть мертвым, так скорее
Скажи ему, чтоб уходил он,

А ежели какой мориск
Захочет, как трусливый ястреб,
Принять подобное прощенье,
Ты можешь взять его с собою.
Пускай Филиппу служит он,
Одним врагом сражу я больше".
С таким отпущенный ответом
Я в путь отправился, оставив
Междоусобье за собой:
Вся Альпухарра на отряды
В войне гражданской разделилась,
Одни "Испания" взывают,
Другие "Африка" кричат.
И наибольшую опасность,
Тяготы наибольшей брани
Они, объятые расколом,
Теперь скрывают у себя.

Да, никогда не может дольше
В своем захвате удержаться
Тиран-владыка, потому что
Те самые, в которых он
Увидел первую поддержку,

И первые его покинут,
Его же кровью обагренным,
Когда ему конец придет,
И так как ныне Альпухарра
Объята смутою раскола,
Спешим, иначе, как ехидны,
Они убьют самих себя.
Пусть все полки идут на Верху,
И их победу над собою
Соделаем победой нашей,
Коль нашей может быть она.

СЦЕНА 16-я

Тюрьма при кордегардии.

Алькускус и Дон Альваро, со связанными руками.

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

(Развязывает его.)

Дон Альваро

Алькускус

(Отходят в глубину.)

Теперь, покуда мы с тобою
В тюрьме остались одни,

Хотел бы знать я, расскажи-ка,
Синьор любезный Тусани,
Решив покинуть Альпухарру,
Сюда пришел на что смотреть?
Ты убивать сюда явился?

Не убивать, а умереть.

Кто думал ссору миром кончить,
Тому досталось больше всех.

Не будучи виновным в ссоре,
Я не боролся против тех,
Кто окружил меня; иначе,
Тебе неложно я скажу,
Я тысячу солдат прогнал бы.

Все ж я за тысячу держу.

В конце концов я не увижу
Того, кто подлостью пленен,
Убийством женщины хвалился,
Которую ограбил он?

Ну, в этом не было бы худа,
Грозит иное в этот миг,

И худшее: как к детям Церкви,
Сюда придет к нам духовник.

Раз продавать себя мне нужно,
Я дорого себя продам.

И что же ты задумал делать?

Кинжал сослужит службу нам,
Который у меня остался
За поясом; не буду ждать
И с часовым пойду покончу.

А где же руки?

Развязать
Мне узел за спиной зубами
Не можешь разве ты?

Я ртом...
Зубами... узел за спиною?
Тут надорвешься над узлом.

Распутай, раскуси веревку...

Ну, хорошо.

Я посмотрю,
Чтоб не пришли сюда внезапно.

Уж ладно, ладно, говорю.

Вот и распутал, ты свободен.
Займись теперь узлом моим.

Нельзя. Идут.

Я значит буду
С своей веревкой и немым.

СЦЕНА 17-я

Солдат, стоящий на часах; Гарсес, в наручнях. — Те же.

Солдат (к Гарсесу)

Гарсес

Солдат

Дон Альваро (в сторону, к Алькускусу)

Алькускус

(Видит Гарсеса.)

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

Дон Альваро

Алькускус

(Ложится, как будто хочет спать.)

Гарсес (к Дон Альваро)

Дон Альваро

Алькускус (в сторону)

Гарсес

Дон Альваро

Солдат

Алькускус (в сторону)

Солдат

(Уходит.)

Вот твой товарищ и заступник,
И с ним слуга его немой,
Тому, кто за тебя вступился,
И быть приходится с тобой.

Хотя приходится жалеть мне,
Что схвачен я толпой солдат,
Но в то же время я отчасти
Беде, меня постигшей, рад:
Тому, кто жизнь мне спас, могу я
Помочь в несчастии его,
Дав показанье. Извести-ка,
Прошу, сеньора моего,
Оповести, брат, Дон Хуана
Мендосу, как я взят сюда;
Ко мне, за выслуги и храбрость,
Он был расположен всегда,
Скажи, молю его прихода,
Чтоб он мне эту милость дал,
И пред владыкой Дон Хуаном
За жизнь мою похлопотал.

Как только кто придет на смену,
Пойду немедленно к нему.

Взгляни туда, как бы случайно,
Кто с часовым пришел в тюрьму.

Взгляну.

О, горе!

Что такое?

Как что? Сюда...

Скорей! Я жду.

Я в ужасе.

Да продолжай же.

Теперь наверно пропаду.

Ну, говори.

Пришел тот самый,
Который в плен меня забрал;
Я у него стащил отраву;
Сомненья нет, что он узнал...
Но да иль нет, лицо я скрою,
Вот так, теперь я слеп и нем.

Хоть в первый раз тебя я вижу,
И не служил тебе ничем,
Ты дал мне жизнь своею шпагой,
Итак, я огорчен вдвойне,
Тебя в таком несчастьи видя.
Но если здесь осталось мне

Хоть что-нибудь для утешенья,
Так эта мысль, что голос мой
Тебя освободит отсюда,
Клянусь.

Да будет Бог с тобой.

Тот самый, что затеял ссору,
Теперь пришел в оковах к нам?
Его и не признал я в схватке,
Уж больно прыток был он там.

Ну, словом, ты, идальго бравый,
Легко расстанешься с тюрьмой;
Я там, во время этой стычки,
В долгу остался пред тобой,
И жизнь свою скорей отдам я,
Ее скорее прокляну,
Чем допустить, чтоб заплатил ты
Своею — за мою вину.

На доблесть я твою надеюсь;
Но наихудшее из зол
Не мой арест, а то, что случай,
Из-за чего сюда пришел,

Утрачен мной.

Не бойтесь оба:
Смерть не пришла еще для вас;
Слыхать мне часто приходилось,
Вы сами слышали не раз,
Что ежели в одном убийстве
Двух соучастников найдут, —
И рана лишь одна, — и случай,
А не изменничество тут,
Умрет всего один, — тот самый,
Кто гаже по лицу из двух.

Чтобы тебе за это лопнуть,
Чтоб испустить тебе твой дух!

И потому из трех сегодня
Немой умрет, уверен я.

СЦЕНА 18-я

Дон Альваро, Гарсес, Алькускус.

Алькускус (в сторону)

Гарсес

Алькускус (в сторону)

Гарсес

Дон Альваро

Алькускус (в сторону)

Дон Альваро

Алькускус (в сторону)

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро (в сторону)

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

(В сторону.)

Гарсес

Дон Альваро

(Выхватывает кинжал и поражает его.)

Гарсес

Алькускус

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Гарсес

Дон Альваро

Алькускус

Гарсес

(Умирает.)

Еще бы, ясно: в целом мире
Нет хари гаже, чем моя.

Меня уж обязал однажды
Великодушный твой порыв;
Еще мне одолженье сделай.

Чтоб умер тот, кто некрасив!

Скажи, кому я так обязан.

Кто я? Не больше как солдат,
Сюда пришедший добровольцем...

Кто гадок, так того казнят!

Единственной задавшись целью,

Найти солдата одного:
Лишь для того сюда пришел я.

Кто мерзок, так казнить его!

Тебе быть может указанья
Я дал бы. Как его зовут?

Не знаю.

А под чьей командой,
В каком полку он служит тут?

Не знаю.

А его приметы —
Тебе они известны?

Нет.

Ну, если имени не знаешь,
Полка не знаешь и примет,
Тогда его найдешь, конечно.

Решила так судьба моя,
Что, ничего о нем не зная,
Уж с ним почти столкнулся я.

Кто эти странные загадки

Уразумеет, разгадав?
Но не смущайся: я надеюсь,
Его Высочество, узнав,
Что я захвачен, во вниманье
К заслугам, выпустит меня:
И стоит: без меня, пожалуй,
Он и до нынешнего дня
Не мог бы овладеть Галерой;
Раз на свободе мы, вдвоем
За поиски с тобой принявшись,
То, что утрачено, вернем;
Коль пред тобою я обязан,
Клянусь, без хитрости и лжи,
В добре и зле с тобой я буду.

А это правда, расскажи,
Что ты вошел в Галеру первый?

О, если б не случилось так!

Жалеешь о своем геройстве?

С тех самых пор, как первый шаг
В нее я сделал, я не знаю,
Какая строгая звезда,

Какое темное влиянье
Меня преследует всегда:
С тех самых пор, как то, что было,
Со мною там произошло,
Нет ничего, что для меня бы
Не обратилося во зло.

А почему такие мысли?

Не знаю, верно потому,
Что я убил одну мориску,
И этим небу самому
Жестокую нанес обиду:
Чудесной красотой дыша,
Она была как образ неба.

Так необычно хороша?

Да.

(О, погибшая супруга!)
А как же было это?

Так.
Я на часах стоял однажды,
Среди запущенных деревьев,

Чьи ветви на покровы ночи
Свою накидывали тень,
Случайно захватил мориска...
О том рассказывать не буду
(Чрезмерно было б это длинно),
Как пленник обманул меня.
Завел в ущелье гор и криком
Созвал морисков Альпухарры,
Как я бежал и как в пещере
Я спрятался; скажу одно:
Пещера и была подкопом,
В скале обрывистой возникшим
Чудовищем, в себе зачавшим
Такое множество огней.
И я сеньору Дон Хуану
Австрийскому сказал об этом,
И это я был ночью главным,
Кто произвел тот страшный взрыв,
И я провал хранил, чтоб был он
Свободным для других проходом,
Я наконец вступил в тот город
Среди пылающих огней,

Как будто был я саламандрой,
И все вперед я шел бесстрашно,
Среди шаров воспламененных,
Пока я дома не достиг,
Который, сильно укрепленный,
Должно быть складом был оружья:
Там вражьи полчища столпились.
Но кажется, что мой рассказ
Тебе совсем не интересен
И ты его не хочешь слушать.

Нет, нет, я слушаю, я только
Своей тоской был отвлечен.
Рассказывай.

На самом деле,
Исполнен ярости и гнева,
Достиг я своего желанья,
Я до дворца хотел дойти, —
Передо мной был дом Малека:
В тот самый миг к нему пришел я,
Когда Дон Лопе Фигероа,
Свет чести родины своей,

С отрядом в альказар ворвался,
И был алькайд убит, и пламя
Со всех сторон уже пылало.
Не только славою прельщен,
Но и добычей, — хоть добыча
Живет всегда в раздоре с честью, —
Я быстро обошел все залы,
Чрез все покои пробежал
И комнаты достиг последней,
Где был альков, уют заветный
Такой красивой африканки,
Какой я в жизни не видал.
Кто описать ее сумел бы!
Но места нет живописаньям.
Она смутилась, растерялась,
Меня увидев пред собой,
И спряталась за занавеской
Алькова, точно занавеска
Была ей крепкою стеною.
Но слезы у тебя в глазах,
Ты побледнел.

Я вспоминаю

О собственных моих несчастьях,
Они на эти так похожи.

Смелей. Ты случай потерял,
Но он вернется: он приходит
Тогда, когда его не ищешь.

Да, это правда. Продолжай же.

За ней вошел я, и она
В таком была наряде пышном,
Так в драгоценностях блистала,
То, чудилось, ждала влюбленно
Не похорон, а жениха.
Такую красоту увидев,
Решил ее не убивать я,
Чтобы она мне в благодарность,
Как выкуп, душу отдала.
Но чуть, в желаньи, я решился
Ее руки коснуться белой,
"Христианин, — она сказала, —
Коль хочешь смерти ты моей,
Заметь, что в том не столько славы,
Как дерзости, и сталь оружья

Не просветится кровью женской,
А будет ей затемнена;
Так драгоценности быть может
Вполне твою насытят жадность,
Оставь постель мою не смятой
И мысль, которая — в груди,
Не знающей свою же тайну".
Я за руку ее схватился...

Остановись, постой, послушай,
Не тронь. Но что я говорю?
Моим мечтаньям подчинился
Мой голос. Продолжай. Рассказ твой
Меня нисколько не волнует.

(Да пощадит меня любовь!
Не столько то меня терзает,
Что он убил ее, как то, что
Ее он любит).

Защищая
От посягательств жизнь и честь,
Она в испуге закричала,
Я, слыша, что идут другие,

И потеряв одну победу,
Обеих не хотел терять,
И, не желая, чтоб другие
Со мной добычу разделили,
Любовь преобразивши в мщенье,
(От крайности бежит к другой
С великой быстротою чувство),
Объятый сам не понимаю
Какою яростью слепою
(Бесчестье даже рассказать),
Чтоб бриллианты взять и жемчуг,
На белизну изливши пурпур,
Пронзил ей грудь своим кинжалом.

Ее ударил ты вот так?

О, я несчастный!

Чисто сделал.

Умри, предатель.

Ты палач мой?

Я, потому что свет погасший,
Тобой растоптанный цветок

Был для меня душою жизни
И жизнью стал души печальной.
Тебя ищу, тебя желал я,
Я гнался за тобой, в мечте,
Что отомщу за смерть прекрасной.

Меня застиг ты без оружья,
Предательски.

Нет правил в мести.
Я Дон Альваро Тусани,
Знай, ты убит ее супругом.

Знай, христианская собака,
Я Алькускус, который, помнишь,
Тебя лишил твоей сумы.

Скажи, зачем мне жить давал ты,
Когда меня убить был должен? —
Эй, часовой!

СЦЕНА 19-я

Дон Хуан, де Мендоса, солдаты. — Дон Альваро, Алькускус; Гарсес, мертвый.

Мендоса (за сценой)

(Выходят Дон Хуан де Мендоса и солдаты.)

(Дон Альваро вырывает у одного солдата шпагу.)

Дон Альваро

Мендоса

Дон Альваро

(Бьются.)

Один солдат

Другой

Дон Альваро

(Солдаты убегают.)

Мендоса

Алькускус

Чьи это крики?
Откройте: то зовет Гарсес,
Освободить его пришел я.

Что тут такое?

Дай мне шпагу.

Бесстрашный Дон Хуан Мендоса,
Ты изумлен? Я Тусани,
Чья кличка — буря Альпухарры.
Зачем я здесь? Во имя мщенья
За смерть красавицы небесной;
Затем что кто не отомстит
За боль того, кого он любит,
Так он не любит. Я, ты помнишь,
Тебя искал в тюрьме, не этой,
И мы с тобой лицом к лицу
Померились оружьем равным.
Коль ты в тюрьму пришел затем, чтоб
Меня найти, довольно было б,
Когда бы ты пришел один,
Раз ты есть ты: все в этом слове.
Но если ты пришел случайно,
Пусть благородное несчастье,
Кто благороден, защитит:
Позволь чрез эту дверь мне выйти.

Мне, Тусани, приятно было б,
При обстоятельствах столь стран-

ных,
Достойным образом прикрыть
Твое отсюда отступленье;
Но сам суди, мне невозможно
Пред Королем свершить небрежность:
Во имя службы Королю,
Когда в его войсках ты найден,
Ты должен быть убит, и первый
Я должен быть твоим убийцей.

Мне все равно: ты дверь закрыл,
Но шпагой сам найду я выход...

Я ранен, я убит.
(Убегает и падает за сцену.)

Здесь бездна
С своей свирепостью раскрылась.

Теперь увидите вы все:
Я Тусани и буду назван
В столетьях — мстителем за даму.

Ты прежде смерть свою увидишь.

А мерзкий так-таки умрет?

СЦЕНА 20-я

Дон Хуан Австрийский, Дон Лопе и солдаты. — Дон Альваро, Дон Хуан де Мендоса, Алькускус, Гарсес, мертвый.

Дон Лопе

Дон Хуан

Мендоса

Дон Лопе

Дон Альваро

Дон Лопе

Мендоса

Дон Хуан

Дон Альваро

(Уходит.)

Дон Хуан

(Все уходят следом за Дон Альваро.)

Откуда это возмущенье?

Что, Дон Хуан, здесь приключилось?

Такое странное событье,
Какого я не знал, сеньор.
Один мориск из Альпухарры
Пришел сюда, чтоб человека
Убить, который, как сказал он,
Ту, что любил он, умертвил
При разграблении Галеры;
Чтоб отомстить ее убийство,
Его он заколол кинжалом.

Убил твою он даму?

Да.

Так поступил ты превосходно.
Властитель, дай ему свободу;
Не порицания достоин
Такой поступок, а хвалы.
Когда б твою убил кто даму,
Его бы ты убил конечно,
Иль ты не Дон Хуан Австрийский.

Заметь, что это Тусани,
И взять его нам было б важно.

Так сдайся.

Мне повелевает
Твоя испытанная доблесть,
Но думаю иначе я;
И пусть во имя уваженья
Перед тобой, моя защита
Лишь будет в том, что ухожу я.

За ним, скорее все за ним.

СЦЕНА 21-я

Донья Исабель и солдаты-мориски на крепостной стене, потом Дон Альваро. Дон Хуан Австрийский и солдаты.

Донья Исабель

(Выходит Дон Альваро.)

Дон Альваро

Один солдат (за сценой)

Дон Альваро

Один мориск

Донья Исабель

Дон Альваро

Донья Исабель

(Она и мориски сходят со стены.)

Дон Хуан (за сценой)

(Выходят Дон Хуан Австрийский и солдаты и с другой стороны Донья Исабель и мориски.)

Донья Исабель

Дон Хуан

Дон Альваро

Алькускус

Дон Хуан

Дон Альваро

Пусть христианский лагерь видит,
Что белым флагом мы взываем
О перемирьи.

Я прорвался
Меж острых пик и алебард
И до горы дошел.

Покуда
В лес не вошел он, из мушкета

Стреляй в него.

Вас слишком мало:
Я биться против всех могу.

Идемте в Берху.

Стой, помедли.
Ты, Тусани?

Смотри, Лидора,
Все эти люди, это войско
Идет с оружием за мной.

Не бойся.

Осмотреть все ветки,
И на кустах и на деревьях,
Чтобы нигде не мог он скрыться.

О, сын красивого орла,
Чей взор бестрепетен пред солнцем,
Бесстрашный Дон Хуан Австрийский,
Всю эту гору, где таится
Противовес твоих надежд,
У ног твоих как бы низложит
Та, что стоит перед тобою,

Кадь выслушать ее захочешь.
Я Донья Тусани и здесь
Была мориской поневоле,
В душе оставшись католичкой[66].
Супруга я Абенумейи,
Чья неожиданная смерть
Его корону обагрила
Его же собственною кровью;
Мориски, видя, что прощенье
Ты всем мятежным обещал,
Решили сдаться: так у черни
Намеренья непостоянны:
То, что замыслила сегодня,
Назавтра вычеркнет она.

---

[66] Примечания: 66

Я донья Тусани и здесь // Была мориской поневоле, // В душе оставшись католичкой. - Подобная тема была ранее развита в романе Сервантеса "Дон Кихот" (история любви Анны Фелис и дона Грегорио). Интересно, что при написании драмы Кальдерон следовал указаниям Лопе де Веги в его "Новом искусстве сочинять драмы". События I хорнады происходят в течение одного дня, но между I и II хорнадами проходит два года. На этот счет у Лопе де Веги есть прямое указание: "...Действие происходит в возможно краткий срок, но когда поэт описывает историю, в которой должно пройти несколько лет, они должны быть помещены между двумя актами".

Действие во II хорнаде также укладывается в один день. По этому поводу есть указание Лопе: "...Каждое действие происходит в данный период времени". Развитие действия в дальнейшем идет также в соответствии с его указанием: "В первом акте происходит завязка действия,

во втором разворачиваются события таким образом, что до середины третьего едва ли кто-то смог бы определить дальнейшее развитие".

Обратим также внимание еще на одно замечание: "Трагическое и комическое смешиваются". - Это положение блестяще подтверждается органичным введением образа Алькускуса в драму.

Когда же стал Абенумейя
Их порицать за эту трусость.
Вдруг во дворец отряд гвардейцев
Вступил, и капитан его,
Занявши вход, до тронной залы
Дошел и, пред Царем представши,
Во имя общего желанья.
Промолвил; "Сдайся Королю
Испании" — "Как? он ответил, —
Меня лишать свободы?" Шпагу
Хотел он обнажить, но криком
"Да здравствует Австрийский дом!"
Внезапно огласились своды,
И из толпы одни мятежный
Солдат по голове венчанной
Его ударил бердышом.
Где был венец, не только счастье.
Но и несчастье там скрывалось
На землю он упал, и пали
Такие чаяния с ним,
Которые весь мир дивили,
Затем что он в своих деяньях

Мог не грозой, а лишь угрозой
Испанию поколебать
Коли к твоим стопам, властитель,
Могучего Абенумейи
Сложив венец окровавленный,
Я заслужила что-нибудь.
Теперь, когда ты всем даруешь
Великодушное прошенье,
Пускай твою получит милость
И благородный Тусани, —
И я, к ногам твоим припавши,
Сочту, что радостнее быть мне
Твоей рабой, чем быть царицей.

Пленительная Исабель,
Ты попросила слишком мало:
Встань, Тусани прощен. Да будет
Записано на бронзе славы
Деянье лучшее любви,
Какое только было в мире.

К твоим ногам я повергаюсь.

А мне как быть? Прощен я тоже?

Прощен.

Да завершится здесь
Любовь и после самой смерти,
Или осада Альпухарры.

Чистилище святого Патрика[67]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эгерио, царь Ирландии
Патрик
Людовико Энио
Паулин, крестьянин
Леогарио
Филипо
Капитан
Неизвестный, закутанный в плащ
Два инока
Старик крестьянин
Добрый ангел
Злой ангел
Полония

---

[67] Примечания: 67

Драма написана в 1643 г. В основе ее лежит известная средневековая легенда о св. Патрике (ок. 389 - ок. 461), распространителе христианства в Ирландии.

Одна из самых фантастических и связанных со средневековым субстратом драм Кальдерона. Объяснение католической неортодоксальности этой драмы см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд.. кн 1: сценическая история драмы в России - в статье Д. Г. Макогоненко, наст. изд., кн. 2.

Бальмонт употребляет не принятое по-русски ударение Патр*и*к (соответствующее латинскому и испанскому произношению). Чтобы передать это ударение, Бальмонт в первом русском издании 1900 г. писал имя через два "к": Патрикк.

Лесбия

Льосия, крестьянка

Стража, солдаты, иноки, крестьяне и крестьянки

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Берег моря.

Царь Эгерио, одетый в звериную шкуру: Леогарио, Полония, Лесбия, Капитан.

Царь (в исступлении)

Леогарио

Капитан

Лесбия

Полония

Царь

Лесбия

Полония

Царь

Полония

Царь

Лесбия

(Звучит рожок.)

Капитан

Полония

(в сторону)

(Уходит.)

Леогарио

Капитан

Царь

Лесбия

(Входит Полония.)

Полония

Царь

Полония

Царь

Нет, дайте умереть мне!

Государь!

О, рассуди!

Остановись!

Подумай!

Оставьте, если мне возвещены
Такие муки, пусть я сброшусь в волны,
С утеса, что граничит с ликом солнца,
Венчающим его вершину блеском;
Пусть, в бешенстве живя, умру, беснуясь!

Стремишься к морю бурному?

Ты спал,
О, государь! Скажи нам, что с тобою?

Со мною пытки бешеного ада,
Всегда ненасытимого исчадья,
Что породил семиголовый зверь —
Дыханьем затемняющий пространство
Четвертой сферы, ужас и мученья
Такие, что с самим собой, борюсь,
И дикий сон моей владеет жизнью,
И я в его объятьях труп живой
Я видел бледный грозный призрак смер-

ти.

Что ж видел ты во сне, чтоб так смущаться?

О, дочери мои, приснилось мне.
Что изо рта у юноши (хоть это
Был жалкий раб, но что то мне мешает
Его бранить), что изо рта раба
В сияньи тихом пламя исходило,
Обеих вас оно касалось кротко,
Пока вы, ярко вспыхнув, не зажглись
Желая защитить вас, между вами
И пламенем живым я встал, — напрасно.
Огонь меня не трогал и не жег
Исполненный отчаянья слепого,
Я вырвался из этой бездны сна.
Стряхнул оковы этой летаргии.
Но пыткой так исполнен я, что сном
Мне чудится, что предо мною пламя.
И вы горите, но сгораю — я.

То призраки воздушных сновидений

Роняют в души к нам толпу химер.

Но вот звучит рожок!

Он возвещает,
Что к гавани приблизился корабль.

О, государь, позволь мне удалиться,
Ты знаешь, звук военного рожка
Меня влечет сильней, чем зов сирены;
Когда гремят военные доспехи,
Я музыкой такой побеждена,
Моя душа стремится жадно к Марсу;
В той музыке моя да будет слава,
И вместе с ней на огненных волнах
Мое да улетает имя к солнцу,
И, рея там на крыльях быстролетных,
Вступает в состязание с Палладой.
Хоть я должна сказать, что мне всего

Важней узнать, приехал ли Филипо.

Сойди на берег моря, государь,
Взгляни, как о подножие утеса
Оно курчавой бьется головой;
Едва тюрьму кристальную покинув,

Оно дрожит в темнице из песков.

Рассей свое волненье созерцаньем
Владыки вод, окутанного снегом.
Взгляни, как, волны синие взметнув,
Те зеркала из темного сафира
Он заключил в серебряные рамы.

Ничто меня обрадовать не может;
Так глубоко тоска владеет мной,
Что грудь моя — вулкан, а сердце — Этна.

Что может быть прекрасней, чем веселый
Вид корабля, когда своею грудью
Он разрезает водное стекло?
Качаясь на своей лазурной сфере.
Он мчится, быстрый, рыба для ветров,
И птица для волны, скользит, воздушный.
Легко двумя стихиями объятый,
Плывет по ветру, по воде летит[68],

---

[68] Примечания: 68

Что породил семиголовый зверь... - Образцы, заимствованные из Апокалипсиса, гл. 13 и др.

Но наших глаз теперь он не ласкает.
Чело нахмурив, море возмутилось
И бездны громоздит, как глыбы гор.
С разгневанным лицом Нептун свирепый
Взмахнул своим трезубцем; и моряк
Ждет бури, увидав, что прямо к небу
Взметнулись пирамиды изо льда,
Восстали горы влаги, башни снега,
Блистательные замки пенных брызг.

Несчастье! несчастье!

Что случилось?

Вздымавшийся до неба Вавилон,
Изменчивый и жадный (кто поверит,
Что жаждать может водная стихия?)
Такой исполнен ярости слепой,
Что захотел сокрыть в глубоких недрах
Толпу людей, где только что замкнул их
В коралловых гробах, в могилах снеж-

ных,
Средь склепов серебристых. Бог ветров
Освободил все ветры из темницы,
И тотчас, беззаконные, они
Накинулись без предуведомленья
На тот корабль, которого рожок
Пропел, как лебедь, песню перед смертью.
За ним с высот спокойно я следила,
Глядя с горы, ушедшей в небеса:
Я думала, что едет там Филипо;
В дыхании обманчивых ветров
Твои гербы дрожали на знаменах,
Как вдруг я вижу быстрое крушенье,
Все голоса слились в протяжный крик,
Исчез Филипо, меж обломков, первый,
И, силой слез и горьких стонов, я
Соединилась с ветром и волнами.

Так вот как, боги! Вы такой угрозой
Терпенье испытуете мое!
Хотите, чтобы в гневе я низринул
Ваш свод? Чтоб, как второй Немврод,

взметнул
Себе на плечи этот мир громадный,
Смеясь над тем, что молнии и гром
На части разрывают глубь лазури?

СЦЕНА 2-я

Та же. — Патрик и за ним Людовико.

Патрик (за сценой)

Леогарио

Царь

Капитан

Лесбия

Полония

(Входят Патрик и Людовико, держа друг друга в объятиях.)

Патрик

Людовико

Лесбия

Царь

Патрик

Людовико

Царь

Патрик

Царь

Патрик

Царь

Лесбия

Полония

Лесбия

Полония

Лесбия

(В сторону.)

Полония

Людовико

Царь

(Повергает Патрика и становится на него одной ногой.)

(Уходит.)

Лесбия

(Уходит.)

Полония

(Уходит).

О, Господи!

Какой печальный голос!

Что там такое?

Спасся вплавь один.

И захотел спасти еще другого,

Меж тем как тот в волнах уж погибал.

Несчастный странник, брошенный судьбою

В края чужие, — голос мой услышь!

Я говорю, чтобы тебя ободрить,

Сюда, сюда!

Господь мне да поможет!

Мне — дьявол!

Жаль глядеть на них.

Не мне.
Я жалости не знаю.

Умоляю,
Во имя Бога, сжальтесь. Если даже
Рассказ о горе трогает сердца,
Не думаю, чтоб кто-нибудь нашелся
Такой жестокосердый, что при виде
Несчастного не тронется.

А мне —
Не надо милосердья. Не прошу я
О жалости ни Бога, ни людей.

Скажите, кто вы, чтобы мы узнали,
Какое милосердье оказать вам,
Какое быть должно гостеприимство.
И чтоб узнали вы, с кем говорите,
Я имя назову свое сперва,
Чтоб, говоря со мной, вы оказали
Моей особе должное почтенье.
Меня зовут Эгерио, я царь,
Владыка царства малого; его я
Считаю малым, раз оно мое,

И до тех пор в себя я не поверю,
Пока не станет целый мир моим.
И я одет не в царскую одежду,
На мне одежда варвара, я — зверь,
И пусть для всех кажуся диким зверем.
Имен богов не знаю я; не верю
Ни в одного; их нет здесь между нами,
Мы никому не молимся, не верим;
Мы верим лишь в рождение и смерть.
Теперь, мое величие узнавши.
Узнав, кто я, скажите мне, кто вы?

Меня зовут Патрик. Моя отчизна —
Ирландия, ее другое имя —
Гиберния; родимое селенье
Мое зовется Токсом, и едва ли
Ты слышать мог о нем когда-нибудь,
Незнатное и бедное селенье.
Меж севером и западом оно
Ютится на горе, и всюду снизу
Шумит свирепо море, замыкая

В тюрьму тот горный остров[69], *что зовется*

Для вечной славы Островом Святых:

Столь многие, о, властный повелитель,

Как мученики, кончили там жизнь,

Ревнителями веры выступая,

В чем есть предел для совершенства верных.

Родители мои — ирландский рыцарь

И верная сопутнница его.

Одна из благородных дам французских.

Они не только эту жизнь мне дали,

Но благородства высшего другую,

Рассвет первоначальных лет моих:

Свет веры н правдивое ученье

Христа, — тот храм, в который нас ведут

Врата небес, крещение святое,

Из таинств церкви первое. Отдав

Супружеству ту дань, что служит об-

---

[69] Примечания: 69

...горный остров. - Имеется в виду Ирландия.

щей
Для всех, кто в узы брака заключен,
Родители мои, из благочестья
Покинув мир, вступили в монастырь,
В две разные обители замкнулись,
Где жили в целомудрии, пока
Последней грани жизнь их не коснулась.
Тогда, тысячекратно показав,
Как сильно правоверное их рвенье,
Они душою с небом сочетались,
А прах телесный предали земле.
Пять лет, как сирота, я оставался
На попеченьи женщины святой,
Пять раз двенадцать знаков зодиака
В единой сфере солнцем озарились,
Как Бог взыскал меня своим вниманьем,
Во мне явив могущество свое:
Всегда своим орудьем избирает
Он существа смиренные, дабы
Величие свое с сделать явным
И чтоб Ему здесь в мире надлежала

Лишь одному божественная слава.
И вот однажды, — Небо призываю
В свидетели, не суетная гордость,
А только ревность веры побуждает
Меня повествовать о сих делах,
Не мной, а небесами сотворенных, —
Приходит к двери дома моего
Один слепой, чье имя было Гермас,
И говорит: "Сюда я послан Богом,
Он повелел, чтоб именем Его
Ты даровал мне зрение". Покорно
Велению такому повинуясь,
Я сотворил над мертвыми глазами
Таинственное знаменье креста, —
И вдруг из тьмы они вернулись к свету.
В другой же раз, окутавшись, как дымом,
Густыми облаками, небеса
Вступили в распрю с миром, посылая
Потоки снега быстрые в таком
Непобедимом множестве, что только
Растаял он под жгучим светом солн-

ца,
Как улицы в каналы превратил
И затопил селение, и стали
Дома как бы суда из кирпичей,
Как корабли чудесные из камня.
Кто видел, чтобы можно было плавать
По высям гор? и кто по зыби водной
Носиться мог среди лесных вершин?
Я сотворил над дикими водами
Таинственное знаменье креста,
Замерзшим языком я повелел им
Во имя Бога вновь туда вступить,
Где прежде им приют был предначертан,
И воды, повинуясь, отошли,
И в миг один земля сухою стала.
О, кто хвалы не вознесет Тебе,
Великий Боже! Кто не возжелает
Тебя любить и сердцем исповедать!
И большее я мог бы рассказать,
Но голос мой смирением удержан,

Молчат уста, немеет мой язык.
Я вырос наконец, не столько склонный
К военным браням, сколько к правде знанья,
Священному Писанию и чтенью
Житий святых, чья школа учит нас
Благоговенью, вере, упованью
И милосердной сладости любви.
И вот, — в те дни, как этим я был занят, —
Однажды вышел я на берег моря,
С кой-кем из сотоварищей моих,
Вдруг там, где находились мы у взморья,
Пристал корабль какой-то, и с него
Толпой вооруженною сорвались
Корсары, бич морей, и взяли в плен
Меня и всех других! И чтоб добычей
Не рисковать, — поднявши паруса,
Они, не медля, снова вышли в море.
Был капитаном этого судна
Филипс Роки, дерзостный настолько,

Что если бы с земли исчезла дерзость,
Ее нашли бы в сердце у него.
Уж много дней опустошал он море
И берега Ирландии, повсюду
Производя убийства и грабеж.
Из всей толпы захваченной меня лишь
Оставил он в живых: как говорил он,
Меня тебе отдать он был намерен,
В знак подданства, как твоего раба,
О, как бывает горестно обманут
В своих желаньях темный человек,
Замыслив что-нибудь помимо Бога.
Прямой свидетель этому — Филипо,
На дне морском. Не дальше как сегодня,
В безветрие, уже в виду земли.
Возникшей над спокойной гладью моря,
—
В одно мгновенье рухнул план его.
Встал ветер и завыл в своих глубоких
И впалых недрах, море застонало,
На волны — волны быстро взгромоз-

дились.
Как горы над горами, и с вершин
Обрызгали соленой влагой солнце,
Гася его прекрасные огни.
Фонарь наш корабельный, вплоть у неба,
Качался нам блуждающей кометой.
Огнисто дымным выбросном паров,
Или звездой, упавшей из оправы.
Еще одно мгновенье, и корабль
Низринулся в раскрывшиеся бездны,
Морского дна коснулся, и распался, —
И вкруг него губительные волны
Восстали, как надгробный алебастр,
Среди кораллов пышных и жемчужин.
Не знаю, для чего меня хранит
Святое Провиденье, — бесполезен
И скуден я, но Небо пожелало,
И у меня дыхания хватило,
Не только для того, чтобы спастись,
Но снова встал лицом к лицу со смертью,

Спасая жизнь того, кто пред тобою,
Бесстрашного и юного. К нему
Меня влечет неведомая тайна
И думаю, когда-нибудь воздаст
Он мне сторицей этот долг. А ныне
Мы, спасшись оба милостию Бога,
Теперь стоим пред вами, как рабы,
В несчастий своем, быть может в счастья,
Мы ждем, чтоб вы смягчились нашей долен,
Чтоб в вас возникла жалость к нашим мукам,
Чтоб наше зло у вас нашло конец

Молчи, молчи, христианин постыдный,
Не знаю, что за власть объяла душу;
Твои слова она впивает жадно,
И, против волн, я тебя боюсь.
Перед тобой невольно преклоняюсь
Мне чудится, что ты тот самый раб.
Что мне в моем тревожном сне явился.

Выбрасывая пламя изо рта,
Стремительные искры выдыхая
И привлекая силою огня
Полонию и Лесбию, как ночью
Влечет костер безмолвных мотыльков.

То вещий сон, и пламя изо рта
Есть истина евангельского света,
Который я несу, слова Христовы
Я буду проповедовать тебе
И твоему народу; через них-то
И станут христианами отныне
Полония и Лесбия.

Молчи,
Замкни скорей уста свои, позорный,
Меня ты оскорбляешь.

Успокойся.

Ты за него вступаешься?

Конечно.

Пусть лучше он умрет.

Нехорошо,

Чтоб он рукою царской был убит.

Мне жаль его. Я христиан жалею.

Пусть он толкует сны, второй Иосиф[70],

Не думай и не бойся, государь.

Он думает, что, если в сновиденьи

Горели мы, я стану христианкой, —

Напрасна, это так же невозможно,

Как стать живой вторично после смерти.

Забудь свой гнев, хоть он и справедлив,

И чтоб развлечься, выслушаем, что нам

Расскажет о себе второй из них.

Внимай же, неземная красота.

Я так начну мое повествованье.

Эгерио, великий царь ирландский,

Я Людовико Энио, и тоже

Христианин, но только в этом сход-

---

[70] Примечания: 70

...второй Иосиф... - по Библии, Иосиф был известен как толкователь снов. См. Бытие, гл. 40.

ство —
Меж мною и Патриком, хоть и в этом
Друг с другом мы расходимся настолько ж,
Как свет и тьма, иль как добро и зло.
Но, честь Христовой веры защищая,
Тысячекратно отдал бы я жизнь.
Так я ценю ее. Клянуся Богом!
Клянусь Им, потому что в Бога верю.
Тебе не расскажу я никаких
Деяний благочестья, ни небесных
Чудес, через меня свершенных Богом,
Но целый ряд убийств и злодеяний,
Предательство, и низость, и кощунство:
Я ряд не только сделать преступленье,
Но рад сказать, что я его свершил.
Родился я на острове, средь многих
Ирландских островов. Подозреваю,
Что, слитые в губительном влияньи,
Все семь планет присутствовали свыше

При горестном рождении моем,
Смятенные в своем разнообразьи.
Луна послала мне непостоянство,
Меркурий дал мне разум: я его
Употребил во зло, и лучше б было
Мне вовсе не иметь его! Венера,
В обычном сладострастии своем,
Дала мне блеск обманных вожделений;
Марс дал жестокость сердца, — и чего
Не могут дать Венера вместе с Марсом?
От Солнца получил я, как черту
Обычную во мне, желанье — вечно
Быть пышно-расточительным, и вот,
Когда нет денег, я краду и граблю.
Юпитер дал надменность мне и роскошь
Причудливых мечтаний, а Сатурн
Гнев бешенства, и мужество, и душу,
Готовую на тысячи измен.
Из этих черт возникла цепь их следствий.

Отец мой, по причинам, о которых
Молчу из уважения к нему,
Был изгнан из Ирландки. Он прибыл
В один испанский город, Перпиньян[71]*;*
Тогда мне было десять лет, не больше;
Когда ж он умер, минуло шестнадцать.
Да воспомянет Бог о нем на небе!
Я сиротой остался одиноким
Во власти снов и прихотей моих
И мчался я в просторе своеволья,
Как дикий конь, порвавший повода,
В моем беспутстве все я основал
На женщинах и картах: это были
Два полюса мои. Заметь, какие!
Невластен все поведать мой язык,
Узнай хоть краткий перечень событий.
Чтоб обесчестить девушку одну,
Я умертвил отца ее и я же,
Когда один достойный рыцарь спал
С своей женой, убил его в алькове;

---

[71] Примечания: 71
Перпиньян - город в Пиренеях, ныне на территории Франции.

Я честь его омыл его же кровью
И превратил постель его в подмостки
Зловещие, где братскою четой
Пришлись убийство с прелюбодеяньем.
Итак отец и муж за честь свою
Мне заплатили жизнью: и у чести
Случается, что мученики есть.
Да воспомянет Бог о них на небе!
От кары за убийство убегая,
Во Францию я прибыл, где доныне,
Как думаю, мои деянья помнят.
Меж Францией и Англией тогда
Была война[72], *и я сражался храбро*
Под знаменем Эстефано, в рядах
Французских; и однажды в жаркой схватке
Так отличился я, что сам король
За храбрость дал мне чин знаменосца.
Не стоит говорить тебе о том.

---

[72] Примечания: 72

Меж Францией и Англией тогда // Была война... - Драма полна анахронизмов. Во времена св. Патрика не было собственно ни Франции, ни Англии.

Как оправдал его я ожиданья.
Я был осыпан знаками отличья.
И раз, когда вернулся в Перпиньян,
Зашел я в кордегардию и, в карты
Играя, из-за вздора я ударил
Сержанта, капитана умертвил
И ранил трех еще среди игравших
На крики их толпой сбежались стражи,
Я бросился в один соседний храм.
Какой-то сыщик стал мне на пороге,
И тотчас был убит средь злодеяний
И доброе я дело совершил
Да воспомянет Бог о нем на небе!
Я выбежал за стены городские,
И в чистом поле дали мне приют
В обители священной инокини
И там в уединении я жил
Спокойно, мирно, между тех монахинь
Одна была из родственниц моих,
Она то и сочла священным долгом
Взять на себя такое попеченье

Но сердце у меня, как василиск.
Весь этот мед в отраву превратило
От света благодарности меня
Швырнуло к вожделению, и встало
Желание, — чудовище, чья пища —
Все то, что невозможно, — яркий пламень,
Что хочет ярче вспыхнуть, если ты
Его задуть захочешь, — раб лукавый.
Убийца господина своего, —
Желанье, говорю я, в человеке.
Что презирая Бога и людей,
Чудовищное любит потому лишь.
Что вот оно чудовищно, — и ужас,
Как самый ужас, любит. Я дерзнул...
Но только что до этого дойду я
В своем воспоминаньи, государь.
Душой моей смущение владеет,
Мой голос умолкает, звук его
Печально замирает на устах,
И сердце разрывается на части,
Ему как будто душно там в груди,

И волосы встают от страха дыбом,
Как будто я средь сумрачных теней,
И, весь исполнен смутных колебаний,
Я рассказать тебе не в силах то,
На что хватило мужества, чтоб сделать.
Ну, словом, в этом гнусном преступленья
Так много омерзительных сторон,
Кощунства, богохульства, что порою
(Довольно, если это я скажу!)
Я чувствую раскаянье. Однажды,
Когда молчанье ночи создавало
Непрочные гробницы сна для смертных;
Когда лазурь задернулась покровом
Из мрака, этой траурною тканью,
Что ветер расстилает по кончине
Блистательного солнца, и кругом
Ночные птицы пели панихиды,
И трепетно в волнах сафира звезды
Мерцаньем освещали небосвод, —

С двоими из друзей своих (на это
Друзья всегда найдутся) я пробрался
Через ограду сада в монастырь.
Охваченный волнением и страхом,
По тени смертной с ужасом ступая,
Достиг я кельи (вымолвить боюсь),
Достиг я кельи той, где находилась
Монахиня, с которой я был связан
Священной связью кровного родства.
Я имени ее не называю.
Из уваженья к ней, коль не к себе.
Она лишилась чувств, меня увидев,
И на землю упала, а с земли
Тотчас же перешла в мои объятья,
И прежде чем опомниться могла,
Она была далеко за стенами
Обители, в пустынном, диком месте.
Где небо хоть помочь ей и могло,
Помочь не захотело. Впрочем — что ж:
Все женщины легко прощают, если
Их убедить, что дикие поступки

Лишь вызваны одной любовью к ним.
Поплакала, помучилась, простила,
И для беды нашлося утешенье,
А так была беда ее громадна,
Что ей пришлось увидеть вместе слитым
В одном ее возлюбленном — уродство
Грехов таких, как воровской захват,
Насилие, и грязь кровосмешенья,
И мрак любодеяния, и измена
Пред Богом, как супругом, н кощунство,
На двух конях, сынах проворных ветра,
К Валенсии помчались мы, и там.
Как будто бы жена и муж, предались
Совместной жизни, полной разногласий,
Я быстро прожил все, что только было
В моем распоряжении. Без денег
И без друзей, надежды не имея
На что-нибудь другое, я решился
Прибегнуть к красоте моей жены —

Любовницы, как к средству. О, когда бы
Стыдиться мог поступков я своих,
Лишь этого я б одного стыдился!
Пустить в продажу честь! Назначить цену
За сладость ласк — какая это низость
Последний грех последнего из подлых!
Когда я ей сказал об этом плане,
Бесстыдному, она дала согласье,
Ничем не выражая удивленья,
Но только я ушел, она бежала
И спряталась в одном монастыре.
Там под началом инока святого
Она нашла приют от бурь мирских
И умерла, раскаяньем сердечным
Свою вину примерно искупив.
Да воспомянет Бог о ней на небе!
Стал тесен мир для дерзких преступлений,
И увидав, что больше нет земли,
Которая б меня к себе прияла,
На родину вернуться я решил;

Казалось мне, что здесь, по меньшей мере,
Найду я безопасность от врагов,
Найду свое прибежище, Я прибыл
В Ирландию и принят ею был
Как матерью, но скоро оказалась
Она лихою мачехою. В бухте
Попутного искал я корабля,
В засаде там корсары притаились,
Их капитаном был Филипо. Он
Взял в плен меня, но после долгой схватки;
И эта-то отчаянная храбрость
Его расположила так, что он
Меня в живых оставил. Дальше все
Ты знаешь сам. Поднялся ветер гневный,
Он поднял смуту меж морей и гор,
И бездны посмеялись над горами.
Разрушил взрыв кристальных стрелометов
Основы всех окрестных городов.
И рухнули они, и море билось

Презрительно о землю, устремляя
Из недр своих глубоких жемчуга
В их нежном перламутре, порожденья
Стремительной зари, дохнувшей в пену,
Сверканья слез из снега и огня.
И наконец, — чтоб времени не тратить
В одном живописании, — скажу,
Что все, кто был тогда застигнут бурей,
Отправились поужинать в аду.
Я тоже был в числе гостей почетных,
И вслед за ними также бы ушел,
Когда б Патрик (не знаю почему я
Боюсь его, люблю и почитаю)
Не выхватил меня из волн морских,
В то время как, совсем изнеможенный,
В себя впивал я смерть с отравой моря
Вот все, что я хотел сказать. Теперь
Ни жизни, ни пощады не прошу я
И не хочу, чтоб ты моим страданьем

Смягчился или тронут был мольбой.
Скорее дай мне смерть, чтоб вместе с этим
Окончил жизнь свою такой злодей.
Который вряд ли может стать хорошим

Хоть, Людовико, ты христианин,
Я ж христиан всем сердцем ненавижу.
Так храбрость я ценю твою, что ныне
Хочу и на тебе и на Патрике
Одновременно выказать всю власть.
Могу карать, могу я и возвысить.
Могу смирять, могу и награждать
Тебя я свои объятья заключаю.
Ты будешь приближенным у меня,
Тебя к моим ногам я повергаю

И ты, и ты, вы будете отныне
Две чаши равновесья моего
И чтобы ты, Патрик, мог ясно видеть.
Как много я значенья придаю
Твоим угрозам, ты казнен не будешь
Живи и, если хочешь, извергай.

Как пламя, слово Бога, не боюсь я
Ни всех чудес его, ни божества.
Живи, но навсегда останься нищим.
Неси тяготы рабского удела,
Как существо, в котором пользы нет.
Ты будешь исполнять работы в поле,
Ты будешь сторожить мои стада,
Пасущиеся вон по тем долинам,
Увижу я, избавит ли твой Бог
Тебя от рабства, будешь ли ты в силах
Распространять везде его огонь.

Мне жаль Патрика.

Мне не жаль нисколько,
Я жалости не знаю, и уж если
Кто трогает меня, так Людовико.

СЦЕНА 3-я

Патрик, Людовико.

Патрик

Людовико

Патрик

Людовико

Патрик

Людовико

Патрик

Людовико

Патрик

(Уходит.)

О, Людовико, я повергнут наземь,
Ты вознесен, и все же я исполнен
Не зависти, а скорби за тебя.
И говорю тебе одно лишь слово:
Не позабудь, что ты христианин.

Патрик, позволь мне насладиться первой
Улыбкой переменчивой судьбы.

Что ж, насладись. Но дай мне обещанье.

Какое?

В этой жизни ты меня,

Живой иль мертвый, раз еще увидишь.

Такое должен дать я обещанье?

Прошу тебя.

Я обещаю.

Помни.

СЦЕНА 4-я

Деревня в окрестностях столицы Эгерио.

Филипо, Льосия.

Льосия

Филипо

Льосия

(Обнимаются.)

Не обессудьте, если не сумела
Вам угодить.

Вы более виновны,
Чем можно заключить из ваших слов.
Смотря на вас, я полон наслажденья
И боли, и поэтому я должен

Одновременно вас благодарить
И упрекать. Вы жизнь мне даровали,
И вместе с тем вы даровали смерть.

Ответить вам я, право, не умею:
Я так проста, я ничего не знаю,
Но чтоб избегнуть долгих рассуждений,
Вот вам мои объятия, они.
Безмолвные, вам за меня ответят,

СЦЕНА 5-я

Те же. — Паулин.

Паулин (в сторону)

Филипо

Льосия

Паулин (в сторону)

Льосия

Филипо

Паулин (в сторону)

(К Филипо.)

Филипо

(В сторону.)

(Уходит.)

Ай, батюшки! Родимые! Что вижу!
Жену мою целуют! Что тут делать?
Убить их? что ж, убью. Да вот беда,
Боюсь, она меня убьет, пожалуй,

Красавица пустынных этих гор,
Не зная, чем твое гостеприимство
Вознаградить, прошу — возьми кольцо.
Звезду небес тебе в нем дать хотел бы.

Беру лишь потому, что это ваше,
Не из корысти.

Ей дают кольцо.
И я, как муж, увидел: что тут делать?
Как муж, я должен, кажется, молчать.

Вторично отдаю в своих объятьях
Всю душу вам, другого не имею
Сокровища.

В объятьях этих нежных
Легко забыть все зло, что вынес я
От ярости кристальной влаги моря.

Ай, ай! Опять объятья.

Сударь, сударь!
Вы, кажется, не видите, что это
Моя жена?

Ваш муж нас увидал,
Я ухожу, но я вернусь сейчас же,

Полония, ты верно б огорчилась.
Когда бы увидала, до чего
Меня доводит рок мой беспощадный.
О, море, ты дерзаешь посягать
На небо, и в каких глубоких недрах
Сокрыты жизни, взятые тобой?

СЦЕНА 6-я

Паулин, Льосия, потом Филипо.

Паулин (в сторону)

(К Льосии.)

Льосия

Паулин

Льосия

Паулин

Льосия

Паулин

Льосия

Паулин

Льосия

Паулин

(Филипо возвращается.)

Филипо (в сторону)

Паулин

Филипо

Паулин

Ушел. Поговорим теперь погромче.

На этот раз, Льосия, я тебя
Поймал с поличным и да буду проклят,
Когда тебя я палкой не побью.

Вот злюка! Чтоб тебе со света сгинуть!

Так, так. Вы — обнимаетесь, я — злюка.

Не мог же я не видеть. Где ж тут злость?

Вот то-то где! Не знаешь положенья,

Что муж не должен видеть все, что видит:

Он должен видеть только половину.

Что ж, хорошо, условье принимаю.

И так как ты проклятого солдата,

Которого к нам выбросило море,

Два раза обняла, я буду думать

Что это было только раз, не больше;

И если за двойное обниманье

Тебе намеревался дать я прежде

Сто палочных ударов, — за один раз

Тебе по счету надо пятьдесят.

Ну, слава Богу, приговор составлен

Тобою же самою, получай

По счету пятьдесят ударов палкой.

Нет, ты не муж, а прямо мужичище.
Довольно, если муж увидит четверть.

Так приговор обжалован? Отлично.
Согласно апелляции, тебе
Придется ровно двадцать пять ударов.

Иначе должен делать тот, кто любит.

А именно?

Совсем тому не верить,
Что увидал, а верить лишь тому,
Что я скажу.

Проклятая Льосия,
Ты прямо порожденье Вельзевула.
Уж лучше ты бери скорее палку
И бей меня. Так будет хорошо?
С другим два раза можешь полюбовно
Обняться, мне же сто ударов палкой.

Однако до сих пор он не уходит.

Вы вовремя изволили прибыть.
Быть может, господин солдат, вам

будет
Теперь угодно выслушать меня.
Я вам весьма признателен за ваше
Ко мне благоволенье, очень тронут,
Вы снизошли ко мне и пожелали
На хижину мою и на жену
Взглянуть, как на свое добро. Спасибо.
Но хоть премного вам я благодарен,
А все ж, как примечаю, вы теперь
И живы и здоровы, — значит, в путь,
Как говорится, скатертью дорога.
Нимало я к тому не расположен,
Чтоб, смуту у меня поднявши в доме,
То, что из моря выброшено было,
Как рыба, стало плотью на земле.

Меня подозреваете вы злостно.
Ни повода к тому нет, ни причины.

Причина-то причиной, а вот лучше
Скажи мне, — что, муж я или нет?

СЦЕНА 7-я

Леогарио, Старик-крестьянин, Патрик.

Леогарио

Старик

Леогарио

Паулин

Льосия

Филипо

Леогарио

Филипо

Леогарио

Паулин

Филипо

Паулин

(Филипо и Леогарио уходят.)

Льосия (в сторону)

Старик

Патрик

Старик

Паулин

Льосия

Паулин

Льосия

(Уходит.)

Старик

Паулин

Старик

(Уходит.)

Таков приказ. И вы должны смотреть,
Чтоб он всегда без отдыха работал!

Как сказано, так сделано и будет.

Но что я вижу, это ведь Филипо?
К твоим ногам, владыка, припадаю.

Его владыкой назвал?

Да, владыкой.
Теперь тебе достанется за все.

Позволь тебя обнять.

Такая честь...

Возможно ли: так ты в живых остался?

Здесь морем бурным выкинут я был;

Найдя приют среди крестьян, здесь жил я,

Как жалкое игралище судьбы.

Пока не исцелился от недугов.

Однако ж и еще была причина.

Ты знаешь нрав царя, ты знаешь, как он

Честолюбив и как он страшно вспыльчив.

Его нельзя смягчить упоминаньем

О крайностях изменчивой судьбы.

И я его боялся, жил надеждой,

Что кто-нибудь в отсутствие мое

Настолько умягчит его суровость,

Что он позволит мне предстать пред ним.

Ты можешь это сделать хоть сейчас же.

Твоею смертью мнимой он настолько
Был огорчен, что с радостию примет
Тебя, узнав, что ты в живых остался.
Отправимся. Я на себя беру
Вернуть тебе его расположение.

Прошу не осудить мой вздорный гнев.
Как господин Филипо верно помнит,
Я — Паулин. Да снизойдет ко мне он,
Коль чем-нибудь его я оскорбил.
Я говорил, как глупый гусь, не больше.
И я всегда готов ему служить.
В его распоряженьи днем н ночью —
Мой дом и в нем жена моя Льосия.

Благодарю за все гостеприимство,
Надеюсь уплатить вам долг сполна.

Так для начала я прошу, возьмите
С собой Льосию: двум тогда вы сразу
Доставите весьма большую радость,
Ей — дав возможность быть ей вместе с вами,
А мне — меня оставив без нее.

Любил ли кто, как я, такой любовью
Несчастной: чуть блеснула — позабыта.

Теперь мы, Паулин, совсем одни,
Так будь же подобрее с этим новым
Работником.

Я ваш покорный раб,
Смотрите на меня, прошу, не больше.
Как на раба, сюда пришел затем я,
Чтоб самому смиренному служить,
И потому давайте приказанья.

Вот скромность!

Вот смиренье!

И как он
Хорош собой! Его лицо невольно
Сочувствием исполнило меня.

Льосия, между нами, этих чувствий
Так много у тебя, что, сколько помню,
Кто б ни пришел сюда, в тебе наверно
Он чувствия пробудит.

Грубиян!
Уж если ревновать меня ты вздумал,
Во всех мужчин влюблюсь я.

Паулин,
Теперь тебе я дело доверяю
Первостепенной важности.

Готов
Исполнить все, когда вам так известно,
Что ловок я.

Мне кажется, что раб,
Которого ты видишь пред собою,
Не очень-то надежен; между тем
Я должен наблюдать за ним, — скажу я
Тебе потом, зачем и почему.
Итак, смотри за ним, да, братец, в оба.
Следи за ним. Будь с ним всегда. Смотри!

СЦЕНА 8-я

Патрик, Паулин.

Паулин (в сторону)

(К Патрику.)

Патрик

Паулин

Патрик

(С неба опускается Ангел, в одной руке у него щит и в нем зеркало, в другой руке письмо.)

Могу сказать и порученье дали!

Я страж и охранитель ваш. Доселе
Я ничего еще не охранял.
Теперь придется с отдыхом проститься.
Не есть, не пить, не спать, и потому,
Коль только вам угодно удалиться,
Рекомендую сделать это тотчас.
Вы даже мне окажете весьма
Большое одолжение, избавив

Меня от этих тягостных забот.
Идите с Богом.

Нет, не беспокойтесь,
Хоть я и раб, но я не убегу.
О, Господи, с какой отрадой буду
Я жить отныне в этой тишине!
Здесь, пред Тобой, Всевышним, преклоняясь,
Душа отдаться может созерцанью,
Смотря на ясный лик Твоих чудес
Божественных! В немом уединеньи
Возникла человеческая мудрость,
В немом уединеньи я хотел бы
В божественную мудрость заглянуть.

Скажите, с кем теперь вы говорите?

О, Боже! Ты всего первопричина!
Те небеса хрустальные, что светят,
С их звездами, с их солнцем и луной,
Не суть ли это ткани и завесы
Возвышенных твоих пределов горних?
Стихии разногласные, огонь,

Вода, земля и ветры — не движенья ль
Твоей руки? Они не говорят ли,
Как велики хвалы Твои повсюду,
Как велико могущество Твое?
Земля не записала ли строками
Цветными пышность светлую Твою?
И ветер, повторенный звуком эхо,
Не вторит ли, что создан он Тобой?
Не славит ли Тебя огонь хвалами,
Не славит ли вода, — и не затем ли
Язык есть у огня и у воды?
И потому, о, Боже Всемогущий,
Тебя искать я лучше буду здесь,
Затем что здесь Тебя во всем найду я.
Тебе, Господь, моя открыта вера,
Знак моего Тебе повиновенья,
Давай мне повеленья, как рабу,
Или скорей возьми меня отсюда —
Туда, где мог бы я Тебе служить!

СЦЕНА 9-я

Те же. — Ангел.

Ангел

Патрик

Паулин

(в сторону.)

Ангел

Патрик

Ангел

Паулин (в сторону)

(Уходит.)

Патрик!

Чей зов я слышу?

Зов? Ничей!

Однако ж он рассеян! Видно, это Поэт.

Патрик!

Чей зов я слышу?

Мой!

Он говорит. Я никого не вижу.

Что ж, пусть поговорит. Я не приставлен
Ко рту его.

СЦЕНА 10-я

Ангел. Патрик.

Патрик

Ангел

Патрик

Ангел

(Отдает ему письмо.)

Патрик

Ангел

Патрик

Ангел

Патрик

(Читает.)

Ангел

(Показывает ему зеркало.)

Патрик

Ангел

Патрик

Ангел

(Улетают.)

Так велико блаженство,
Что я в него поверить не могу.
Передо мною облако; из дымки
Жемчужно-алой солнце выплывает;
Окружено нетленными звездами,
Среди кустов жасмина и цветов
Оно идет, сиянье разливая,
Оно идет, неся с собой зарю.

Патрик!

Меня пугает этот блеск,
Меня страшит неведомое солнце.
О, кто ты?

Друг Патрик, я Виктор, Ангел —
Хранитель твой, и ныне Бог меня
Послал к тебе, чтоб передать вот это.

Прекрасный благовестник, пусть вовек
Ты будешь окружен небесной славой!
Ты, предстоящий там, средь высших сил,
Пред Господом, к Которому с другими
Взываешь в гимне звучном: Свят! Свят! Свят!

Патрик, прочти послание.

Я вижу
Слова: "К Патрику". — Чем же мог такое
Блаженство заслужить смиренный раб?
Ничем!

Прочти послание.

Дерзаю.

"Патрик, Патрик, приди, освободи нас
От рабства". Что-то высшее здесь

скрыто:
Не знаю, кто зовет меня. О, верный
Хранитель, разреши недоуменье.

Взгляни сюда.

О, Боже Всемогущий!

Что видишь?

Вижу множество людей,
Толпу разнообразную, из старцев,
Детей и жен и все меня зовут.

Так поспеши, спаси их от тревоги.
Толпа, что ты увидел, есть народ
Ирландии; он жаждет благовестья
Из уст твоих, правдивого ученья.
Покинь тяготы рабского удела,
Господь взыскал тебя своим вниманьем,
Тебе велит Он веру проповедать,
Которую так хочешь ты возвысить.
Да будешь ты посланником Его,
Апостолом Ирландии. Отправься
Во Францию, там есть епископ Герман,

Иди к нему и облекись в одежду
Монаха, отправляйся после в Рим,
Тебе дадут там буллы Селестина[73],
Послание, чтоб ты достиг счастливо
Блаженной цели странствий; посети
Мартина, он теперь епископ Турский.
Умчись со мною, в вихре унесенный;
Бог повелел, чтоб ныне ты узнал
Через меня, каков удел твой в мире, —
И ты со мной пуститься должен в путь.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Зал в башне, принадлежащей ко дворцу Эгерио.

Людовико, Полония.

Людовико

Полония

---

[73] Примечания: 73

Тебе дадут там буллы Селестина. — Селестин I — папа с 422 г. по 432 г. Остальные имена относятся к церковным деятелям того времени.

Полония, кто в замыслах любви
Чрезмерен, тот и сетовать не должен,
Когда ему другого предпочтут.
Он сам себе придумал наказанье.
Случалось ли когда, чтобы надменный,
—
Возвысясь, не был сброшен с высоты?
Так я теперь Филипо вытесняю.
Моя любовь должна его убить.
Пусть он меня превысил в благородстве,
Которое даровано природой,
Еще есть благородство, что дается
Заслугами, и в этом я, не он,
Достоин называться благородным.
Он честь свою наследовал от предков,
Моя же честь действительно — моя.
В свидетели зову я это царство,
Что сделалось безумным от побед,
Через меня одержанных. Три года
Прошло с тех пор, как прибыл я сюда,
(Мне кажется — сегодня), три уж года,

Как я тебе служу, — и не сумею
Исчислить все, что для Эгерио
За это время взял я в правой битве.
Мне мог бы позавидовать сам Марс,
Я — страх земли, я — грозный ужас моря.

Твой благородный дух, о, Людовико,
Наследовал ли ты его иль добыл,
В груди моей не только будит страх
И дерзновенье, но еще другое,
Не знаю что, быть может, это нужно
Назвать любовью, может быть и нет:
Мной стыд овладевает неизменно,
Когда душа почувствует, что я,
В борьбе, ему готова покориться.
Пока одно могу тебе сказать:
Твое желанье было б обладаньем,
Когда б я не боялась пробудить
Жестокий гнев в отце. Но жди, надейся.

СЦЕНА 2-я

Те же. — Филипо.

Филипо (в сторону)

Людовико

Полония

Филипо

Полония

Филипо

Людовико

Филипо

Людовико

Филипо

Людовико

Филиппо

Людовико

Филипо

(Дает ему пощечину.)

Полония

Людовико

(Они обнажают шпаги.)

Когда я смерть здесь должен был увидеть,

Зачем пришел искать ее? Но кто же

Настолько терпелив, чтоб не глядеть

На то, в чем быть должно его несчастье?

Но кто мне поручиться может в том, что

Моей ты будешь?

Вот моя рука!

Нет, этого я вынести не в силах!

О, горе мне!

Ты руку отдаешь

Какому-то пришельцу. Так? Не правда ль?

А ты на солнце хочешь посягнуть,

Чтоб собственный заемный блеск утратить?

Да как же ты посмел противоречить
Желаниям моим? И как же мог ты
Не вспомнить, что ты был моим рабом?

И смел, и смею: я теперь не то уж,
Чем, может быть, был раньше. Это правда,
Я был твоим рабом. Кто в мире мог
Избегнуть переменчивости рока[74]*?*
Но не забудь, что у меня есть храбрость,
И честь моя с твоей сравнялась в ней,
Быть может — превзошла.

Как? Дерзкий! Низкий!

Филипо, ты ошибся.

Не ошибся.

А если нет, тогда...

Тогда?

---

[74] Примечания: 74

Кто в мире мог // Избегнуть переменчивости рока? - Тема изменчивости судьбы характерна для Ренессанса и еще более для барочной литературы.

Солгал.

Изменник!

Боже!

Это оскорбленье
Оставить без отмщения? О, нет!
В моей душе свирепствуют вулканы!

СЦЕНА 3-я

Те же. — Эгерио, солдаты.

Царь

Людовико

Царь

Людовико

Царь

Людовико

(Уходит, отражая удары.)

Что тут случилось?

Вырвалось из ада
Живущее в нем бешенство, несчастье,

Свирепость пыток, вечность оскорбленья.
Пусть, государь, никто мне не мешает
Отмстить. Пред самой смертью не склонюсь я.
Нет ничего важней, чем честь моя.

Схватить его.

Пусть тот, кто хочет смерти,
Приблизится. За эту дерзость он
В награду пред тобой умрет.

Я дожил
До этого! за ним!

Омытый кровью,
В отчаяньи, ее пролью я столько,
Что за Филипо буду гнаться вплавь.

СЦЕНА 4-я

Царь

Лишь этого еще недоставало.
О, дерзкий раб! — Другой, как мне сказали,

Тот самый, что был сослан и бежал,
В Ирландию из Рима возвратился
И веру проповедует Христову.
Столь многие, как говорят, вступили
В ряды учеников его, что мир
Весь разделен на партии. Я знаю,
Что он колдун. Он к смерти присужден был
В другой стране, и спасся, поселяя
В сердцах людей смущение и страх.
К позорному столбу он был привязан,
Как вдруг земля, хранящая в себе
Так много мертвецов, затрепетала,
И воздух застонал, и облик солнца,
Затмением кровавым облекаясь,
Не захотело дать свой блеск луне.
Колдун! В своих руках судьбу он держит.
В том нет сомненья. Так мне рассказали.
И все кто ни пришел смотреть на казнь,
Пошли за ним, а ныне он приходит,

Чтоб волшебство испробовать на мне.

Что ж, пусть придет и твердо убедится

В тщете своих намерений. Посмотрим,

Что из себя являет этот бог,

Зовущийся меж ними христианским.

Он примет смерть из рук моих, — войдет

В пределы узкой сферы, из которой

Не вырвется, — епископ и пастух,

Дерзающий прийти во имя Папы[75].

СЦЕНА 5-я

Капитан, солдаты; Людовико, под стражей. — Царь.

Капитан

Царь

(Уходит.)

---

[75] Примечания: 75

Дерзающий прийти во имя Папы. - В церковной истории считается, что Патрик был уполномочен папой ввести христианство в Ирландии,

Вот, мы его схватили. Он убил
Троих телохранителей и ранил
Еще других.

Скажи, христианин,
Ты можешь не дрожать передо мною?
Моей руки подъятой ты не видишь?
Но нет, все злоключения мои
Заслужены, я заслужил их больше,
И впредь да будет проклят тот, кто сделал
Добро кому-нибудь из христиан.
Ты заслужил не кары, а награды,
Я кары заслужил за то, что сделал
Тебе добро. — Держать его под стражей,
До казни. Больше милостей не жди,
Не будет их, христианин бесстыдный,
Умри, как жертва гнева моего,
Не потому, что ты бесстыдно-дерзок,
А потому, что ты христианин.

СЦЕНА 6-я

Людовико

Итак, умру, и будет смерть блаженной,
Тот, кто умрет за честь, умрет за Бога,
И кто умрет средь мук и огорчений,
С признательностью должен смерть встречать,
Как ту черту, что им пределом служит.
Так пусть же оборвет он жизнь мою,
Безумную настолько, что как будто
Она порочной стала лишь сегодня;
Она родится фениксом нетленным
Из пепла оскорбленья моего.
Вся жизнь моя отравою бы стала,
Мое дыханье сделалось бы ядом,
В Ирландии я столько б крови пролил,
Что смыл бы ею весь позор обиды.

О, честь моя! ты вражеской рукой
Повержена! так пусть и я с тобою
Умру навек. С тобой соединившись,
Над варварами этими одержим
Победу. Мне осталось жить лишь миг,
Кинжал послужит мне, как честный мститель.
Но да поможет Бог мне! Что за демон
Толкает руку? Я христианин,
Во мне душа, а надо мной сияет
Свет веры милосердной. Так достойно ль
Христианину ныне замышлять,
Среди толпы языческой, деянье,
Противное религии его?
Какой же я пример теперь им дал бы
Своею смертью жалкой, — лишь одно
Опроверженье славных дел Патрика!
Все те, что чтут одни свои пороки
И отрицают вечность воздаянья
И вечность славы, разве не сказали б:
"Ну, что там проповедует Патрик

О вечности души! Ведь Людовико —
Христианин, а он себя убил,
Так значит, он, как все, теряя душу,
Не ведал о бессмертии ее".
И были б мы, в делах несогласимых,
Как свет и тень. Довольно и того,
Что в совершенных мною преступленьях
Я так и не раскаялся, хотел
Свершить еще другие, потому что,
Клянусь, когда б бежать мне удалось,
Я стал бы диким ужасом и страхом
Для Азии, для Африки, Европы.
Я приступил бы к мщению немедля,
Такому беспощадному, что здесь,
На островах Эгерио, не стало б
Ни одного, на ком я б не насытил
Своей неумолимой жажды крови!
Когда захочет молния порвать
Небесный свод, — предупреждает громом,
И после, меж теней и клубов дыма,

Является змеею из огня,
Прорезывая воздух задрожавший.
Не то же ли и я: удар громовый
Моей души уже услышан всеми,
Недостает лишь молнии теперь.
Но горе мне! Ей больше нет исхода,
И, прежде чем достигнуть до земли,
Она, увы, игрушкой ветра стала.
Не потому мне горько умереть,
Что смерть моя позорной смертью будет,
А потому, что, умерев до срока, —
До срока кончу я свои грехи.
Я жить хочу, чтобы начать отныне
Ряд новых величайших дерзновений, —
О, небо, только этого хочу![76]

СЦЕНА 7-я

Полония. — Людовико.

---

[76] Примечания: 76

...О, небо, только этого хочу! - Об образе христианина злодея у Кальдерона см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., кн. 1.

Полония (в сторону)

(Обращаясь к Людовико.)

(Уходит.)

Мое решенье твердо.

Людовико,
Лишь в крайних обстоятельствах любовь
Себя являет в блеске несомненном.
Тебе грозит смертельная опасность,
Отец мой в страшном гневе на тебя,
От ярости его ты должен скрыться.
Я щедро наградила стражей, злато
Их сделало глухими. Так спасайся
И убедись, как женщина способна
Решительною быть, забыть свой стыд,
Как может пренебречь своею славой.
Бегу с тобой, отныне я решаюсь
С тобою жить, с тобою умереть:
Мне без тебя не жизнь, ты в самом сердце,
В моей груди живешь. Со мною деньги
И много драгоценностей, их будет

Достаточно, чтобы мы могли бежать
К далеким странам Индии, где солнце
Попеременно жжет и леденит.
Две лошади у выхода нас ждут,
Не лошади, а кошки, духи ветра,
Или, еще вернее, взмахи мысли —
Они так быстры, что хотя мы будем
Теперь спасаться бегством, нам с тобой
Не будет представляться, что за нами —
Погоня. Так решайся же! О чем
Ты думаешь и что тебя смущает?
Не нужно ни сомнения, ни слов.
И чтоб судьба, встающая всечасно
Помехой для любви, не помешала
Прекрасным сочетаниям таким,
Пойду вперед, а ты иди за мною;
Тем временем я отвлеку вниманье
Тюремных стражей, и побег наш скрою.
И самое к нам солнце благосклонно,
Оно, нисшедши в волны, умягчает

Свою усталость, влагой оросив
Густую сеть своих волос курчавых.

СЦЕНА 8-я

Людовико

(Уходит.)

Как кстати все случилось. Видит Бог,
Что выказанный мною пыл любовный
К Полонии притворством был одним:
Хотел я, чтоб она со мной бежала,
И с помощью ее запястий ценных
И разных драгоценностей я мог бы
Покинуть этот подлый Вавилон,
Затем, что хоть и был здесь окружен я
Почтением, я все же был рабом,
А жизнь моя безумная желала
Свободы, — и ее дарует небо.
Но женщина была бы мне помехой:
Любовь во мне — лишь беглая услада,
Лишь чувственная жадность, и едва
Насыщено такое побужденье,

Как женщина, хотя б она была
Скромнейшей и красивейшей, претит мне.
Но раз уж так мой дух вольнолюбив,
Что значит смертью больше или меньше?
Полония умрет от рук моих:
Она мне отдалась в такое время,
Когда никто не любит и не ценит, —
Как все, она в беспечности жила бы,
Когда она любила бы как все.

СЦЕНА 9-я

Капитан; потом Царь, Филипо, Леогарио.

Капитан

(Входят: Царь, Филипо и Леогарио.)

Царь

Капитан

Леогарио

Филипо

(Уходит.)

Царь

(Уходит.)

Я прихожу сюда с приказом царским,
Чтоб смертный приговор свой Людовико
Узнал... Но что такое? Дверь открыта?
И в башне никого? Что это значит?
Сюда, солдаты! Нет ответа! Стражи!
Измена! Эй, сюда!

Что ты кричишь?
Что это значит?

Людовико скрылся,
И стражи убежали.

Государь,
Я видел, как сюда пред тем входила
Полония.

О, Боже мой, так это
Она ему доставила свободу.
Тебе известно, что ее желал он

И ей служил. Я ревностью подвигнут
Последовать за ними. Ныне станет
Гиберния твоя второю Троей.

Дать мне коня, я сам лечу в погоню.
О, кто ж они, кто эти христиане:
Сомнительными разными делами
Один смутил покой мой, а другой
Похитил честь мою! Но им обоим
Придется жертвой мести стать моей.
Сам Папа в Риме мне за них заплатит!

СЦЕНА 10-я

Лес, в глубине которого — хижина Паулина.

Полония убегает, раненая; Людовико, с обнаженным кинжалом в руке.

Полония

Людовико

Полония

Людовико

Полония

(Людовико поражает ее кинжалом, она падает за сцену.)

Людовико

(Стучится.)

Сдержи порыв руки окровавленной,
О, сжалься надо мной, не как любовник,
А как христианин, и, взявши честь,
Оставь мне жизнь.

Полония, ты знаешь,
Что красоте всегда награда — горе,
Не могут красота и счастье жить
В согласии; я твой палач, и дерзко
Над головой твоей вздымаю сталь,
Чтоб жить спокойно, жизнь твою порвавши.
Возьму тебя с собой — возьму с собою
Свидетеля моих злосчастных дней,
И чрез него за мною могут гнаться,
Преследовать меня, узнать, найти.
Тебя в живых оставлю я — оставлю

Разгневанной тебя и оскорбленной,
То будет — лишний враг мой (и какой!).
И значит, взять тебя с собой иль бросить —
Равно оплошность. Лучше если я,
Исполненный предательства и низкий,
Презрев законы Бога и людей,
Тебя убью теперь собственноручно.
Пусть между диких скал, в их мощных недрах,
Я схороню навек мою беду;
И вместе с тем пусть мстительная ярость
Достигнет этим новых насыщений:
Убью с тобой Филипо, если он
Живет в твоей груди, — убью с Филипо
И твоего отца. В моем бесчестьи
Ты первою причиною была,
Будь первой между жертв, казненных мною.

О, горе мне, своими же руками,
Как червь, я создала себе гробницу.

И ты не зверь? И ты христианин?

Я демон. Кончи. Все запечатлеешь.

О, да поможет мне Господь Патрика!

Упала на цветы, облившись кровью
И ужасы кругом распространяя.
Теперь могу я скрыться без помехи.
Богатств со мной довольно, чтобы жить
В Испании, нужды не ощущая.
Поздней, в другой одежде, измененный
Теченьем дней, вернусь я отомстить
Предателю: обида не задремлет.
Но где мой путь? Повсюду тени смерти.
С дороги сбился я и, может быть,
Спасаясь от погони, сам я брошусь
В предательские руки. Если только
Я не обманут внешним жалким видом,
Передо мною сельская лачуга.
Спрошу-ка здесь, куда держать мне путь.

СЦЕНА 11-я

Паулин, Льосия, Людовико.

Льосия (за сценой)

Людовико

Льосия (за сценой)

Паулин (за сценой)

Льосия (за сценой)

Людовико

Паулин (за сценой)

Людовико

Паулин (за сценой)

Людовико

(Срывает дверь.)

Льосия (за сценой)

Паулин (за сценой)

(Выходит Паулин и Льосия.)

Людовико

Паулин

Людовико

Льосия

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

(в сторону.)

(К Льосии.)

(Уходят: Людовико и Паулин в одну сторону, Льосия — в другую.)

Кто там?

Я странник, сбившийся с пути,

Слепой и темный. Пробудись, приятель!

Эй, Паулин, проснись! Зовут у двери.

Мне хорошо и здесь. Иди сама,

Тебя зовут.

Кто там стучится?

Странник.

Ты странник?

Да.

Так странствуй. Здесь, любезный,
Не постоялый двор.

Вот мужичина!
Сейчас тебе сломаю дверь.

Готово!

Эй, Паулин, проснись! Сломали дверь!

Ну, ну! Уж на один я глаз проснулся,
Вот на другой проснуться не могу.
Пойдем-ка вместе. Что-то страшновато.

Кто тут зовет?

Молчите, мужичье,
Не то я вас убью своей рукою.
Здесь на горе я потерял дорогу,
Набрел на дом твой. Укажи мне, где
Путь к гавани. Оттуда, полагаю,
Могу я с безопасностью спастись.

Так вон по той тропинке вы идите,
И ежели вам встретится гора,
Вот с этой стороны, так вы взойдите,
Где будет поровнее, там спуститесь,
И уж тогда, как к гавани придете,
Пред вами, значит, прямо будет гавань.

Нет, лучше ты иди со мной, не то,
Свидетель Бог, окровяню я землю.

Не лучше ли вам, рыцарь благородный,
У нас остаться на ночь до звезды?

Да вы совсем расчувствовались, женка!
Он чувствия успел в вас пробудить?

Ну, выбирай: или иди со мною,
Иль смерть тебе!

Ах, сударь, не сердитесь.
Я первое, конечно, выбираю,
И, если вам угодно, потащу вас
Хоть на плечах, — и не из страха смерти,
А чтоб Льосии сделать неприятность.

Чтоб никому не мог он рассказать,

Куда я путь направил, сошвырну я
Его с горы, когда достигнем моря.

Прошу, не беспокойтесь. Спите с миром.
Супруг ваш не замедлит к вам прийти.

СЦЕНА 12-я

Царь Эгерио, Лесбия, Леогарио, Капитан, потом Филипо.

Лесбия

Царь

Лесбия

(Входит Филипо.)

Филипо

Простыл и след их: гору осмотрели,
Долину, и холмы, и лес, и все,
Но нет нигде ни знака, ни намека,
Что здесь они сокрылись.

Нет сомненья,

Что самая земля их проглотила,
Чтоб только уберечь их от меня.
Им в небесах приюта не нашлось бы,
Я их настиг бы там, клянуся небом.

Уж солнце простирает над горами
И над лесами пряди золотые
Разметанных волос, чтоб день явился
Тебе путеводителем в исканьях.

О, Государь, я вам пришел сказать
О величайшем горе, о несчастьи
Чудовищном настолько, что такого
Ни вымыслы судеб, ни время нам
Не рассказали. В поисках тревожных
В дремучий лес зашел я и провел
Всю ночь в лесу; в час утра показалась
На небе полусонная заря,
Вся трауром покрытая, меж дымных
И черных облаков, и звезды с неба
Впервые отлучились — не жалея,
Довольные отсутствием. Идя,
То там, то сям, в дремучих чащах ле-
са,

Мы увидали чашечки цветов,
Обрызганные кровью, и меж ними
Обрывки разных женских одеяний.
Идя по следу, мы холма достигли,
И там, на ложе роз, как раз у склона,
Мы мертвую Полонию нашли.

СЦЕНА 13-я

Те же. — Полония, мертвая; вскоре за этим Патрик.

Филипо

Царь

Лесбия

Царь

Патрик

Царь

Леогарио

Патрик

(Входит.)

Царь

Патрик

Царь

Патрик

Царь

Патрик (в сторону)

Царь

Патрик

(Простирает руки над телом Полонии.)

Полония (воскресая)

(Уходит.)

Взгляни, и ты увидишь красоту,
Исторгнутую с корнем, побледневший
И горестный цветок, огонь потухший,
Увидишь распростертым то, что жило,
Как светлый сон, прекрасный и подвижный, —
Ты мертвую Полонию увидишь.

Молчи, Филипо, замолчи, молю,
Во мне нет сил такие пытки встретить,

Нет мужества принять такое горе.
О, дочь моя несчастная, утрата,
Найденная в такой недобрый час!

От скорби я лишилася дыханья
И жалобы смолкают, не излившись.
О, пусть твоя несчастная сестра
Сопутствует тебе в твоих несчастьях!

Какая беспощадная рука
Подъяла смертоносное оружье
На эту неземную красоту?
Пусть жизнь моя порвется в этой скорби.

Вострепещи, Гиберния, покайся,
Край злополучный, край несчастный! Горе!
Коль ты слезами землю не омочишь,
И в горести рыдая дни и ночи,
Не умягчишь небесные врата,
Замкнутые твоим непослушаньем, —
Тогда дрожи, Гиберния, и бойся!
Край злополучный, край несчастный!

Горе!

О, небо, что за вопли скорби слышу!
Что за печальный голос! Он пронзает
Мне грудь, он проникает прямо в сердце!
Узнайте, кто препятствует теченью
Моей печали? Кто скорбеть здесь может
Сильней, чем я? Кто жаловаться может?

То, государь, Патрик. Он, как ты знаешь,
В Ирландию из Рима возвратился
И, получив от Папы посвященье
В ирландские епископы, и вместе
Достоинства верховные, обходит
Все острова, пророчествуя так.

Вострепещи, Гиберния, покайся!
Край злополучный, край несчастный! Горе!

Патрик, зачем мешаешь мне в печали,
Удваивая ныне грусть мою

Поддельностью своих воззваний скорбных,
Отравой позлащенных слов твоих?
Зачем меня преследуешь нещадно?
Зачем мутишь мои моря и земли
Обманами и новшествами? Мы
Лишь умирать умеем и рождаться.
Единственная в этом наша мудрость,
Наследие, полученное нами
От праотцев. И что это за Бог,
Которого ты нам благовествуешь,
Уча, что после жизни преходящей
Он вечную дает нам? Как душа,
Лишенная телесности, способна
Иметь другую жизнь и там за гробом
Испытывать страдания и радость?

Душа, расставшись с телом, отдает
Природе человеческое, — малость
Из праха и земли; а дух восходит
К пределам высшим, где скорбям конец,
Коль человек скончался примиренным;

А милость примирения ему
Дается чрез крещение сначала,
Потом чрез покаяние.

Так значит
Вот это красота, что здесь простерта
В кровавом одеянии, теперь
Живет — не здесь?

Да.

Дай мне указанье,
Дай несомненный знак, что это правда.

Вступись теперь за честь Свою, о, Боже!
Здесь надлежит Тебе представить явным
Могущество величья Твоего.

Безмолвствуешь?

С соизволенья Неба,
Она сама ответит.

Труп недвижный,
Во имя Бога я повелеваю

Тебе вернуться к жизни на земле
И, с прежним духом воссоединившись,
Дать истины прямое указанье,
Благовествуя слово правой веры.

О горе! Да поможет Небо мне!
Как много тайн моей душе открылось!
Господь, Господь, сдержи свою десницу,
Орудье правосудья Твоего!
Не устремляй на сдавшуюся молний
Карающего гнева, укроти
Порыв Твоих громов победоносных!
О, если гнев Тобою овладел,
От лика Твоего куда мне скрыться?
Да свергнутся высоты на меня:
Врагинею самой себя я ныне
Хотела бы во глубь земли сокрыться
От взора Твоего, — но как могу,
Когда везде, куда мое несчастье
Меня ни повлечет, я повлеку
С собой вину мою? Вот, вот, смотрите,
Не отошли ли в страхе эти горы,

Вершина их не дрогнула ли там?
Трепещет небо, с осей содвигаясь,
И, полный совершенства, свод его
С высот своих заоблачных и грозных
Не хочет ли сорваться на меня?
Незримый, предо мной темнеет ветер,
Замкнулся путь, моря бегут. Лишь звери
Идут и приближаются ко мне
И растерзать хотят меня на части.
Пощады мне, о, Господи, пощады!
О, сжалься, Боже, сжалься надо мной!
Молю, взыщи меня святым крещеньем.
Пусть я умру, с Тобою примиренной,
И пусть умру. О, смертные, внемлите,
Внемлите: жив Христос, Христос царит,
Христос есть Бог. Покайтеся, покайтесь!

СЦЕНА 14-я

Те же, кроме Полонии.

Филипо

Лесбия

Капитан

Леогарио

Царь

Все

Царь

Патрик

Царь

Патрик

Царь

(Все уходят, кроме Патрика.)

Какое чудо!

Что-то неземное!

Великое!

И странное!

То ковы,
То чары волшебства! Ужели ныне
Я допущу их здесь?

Христос есть Бог!

Народ слепой, народ непостоянный,
Ужель обман настолько будет силен,
Чтоб совершать такие чудеса,
А у тебя достоинства не станет,
Чтоб видимость и ложь разоблачить!
Так я же сам желаю покориться,
Пусть ныне убедит меня Патрик,
Его победа будет достоверной.
Наш диспут начинается. Внимайте.
Когда б душа бессмертною была,
Никак нельзя б ей было оставаться
Без действия хотя одно мгновенье.

Так. Несомненность истины подобной
Мы видим в сне: на самом деле сны,
Со всем обильем образов неясных,
Являются движеньями души,
Но так как чувства в снах несовершенны,
Нередко в сновиденьях видим мы
То, в чем одно с другим несогласимо.

Но если так, то в данное мгновенье
Полония была мертва иль нет?
Коль не была мертва, а это только
Был обморок, так в чем же было чудо?
Но даже я о том не говорю.
Она была мертва, пусть это верно,
Ее душа тогда необходимо
Должна была быть в небе иль в аду,
В одном из этих двух пределов скрытых:
Ты сам, Патрик, так учишь нас. Но если
Она была в раю, немилосердно
Бог поступил бы, если бы вернул
Кого-нибудь из рая в мир, где может
Вернувшийся подвергнуться опять
Опасности быть вечно осужденным
И в ад сойти, изведав радость неба.
Правдивость утвержденья очевидна.
Когда ж душа была в аду, тогда
Нарушена простая справедливость:
Возможно ль допустить, чтоб чело-

век,
Достойный кары, вновь туда вернулся,
Где может милость неба он снискать.
А так как в Боге милость с правосудьем
Одно и то же, где ж, Патрик, поведай,
Была душа Полонии теперь?

Вот мой ответ, Эгерио. Согласен,
Что местопребывание крещеной
Души всегда в аду или в раю,
Откуда по особому веленью
Ей выйти невозможно, если мы
Обычную возможность разумеем.
Когда же говорить об абсолютной,
То душу Бог извлечь из ада мог.
Но не об этом речь у нас. Конечно,
Душа идет в одно из этих мест,
Когда она разъединится с телом
В разлуке смертной, чтоб не возвратиться
В него уж никогда; но если ей
Вернуться суждено, она витает,

Как странница, в особом состояньи,
И, ожидая, медлит во вселенной,
Как часть ее, хотя и не имея
В ней точно предначертанного места.
И правду, всемогущество Господне
Предвидело — все, что должно случиться,
От самого мгновения, когда
Из сущности своей оно исторгло
Законченное это мирозданье,
Создав его по образцу своей
Первоначальной мысли. Бог предвидел
Тогда и этот случай, и, провидя,
Что эта просветленная душа
Должна вторично в тело возвратиться,
Решил, что нужно быть ей в ожиданьи,
Без места в мире, но имея место.
Так учит теология святая,
И вот тебе ответ на довод твой.
Но нечто есть еще совсем другое,
Что должен ты принять в соображе-

нье:

Мест славы и возмездья в мире больше,
Чем думал ты. Узнай, себе на благо,
Что есть еще чистилище, куда,
Скончавшись в состояньи примиренья,
Душа для очищения вступает,
Чтоб от грехов своих освободиться,
Соделанных при жизни, в этом мире;
С грехами же никто не вступит в небо.
Там, как металл, сквозь пламя проходящий,
Душа с себя все пыльное свергает,
Чтоб, навсегда очищенной и ясной,
Предстать пред светлым ликом Божества.

Так ты мне говоришь, и у меня
Нет знака достоверней и надежней,
Чем голос твой. Дай мне намек, черту,
Дай проблеск этой истины, чтоб мог я
Руками прикоснуться к ней и ясно
Увидеть, что в ней скрыто. Если ты
Столь многого достигнуть в состо-

яньи,
С соизволенья Бога своего,
Проси Его о милости, прибегни
К Нему, чтоб дал тебе Он что-нибудь,
К чему мы все могли бы прикоснуться,
Что не было бы только рассужденьем,
Дабы и я уверовал. И знай,
Что час один тебе дается сроку.
В течение его ты должен дать мне
Какой-нибудь нелицемерный знак,
Что ад и рай не выдумка пустая, —
Или умрешь. Пускай, пускай Твой Бог
Придет сюда с Своими чудесами,
Чтоб мы на них не издали взглянули.
А если не заслуживаем мы
Ни адских мук, ни райского блаженства,
Тогда свое чистилище нам дай,
Пусть все Его могущество познаем.
Честь Бога от тебя теперь зависит.
Скажи Ему, пусть защитит ее.

СЦЕНА 15-я

Патрик

Теперь, о, Боже, сильный, бесконечный,
Твой гнев, Твое возмездие и мщенье
Да ниспровергнут вражеский оплот
Невежества и суетных ошибок.
Забудь благоволенье, ибо тщетно
Взираешь на врагов, как на друзей;
И поелику ныне восхотели
Свидетельства величья Твоего,
Десницею карающей низвергни
На них молниеносный гром. В дни оны
Тебя молило рвенье Илии
О строгости, и вера Моисея
О чудесах молилась, и хотя
Не их уста теперь к Тебе взывают
Через мои, пусть этот зов достигнет
Небес, и днем и ночью умоляет,
О, Господи, Тебя о чудесах
И строгости, чтоб с муками и славой,

В тенях и формах, миру возвестились
Чистилище, и ад, и небеса.

СЦЕНА 16-я

Добрый Ангел, с одной стороны; с другой — Злой Ангел. Патрик.

Злой Ангел (про себя)

Добрый Ангел (к Злому Ангелу]

(К Патрику.)

(Исчезают.)

Патрик

(Зовет.)

Исполнен опасенья, чтобы Небо
Не сообщило как-нибудь святому
Патрику это чудо, это диво,
Ценнейшее сокровище земли,
Сюда пришел я, ненависти полный,
Как будто ангел света, возмутить
Его моленье, влить в него отраву
И бешенство.

Не сможешь, ты бессилен,
Жестокое чудовище; я здесь,
Как верная его защита. Больше
Ни слова. Замолчи.

Патрик, услышав
Твою мольбу, Всевышний пожелал
Тебе свое открыть благоволенье
Такой благою вестию. Найди
На острове, лежащем здесь, пещеру,
Возникшую на дальнем горизонте
Как впадина горы и как преграда
Для озера; кто, полный дерзновенья,
Войдет в нее, покаявшись заране
И исповедав все свои грехи,
Тот может в ней пройти, еще при жизни,
Чистилище. Он в ней увидит ад
И муки, присуждаемые душам,
Греховностью своею заслужившим
Свирепость пытки вечного огня.
Он узрит рай и лучезарность рая.
Но я тебе свидетельствую также,

Что кто войдет туда без покаянья,
Из любопытства, с целью увидать
Сокрытый в пещере этой тайны,
С собою принесет он смерть свою, —
Войдет туда, чтобы терпеть мученья,
Покуда Бог есть Бог, Который ныне
Своею новой милостью желает
Тебя спасти от утомлений жизни.
И оба вы увидите себя
В возвышенности горнего предела,
Туда взойдешь, и будешь гражданином
Небесного Сиона, здесь оставив
Свидетельство прекраснейшего чуда,
Чистилище, что наречется в мире
Чистилищем Патрика. И затем,
Чтоб истинность божественного чуда
Немедленно была подтверждена,
Вот этого назойливого зверя,
Пришедшего сюда смутить твое
Святое благочестие, я ныне
В глубокую пучину низвергаю,
В темницу, в средоточье заключенья,

Чтоб, завистью своей терзаясь там,
Он отравился собственной отравой.

Да возвеличит небо лучезарность
Щедрот Твоих, о, Боже Вездесущий,
За честь Свою вступающийся чудом
Таким многозначительным.

Сюда,
Эгерио!

СЦЕНА 17-я

Царь, Филипо, Лесбия, Леогарио, Капитан, народ, Патрик.

Царь

Патрик

(Уходит, все следуют за ним.)

Ты звал?

Иди со мной
Вон к той горе, и все пускай тебя
Сопровождают, все они увидят
Там образы, в которых воплотились

Награды и возмездие, увидят
Подобие отсроченного чуда,
Что все растет и будет продолжать-ся.
Великого, скрывающего тайну,
И дивной сокровенностью своей
Взывающего к нашему восторгу;
Увидят полосой сверкнувший свет,
Хранимый здесь, увидят ад и славу.

СЦЕНА 18-я

Отдаленная часть горы, с отверстием страшной пещеры.

Те же.

Царь

Филипо

Царь

Филипо

Патрик

Царь

Остановись, Патрик, идешь туда,
Куда не проникало даже солнце;
Горы, что пред собой теперь ты видишь,
Еще никто среди людей ни разу
Не победил. В течение столетий,
Ни человек, ни зверь не проходил здесь,
По этим перепутанным путям.

Живя здесь постоянно, не дерзаем
Мы тайны, здесь сокрытые, увидеть.
И доступ к той горе настолько труден,
Что никого нет, кто бы перешел
За грань обрывов этих и за волны
Того немого озера.

Здесь только
Угрюмым предвещанием звучат
Напевы птиц ночных, могильно-темных.

Остановись.

Не поддавайтесь страху.
Хранится здесь сокровище небес.

Бояться? Страх душе моей неведом.
Ни пропасти, ни кратеры не страшны.
Хотя бы средоточие земли
Метало ужас, пламя выдыхая,
Бросало токи дыма и огня.
Я знаю, я от этого не дрогну.

СЦЕНА 19-я

Те же. — Полония.

Полония

Патрик

Царь

Филипо

Царь

Капитан

Царь

Леогарио

Царь

(Эгерио идет к пещере и, при вступлении в нее, проваливается с грохотом; из нее

выбрасывается пламя и слышится множество голосов.)

Полония

Леогарио

Полония

Капитан

(Уходит.)

Леогарио

(Уходит.)

Полония

(Уходит.)

Лесбия

(Уходит.)

Патрик

(Уходит.)

Филипо

(Уходит.)

Остановись, о, варварское племя,
Безумное, пусть дальше не идут
Шаги твои заблудшие, ты видишь

Несчастие свое лицом к лицу.
Самой себя поспешно убегая,
Проникла я в глухую чащу леса,
Что гору покрывает; высь ее,
Увенченная мощными дубами,
Грозит закрыть лучистый облик солнца.
В лесной глуши я схоронить хотела
Навеки преступление свое,
Чтоб жить отныне в пристани спокойной,
Морей мирских неистовство забывши,
На лоне этой мирной глубины.
Я прибыла сюда без указаний,
Никем не провожаемая, ибо
Так неприступна гордость этих мест,
Что здесь еще ни разу не осталось
Ничьих сопровождаемых следов.
Неясный искаженный лик вершины,
Когда его увидишь, изумляет,
И страхом наполняет, изумив:
И было б тщетно с ужасом бороться,

Здесь скрыто чудо, здесь сокрылась тайна.
Вон видишь ту скалу? Она как будто,
Повиснув в бездне, держится с трудом,
Идут века, а ей упасть все страшно.
Она собой загородила пасть,
Раскрытую под ней: разъяв отверстье,
Угрюмая гора под той скалою
Как будто бы зевает. Меж устами
Утесов этих двух, окружена
Печальными стволами кипарисов,
Восходит смутно горная глава,
Покрытая растительностью чахлой;
Как волосы, разметанные ветром,
На ней растет бесплодная трава,
До чьих стеблей не прикасалось солнце;
А там в неясном сумраке, вдали,
Раскинулось открытое пространство,
Там пустота, там ужас дня, там ночь.
Приблизиться хотела я к пещере
И поселиться в ней. Но не могу

Рассказ свой продолжать, в душе смущенье,
Мой голос замирает, силы гаснут.
Когда б не этот страх, я вам могла бы
Поведать о неслыханном, о страшном,
О новом, изумительном, но в сердце
Недвижный холод, голос мой застыл,
И больше нет во мне свободной воли.
Едва хотела я войти в пещеру,
Как быстрые отчаянные крики
Услышала под сводами ее,
Как будто кто-то жаловался горько
На боль, но муки были безнадежны.
И слышала я только богохульства,
Проклятия; упорно повторялись
Рассказы о жестоких преступленьях,
Таких, что небо, верно, пожелало
В темницу эту все их заключить,
Чтобы о них не слышать. Кто не верит,
Пусть сам войдет в пещеру, пусть узнает,

Кто отрицает, пусть приступит сам,
Сомнения исчезнут, он увидит,
Услышит и узнает о мученьях,
О ужасах и о свирепых пытках.
Что до меня, мой голос в изумленьи
И в ужасе пред этой новизной,
Слабея, заключается в молчаньи.
И не добро, чтоб люди посягали
На тайны сокровенные небес.

Эгерио, перед тобой пещера,
Где жизнь и смерть свою сокрыли тайну.
Но надобно сказать тебе, что сильно
Тот ошибется, кто на эту тайну
В греховном состоянье посягнет.
А кто, откинув страх и исповедав
Свои грехи, войдет в нее, увидит
Свою вину прощенной, и при жизни
Познает здесь чистилище.

Так что же,
Ты думаешь, Патрик, что, вопреки
Высокому рожденью, я, смутившись,

Как женщина, затрепещу от страха?
Ответьте, кто из вас войдет в пещеру?
Молчишь, Филипо?

Государь, боюсь.

Ты, капитан?

Одно названье этой
Пещеры наполняет душу страхом.

Ты, Леогарио?

О, государь,
Нельзя хотеть, чего не хочет небо.

О, низость! Трусы, подлые рабы!
Вы недостойны меч носить, вам нужно
Надеть скорее бабьи украшенья!
Так я же сам, презренные, войду,
Разоблачу я первый эти ковы
Христианина, чары колдуна.
Смотрите на меня, мой дух бесстрашен,
Передо мной бессилен Бог его.

О, ужас!

Что за диво!

Что за чудо!

Из самых недр земных исходит пламя!

Я видел, оси неба сотряслись.

То небеса свой гнев освободили.

Земля дрожит и ветер стонет.

Боже,
Твои враги тобой поражены.

Кто будет столь глубоко безрассуден,

Чтобы вступить в чистилище Патрика!

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Улица. — Ночь

Паулин, одетый в шутовской солдатский костюм, и Людовико, погруженный в раздумье.

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико (в сторону)

(К Паулину.)

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Паулин

Людовико

Когда-нибудь должно было случиться,
Когда-нибудь я должен был спросить

О том, что я хочу узнать. Послушай.
Я вышел из своей лачуги, помнишь,
Чтоб показать тебе дорогу к морю,
И проводил до пристани тебя.
Там ты опять мне повторил, что только
Два выбора есть у меня: идти
С тобой или убитым быть тобою.
И так как ты мне предоставил выбор,
На большем я из зол остановился:
С тобою быть. Куда бы ни пошел ты,
И я, как тень, иду. И сколько стран
Мы обошли! В Италии мы были,
В Испании, во Франции, потом
В Шотландии и в Англии, ну, право,
Такой далекой нет земли, чтоб ты
Не устремился к ней. И после этих
Бесчисленных скитаний мы вернулись
В Ирландию. Я, Паулин, — увидя,
Что бороду себе ты отрастил,
И волосы, и изменил свой голос, —
К тебе взываю: что за основанье,

Чтобы такой затеять маскарад?
Весь день сидишь в гостинице, а ночью
Пускаешься на тысячу проделок
И безрассудств, забыв, что мы вернулись
В страну, где все теперь переменилось,
И ничего нет так, как было прежде.
Эгерио погиб, ему на троне
Преемницею Лесбия осталась.
Полония...

Не говори о ней,
Не убивай меня, не рань смертельно
Упоминаньем имени ее,
Рассказом о событии, что может
Меня заставить к крайностям прибегнуть.
Я знаю, умерла она.

Мне это
В гостинице рассказывал хозяин.
Он рассказал мне также, как ее
Убитою нашли, и как...

Молчи.

Я не хочу об этой смерти слышать,
Я не хочу оплакивать ее.

Он мне сказал еще, что вся страна
Оставила язычество, и всюду
Теперь здесь христианство. Дело в том,
Что некто, называемый Патриком,
Теперь уже умерший...

Как? он умер?

Так мне сказал хозяин.

Плохо ж я
Исполнил обещанье.

Продолжай.

Он возвестил им свет Христовой веры,
И чтоб они уверовали в вечность
Души, открыл им некую пещеру,
И что за ужас в ней, — послушать страшно!

Я знаю. Слышал. При одном рассказе

Душой такой овладевает ужас,
Что волосы встают внезапно дыбом.
Там ежедневно видят чудеса.

Но ты ни с кем не видишься, ты вечно
Сидишь теперь средь ужасрв и страхов
Наедине с тоской своей, И значит
Не мог ты видеть этого и слышать.
Не в том, однако, дело. Разреши,
Прошу, мои сомненья, расскажи мне,
Зачем мы здесь.

Отвечу по порядку.
Когда тебя я из дому увел,
Намереньем моим сокрытым было
Убить тебя и труп оставить в поле.
Но я решил, что будет лучше, если
Возьму тебя с собой, чтобы впредь ты был
Товарищем моим и верным другом,
Чтоб мог того избегнуть я, чего
Боялся: до того дойти, что не с кем
Мне будет говорить. И, наконец,
Отправившись со мной, ты становился

Моим сподручным. Помнишь, Паулин,
Мы были в разных землях, и ни разу
Не чувствовал ни в чем ты недостатка.
В ответ на твой вопрос, зачем мы здесь,
Узнай, что я хочу убить злодея,
Что некогда нанес мне оскорбленье.
И потому, так тщательно скрываясь,
Я изменил одежду и наружность.
И умертвить его хочу я ночью,
Ввиду того, что здесь, во всей стране,
В могуществе никто с ним не сравнится.
Теперь, тебе свою доверив тайну,
Я расскажу, зачем мы здесь сегодня.
Три дня тому назад, переодетый,
Я прибыл в этот город, как ты знаешь,
И вот две ночи, как закутан в плащ,
Искал врага на улице и в доме,
Где он живет, но дважды, неизвестный,
Закутанный до самых глаз плащом,

Приблизясь, помешал мне это сделать.
Меня он подзывает, но едва
Я подхожу, он тотчас исчезает
С такой непостижимой быстротой,
Как будто бы его уносит ветер.
Я взял тебя нарочно с тою целью,
Чтоб он не мог сегодня ускользнуть,
Когда захочет вновь сюда явиться.
Стеснивши с двух сторон его, узнаем,
С кем мы имеем дело.

С двух сторон?

Ну, да, нас двое.

Я никто.

Никто?

Совсем никто, и даже неспособен
Сойти за половину, если правда —
Все, чем меня сейчас ты напугал.
Я с господами призраками? Нет,
Благодарю покорно. Я с почтенным
Чистилищем? О, нет, я никогда
Не путался в дела другого мира.

На это есть достаточно причин.
Пусть тысяча людей меня захочет
Убить, — я убегу от всей толпы, —
От одного бежать сумею даже:
И, правда, не безумие ли это,
Не глупость ли, достойная людей
Свихнувшихся, — желать своей же смерти
Из нежеланья тягу дать, меж тем как
Так мало это стоит. Жизнь свою
Ценю я очень. Лучше, если можно,
Позволь, я здесь останусь, а потом
За мной вернись.

Вот дом его. Сегодня
Хочу убить Филипо. Посмотрю я,
Угодно ль будет небу дать ему
Защиту, — защитит ли. Здесь постой.

СЦЕНА 2-я

Неизвестный, закутанный в плащ. — Людовико, Паулин.

Паулин

Людовико

Неизвестный

Людовико

Неизвестный

Людовико

(Обнажает шпагу.)

(Ударяет шпагой; удары приходятся в воздух.)

Паулин

Людовико

(В сторону.)

(Идет за ним, продолжая ударять его шпагой, но не будучи в силах прикоснуться к нему.)

Стоять не стоит. Вон идет там кто-то.

Какое счастье, если мне удастся
Отмстить обоим сразу. Прежде чем
Убить Филипо, с этим рассчитаюсь.

Один. Да, это он. Я узнаю
Его походку, может быть, вернее,
Я потому узнал его, что в нем
Есть что-то, что страшит меня, что в душу
Внедряет изумленье.

Людовико!

Уже вторая ночь, как я вас, рыцарь,
Встречаю здесь. Зачем, зовя меня,
Вы в бегство обращаетесь, — желая
Меня увидеть, для чего же вы
Так быстро исчезаете?

Идите
За мной, и вы узнаете, кто я!

Есть кое-что, чем я удержан здесь,
Я должен, вас убив, убить другого.

Хотите ль вынуть шпагу или нет,
Мои две мести так осуществлю я.

Но что это! я ударяю воздух.
Отрежь ему дорогу, Паулин.

Я резать не умею.

Так за вами
Пойду, не уклоняясь ни на шаг,
И я узнаю, кто вы?

Но напрасно
Его хочу убить я. Видит Бог, —
Как молния, лишь ранит воздух шпага,
Его же я не в силах поразить,
К нему мне невозможно прикоснуться.

СЦЕНА 3-я

Филипо. — Паулин.

Паулин

(В сторону.)

Филипо

Паулин

(В сторону.)

Филипо

Паулин

Филипо

Паулин

Филипо

Паулин (в сторону)

(К Филипо.)

Филипо

(В сторону.)

(Уходит.)

(Паулин обнажает шпагу и размахивает ею в воздухе.)

Паулин

(Уходит в противоположную сторону.)

Прошу покорно! Чуть один ушел,

Другой идет; подумать можно, право,

Что я святой Антоний[77]*, — все кругом*

Виденья, привиденья. Давай-ка,

Я спрячусь здесь у двери, — он меж тем

---

[77] Примечания: 77

Что я святой Антоний... - Видения и искушения одного из основателей монашества св. Антония были со средних веков постоянной темой в литературе и искусстве.

Пройдет.

О, дерзновенная любовь!
Ты делаешь меня — в любви счастливым,
Даруя мне властительное царство.
Полония в пустыню удалилась
И там живет одна среди утесов,
Гражданкой гор, островитянкой скал.
От царства отреклась она, сказавши,
Чтоб Лесбии престол принадлежал.
И я, не так взволнованный любовью,
Как тайною корыстью, ей служу,
Величество отныне обожаю.
Я подхожу к окну ее и слышу
Бесчисленные нежные слова.
Но что это? Как раз у двери дома
Я ночью натыкаюсь каждый раз
На незнакомца. Кто бы это был?

Идет ко мне. Но что же, между прочим,
Влечет ко мне всех этих привидений?

Скажите, рыцарь...

Я не отвечаю
На данный возглас. Это не ко мне.

Здесь дом мой.

Ваш? Пускай и будет вашим,
Владейте им столетья, и да будет
Он навсегда свободен от постоя.

Раз вам необходимо здесь остаться, —
В чем воля ваша полная, — прошу вас,
Посторонитесь, дайте мне пройти.

Он говорит учтиво и с опаской.
Как кажется, и меж ночных теней
Порою можно видеть мокрых куриц.
Здесь дело у меня, или, вернее,

Мне дела нет. Посторониться можно.
Несправедливо было бы мешать
Тому, кто спать идет.

Располагайтесь.

И храбрые же призраки здесь бродят.
Когда домой я ночью возвращаюсь,

Какой-то человек ко мне подходит,
Но чуть в него внимательно вгляжусь,
Как раз он на пороге пропадает.
А, впрочем, что мне в том?

Ушел. Теперь
Необходимо вот что! Хладный призрак,
Остановись, не уходи, скажи,
Ты женского или мужского рода!
Нет, видит Бог, убить его не в силах.
Я шпагою лишь разрезаю воздух.
Но если он и есть тот самый рыцарь,
Которого мы ожидаем здесь,
Счастливый же он человек, ей-Богу:
Он спать к себе пошел. Вот — вот опять
Я слышу голоса и звук оружья.
Оттуда шум, бегу, но не туда.

СЦЕНА 4-я

Другая улица.

Неизвестный, закутанный в плащ. — Людовико.

Людовико

(Срывает с него плащ и видит скелет.)

Неизвестный

(Исчезает.)

Людовико

(Падает.)

Здесь улица другая; если прежде
Мешало поединку что-нибудь,
Здесь можно встать лицом к лицу свободно,
И так как вас ударить не могу я
Своею шпагой, я хочу узнать,
Кто вы. Ответьте мне сейчас же, кто вы?
Вы человек, иль призрак, или демон?
Молчание? Так я же с вас сорву
Ваш плащ, узнаю...

Боже, что я вижу?
О, ужас, о, чудовищность, кто ты?

Застывший труп[78]*, живущий прах и дым?*

Не узнаешь? Я точный образ твой.
Я Людовико Энио.

О, Боже!
Что вижу я, что слышу я, Создатель!
Коснулся до несчастий и теней.
О, смерть моя.

СЦЕНА 5-я

Паулин. — Людовико.

Паулин

Людовико

Паулин (в сторону)

(К Людовико.)

Людовико

Паулин

---

[78] Примечания: 78

...кто ты? // Застывший труп... - В испанской драме распространенный мотив явления грешнику вместо женщины ее праха или скелета. Здесь Людовико является как предупреждение его собственный труп.

Людовико

Музыка (за сценой). Чистилище.

Людовико

Паулин

(Уходит.)

Людовико

(Уходит.)

Я слышал громкий возглас.
То голос господина моего.
Я вовремя явился. Господин мой!

Чудовище, зачем ты вновь приходишь?
Ты видишь, звуком слов твоих сраженный,
Я побежден.

Эге, он помешался.

Какое я чудовище? Я просто
Слуга твой, Паулин, глупец тот самый,
Что за тобой пошел, Бог весть зачем.

А, Паулин, со мной случилось что-то,
Такое, что тебя я не узнал.

Но, впрочем, что ж тут странного, когда я
Себя не знаю. Ты, быть может, видел
Ужасного сухого мертвеца,
Умершего, — с душою человека, —
Не человека, только грубый остов,
Его костям отказано в одежде
Из плоти, руки холодны, недвижны,
Его нагое тело безобразно,
В глазных глубоких впадинах нет глаз.
Куда исчез он?

Если бы его
И видел я, о том сказать не мог бы:
Я в тот же миг упал бы наземь мертвый,
Мертвей, чем он.

Смерть овладела мною.
Смерть овладела всем. Дух занялся,
Немеет голос, грудь моя застыла,
В моих ногах я чувствую свинец.
Я видел, как два полюса всей мощью
Нависли надо мной, как на плечах

Я должен был поддерживать их тяжесть.
И мнится, что из каждого цветка
Вздымается, глядит подводный камень,
Из каждой розы смотрит исполин,
Разорвана земли глухая впалость,
Из чрева хочет выбросить она
Всех мертвецов, хранимых ей во прахе.
Я видел между ними Людовико.
О, небо милосердное, сокрой
Меня от самого меня, дозволь мне
Исчезнуть в самом дальнем средоточьи.
Пусть я себя не вижу, ибо сам
Себя не знаю я! Но нет, я знаю
Я знаю, это я был тем безумным
Чудовищем надменности, что даже
На Бога посягнул; да, я — тот самый,
Я совершил так много темных дел,
Что, если б Бог ко мне был справедливым
И мне назначил пытки адских мук,

Чтоб я страдал, пока он будет Богом,
Я в малое вменил бы эту казнь.
Но также знаю я, что преступленья,
Соделанные мною против Бога,
Свершил я против Светлого Творца,
Такого милосердного, такого
Великого, что я могу снискать
Прощенье, если в муке покаянья
Я выплачу грехи мои. Я полон
Раскаянья, о Боже, и чтоб ныне
Представить доказательство того,
Что, став другим, я вновь рождаюсь в мире,
Себя в Твою десницу предаю.
Суди меня судом не правосудным,
Суди по милосердью Своему.
Воззри и укажи мне, о Творец мой,
Какую в покаянье взять мне кару, —
Я покорюсь. Что будет воздаяньем
За жизнь мою?

О Боже,
Что слышу? Эти звуки так певучи,

Они мне представляются лучом,
В них свет небес, таинственно блеснувший
Для грешника любовью состраданья.
В них узнаю внушение Господне,
Хочу вступить в чистилище Патрика,
И набожный, смиренный и покорный,
Сдержу я слово, данное ему,
Его увижу, если только будет
Даровано такое счастье мне.
О, пусть мое решение сурово,
И страшно, потому что выше сил
Противиться всем ужасам и пыткам,
Что демоны грехам уготовляют, —
Соделанные мною преступленья
Настолько ж были страшны и суровы.
Врачи, леча опасную болезнь,
Всегда к опасным средствам прибегают.
Поди и ты со мною, Паулин:
Увидишь ты, как в горести я наземь
Повергнусь пред епископом, как я,

Чтобы сильнее был великий ужас,
Все, все грехи открою в громких воплях.

Ну, нет, уж если так, ступай один,
Для храбрецов не нужен провожатый,
И никогда не слышал я, чтоб в ад
С лакеем уходили. Лучше снова
Отправлюсь я в родимую деревню
И буду жить в ней мирно, а насчет
Видений там и всяких привидений,
Так мне супруги хватит за глаза.

Открыто я творил мои грехи,
И пусть открытым будет покаянье.
Пойду как исступленный, громогласно
Крича о преступлениях моих.
О, люди, звери, горы, сферы неба,
Толпа утесов, нежные растенья,
Сухие вязы, — все вострепещите,
Я Людовико Энио, — дрожите
При имени моем, отныне я —
Чудовище смирения, — я, бывший
Чудовищем надменности. Я верю,

Надеюсь, что увидите меня
Вы более счастливым, если только
Патрик во имя любящего Бога
Поможет мне в чистилище своем.

СЦЕНА 6-я

Лес, в средоточии которого виднеется гора; с нее спускается Полония.

Полония

О, Боже, мне хотелось бы, чтоб в этом
Пустынном одиночестве мой разум
С Тобою слил все помыслы мои,
И, радуясь быть щедрой пред Тобою,
Хотела б я, о, Господи, чтоб каждый
Из помыслов моих душою был.
Я для тебя хотела бы оставить
Не царство незаметное, а страны
Великие, над пышностью которых
Проходит в блеске царственное солнце,
Идя по многочисленным кругам.
Вот этот домик, скудный и смирен-

ный,
Глухое порожденье этих скал,
Есть для меня как бы восьмое чудо,
Превосходя своим пространством тесным
Величие дворца с его сияньем.
О, лучше видеть первый проблеск дня,
Когда заря в объятиях рассвета
Роняет, плача, капли жемчугов,
И солнце, выплывая, гасит звезды:
О, лучше видеть ночь, когда она,
С высот спускаясь в яркой колеснице,
Нисходит к морю, в волны погружаясь,
Что плещут вкруг Испании; о, лучше
И днем и ночью в гимнах и молитвах
Тебе слагать Немолчные хвалы,
Чем видеть блеск надменности, со свитой
Безумного тщеславия, меж тем как
(Что может быть ужасней?) эта жизнь
Есть только тень мерцаний преходящих.

СЦЕНА 7-я

Людовико. — Полония.

Людовико (в сторону)

(К Полонии.)

Полония

Людовико

(в сторону)

Полония (в сторону)

Людовико (в сторону)

Полония (в сторону)

Людовико (в сторону)

Полония (в сторону)

Людовико (в сторону)

(К Полонии.)

Полония (в сторону)

Людовико

Полония

(В сторону.)

Людовико (в сторону)

Полония (в сторону)

Людовико

Полония

(В сторону.)

Людовико (в сторону)

Полония (в сторону)

Людовико

Полония

Людовико

Полония

Людовико

Полония

Людовико

(Входит в лодку.)

Полония

Людовико (за сценой)

Полония

Людовико (за сценой)

Полония

Людовико (за сценой)

Полония

Людовико (за сценой)

Полония

Людовико (за сценой)

Полония

Людовико (за сценой).

Полония

(Уходит.)

Мой дух исполнен твердости и силы,
Он мне велит пещеру отыскать,
Где я найду, как Небо мне сказало,
Желанное спасение, пройдя
При жизни в ней чистилище.

Ответь мне,
О, неземная, — чье жилище здесь,
Пред этим горизонтом, по соседству
С вершиной гор, — ты можешь ли ска-

зать,

Где путь идет к чистилищу Патрика?

Счастливый странник, ныне возжелавший

Сокровища божественных святынь,

Ни с чем в своем богатстве не сравнимых,

Тот путь я указать тебе могу,

Здесь для того лишь только и живу я.

Ты видишь гору?

Вижу —

Смерть мою.

Душа, что ты увидела? О, горе!

Она ли это, нет, не верю.

Он ли?

Не в силах допустить.

Полония.

То Людовико.

Это был обман,

Чтоб отвратить меня от правой мыс-

ли.

Так продолжай.

То общий враг людей
Хотел меня смутить обманной тенью.

Что ж ты не продолжаешь?

Продолжаю.
В горе сокрыто чудо, там, внутри,
Но, по земле идя, никто не может
Достигнуть средоточия ее.
По водному пути его достигни,
По озеру ты можешь плыть в ладье.

И мстить хочу и жалость мне мешает.

Передо мною новое блаженство,
Ее внимаю голос, на нее
Гляжу.

Веду борьбу сама с собою.

Что ж ты не продолжаешь?

Продолжаю.

Со всех сторон гора окружена
Тем озером глубоким. Но спокойно
Достигнешь ты обители священной,
Что посредине острова стоит.
Там иноки живут, их попеченью
Доверена забота — неусыпно
Беседовать со всяким, кто захочет
При жизни пострадать, — молиться с ним,
Давать ему особые советы,
Узнать его грехи и заставлять
Пройти сквозь целый ряд предупреждений,
Сквозь многие обряды.

Пусть же этот
Свирепый враг не льстит себя надеждой,
Что сможет победить меня.

Так пусть же
Надежда не отчается моя!
Тягчайший грех свой вижу пред собою,
И манит он меня и завлекает,

Чтоб о вину споткнулся я, — напрасно:
В борьбе с собой себя я покорю.

С каким врагом опасным я столкнулась!

Что ж ты не продолжаешь?

Продолжаю.

Но сократи рассказ свой, потому что
Душа мне говорит, что должен я
Скорей уйти.

И для меня так важно,
Чтоб ты скорей ушел.

Так отвечай мне,
О, женщина, где путь мой сокровенный?

Никто в сопровождении другого
Отсюда не уходит. Потому
По льдистой сфере озера ты должен
Пройти в ладье, владыкой полновластным
Своих свободных действий. Сядь в ладью,

Она вон там, доверься Богу только,
И быстро путь направь по этой ясной
Поверхности кристальной глубины.

Да, в этом жизнь моя! Итак, доверюсь
Ладье. О, что за ужас возникает
В моей душе! Ладья как будто гроб.
И я один отправлюсь в путь по снежной
Поверхности.

Смотри, не возвращайся,
Стремись вперед и будь исполнен веры.

Полония, я победил тебя.
Я победил. Твой вид меня не тронул.

Я победила в этом Вавилоне
Смятение и гнев.

Твой призрак ложный,
С правдивостью заемною его,
Меня не покорил, хоть предо мною
Ты видимую форму приняла,
Чтоб я оставил цель свою, утратив
Надежду.

Ложно страх тебе сказал,
О, бедный духом, страхами богатый!
Нет, Людовико, пред тобой не тень,
А та, кого убил ты; здесь живу я
Счастливее, чем там, где я была,
Счастливая в печальном состояньи,

О, если так, душа да скажет грех свой,
Да тяготит над ней ее вина!
Прости мне все грехи мои.

Прощаю.
Твое стремленье сердцем одобряю.

Несу с собою веру.

Лишь она
Тебя освободит.

Господь с тобою.

Прощай,
Господь с тобою.

Да смягчит
Свою суровость Он.

И да исторгнет

Тебя из этих ужасов победно.

СЦЕНА 8-я

Вход в монастырь; в глубине пещера Патрика.

Два инока; потом Людовико.

Инок 1-й

Инок 2-й

(Входит Людовико.)

Людовико

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

Людовико

(Отдает письмо.)

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

(Открывает вход в пещеру.)

Людовико

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

Людовико

(Входит в пещеру; вход за ним запирают.)

Инок 1-й

(Уходят.)

Хоть ветра нет, а волны поднялись.
Должно быть, ныне странник направляет
Путь к острову.

Пойдем на берег, взглянем,
Кто сердцем так бесстрашен, что решился
В жилище наше темное прийти.

Ладью волнам я вверил, или гроб,
Сказать вернее. Кто в своей гробнице
Переплывал через огонь и снег?
Кто, как не я? О, как здесь все красиво!
Как будто бы на праздник свой весна
Созвала целый рой цветов, — и пышных,
И скромных по незнатности своей.
А как печальна та гора, другая!
Они настолько меж собой различны,
Что их контраст взаимный — между ними
Усиливает дружбу. Там поют
Печальные, неведомые птицы,
Внушая страх тоскою горьких жалоб,
Здесь радостные птички навевают
Своим веселым пением любовь;
Там с темных скал срываются потоки
И с ужасом грохочут и кипят;
Здесь тихие ручьи скользят, и солнце
Повторено в зеркальности их вод.
В средине, меж чудовищностью этой
И этой красотой чело свое

Вздымает зданье, полное величья,
Внушая мне смущенье и любовь.

Счастливый странник, ныне полный света
Решимости, приди в мои объятья.

Скорее здесь, во прахе, я пребуду,
У ног твоих. Вот так. Прошу тебя,
Скажи, как настоятеля увидеть?

Он, недостойный, здесь перед тобою,
Скажи мне, в чем твое недоуменье.

Боюся, отче, вымолвить, кто я.
Боюсь, что в страхе прочь бежишь, услышав
Мое везде ославленное имя.
О, столь дела чудовищны мои,
Что даже солнце траурною тканью
Скрывает лик, чтоб только их не видеть.
Я мрачное вместилище грехов,
Я бездна, свиток, полный преступлений,
Я мрак, я величайший грешник в мире;

И, чтобы все сказать тебе в одном,
(И здесь меня дыханье покидает),
Я Людовико Энио. Пришел,
Чтобы вступить в пещеру. Если есть в ней
Для стольких прегрешений искупленье,
В ней дух мой да предастся покаянью.
Уж отпущенье я себе снискал,
Епископу Гиберии поведал
Грехи; мое намеренье узнав,
Меня он, полный кротости, утешил
И благосклонно дал к тебе посланье.

Решение такое, Людовико,
Нельзя принять в один короткий день.
Необходимо все это обдумать,
Побудь у нас здесь гостем; а потом
Дня через два пространно все обсудим.

Нет, отче, нет! Не встану от земли,
Пока мне не даруешь разрешенье.
Благоволенье Божие меня
Направило сюда, внушенье свыше,
Не суетность, не гордость, не желанье

Распутать то, что тайной сделал Бог.
Не истолкуй моей мольбы превратно —
В ней высшее призвание мое.
Отец мой, милосердия, пощады!
Будь благосклонен к горести моей,
Дай облегченье скорби, утешенье
Моей тоске жестокой.

Во вниманье
Того не принимаешь, Людовико,
Что многого ты просишь. Пытки ада
Перед тобой, ты должен их пройти.
Чтоб претерпеть их, мужества не станет.
И многие вошли, о, Людовико,
Туда, но мало кто оттуда вышел.

Не устрашат меня угрозы эти.
Я говорю: меня грехи пугают,
Я от грехов очиститься хочу,
Число их превзошло пылинки солнца,
Песок морей. На Бога полагаю
Всю веру, светлым именем Его

Ад побежден.

Увидев это рвенье,
Готов тебе я дверь открыть теперь же.
Вот, Людовико!

Господи помилуй!

Уже поколебался?

Нет, но ужас
На миг невольно сердцем овладел.

Тебя вторично я предупреждаю,
Коль у тебя причины нет великой,
Коль только ты не думаешь достигнуть
Прощенья прегрешениям своим,
В пещеру не входи.

Вот, я уж в ней,
Услышьте громкий голос мой отсюда,
О, люди, звери, горы, небеса,
О, день и ночь, о, звезды, солнце, месяц,
Тысячекратно слово я даю,
Тысячекратно здесь я подтверждаю,

Что пытки претерпеть я жажду, ибо
Так грешен я, что это покаянье —
Ничто для искупления грехов,
Иду, чтоб здесь найти мое спасенье.

Коль так, иди, и пусть в твоей душе
И на твоих устах пребудет имя
Христа.

Да не оставит Он меня.
Господь, Господь! Вооруженный верой
В Тебя, в открытой битве нахожусь
С моим врагом; Твое святое имя
Да ниспошлет победу мне над ним;
Тысячекратно знаменье креста
Я сотворяю. Господи помилуй!

Из всех, кто ни вступал сюда, никто
Не обладал таким бесстрашным сердцем.
О, дай ему, Христос, настолько сил,
Чтоб искушенья демонов распались,
О, дай ему, в Тебя, Владыко, верить!

СЦЕНА 9-я

Лесбия, Филипо, Леогарио, Капитан, Полония.

Лесбия

Полония

Лесбия

Полония

Филипо

Полония

Лесбия

Филипо

Полония

Леогарио

Капитан

Нет, прежде чем туда пойти, куда
Зовут твои нас доводы, мы скажем,
Зачем сюда пришли; мы все хотели
Увидеться с тобой: одно решенье

Мы приняли.

Идемте; по дороге
Расскажете мне все. Я вас веду,
Чтоб удивились высшему вы чуду,
Какое только видел взор людской.

А мы тебе, Полония, хотели
Сказать одно. Ты пожелала здесь
Жить между гор и сделала меня
Пожизненной наследницею царства;
И я тебе хотела сообщить
Намеренье мое. Твоя пусть воля
Моею будет, жажду повелений,
А не советов. Женщина не может
Решений принимать, а потому
Ей нужно выйти замуж.

Справедливо
Ты говоришь, и если твой жених
Филипо, я сердечно одобряю.
Моя любовь тебя во всем обяжет,
Тебе даю я вместе с царством мужа.

Да будешь жить ты целые века,

Все новые и новые, как солнце,
Что каждый день встречает смерть и снова
Рождается, или как светлый феникс,
Что восстает из своего костра.

Теперь желанье ваше совершилось,
Так слушайте ж внимательно меня,
Хочу сказать, зачем сюда веду вас.
Есть некий человек, всем вам известный,
Объятый крайним рвеньем, он пришел,
Чтоб отыскать чистилище Патрика
И претерпеть в нем пытки; в ту пещеру
Вступив, сегодня выйти должен он.
И чтобы с вашим страхом изумленье
Сравнялось, я сюда вас привела,
Да узрите святое это чудо.
Я раньше не сказала вам об этом,
Дабы испуг помехой не явился,
Вот почему вы здесь со мной теперь.

Сестра, ты справедливо поступила.

Я рада, хоть и страшно мне.

Мы все
Хотим узнать, как много в этом правды.

Ему, быть может, смелость изменила,
Тогда не выйдет он из тех глубин,
И в этом мы его увидим кару;
А если из пещеры выйдет он,
Мы от него узнаем сокровенность,
Что скрыта здесь, — когда благополучно
Выходит тот, кто так объят испугом,
Что говорить не может, убегая
От всех людей, в пустынные места,
Чтоб быть наедине с самим собою.

Великие неведомые тайны!

Мы вовремя приходим. Вон, глядите,
Отшельники, безмолвствуя, в слезах,
Идут открыть угрюмый вход в пещеру.

СЦЕНА 10-я

Иноки приближаются ко входу, ведущему в пещеру, и открывают его; из нее выходит Людовико, объятый изумлением. — Те же.

Инок 1-й

Полония

Инок 1-й

Филипо

Людовико

Капитан

Леогарио

Инок 1-й

Людовико

Инок 1-й

Людовико

О, Господи, открой врата свои
Для наших слез и воплей. Этот грешник
Да победит жестокие темницы,

Где нет виденья лика Твоего.

Открыли!

О, какое утешенье!

Смотрите, Людовико!

О, Всевышний,
Возможно ли, прошли века; и вновь
Я на земле и вижу свет небесный!

Как он смущен!

Как страшно он взволнован!

Приди в объятья к каждому из нас!

От сердца обниму вас всех. И видя,
Полония, тебя, я стану думать,
Что лишь по милосердью твоему
Моим грехам даровано прощенье.
И ты, Филипо, знай, что я хотел
Тебя убить, подстерегал две ночи,
Но ангел спас тебя от верной смерти.
Прости мою вину. И умоляю,
Дозвольте мне теперь уйти отсюда,
Бежать от самого себя со страхом,

Сокрыться в средоточие земли:
Хочу навек от мира удалиться, —
Кто видел то, что видел я, тот должен
Дожить остаток жизни в покаяньи.

Итак, во имя Бога, Людовико,
Велю тебе, чтоб ты нам рассказал,
Что видел.

Не противлюся такому
Святому повеленью, и чтоб в страхе
Проснулся мир, чтоб не жил человек
Умершим во грехе, и отозвался
На зов мой, — начинаю свой рассказ.
Пройдя сквозь целый ряд предупреждений,
Торжественных и требуемых в деле
Такой глубокой важности, — исполнен
И мужества и стойких упований,
Простился я со всеми, чтоб войти
В пещеру. Дух мой Господу я предал,
И в сердце многократно повторяя
Святые сокровенные слова,

Которых духи тьмы в аду страшатся,
Вступил я на порог и, ожидая,
Чтоб вход замкнули, так и оставался
Один, недвижно, несколько мгновений.
Замкнули, наконец, его, и я
Во мраке ночи темной очутился,
И так глаза о свете заскорбели,
Что я закрыл их: вечно так бывает
С тем, кто во мраке хочет видеть: я
Пошел вперед с закрытыми глазами,
Пока не прикоснулся до стены,
Что находилась прямо предо мною.
Не больше двадцати шагов прошел я,
Идя вдоль той стены, как натолкнулся
На темную скалу и там заметил,
Что в узкую расселину ее
Проходит свет, который не был светом,
Как то бывает в час, когда заря
Едва-едва займется на востоке, —
И думает в сомненьи полумрак,
Светает там вдали, иль не светает.

Я повернул налево, осторожно
Ступая по тропинке, и когда
Достиг ее конца, вдруг подо мною
Земля заколебалась, и как будто
Готовый провалиться, зашатавшись,
Я потерял сознание, но тут
Ужасный гром загрохотал во мраке
И пробудил меня от забытья.
Земля передо мной разверзлась, мне
Почудилось, что я низринут в недра,
До центра глубины, и глыбы праха,
И камни, полетевшие за мною, —
Моей могилой были. Я упал
И очутился в яшмовом чертоге,
Что создан был умелыми руками,
С искусством, полным знанья и ума.
Раскрылись тотчас бронзовые двери,
И подошли ко мне, числом двенадцать,
Какие-то неведомые люди,
Все в белое одетые, — меня
Приветствуя смиренно и учтиво.
Один из них, по-видимому, старший,

Сказал мне: "Упование свое
На Бога положи, и помни это,
Не падай духом, демонов увидя,
Хотя б они и мучили тебя;
И знай, что если только ты поддашься
Угрозам их иль обещаньям лживым,
Ты навсегда останешься в аду".
Казалось мне, что ангелов я вижу,
А не людей; меня их увещанья
Ободрили настолько, что как будто
Вторично пробудился я! И вот
Вся комната огромная внезапно
Заполнилась видениями ада
И духами мятежными, такими
Ужасными на вид, что их ни с чем
Сравнить нельзя. Один из них сказал мне:
"Глупец, неосмотрительный безумец,
До времени возжаждавший изведать
Возмездие, что ждет тебя, узнать
Заслуженные пытки; если так
Твои грехи велики, что ты должен

Быть осужден, — и, правда, нет тебе
Пред Богом милосердия! — зачем ты
Пришел за осуждением твоим?
Вернись, вернись на землю, чтоб исчерпать
Всю жизнь свою, и, как ты жил, умри.
Тогда приди взглянуть на нас, мы будем
Все в сборе, ад тебе готовит место,
Что вечно сохранится за тобой".
Ему в ответ не молвил я ни слова.
И вот, схватив меня и осыпая
Свирепыми ударами, они
Связали руки мне, связали ноги,
И стали жечь меня, и стали ранить
Стальными остриями, волоча
По спутанным и темным переходам;
Зажгли костер и бросили в огонь.
"Спаси меня, Христос!" — воззвал я с верой, —
Бежали злые демоны, огонь
Утих, погас, и вмиг его не стало.

И тотчас увлекли меня к равнине,
Где вместо роз, взамен гвоздики алой,
Взрастила терны черная земля,
Росли волчцы. И ветер, пролетая,
Пронизывал насквозь, — в сравненьи с ним
Казалась вздохом — режущая шпага.
Во впадинах чудовищных пещер
Стонали осужденные угрюмо,
Отцов и дедов громко проклиная.
И столько было муки в голосах,
Произносивших нагло богохульства,
И столько там отчаяния было,
Когда тысячекратно повторялись
Проклятия и вопли без конца,
Что, им внимая, демоны дрожали.
Пройдя, я очутился на лугу,
Цветы там были пламенем, — как это
Бывает в знойном августе, когда
В полях поспеет жатва. И равнина
Была так велика, что глаз нигде
Не находил конца; там возлежали

Толпы людей на ложах из огня;
Один лежал, подвижными пронзенный
Гвоздями раскаленными; другой
Был крепко пригвожден к земле; иные
Лежали, а ехидны из огня
Их внутренности рвали; тот грызет
Зубами землю, бешенством объятый;
Иной готов изгрызть себя в куски,
Чтоб сразу умереть, — и оживает,
Чтоб умирать еще, еще, и снова.
Туда я брошен был рабами смерти,
Но ярость их смирилась и пропала,
Как дым, пред кротким именем Христа.
Пройдя вперед, я новое увидел:
От страшных пыток раненых лечили,
Прикладывая к ранам их свинец
Расплавленный, с пылающей камедью,
Иное прижигательное средство.
О, кто тут в сокрушенье не придет!
О, кто не воздохнет, не возрыдает!
О, кто не вострепещет, усомнившись!

И вот вкруг одного из этих зданий
Сквозь двери и дымящиеся стены
Прорвались ярко полосы огня;
Как будто дом внезапно загорелся,
И пламя выходило, где могло.
"Вот, — мне сказали, — дом увеселений,
Купальный замок женщин тех, что в жизни,
Желаниям бесстыдным повинуясь,
Всем сердцем возлюбили ароматы,
Прикрасы, умащенья и купанья".
Вошел я внутрь и увидал в пруду
Из снега — женщин редкой красоты.
Их множество там было, все дрожали
В воде, среди ужей и змей, что были
Для этих волн — как рыбы и сирены;
Замерзшие их члены были видны
В кристальности прозрачной льдистых вод;
Стояли дыбом волосы и были
Оскалены их зубы. Вышел я,

И тотчас увлекли меня на гору,
Высокую такую, что она
Своим челом, пройти желая небо,
Когда не порвала, то отогнула
Покров небес лазурный. Посредине
Вершины той находится вулкан,
Он дышит и выбрасывает пламя,
Огонь кидает в небо, как слюну.
Из этого вулкана, из колодца,
От времени до времени исходит
Огнистый ток, и в том потоке души,
И выйдут, и войдут, чтобы снова скрыться,
И много их, и много-много раз
Восходят и нисходят эти души.
Подвижный воздух током раскаленным
Схватил меня и, от горы отторгнув,
Переместил внезапно в глубину.
Я вышел из нее, и вот примчался
Другой воздушный ток, неся с собою,
Толпами, легионы сотен душ,

И силою столкнувшихся порывов
Я был перенесен в иное место,
И мнилось мне, что, виденные мною,
Все души здесь собрались, и хотя
Их пытки были здесь еще сильнее,
Они на вид спокойные стояли,
Все с радостными лицами, и воздух
Не оглашали криком нетерпенья,
И в небеса вперив упорный взор,
Как тот, кто ожидает милосердья,
Роняли слезы нежные любви;
И понял я, что это место было
Чистилищем, и так в нем очищались
От прегрешений легких. Не смутили
Меня угрозы демонов, что я
Пройти сквозь все мученья эти должен,
Напротив, я ободрился. И, видя,
Как постоянно мужество мое,
Они мне приготовили возмездье
Страшнейшее из всех, чье имя — ад:
Они меня к реке широкой взяли,

На берегу росли цветы огня,
А по руслу ее бежала сера;
Кишели в ней уродливые гидры
И змеи, как чудовища морские,
И страшно широка была она,
А мост через нее тянулся узкий,
Как линия, не больше, и такой
Непрочный, что, казалось, невозможно
Пройти и не сломать его. Сказали
Мне демоны: "По этой-то дороге
Ты должен совершить свой переход.
Взгляни, как перейдешь; и чтобы ужас
Тебе сказал, — взгляни, как переходят".
Я посмотрел и явственно увидел,
Что все, кто этот мост хотел пройти,
Срываясь, низвергались в волны серы,
И змеи грызли их, и рвали гидры
Когтями их на тысячи кусков.
Я назвал имя Бога — Бог помог мне,
И мужество нашел я, чтоб свершить
Свой переход, и мне не страшны были

Ни волны, угрожавшие мне снизу,
Ни ветер, что свирепо бил меня.
Дошел я до конца и очутился
В лесу, таком пленительном и пышном,
Что я возликовал, и дух отвлекся
Ото всего, что было. Путь лежал
Среди деревьев райских — кедров, лавров,
Здесь бывших на своем достойном месте.
Земля была усеяна цветами,
Гвоздиками и розами, как будто б
То был узорный шелковый ковер,
Зеленый, белый, алый. Светлый воздух
Был полон пенья самых нежных птиц,
Звучавшего и сладостно и грустно,
В созвучьи с многотысячным журчаньем
Кристальных вод ручьев. И вдалеке
Возвышенный возник пред взором город,
Венчало солнце башни и дворцы;

Врата его, из золота, сверкали
Огнями бриллиантов, изумрудов,
Рубинами и горным хрусталем.
Они раскрылись, прежде чем успел я
До них дойти, и вышла мне навстречу
Процессия святых; там были старцы,
И женщины, и юноши, и дети,
И были все объяты ликованьем.
Под звуки сладко-нежных инструментов
Запели Серафимы звучный гимн,
И ангелы ответили им хором.
Вослед за всеми, блеском окруженный,
Пришел Патрик, великий патриарх,
И заключил меня в свои объятья,
За то, что обещанье я сдержал,
Его до смерти раз еще увидел, —
И радовались все на эту радость.
Ободрил он меня, и мы простились,
Он мне сказал, что смертные не могут
Войти в прекрасный град, где свет не

меркнет,
И мне велел вернуться в этот мир.
Пройдя свою дорогу без помехи,
Вернулся я назад, и злые духи
Не смели прикоснуться до меня,
И только что успел достигнуть входа,
Как вы пришли, чтоб встретить здесь меня.
И так как из опасности я вышел,
Дозвольте, милосердные отцы,
Здесь жизнь дожить мне, смерти ожидая.
Да завершится здесь повествованье,
История событья, о котором
Свидетельствует ясно Дионисий
Картезианец, Генрих Сальтаренский,
Матеус, и Ранульф, и Гейстербах,
Момбрицио, Марко Маруло, Рото,
И Беллярмин, Гиберии примас,
Бенедиктинец Бэда-проповедник,
И Фраи Димас Серпи, и Солино,

И Томас Мессингам[79], и благочестье
Всех христиан, своим правдивым словом
Дающих подтверждение ему.
И посему да завершится драма,
И да начнутся громкие хвалы.

[79] Примечания: 79

Свидетельствует ясно Дионисий... - Приведение Кальдероном имен тринадцати богословов и церковных авторитетов разных эпох - лучшее свидетельство теологической шаткости всей конструкции драмы, нуждавшейся, даже по мнению автора, в такой экстраординарной поддержке.

Жизнь есть сон[80]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Басилио, король польский
Сехисмундо, принц
Астольфо, герцог Московии
Клотальдо, старик
Кларин, шут
Эстрелья, инфанта
Росаура, дама
Солдаты
Стража
Музыканты
Свита

---

[80] Примечания: 80

Знаменитая драма Кальдерона, наиболее сложная в философско-художественном отношении. Дата написания остается спорной (1632-1635 гг.?). Поставлена на сцене в 1635 г. и опубликована в Мадриде: "Parte primera de Comedias de Don Pedro Calderon de la Barca".

Сюжет драмы восходит к легенде о Варлааме и Иосафате, христианской адаптации жития Будды.

Однако у драмы есть и другие источники. Это "русская тема", события гражданской войны на Руси в XVII в. См. об этом наст. изд., с. 702.

Тема "Жизнь - Сон" повторена во многих драмах Кальдерона: "Жизнь есть сон" (ауто), "Дьявол садов", "Дочь воздуха", "Цепи дьявола", "Аполлон и Климена", "Эхо и Нарцис", "В этой жизни все истина и все ложь" и др.

О постановках драмы на русской сцене см. наст, изд., с. 680-712.

Слуги
Дамы

Действие происходит при дворе в Полонии (Польше) в крепости, находящейся в некотором отдалении, и в лагере.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

С одной стороны обрывистая гора, с другой башня, основание которой служит тюрьмой для Сехисмундо. Дверь, находящаяся против зрителей, полуоткрыта. С началом действия совпадает наступление сумерек.

Росаура, Кларин.

(Росаура, в мужской одежде, появляется на вершине скалы и спускается вниз, за ней идет Кларин.)

Росаура

Кларин

Росаура

Кларин

Росаура

Кларин

Росаура

(Внутри слышится звон цепей.)

Кларин

Росаура

Кларин

Бегущий в уровень с ветрами,
Неукротимый гиппогриф[81],
Гроза без ярких молний, птица,
Что и без крыльев — вся порыв,
Без чешуи блестящей рыба,
Без ясного инстинкта зверь,
Среди запутанных утесов
Куда стремишься ты теперь?
Куда влачишься в лабиринте?
Не покидай скалистый склон,

---

[81] Примечания: 81

Гиппогриф (греч.) - сказочное животное, полулошадь и полугрифон, в свою очередь, объединяющий черты льва и орла. Не исключена, что образ создан итальянским поэтом Боярдо (1430-1494). В этом образе сливаются два мифологических представления: в колесницу Аполлона были впряжены то кони, то грифоны.

Останься здесь, а я низвергнусь,
Как древле — павший Фаэтон[82].
Иной не ведая дороги,
Чем данная моей судьбой,
В слепом отчаяньи пойду я
Меж скал запутанной тропой,
Сойду с возвышенной вершины,
Меж тем как, вверх подняв чело,
Она нахмурилась на солнце
За то, что светит так светло.
Как неприветно ты встречаешь,
Полония, приход чужих,
Ты кровью вписываешь след их
Среди песков пустынь твоих:
Едва к тебе приходит странник,
Приходит к боли он, стеня.
Но где ж несчастный видел жалость?

Скажи: несчастные. Меня

---

[82] Примечания: 82

Фаэтон - вероятно, речь идет о Фаэтоне, сыне Гелиоса и Климены, но не исключено, что подразумевается Фаэтон, один из коней Эос (Авроры) (ср. имя Rosaura = rosa + aura, лат. - розовое сияние, розовое небо). Возможно, Кальдерон в этой метафоре имеет в виду и первое и второе значение.

Зачем же оставлять за флагом?
Вдвоем, покинув край родной,
Пошли искать мы приключений,
Вдвоем скитались мы с тобой
Среди безумий и несчастий,
И, наконец, пришли сюда,
И, наконец, с горы скатились, —
Где ж основание тогда,
Раз я включен во все помехи,
Меня из счета исключать?

Тебя, Кларин, я не жалела,
Чтобы, жалея, не лишать
Законных прав на утешенье.
Как нам философ возвестил,
Так сладко — сетовать, что нужно б
Стараться изо всех нам сил
Себе приискивать мученья,
Чтоб после жаловаться вслух.

Философ просто был пьянчужка.
Когда бы сотню оплеух
Ему влепить, блаженством жалоб

Он усладился бы как раз!
Но что предпримем мы, сеньора,
Что здесь нам делать в этот час?
Уходит солнце к новым далям,
И мы одни меж диких гор.

Кто ведал столько испытаний!
Но если мне не лжет мой взор,
Какое-то я вижу зданье
Среди утесов, и оно
Так узко, сжато, что как будто
Смотреть на солнце не должно.
Оно построено так грубо,
Что точно это глыба скал,
Обломок дикий, что с вершины
Соседней с солнцем вниз упал.

Зачем же нам смотреть так долго?
Пускай уж лучше в этот час
Тот, кто живет здесь, в темный дом свой
Гостеприимно впустит нас.

Открыта дверь, или скорее

Не дверь, а пасть, а из нее,
Внутри родившись, ночь роняет
Дыханье темное свое.

О, небо, что за звук я слышу!

От страха я — огонь и лед!

Эге! Цепочка зазвенела.
Испуг мой весть мне подает,
Что здесь чистилище преступных.

СЦЕНА 2-я

Сехисмундо, в башне — Росаура, Кларин.

Сехисмундо (за сценой)

Росаура

Кларин

Росаура

Кларин

Росаура

(Створы двери раскрываются, и предстает Сехисмундо в цепях, покрытый звериной шкурой. В башне виден свет.)

Сехисмундо

Росаура

Сехисмундо

Кларин (в сторону, к Росауре.)

Росаура

Сехисмундо

(Схватывает ее.)

Кларин

Росаура

Сехисмундо

Росаура

О, я несчастный! Горе мне!

Какой печальный слышу голос!
Он замирает в тишине
И говорит о новых бедах.

И возвещает новый страх.

Кларин, бежим от этой башни.

Я не могу: свинец в ногах.

Но не горит ли там неясный,

Как испаренье слабый свет,
Звезда, в которой бьются искры,
Но истинных сияний нет?
И в этих обморочных вспышках
Какой-то сумрачной зари,
В ее сомнительном мерцаньи
Еще темнее там внутри.
Я различаю, хоть неясно,
Угрюмо мрачную тюрьму,
Лежит в ней труп живой, и зданье —
Могила темная ему.
И, что душе еще страшнее,
Цепями он обременен,
И, человек в одежде зверя,
Тяжелым мехом облечен.
Теперь уж мы бежать не можем,
Так встанем здесь — и в тишине
Давай внимать, о чем скорбит он.

О, я несчастный! Горе мне!
О, небо, я узнать хотел бы,
За что ты мучаешь меня?
Какое зло тебе я сделал,

Впервые свет увидев дня?
Но раз родился, понимаю,
В чем преступление мое:
Твой гнев моим грехом оправдан,
Грех величайший — бытие.
Тягчайшее из преступлений —
Родиться в мире[83]*. Это так.*
Но я одно узнать хотел бы
И не могу понять никак.
О, небо (если мы оставим
Вину рожденья — в стороне),
Чем оскорбил тебя я больше,
Что кары больше нужно мне?
Не рождены ли все другие?
А если рождены, тогда
Зачем даны им предпочтенья,
Которых я лишен всегда?
Родится птица, вся — как праздник,

---

[83] Примечания: 83

Грех величайший - бытие.// Тягчайшее из преступлений - // Родиться в мире (El delito mayor // del hombre es haber nasido). - Запутанный богословами вопрос, отражавшийся в испанской драме и до Кальдерона. Ср. у Лопе де Веги в драме "Варлаам и Иосафат" ту же мысль, но в вопросительной форме.

Вся — красота и быстрый свет,
И лишь блеснет, цветок перистый,
Или порхающий букет,
Она уж мчится в вольных сферах,
Вдруг пропадая в вышине:
А с духом более обширным
Свободы меньше нужно мне?
Родится зверь с пятнистым мехом,
Весь — разрисованный узор,
Как символ звезд, рожденный кистью
Искусно — меткой с давних пор,
И дерзновенный и жестокий,
Гонимый вражеской толпой,
Он познает, что беспощадность
Ему назначена судьбой,
И, как чудовище, мятется
Он в лабиринтной глубине:
А лучшему в своих инстинктах,
Свободы меньше нужно мне?
Родится рыба, что не дышет,
Отброс грязей и трав морских, —
И лишь чешуйчатой ладьею,

Волна в волнах, мелькнет средь них,
Уже кружиться начинает
Неутомимым челноком,
По всем стремиться направленьям,
Безбрежность меряя кругом,
С той быстротой, что почерпает
Она в холодной глубине:
А с волей более свободной,
Свободы меньше нужно мне?
Ручей родится, извиваясь,
Блестя, как уж, среди цветов,
И чуть серебряной змеею
Мелькнет по зелени лугов[84].
Как он напевом прославляет
В него спешащие взглянуть
Цветы и травы, меж которых
Лежит его свободный путь,
И весь живет в просторе пышном,

---

[84] Примечания: 84

Ручей родится, извиваясь, // Блестя, как уж, среди цветов, // И чуть серебряной змеею // Мелькнет по зелени лугов. - Метафорическое отражение известной латинской поговорки: "Frigidus latet anguis in herba" ("Змея холодная скрывается в траве"). Нередко в XVI-XVII вв. встречается в произведениях многих испанских поэтов.

Слагая музыку весне:
А с жизнью более глубокой
Свободы меньше нужно мне?
Такою страстью проникаясь
И разгораясь, как вулкан,
Я разорвать хотел бы сердце,
Умерить смертью жгучесть ран.
Какая ж это справедливость,
Какой же требует закон,
Чтоб человек в существованьи
Тех преимуществ был лишен,
В тех предпочтеньях самых главных
Был обделенным навсегда,
В которых взысканы Всевышним
Зверь, птица, рыба и вода?

Печаль и страх я ощутила,
Внимая доводам его.

Кто здесь слова мои подслушал?
Клотальдо?

Успокой его,
Скажи, что да.

Нет, я, несчастный,
Здесь услыхал, как ты, скорбя,
Под темным сводом сокрушался.

Так я сейчас убью тебя,
Что б ты не знал, что вот я знаю,
Что знаешь слабости мои;

И лишь за то, что ты услышал,
Как тосковал я в забытьи,
Тебя могучими руками
Я растерзаю.

Глухоты
Порок наследственный спасает
Меня от казни.

Если ты
Родился в мире человеком,
Довольно пасть к твоим ногам —
И пощадишь.

Смущенный, кроткий,
К твоим склоняюсь я мольбам:
К тебе я полон уваженья.
Хоть я, в тюрьме своей стеня,

Из мира знаю столь немного,
Что эта башня для меня
Как колыбель и как могила,
Хотя с тех пор, как я рожден,
Лишь этой дикою пустыней
Без перемены окружен,
И в ней влачу существованье,
Живой мертвец, скелет живой,
Хотя до этого мгновенья
Я не беседовал с тобой
И не видал тебя, и только
Всегда с одним я говорил,
Кто знает скорбь мою, и знанью
Земли и неба научил,
Хотя ты видишь пред собою
Живого чудища пример,
Что пребывает одиноко
Средь изумлений и химер,
Хотя я зверь меж человеков
И человек среди зверей,
И в столь значительных несчастьях
Внимал зверям, чтоб стать мудрей,

И государственную мудрость,
Смотрев на птиц, я изучал,
И к звездам взор свой устремляя,
Круги их в небе измерял,
Но только ты, лишь ты был властен
Внезапно укротить мой дух,
И усмирить мои страданья,
И усладить мой жадный слух.
И на тебя я с каждым взглядом
Все ненасытнее смотрю,
И каждым взглядом я как будто
Об этой жажде говорю.
И смерть я взглядами впиваю,
И пью, без страха умереть,
И, видя, что, смотря, я гибну,
Я умираю, чтоб смотреть.
Но пусть умру, тебя увидев,
И если я теперь сражен,
И если видеть — умиранье,
Тебя не видеть — смертный сон,
Не смертный сон, а смертный ужас,
Терзанье, бешенство, боязнь,

Ужасней: жизнь, — а ужас жизни,
Когда живешь несчастным, — казнь.

Тебя я слышу — и смущаюсь,
Гляжу — не в силах страх смирить,
И что сказать тебе, не знаю,
Не знаю, что тебя спросить.
Скажу одно, что верно небо
Сюда направило мой путь,
Дабы утешенный в несчастьи,
Я мог свободнее вздохнуть,
Когда возможно, чтоб несчастный
В своей беде был облегчен,
Увидя, что другой печальный
Несчастьем большим удручен.
Один мудрец, в нужде глубокой,
Среди таких лишений жил,
Что только травами питался,
Которые он находил.
Возможно ли (так размышлял он),
Чтоб кто беднее был? О, нет!
И тут случайно обернулся
И на вопрос нашел ответ.

Другой мудрец, идя за первым,
Чтобы своей нужде помочь,
Те травы подбирал с дороги,
Которые бросал он прочь,
Я жил печальный в этом мире,
И вот когда, гоним судьбой,
Я вопрошал: ужели в мире
Еще несчастней есть другой?
Ты милосердно мне ответил,
И вижу, что в такой борьбе
Ты мог бы все мои несчастья,
Как утешенье, взять себе.
И ежели мои мученья
Твой дух способны облегчить,
Внимай, я разверну охотно
Меня постигших бедствий нить...

СЦЕНА 3-я

Клотальдо, солдаты. — Сехисмундо, Росаура, Кларин.

Клотальдо (за сценой)

Росаура

Сехисмундо

Клотальдо (за сценой.)

Голоса (за сценой.)

Кларин

(Выходят Клотальдо и солдаты: он с пистолетом, и лица у всех закрыты.)

Клотальдо (в сторону, к солдатам при входе.)

Кларин

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

(К солдатам.)

Сехисмундо

Клотальдо

(Несколько солдат уводят Сехисмундо и запирают его в тюрьме.)

Солдаты, стражи этой башни,
Вы испугались, или спали,

Двоим дозволивши нарушить
Уединение тюрьмы...

Еще беда, еще смущенье!

Тюремщик это мой, Клотальдо.
Так нет конца моим мученьям?

Сюда, и, прежде чем они
Окажут вам сопротивленье,
Возьмите их или убейте.

Измена!

Стражи этой башни,
Нас пропустившие сюда,
Коль вы оставили нам выбор,
Так нас схватить — гораздо легче.

Закройтесь все, нам очень важно,
Чтобы никто нас не узнал,
Пока мы здесь.

Мы в маскараде?

Вы, что вступили по незнанью
В пределы этих мест, запретных
По повеленью Короля,

Велевшего в своем указе,
Чтоб не дерзал никто касаться
Своим исследованьем чуда,
Что скрыто между этих скал, —
Сложив свое оружье, сдайтесь,
Иначе, аспид из металла[85],
Вот этот пистолет, извергнет
Двух пуль проникновенный яд,
Чьим пламенем смутится воздух.

Сперва, мой повелитель-деспот,
И прежде чем ты их обидишь,
Я унизительным цепям
Оставлю жизнь мою добычей;
Свидетель Бог, я растерзаю
Себя руками и зубами
Среди угрюмых этих скал,
Но допустить не пожелаю,

---

[85] Примечания: 85

... аспид из металла. - Раздвоенное змеиное жало используется для метафоры двуствольного пистолета, появившегося на вооружении в конце XVI - начале XVII в. Под аспидом в метафоре подразумевается средиземноморский аспид, у которого в агрессивном состоянии раздувается шея: она напоминает рукоять пистолета, зажатую в руке. Плевок аспида считался смертельным. При выстреле пистолет издавал звук, напоминающий плевок.

Чтоб их постигло злополучье,
И я оплакал их обиду.

Ты, Сехисмундо, знаешь сам:
Так велико твое несчастье,
Что до рождения ты умер
Согласно приговору неба;
Ты знаешь, что твоя тюрьма —
Для ярости твоей свирепой
Узда суровая и вожжи,
Чтоб удержать ее стремленье.
Чего ж кричишь?

Закройте дверь,
Заприте узкую темницу;
Пусть он войдет в нее.

О, Небо,
Как хорошо, что ты лишило
Меня свободы! А не то
Я встал бы дерзким исполином,
И чтоб сломать на дальнем солнце
Хрусталь его блестящих окон, —
На основаньях из камней

Воздвиг бы горы я из яшмы.

Быть может, именно затем-то,
Чтоб этого не мог ты сделать,
Ты терпишь ныне столько зол.

СЦЕНА 4-я

Росаура, Клотальдо, Кларин, солдаты.

Росаура

Кларин

Клотальдо

Солдаты

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо (в сторону)

(К Росауре и Кларину.)

(Уходят.)

Увидевши, что так глубоко
Тебя надменность оскорбила,
Несведущим я оказался б,
Когда б смиренно не просил
Дать жизнь, что пред тобой во прахе,
Ко мне проникнись милосердьем;
Чрезмерно это было б строго,
Когда бы так же ты казнил
Смирение, как и надменность.

И коль Надменность и Смиренье,
Сии почтенные особы,
Что в тысяче Священных Действ
Пред нами исполняли роли[86], —
Коли они тебя нисколько
Не трогают, я, не смиренный
И не надменный, но меж двух,

---

[86] Примечания: 86

И коль надменность и Смиренье, // Сии почтенные особы, II Что в тысяче Священных Действ // Пред нами исполняли роли... - Надменность и Смиренье - в действительности весьма часто встречаются среди аллегорических персонажей испанских аутос. О Кальдероновских аутос см. в кн.: Iberica, вып. II: Кальдерон и мировая культура; кратко в статье Н. И. Балашова, наст, изд., с. 782.

Как серединная тартинка,
Тебя прошу, дай нам защиту.

Сюда!

Сеньор...

Взять у обоих
Оружие и завязать
Глаза им, чтобы не видали,
Куда и как отсюда выйдут.

Тебе свою вручаю шпагу.

Как имя?

Должен
Я умолчать.

Откуда знаешь,
Или откуда заключаешь,
Что в этой шпаге тайна есть?

Кто дал ее, сказал: "Отправься
В Полонию и постарайся
Уменьем, хитростью, иль знаньем
Так сделать, чтобы показать
Особам знатным эту шпагу:

Я знаю, между благородных
Найдется кто-нибудь, кто будет
Твоим защитником в нужде";
Назвать его не захотела,
Не зная, жив он или умер.

О, небо, помоги! Что слышу?
Я даже не могу решить,
Виденье это или правда.
Я эту шпагу дал когда-то
Давно прекрасной Виоланте,
Как знак того, что если кто
Ко мне придет, ею опоясан,
Где б ни был я, во мне он всюду
Найдет и любящего сына,
И милосердного отца.
О, горе! Что же буду делать
Я в затруднении подобном,
Коль тот, кто нес с собой защиту,
С собою смерть принес свою,
Придя приговоренный к смерти?
Какое страшное смущенье!
Какая горестная участь!

Какой непостоянный рок!
Мой сын родной передо мною,
Приметы мне о том вещают,
И вместо указанья сердца
О том мне ясно говорят:
Оно, едва его увидя,
В груди моей крылами бьется,
И также, как тюремный узник,
На улице услышав шум,
Хотел бы разломать засовы,
И чувствуя свое бессилье,
Спешит скорей взглянуть в окошко,
Оно, тревогу услыхав,
Не зная, что там происходит,
Спешит разведать, что случилось,
И заблиставшими слезами
Глядит из окон сердца глаз.
Что делать? (Небо, помоги мне!)
Что делать? Если, по закону,
Я к Королю его отправлю,
Я поведу его на смерть.
Скрывать от Короля виновных,

Как верноподданный, не смею.
И вот в одно и то же время
В моей душе встает любовь,
И с ней в борьбу вступает верность.
Но, впрочем, что ж я сомневаюсь?
Не предпочтительней ли жизни
И чести — верность Королю?
Так верность пусть живой пребудет,
И пусть мой сын погибнет смертью.
Притом, приняв во вниманье,
Что он явился отомстить
За оскорбленье, — оскорбленный
Бесчестен. — Значит он не сын мой,
И нет в нем крови благородной.
Но если случай был такой,
Была опасность, от которой
Еще никто свободен не был?
Ведь по самой своей природе
У всех настолько честь хрупка,
Что от единого поступка,
От одного движенья ветра
Она способна разломиться

Или запятнанной предстать,
Что может сделать благородный,
Что может совершить он,
Как не пойти искать виновных
Ценой опасностей таких?
Он сын мой, да, моей он крови,
Коль так в беде неустрашим он.
Итак, меж этих двух сомнений,
Идти я должен к Королю,
И это будет лучшим средством —
Сказать ему. "Перед тобою
Мой сын. Убей его". — Быть может,
Тогда его он пощадит,
Моей покорностью растроган.
Коли останется в живых он,
Я помогу его отмщенью.
Но если смертный приговор
Король во гневе постановит,
Умрет он, так и не узнавши,
Что я отец его. — Идемте.

Не бойтесь, путники, что вам
В несчастьи быть одним придется:

Когда сомненье возникает,
Жить или умереть, — не знаю,
В чем скрыта большая беда.

СЦЕНА 5-я

Зал в Королевском Дворце, в столице.

Астольфо и солдаты, выходят с одной стороны, с другой инфанта Эстрелья и придворные дамы. За сценой военная музыка и залпы.

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

(Барабанный бой.)

Увидя светлую комету,
Ей птицы свой привет поют,
Под звуки труб журчат фонтаны
И барабаны звонко бьют.

И в благозвучии согласном
Они играют пред тобой,
Здесь — роем звонких птиц из меди,
А там — пернатою трубой.
И величает, как царицу,
Тебя стозвучная стрельба,
А птичьи стаи — как Аврору,
А переливная труба —
Как всепобедную Палладу,
Как Флору нежную — цветы,
И, день сияньем затемняя,
Ты, в блеске юной красоты,
Аврора в радостном весельи,
Паллада воинских страстей,
И Флора в мире, и царица
Над любящей душой моей.

Когда слова у человека
Должны поступкам отвечать,
Тебе совсем не нужно было
Таких приветствий расточать:
Вся эта воинская пышность,
С которой я борюсь душой,

Твоим словам противоречит;
И раз я вижу пред собой
Такие строгости в поступках,
Как льстивым верить мне речам?
Заметь еще, что это низко
И подобает лишь зверям,
Лишь зверю, матери обмана,
Медоточивым ртом ласкать
И замыслом одновременно
Изменнически убивать.

Ты ошибаешься, Эстрелья,
Мне веры в этот миг не дав;
Лишь выслушай, что сообщу я,
Увидишь, прав я иль неправ.

Когда Эвсторхио скончался[87],
Преемник был на польский трон
Басилио, с двумя сестрами,
И я одной из них рожден,
Другою ты. — Я не желаю
Повествованьем утомлять
О том, что было б здесь не к месту.
Твоя властительная мать,
Моя сеньора, Клорилена,
Навек покинувшая нас,
Под балдахином из созвездий
В светлейшем царстве в этот час;
Ей старшинство принадлежало,
И дочь от этой старшей — ты;

---

[87] Примечания: 87

Когда Эвсторхио скончался... - См. роман Суареса де Мендосы "Eustorgio y Clorirene, historia moscovica". Его, вероятнее всего, и использовал Кальдерон при создании генеалогии в драме "Жизнь есть сон". Короли и принцы - дети и внуки Эвсторхио. Астольфо родился от младшей дочери Эвсторхио, Ресисунды; жена Басилио, мать Сехисмундо, носит имя Клорилены, жены Эвсторхио из романа Мендосы.

В реально-историческом плане Астольфо имеет возможный прототип - королевич Владислав (Владислав IV, 1595-1648, король Польши в 1632-1648 гг.; в ходе польского и шведского вторжения в Русское государство в начале XVII в. часть русской знати провозгласила его царем, 1610; по Поляновскому миру, 1634, отказался от претензий на русский престол); само же имя, возможно, заимствовано у известного персонажа поэм Боирдо и Ариосто (итальянское Астольфо соответствует старофранцузскому Estout, имени одного из паладинов Роландова цикла).

Сестра вторая — Ресисунда:
Пусть Бог, с небесной высоты,
Ее хранит тысячелетье!
В Московии вступивши в брак,
Она дала мне счастье жизни,
Сын Ресисунды я. Итак,
Вернуться должен я к другому.
Влиянию преклонных лет
Басилио, как все, сдается;
В нем к женщинам влеченья нет,
К познаньям больше он наклонен,
И овдовел бездетным он;
Согласно с чем, мы притязаем,
И я, и ты, на этот трон.
Ты — как рожденная от старшей,
Я — хоть от младшей — потому,
Что я мужчиною родился
И значит в споре верх возьму.
Мы дяде нашему сказали
О притязаниях своих,
И он ответил, что намерен
Согласовать разумно их.

Он нам назначил день и место;
Свою покинувши страну,
Я из Московии явился
Не объявить тебе войну,
А ждать, чтоб ты мне объявила.
О! если б только ныне мог
Премудрый бог, Амур, устроить,
Чтоб достоверный астролог,
Народ, стоял за нас обоих, —
О! пусть бы волею чужой
Отныне стала ты царицей,
Царицей над моей душой,
Чтоб дядя дал тебе корону,
Чтоб ты себе триумф дала,
И чтоб в моей любви покорной
Ты царство пышное нашла.

При виде рыцарства такого
Хочу не меньшее явить:
Я царства этого желала
Лишь для того, чтоб подарить
Его тебе; хоть опасаюсь,
В сердечной, думаю, борьбе,

Что ты неблагодарным будешь,
При всей любви моей к тебе.
Как, думаю, изобличает
Тебя в двуличии портрет,
Что на груди твоей я вижу.

Тебе я точный дам ответ
На твой... Но должен я умолкнуть,
Мешает музыка войны:

Сюда Король идет с советом,
И мы о том извещены.

СЦЕНА 6-я

Король Басилио, свита. — Астольфо, Эстрелья, придворные дамы, солдаты.

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Эстрелья

Астольфо

Басилио

Астольфо

Все

Басилио

Все

(Все уходят, сопровождая Эстрелью и Астольфо, Король остается.)

Мудрец Фалес[88]*...*

Эвклид ученый...

---

[88] Примечания: 88

Мудрец Фалес. - Фалес Милетский (639-548 до н. э.) - греческий философ, физик, астроном.

Что меж созвездий...

Меж планет...

Премудро правишь...

Пребываешь...

И их пути...

Их светлый след...

Предначертая...

Измеряешь...

Позволь, склонясь...

На благо нам.

Вокруг тебя лозой обвиться.

Покорно пасть к твоим ногам.

Мои возлюбленные дети,
Придите пасть в мои объятья
И верьте, если вы на зов мой
Явились с верностью такой,
Я уравняю вас обоих,
Ни одного не выделяя:
Итак, явив свою готовность

Вопрос ваш трудный разрешить,
Я об одном теперь прошу вас:
На время сохранить молчанье,
Затем что изумить должно вас
Повествование мое.
Как вам доподлинно известно, —
Внимайте с тщательностью, дети,
И ты, о, польский двор преславный,
И вы, вассалы и друзья, —
Как вам известно, в этом мире
Своими знаньями снискал я
Почетный титул свой — ученый,
И, вопреки забвенью дней,
Живописания Тимантов,

И изваяния Лисиппов[89]
Меня Басилио великим
Во всей вселенной нарекли.
И вам уж издавна известно,
Что всех наук я чту превыше
Математические знанья
С немой утонченностью их,
И ими славу обделяю
И ими время я лишаю
Неоспоримых полномочий
Учить о новом с каждым днем:
Затем что чуть в своих таблицах
Увижу новое в грядущем, —
И время первенство теряет

---

[89] Примечания: 89

Живописания Тимантов, // И изваяния Лисиппов... - Тимант - греческий живописец (IV в. до н. э.); самая известная его картина - "Жертвоприношение Ифигении"; в XVI-XVII вв. его знали, вероятно, по Плинию и Квинтилиану.

Лисипп - знаменитый греческий скульптор второй половины IV в. до н. э., с его именем связано много легенд: при жизни он был весьма почитаем и пользовался особым расположением Александра Македонского, герма которого, созданная Лисиппом, была весьма популярна и в XVII в. Для Кальдерона важно, что Лисипп начал изучать природу и тем самым положил начало эллинистическому этапу в искусстве, основным принципом которого было изображение духовного в человеке. Оба художника жили в Сикионе. В этом городе в античности процветало искусство и он был известен свободой творчества.

Вещать о том, что я сказал.
И те окружности из снега,
И те хрустальные покровы,
Что принимают блеск от солнца
И разделяются луной, —
Все те миры из бриллиантов,
Все те хрустальные пространства,
Где блещут стройные созвездья,
Кочуют полчища планет, —
В теченьи лет мне были книги,
Где на бумаге из алмаза,
В тетрадях пышных из сафира,
По золотым скользя строкам,
Слагая явственные буквы,
Всегда записывают небо
И благодатные событья,
И всю превратность наших дней.
И так я быстро их читаю,
Что духом следую свободно
За быстротою их движений
По всем дорогам и путям.
О, если б небо пожелало,

И прежде чем мой ум явился
Его замет истолкованьем
И росписью его листов, —
О, если б небо пожелало,
И я погиб бы первой жертвой
Его карающего гнева,
Явив трагедию судьбы,
Затем что, кто несчастен в мире,
Тому кинжал — его заслуги,
И тот, кто в знаньи вред находит,
Убийца самого себя!
Так я могу сказать, и лучший
Тому пример — в событьях странных,
И чтоб, дивясь, вы их узнали,
Вторично я прошу внимать.
Моей супругой Клориленой
Мне сын рожден был злополучный,
И небеса в его рожденьи
Свои явили чудеса.
Пред тем как ласковому свету
Он отдан был живой гробницей, —
Гробницей чрева, так как схоже —

Родиться в мир и умирать[90], —
В ночном бреду и в сновиденьях
Неоднократно повторялось
Одно жестокое виденье
Несчастной матери его[91]*:*
Имея форму человека,
На свет чудовище рождалось,
И дерзновенно разрывало
Все сокровенности ее,
И той, что жизнь ему давала,
Ее окрашенное кровью,
Давало смерть своим рожденьем,
Как бы ехидна меж людей.
И день пришел его рожденья,
И совершилось предвещанье, —
Предвестья знамений зловещих
Не изменяют никогда.

---

[90] Примечания: 90

...схоже - // Родиться в мир и умирать... - Мысль, часто повторяемая у Кальдерона. Образ чудовища, умертвляющего своим рождением мать, есть в ауто "Великий театр мира".

[91] Примечания: 91

В ночном бреду и в сновиденьях// Неоднократно повторялось // Одно жестокое виденье // Несчастной матери его... - В древности сны, которые снятся беременным женщинам, считались вещими.

При гороскопе он родился
Таком ужасном, что, беснуясь,
Окрашено своею кровью,
Вступило солнце в бой с луной,
Для них земля была оплотом,
И два светильника небесных
Боролись всею силой света,
Как в рукопашной два бойца.
Произошло затменье солнца,
Какого не было с тех пор, как
Слезами крови в день распятья
Оно оплакало Христа.
Все области земного шара,
Как бы в последнем пароксизме,
Тонули в зареве пожаров,
И затемнились небеса,
Высокие дрожали зданья,
И дождь камней из туч струился,
И тучи грозно вырастали,
И кровь текла по руслам рек.
И при таком-то вот ужасном
Безумьи или бреде солнца

На свет родился Сехисмундо,
И сразу выказал свой нрав:
Убивши мать своим рожденьем,
Такой свирепостью сказал он:
Я человек, и начинаю
Вознаграждать за благо злом.
К моим познаниям прибегнув,
Я в них, как и во всем, увидел,
Что Сехисмундо в мир вступил бы
Как дерзновенный человек,
Что был бы он жестоким принцем,
Монархом самым нечестивым,
И потому его правленье
В умах посеяло б раздор;
Его правленье было б смутой,
И школой низостей, предательств,
И академией пороков,
А сам он, бешенством объят,
Среди безумств и преступлений,
Меня к стопам своим повергнув,
Стыжусь сказать, — в моих сединах
Был должен видеть свой ковер.

Кто не поверит в предвещанье
Своих несчастий, чью угрозу
Он увидал в той сфере знанья,
Где царствует любовь к себе?
Итак, доверившись созвездьям,
Что предвещали мне несчастья
В своих пророчествах зловещих,
Решил я зверя запереть,
Дабы, лишив его свободы,
Иметь возможность этим самым
Проверить, не дано ли мудрым
Предотвратить влиянье звезд.
Я объявил, что рок превратен,
И что Инфант родился мертвым,
И чтоб случайности избегнуть,
Я башню выстроить велел
Среди вон тех утесов мрачных,
Где свет едва находит доступ,
Где сонмы диких обелисков
Ему преградою встают.
И по указанной причине
Я обнародовал законы,

Суровой казнью возбраняя
Вступать в предел запретных гор.
Там и живет он, Сехисмундо,
В несчастьях, в бедности, в неволе,
И там его один Клотальдо
Учил, воспитывал и знал.
Ему преподал он науки,
И католическую веру,
И только он был очевидцем
Его несчастий и скорбей.
Теперь о трех вещах я должен
Оповестить вас: и во-первых,
О том, что, край любя родимый,
Освободить его хочу
От подчиненности жестокой
Владыке деспоту, иначе
Я послужил бы сам на горе
Мной управляемой стране;
И во-вторых, необходимо
Сказать, что, если отниму я
У крови собственной то право,
Что ей рождением дано,

Я поступлю не христиански,
Закон людской, равно как Божий,
Нарушу, ибо нет веленья,
Чтоб я, желая вас спасти
От управления тирана,
Явился сам тираном дерзким,
И, чтобы сын мой зла не делал,
Я преступленья б совершал;
И в-третьих, нужно нам проверить,
Насколько впал я в заблужденье,
Легко поверив предсказаньям,
Предвозвестившим мне беду:
Быть может, — допустить должны мы, —
Его не победит природа,
Хотя врожденная наклонность
Диктует пропасти ему.
Внушенья звезд неблагосклонных,
Лучи планеты нечестивой
Лишь могут повлиять на волю,

Ее принудить — им нельзя[92].
И так с собою рассуждая,
Колеблясь между двух решений,
К исходу я пришел такому,
Что вас он должен удивить.
Не возвещая Сехисмундо,
Что он мой сын и ваш владыка,
Его перемещу я завтра
На мой престол и в мой дворец,
И, словом, дам ему возможность
Повелевать и править вами,
И вы, как слуги, присягнете
В повиновении ему.
Свой план исполнивши, я сразу
Достигну трех вещей, решая
И три другие, о которых
Я вам сейчас повествовал.

---

[92] Примечания: 92

Лучи планеты нечестивой // Лишь могут повлиять на волю, // Ее принудить им нельзя. - С древних времен существовало представление о том, что человек может изменить свою судьбу вопреки року, при помощи свободы воли. В драмах Кальдерона "либерум арбитриум", "свобода воли", становится универсальным понятием, обозначающим в этике - свободу выбора, честь, достоинство и т. д.; в гносеологии - способность человека постигать свою зависимость от необходимости природы.

Во-первых, если, осторожный,
И справедливый, и разумный,
Свою звезду он опровергнет,
Столь возвестившую о нем,
На ваше благо, вами будет
Спокойно править Принц законный,
Чей двор был — дикие утесы,
Кто жил, как равный, меж зверей;
А если, во-вторых, надменный,
И дерзновенный, и жестокий,
Помчится он в полях порока,
Как конь, порвавший повода,
Тогда, отеческой любови
Отдавши должное, спокойно
Перед страной моей родною
Свершу обязанность мою,
И, как Судья нелицемерный,
Его навек лишу наследства,
И, заключив его в темницу,
Я буду строг, но справедлив;
И, в-третьих, если Принц предстанет
Таким, как я вам повествую,

Любовью к вам руководимый,
Я лучших дам вам королей,
Владык, что более достойны
Владеть короной и престолом,
Моим племянникам любезным
Права на трон я передам:
Соединив в одну возможность
Два справедливых притязанья
И их супружеством связавши,
Их по заслугам награжу.
Дабы решенье совершилось,
Я вам, как Царь, повелеваю,
И, как отец, о том прошу вас.
Увещеваю, как мудрец,
Как старец, вас предупреждаю,
И если царь невольник царства,

Как нам Сенека рек испанский[93],
Я умоляю вас, как раб.

Коль говорить теперь я должен,
Как тот, кто ближе всех к вопросу,
Во имя всех я возвещаю:
Пусть Сехисмундо к нам придет,
Довольно, что рожден тобой он.

Пусть Принц наш будет возвращен нам,
Пусть нашим королем он будет.

Внимательности вашей знак,
Вассалы, я ценю глубоко.
Моих детей, мою опору,
Сопроводите в их покои.

Да здравствует великий Царь!

---

[93] Примечания: 93

Как нам Сенека рек испанский... - Сенека (ок. 4 г. до н. э. - 65 г.) - латинский философ и писатель, родился в испанской провинции Римской Империи. Он был широко известен в испанской литературе XVXVII вв. и оказывал большое влияние на нее. Кальдерон сравнивает Басилио с Сенекой в значении "мудреца, познавшего мирскую суету и занявшегося исследованием провидения и свободы воли". Возможно также соотнесение с Хуаном II Кастильским (14061454), которого называли "испанским Сенекой" за то, что он пропагандировал идеи Сенеки в Испании.

СЦЕНА 7-я

Клотальдо, Росаура, Кларин. — Басилио.

Клотальдо (к королю)

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

(Уходит.)

Клотальдо

Могу ли говорить с тобою?

Я рад тебя, Клотальдо, видеть.

Хотя, к твоим ногам упавши,
Я должен был бы счастлив быть,
На этот раз мой рок печальный,
О, государь, судьбы веленьем

Нарушил правило привычки
И верноподданность мою.

Что приключилось?

Государь мой,
Меня несчастие постигло,
Которое могло быть счастьем,
Будь воля рока.

Продолжай.

Вот этот юноша прекрасный,
По дерзости иль по незнанью,
Вошел в запретное пространство
И в башне Принца увидал.

Не сокрушайся, друг Клотальдо.
Когда бы это совершилось
Не нынче, а вчера, — признаюсь,
Весьма разгневан был бы я;
А ныне тайну все узнали,
И важности не представляет,
Что он узнал ее, когда я
О ней весь двор оповестил.
Зайди ко мне через минуту,

О многом расскажу тебе я
И попрошу тебя о многом,
Что для меня ты совершишь:
Предупреждаю, что отныне
Ты важным явишься орудьем
Для величайшего событья,
Которое увидит мир.
И чтоб тебе не показалось,
Что я казню твою небрежность,
Я этих узников прощаю.

Живи века, великий Царь!

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, Росаура, Кларин.

Клотальдо (в сторону)

Росаура

Кларин

Росаура

Клотальдо

(В сторону.)

Росаура

Клотальдо

Росаура

Кларин

Росаура

Клотальдо

(В сторону.)

Росаура

Клотальдо (в сторону)

(Вслух.)

Росаура

Клотальдо

(В сторону.)

Росаура

Клотальдо

Росаура

(Росаура и Кларин уходят.)

Клотальдо

(О, милость неба! Скрыть могу я,

Что он мой сын.)
Идите с миром.

Тысячекратно припадаю
К твоим ногам, целуя их.

А я топчу их, потому что
Одною буквой больше, меньше,
Среди друзей — совсем не важно.

Сеньор, ты снова дал мне жизнь,
И так как я живу тобою,
Тебе всегда служить я буду,
Меня рабом считай навеки.

То, что я дал тебе, не жизнь:
Кто оскорблен и благороден,
Тот не живет: и раз пришел ты
Сюда отмстить за оскорбленье,
Как раньше ты мне сам сказал,
Теперь тебе я жизни не дал.
Ее ты не принес с собою,
И жить бесславно — жить не значит.

(Я этим разбужу его.)

Да, я живу пока без жизни,
Хоть от тебя ее имею,
Но, отомстив за оскорбленье,
Я так очищу честь свою,
Что жизнь моя казаться будет
Твоим подарком, победившим
Опасности, что ей грозили.

Возьми отточенную сталь,
Возьми клинок свой закаленный,
И, если ты его омочишь
В крови врага, — моею шпагой, —
Я говорю сейчас — моей,
И говорю о тех мгновеньях,
Когда ее в руках держал я, —
Ты отомстить врагу сумеешь.

Беру ее и, в честь тебя,
Клянусь, что будет месть жестокой
И до конца непримиримой,
Хотя бы враг мой, оскорбитель,
И был влиятельней.

А он

Весьма влиятелен?

Настолько,
Что я его не называю,
Не потому, чтоб сомневался
Я в осторожности твоей,
А чтоб твое расположенье,
С которым ты ко мне нисходишь,
Не заменилося противным,
Не обратилось на меня.

Меня скорей ты приобрел бы,
Мне прекративши впредь возможность
Помочь тому, кого ты ищешь.

(О, если б я узнал, кто он!)

Чтоб не подумал ты, что мало
Твое доверие ценю я
И что к тебе неблагодарен,
Тебе скажу я, кто мой враг.
Астольфо мой противник, Герцог
Московии.

(Едва могу я
Скрыть огорчение: важнее

Оно, чем мог подумать я.
Но разъясним все это дело.)

Раз ты родился московитом,
Тогда, как государь природный,
Он оскорбить тебя не мог.
Итак, вернись в свой край родимый
И откажись от этой мысли.

Хотя и Принц он мой, но мог он
Быть мне обидчиком.

Не мог,
Хотя бы дерзостно тебя он
В лицо ударил. —

(О, Всевышний!)

Сильней была моя обида.

Тогда скажи мне, в чем она.
Сказать ты более не можешь,
Чем то, что я подозреваю.

Да, я сказал бы, но не знаю,
Что ты за чувство мне внушил,
С каким к тебе непостижимым

Я отношуся уваженьем,
Каким я полон почитаньем,
Как не дерзаю возвестить,
Что эта внешняя одежда
Есть не одежда, а загадка,
И что не то она, что взоры
В ней видят. Посуди же сам,
Раз я не то, чем представляюсь,
И, чтоб жениться на Эстрелье,
Астольфо здесь, — меня не мог ли
Он оскорбить. Довольно слов.

Не уходи! Постой! Послушай!
Каким нежданным лабиринтом
Я окружен теперь, что разум
Не может нить в нем отыскать?
Я оскорблен, и враг могучий,
И я вассал, и чести женской
Он оскорбитель, — о, Всевышний,
Пусть небо мне укажет путь!
Хотя не знаю, есть ли выход
Из этой пропасти, в которой
Все небо кажется предвестьем

И чудом кажется весь мир.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Василио, Клотальдо.

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

(Уходит.)

Как ты велел, так и случилось.

Скажи, Клотальдо, все подробно.

Как повелел ты, я запасся
Успокоительным питьем,
Что было сделано согласно

Твоим премудрым указаньям,
Являя смесь составов разных
И действие различных трав.
Их власть тиранская, их сила
Сокрытая с такою мощью
Умом людским овладевает,
Его уничтожает так,
Столь, похищая, отчуждает,
Что человек, уснув, теряет
Свои способности и чувства
И предстает как труп живой...
— Мы возражений не имеем
Насчет возможности такого
Явленья странного, и опыт
Нас поучает, государь,
Что врачеванье обладает
Числом немалым тайн природных,
И нет растенья, зверя, камня,
Что не имеют свойств своих.
И ежели людская злоба
Бесчисленность ядов открыла,
Дающих смерть, вполне понятно,

Что мудрость может их смягчить;
Раз есть яды, что убивают,
Есть и яды, что усыпляют,
Итак, оставивши сомненья
В возможности того, что есть...
— С питьем из белены и мака,
К которым был примешан опий,
Сошел я в тесную темницу,
Где Сехисмундо тосковал.
Я с ним поговорил немного
О человеческих познаньях,
Которые ему преподал
Бесгласный лик небес и гор,
В чьей школе, полной неземного,
Риторике он обучился
И мудростью живой проникся
От птиц летучих и зверей.
Чтоб дух — его скорей подвигнуть
На то, что ты в душе задумал,
Я мыслью взял для разговора
Величье гордого орла,
Что, презирая сферы ветра,

Стремился в вышние пределы
Блеснуть, как молния из перьев
И как бродячий метеор.
Я восхвалил полет надменный,
Сказав: "О, да, меж птиц воздушных
Ты царь, и это справедливо,
Что ты меж всеми предпочтен!"
И слов моих довольно было.
Чуть до величья речь коснется,
Он говорит всегда надменно
И честолюбием горя.
И, правда, кровь его внушает
Ему великие волненья
И побуждает постоянно
К большим деяньям. Он сказал:
"Не удивительно ли это,
Что и в воздушном государстве
Птиц беспокойных есть такие,
Что подчиняться им велят?
Такою мыслью проникаясь,
Утешен я моей печалью,
По крайней мере, подчиняясь,

Я против воли подчинен;
Я уступаю в этом силе,
Мне поступить нельзя иначе,
И подчиниться добровольно
Не мог бы в мире никому".
Его увидя разъяренным
При мысли о своих страданьях,
Я дал питье ему, и тотчас,
Как только в грудь оно вошло,
Он уступил дремоте властной,
И пот холодный заструился
По членам бледным и по жилам,
И если б только я не знал,
Что предо мною — призрак смерти,
Не смерть сама, я сомневался б,
Живет ли он. Как раз в то время
Пришли служители твои,
Которым ты доверил опыт,
И, положив его в карету,
Они его переместили,
Не пробуждая, в твой покой.
А там уж было все готово,

Дабы величием и блеском,
Приличным царственной особе,
Он был достойно окружен.
Теперь он на твоей постели
Спокойно спит. Когда же силу
Свою утратит летаргия,
Ему, как самому тебе,
Они служить покорно будут,
Согласно твоему желанью.
И если все, что повелел ты
Исполнить — значит заслужить,
Я об одной прошу награде,
Коль извинишь мою нескромность:
"Чего ты хочешь, — Сехисмундо
Переместивши во дворец?"

Твое желание, Клотальдо,
Узнать о том, что я задумал,
Вполне законным я считаю,
Внимай ответу моему.
Ты знаешь, принцу Сехисмундо
Влияние звезды несчастной
Предвозвещает злополучья

И тьму трагедий роковых;
Обманывать не может небо,
Его суровость многократно
Подтверждена путем жестоким,
Но я исследовать хочу,
Не может ли она смягчиться,
Когда не вовсе, хоть отчасти,
И, побежденная вниманьем,
Как бы отречься от себя.
У человека есть возможность
Быть победителем созвездий,
И потому его хотел я
Из заключения извлечь
И, в мой дворец переместивши,
Соделать для него известным,
Что он мой сын, и дать возможность
Ему испробовать свой дух.
Восторжествует над собою —
Он будет царствовать; а если
Предстанет дерзким и жестоким, —
Его в оковы я верну.
Теперь ты спросишь, почему же

Для испытания такого
Необходимым мне казалось
Его уснувшим перенесть.
Я объясню тебе охотно:
Когда бы он узнал сегодня,
Что он мой сын, а завтра снова
Себя в темнице увидал,
Вполне с его согласно нравом,
Что он отчаялся бы в жизни:
Узнавши, кто он, что имел бы
Он в утешение себе?
И потому я счел желанным
Оставить злу свободный выход
И дать ему возможность думать:
"Все, что я видел, было сном".
Две вещи можешь ты проверить
Таким путем: его природу —
Проснувшись, выкажет он явно,
Что думал он, о чем мечтал;
И, вслед за этим утешенье:
Себя теперь царем увидев,
И вновь потом — в тюрьме, он может

Решить, что это был лишь сон;
И если так он будет думать,
Не ошибется он, Клотальдо,
Затем что в этом мире каждый,
Живя, лишь спит и видит сон.

Сказать я многое хотел бы,
Но возраженья бесполезны,
И Принц, я вижу, пробудился
И направляется сюда.

Тогда мне лучше удалиться,
А ты его, как воспитатель,
Из замешательства исторгни,
Сказавши истину ему.

Итак, даешь мне разрешенье?

Даю. Быть может, это лучше:
Быть может, зная всю опасность,
Он лучше победит ее.

СЦЕНА 2-я

Кларин. — Клотальдо.

Кларин (в сторону)

Клотальдо (в сторону)

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Ценой пинков, числом четыре,
Что дал мне алебардщик рыжий,
В ливрее выкрашенной так же, —
Пробрался ловко я сюда;
Коль хочешь знать, что происходит,
Не надо к продавцу билетов
Идти, — чтоб вход иметь свободный,
Билет у каждого с собой:
Он называется бесстыдством,

И, обладая им, свободно
Идти с пустым карманом можешь
И видеть, что ни захотел.

(Да, это он, Кларин, служитель
Ее (о, небо!), той, что в горе
Из стран чужих сюда явилась,
С собою взявши мой позор.)
Что нового, Кларин?

А ново,
Что в милосердии великом
Росауре — ты, пожелавши
Ее обиду отомстить,
Велел переменить одежду.

Так нужно, чтоб не показалась
Она бесстыдною.

И ново,
Что, имя изменив свое,
Твоей племянницей назвавшись,
Росаура в таком почете,
Что при красавице Эстрелье
Придворной дамой состоит.

За честь ее стоять я должен.

И ждет она, что будет время
И надлежащий будет случай,
Чтоб честь ее ты защитил.

Отличная предосторожность:
В конце концов поможет время
И все само собой исправит.

И как племянница твоя
Она окружена вниманьем
Таким, что хоть царице впору.
А я, пришедший вместе с ней,
От голода готов погибнуть,
И обо мне никто не вспомнит.
Не смотрят, что Кларин пред ними
И что когда звонит Кларин,
Он обо всем сказать сумеет
Царю, Астольфо и Эстрелье.
Кларин и служащий — две вещи,
Которые хранить секрет
Не очень хорошо умеют,
И ежели меня молчанье

Своим вниманием оставит,
Тогда мне песню посвятят:
Кларин разбудит, он поет,
И, как рожок, он весть дает[94].

Ты жалуешься справедливо,
И о тебе я позабочусь;
А ты покуда послужи мне.

Вон Сехисмундо. Погляди.

СЦЕНА 3-я

Музыканты, поют, и слуги, помогают Сехисмундо облачиться в одежды, между тем как он выходит, полный изумления. — Клотальдо, Кларин.

Сехисмундо

Первый слуга (в сторону, ко второму слуге и к Кларину)

Второй слуга

Кларин

---

[94] Примечания: 94

Кларин разбудит, он поет,// И, как рожок, он весть дает. - Цитируется романс Гонгоры "Contando esta'ban sus rayos".

Второй слуга

(к Сехисмундо)

Сехисмундо

Первый слуга

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо (в сторону)

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Клотальдо

(Уходит.)

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Кларин

Второй слуга

Кларин

Сехисмундо

Кларин

Сехисмундо

Кларин

О, небо, что передо мною?
Какой я новый вижу свет!
Я восхищаюсь, изумленный,
Не знаю, верить или нет.
Я в этих царственных палатах?
Я весь в парче, среди шелков?
Нарядные мне служат слуги
С немой покорностью рабов?
Я на такой постели чудной
Проснулся и, глаза открыв,

Кругом толпу людей увидел,
Мне служащих наперерыв?
И знаю я, что я проснулся;
Так значит все это не сон.
Но разве я не Сехисмундо?
Скажи, о, небо, я смущен.
Скажи, с моим воображеньем
Что сделалось, пока я спал?
Каким путем, сейчас проснувшись,
В дворце себя я увидал?
Но будь, что будет. Кто велит мне
Терять моим вопросам счет?
Хочу я, чтобы мне служили,
А что приходит, пусть придет.

Как он печален!

Кто бы не был
Печальным, если бы ему
На долю выпало такое?

Я б не был.

Подойди к нему.
Первый слуга

Ты хочешь, чтобы снова пели?

Не надо больше песен мне.

Развлечься нужно. Ты задумчив.

То, что в душевной глубине
Меня заботит, не исчезнет
От звука этих голосов.
Лишь грому музыки военной
Мой дух всегда внимать готов.

К твоей руке дозволь припасть мне,
Мой Принц и повелитель мой,
Хочу к тебе явиться первый,
Чтоб пасть во прах перед тобой.

Клотальдо! Как же так возможно,
Что кто в тюрьме ко мне так строг,
Вдруг изменившись, предо мною
Покорно преклониться мог?

При этом новом состояньи,
Внезапно получивши власть,
Объят смущением великим,
В сомненья может разум впасть;

Но ежели возможно это,
Хочу я, чтобы ты, сеньор,
Освободился от сомнений,
Увидя весь свой кругозор.
Узнай же, что наследный Принц ты
Полонии. Ты жил всегда
В глуши, в безвестности, затем что
Неумолимая звезда
Мильоны бедствий возвестила.
Толпу трагедий предрекла,
На случай, если лавр победный
Коснется твоего чела.
Но так как сильный может бросить
И через пропасть крепкий мост,
Поверив, что своим вниманьем
Ты победишь влиянье звезд,
Из башни, где ты находился,
Тебя в дворец перенесли,
Когда в узор свой сновиденья
Твой дух усталый вовлекли.
Отец твой, мой Король, владыка,
Сейчас придет, и от него

Ты все узнаешь остальное,
Коль я не досказал чего.

Чего ж мне знать еще, бесчестный,
Изменник, если знаю я,
Кто я, — чтоб выказать отныне,
Как дерзновенна власть моя?
Как мог отечество настолько
Ты предавать, что от меня,
Преступно, вопреки рассудку,
Скрывал весь этот блеск огня,
Мой царский сан?

О, я несчастный!

Ты с Королем — льстецом был низким,
Со мною — ты жестоким был.
Так я, закон, Король, мы вместе,
Постановляем приговор:
Тебя мы присуждаем к смерти.
Умри от рук моих.

Сеньор!

Коль кто-нибудь мешать мне станет,
Кто б ни был он, мне все равно,

Но раз он на моей дороге,
Он тотчас полетит в окно.

Беги, Клотальдо!

О, несчастный!
Ты дерзновеньем ослеплен,
Не чувствуя, что в это время
Ты только спишь и видишь сон.

Заметь, сеньор, что...

Прочь отсюда.

Лишь Короля он своего
Исполнил волю.

В нечестивом
Не должен слушаться его.
И я был Принц его.

Что дурно,
Что хорошо, разузнавать
Он был не должен.

Ты тут долго
Советы будешь мне давать?
С тобой, как вижу я, неладно.

Принц очень хорошо сказал,
Ты поступаешь очень дурно.

Тебе кто позволенье дал
Так дерзко говорить со мною?

Сам взял его.

Ты кто? Ответь.

Я интриган из интриганов;
Свой человек в чужом. Заметь:
Такого ты, как я, не сыщешь.

Лишь ты мне угодил.

Сеньор,
Я превеликий угождатель
Всех Сехисмундов с давних пор.

СЦЕНА 4-я

Астольфо. — Сехисмундо, Кларин, слуги, музыканты.

Астольфо

Сехисмундо

Астольфо

Сехисмундо

Второй слуга (к Астольфо)

(К Сехисмундо.)

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Тысячекратно пусть пребудет
Счастлив тот день, о, Принц, когда
Ты к нам являешься, как солнце
Полонии, чтоб навсегда
Своим сияньем осчастливить
Весь этот пышный кругозор:
Блестящим вышел ты, как солнце,
Покинув недра темных гор.
И ежели так поздно лавры
Тебя украсили собой,
Пусть поздно и умрут, сияя

Венцом.

Да будет Бог с тобой.

Почтенья от тебя не видя,
Твою вину тебе прощу:
Ведь ты меня не знал, конечно.
И вместе с этим сообщу:
Московский Герцог я, Астольфо,
И брат двоюродный я твой,
Должно быть равенство меж нами.

Сказав: "Да будет Бог с тобой", —
Тебя достаточно почтил я.
Но так как ты, собой кичась,
Выказываешь недовольство,
Когда в другой тебя я раз
Увижу, изменю привет свой
И в этом случае скажу,
Чтоб не был Бог с тобой.

Тебе я,
Светлейший Герцог, доложу,
Что так как он в горах родился,
Со всеми так он говорит.

Сеньор, Астольфо разумеет...

Мне скучен этот важный вид,
С которым начал говорить он;
И шляпу тотчас он надел.

Он гранд.

Я вдвое гранд.

И все же
Закон приличия велел,
Чтоб между вами было больше
Почтения, чем меж людьми
Обыкновенными.

А ты, брат,
Даю совет, свой рот зажми.

СЦЕНА 5-я

Эстрелья. — Те же.

Эстрелья

Сехисмундо (к Кларину)

Кларин

Сехисмундо

(к Эстрелье.)

Эстрелья

Астольфо (в сторону)

Второй слуга (в сторону)

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

Второй слуга

Сехисмундо

(Хватает его на руки и уходит, все уходят за ним и немедленно возвращаются.)

Астольфо

Эстрелья

(Уходит.)

Сехисмундо (возвращается)

Астольфо

Сехисмундо

(Астольфо уходит.)

Твоим приходом, Принц, да будет
Весь двор стократно услажден;
Тебя, приветствуя, встречает
И приглашает царский трон,
И, под покров его вступивши,
Да будет жизнь твоя легка,
И да сияет полновластно
Не год, не годы, а века.

Скажи мне, кто это? в ней чары
Такой надменной красоты.
Кто эта светлая богиня?
Стремясь с небесной высоты,
У ног ее лучи сияют.
Кто эта женщина?

Сеньор,
Перед тобой звезда, Эстрелья.

Ты лучше бы сказал: простор
Небес покинувшее солнце.

Хоть вышел я из тьмы на свет,

Лишь в том, что я тебя увидел,
Я вижу лучший свой привет.
Благодарю тебя за счастье,
Которого не заслужил:
Ты засветилась мне сияньем
Небесных многозвездных сил;
Ты, загоревшись, оживляешь
Сильнейший светоч в небесах.
Что остается делать Солнцу,
Когда весь мир в твоих лучах?
Поцеловать твою дай руку,
Где воздух, свет свой изменив,
Пьет негу в чаше белоснежной.

Ты так изыскан и учтив.

Погиб я, если прикоснется
К ее руке он.

(Вижу я,
Астольфо это неприятно.)
Сеньор, решительность твоя
Здесь неуместна, и Астольфо...

Я говорю: с дороги прочь!

То, что сказал я, справедливо.

С тобой мне говорить невмочь,
Ты надоел. То справедливо,
Что я хочу.

Сказал ты сам:
Лишь справедливым приказаньям
Повиноваться нужно нам.

Еще сказал я, что коль будет
Надоедать мне кто-нибудь,
Тогда немедленно сумею
Я за балкон его швырнуть.

С людьми, как я, вещей подобных
Не может быть.

Не может быть?
Клянусь! попробовать хочу я.

Что вижу? Как тут поступить?

Скорее Принцу помешайте.

Упал он в море за балкон.
Клянусь! он может в воду падать.

Ты лютым гневом ослеплен.

Заметь, что если есть различье
Между зверями и людьми,
Так и дворец от гор отличен.

А ты за правило возьми,
Что если говоришь так громко,
Так и с тобою может быть,
Что головы ты не отыщешь,
Куда бы шляпу поместить.

СЦЕНА 6-я

Басилио. — Сехисмундо, Кларин, слуги.

Басилио

Сехисмундо

Кларин (к Сехисмундо)

Басилио

Сехисмундо

Басилио

Сехисмундо

Басилио

Сехисмундо

Басилио

Сехисмундо

Басилио

(Уходит.)

Сехисмундо

Что тут случилось?

Что случилось?
Да ничего. Один глупец
Мне надоел, его швырнул я
Через балкон.

Он твой отец
И он Король, заметь.

Так скоро
Твой первый день здесь показал,
Что твой приход уж стоит жизни?

Таких вещей, он мне сказал,
Не может быть, — я усомнился
И тотчас выиграл заклад.

Мне больно, Принц, что в час, когда я
Был так тебя увидеть рад,

Когда я думал, что усильем
Влиянье звезд ты победил,
Мне больно, Принц, что в первый час твой
Ты преступленье совершил.
Ты в гневе совершил убийство!
Так как же мне тебя обнять,
Когда рукой коснусь о руку,
Умеющую убивать?
Увидев близко пред собою
Из ножен вынутый клинок,
Смертельную нанесший рану, —
Кто быть без опасений мог?
Придя на место роковое,
Где кровь чужая пролилась, —
Кто мог настолько быть спокойным,
Что в нем душа не сотряслась?
И самый сильный отвечает
Своей природе. Так и я,
Увидев, что омыта кровью
Жестокая рука твоя,
Увидев место роковое,

Где ты убийство совершил, —
Любя, тебя обнять хотел бы,
Но в страхе не имею сил
И ухожу.

Я без объятий
Отлично обойтись могу,
Как обходился до сегодня.
Ты, как жестокому врагу,
Являл мне гнев неумолимый;
Меня ты, — будучи отцом, —
К себе не допускал бездушно,
Ты для меня закрыл свой дом,
И воспитал меня как зверя,
И как чудовище терзал,
И умертвить меня старался:
Так что ж мне в том, что ты сказал?
Что в том, что ты обнять не хочешь?
Я человеком быть хочу.
А ты стоишь мне на дороге.

Что чувствую, о том молчу.
О, если б небо пожелало

Вернуть, что жизнь тебе я дал,
Чтобы я голос твой не слышал,
И дерзновенье не видал!

Когда бы ты мне жизни не дал,
Я б о тебе не говорил;
Но раз ты дал, я проклинаю,
Что ты меня ее лишил.
Дать — непостижное деянье
По благородству своему;
Но кто дает — и отнимает,
Тот низок, вечный срам ему.

Да? Так меня благодаришь ты
За то, что ты, вчера никто,
Невольник, сделан мною Принцем?

Тебя благодарить? За что?
Тиран моей свободной воли,
Раз ты старик и одряхлел,
Что ты даешь мне, умирая,
Как не законный мой удел?
Он мой! И если ты отец мой
И ты мой царь — пойми, тиран,

Весь этот яркий блеск величья
Самой природою мне дан.
Так если я наследник царства,
В том не обязан я тебе
И требовать могу отчета,
Зачем я предан был борьбе,
Зачем свободу, жизнь и почесть
Я узнаю лишь в этот миг.
Ты мне признательным быть должен,
Как неоплатный мой должник.

Ты варвар дерзостный. Свершилось,
Что небо свыше предрекло.
Его в свидетели зову я:
Ты гордый, возлюбивший зло.
И пусть теперь узнал ты правду
Происхожденья своего,
И пусть теперь ты там, где выше
Себя не видишь никого,
Заметь, что ныне говорю я:
Смирись; живи, других любя.
Быть может ты лишь спишь и грезишь,

Хотя неспящим зришь себя.

Быть может я лишь сплю и грежу,
Хотя себя неспящим зрю?
Не сплю: я четко осязаю,
Чем был, чем стал, что говорю.
И ты раскаиваться можешь,
Но тщетно будешь сожалеть,
Я знаю, кто я, ты не в силах,
Хотя бы горько стал скорбеть,
То возвратить, что я родился,
Наследник этого венца;
И если я в тюрьме был раньше
И там терзался без конца,
Так потому лишь, что, безвестный,
Не знал я, кто я; а теперь
Я знаю, кто я, знаю, знаю:
Я человек и полузверь.

СЦЕНА 7-я

Росаура, в женской одежде. — Сехисмундо, Кларин, слуги.

(в сторону)

Кларин (к Сехисмундо)

Сехисмундо

Росаура (в сторону)

Сехисмундо

Росаура

Сехисмундо (в сторону)

Росаура (в сторону)

Сехисмундо (в сторону)

Росаура (в сторону)

Сехисмундо

Росаура

Я в свите у Эстрельи. Опасаюсь,
Что встречу я Астольфо: между тем
Клотальдо говорит, что очень важно,
Чтоб он меня не видел и совсем
Пока не знал, что во дворце живу я:
Клотальдо я довериться могу,
Ему своей обязана я жизнью,
За честь мою он отомстит врагу.

Из всех вещей, которые ты видел,
Чем более всего ты здесь прельщен?

Я все заранее предвидел
И я ничем не восхищен.
Но если чем я в мире восхитился,
Так это женской красотой.
Читать мне в книгах приходилось,
Что Бог, когда творил Он мир земной,
Внимательней всего над человеком
Свой зоркий взгляд остановил,
То малый мир: так в женщине он, значит,
Нам небо малое явил[95].
В ней больше красоты, чем в человеке,
Как в небесах, в сравнении с землей,
В особенности в той, что вижу.

Здесь Принц. Уйду скорей.

---

[95] Примечания: 95

...так в женщине, он, значит, // Нам небо малое явил. - Это сравнение, дословно повторяемое в других пьесах Кальдерона: "Великий театр мира", "В этой жизни все истина и все ложь". В пародийном плане основывается на словах Пифагора (ок. 580-500 до н. э.) о том, что "человек - это малый мир". Буквально у Кальдерона: "Если мужчина это малый мир, то женщина малое небо".

Постой.

Ты, женщина, так быстро убегая,

С восходом солнца хочешь слить закат,

Волшебный свет с холодной тенью?

Ты обморочный день? Вернись назад.

Но что я вижу?

В том, что предо мною,

Я сомневаюсь.

Эту красоту

Я видел раньше.

Эту пышность

Я созерцаю, как мечту:

Его я видела в темнице.

(Теперь нашел я жизнь свою.)

О, женщина, нежнейшую усладу

Я в слове женщина, как чистый нектар, пью.

О, кто ты, что, тебя не видев,

Перед тобой склоняюсь я

И чуоствую, что видел раньше,

Как красота сильна твоя?

О, кто ты, женщина прекрасная, скажи мне?

(Должна свою я тайну скрыть.)

Я фрейлина звезды двора, Эстрельи.

Не говори. Ты Солнце, может быть,

Чьим блеском та звезда сияет в небе,

Чьим обликом она озарена?

Я видел, в царстве ароматов,

Когда в садах блестит весна,

Царица-роза над цветами

Владычествует в силу красоты;

Я видел, в царстве драгоценных

Камней, роскошных, как мечты,

Царит алмаз, как самый сильный в блеске;

Меж звезд, изменчивых всегда,

Я видел, в этом царстве беспокойном,

Царит, светлее всех, вечерняя звезда;

Я видел, меж планет, блистающих на небе,

На пышном празднестве огня,

Над всеми властно блещет солнце,

Главнейший царь, оракул дня.

Так если меж цветов, камней, планет, созвездий

Предпочитают тех, чья больше красота,

Как меньшему цветку служить ты можешь, роза,

Блеск солнца, блеск звезды, алмаз, расцвет, мечта?

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, который остается за занавесом. — Сехисмундо, Росаура, Кларин, слуги.

Клотальдо (в сторону)

Росаура

Сехисмундо

Росаура

Сехисмундо

Росаура

Сехисмундо

Росаура

Сехисмундо

Клотальдо (в сторону)

Росаура

Сехисмундо

(Кларин и слуги уходят.)

Росаура

Сехисмундо

Клотальдо (в сторону)

(Выходит.)

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

(Хочет вынуть кинжал, Клотальдо удерживает его и становится на колени.)

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Росаура

Сехисмундо

(Борются.)

Росаура

(Уходит.)

(Входит Астольфо в ту минуту, как Клотальдо падает к его ногам; он становится между ним и Сехисмундо.)

Я укротить намерен Сехисмундо,
В конце концов я воспитал его.
Но что я вижу?

Я ценю вниманье,
Молчу в ответ: когда для своего
Смущения исхода не находишь,
Молчанье — красноречие.

Постой.
Побудь со мной еще мгновенье,
Как свет полудня золотой.
Как хочешь ты небрежно так оставить
В сомнениях волнение мое?

Как милости прошу, позволь уйти мне.

Как милости! Но ты берешь ее
Без спросу, если быстро так уходишь.

Раз ты не дашь, — что делать, — я возьму.

Я был учтив, я буду груб: упрямство —
Свирепый яд терпенью моему.

Но если этот яд, поддавшись гневу,
Терпенье победит, он все ж посметь
Не может посягнуть на уваженье.

Лишь для того, чтоб посмотреть,
Могу ли, — пред красою страх утрачу;
Я невозможность побеждать
Весьма наклонен: я с балкона
Швырнул посмевшего сказать,
Что этого не может статься;
Так значит это суждено:
Чтоб посмотреть, теперь могу ли,
Я честь твою швырну в окно.

Готовится беда. Что делать, небо?
Безумное желание опять
На честь мою готово покуситься,

Ему я должен помешать.

Недаром звезды нам сказали,
Что в этом царстве, как тиран,
Ты явишь гнев и злодеянья,
Измену, ужас и обман.
Но что же ждать от человека,
Кто лишь по имени таков среди людей,
Бесчеловечный, дикий, дерзкий,
Родившийся как зверь между зверей?

Чтоб избежать подобных оскорблений,
Я был с тобою столь учтив
И думал, что тебя я этим трону;
Но, если вежливость забыв,
С тобою так заговорю я,
Клянусь! недаром ты теперь
Сказала все. — Эй, прочь отсюда,
Уйдите все, закройте дверь!
Чтобы никто не смел являться.

О, что мне делать? Я мертва.
Прошу, заметь себе...

Я деспот.

Теперь напрасны все слова.

(Какое страшное смущенье!
Как быть! Пусть он меня убьет,
Но помешать ему хочу я.)

Сеньор, прошу, ты дашь отчет...

Во мне вторично гнев ты будишь.
Ты выжил из ума, старик?
Так мало ты меня боишься,
Сюда явившись в этот миг?

Явился я на этот голос,
Чтобы сказать, что если ты
Желаешь царствовать, ты должен
Смирить надменные мечты;
Хоть ты превыше всех поставлен,
Не будь желаньем ослеплен,
Не будь с другим жесток: быть может,
Ты только спишь и видишь сон.

Во мне ты зажигаешь ярость,
Твердя, что тени я ловлю.
Убью тебя, тогда увижу,

Я вправду сплю или не сплю.

Я так спасти себя надеюсь.

Прочь руки!

До тех пор пока
Не явятся, чтоб гнев сдержать твой,
Так быть должна моя рука.

О, Господи!

Пусти, несчастный.
Старик, безумный, дикий, враг!

А если выпустить не хочешь,
Тебя я задушу, вот так.

Сюда, сюда! Здесь убивают
Клотальдо.

СЦЕНА 9-я

Астольфо. — Сехисмундо, Клотальдо.

Астольфо

Сехисмундо

Астольфо

Сехисмундо

Астольфо

(Астольфо обнажает шпагу, и они дерутся.)

Клотальдо

Что произошло?
Принц, неужели ты способен
Ту сталь, что блещет так светло,
Запачкать старческою кровью?

Бесчестна кровь его.

Он пал
К моим ногам, прося защиты:
И рок меня сюда призвал,
Чтоб я его прикрыл собою.

И рок сюда призвал тебя,
Чтоб я, тебя убив, несносный,
Отмстил достойно за себя.

Я жизнь свою лишь защищаю;
Я сан не оскорбляю твой.

Не убивай его, владыка.

СЦЕНА 10-я

Басилио, Эстрелья и свита. Сехисмундо, Астольфо, Клотальдо.

Басилио

Эстрелья (в сторону)

Басилио

Астольфо

(Прячут шпаги в ножны.)

Сехисмундо

Басилио

Клотальдо

Сехисмундо

(К царю.)

(Уходит.)

Басилио

(Царь, Клотальдо и свита уходят.)

Как, шпаги здесь, передо мной?

Астольфо! Горькое несчастье!

Что ж здесь случилось?

Ничего,
Раз ты, сеньор, сюда пришел к нам.

Раз ты пришел, так оттого
Еще ничто не изменилось.
Меня старик вот этот рассердил,
И я его убить хотел.

К сединам
Ты уважения в себе не ощутил?

Они мои, сеньор: неважно это.

И ожидать еще ты мог,
Чтоб к сединам питал я уважение?
Напрасно.

И твои у этих ног
Когда-нибудь увидеть я надеюсь.
Я все еще не отомстил
За то, что так несправедливо
Тобой в тюрьме воспитан был.

Так прежде чем увидишь это,
Ты будешь сонный унесен

Туда, где скажешь ты, что все, что было,
Весь этот мир, лишь быстрый сон.

СЦЕНА 11-я

Эстрелья, Астольфо.

Астольфо

Эстрелья

Как редко, беды возвещая,
Судьба неверною бывает,
Она сомнительна во благе
И необманчива во зле.
Прекрасным был бы астрологом,
Кто постоянно возвещал бы
Одни несчастья; нет сомненья,
Они сбывались бы всегда.
И этот опыт подтвердиться
Во мне и в Сехисмундо может:
Он в нас обоих, о, Эстрелья,
Свою правдивость показал.
Он для него предрек злосчастья,

Убийства, беды, дерзновенья,
И мы в действительности видим,
Что в этом правду он сказал:
Что до меня, когда я вижу
Лучи пленительного блеска,
Перед которым солнце — призрак,
И небо — только бледный знак,
Я вижу, для меня предрек он
Триумфы, счастие, удачи,
И этим дурно возвестил он,
И хорошо он возвестил:
Вполне судьба себя являет,
Когда в обманности коварной
Она, дарами поманив нас,
Пренебреженьем наградит.

Не сомневаюсь, что правдивы
Такие нежные признанья,
Принадлежат они, однако,
Той неизвестной, чей портрет
Ты на себе носил, Астольфо,
Когда пришел меня увидеть,
По справедливости ты должен

Сказать ей все, что мне сказал.
Ищи у ней себе награды,
В любви награды быть не может
За службу верную во имя
Других красавиц и владык.

СЦЕНА 12-я

Росаура, за занавесом. — Эстрелья, Астольфо.

Росаура (в сторону)

Астольфо

(В сторону.)

(Уходит.)

(Росаура приближается.)

Росаура (в сторону)

Эстрелья

Росаура

Эстрелья

Росаура

Эстрелья

Росаура

Эстрелья

(Уходит.)

Мои жестокие несчастья
Дошли до крайнего предела.
Кто это видит, для того уж
Нет больше страха впереди.

Пускай портрет покинет сердце,
Пусть твой в нем будет дивный образ.
Где появилася Эстрелья,
Для призрака там места нет,
Нет места для звезды, где солнце;
Я принесу портрет немедля.

(Прости, Росаура, измену,
Но в женских и в мужских сердцах
Нет больше мысли о далеких.)

Я ничего не расслыхала,
Боялась, что меня увидят.

Астрея[96]*!*

Что ты повелишь?

Я рада твоему приходу,
Тебе одной могла бы только
Доверить тайну я.

Так много,
Сеньора, почестей для той.
Кому приказывать ты можешь.

Немного времени, Астрея,
Тебя я знаю, и однако
Ключи моей любви к тебе
В твоих руках; и зная также,
Кто ты, доверить я решаюсь
Тебе то самое, что часто
Скрывала даже от себя.

Твоя раба тебе внимает.

Чтоб в двух словах ты все узнала:

---

[96] Примечания: 96

Астрея (греч.) - богиня справедливости, дочь Юпитера и Фемиды. У Кальдерона - "дворцовое" имя Росауры. В этом псевдониме заключено соотнесение главной героини с идеей высшего блага и справедливости.

Мой брат двоюродный Астольфо
(Двоюродный, сказала, брат,
И этим в сущности сказала
Я все; есть вещи: их помыслишь,
И этим их уже расскажешь),
Со мной вступить намерен в брак,
Коли судьба захочет только
Таким единственным блаженством
Загладить столько темных бедствий.
Я огорчилась в первый день,
Увидев у него на шее
Портрет какой-то дамы; чувства
Свои ему я изъявила
С учтивостью, и он, как тот,
Кто вежлив и любить умеет,
Пошел за ним, и должен тотчас
Придти сюда, мне так неловко,
Что тот портрет мне нужно взять:
Побудь здесь до его прихода,
И пусть портрет тебе отдаст он.
Я больше не скажу ни слова:
Узнав любовь, ты знаешь все.

СЦЕНА 13-я

Росаура

О, если б я ее не знала!
Что делать? Небо! Кто сумел бы
В случайности такой жестокой
Мне надлежащий дать совет?
И есть ли кто еще на свете,
Кого разгневанное небо
Такими б смутами сражало,
Теснило бы такой бедой?
Что буду делать в затрудненьи
Таком, что, мнится, невозможно
Найти для горя облегченье
Иль утешенье обрести?
За самым первым злополучьем
Нет случая и нет событья,
Чтобы они не возвещали
О злополучиях других.
Они наследуют друг другу,
Из одного встает другое,

И, жизнь свою питая смертью,
Они, как Феникс, восстают[97],
И прах, оставшийся от мертвых,
Тепло поддерживает в гробе.
Несчастья — трусы, говорит нам
Один мудрец, они всегда
Идут не порознь, а толпою;
Я говорю, несчастья храбры,
Они идут, и наступают,
И никогда не кажут тыл:
Кто их с собою взял, тот может
На все решиться, потому что
Какой бы случай ни случился,
А уж они не отойдут.
Пример во мне: при всех событьях —
А у меня их было столько —
Они меня не покидают,
Не устают, покуда я,
Смертельно раненная роком,

---

[97] Примечания: 97

Они, как Феникс, восстают... - Феникс - легендарная птица, священная в Древнем Египте. Символ вечной жизни. Согласно легенде, птица Феникс сгорала и вновь рождалась из пепла.

Не падаю в объятья смерти.
О, горе мне! Что буду делать
При затруднении таком?
Когда скажу, кто — я, Клотальдо,
Который за меня вступился,
И защитить меня желает,
Пожалуй будет оскорблен;
Он мне сказал, чтобы в молчаньи
Я ожидала искупленья.
Когда Астольфо не скажу я,
Кто я, а он сюда придет.
Как от него могу укрыться?
Хотя б глаза мои и голос
И захотели притворяться,
Душа их обличит во лжи.
Что делать? Но к чему я буду
Раздумывать, что стану делать,
Когда при всех моих стараньях
Решенье твердое принять,
То сделаю я в миг последний,
Что скорбь моя велит мне сделать?
Никто в несчастии не может

Самим собой повелевать.
И так как разум мой смущенный
Принять решение не смеет,
Пусть скорбь моя скорей приходит
И до предела возрастет,
Пусть крайности достигнет горе,
Я сразу выйду из сомнений,
А до тех пор, я умоляю,
О, небо, не оставь меня!

СЦЕНА 14-я

Астольфо, с портретом. — Росаура.

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

(Старается отнять портрет.)

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

Астольфо

Росаура

(Оба держатся за портрет.)

Вот я принес портрет, сеньора.
Но Боже!

Чем смутился Герцог?
Чем изумлен он так внезапно?

Тем я, Росаура, смущен,
Что вижу здесь тебя и слышу.

Росаура? О, нет, властитель,

Меня ты принял за другую!
Астрея называюсь я,
И столь великого блаженства,
Как этот трепет и смущенье,
Я, скромная, не заслужила.

Довольно, прекрати обман,
Росаура, душа не может
Лгать никогда: и если будешь
Упорна ты, — Астрею видя,
Я в ней Росауру люблю.

Я Герцога не понимаю,
Не знаю, как ему ответить:
Одно скажу я, что Эстрелья
(Венеры яркая звезда)
Мне здесь дождаться повелела,
Чтоб ты мне, повелитель, отдал
Портрет, а я его Принцессе
С рук на руки передала.
И я должна повиноваться,
Хотя бы к своему ущербу.
Повиновенье неизбежно:

Звезда, Эстрелья, так велит.

Хотя бы больше ты старалась,
Росаура, ты не умеешь
Притворствовать. Скажи, чтоб взор твой
И голос в музыке своей
Согласовались: потому что
Противоречье непреклонно
И разногласье неизбежно,
Коль так расстроен инструмент,
Что воедино слить желает
Обманность слов и правду чувства.

Я говорю, что ожидаю
Лишь одного: дай мне портрет.

Когда, Росаура, ты хочешь
Упорствовать в своем обмане,
Тебе обманом я отвечу.
Итак, окончим разговор.
Астрея, ты Инфанте скажешь,
Что, уваженью повинуясь,
Считаю малой я заслугой

Послать желаемый портрет,
И потому в своем вниманьи
Ей подлинник препровождаю;
А ты его снесешь к Эстрелье:
Его с собою носишь ты.

Когда, решительный, надменный
И храбрый, кто-нибудь желает
Достойно выполнить задачу,
Что он себе поставил сам, —
Коли он примет что другое,
Хотя бы большее, — он будет
Смешон и жалок, возвращаясь
Не с тем, что нужно. Так и я.
Сюда пришла я за портретом,
И с подлинником возвратившись,
Хотя он стоит много больше,
Смешной и жалкой возвращусь.
Отдай же, Герцог, тот портрет мне,
Я не уйду, его не взявши.

Но как же взять его ты можешь,
Раз я тебе его не дам?

Вот так!

Отдай, неблагодарный.

Напрасно.

Видит Бог, не будет
Он у другой в руках.

Ты знаешь:
Ведь ты страшна.

Предатель ты.

Моя Росаура, довольно.

Твоя? Ты нагло лжешь.

СЦЕНА 15-я

Эстрелья. — Росаура, Астольфо.

Эстрелья

Астольфо (в сторону)

Росаура (в сторону)

(К Эстрелье.)

Астольфо (в сторону к Росауре)

Росаура

Эстрелья

(Берет у него из рук портрет.)

Астольфо

Эстрелья

Росаура

Эстрелья

Росаура

Эстрелья

Росаура (в сторону)

(Уходит.)

Астрея,
Астольфо... Что это такое?

Эстрелья!

(Научи, любовь,
Как получить портрет обратно?)

Когда, сеньора, ты желаешь,
Тебе скажу я.

Что ты хочешь?

Ты мне велела подождать
И от тебя сказать Астольфо,
Чтоб дал портрет мне. Я осталась,
И так как мысли переходят
Одна к другой весьма легко,
Я вспомнила о том портрете,
Что в рукаве своем носила.
И так как человек нередко
Выдумывает пустяки,
Когда один он остается,
Я на него взглянуть хотела,
Беру, и вдруг из рук он выпал,
Астольфо тут как раз идет,
Его он с полу поднимает,
Я говорю, а он не только
Не хочет свой отдать, но даже
Еще и этот взял себе;
Напрасно я его молила
И убеждала; рассердившись,
Я в нетерпении хотела
Его отнять. Взгляни сама,
Он мне принадлежит по праву.

Астольфо, дай портрет.

Сеньора...

Черты угаданы отлично.

Ведь, правда, это мой портрет?

Кто ж в этом может сомневаться?

Пусть и другой тебе отдаст он.

Бери и уходи.

Пусть будет,
Что будет: все равно теперь.

СЦЕНА 16-я

Эстрелья, Астольфо.

Эстрелья

Астольфо (в сторону)

Эстрелья

(Уходит.)

Астольфо

(Уходит.)

Дай мне портрет теперь, который
Я раньше у тебя просила;
Хоть никогда я в жизни больше
С тобой не буду говорить
И более с тобой не встречусь,
Я не хочу, чтоб оставался
В твоих руках он, — ну хотя бы
Лишь потому, что у тебя
Его так глупо я просила.

(Как из беды такой мне выйти?)
Хотя, прекрасная Эстрелья,
Я и хочу тебе служить,
Но тот портрет, который просишь,
Я дать тебе не в состоянье,
Затем что...

Груб ты и невежлив,
И больше он не нужен мне,
Я не хочу, чтоб ты напомнил,
Что я об нем тебя просила.

Остановись, постой, послушай,
Заметь! — Что делать мне теперь?

Росаура, зачем, откуда
И как в Полонию пришла ты,
Чтобы сама ты в ней погибла
И чтобы я погиб с тобой?

СЦЕНА 17-я

Тюрьма принца в башне. Сехисмундо, как в начале, покрытый звериной шкурой и в цепях, лежит на земле; Клотальдо, двое слуг и Кларин.

Клотальдо

Слуга

Кларин

Клотальдо

(К слугам.)

(Указывает на келью, находящуюся рядом.)

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

(Его уводят, и Клотальдо остается один.)

Пусть здесь лежит он, и надменность
Окончится, где началась.

Я цепи наложил, как прежде.

Да, Сехисмундо, в горький час
Проснешься ты, чтобы увидеть,
Что слава лживая твоя
Была лишь беглый пламень смерти,
Лишь привиденье бытия.

А кто так говорить умеет,
Его посадим мы туда,
Где может рассуждать он долго.

Эй вы, подите-ка сюда,
Заприте-ка его в ту келью.

Меня? Зачем и почему?

Затем, чтоб ты, узнавши тайны,
Не раззвонил их никому.

Скажи на милость. Неужели
На жизнь отца я посягнул?

Или карманного Икара
С балкона в воду сошвырнул[98]*?*
Я сплю, я грежу? Ну к чему же
Мне быть наедине с собой?

Не будь Кларином.

Я умолкну,
Дырявой буду я трубой.

СЦЕНА 18-я

Басилио, закутанный в плащ. — Клотальдо, Сехисмундо, спящий.

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

---

[98] Примечания: 98
Или карманного Икара //С балкона в воду сошвырнул? - Намек на греческий миф об Икаре, который упал в море, когда неосторожно поднялся слишком близко к солнцу и растопил воск, скреплявший его крылья.

Бастилио

Сехисмундо (во сне)

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

Сехисмундо (во сне)

(Просыпается.)

Басилио (к Клотальдо)

(Удаляется.)

Сехисмундо

Клотальдо (в сторону)

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

(Король уходит.)

Клотальдо (в сторону)

(Уходит.)

Клотальдо!

Государь! Возможно ль:
Властитель так пришел сюда?

Из любопытства мне хотелось
Узнать (о, горькая беда!),
Что с Сехисмундо происходит,
И я пришел.

Взгляни, вот он
В своем убожестве злосчастном.

В час роковой ты был рожден,
О, Принц, несчастием гонимый!
Скорее разбуди его:
От опия, что был им выпит,
Нет больше силы у него.

Он говорит во сне тревожном.

Что может грезиться ему? —
Послушаем.

Властитель кроток,
Раз, повинуясь своему
Негодованию, казнит он
Тиранов: пусть от рук моих
Умрет Клотальдо, пусть отец мой,
Мне в ноги пав, целует их.

Он смертию мне угрожает.

Мне предвещает гнев и срам.

Меня лишить он хочет жизни.

Меня к своим привлечь стопам.

Пускай теперь в театре мира
На пышной сцене предстает
Моя единственная храбрость:
Пусть месть моя свое возьмет,
И Принц великий, Сехисмундо,
Восторжествует над отцом.

Но горе мне? Где нахожусь я?

Тебе известно обо всем,

Что должен ты сказать и сделать.
Меня пусть не увидит он.
Его отсюда буду слушать.

Так это я? В тюрьме? Пленен?
Окован крепкими цепями?
Заброшен в мертвой тишине?
И башня гроб мой. О, Всевышний,
Что только не приснилось мне!

Теперь установлю различье
Меж тем, что правда, что игра.

Уже пора мне просыпаться?

О, да, уже давно пора.
Не спать же целый день! С тех пор как
Я устремлял свой взор во мглу
Вслед улетавшему по небу
И запоздавшему орлу,
Ни разу ты не просыпался?

О, нет, не размыкая глаз,
Я спал, и, если разумею,
Я сплю, Клотальдо, и сейчас:
Я думаю, что в заблужденье

Я, это говоря, не впал:
Когда лишь было сновиденьем,
Что я так верно осязал,
Недостоверно то, что вижу;
И чувствует душа моя,
Что спать могу я пробужденный,
Коли уснувшим видел я.

Что видел ты во сне, скажи мне?

Пусть это было лишь во сне,
Скажу не то, что мне приснилось,
А то, что было зримо мне.
Я пробудился и увидел,
Что мой пленительный альков
(Какая сладостная пытка!)
Был весь как будто из цветов;
Из упоительных узоров
Он точно соткан был весной.
Там благородные толпою
В прах склонялись предо мной,
Меня владыкой называли,
Мне драгоценности несли,

Меня в роскошные одежды
С почтительностью облекли,
Но чувства все еще дремали,
Лишь ты заставил вздрогнуть их,
Как счастие мне сообщивши,
Что, признанный в правах своих,
Я над Полонией был Принцем.

И щедро был я награжден?

Не очень щедро: лютым гневом
И дерзновеньем ослеплен,
Тебя изменником назвал я
И дважды умертвить хотел.

Со мною был ты столь суровым?

Я был Царем, я всем владел,
И всем я мстил неумолимо;
Лишь женщину одну любил...
И думаю, то было правдой:
Вот, все прошло, я все забыл,
И только это не проходит.

(Растроганный его словами,
Взволнованным Король ушел.)

С тобой мы, помнишь? говорили
О том, что царственный орел —
Владыка птиц; и вот, уснувши,
Ты царство увидал во сне.
Но и во сне ты должен был бы
С почтеньем отнестись ко мне:
Тебя я воспитал с любовью,
Учил тебя по мере сил,
И знай, добро живет вовеки,
Хоть ты его во сне свершил[99].

СЦЕНА 19-я

Сехисмундо

Он прав. Так сдержим же свирепость
И честолюбье укротим,
И обуздаем наше буйство, —
Ведь мы, быть может, только спим.
Да, только спим, пока мы в мире
Столь необычном, что для нас —

---

[99] Примечания: 99

...добро живет вовеки,// Хоть ты его во сне свершил. - Те же стихи есть в ауто Кальдерона "Великий театр мира".

Жить значит спать, быть в этой жизни —
Жить сновиденьем каждый час.
Мне самый опыт возвещает:
Мы здесь до пробужденья спим.
Спит царь, и видит сон о царстве,
И грезит вымыслом своим.
Повелевает, управляет,
Среди своей дремотной мглы,
Заимобразно получает,
Как ветер, лживые хвалы.
И смерть их все развеет пылью.
Кто ж хочет видеть этот сон,
Когда от грезы о величьи
Он будет смертью пробужден?
И спит богач, и в сне тревожном
Богатство грезится ему.
И спит бедняк, и шлет укоры,
Во сне, уделу своему.
И спит обласканный успехом.
И обделенный — видит сон.
И грезит тот, кто оскорбляет.

И грезит тот, кто оскорблен.
И каждый видит сон о жизни
И о своем текущем дне,
Хотя никто не понимает,
Что существует он во сне.
И снится мне, что здесь цепями
В темнице я обременен,
Как снилось, будто в лучшем месте
Я, вольный, видел лучший сон.
Что жизнь? Безумие, ошибка.
Что жизнь? Обманность пелены.
И лучший миг есть заблужденье,
Раз жизнь есть только сновиденье,
А сновиденья только сны.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Кларин

(Бьют барабаны и звучат рожки, слышны голоса за сценой.)

Попал я в колдовскую башню;

За то, что мне известно, схвачен;
Как покарают за незнанье,
Коли за знанье я убит?
Чтобы с подобным аппетитом
Я умер заживо голодным.
Сам о себе я сожалею,
Все скажут: "Как не пожалеть!"
И справедливо: как возможно
Согласовать с таким молчаньем
То, что зовуся я Кларином
И должен, как рожок, звучать?
Мне здесь товарищами служат,
Насколько наблюдать умею,
Одни лишь пауки да крысы:
Могу вам доложить, птенцы!
Такие сны я видел ночью,
Что в голове землетрясенье:
Рожки, и фокусы, и трубы,
Толпа, процессии, кресты,
Самобичующихся лики;
Одни восходят вверх, другие
Нисходят; падают, увидев,

Что на иных сочится кровь;
Я, если говорить по правде,
От одного без чувств упал бы,
От голода: я существую
В такой таинственной тюрьме,
Что днем философа читаю,
Который назван Безобедом,
А ночью говорю с подругой,
Что называется Неешь.
Коль назовут святым Молчанье,
В календаре его означив, —
Я Сан-Секрето выбираю[100]
В свои святые навсегда:
Я в честь его пощусь изрядно.
И поделом: я был слугою,
И был безмолвен, о, кощунство!

---

[100] Примечания: 100

Коль назовут святым Молчанье, // В календаре его означив, // Я Сан-Секрето выбираю...// В свои святые навсегда. - Имеется в виду "новый стиль" - календарь, который ввел папа Григорий XIII в 1582 г. Христианские календари, по предписанию Второго Никейского собора (787 г.), кроме отсчета времени, содержали указание на церковные праздники и их даты, которые стали неясны после введения нового календаря. Вероятно, это и послужило основой для иронической реплики Кларина: если Молчание возвели в ранг святого, то я его буду почитать как СанС-екрето.

СЦЕНА 2-я

Солдаты. — Кларин.

Первый солдат (за сценой)

Кларин

Первый солдат (за сценой)

(Выходят толпой солдаты.)

Второй солдат

Кларин

Все солдаты

Кларин (в сторону)

Первый солдат

Солдаты

Кларин (в сторону)

Солдаты

Кларин

Второй солдат

Кларин

Первый солдат

Кларин

Второй солдат

Все

Кларин (в сторону)

Вот в этой башне он сидит,
Ломайте дверь и все входите.

Никак они за мной явились.
Он здесь, сказали. Что им нужно?

Входите.

Здесь он.

Нет, не здесь.

Сеньор...

Они как будто пьяны.

Ты наш законный повелитель,
Тебя мы одного желаем,
Чужого Принца не хотим.
Облобызать твои дай ноги.

Да здравствует наш Принц великий.

Однако это не на шутку.
Такой обычай, может, здесь,
Что ежедневно выбирают
Кого-нибудь и, сделав Принцем,
Потом его ввергают в башню.
Я вижу это каждый день.
Так вступим в роль[101].

Твои дай ноги.

Дать ноги? Это невозможно.
Ответить должен я отказом,
Они нужны мне самому.
Безногим Принцем быть неладно.

Мы твоему отцу сказали,
Что из Московии нам Принца
Не надо: мы хотим тебя.

С моим отцом вы были дерзки?
Хорошие же вы ребята!

Нас побуждала только верность.

---

[101] Примечания: 101

Так вступим в роль. - Этот мотив "принца-самозванца" позднее используется Кальдероном в пьесе "Сам у себя под стражей", где Бенито случайно был принят за принца Федерико.

Раз это так, вы прощены.

Покинь тюрьму, вернись ко власти.
Да здравствует наш Принц великий!

Да процветает Сехисмундо!

Как? Сехисмундо? Вот так так.
Должно быть всем поддельным Принцам
Дается имя Сехисмундо.

СЦЕНА 3-я

Сехисмундо. — Кларин, солдаты.

Сехисмундо

Кларин (в сторону)

Первый солдат

Сехисмундо

Второй солдат (к Кларину)

Кларин

Первый солдат

Голоса за сценой

Сехисмундо

Второй солдат

Сехисмундо

Второй солдат

Сехисмундо

(В сторону.)

Все

Кто назвал Сехисмундо?

Горе!
Я Принц и вот уже не принц.

Кто Сехисмундо?

Я.

Так как же,
Неосмотрительный и дерзкий,
Себя ты назвал Сехисмундо?

Я Сехисмундо? Никогда.
Неосмотрительностью вашей
Я это имя получил здесь,
И ваша глупость, ваша дерзость
Осехисмундили меня.

Великий Принц наш, Сехисмундо,
(Тебя мы знаем по приметам,
Но и без них мы возглашаем
Тебя властителем своим),
Родитель твой, Король великий,
Басилио, боясь, чтоб небо
Не оправдало предсказанья
Звезды, вещавшей, что его
Ты, победив, повергнешь наземь,
Решил тебя лишить престола
И передать его Астольфо,
И с этой целью созвал двор.
А между тем народ, узнавши,
Что у него есть Царь законный,
Не хочет, чтоб над ним владыкой
Был чужеземец[102]*. Посему,*
Великодушно презирая
Звезды несчастной предсказанья,

---

[102] Примечания: 102

А между тем народ, узнавши, // Что у него есть Царь законный, // Не хочет, чтоб над ним владыкой // Был чужеземец. - Вполне вероятно, что этот мотив был навеян легендами об истории Дмитрия. Интересно, что в Испании многие верили в его подлинность. См. об этом в пьесе Лопе де Веги "Великий князь Московский" и в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 768.

Он отыскал тебя в темнице,
Чтоб с твердой помощью его
Ты вышел прочь из этой башни
И укрепил свою корону,
Ее отнявши у тирана
И свой престол себе вернув.
Так выходи: в пустыне этой
Ждет многочисленное войско.
Перед тобой свобода: слышишь,
Как все они зовут тебя?

Мы ждем владыку Сехисмундо!

Опять (о, небеса, ответьте!),
Опять хотите вы, чтоб снился
Мне о величьи пышный сон,
И чтоб оно опять распалось?
Хотите вы, чтоб мне вторично,
Среди теней и очертаний,
Великолепный вспыхнул блеск,
И чтоб опять погас под ветром?
Хотите вы, чтоб я вторично
Коснулся этого обмана,

В чете с которым власть людей
Живет внимательно покорной?
Так нет, не будет, нет, не будет,
Чтоб был я вновь судьбе подвластен,
И так как жизнь есть только сон,
Уйдите, тени, вы, что ныне
Для мертвых чувств моих прияли
Телесность с голосом, меж тем как
Безгласны, бестелесны вы.
Я не хочу величий лживых,
Воображаемых сияний,
Не принимаю заблуждений,
Что в самом легком ветерке
Вдруг рассыпаются, как пышность
Цветов миндальных, слишком рано
Расцветших в шелковом сияньи
И вдруг теряющих свой блеск.
О, я вас знаю, я вас знаю,
И от моей души не скрыто,
Что с вами то же происходит,
Что с каждым, кто окован сном.
Но надо мной не властны больше

Ни заблужденья, ни обманы,
Без заблуждений существует
Кто сознает, что жизнь есть сон.

Когда ты думаешь, что ложно
Мы говорим, взгляни на горы,
Смотри, какой толпой собрались
Тебе готовые служить.

Уже я раньше пред собою
Одно и то же видел ясно,
Вот как сейчас, но это было
Лишь сном.

Великий государь,
Всегда случалось, что в событьях
Многозначительных бывало
Предвозвещенье, — этой вестью
И был твой предыдущий сон.

Ты хорошо сказал. Да будет.
Пусть это было предвещанье,
И если жизнь так быстротечна,
Уснем, душа, уснем еще.
Но будем спать с большим вниманьем,

Но будем грезить — понимая,
Что мы от этого блаженства
Должны проснуться в лучший миг.
Когда мы твердо это знаем,
Для нас одним обманом меньше,
И мы смеемся над бедою,
Когда ее предупредим.
И раз доподлинно мы знаем,
Что власть всегда взаймы дается,
И что ее вернуть нам нужно,
Сомненья прочь, дерзнем на все.
Благодарю вас всех за верность,
Торжественно вам обещаю:
От подчиненья чужеземцу
Я смело вас освобожу.
Провозгласите наступленье,
Свою вам храбрость покажу я;
И, на отца подняв оружье,
Я оправдаю глас небес.
Его у ног своих увижу...

(Но если пробужусь я раньше?
О том, что будет не наверно,

Теперь не лучше ль умолчать?)

Да торжествует Сехисмундо!

СЦЕНА 4-я

Клотальдо. — Сехисмундо, Кларин, солдаты.

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

(В сторону.)

Кларин (в сторону)

(Уходит.)

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

Клотальдо

Сехисмундо

(В сторону.)

Клотальдо

(Уходит.)

Сехисмундо

(Уходят; слышен бой барабанов.)

Что здесь за шум? Что вижу, небо?

Клотальдо!

Государь...

(Свой гнев он
Теперь обрушит на меня.)

Он сошвырнет его с утеса,
Могу за это поручиться.

К твоим ногам припав смиренно,
Я жду, чтоб ты меня казнил.

Нет, встань, отец мой, встань скорее,
И будь звездой моей полярной,
Путеводителем, с которым
Соображу свои шаги.
Всем воспитанием, я знаю,
Я верности твоей обязан.
И потому приди в объятья.

Что говоришь?

Что я лишь сплю,
И что творить добро хочу я,
Узнавши, что добро вовеки
Свой след незримый оставляет,
Хоть ты его во сне свершил.

Итак, сеньор, коли теперь ты
Избрал добро своим девизом,
Тебя не оскорбит, что ныне
О том же думаю и я.
Вступить в войну с отцом ты хочешь,
И против своего владыки
Я не могу давать советов
И не могу с тобою быть.
К твоим ногам я повергаюсь,
Убей меня.

Изменник, низкий,
Неблагодарный...

(Но — о, небо —
Прилично мне себя сдержать:
Не знаю, наяву ли это.)

Клотальдо, видя, как ты честен,
Тебя я вдвое уважаю,
Иди же и служи Царю.
Увидимся на поле битвы.
А вы, солдаты, за оружье!

К твоим ногам тысячекратно
Я припадаю.

О судьба!
Так значит царство предо мною.
Не пробуждай меня, коль сплю я,
Не усыпляй, коль это правда.
Но правда это или сон,
Что важно — оставаться добрым:
Коль правда, для того, чтоб быть им,
Коль сон, чтобы, когда проснемся,
Мы пробудились меж друзей.

СЦЕНА 5-я

Зал в Царском Дворце.

Басилио и Астольфо.

Басилио

Астольфо

(Уходит.)

Басилио

Астольфо, кто коня сдержать сумеет,
Когда он вдруг закусит повода?
Кто может задержать реки теченье,
Коль в море мчится бурная вода?
Кто глыбу задержать сумеет в беге,
Когда она с горы сорвется вниз?
Так это все легко, в сравненьи с гневом,
Коль страсти у толпы в сердцах зажглись.
Пускай тебе об этом скажут крики,
Вещатели готовящихся бед:
В ущельях гор одни кричат "Астольфо"
И "Сехисмундо" вторят им в ответ.
Присяга изменяется в значеньи,
И царство будет сценой роковой,
Где темная судьба, изображая
Трагедию, нам возвещает бой.

Пусть, государь, веселие сегодня
Умолкнет; пусть обещанная мне
Притихнет радость; ежели сегодня
Полония (которую вполне
Смирить надеюсь) на меня восстала,
Так это для того, чтоб я сперва
Мог заслужить ее. Коня! Пусть явит
Тот молнию, кто гром вложил в слова.

Что неизбежно, то должно случиться,
Опасно то, что нам возвещено:
Раз быть должно, защита невозможна;
Восстань, и тем скорей придет оно.
Жестокий рок! Закон свирепый! Ужас!
Бежишь войны, чтобы вступить в войну;
Ища защиты, я нашел погибель,
Сам погубил родимую страну,

СЦЕНА 6-я

Эстрелья. — Басилио.

Эстрелья

Великий государь, коль ты не хочешь
Смирить мятеж присутствием своим,
Меж тем как он на площадях сбираясь,
По улицам расходится как дым,
Увидишь царство ты в багряной бездне,
В волнах кровавых, ибо все кругом —
Сплетенье роковое злополучии,
Где каждый для тебя встает врагом.
Твое величье так уже упало,
Так сильно гнев свирепствует в сердцах,
Что взор смущен, и солнце омрачилось,
И буря затаилась в облаках.
И каждый камень — памятник надгробный,
И все цветы — струят могильный свет,
И каждый дом — высокая гробница,
И каждый воин — как живой скелет.

СЦЕНА 7-я

Клотальдо. — Басилио, Эстрелья.

Клотальдо

Басилио

Клотальдо

Басилио

(Уходит.)

Эстрелья

(Уходит; слышен призыв к оружию.)

Благодаренье Богу, что живым я
Пришел к твоим ногам!

Клотальдо, ты?
Что нового принес о Сехисмундо?

Чудовищем, ниспавшим с высоты,
Народ проник в ту башню, где сидел он,
От тесных уз его освободил
И он, себя вторично видя Принцем,
Неустрашимость гордую явил,

Он говорит, что оправдает небо.

Дать мне коня! Я сына укрощу.

Пусть меч исправит, в чем ошиблось знанье,

Себе венец я царский возвращу.

Так рядом с Солнцем буду я Беллоной[103]*:*

Пусть наши имена горят светло;

С Палладой в состязание вступлю я[104]*,*

Мой дух расправит мощное крыло.

СЦЕНА 8-я

Росаура, удерживает Клотальдо.

Росаура

Клотальдо

---

[103] Примечания: 103

Так рядом с Солнцем буду я Беллоной... - Беллона в римской мифологии богиня войны, ее функции отождествлялись с Марсом.

[104] Примечания: 104

С Палладой в состязание вступлю я. - Греческая богиня мудрости Афина Паллада, в римской мифологии - Минерва, часто интерпретировалась как богиня военного ума, стратегии. Под Палладой в этом случае Эстрелья подразумевает свою соперницу Росауру.

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

Клотальдо

Росаура

(Уходит.)

Клотальдо

(Уходит.)

Хоть сердце у тебя и рвется,
Чтобы вступить скорее в бой,
Меня ты выслушай: как царство,
Я вся охвачена борьбой.
Ты знаешь, я несчастной, бедной
Сюда в Полонию пришла,
В тебе я обрела защиту
И покровителя нашла.
Ты мне велел, чтоб во дворце я
Переменила внешний лик,
И чтоб свою скрывала ревность,
Пока настанет лучший миг,
И чтоб с Астольфо не встречалась;
Но вот он встретился со мной,
И так он честь мою унизил,
Что хочет нынче, в час ночной,
В саду с Эстрельей увидаться:

От сада ключ я принесла,
В него легко войти ты можешь,
И в час, когда сгустится мгла,
Отмстить за все мои тревоги.
Тебе так нужно поступить,
Когда за поруганье чести
Решился ты его убить.

Росаура, тебя увидев,
Тебе помочь решился я,
Насколько только хватит жизни,
(Тому свидетель скорбь твоя.)
Велел я с самого начала,
Чтоб ты переменила вид,
Дабы, раз на тебя Астольфо
Случайно взор свой обратит,
Была ты в собственной одежде,
И он не мог бы дерзость счесть
За легкомыслие, которым
Повреждена была бы честь.
Соображая в то же время,
Как в этом мне с Астольфо быть,
Решил я быть неумолимым,

Хотя б пришлось его убить.
Какое дерзкое безумье!
Но так как не был он Царем,
Моим владыкою он не был,
Безумья я не в видел в том.
Хотел убить, а Сехисмундо,
Свирепым гневом ослеплен,
Хотел меня убить, и был я
От смерти им освобожден;
Себя опасности подвергнув,
Он на мою защиту встал
С такою храбростью, что я бы
В ней даже дерзость увидал.
Так как же я могу (подумай),
К нему признательность тая,
Дать смерть тому, кем сохранилась
От лютой смерти жизнь моя?
И меж двоими разделивши
Свои заботы и любовь,
Тебе дав жизнь и от Астольфо
Ее как бы имея вновь,
Не знаю я, к кому примкнуть мне,

На чей откликнуться призыв:
Тебе обязан — отдавая,
Ему обязан — получив.
В противоречии подобном
Исхода я не нахожу:
Заимодавец и должник я,
Повелеваю и служу.

Я не должна тебя, конечно,
В том несомненном убеждать,
Что получать — настолько ж низко,
Насколько благородно — дать.
Раз это верно, ты не должен
Его совсем благодарить,
И если жизнь твою сумел он
Тебе и вправлу подарить,
И если жизнь мне подарил ты,
Тебя принудил значит он,
Чтоб этим совершил ты низость, —
Мной к благородству принужден.
Ты значит предо мной обязан,
А он тебя лишь оскорбил,
Коль ты мне дал, как предположим,

Что от него ты получил.
И честь мою ты значит должен
Своим оружьем защитить:
Настолько же его я выше,
Как выше дать, чем получить.

Когда являет благородство
Тот, кто дает нам что-нибудь,
Явить обязан благодарность,
Кто мог свободнее вздохнуть.
И если дать я был способен,
Великодушье показав,
Пускай являюсь и благодарным,
Вдвойне украсивши свой нрав.
Пускай признательным я буду,
Как щедрым мог себя явить,
В том, что даешь, есть благородство,
Оно есть в том, как получить.

Ты дал мне жизнь и сам сказал мне,
Что жизнь, когда оскорблена,
И оскорбление не смыто,
Тогда совсем не жизнь она.

И это значит: от тебя я
Не получила ничего;
Та жизнь не жизнь, что я снискала
У благородства твоего.
И если хочешь быть ты щедрым
Пред тем, как благодарным быть,
Я уповаю, что захочешь
Ты жизнь, как жизнь, мне подарить.
И если ты, сперва давая,
Величья больше явишь в том,
Я жду, чтоб ты сперва был щедрым,
Чтоб быть признательным потом.

Я, доводом твоим сраженный,
Желаю раньше щедрым быть.
Тебе, Росаура, дам денег
И дам возможность поступить
В обитель; этим зла избегнув,
Ты укрепишь свой дух в добре:
От преступленья удалившись,
Ты отдохнешь в монастыре.
Коль в царстве столько бед великих
И тягостный такой раскол,

Я умножать их не желаю,
Я благородным в мир вошел.
Решившись на такое средство,
Родимой верен я стране,
С тобою щедр, а пред Астольфо
Чист и признателен вполне...
Так выбирай меж двух исходов,
Что надлежит, и знай притом:
Клянусь, я больше бы не сделал,
Когда б я был твоим отцом!

Когда моим отцом ты был бы,
Я б оскорбление снесла:
Раз нет, и нет во мне терпенья.

Так ты решенье приняла...

Я Герцога убью.

И дама,
Не ведая, чья дочь она,
Себя такою явит храброй?

Да.

Чем же ты возбуждена?

Моею честью.

Но Астольфо.
Пойми...

Все победит вражда.

Твой Царь, и он супруг Эстрельи.

Он им не будет никогда.

Но это же безумье.

Знаю.

Сдержи его.

Я не могу.

Так ты утратишь...

Мне известно.

И жизнь, и честь.

На смерть врагу.

Чего же ты желаешь?

Смерти.

Но это крайность.

Это честь.

Но это безрассудство.

Храбрость.

Безумье.

Это ярость, месть.

Так твой ответ — отдаться страсти?

В том мой единственный ответ.

Кто ж твой защитник?

Я защитник.

И больше нет исхода?

Нет.

Быть может есть еще надежда...

Погибнуть не таким путем.

Когда погибнуть, дочь, постой же,
Пускай погибнем мы вдвоем.

СЦЕНА 9-я

Поле битвы.

Сехисмундо, одетый в звериную шкуру; сол-

даты в боевом марше; Кларин.

(Бьют барабаны.)

Сехисмундо

(Звучит рожок.)

Кларин

Сехисмундо

Кларин

Сехисмундо (отходит в сторону)

Когда бы Рим тех дней первоначальных
Меня сегодня увидал,
Как он обрадоваться мог бы,
Что случай редкостный такой пред ним предстал,
И он для войск своих победоносных
Мог зверя получить вождем,
Который вплоть до звезд небесных
Пойдет нетронутым путем.
Но нет, мой дух, сдержи полет надменный,
Неверным торжеством не возгордись:
Что, если я проснусь и, тех высот до-

стигнув,

Сорвусь, теряя почву, вниз?

Пойми же эту неизбежность,

Душа надменная моя:

Чем меньше я приобретаю,

Тем меньше потеряю я.

Смотри, вон быстрый конь (прости, необходимо

Мне описать его, раз мой теперь черед).

В нем карта мира воплотилась.

Все расскажу наперечет:

В нем тело есть земля; душа, что в сердце скрыта,

Огонь; в нем пена уст — как бы волна морей;

Дыханье — воздух в нем: прекрасен этот хаос

Во всей различности своей.

Душой, дыханьем, телом, пеной,

Он чудище огня, земли, морей, ветров;

По цвету — в яблоках, с оттенком рыжеватым,

Чтоб шпорой попадать по пятнам вдоль боков.

Он не бежит, летит, так бег его проворен,

И женщина на нем спешит к тебе сюда.

Она меня слепит.

Росаура? Конечно!

Опять ее ко мне ведет ее звезда.

СЦЕНА 10-я

Росаура, в плаще, со шпагой и кинжалом.
— Сехисмундо, солдаты.

Росаура

(в сторону)

(К одному из солдат.)

Росаура

Сехисмундо

(Уходит, и солдаты с ним.)

Росаура

Великодушный Сехисмундо,
Чья героическая гордость
Горит, как яркий день деяний,
Покинув ночь своих теней:
Как наибольшая планета
В объятиях зари веселой
Свое сиянье возрождает
Для трав и для душистых роз,
И над горами, над морями,
Венчанное чело подъемля,
Роняет свет, лучи бросает,
Меняет блеском влагу волн,
Так воссияй и ты над миром,
Всепобедительное солнце
Полонии, что свет твой яркий
Несчастной женщине помог,
К твоим ногам теперь припавшей.
Из этих двух вещей довольно
Одной, чтоб тот, кто притязает
На доблесть, ей помог в беде.
Три раза пред тобой была я,
Три раза ты мне удивлялся,

Кто я, не зная, потому что
Три раза вид мой был иной.
Сперва, как юноша, явилась
Тебе я в тягостной темнице,
Где жизнь твоя была усладой
Для бедствий горестных моих.
Потом, объятый восхищеньем,
Ты мной, как женщиной, увлекся,
Когда твое величье было
Как привидение, как сон.
И в третий раз теперь, когда я,
Чудовище с двояким ликом,
Украшена одеждой женской,
Вооружением мужским.
И чтоб, проникшись состраданьем,
Ты лучшею мне был защитой,
Мои трагические судьбы
Тебе поведать надлежит.
Я родилась от благородной
В Московии и заключаю,
Что, если мать была несчастной,
Она красавицей была.

Она влеченье возбудила
В изменнике, не называю
Его по имени, затем что
Его сама не знаю я;
Но был он храбрым, потому что
В душе я храбрость ощущаю,
И, думая о нем, хотела б
Теперь язычницею быть,
Чтобы в безумии поверить,
Что в изменениях различных
Данае, Леде и Европе
Предстал он золотым дождем,
Быком и лебедем[105]*. Когда я,*
Указывая на измены,
Повествованье удлиняла,
Тебе сказала вкратце я,
Что мать моя, любви отдавшись
И увереньям поверив,

---

[105] Примечания: 105

Чтобы в безумии поверить, // Что в изменениях различных // Данае, Леде и Европе // Предстал он золотым дождем, // Быком и лебедем. - Имеется в виду Зевс и три связанных с ним мифа (о Данае, к которой он явился под видом золотого дождя, о Леде, принявшей Зевса как лебедя, о Европе, похищенной Зевсом, представшим ей в облике быка).

Была, как ни одна, прекрасна,
Несчастна же была, как все.
Так верила она признаньям
И обещанию жениться,
Что и доныне эту глупость
Она оплакивает все;
Ее тиран был столь Энеем
Своей, покинутой им, Трои,
Что ей оставил даже шпагу[106].
Пусть будет скрыто лезвие,
Его я обнажу, пред тем как
Повествование окончу.
И вот, когда, так неудачно,
Игрою роковых страстей,
Завязан узел был, который
Хотя и узел, но не держит,
В себе одновременно сливши
И преступление, и брак, —

---

[106] Примечания: 106

Ее тиран, был столь Энеем // Своей, покинутой им, Трои, // Что ей оставил даже шпагу. - Сравнение основывается на легенде (Вергилий, Энеида, кн. 2), по которой после того, как греки захватили Трою, Эней с уцелевшими троянцами покинул город, бросив там свои доспехи. Кальдерон строит образ на сближении с деталями этой легенды.

Я родилась настолько схожей,
Что я была ее портретом,
Не красоты ее чудесной,
Но злоключений и судьбы;
Тебе рассказывать не нужно,
Как я, наследница несчастий,
Собой явила повторенье
Того, что раньше было с ней.
Я лишь одно могу поведать,
Назвать того, кто честь похитил,
Меня любовью обесславил.
Астольфо... Горе, горе мне!
Едва его я называю,
Как сердце гневается, бьется,
В негодованьи указуя,
Что называю я врага.
Астольфо — тот неблагодарный,
Что, позабывши радость счастья,
(В любви прошедшей забывают
И память самую о ней),
Пришел в Полонию, влекомый
Своей победой знаменитой,

Вступить в супружество с Эстрельей,
Чей свет — вечерний факел мой.
Кто б мог поверить, что, меж тем как
Звезда влюбленных сочетает,
Звезда роскошная, Эстрелья,
Захочет их разъединить?
Осмеянной и оскорбленной
Я брошена была в печали,
И я была как бы безумной,
Была, как труп, была как я,
Что означает, что была я
Как смутный трепет преисподней;
В своем душевном Вавилоне
Я изъяснялась немотой[107]
(Есть огорчения, есть муки
Такие, что, немым оставшись,
Расскажешь лучше ощущенья,
Чем если говорить начнешь);
Я о своих страданьях молча

---

[107] Примечания: 107

В своем душевном Вавилоне // Я изъяснялась немотой. - Метафорическая игра библейским образом вавилонского столпотворения смятением (смешением языков) среди строителей башни и города Вавилона.

Повествовала, до того как
Наедине со мной (о небо!)
Раз Виоланта, мать моя,
Разрушила темницу сердца,
И все страданья в горькой смуте
Наружу вырвались поспешно,
Толпой покинув грудь мою.
Легко мне было рассказать их:
Когда, рассказывая, знаешь,
Что тот, кто слышит о паденьи,
В другом паденьи грешен был,
В нем соучастника находишь,
И этим он как бы оправдан,
Как бы утешен, — так что служит
Ко благу и дурной пример.
Ну, словом, с нежным состраданьем
Она моим скорбям внимала,
Своим несчастием желая
Мое несчастие смягчить:
С какою легкостью прощает
Судья, который был преступным!
В самой себе имея кару

И от других не получив
Возврата чести затемненной,
Она, на время не надеясь,
Не видела в моих несчастьях
Исхода из моей беды,
И лучшим средством ей казалось
Пойти за тем, кто был виновным,
Чтобы его, путем усилий,
Заставить заплатить за честь.
Дабы опасность умалилась,
Моей судьбе угодно было,
Чтоб я была в мужской одежде,
И, шпагу снявши со стены,
Мне взять ее она велела,
Она теперь вот здесь со мною,
И как я раньше обещала,
Я обнажаю лезвие,
Доверясь знакам этой шпаги.
Мне было сказано: "Отправься
В Полонию и постарайся,
Чтоб увидали эту сталь
Знатнейшие; весьма возможно,

Что кто-нибудь защитой станет
Твоих несчастий, в ком пробудит
Сочувствие твоя судьба".
Итак, в Полонию пришла я:
Не буду говорить о том, что
Мой конь, как знаешь ты, сорвавшись
И закусивши повода,
Меня примчал к твоей пещере,
Где изумленьем и смущеньем
Проникся ты, меня увидя.
Не буду говорить о том,
Как там Клотальдо, проникаясь
Ко мне сочувствием сердечным,
Просил у Короля пощады,
И даровал мне жизнь Король;
Как он, узнав, кто я, велел мне
Явиться в собственной одежде,
Дабы служила я Эстрелье,
И силой хитрости своей
Расстроила любовь Астольфо
И помешала завершенью
Его супружества с Эстрельей.

Не буду говорить о том,
Что в этот раз, меня вторично
В одежде женской увидавши,
Ты был исполнен удивленья,
Смешав два облика в один.
О том скажу я, что Клотальдо,
Считая важным, чтобы браком
Астольфо связан был с Эстрельей
И вместе царствовал бы с ней,
Советует, противно чести,
От притязаний мне отречься.
Но я, о, храбрый Сехисмундо,
Узнав, что волею небес
Разрушил ты свою темницу,
Где ты для горести был зверем
И для страдания скалою,
Что ты на край родной восстал
И на отца оружье поднял,
К тебе являюсь на защиту,
Придав к нарядности Дианы
Паллады боевой убор:
Одевшись в шелковые ткани,

Я сталь взяла, как украшенье,
Смелей же, храбрый предводитель,
Обоим важно нам теперь,
Чтоб этот брак не состоялся:
Мне потому, чтоб не женился
Тот, кто супруг мой нареченный,
Тебе же важно потому,
Чтобы они, соединившись,
Своей умноженною силой,
Своим влиянием возросшим
Не сделали для нас теперь
Сомнительной победу нашу.
Как женщина тебя прошу я,
Чтоб ты за честь мою вступился;
И, как мужчина, говорю:
Возьми скорей свою корону.
Как женщина хочу растрогать
Тебя, к ногам твоим повергшись;
И как мужчина прихожу
Служить тебе своею сталью.
Итак, заметь, что если ныне
Как женщину меня погубишь,

То как мужчина я за честь
Тебе отмщу своею смертью.
За честь свою вступая в битву,
Как женщина тебя молю я,
И как мужчина вышла в бой.
Сехисмундо

О, небо, если мне лишь снится,
Останови воспоминанье!
Нельзя поверить, чтобы столько
Событий сон в себя включил.
Пускай поможет мне Всевышний!
Кто выйдет из твоих сомнений
И кто о них не думать мог бы?
Кто знал подобную беду?
Когда величие мне снилось,
Как эта женщина мне может
О нем рассказывать подробно
И признаками подтверждать?
Так это был не сон, а правда;
А если правда (тут другое
И столь же странное смущенье),
Как назову я это сном?

Так жизнь и свет на сон похожи,
Что правда кажется обманом,
Обман является как правда,
И столь различья мало в них,
Что разрешить необходимо
Недоуменье: то, что видишь,
Что доставляет наслажденье,
Есть правда или это ложь?
Так сильно копия похожа
На подлинник, что вопрошаешь,
Она не подлинник ли точный?
И если это вправду так,
И если пышность и величье,
И власть среди теней исчезнут,
Воспользуемся тем мгновеньем,
Что предоставлено для нас:
Лишь в этот миг мы насладимся
Тем, что живет во сне как сладость.
Зачем бы стал я колебаться?
Росаура в моих руках.
Пред красотой ее чудесной
Моя душа полна восторгом;

Так насладимся ж этим мигом,
И пусть, к ногам моим упав,
Она доверие явила,
Любовь порвет законы чести;
Ведь это сон; так пусть же снится
Теперь мне счастье; час пробьет,
И мне приснится огорченье.
Но собственной своею мыслью
Я сам себя разубеждаю.
Раз это только беглый сон,
Раз это только лживый призрак,
Кто ж будет из-за лживой тени
Терять небесное блаженство?
Какое благо, что прошло,
Не сновидение пустое?
Кто не был счастлив беспредельно
И не сказал, воспоминая:
"Все это было только сном?"
Так если я прозрел настолько
И чувствую, что наслажденье
Есть яркий пламень, что от ветра
Сейчас же пеплом упадет,

Прибегнем к вечному душою,
Где нескончаемая слава,
Где счастье светлое не дремлет,
Великолепье не заснет.
Росаура лишилась чести,
И Принцу надлежит скорее
Вернуть, что отнято у слабых,
Чем что-нибудь отнять у них.
Клянусь! Я прежде завоюю
Ее утраченную славу,
Чем свой венец. Бежим скорее
От случая. Соблазн велик.

К оружию! Хочу сегодня
Дать битву, перед тем как сумрак
Лучи схоронит золотые
Среди зелено-черных волн.

Сеньор, так молча ты уходишь?
И во внимание к заботе,
К моим тяжелым огорченьям
Ни слова не промолвишь ты?
Возможно ли, скажи, владыка,

Что на меня ты и не взглянешь?
Ко мне лица не обратишь ты?

Росаура, так хочет честь:
Чтоб милосердным быть с тобою,
Теперь я должен быть жестоким.
Не даст тебе ответа голос,
Ответит честь моя тебе.
Не говорю я, потому что
Хочу, чтобы мои деянья
С тобою громко говорили,
И не гляжу я потому,
Что в затрудненьи столь великом
Необходимо, чтоб не видел
Чар красоты твоей — кто хочет
Увидеть честь твою теперь.

Какие странные загадки!
О, небо, после этих бед
Как понимать теперь должна я
Такой сомнительный ответ?

СЦЕНА 11-я

Кларин. — Росаура.

Кларин

Росаура

Кларин

Росаура

Кларин

(Звучат барабаны.)

Росаура

Кларин

Росаура

(Уходит.)

Сеньора, возвести скорее,
Ты без особо важных дел?

Кларин! Где был ты это время?

Я в башне колдовской сидел
И дожидался, что-то будет,
Придет ли смерть иль не придет;

По счастью козырь мне попался,
Не то такой бы вышел счет,
Что я совсем бы проигрался.

Но почему же?

Потому,
Что тайну твоего рожденья
Я знаю. Видишь, никому
Здесь не известно, что Клотальдо...

Что эти звуки говорят?

Что б это значило?

Выходит
Из царского дворца отряд,
Чтобы сразиться с Сехисмундо
И победить его в борьбе.

Так мною трусость овладела,
Я не спешу к моей судьбе?
Скорее в бой, на ужас миру,
Я буду в битве рядом с ним.
Уже сраженье закипело,
И жар бойцов неукротим.

СЦЕНА 12-я

Кларин. — Солдаты, за сценой.

Голоса одних

Голоса других

Кларин

(Прячется; бьют барабаны, и слышен шум оружия.)

Вперед! Да здравствует свобода!

Да здравствует Король! Вперед!

Король? Свобода? На здоровье!
Меня лишь не вводите в счет.
Какое дело мне, шумите,
А я укроюсь между скал
И разыграю роль Нерона,
Что ни о чем не помышлял.
Я, впрочем, помышлять желаю,
И помышляю о себе:
Из тайника могу я взвесить
Все pro и contra в их борьбе.

Здесь, как за крепостью в ущельи,
Удобно, я вам доложу.
Здесь и от смерти я укроюсь,
Две фиги смерти покажу.

СЦЕНА 13-я

Басилио, Клотальдо и Астольфо, убегают.

Кларин, спрятавшийся.

Басилио

Клотальдо

Астольфо

Басилио

(За сценой раздается выстрел, и Кларин, пораженный пулей, падает с того места, где он находился.)

Кларин

Астольфо

Кларин

(Падает на сцену.)

Басилио

Клотальдо

Астольфо

Басилио

(Призыв к оружию.)

О, был ли царь столь несчастливый,
Отец, в такой вступавший спор?

Твои отряды, в беспорядке,
Разбитые, стремятся с гор.

Увы, победа улыбнулась
Изменникам.

В борьбе такой
Законен тот, кто был сильнее,
Изменник — проигравший бой.
Бежим, Клотальдо, от жестоких,
Бесчеловечных мер того,
Кто сыном-деспотом явился.

О, Боже!

Кто убил его?
Солдат злосчастный, кто ты, павший,
С лицом в крови, у наших ног?

Смертельно раненый несчастный,
Что думал обмануть свой рок
И сам нашел его. От смерти
Хотел укрыться я сюда
И с нею встретился; от смерти
Нельзя укрыться никуда.
Из этого выходит ясно,
Что тот, кто от нее бежит,
Он тем скорей ее находит
И сам удел свой сторожит.
Скорей, скорее воротитесь
К кровавой битве: меж огней,
Среди бряцания оружья,
От смерти скроешься верней,
Чем между скал, в ущельи темном;
Нет достоверного пути,
Чтоб от судьбы своей сокрыться,
От неизбежного уйти;
И пусть от смерти вы бежите,
И пусть ее вам страшен вид,
Смотрите, вы сейчас умрете,
Коль умереть вам Бог велит.

Смотрите, вы сейчас умрете,
Коль умереть вам Бог велит.
О, небо, наше заблужденье,
Непониманье высшей цели,
Как хорошо изобличил нам
Окровавленный этот труп,
Нам возвестив устами раны,
Нам рассказав кровавой пеной,
Что бесполезную задачу
Предпринимает человек,
Когда он с высшею причиной,
Когда он с наивысшей силой
В борьбу вступает. Пожелавши
Свое отечество спасти,
Сам мятежам его я предал
И злодеяньям, от которых
Освободить его замыслил.

Хоть все дороги знает рок,
Хоть он, сеньор, того находит,
Кого в горах сокрытых ищет
Не христианское решенье, —
Сказать, что нет для нас пути,

Его безжалостность исправить.
Есть путь; и мудрый над судьбою
Способен одержать победу;
И если ты не охранен
От злополучья и от горя,
Старайся отыскать защиту.

Клотальдо, государь с тобою
Как умудренный говорит,
Достигший разума с летами,
А я как юноша бесстрашный.
В глухих горах, средь этой чащи,
Я вижу, бьет копытом конь,
Рождение ветров проворных;
Беги на нем, я в это время
Твое спасенье обеспечу,
Дорогу здесь постерегу.

Коль хочет Бог, чтобы я умер
Иль чтобы смерть меня застигла,
Здесь я найти ее желаю
И встречусь с ней лицом к лицу.

СЦЕНА 14-я

Сехисмундо, Эстрелья, Росаура, солдаты, свита. — Басилио, Астольфо, Клотальдо.

Солдат

Сехисмундо

Клотальдо

Басилио

Астольфо

Басилио

Клотальдо

Басилио

(К Сехисмундо.)

(Становится на колени.)

Сехисмундо

(К Королю.)

Басилио

Все

Сехисмундо

Астольфо

Клотальдо

Астольфо

Клотальдо

Астольфо

Сехисмундо

Эстрелья

Сехисмундо

Солдат

Сехисмундо

Басилио

Астольфо

Росаура

Сехисмундо

Король скрывается меж веток,
Вот здесь, в горах.

Скорее следом
За ним идите по ущельям
И осмотрите каждый ствол,

Под каждой веткой поглядите.

Беги, сеньор.

Зачем?

Что хочешь
Ты сделать?

Уходи, Астольфо.

Что ты задумал?

Я хочу
Последнее изведать средство.

Коль ты меня найти желаешь,
Я, Принц, у ног твоих.

Пусть будут
Мои седины твой ковер.
Топчи мне голову; ногою
Встань на венец мой; в прах повергни
Почтение ко мне и сан мой;
Из мести честь мою унизь,
Со мною обойдись как с пленным;
Пусть, после стольких предвещаний,
Исполнить сказанное — небо,

Свершить обещанное — рок.

О, двор Полонии преславный,
Ты, лицезревший столько разных,
Столь удивительных событий,
Внемли, что Принц твой возвестит!
То, что назначено от неба,
Что написал перстом Всевышний
На той лазоревой скрижали,
Где, волю в знаках затаив,
На стольких записях лазурных
Блистают буквы золотые,
То высшее нас не обманет
И никогда нам не солжет.
Но тот солжет, но тот обманет,
Кто, чтоб воспользоваться ими
Во зло, захочет в них проникнуть
И сокровенность их понять.
Отец мой, ныне предстоящий
Пред нами, захотев избегнуть
Моей свирепости врожденной,
Меня животным воспитал
И сделал человеком-зверем:

И если б я по благородству,
По кровному великодушью,
По рыцарству своей души
Родился кротким и смиренным,
Один лишь этот образ жизни,
Одно лишь это воспитанье
Способны были бы в мой нрав
Жестокие внедрить привычки:
Хороший способ устранить их!
Когда б кому-нибудь сказали:
"Какой-нибудь свирепый зверь
Тебя убьет", — он поступил бы
Разумно — пробуждая зверя,
Увидевши его уснувшим?
Когда б сказали: "Этот меч,
Который носишь ты с собою,
Тебя убьет", — разумно было б,
Его немедля обнаживши,
Приставить лезвие к груди?
Когда б сказали: "В бездне моря
В сребристо-влажном саркофаге
Ты обретешь свою могилу", —

Неосторожным был бы он,
Доверясь дерзостному морю,
Когда оно вздымает горы
Курчавых белоснежных хлопьев,
Зубчатых скал из хрусталя,
С ним то же самое случилось,
Как с тем безумцем, кто, узнавши,
Что в звере гибель, будит зверя;
Как с тем, кто, лезвия боясь,
Из ножен меч свой вынимает;
Как с тем, кто возмущает волны,
Охваченные силой бури;
И если бы (внимайте мне)
Был нрав мой задремавшим зверем,
Мой гнев — мечом, в ножнах сокрытым,
И дерзновенность — тихим ветром, —
Судьбу нам победить нельзя
Несправедливостью и местью,
Мы возбудим ее напротив;
Кто ж победить ее задумал,
Тот должен терпеливым быть

И осмотрительным; не прежде
Чем злополучие наступит,
Пускай себя предохраняет,
Кто хочет отвратить беду;
Он может (это очевидно)
От злополучия укрыться,
Но лишь тогда, когда наступит
Миг соответственный, а он
Предотвращенным быть не может.
Примером этого пусть служит
Такое редкое явленье,
Как это зрелище, как миг
Чрезмерных этих изумлений
И это чудо, этот ужас:
Что может быть невероятней,
Как после столь различных мер
У ног моих отца увидеть
И побежденного монарха?
То было приговором неба;
И как он ни хотел его
Предотвратить, он был не властен;
Так как же я, и меньше живший,

И меньше знающий, и духом
Не столь испытанный, как он,
Его предотвратить сумел бы?

Встань, государь, и дай мне руку;
Ты видишь, небо показало,
Что ты ошибся, захотев
Так победить его решенье;
И вот с повинной головою
Жду твоего я приговора
И падаю к твоим ногам.

Таким деяньям благородным,
Мой сын, ты мне даешь возможность
Тебя в себе родить вторично,
Ты Принц, и надлежат тебе
И пальма торжества и лавры:
Ты победил; твои деянья
Теперь тебя да увенчают.

Да здравствует великий Принц,
Да процветает Сехисмундо!

Сегодня, так как ожидают
Меня великие победы,

Да будет высшею из них
Победа над самим собою.
Пускай Росауре Астольфо
Даст руку: перед ней, он знает,
Обязан долгом чести он,
И я хочу его уплаты.

Хоть это истина, что с нею
Я обязательствами связан,
Она не знает, кто она;
И это низостию было б,
И это было бы бесславьем,
Вступить в супружество с такою..

Не продолжай, постой, заметь;
Росаура так благородна,
Как ты, Астольфо; утвержденье
Своею шпагой подтвержу я;
Она мне дочь, и в этом все.

Что говоришь ты?

Говорю я,
Что скрыть ее происхожденье
Хотел, покуда не увижу

Ее вступившей в честный брак
И окруженной уваженьем;
Но говорить об этом долго.
Она мне дочь, я повторяю.

Так слово я свое сдержу.

А чтоб Эстрелья не осталась
Без утешенья, потерявши
Такого доблестного Принца,
Своею собственной рукой
Ее я с мужем обвенчаю,
Который в славе и в заслугах
Ему равняется, коль только
Его еще не превзошел.
Дай руку мне.

Вдвойне я рада,
Такого счастия дождавшись.

Что до Клотальдо, он, служивший
Так верно моему отцу,
Пускай придет в мои объятья,
И все получит он, чего бы
Не пожелал.

Когда такие
Ты почести даешь тому,
Кто не служил тебе, что дашь ты
Мне, послужившему причиной
Переворота в государстве?
Что заслужил я у тебя,
Освободив тебя из башни?

Получишь башню; и затем, чтоб
Оттуда никогда не вышел,
Под стражею ты будешь там
До самой смерти; потому что
Изменник более не нужен,
Когда окончилась измена.

Твой разум изумляет всех.

Какая перемена в нраве!

Как он умен и осторожен!

Что вас дивит? что вас смущает?
Моим учителем был сон,
И я боюсь, в своей тревоге,
Что если, снова пробудившись,
Вторично я себя увижу

Меж тесных стен моей тюрьмы?
Пусть даже этого не будет,
Довольно, если это снится;
Да, я узнал, людское счастье
Проходит все, как быстрый сон[108]*:*
И в этот миг, что мне остался,
Хочу молить я о прощеньи
Моих ошибок, — потому что
Прощают чистые сердца.

---

[108] Примечания: 108

Да, я узнал, людское счастье // Проходит все, как быстрый сон. - Перифраз речения "Sic transit gloria mundi" ("так проходит слава мира") из популярного в Европе "De Imitatio Christi", 1441 (русское издание "О подражании Христу" в переводе М. М. Сперанского, 1819), приписываемого немецкому мистику Фоме Кемпийскому (1379-1471). С XVI в. фраза произносилась при возведении пап на престол.

Врач своей чести[109]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Дон Педро
Инфант Дон Энрике
Дон Гутиерре Альфонсо
Дон Ариас
Дон Диего
Кокин, лакей
Донья Менсия де Акунья
Донья Леонор
Инес, служанка
Теодора, служанка
Хасинта, клейменая рабыня

---

[109] Примечания: 109

Драма написана около 1633-1635 гг. Впервые поставлена 26 августа 1635 г. в Королевском дворце театром Хуана Мартинеса де лос Риос. Напечатана в 1637 г. во "Второй части комедий Кальдерона". Сюжет драмы восходит к легендам, окружавшим образ кастильского короля дона Педро Жестокого (1350-1369), убитого своим единокровным братом доном Энрике. Некоторые ученые предполагают знакомство Кальдерона с одноименной пьесой Лопе де Веги, изданной в 1633 г. в Барселоне. В драмах Лопе де Веги и Кальдерона действительно есть ряд совпадений (название, сюжет и т. д.).

Перевод Бальмонта был издан в 1912 г.

Подробную характеристику "драм чести" в сравнении с комедиями Кальдерона см. в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 804.

Имена дона Гутиэре и дона Диэго в соответствии с современной нормой пишутся не через "э", а через "е".

Людовико, кровопускатедь
Солдат
Старик
Просители
Свита
Музыканты
Слуги, служанки

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Внешний вид загородного дома Дона Гутиерре вблизи Севильи. Слышен шум охоты, и выходит, падая, Инфант Дон Энрике, несколько спустя Дон Ариас и Дон Диего, и последним Король Дон Педро.

Дон Энрике

(Падает без чувств.)

Дон Ариас

Король

Дон Ариас

Король

Дон Диего

Король

Дон Ариас

Дон Диего

Король

(Уходит.)

Христос, Христос тысячекратно!

Когда б тебя Он поддержал!

Что там такое?

Конь споткнулся,
И на землю Инфант упал.

Коли пред башнями Севильи
Он так склоняется, тогда
Уж лучше б из дворцов Кастильи
Не выходил он никогда.
Энрике, брат!

Сеньор! Напрасно.

Он не пришел в сознанье?

Нет.
В одно мгновенье потерял он

Сознанье, пульс и жизни цвет.
Какое горе!

Вот несчастье!

Войдите в тот ближайший дом,
Там отдохнет Инфант немного
И, может быть, очнется в нем.
Все оставайтесь с ним покуда,
А мне скорей подать коня;
Такой несчастный случай с Принцем
И мог бы удержать меня,
Но я спешу прибыть в Севилью
И там узнаю обо всем.

СЦЕНА 2-я

Дон Энрике, в обмороке, Дон Ариас, Дон Диего.

Дон Ариас

Дон Диего

Дон Ариас

Дон Диего

Дон Ариас

(Уносят Инфанта.)

Достаточно себя явил нам
Ты в бессердечии своем.
Кто мог бы так оставить брата,
Когда со смертью он в борьбе?
Клянусь!..

Дон Ариас, умолкни
И навсегда заметь себе,
Что, если стены могут слышать[110],
Деревья могут увидать,
И в этом случае с тобою
Хорошего нельзя нам ждать.

Ты вот что сделай, Дон Диего:
Отправься в тот ближайший дом
И расскажи там об Инфанте.
А впрочем... Оба мы пойдем
И отнесем туда Инфанта,
Он там спокойно отдохнет.

---

[110] Примечания: 110

...если могут слышать стены. - Кальдерон намекает на придворные нравы и на название известной комедии Хуана Руиса де Аларкона "И стены имеют уши" (1622).

Отлично.

Лишь бы жил Энрике,
Все остальное не в зачет.

СЦЕНА 3-я

Зала в загородном доме Дона Гутиерре.

Донья Менсия, Хасинта.

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Я с башни видела их ясно;
Лиц различить я не могла,
Но ясно видела, Хасинта,
Что там беда произошла.

А что?

Идут сюда толпою.

Как, все они идут сюда?

СЦЕНА 4-я

Дон Ариас и Дон Диего, они несут на руках Инфанта и усаживают его в кресло. — Донья Менсия, Хасинта.

Дон Диего

Донья Менсия (в сторону)

Дон Диего

Донья Менсия

Дон Ариас

Донья Менсия

Дон Ариас

Донья Менсия

Дон Ариас

Донья Менсия

Дон Ариас

Донья Менсия

Дон Ариас

Донья Менсия

(Хасинта уходит.)

Дон Ариас

(Оба уходят.)

Кровь короля настолько ценят
Во всех домах у благородных,
Что в этот дом без приглашенья
Теперь дерзаем мы войти.

О, Небо, Небо, что я вижу!

Инфант Кастильский Дон Энрике,
Брат Короля, почти что мертвый,
Без чувств упал к твоим ногам.

Какое горькое несчастье!

Какую комнату он может
Занять, пока он не очнется?
Но что я вижу пред собой!
Сеньора! Ты ли это вправду?

Дон Ариас!

Тебе внимаю,
Тебя я вижу и не верю,
Мне кажется, что это сон.

Ужели точно это правда,
Что Дон Энрике возвратился
В Севилью более влюбленный,
Чем раньше был, и он с тобой
Так несчастливо повстречался?

Когда б то было сновиденьем!

Что здесь ты делаешь?

Об этом
Поздней узнаешь, а теперь
Лишь об одном подумать нужно,
Чтобы владыка твой очнулся.

Кто мог бы ждать и кто сказал бы,
Что так увидит он тебя!

Прошу, Дон Ариас, ни слова,
Мне это важно.

Что такое?

О чести я своей забочусь.
Пока войдите вот сюда,
Постель для Принца здесь найдется,
Покрытая ковром турецким,

И хоть она скромна чрезмерно,
На ней он может отдохнуть.
Хасинта, принеси скорее
Белье, воды и благовоний,
Достойных цели столь высокой.

Пока готовится постель,
Инфанта мы теперь оставим,
И средств помочь ему поищем,
Коли в несчастьях есть средства.

СЦЕНА 5-я

Донья Менсия, Дон Энрике, без сознания в кресле.

Донья Менсия

Дон Энрике (приходя в себя)

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия (в сторону)

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрке

Донья Менсия

Дон Энрике (вставая)

Донья Менсия

Дон Энрике

Они ушли, и я одна.
Когда б мне можно было, Небо,
На честь мою не посягая,
Скорбеть и сетовать. Когда б
Могла я громко закричать,
Сломить молчанье и темницу
Из снега, где огонь плененный,

Уже в золу преобратившись,
Гласит: "Вот здесь была любовь".
Но что сказала я, о Небо?
Как это вымолвить могла я?
Я та, которой быть мне должно.
Пусть воздух вздох мой возвратит,
Хоть в нем исчезли восклицанья,
Им разглашать о том не должно,
Что я должна хранить в молчаньи;
Коли разумно говорить,
Нельзя и сетовать мне больше,
И радуюсь тому я только,
Что есть для сетований повод,
Чтобы желанья победить.
Без опыта нет совершенства,
Для золота плавильник нужен,
Необходим магнит для стали,
Для бриллианта бриллиант,
И для металлов яркий пламень;
Так точно честь моя, сияя,
Во мне самой найдет горнило,
Когда себя я покорю;

Иначе нет ей совершенства.
О, сжалься, Небо! Пусть безмолвно
Живу, как молча умираю.
Сеньор Энрике!

Кто зовет?

Привет...

О, Боже, что я вижу?

Да светит жизнь тебе, властитель.

Где я?

По меньшей мере в месте,
Где кто-то есть, кто сердцем рад,
Что ты теперь здоровым будешь.

Охотно верю, если только
Мое блаженство, изменивши,
Вдруг не развеется, как дым;
Себя невольно вопрошаю,
Что, сон я вижу, пробудившись,
Иль рассуждаю усыпленный?
Я сразу бодрствую и сплю.
Но для чего я размышляю

И для чего пытую правду?
Коль сплю, пускай не просыпаюсь,
Коль нет, пусть в жизни не засну.

Теперь, сеньор и повелитель,
Заботливо и осторожно
Подумай о своем здоровье
И без помех живи века,
Будь фениксом своей же славы,
Сравняйся с тем, кто в час единый,
Как птица, пламя, урна, голос,
Пожар, могила, и костер,
Рождается, живет, и длится,
И умирает, — в то же время
Отец и сын себя; а после
Узнаешь, где ты.

Не хочу,
Коли тебя живой я вижу,
Блаженства большего не жду я,
И большего не жду блаженства,
Коль вижу мертвый я тебя;
Там, где живет подобный ангел,

Конечно, рай. И потому я
Знать не желаю, что за случай
Меня теперь привел сюда,
И что за случай был, который
Привел тебя сюда; довольно
Мне знать, что здесь тебя я вижу,
Тебе не нужно говорить
И мне тебя не нужно слушать.

(Как быстро кончится услада!)
Как чувствуешь себя, властитель?

Так хорошо, как никогда;
Вот только здесь, в ноге, немного
Осталась боль.

Паденье было
Так неожиданно и сильно;
Но отдых все восстановит;
Тебе постель сейчас готовят,
Прошу простить, что помещенье
Так скромно; впрочем, извиняться...

Ты как сеньора говоришь,
Менсия. Ты хозяйка дома?

О, нет, сеньор, но я хозяйка
Того, кто здесь хозяин дома,
Как полагаю.

Кто же он?

Весьма известный кабальеро
Дон Гутиерре Солис, муж мой
И твой слуга.

Твой муж!

Да, муж мой.
Сеньор, тебе вставать нельзя!
Ты видишь, ты стоять не можешь.

О, нет, могу, могу отлично.

СЦЕНА 6-я

Дон Ариас, Дон Диего. — Те же.

Дон Ариас

Дон Диего

Дон Энрике

Дон Ариас

Дон Энрике

Дон Диего

Дон Ариас

Дон Энрике

(Дон Диего уходит.)

К твоим ногам, о, повелитель,
Я, с чувством радости припав,
Тысячекратно их целую;
К тебе здоровье возвратилось,
И этим жизнь нам возвратил ты.

В ту комнату, светлейший Принц,
Теперь ты можешь удалиться,
Там все устроено согласно
С причудами воображенья.

Дон Ариас, коня скорей,
Коня скорей мне, Дон Диего.
Спешим отсюда.

Что сказал ты?

Чтоб дали мне коня скорее.

Сеньор...

Подумай...

Думать! Что?
Охвачена пожаром Троя,
Эней своих же ощущений[111],
Я должен от огня спасаться.

СЦЕНА 7-я

Дон Энрике, Донья Менсия, Дон Ариас.

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

О, нет, не даром я упал,
Дон Ариас, то было знаком,
Что смерть идет ко мне. То было
Божественным определеньем,
Чтобы, охваченный тоской,
Я умер близ тебя, замужней,
И чтоб в одно и то же время

---

[111] Примечания: 111

Эней своих же ощущений. - Эней здесь - образ, навеянный троянским героем Энеем (сын Анхиса и Афродиты), который вынес на своих плечах престарелого отца из горящей Трои (см. "Энеида" Вергилия).

Твою отпраздновали свадьбу
И погребение мое[112].
Мой конь, когда твой дом увидел,
Проникся гордостью кипучей
И, весь надменностью охвачен,
Себя он птицею возмнил,
И, ржаньем воздух огласивши,
Он, победитель над ветрами,
На бой звал молнию и бурю.
Но горы ревности пред ним
Непобедимые восстали,
Чтоб он о камни их споткнулся;
В припадке ревности свирепой
И конь закусит удила,
И как бы ловок ни был всадник,
Стремен тогда он не удержит.
Что жизнь свою я не утратил,
То чудо красоты твоей,
Так я подумал; но неверно;

---

[112] Примечания: 112
И чтоб в одно и то же время // Твою отпраздновали свадьбу // И погребение мое. - Характерный для барокко образ, построенный на сближении жизни и смерти.

Теперь, мечту свою утратив,
Я вижу, это было мщенье.
То мстила смерть, она идет,
И смерть чудес не подтверждает.

Когда бы кто-нибудь услышал,
Как говоришь ты, повелитель,
Когда бы жалобы твои
Он услыхал и видел гнев твой,
О чести он моей тогда бы
Такое мнение составил,
Которое бы честь мою
Унизило несправедливо.
И если в воздухе остался
Какой-нибудь упрек и довод,
Не ускользнувши без следа,
Пусть на упреки я отвечу,
Пусть там, где жалобы остались,
Останется опроверженье.
Как, повелитель, помнишь ты,
В желаниях не бережливый,
И расточительный в мечтаньях,
И в склонностях сердечных щедрый,

Ты на меня склонил свой взор:
Я признаю, что это правда,
Но, повелитель, ты припомнишь
И то, что столько лет упорно
Горою льдяной пред тобой
Моя вставала честь, горою,
С почтительностью побежденной.
Цветами, что цвели по воле
Недель и месяцев и дней.
Коль вышла замуж я, как можешь
Ты упрекать меня в обмане,
Когда я страсть твою отвергла
И уклонилась от любви?
В чем упрекнешь меня, когда я
Низка, чтоб быть твоей супругой,
Настолько ж, как горда я слишком,
Чтоб быть возлюбленной твоей[113]*?*
Как женщина, я оправдалась,
В чем оправдаться было нужно,

---

[113] Примечания: 113

Низка, чтоб быть твоей супругой, // Настолько ж, как горда я слишком, // Чтоб быть возлюбленной твоей. - Эти строки были использованы Виктором Гюго в менее изысканной форме в драме "Эрнани" (1830). Донья Соль: "Trop pour concubine, et trop peu pour l'epouse" (II).

И вот у ног твоих смиренно
Теперь прошу тебя, сеньор,
Чтоб в этом доме погостил ты,
Опасности не подвергая
Свое здоровье.

О, насколько
Опасность больше будет здесь!

СЦЕНА 8-я

Дон Гутиерре. Кокин. — Те же.

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

К твоим ногам позволь, властитель,
Припасть, коль только можно мне
Коснуться молнии испанской
И в лучезарном быть огне.
Я сразу весел и печален,
Теперь припав к ногам твоим:
Я мотылек перед лампадой,
Орел пред солнцем, свет и дым.
Печален оттого, что ныне,
Упав с проворного коня,
Ты опечалил всю Кастилью,

А с нею вместе и меня.
И весел оттого, что, к жизни
Вернувшись, ты печаль мою
Преображаешь в наслажденье,
В благословенье бытию.
Кто знал веселие печальным
И кто печаль веселой знал?
Почти присутствием высоким
Мой скромный дом, хоть он и мал.
Но, осветив дворец роскошный,
Сияет солнце в светлый час
И над соломой хижин скромных,
Преображая их в топаз.
Свети же нам, о, свет испанский,
И будь усладою сердец:
Где солнце, там повсюду небо,
Где повелитель, там дворец.

Твою печаль и с нею радость,
Дон Гутиерре, я ценю,
Я их в душе запечатлею
И неизменно сохраню.

Ты, повелитель, награждаешь
Единым словом.

Но хотя
Твой дом блистательное небо,
Где лучший свет живет, блестя,
Мне невозможно оставаться,
Мое падение с коня
Мне будет, знаю, стоить жизни
И было роком для меня;
Не потому, что так упал я,
А потому, что довершить
Мою мечту не мог, упавши...
Итак, мне надобно спешить;
Пока не встретишь разъясненья
В том, что обманом предстает,
Несносно каждое мгновенье,
Минута каждая, как год.

Ужели так важна причина,
О, повелитель, что себя
Ты не щадишь и не жалеешь,
Здоровье ценное губя,

Необходимое для жизни,
Что будет светлою, — поверь?

Сегодня нужно быть в Севилье.

Хоть и назойлив я теперь,
Тебя так глупо вопрошая,
Но верноподданность моя...

А если я скажу причину?

Ее узнать не смею я;
Твое пытать как можно сердце?

Так слушай. Друга я любил,
Он был, как я другой.

Счастливец!

Пока в отсутствии я был,
Ему я в женщине доверил
И жизнь, и душу, все вполне.
Так что же, было б справедливо,
Чтоб изменил неверный мне?

Нет.

Он другому властелину
Ключи от этой воли дал,

В то сердце, что ему доверил,
Другого без меня призвал,
И ею тот повелевает.
Скажи мне: если кто влюблен,
С такой великою заботой
Спокойным может ли быть он?

О нет, сеньор!

Настолько Небом
Преследуем жестоко я,
Что, где бы ни был я, повсюду
Мне ревность чудится моя,
И так настойчиво забота
Встает повсюду на пути,
Что вот и здесь ее я вижу
И потому хочу уйти;
Хотя уйдет она со мною,
Мне мнится, будет здесь она.

Совет, согласно поговорке,
Как женщина, я дать должна.
И потому, сеньор (прощенья
За смелость я свою прошу),

Быть может, я тебя утешу
И трепет сердца утишу.
Мы ревность в стороне оставим,
И я тебе даю совет,
Чтоб подождал ты встречи с другом,
Быть может, он найдет ответ;
Вина бывает и такая,
Что гнев пред ней несправедлив.
Сдержи порыв, не увлекайся,
Заметь, хотя ты и ревнив,
Что воля — воля, и не властен
Над волею чужой никто.
Так, что касается до друга,
Тебе сказала я, а что
До этой дамы, так, быть может,
Не перемена здесь была,
А принуждение, с которым
Она бороться не могла:
Услышь ее, и в оправданье
Она найдет довольно слов.

Не может быть, нет, невозможно.

СЦЕНА 9-я

Дон Диего. — Те же.

Дон Диего

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Кокин

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Кокин

Дон Энрике

Кокин

Дон Энрике

Кокин

Дон Энрике

Кокин

Дон Гутиерре

Дон Энрике

(В сторону.)

(Уходят Инфант, Дон Ариас, Дон Диего и Кокин.)

Конь для тебя, сеньор, готов.

Коль это тот, сеньор, который
Причиною паденья был,
Прошу, на нем не езди больше,
И мне позволь, по мере сил,
Тебе служить моим подарком,
И, раз не хочешь отдохнуть,
На быстрой пегой кобылице
Окончи прерванный свой путь.
У ней на лбу звезда — то значит,
Что этот конь проворный — твой:
И зверь, как человек, родится
Под злой иль доброю звездой.
Прямое диво эта лошадь,
Вся — стройность, радостно взглянуть,
С недлинной головой и шеей,
Широкий круп, прямая грудь,
Неутомимо сильны ноги,

И вся, дитя стихий, сильна.
Душа — огонь, земное тело,
Морская пена, вихрь она.

Моя душа полна восторга,
И непонятно для меня,
Что лучше: конь изображенный
Иль эта живопись коня.

Здесь мой черед. Позволь, властитель,
Иль руку, или ногу мне,
Что, значит, под рукой, поближе,
И на ногах стоит вполне.

Уйди, глупец.

Пусть остается,
Мне шутки нравятся его.

Раз говорят о кобылице,
Как обойтись без моего
Участия? Я представитель
Сего коня и властелин.

Кто ты?

Ужели не заметно?

Я сын Кокина и Кокин,
Конюший верный в этом доме
И кобылицин поставщик:
Чуть корм давать ей, половину
Себе стащу я в тот же миг.
Почтительнейше поздравляю,
Сегодня день, властитель, твой.

Мой день?

Конечно.

Если б радость
Он мне принес, он был бы мой.
А если он принес страданье,
То как он может быть моим?

Ты в этот день упал, властитель,
И, значит, неразлучен с ним.
И потому отметить нужно
Теперь во всех календарях,
Что, мол, Инфант Сан Дон Энрике
Свой день обрел во многих днях.

Пора, сеньор, коня пришпорить,
Уж день, покинув дольний прах,

Как светлый гость морского бога,
В холодных прячется волнах.

Тебя, красавица Менсия,
Храни Господь на много лет.
Твои слова я уважаю
И я исполню твой совет,
Найду ту даму и услышу,
Как оправдается она.

Как больно скорбь скрывать в молчаньи,
Когда душа тоски полна!
Мы выиграли, проиграли,
Я у него, он у меня:
Он выиграл, играя, даму,
Я только выиграл коня.

СЦЕНА 10-я

Дон Гутиерре, Донья Менсия.

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

О красота моя и счастье,
Мы так сроднилися с тобой,
Что жизнь одна в двух наших душах,
Согретых волею одной.
И так как ты разумна, знаю,
И так как я тебя люблю,
Позволь теперь мне отлучиться,
Спешу с приветом к королю,
Сюда он прибыл из Кастильи,

Приехал повелитель к нам,
И я, как истый кабальеро,
Хочу припасть к его ногам
И отплатить за посещенье
Хочу Инфанту, так как он
Здесь был, и этим пребыванье
Наш скромный дом обогащен.

Какую ты таишь заботу,
Что огорчаешь так меня?

Заботу? Нет. Клянусь твоими
Глазами, полными огня.

О да, сомненья быть не может,
Что сердце думает твое
О Леонор.

Что говоришь ты?
Прошу, не называй ее.

Я знаю, таковы мужчины.
Вчера любовь, вчера привет,
Сегодня холод и забвенье,
И мысли о вчерашнем нет.

Вчера, когда не видел солнца,
Считал красивой я луну;
Сегодня солнце обожаю,
У дня лучистого в плену.
Послушай, что тебе скажу я.
Во тьме ночной сияет свет
И лаской нежной и красивой
В окрестный воздух льет привет.
Но вспыхнул яркий факел неба,
И этот свет ночной погас,
Он незаметен в море блеска,
Все взято солнцем в пышный час.
Так точно я любил когда-то
Одно из тающих светил,
Но яркий блеск планеты высшей
Тот бледный свет похоронил.
Я был во тьме согрет сияньем,
Но солнце светит горячей,
Ты все божественно затмила,
Ты как горнило всех лучей.
Лишь до того, как выйдет солнце,
Красивой кажется звезда.

Уж очень ты метафизичен
И льстишь мне.

Значит, можно, да?

Так хочется тебе уехать,
Что, право, даже я боюсь.

Как может в нас обман укрыться,
Когда с тобой я остаюсь,
И ты в мечтах со мной уходишь?

Коль будешь ты в мечтах со мной,
Дон Гутиерре, до свиданья.

До встречи, свет лучистый мой.

СЦЕНА 11-я

Хасинта, Донья Менсия.

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

(Уходят.)

Печально смотришь ты, сеньора.

И есть причина, почему.

Какое новое несчастье
Тебя смутило? Не пойму.
Скажи.

Да так.

Прошу, поведай,
Довериться ты можешь мне.

И жизнь, и честь на карту ставя,
Тебе довериться вполне?
Ну, что же, слушай.

Я — вниманье.

Севилья — родина моя.
Меня увидел там Энрике
И полюбил меня, но я

Пренебрежение являла,
Он имя повторял мое...
Звезда счастливая! Как скоро
Отец мой погасил ее!
Меня он отдал Гутиерре,
Порвал блистательную нить.
Энрике здесь, и я любила,
И честь свою должна хранить!

СЦЕНА 12-я

Зал в Севильском Алькасаре.

Донья Леонор и Инес, закутанные в мантии.

Инес

Донья Леонор

В часовню он идет, сюда выходит,
Когда пойдет, пади к его ногам.

О только бы обида отомстилась,
О только бы он внял моим мольбам!

СЦЕНА 13-я

Король, слуги, солдат, старик, просители.

— Те же.

Голоса (за сценой)

Проситель 1-й

Король

Проситель 2-й

Король

Проситель 2-й (в сторону)

Проситель 3-й

Король

Солдат (в сторону)

Король

Солдат

Король

Солдат

Король

Солдат

Старик

Король

Старик

Король

Донья Леонор

Король

Донья Леонор (вставая)

Король

(Все уходят, кроме дамы.)

Подайтесь! Государь!

Молю, властитель,
Прочти вот это.

Будет прочтено.

Взгляни, властитель...

Хорошо.

Немного
Он тратит слов.

Да будет мне дано
Мгновение внимания, властитель.

Тебя я, государь, о том прошу...

В прошеньи видно все.

Как я смутился!
Не в силах страх сдержать. Едва дышу.

Чем ты смущен?

Как чем? Тебя увидел[114]*!*

Отлично. Что ты хочешь?

Я солдат.
Дай повышенье.

Малого ты просишь.
Даю тебе я роту.

О, сто крат
Благословен я!

Я старик убогий,
Прошу даянья.

Вот тебе алмаз.

Ты для меня с себя его снимаешь?

---

[114] Примечания: 114

Король: Чем ты смущен? // Солдат: Как чем? Тебя увидел! - Здесь Кальдерон использует легенду, по которой один взгляд короля Педро Жестокого нагонял страх на собеседника.

Дивишься? Если б мог я, так сейчас
Весь мир в один алмаз я превратил бы.

Сеньор, к твоим склоняюсь я стопам,
В смущении, за честь просить пришла я,
Прошу, внемли моим мольбам.
О правосудии, в слезах, к тебе взываю,
Лишь Бог и ты мне внемлют в этот час.

Сеньора, встань и успокойся.

Я...

Подожди. Пусть все оставят нас.

СЦЕНА 14-я

Король, Донья Леонор.

Король

Донья Леонор

(Прячется.)

Теперь я слушаю. Коль ты, как ты сказала,

За честь свою просить пришла,
То было б вещью недостойной,
Чтоб перед всеми честь просить должна бы
Заметь, что я король Кастильи.
Но Гутиерре там подходит.
Коль он тебя со мной увидит,
Поймет, что мне сказала ты.
За этим занавесом скройся
И жди, пока возможно будет
Тебе оттуда появиться.

Я повинуюсь, государь.

СЦЕНА 15-я

Кокин, Король.

Кокин (про себя)

Донья Леонор

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

(Закрывается.)

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Черт побери, из залы в залу,

И чтобы той, что так лицом красива,

За правосудие пришлось платить стыдом.

О, Педро, ты, что назван Правосудным,

Планета высшая Кастильи, ярким днем

Над нашим полушарием горящий,

Юпитер всей Испании, чей меч

Умеет в должный миг, сверкая и блистая,

Неверным маврам голову отсечь,

И озарить сияньем воздух,

И ослепить виновный взор,

Кровавым кругом возникая:

Перед тобою Леонор,

Что в Андалузии (то лесть) зовут прекрасной:

Не то, что красота моя

Велела так, но в том звезды веленье;

Сказавши, что красива я,

Сказали тем, что я несчастна,

Под тенью красоты всегда

Не много счастия, властитель.
Меня, — и в том моя беда, —
Один отметил кабальеро,
Со мной свои связал он сны.
О лучше б он мне был любовным василиском,
Ревнивым аспидом живой моей весны!
На мне остановил он взоры,
За взорами желание пошло,
А за желанием любовь явилась следом,
Так быстро все произошло,
И стал он в улице моей бывать так часто,
Что видел в ней, как умирает ночь,
И видел в ней, как день веселый,
Теряя блеск, уходит прочь.
О, государь великий, как сказать мне,
Увы, слабеет голос мой,
Он ранен, — как сказать сумею,
Что в сердце вид любви такой
Зажег внимание? Хоть явно я казалась
Холодною, но тронута была;

А за вниманием признательность явилась,

А вслед за нею страсть пришла.

Кто школу высшую влюбленности проходит,

Тот узнает любовь по разным степеням[115].

От искорки пожар великий возникает,

От ветра малого приходим мы к громам,

Из тучки, что была чуть зримою вначале,

Потоп рождается, дожди для многих стран,

Из света малого великое сиянье,

И из любви слепой мучительный обман;

Так искра, малый ветер, тучка,

Любви давая облик свой,

---

[115] Примечания: 115

Кто школу высшую влюбленности проходит, // Тот узнает любовь по разным степеням. - Современникам был ясен намек на ренессансные "Академии любви", где понятие любви делилось по многостепенной шкале (но надо отметить, что в оригинале Кальдерон ренессансные академии называет университетами).

Пред взором быстро возникают

Пожаром, вихрем и грозой.

Он слово дал мне быть моим супругом;

Приманка в том для женщин, чем рыбак

Умеет честь опутать хитрой сетью

И чувства погрузить в дремотный мрак.

Здесь голос мой дрожит, сказать я не решаюсь,

Что, слово давши, он солгал.

Но удивительно ли это?

Кто, слово дав, его сдержал?

Войти в мой дом он получил возможность;

Но, честь ценя, хранила я ее,

В любви была щедра, но в чести бережлива,

И в том нашла прибежище свое.

Но слухи так растут и так молва обширна,

Что, правда, лучше было мне

Не сохранять ее с таким позором яв-

ным,

А потерять тайком и в тишине[116]*.*

Я правосудия искала; но бедна я;

Напрасны жалобы; его друзей не счесть;

И так как он женат, и так как невозможно

Поэтому вернуть мне честь,

Прошу тебя, о, Педро знаменитый,

Коль сжалиться ты можешь надо мной,

Коль правосудье мне дарует

Великодушный голос твой,

Прошу, пусть он мне даст возможность

В обитель поступить, — он может, он богат;

Дон Гутиерре Солис — мой обидчик.

За честь мою вступись, молю тебя сто крат.

---

[116] Примечания: 116

Что, правда, было б лучше мне // Не сохранять ее с таким позором явным //, а потерять тайком и в тишине. - Почти точно передается народная пословица: "Mas vale ser cornudo que no sepa ninguno, que sin serlo pensarlo todo el mundo".

Сеньора, я тебе внимаю
С тем большим чувством и заботой,
Что я Атлант, и тяготеет
Закон всей тяжестью на мне.
Раз Гутиерре связан браком,
Как говоришь ты, он не может
Честь возвратить тебе всецело;
Но правосудие мое
Все сделает, что только можно,
Раз честь тебе не возвращают,
С которой все ж ты не рассталась.
Я должен выслушать и то,
Что скажет сторона другая;
Вторичный слух иметь нам нужно
Затем, чтоб, кто пришел позднее,
Себе внимание нашел;
И верь мне, Леонор, сумею
Так рассмотреть твое я дело,
Что ты не скажешь — он повсюду
Друзей имеет, я бедна.

Как тень, идя за господином,
Который где-то там остался,

Зашел я, а куда, Бог весть.
Да снизойдет ко мне Всевышний!
Король глядит, меня заметил,
И вид суровый принимает.
Да пожелают Небеса,
Чтоб не был тот балкон высоким,
Коли придет ему желанье
Меня швырнуть через перила.

Кто ты?

Кто я, сеньор?

Да, ты.

Я (да поможет мне Всевышний!)
Все, что пожелаешь ты, властитель,
Без убыли и без прибавки;
Вчера мне дал один мудрец
Совет, весьма благоразумный,
Чтоб никогда никем я не был,
Ничем, чего ты не желаешь;
Итак, урок пошел мне впрок,
Что раньше, и теперь, и после
Я был лишь тем, чего ты хочешь,

Я то, чего желать ты можешь,
И буду тем, что повелишь.
Так вот каков я в самом деле!
Теперь же, если ты позволишь,
Стопы свои туда направлю,
Откуда мерно я ступал.

Хотя ты мне ответил ровно
Настолько, сколько сам я знаю,
Тебя я спрашиваю, кто ты.

Я мог бы дать тебе ответ,
Вполне к вопросу подходящий,
Когда бы только не боялся,
Что ты, как я тебе отвечу,
Меня швырнешь через балкон,
Затем, что в твой дворец вошел я
Без оснований и причины,
Такое ремесло имея,
В котором нет тебе нужды.

Каким же ремеслом ты занят?

Я скороход и переносчик
Всех новостей, разузнаватель

Всех интересов; от меня
Ни послушник, ни постриженный
Никак укрыться не сумеют:
Кто больше мне дает, о том я
И больше говорю всегда.
Я в каждый дом, как в свой, вступаю,
А в доме Дона Гутиерре
Как в дополнительных палатах
Себя я чувствую теперь;
Из Кордовы там андалусский
Был конь доверен мне прекрасный.
С утехой я за панибрата,
А что до скуки и забот,
Они мне вовсе неизвестны,
Мне им служить не приходилось.
Ну, словом, здесь, где нахожусь я,
Дворецкий смеха я теперь,
И камер-юнкер удовольствий,
И управитель развлечений,
И, как приставник наслажденья,
В его ливрею я одет.
А потому я и боялся,

Что буду узнан я тобою:
Король, который не смеется,
Боюсь, мне в спину может дать
Пинков изряднейших с полсотни,
За то, что шляюсь я без дела.

Так на своем ты попеченьи
Имеешь смех?

Да, государь;
И чтоб ты в этом убедился,
Гляди, и ты увидишь тотчас,
Вот так тебе изображаю
Я gracioso во дворце.

Отлично; мне теперь известно,
Кто ты; итак, с тобой мы можем
Условье заключить.

Какое?

Других смеяться заставлять,
Ты этим, как сказал мне, занят?

Так точно.

Каждый раз, как только

Меня заставишь рассмеяться,
Я сто эскудов дам тебе;
Но ежели ты не сумеешь
В теченье месяца ни разу
Меня заставить рассмеяться,
Все зубы вырвут у тебя.

Меня ты этим побуждаешь
Быть лжесвидетелем, и будет
Не по закону то условье,
С ущербом страшным.

Почему?

Как почему? Да потому что
С ущербом явным я останусь.
Как говорим мы, — кто смеется,
Тот этим зубы кажет нам;
Коль покажу я их рыдая,
То будет значить, что смеюсь я
Наоборот. Молва вещает,
Настолько ты суров и строг,
Что всем показываешь зубы;
Что ж сделал я тебе, что только

Меня ты их лишить желаешь?
Но будь, что будет: по рукам.
Чтоб только ты сейчас позволил
Мне удалиться, принимаю;
Как проходя меж экипажей,
Я целый месяц буду цел;
Когда же он окончен будет,
Что в том, что старость, торжествуя,
Во рту моем найдет квартиру!
Давай, попробую теперь,
Умею ль щекотать я словом.
Чтоб черт меня побрал! Смеяться
Ты будешь. Это мы увидим.
До скорой встречи, и прощай.

СЦЕНА 16-я

Дон Энрике, Дон Гутиерре, Дон Диего, Дон Ариас, слуги, Король.

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король (в сторону)

Дон Гутиерре

Дон Ариас (в сторону)

Дон Гутиерре

Дай руку мне свою, властитель.

Добро пожаловать, Энрике.
Как чувствуешь себя?

Отлично.
Испуг сильней был, чем удар.

Дай руку также мне, властитель,
Коли, смиренный, заслужил я
Такого счастья и почета;
Там, где ты ступишь, небосвод,
Который пурпуром сияет.
Да ниспошлет тебе Всевышний
Здоровье, нужное для царства,
Чтобы Испания тебя

Венчанным лаврами узрела.

Дон Гутиерре, на тебя мне...

Свое лицо ты отвращаешь?

Приносят жалобы.

Они
Наверное несправедливы.

Скажи мне, кто это такое,
Из рода знатного в Севилье.
Чье имя Донья Леонор?

То благородная сеньора,
Красивая, одна из лучших,
Что украшенье составляют
Для всей страны.

Какое к ней
Ты обязательство имеешь,
Что неучтиво, неразумно,
Неблагодарно не исполнил?

Тебе ни в чем я не солгу;
Затем, что, государь, кто честен,
Тот никогда не лжет, тем меньше

Пред королем своим. Да, правда,
Я ей служил, и в эти дни
Моим намерением было
На ней жениться, и женился б,
Когда бы все не изменилось
По воле времени. К ней в дом
Я приходил вполне открыто;
Хоть обязательством жениться
Соединен я с нею не был.
Итак, я измениться мог,
И, чувствуя себя свободным,
В Севилье в брак вступил я с дамой
Из рода знатного, чье имя
Менсия де Акунья; с ней
Живу я в загородном доме.
Дурным советам повинуясь
(Кто с добрым именем расстаться
Советует, в том блага нет),
Решилась Леонор на тяжбу,
Мой брак обжаловать решилась.
Судья, хотя и самый строгий,
Все доводы ее отверг,

Она же в этом увидала
Лицеприятие. Ты можешь
Сам рассудить: коль будет нужно
Лицеприятие для той,
Что так красива, не нашла ли б
Она себе лицеприятье!
И вот, тебе о том сказавши,
Таким обманом Леонор
В тебе найти защиту хочет;
К твоим ногам и я повергнусь,
И, верноподданный, покорный,
Я правосудью твоему
Даю и голову, и шпагу.

Какую ты имел причину
Для перемены, столь великой?

Ужели это ново так,
Что человек меняться может?
Мы это видим ежедневно.

Да, но из крайности чтоб в крайность
Тот перешел, кто так любил,
Иметь он должен важный довод.

Прошу, позволь мне быть безмолвным;
Мужчина я, и я за женщин,
Когда отсутствуют они,
Скорее жизнь отдам, чем буду
Порочить их своею речью.

Так, значит, ты имел причину?

Да, повелитель; но поверь,
Что, если б я для оправданья
Ее сказать теперь был должен,
И если б шел вопрос о жизни, —
Как прежде, честь ее любя,
Я той причины не сказал бы.

Так вот я знать ее желаю.

Сеньор...

Пусть это любопытство.

Заметь...

Прошу не возражать;
Клянусь, коль гнев мной овладеет...

Сеньор, сеньор, не нужно клясться;
Не столько важно, если здесь я

Не буду тем, кем должен быть,
Чем увидать, что ты разгневан.

Его принудил я, чтоб громко
Он рассказал мне все, как было:
Коль он солжет мне, Леонор
Ответ мне должный дать сумеет,
А раз он правду скажет, будет
Известно ей, что я все знаю,
И ей придется замолчать.
Так говори же.

Против воли
Твое желанье исполняю.
Войдя к ней в дом однажды ночью,
Я в комнате услышал шум,
Вошел в нее и в то же время
Фигуру увидал мужчины,
Но только что его увидел,
Он бросился через балкон;
За ним спустился я немедля,
Но не узнал его, он скрылся.

Что слышу? Да поможет Небо!

И хоть она ответ дала,
Который я принять был должен,
И хоть ни разу в оскорбленье
Вполне уверовать не мог я,
Тот случай удержал меня
И не дал мне на ней жениться;
Любовь и честь — две страсти духа,
Любовь обидишь, честь обидишь,
Обида страсти — боль души.

СЦЕНА 17-я

Донья Леонор. — Те же.

Донья Леонор

Король (в сторону)

Донья Леонор

Дон Ариас

Дон Гутиерре

(Хватаются за шпаги.)

Король

(Уходит.)

Дон Ариас

Дон Гутиерре (в сторону)

(Их уводят.)

Дон Энрике (в сторону)

(Уходят.)

Донья Леонор

Прости, великий повелитель,
Но удержаться не могла я.
Увидевши, что столько бедствий
Ко мне явилися толпой.

Свидетель Небо, он солгал мне,
Отлично, опыт мой удался!

Раз притязания я слышу,
Что честь мою хотят отнять,
Несправедливо это было б,
Чтоб я замедлила ответом;
Не так мне важно жизнь утратить,
Коли должна я заплатить
За это дерзновенье жизнью,
Как вместе жизнь и честь утратить.

Дон Ариас в мой дом явился...

Сеньора, подожди, постой!
Позволь мне говорить, властитель,
Мне надлежит за честь вступиться
С тобою говорящей дамы.
В ту ночь была у Леонор
Та, с кем я в брак вступил бы, если
Желанье парки беспощадной
Не пресекло ей жизнь. За нею,
Любовник верный, я пришел
И к Леонор вошел! (то дерзость
Влюбленного), причем не в силах
Была меня сдержать хозяйка;
Дон Гутиерре мне во след;
В испуге Леонор велела
В ту комнату мне удалиться,
Что я исполнил. О, да будет
Тысячекратно проклят тот,
Кто мненью женщины послушен!
Меня он в комнате услышал,
Вошел, я чрез балкон сокрылся,
Затем, что был он там как муж.

Но раз тогда я спасся бегством,
Перед собой имея мужа,
Теперь, когда он это слово
Отверг, я перед ним стою.
Дай, повелитель, мне возможность,
Чтобы на честном поле битвы,
Как кабальеро, доказал я,
Что честь чиста у Леонор.

Я выйду...

Это что такое?
Передо мной за шпагу браться?
Меня увидя, не дрожите?
Передо мною гордым быть?
Взять их немедля: посадить их
В две башни разные; и будьте
Мне благодарны, если тотчас
Вам головы я не отсек.

Раз Леонор моей виною
С своей рассталась честной славой,
Обязан будучи пред нею,
Я честь ее восстановлю.

Не то мне горестно в несчастьи,
Что Короля так прогневил я,
Но то мне горестно, что нынче
С Менсией не увижусь я.

(Раз Гутиерре взят, отправлюсь
Я на охоту, и сегодня
Увижу вечером Менсию.)
Идем со мною, я тебе
Скажу два слова, Дон Диего;
Я на своем стоять намерен,
Одно из двух: смерть иль победа.

Я не дышу, я не живу!
Неблагодарный, низкий, лживый,
Жестокий, подлый, и обманщик,
Ты, беззаконный, ты, безбожный,
Да покарают Небеса,
И так как честь я потеряла
Безвинно, пусть ты месть узнаешь.
Пусть та же боль тебя постигнет,
Которую узнала я,
Пусть ты, своей покрытый кровью,

Свое бесчестие увидишь,
Пусть будешь собственным оружьем
Ты умерщвлен. Аминь! Аминь!
О горе, честь я потеряла,
О горе, смерть свою нашла!

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Сад при загородном доме.

Хасинта и Дон Энрике, в темноте.

Хасинта

Дон Энрике

Хасинта

Дон Энрике

Хасинта

Дон Энрике

Хасинта

(Уходит.)

Дон Энрике

(Уходит.)

Тихонько.

Я едва ступаю.

Вот мы в саду, и сумрак ночи
Тебя скрывает, как покровом,
И Дона Гутиерре нет,
Под стражей он; не сомневайся,
Достигнешь ты победы сладкой
И будешь награжден любовью.

Хасинта, я тебе сказал,
Тебе доставлю я свободу,
Но, ежели такой наградой
За эту важную услугу
Ты недовольна, лишь скажи,
Проси без всяких опасений:
Располагай по произволу
Моею жизнью и душою.

Здесь госпожа моя всегда
Часть ночи меж цветов проводит.

Молчи, молчи, не говори мне
Ни слова более, боюсь я,
Нас ветер может услыхать.

А я, чтобы моя отлучка
Не послужила мне виною,
Должна вернуться.

Помоги же
Моим желаниям, любовь.
Я спрячусь меж зеленых листьев;
Под их охраною не первый
Я похищу лучи у солнца.
Мне оправданье — Актеон[117].

СЦЕНА 2-я

Донья Менсия, Хасинта, Теодора, служанки.

Донья Менсия.

Хасинта

Донья Менсия

Теодора

Донья Менсия

---

[117] Примечания: 117

Мне оправданье - Актеон. - Имеется в виду миф о том, как юный охотник Актеон глядел на купающуюся Артемиду (Диану). Разгневанная "богиня натравила на беспечного юношу собак, которые растерзали его.

Теодора

(На небольшой столик ставят свечу; Донья Менсия садится среди подушек, Теодора поет.)

(Донья Менсия засыпает.)

Хасинта

Теодора

Хасинта (в сторону)

(Все служанки уходят.)

Хасинта, Сильвия и Дора!

Что повелишь?

Зажгите свечи
И приходите все, чтоб вместе
Беседой скуку разогнать;
Пока в отлучке Гутиерре,
Побудем здесь, где замышляет
Природа победить искусство
В создании красивых мест.
Ты, Теодора...

Что прикажешь?

Веселым пеньем развлеки мне
Мою печаль.

Я буду рада,
Коль песня развлечет тебя.

Соловей, веселой песней
Этот сад ты наполняешь,
Подожди, не улетай же,
Ты во мне рождаешь грусть[118].

Не пой; она уже уснула,
И сон в душе у ней лелеет
Успокоение; тревоги
В дремоте свой приют нашли,
Дадим же ей поспать спокойно.

Умолкнем, и исчезнет повод
Для пробужденья.

Я умолкну,
Чтоб этот повод отыскал
Тот, кто найти его желает.
Прислужницы, как часто было,

---

[118] Примечания: 118
Песни Теодоры не было в прижизненном тексте драмы, возможно, она является более поздней вставкой.

Что самой знаменитой чести
Чрез вас был нанесен удар.

СЦЕНА 3-я

Дон Энрике. — Донья Менсия, спящая.

Дон Энрике

Донья Менсия (просыпается)

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Она одна. Пускай не будет
Для чувств сомненья в этом счастье.
И, случай этот сам создавши,
Раз не дает его судьба,
Я жду, что место мне и время
Помогут. — Нежная Менсия!

Творец Небесный!

Не пугайся.

Что это значит?

Дерзкий шаг,
Который может быть оправдан
Тем, что томился я так долго.

И ты, властитель...

Не смущайся.

Решился...

Не тревожь себя.

Войти...

Не гневайся на это.

В мой дом, не думая, что этим
Ты женщину навек погубишь
И в то же время оскорбишь
Столь знаменитого вассала,
Что был с тобой великодушным?

Я принял твой совет. Ведь ты же
Сказала мне, чтоб услыхал
Я оправданья этой дамы;
Я прихожу, чтоб оправдалась
Ты предо мной в моей обиде.

Да, верно, виновата я:
Но, если нужно оправдаться,
Не сомневайся, повелитель,
Что я оправдываться буду
Согласно с честию моей.

Ты, может быть, предполагаешь,
Что я не знаю, как обязан
Я уважением глубоким
К происхожденью твоему
И к незапятнанному нраву?
Не птиц искал я, здесь назначив
Свою охоту, не хотел я
Мешать им петь приход зари,
Искал я цапли белоснежной,
Искал тебя, что так взлетает
Среди полян небес лазурных,
Настолько в небесах парит,
Что прикасается в полете
До золотых чертогов солнца.

О да, о цапле белоснежной
Ты справедливо говоришь;
Чутье у цапли, повелитель,
До удивительности точно;
Меж облаков она несется.
Живая птица из огня,
Немая молния без блеска,
Крылатая, с инстинктом, тучка,

Комета дымная без света,
И царских коршунов она
Полетом обмануть хотела б,
И ото всех когда стремится,
Известно ей, как утверждают,
Который умертвит ее,
И прежде чем она с ним вступит
В борьбу, ей страх овладевает,
Она дрожит, она трепещет,
И перья восстают на ней.
Вот так и я, о повелитель,
Тебя увидевши, прониклась
Молчанием, оцепененьем,
Свою опасность поняла
И, испугавшись, задрожала,
Затрепетав, прониклась страхом;
Затем, что страх мой понимает,
Затем, что знает мой испуг,
Что буду я тобой убита.

Чтоб говорить с тобой, пришел я
И не хочу терять возможность.

И это терпят Небеса?
Я закричу.

И этим только
Сама себя ты обесславишь.

О, как мне звери не помогут?

Боятся рассердить меня.

СЦЕНА 4-я

Дон Гутиерре. — Те же.

Дон Гутиерре (за сценой)

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

Донья Менсия

Дон Энрике

(Уходит.)

Донья Менсия

Кокин, держи-ка это стремя
И постучи вот в эту дверь.

О Небо! мне не лгали страхи,
И смерть моя пришла теперь.
Дон Гутиерре! Боже, Боже!

Несчастным я на свет рожден!

О, что теперь со мною будет,
Коль здесь тебя увидит он?

Так что же делать?

Удалиться.

Чтоб я скрываться стал? О нет!

Честь женщины тебе должна бы
Великодушный дать совет,
Повлечь тебя и к большим жертвам.
Тебе уйти нельзя теперь:
Служанки, ничего не зная,
Немедленно открыли дверь.

Что ж сделать в этом затрудненьи?

Иди туда, среди ветвей,
За ту зеленую беседку,
И спрячься в комнате моей.

До этой я не знал минуты,
Что значит страх или испуг.
Как полон храбрости сердечной,
Как властен должен быть супруг!

Коль женщина, когда невинна,
Бояться всяких бед должна,
Творец мой, как она трепещет,
Когда за нею есть вина!

СЦЕНА 5-я

Дон Гутиерре, Кокан, Хасинта, Донья Менсия.

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Кокин

Донья Менсия

Кокин

Донья Менсия (к Дону Гутиерре)

Дон Гутиерре

Донья Менсия

(В сторону.)

(Обе уходят.)

Меня обнять тысячекратно
Ты можешь, радость и любовь.

Тебя я нежно обнимаю,
И обнимаю вновь и вновь.

Теперь не можешь ты сказать мне,

Что не вернулся я к тебе.

Я так ценю твое вниманье,
Ты тверд наперекор судьбе.

Хоть я и муж, мое блаженство,
Душа, как прежде, влюблена,
И красота, хотя бы наша,
Всегда заслуг своих полна;
Служить ей нужно неизменно;
Тем более, когда для нас
Она блистает постоянно,
Служить ей нужно каждый час.

Благодарить тебя должна я.

Алькайд мой родственник и друг,
И, с тела сняв оковы плена,
Замкнул он душу в тесный круг,
Затем, что дал он мне возможность
С тобою быть, любовь моя.

Кто видел большее блаженство?..

Чем то, которым полон я.
Хоть, если верно рассмотрел я,

Мне разрешив придти сюда,
Еще не много мне он сделал;
С душой расстался я, когда
Вошел в тюрьму, — ее оставил
С тобою, милая моя;
Вновь близ тебя соединились
Душа и жизнь — для бытия;
Они, на время разделившись,
Чуть теплились, едва дыша:
В одной темнице жизнь скучала,
В другой томилася душа.

Два инструмента, как мы знаем,
Когда настроили их в лад,
Соединяясь в звуках эхо,
Согласным звоном говорят;
В одном едва заденешь струны,
Как ветром ранен и другой,
Хотя б никто не прикасался
К нему играющей рукой;
Во мне мы видим этот опыт:
Постигни там удар тебя,
Была бы ранена я насмерть

И умерла бы здесь, любя.

Не дашь ли руку мне, сеньора,
Хотя бы на единый миг?
Я узник, взятый для проформы,
Скорблю и плачу; стон и крик
В моей душе; я умираю,
Не ведаю, за что, когда...

Что, наконец, сказать ты хочешь?

Конец с началом навсегда
В рассказах у Кокина слиты.
Я мил чрезмерно Королю,
И ежели пойдет так дальше,
Удел я горький претерплю:
С судьбою моего владыки
Судьба смешается моя:
Он будет странствующий мертвый,
Оруженосцем буду я.

Чем угощать тебя, не знаю,
К себе я гостя не ждала.
Пойду и соберу вам ужин.

Пойти рабыня бы могла.

Так разве не идет рабыня?
Рабыня я и буду ей.
Хасинта, ты поди со мною
И помоги мне поскорей.

Вперед беды идти мне нужно;
Будь, честь, со мною заодно,
На дело смелое решаюсь,
Лишь удалось бы мне оно.

СЦЕНА 6-я

Дон Гутиерре, Кокин.

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Кокин, ты здесь теперь останься
И выдумки свои забудь;
В тюрьму нам нужно до рассвета
Отправиться в обратный путь;
Осталось до зари немного.

А хочешь, дам тебе совет,
Такой находчивый и мудрый,
Что удивился бы весь свет?
Жизнь от него твоя зависит.
О, вот совет!

Ну, возвещай.

Как, здрав и невредим, ты можешь
Сказать своей тюрьме "прощай".

Ну, как же так?

Да очень просто.
Теперь ты здрав и невредим?
Так ты в тюрьму не возвращайся,

Вопрос мы этим разрешим.

Ах, подлый ты, ах ты, негодный,
Клянусь, что я тебя убью!
Такое дело ты хотел бы
На совесть наложить мою?
Не понимаешь, как обязан
Перед алькайдом я с тех пор,
Как он доверье оказал мне?

Весьма сомнительно, сеньор,
Каким себя Король окажет;
И так как, в качестве слуги,
Законом чести я не связан,
Не жди и думать не моги,
Что я с тобой вернусь обратно.

И ты б оставить мог меня?

А что ж?

А о тебе что скажут?

Неужто ж я, судьбу кляня,
Помру из-за того, что скажут?
Когда б исправить как-нибудь

Нам можно было смерть, тогда бы
К тебе я смело мог примкнуть
И за тебя горой вступиться,
Но в смерти послаблений нет.
Что жизнь людская? Лотерея:
Вхожу, отлично, взял билет
И проиграл — конец. Кто может
Другой билет мне дать? Никто.
Боюсь с тобою быть в накладе,
В тираже числиться лет сто.

СЦЕНА 7-я

Донья Менсия, в большой тревоге, — Те же.

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Донья Менсия

(В то время, как берет свечу, обманно гасит ее.)

Сеньор, к тебе спешу в тревоге,
Защиты я прошу твоей.

О Боже! Что могло случиться?

Какой-то человек...

Скорей!

В плаще... лица его не видно...
Он в комнате моей стоит.
Будь мне защитой, Гутиерре.

Всевышний нас да сохранит.
Что говоришь ты? В этом доме —
В плаще, мужчина?

Да, его
Сама я видела.

Весь лед я
От сообщенья твоего!
Возьми свечу.

Кто, я?

Конечно.
Свой страх отбрось, иди за мной.

О трус, в тебе так много страха?
Тебя пугает мрак ночной?
Вынь шпагу, я иду с тобою.
Свеча упала, вот беда.

СЦЕНА 8-я

Хасинта и Дон Энрике, следом за ней. — Те же.

Дон Гутиерре

(Уходит.)

Хасинта (в сторону, к Дону Энрике)

(В то время, как Дон Гутиерре вышел из одной двери, Хасинта уводит Дона Энрике с другой стороны. Дон Гутиерре возвращает-

ся и сталкивается с Кокином.)

Кокин

Дон Гутиерре (в сторону)

Кокин

Дон Гутиерре (в сторону)

Кокин

Донья Менсия (в сторону)

(Хасинта возвращается со свечой.)

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре

Донья Менсия (в сторону, к Хасинте)

Хасинта

Донья Менсия

Дон Гутиерре

(Уходит с Кокином.)

Лишь этого недоставало;

Так я впотьмах пойду туда.

Все выходы мне здесь известны.
Иди смелей, сеньор, за мной.

Куда теперь мне путь направить?

Я с кем-то повстречался... Стой!

Заметь, сеньор...

Клянуся Богом,
Его не выпущу, пока
Не назовет себя, а после
Его убьет моя рука.

Заметь, что я...

Какая пытка!
Что, если встретил он его?
О, горе мне!

Свеча явилась, —
Ну, кто ты?

Кто же? Моего
Ты больше имени не знаешь?

Что за обманные мечты!

Тебе, ведь дважды говорил я.

Как мог я знать, что это ты?
О, где набраться мне терпенья!

Хасинта, он ушел?

Ушел.

Какие вещи происходят!
Хоть ты бы дом весь обошел:
Наверно разузнали воры,
Что нет тебя, и вот в твоем
Отсутствии нашли приманку.

Пойду и осмотрю весь дом.
О, если бы ушла со вздохом
Тревога тяжкая моя!
Чтобы на дом мой посягнули,
Узнав, что отлучился я!

СЦЕНА 9-я

Донья Менсия, Хасинта.

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

В душе бестрепетной, сеньора,
Большую смелость ты нашла.
Решиться на такое дело!

Я этим жизнь свою спасла.

Зачем же так ты поступила?

Не охрани свою я честь,
Услышать мог бы Гутиерре,
Что кто-то в комнатах там есть,
И он считал бы несомненным,
Что я помощницей была;
И в этом трудном положеньи
Я самой правдой солгала.

СЦЕНА 10-я

Дон Гутиерре, под плащом у него спрятан кинжал. — Донья Менсия, Хасинта.

Дон Гутиерре (к Донье Менсии)

(В сторону.)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

(В то мгновение, как он хочет обнять Донью Менсию, она видит кинжал.)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

(В сторону.)

Дон Гутиерре (в сторону)

(Уходят.)

Каким ты странным заблужденьем

Была обманута сейчас!
Все комнаты прошел я в доме,
Все осмотрел мой зоркий глаз,
Но я и тени не заметил
Того, что увидала ты.

(Но горе! я для утешенья
Лелею лживые мечты.
Я там нашел кинжал какой-то,
И подозреньем ранен я.
В нем смерть мне. Но об этом после.)
Менсия, милая моя,
Уж ночь покров свой собирает
В прохладе сумрачных теней,
И убегает боязливо
От светлых солнечных лучей.
Мне очень больно, что тебя я
Оставить должен здесь одну,
Притом оставить с этим страхом.
Но мне пора.

Свою жену,
Которой ты любим всем сердцем,

При расставаньи обними.

Твое внимание ценю я,
Мой нежный поцелуй прими.

Сеньор, постой! Тебе ни разу
Я в жизнь свою не солгала.
И ты кинжал свой поднимаешь?

Чем так смутиться ты могла,
Супруга, счастие, Менсия?

Кинжал увидела я твой,
И мне почудилось, что кровью
Облита я перед тобой.

Когда я в дом вошел, понятно,
Кинжал я вынул из ножон.

Мне всюду чудятся виденья.

Чем может быть твой ум смущен?

Тебе ни разу не лгала я.

Какие глупые слова!
Но, если мы чего боимся,
У нас слабеет голова.

Во мне печаль, во мне заботы,
И оттого я как в бреду.

Ну, до свиданья. Нынче ночью,
Коль будет можно, я приду.

Да сохранит тебя Всевышний!

О ужас! Точно я во сне!

О честь, нам много будет нужно
Поговорить наедине!

СЦЕНА 11-я

Королевский покой в Алькасаре. Дон Диего и Король, со щитом и в цветном плаще; в то время, как он говорит, он надевает черное одеяние.

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Возьми-ка щит мой, Дон Диего.

Поздненько спать домой приходишь.

Всю ночь по улицам бродил я,
Подробно хочется мне знать
Все, что в Севилье происходит:
Здесь, что ни ночь, услышишь новость,
И обо всем хочу подробно
Я узнавать таким путем.

Благоразумно поступаешь,
Король в своих владеньях должен
Быть Аргусом, чьи очи смотрят,
Не зная сна, и оттого
На скипетре твоем эмблема —
Два глаза. Но скажи, властитель,
Что видел ты?

Я видел много
Влюбленных, спрятанных в тени,

Бессонных дам; я видел пляски;
Я слышал музыку и песни;
Я видел множество игорных
Домов, чьи вывески гласят:
"Прохожий, здесь играют в карты".
Бесчисленных повсюду видел
Я храбрецов, и сообщаю:
Ничто так не противно мне,
Как видеть храбрецов так много
И знать, что храбрецом считаться
Здесь должность некая. Однако,
Чтоб не сказали мне, что я
К ней невнимателен, подробно
У целой шайки этих храбрых
Один испробовал я смелость.

И в этом дурно поступил.

Напротив, поступил прекрасно:
Они, я думаю, довольны,

Я расписал им светлой кровью[119]*...*

Что?

Их ремесленный диплом.

СЦЕНА 12-я

Кокин. — Те же.

Кокин (в сторону)

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

---

[119] Примечания: 119

Король: Я расписал им светлой кровью... // Дон Диего: Что? // Король: Их ремесленный диплом. - В буквальном переводе следует понимать это место так: "Их же кровью я засвидетельствовал ее чистоту" (или: "их кровью я подписал свидетельство о ее чистоте"). Испанское "certamen", т. е. свидетельство о чистоте крови (или, точнее, "чистоте рода"), которое было необходимо для занятия высоких должностей при королевском дворе, а также при вступлении в рыцарские ордена Калатравы и Сант-Яго. Известно, что самому Кальдерону с трудом удалось получить такой документ от папы Урбана VIII, относительно благожелательно относившегося к крупным художникам своего времени, когда он хотел стать членом ордена Сант-Яго.

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Не захотел пойти я в башню,
Чтоб разузнать здесь и разведать,
Что говорят насчет ареста
Владыки моего. Но тсс!
Удержим наше любопытство,
Тут сам Король стоит пред нами.

Кокин!

Сеньор!

Как поживаешь?

Ответить должен: как студент.

Ну, как же? я не понимаю.

-изрядно,
— тут

Скажи нам что-нибудь, Кокин.
Коль мне понравится, ты знаешь,
В твоем кармане сто эскудов.

Ну, это значило б, что нынче
В комедии играешь ты,
Зовущейся Властитель-Ангел.
Однако ж у меня сегодня
В запасе есть один рассказец
И эпиграмма есть в конце.

Коли твоя, она изящна.
Итак, рассказ.

Вчера я видел,
Кастрат с постели встал, с мошною,
Как бы с мешком для бороды.
Неужто ты не рассмеешься,
Подумав, что, совсем здоровый,
Себя он пластырем украсил?
(Великий Педро, не прошу
Ни виноградников, ни замков,
Одну улыбку дай мне только,
Перед стыдливым gracioso

В перчатку улыбнись разок.)
"О Флоро, все мы полагаем,
Что дом твой совершенно пуст:
О том нам вывеска вещает
Рассказом безглагольных уст.
Где нет письма, конверт там есть ли,
И кожа, если нет плода?
Итак, не трать ты время даром,
Не трать бесплодного труда.
Для пашни паровой, я знаю,
Соха полезна и нужна;
Но, раз земля родить не может,
К чему соха и борона?"

Ты кормишь нас холодным блюдом.

В запасе нету горячее.

СЦЕНА 13-я

Дон Энрике. — Те же.

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

(Король уходит.)

Дай руку мне свою, властитель.

Как чувствуешь себя, Инфант?

Здоров и счастлив, оттого, что
Тебя я вижу, повелитель,
Вполне здоровым, но об этом
Сейчас не будем говорить:
Дон Ариас...

Твой приближенный:
Освободи его из башни.
И, помиривши их, Энрике,
Обоим ты доставишь жизнь.

Твою да сохраняет Небо,
И, самого себя наследник,
Да сможешь победить ты время,
Сразивши вечностью его.

СЦЕНА 14-я

Дон Энрике, Дон Диего, Кокин.

Дон Энрике

(Дон Диего уходит.)

(В сторону.)

Кокин

Дон Энрике

Кокин

Дон Энрике

Кокин

(Уходит.)

Отправься в башню, Дон Диего,
Скажи Алькайду, чтоб привел он
Обоих узников.

(О Небо!
Дай мне терпения в беде,
Благоразумия в несчастьи.)
Кокин, ты здесь был в это время?

Во Фландрии я лучше был бы.

Что так?

Да как же быть: Король
Есть чудо между всех животных.

Но почему?

Сама природа
Так повелела сызначала,
Чтобы свирепый бык мычал,
Чтоб вол в мычании был кроток,
Чтобы осел кричал, чтоб воздух
В пустынях лев будил рыканьем,
И чтобы ржал проворный конь,
И чтобы птица пела песни,
И чтобы лаяла собака,
И чтобы громко кот мяукал,
И чтобы волк протяжно выл,
И чтобы хрюкала над лужей
Свинья — и только человека
Она улыбкой наделила,

И Аристотель справедлив[120],
Когда его определяет
Он улыбающимся между
Животных: Почему ж, спрошу я,
Закон природы изменив,
Король не хочет улыбаться?
О Небо, чтоб исторгнуть только
Улыбку у него, пошли мне
Клещи веселья и острот!

СЦЕНА 15-я

Дон Гутиерре, Дон Ариас, Дон Диего, Дон Энрике.

Дон Диего

Дон Гутиерре

Дон Энрике

Дон Гутиерре

(Сравнивает кинжал, который он нашел, со шпагой Инфанта.)

---

[120] Примечания: 120
И Аристотель справедлив. - Имеется в виду "Поэтика" Аристотеля.

(В сторону.)

Дон Энрике

Дон Ариас

Дон Гутиерре

Дон Ариас

Дон Энрике

Дон Гутиерре

Дон Энрике (в сторону)

Дон Ариас

(Дон Энрике, Дон Диего и Дон Ариас уходят.)

Вот узники, сеньор.

Позволь нам
Припасть, сеньор, к твоим ногам.

Король, владыка мой, позволил,
Чтоб я вернул свободу вам,
И помирить вас поручил мне.

Твое желание — почет.

Но что я вижу? О, Всевышний!

Друг другу дайте руки.

Вот
Моя.

И вот мои объятья,
В них узел для тебя такой,
Что только смерть его разрушит,
Владея мертвою рукой.

Да подтвердят мои объятья,
Что дружба и моя тверда.

Отлично. Рыцари вы оба,
Раз примирились без труда:
В том шаг, достойный кабальеро.
Вы дружбой связаны одной,
Кто ж этим будет недоволен,
Тот сосчитается со мной.

Сеньор, я в этой дружбе клялся
И клятву я свою сдержу,
Свою готовность подчиняться
Тебе на деле докажу.
Ты сильный враг и враг опасный:
Уж верноподданность одна

Велит послушным быть, иначе
Боязнь покорной быть должна.
И ты, и я — двоих мы стоим:
Я в поединке роковом
Сумел бы подтвердить свой вызов;
Но быть с тобою, как с врагом,
Да кто ж посмеет, кто ж посмеет?
Свой разум в здравости храня,
Так прогневить тебя боюсь я,
Что даже страшно для меня
Порою лишь тебя увидеть;
И, если б так велел мой рок,
Чтоб, не узнав тебя, со шпагой
Твою я шпагу встретить мог,
Я в крайности такой хотел бы,
Чтоб солнца свет вконец погас,
Но только б я тебя не видел
В тот трижды несчастливый час.

Во всех словах его и вздохах
Подозреваю я беду.
С тобой, Дон Ариас, мне нужно
Поговорить. Пойдем.

Иду.

СЦЕНА 16-я

Дон Гутиерре

(Уходит.)

Энрике обошел молчаньем
Мои слова; сомненья нет,
Что он почувствовал и понял
То, что вложил я в свой ответ.
Могу ль я сетовать? Конечно.
Но утешенья где найду?
Я здесь один. Никто не слышит.
С собою речь я поведу.
О, Боже, кто свести сумел бы
В одно речение, кто мог бы
Одною мыслию измерить
Так много беспощадных бед,
Так много тяжких оскорблений,
Что на меня толпой трусливой
Идут и, наглые, подходят.
Теперь, о, честность, да, теперь,

Предстань во вздохах повторенных,
И ты, страдающее сердце,
Слезами горькими обливишись,
Приди к дверям души, глазам.
И вам, глаза, я позволяю
Свободно плакать: не стыдитесь.
Но, честность, я к тебе взываю
И говорю, что час настал
Одною мерою измерить
Благоразумие и храбрость.
Но пусть умолкнет огорченье,
Пусть мне не позволяет честь,
Пусть мне не позволяет храбрость
Искать во вздохах облегченья;
Кто утешенья ищет в слове,
Тот низко льстит своей беде.
Но к случаю скорей приступим.
Найдем, быть может, объясненье.
О, если б мог его найти я!
О, если б Бог того хотел!
Я ночью прибыл, это правда;
Но дверь открыли мне немедля,

И я нашел свою супругу
Спокойной, ясной, как всегда.
Насчет того, что мне сказали,
Что человек там находился,
Она, — и в этом оправданье, —
Сама сказала мне о том.
Свеча упала и погасла,
Но разве есть какой свидетель,
Который мог бы опровергнуть,
Что это просто случай был?
Нашел кинжал я, но возможно,
Что был обронен он слугою,
Был кем-нибудь из слуг потерян.
А если он (о, горе мне!)
Такой, как шпага у Инфанта,
Возможно, что такая ж точно
Другая шпага есть: отделка
Ее не так уж странна.
И если ближе все рассмотрим,
И если (горе!) допущу я,
Что это был кинжал Инфанта,
Что даже в доме был он сам, —

Хоть я не мог его не видеть, —
Вполне возможно, что Менсия
В том не была совсем виновна,
Затем, что золото не раз
У слуг вниманье усыпляло.
Ну, вот: какое облегченье,
Что все так тонко рассмотрел я!
Покончим доводы свои,
Все к одному они приводят,
К тому, что я есть я, Менсия —
Менсия. Никого нет в мире,
Кто мог бы тьмою запятнать
Такой прекрасный блеск и чистый.
— Нет, мог, как дурно говорю я,
Одной довольно черной тучки.
Хоть солнца ей не запятнать,
Но солнце затемнить ей можно,
Не погасив, холодным сделать.
Какой закон несправедливый
Невинному велит страдать?
Велит, чтоб умер безгреховный?
Ты, честь, в опасном положеньи,

Тебе нет верного мгновенья,
В своей могиле ты живешь:
Раз ты от женщины зависишь,
Ты ходишь каждый миг над гробом,
Ты видишь смерть ежеминутно.
О, честь, я излечу тебя,
И если первая случайность
Так на опасность указует,
Пускай, как первое лекарство,
Вреду я двери затворю,
Войти недугу не дозволю.
И вот, как Врач своей же чести,
Тебе даю я предписанье —
Хранить молчание и ждать:
То будет самой первой мерой;
Затем, себе даю советы:
Перед женою быть любезным,
Ее вниманьем окружить,
Любовью, лаской и заботой,
То защитительные силы,
Чтоб вместе с грубым обращеньем
Недуг зловещий не возрос;

Затем что ревность, оскорбленья,
И подозренья, и упреки
Не столько женщину излечат,
Насколько сделают больной.
Домой опять отправлюсь ночью,
И, в дом тайком войдя, увижу,
Насколько зло укоренилось;
А до тех пор сокрою все,
Пока не выясню, коль можно,
Мое несчастие и пытку,
И оскорбленье, и суровость,
И унижение, и скорбь,
И удивленье, и безумье,
И оскорбительность заботы,
И унизительность обиды,
И ревность. Ревность, я сказал?
О, горе, как я дурно сделал!
Вернись, мой возглас, в грудь скорее,
Но нет, раз грудь моя рождает
Подобный смертоносный яд,
И раз во вне его извергнув,
Не умер я, умру, приняв ши

Его обратно; Потому что
Так об ехидне говорят,
Что, если вне себя увидит
Она свой яд, он ей смертелен.
Сказал я — ревность, так довольно,
Коль только ревность я сказал;
Затем, что, если муж узнает,
Что ревность в нем, — нет больше средства
И, честь леча, к последней мере
Прибегнуть должен честный врач.

СЦЕНА 17-я

Дон Ариас, Донья Леонор.

Дон Ариас

Донья Леонор

Дон Ариас

Донья Леонор

Дон Ариас

Донья Леонор

Дон Ариас

Донья Леонор

(Уходит.)

Дон Ариас

(Уходит.)

Коль до сих пор я не старался
Пред твой явиться светлый взор,
Свой долг перед твоею честью
Я помню, Донья Леонор;
И если я перед тобою
Теперь предстал, — не для того,
Чтоб долг отдать, — безумно думать,
Что мог бы я отдать его;
Велик он слишком; но хочу я
Тебя уверить в этот миг,
Что от тебя я не скрываюсь,
И говорю: я твой должник.

Сеньор Дон Ариас, скорее
Заимодавец ты, а я
Тебе должна, затем что доля
Моя крупнее, чем твоя.

Меня лишил ты, это верно,
Того, кто был, как муж, мне мил,
Но, может быть, удел мой этим
Улучшен, не ухудшен был;
Затем, что лучше жить без славы,
Без жизни, с холодом в крови,
Чем, презираемой супругом,
Жить в браке с мужем, без любви.
Вина моя была, я знаю,
И кара ждет меня везде,
Но о себе лишь я вздыхаю,
Лишь о своей скорблю звезде.

Нет. Леонор, никак не можешь
Ты отрицать: вина — моя;
Ее отвергнуть и желанья
Отвергнуть должен буду я;
Тебе я прямо возвещаю,
Что я томлюсь, что я скорблю,
И потому тебя ищу я,
Что, Леонор, тебя люблю.
Через меня ты потеряла
Супруга, говоришь мне ты,

Через меня иметь ты можешь
Супруга, мне твердят мечты.

Сеньор Дон Ариас, твой выбор
Ценю я, как твои слова;
Твоя внимательность пребудет
В моей душе всегда жива;
Но вместе с тем я извиняюсь,
И сердце мне сказать велит,
Что мой ответ — отказ, иначе
Снискаю я ущерб и стыд,
Не потому, чтоб предложенье
Не льстило мне, о, нет, сеньор,
Но потому, что Гутиерре
Преобразит его в позор;
Ему ты дал предлог невольно,
Чтоб так со мной он поступил,
Когда ж с тобою в брак вступлю я,
Он скажет: "Что ж, неправ я был?"
Из подозренья очевидность
Он сделает, и все за ним
Решат, что это справедливо,
Что презрена была я им,

И я настолько уважаю
Быть правой в жалобе своей,
Что лучше пусть я буду с горем,
Но не хочу расстаться с ней;
Теперь его все обвиняют,
И не хочу я, чтобы он
Толпою громко был оправдан,
Когда он мною обвинен.

О, Леонор, я не приемлю
Твой несущественный ответ;
Хотя бы в браке проявилась
Твоя любовь давнишних лет,
Ты в то же время этим браком
И оправданье б ей дала.
Насколько было б хуже, если б
Тот, кто тебе так много зла
Обидною изменой сделал,
Кто пред тобою так неправ,
Так и остался в прежней вере,
Поправки злу не увидав.

Не мудрый, нет, и не разумный,

Дон Ариас, тот, чей совет
Моей как будто ищет пользы,
На деле ж мне приносит вред.
Коли тогда была обида,
Она опять возьмет свое,
Ее тогда подозревали,
Теперь уверуют в нее.
И для тебя, как полагаю,
Не много б чести было здесь.

Невинна ты, я это знаю,
Я твой навек, во всем и весь.
Я знаю, каждый, кто влюбленным
Был недоверчив и ревнив,
Еще ни разу не был мужем,
От неба мзды не получив.
Да, Леонор, и Гутиерре
То знает лучше, чем другой;
Кто, у другого встретив в доме
Мужчину, поднял шум такой,
Тот мог бы быть смелей во имя
Негодованья своего,
Узнавши то, что происходит

Столь явно в доме у него.

Дон Ариас, я не желаю
То слышать, что ты мне сказал,
Так говорить не позволяю,
Ты обманулся, иль солгал.
Дон Гутиерре — кабальеро,
И какова ни будь беда,
Клянусь, и словом он и делом
Сумеет точным быть всегда;
Он знает путь — и для совета,
И для кинжала своего,
Хотя бы сам Инфант Кастильский
Был оскорбителем его.
Когда ты думаешь, что этим
Усладу ты доставил мне,
Ты заблуждаешься, и очень,
Ты ошибаешься вполне;
И если говорить по правде,
Ты очень пал в моих глазах:
Когда бы был ты благородным,
Ты знал бы сдержанность в словах,
Так о враге не говорил бы;

И пусть я им оскорблена,
И пусть его бы я убила,
Будь мне на это власть дана,
Своей рукой осуществляя
Свою карающую месть,
Я не злословила бы в казни,
Его не тронула бы честь.
Затем, что кто всем сердцем раньше
Любил, Дон Ариас, его,
В его несчастии не будет
Искать отмщенья своего.

Я не сумел найти ответа.
Была ошибка в том моя,
Раз женщина в вопросах чести
Явилась опытней, чем я,
Пойду к Инфанту и смиренно
Ему скажу, чтоб выбрал он
Другого, кто в заботы эти
Им будет ныне посвящен.
И так как день сошел к закату,
Я от него хоть смерти жду,
Но в дом с ним к Дону Гутиерре

Сегодня ночью не пойду.

СЦЕНА 18-я

Сад.

Дон Гутиерре входит, как бы перепрыгнув через забор. — Донья Менсия, спящая.

Дон Гутиерре

(Видит Донью Менсию.)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

В немом молчании ночном,
Которое ценю и почитаю,

Когда весь мир окутан сном,
И жизнь как бы в покрове гробовом,
Тайком я в дом к себе вступаю,
Менсию я не известил,
Что нахожусь я на свободе,
Что из тюрьмы Король нас отпустил,
Она не знает о моем приходе.
Своей я чести врач и потому,
Свое бесчестье излечить желая,
Я прихожу к больному своему
Опять в тот час, когда повсюду тьма ночная, —
Увижу ль снова случай тот,
Который ревностью теперь мне сердце жжет.
Печаль да будет мне подмогой
В моей беде, в заботе строгой.
Я в сад проник через забор,
Как велико, о, Боже, заблужденье,
Что можно свой исследовать позор,
Не испытав при этом опасенья!
Кто так сказал, ошибся он;

Нет, невозможно, чтоб плачевность
Он не оплакал, раз он угнетен,
И невозможно, чтобы ревность
В молчаньи глухо он скрывал,
Он лжет, он ревности не знал.
Как чувствовать в душе терзанье
И сохранять притом молчанье?
Я повторяю, он солгал.
Вот, ночью здесь она бывает,
Меж веток, слившихся в узор,
Молчанье с тенью тень сливает,
Безгласно эхо, гаснет взор.
О, честь, тихонько, сдержим гневность,
—
Когда подходит к цели ревность,
Она всегда идет как вор.

Менсия, я тебя люблю и почитаю,
Как дурно обошлась ты с верностию мне.
Но возвратиться я желаю.
Я честь свою нашел здоровою вполне,
Лечения сейчас я ей не назначаю.

Но с ней служанок нет, нет с нею никого?

Что, если ждет она — безвестного — его?

О, низкий страх! о, подлое движенье!

Я точно мщу себе, как своему врагу.

Узнавши это подозренье,

Я возвратиться не могу.

Я ничего еще не знаю,

Дойдем же до конца, узнаем, в чем наш вред,

Я свет гашу, и света нет (гасит свечу),

И я слепой, я голос изменяю,

Я с нею говорю, и разум я теряю.

Менсия! (Пробуждает ее.)

Боже!

Не кричи.

Что там такое?

Замолчи.

Но кто ты?

Милое блаженство,

Ты не узнала, кто с тобой?

О, нет, узнала, кто посмел бы,
И как решился бы другой...

Она по голосу узнала.

Придти сюда? Когда бы он,
Не ты, сюда придти решился,
Он был бы жизни здесь лишен,
Я честь свою бы защитила.

(Как сладостно обманут я!
Блажен, кто свой ущерб рассмотрит.)
Менсия нежная моя,
Не бойся!

Как мне не бояться?

Ты так разумна и тверда.

Ну, что ж ты скажешь в оправданье,
Властитель, что пришел сюда?

Властитель! Это не со мною.
Какая новая борьба!
Всевышний Боже, что я слышу?
О, скорбь, несчастие, судьба!

Вторично смерть мою ты хочешь видеть?

Ты думаешь, что каждую здесь ночь...

О, горе мне, какой жестокий случай!

Сумеешь ты беде помочь...

О, Небо!

И когда свеча погаснет...

О, ревность, умертви меня!

Спасешься ты от Гутиерре,
Рискуя, что меня погубит он, кляня?

Я самому себе не доверяю,
В мечту не верую свою,
Зачем же я не умираю,
Ее дыханьем не убью?
То, что Инфант пришел, ее не изумило,
И от него не береглась она,
Ей только неприятно было,
Моя душа погибели полна!
Что должен будет он вторично скрыться.

Пусть мщенье с оскорблением сравнится!

Ты не ушел еще? Ну, что ж?

Я весь — огонь, весь — бешенство! О, Боже!

Иди, а то опять в беду ты попадешь.

Как я могу уйти, побыв одно мгновенье?

Заметь, что это час, когда

Явиться может Гутиерре.

(Нет, так терпеть не мог никто бы никогда!

Но есть еще во мне терпенье,

Я жду, чтобы найти удобный миг для мщенья.)

Он не придет, спокойна будь,

Я друга верного оставил,

Чтоб он его развлек и позабавил;

Известно точно мне, что путь

Еще сюда он не направил,

Он не придет, спокойна будь.

СЦЕНА 19-я

Хасинта. — Те же.

Хасинта (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

(Дон Гутиерре удаляется за занавес.)

Хасинта

Донья Менсия

(Хасинта уходит.)

Дон Гутиерре (в сторону)

(Выходит и говорит громким голосом.)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Хасинта

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия (в сторону)

Дон Гутиерре (в сторону)

Донья Менсия (в сторону)

Дон Гутиерре

Донья Менсия

Дон Гутиерре

Донья Менсия (в сторону)

Дон Гутиерре (в сторону)

Мне страшно: кто-то говорит здесь,
Хочу взглянуть.

Сюда идут.

Что делать?

Уходить, конечно,
Нельзя же оставаться тут.

Иди и спрячься, но сегодня,
Прошу, не в комнате моей.

Эй, кто там?

Это я, сеньора...

Пока спала я, меж ветвей
Поднялся ветерок и свечку
Он погасил. Скорей сюда
Другую принеси.

(Во мраке
Есть свет во мне: горит беда.
Когда я здесь останусь скрытым,
Меня Менсия здесь найдет,
И о моей тоске узнает,
И весь расчет мой пропадет.
И для того, чтоб не был дважды
Я ею тяжко оскорблен, —
Ее намереньем, и тем, что
Как будто грех ее прощен, —
Мы казнь ее пока отложим,
И все распутаем вот так.)

Эй, кто там? почему темно здесь?

Меня как будто гонит враг.
То Гутиерре! страх и ужас!

Зажгите же свечу скорей,
Уж ночь и ничего не видно.

Как раз я возвращаюсь с ней.

Менсия нежная!

Супруг мой.
Блаженство, счастье!

О, позор!
Какая ложь! Но — сердце, тише.

Как ты вошел сюда, сеньор?

Ключом в саду калитку отпер.
Супруга милая, а ты
Чем развлекалась, расскажи мне.

В саду лелеяла мечты
Под рокот нежного фонтана,
Как вдруг поднялся ветерок,
И у меня свеча погасла.

То, что свечу убить он мог,
Не удивительно нисколько,

Супруга милая моя;
Таким он холодом здесь веет,
Что, смерть в дыхании тая,
Не только свет убить он может,
Но охладить смертельно грудь,
И ты, в саду при нем уснувши,
Могла бы и на век заснуть.

(Как понимать его, не знаю.)
Мне кажется, в твои слова
Два смысла вкладывает ревность.

(О, оскорбление! Едва
Могу сдержать себя. Но кто же
Разумно может ревновать.)
Как, ревность? Ты сказала: ревность?
Тебе ее случалось знать?
Что до меня, клянуся Небом!
Что, если б я узнал ее...

О, горе мне!

Когда бы только
В существование мое
Вошла не ревность, тень сомненья,

Ее намек, ее двойник.
Когда б в рабыне я, в служанке
Вдруг усомнился хоть на миг,
Тогда вот этими руками
Я сердце б вырвал у нее
И, усладившись, утолил бы
Негодование свое,
Я это сердце съел бы с кровью,
И кровь до капли бы допил,
И душу из нее исторг бы,
Клянусь, я душу бы убил,
Я б растерзал ее на части,
Когда б страдать могла душа.
Но что я говорю, о Боже?

Я вся дрожу, едва дыша.

Христос, Христос тысячекратно!
Супруга, счастие, мой свет,
О, нежный рай мой, о, Менсия,
Прости, во мне рассудка нет,
Я позабылся, был несдержан,
Но этот вымысел во мне

Смешал все мысли; умоляю,
Уйди, я весь еще в огне,
Но говорю тебе, мне стыдно,
Я был безумен, не в себе;
Но я тебя боюсь и полон
Я уважения к тебе.

О этот страх, испуг, тревога, ужас!
То смерть пришла и дышит надо мной.

Себя врачом своей я чести назвал,
Бесчестие покрою я землей.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Алькасар в Севилье.

Король, Дон Гутиерре и вся свита.

Дон Гутиерре

Король

(Свита уходит.)

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

(Прячется.)

Дон Педро, чье чело осветит
Индийский полюс в должный час[121].
С тобой одним я быть хотел бы.

Идите все. — Оставьте нас.

Итак, тебе, Атлант кастильский,
Тебе, испанский Аполлон,
На чьих плечах живет и длится
Весь наш сапфирный небосклон,

---

[121] Примечания: 121

Дон Педро, чье чело осветит // Индийский полюс в должный час, // С тобой одним я быть хотел бы. - Немецкий издатель Кальдерона Вольфганг фон Вурцбах отмечал на S. 75, в своем издании Кальдерона ("Kalderons Werke", Bd. 6, S. 75), что в метафористическом словоупотреблении Кальдерона это означает: "корона Америки ("обеих Индий") увенчает чело наследников короля дона Педро".

Весь этот шар из бриллиантов,
Тебе теперь я приношу
В обрывках жизнь мою, защиты
Я для растерзанной прошу,
Коль только жизнью может зваться
Та жизнь, где горьких бед не счесть.
Сеньор, не удивись, я плачу,
Но, говорят, любовь и честь
Позволить могут человеку
Без унижения рыдать,
А я люблю, и ценным кладом
Привык я честь свою считать.
Как рыцарь, я следил, чтоб ярко
Всегда светила честь моя,
И нежно, как супруг влюбленный,
Свою любовь лелеял я:
Что получил я по наследству
И что я в жизни сам нашел,
Хранил я тщательно, покуда,
Грозя мне бездной темных зол,
Тирански облако не встало
И возжелало затемнить

Столь яркий блеск моей супруги
И честь, что я привык хранить.
Как рассказать тебе, не знаю,
Мое страданье... Я смущен...
Твой брат Энрике... Он — причина,
Что призываю я закон;
Я к строгости твоей взываю,
Но не на власть я восстаю,
Я только подтверждаю словом,
Что я стою за честь мою.
Я жду, что ты ей жить поможешь,
Чтоб я не разлучался с ней;
Уврачевать ее хочу я
Предосторожностью моей,
Затем что, если бы в несчастьи
Таком свирепом тот недуг
Зашел далеко, я сумел бы
Пресечь его теченье вдруг,
Я к оскорблениям воззвал бы,
И честь я б к казни присудил,
Ее омыл бы яркой кровью,
Ее землей бы я покрыл.

О, не смутись: сказал я — кровью,
Я только разумел свою,
Энрике может быть спокоен,
Тебе в том слово я даю.
Пусть скажет за меня свидетель:
Вот этот доблестный кинжал,
Что говорит стальною речью,
Инфанту он принадлежал.
Итак, ты можешь видеть ясно,
Что безопасен он вполне,
Раз он, с таким открытым сердцем,
Кинжал свой доверяет мне.

Дон Гутиерре, превосходно;
И кто такой непобедимой
Свое чело венчает честью,
Что с солнцем спорить в красоте,
Да будет он всегда уверен,
Что честь его...

Мой повелитель,
Тебя почтительно прошу я,
Чтоб ты не думал, будто я

В таких нуждаюсь утешеньях,
В которых для своей я чести
Найду поддержку. Нет, супругу,
Клянусь, такую я нашел,
Что далеко за ней римлянки,
Чье имя — Порция, Томирис,
Лукреция[122]*. Предосторожность —*
Не более, мои слова.

Но раз твоя предосторожность
Так необычна, Гутиерре,
Прошу, скажи мне, что ж ты видел?

То, что я видел? Ничего.
Я не из тех, которым нужно
Увидеть; мне довольно думать,
Воображать, и опасаться,
Подозревать, и... Что еще?
Не знаю, что сказать; нет слова,
Чтобы оно не говорило
О том, в чем скрыт, весь цельный,

---

[122] Примечания: 122

Чье имя - Порция, Томирис, // Лукреция... - Перечисление имен легендарных женщин, которые считались образцами преданности долгу и семейной чести.

атом,
В чем безраздельность для меня.
О, Государь, тебя я только
Предупредил, чтоб устранил ты
Недуг, что лишь грозит возникнуть,
А если б он уже возник,
Ты можешь мне поверить, я бы
Сумел и сам измыслить средство.
И я тогда, сеньор, не стал бы
Тебя тревожить, как теперь.

Себя своей ты назвал чести
Врачом. Скажи мне, Гутиерре,
Какие ж средства применил ты,
Пока до крайнего дошел?

Своей жене не показал я,
Что я ревную, и напротив,
Ей выказал любовь двойную:
У нас был загородный дом,
Где жили мы в спокойной неге,
Но, чтоб она в уединеньи
Скучать не стала, переехал

Я с ней в Севилью, где она
Легко всем может наслаждаться,
И где в ней зависть не возникнет;
С женою дурно обращаться
Способен только подлый муж,
Который страх пред оскорбленьем
Теряет, говоря об этом.

Инфант сюда идет, и если
Тебя со мной увидит он,
Он догадается, конечно,
Что с жалобою ты явился.
Но помню я, когда-то кто-то
Мне жаловался на тебя,
И я за этими коврами
Того, кто с жалобой явился,
На время скрыл; такой же случай
Велит прибегнуть мне теперь
К тому же средству; но в порядке
Обратном; и еще прибавлю
Одно условие: ты должен
Быть скрытым, что б ни услыхал,
Молчать во что бы то ни стало.

Сеньор, смиренно повинуюсь.
Я буду птицею, что с камнем
Изображается во рту[123].

СЦЕНА 2-я

Дон Энрике. — Король; Дон Гутиерре, спрятавшийся.

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

---

[123] Примечания: 123

Я буду птицей, что с камнем // Изображается во рту. - Пародия на рассказ Плиния об аистах, которые, чтобы не уснуть и тем самым не стать легкой добычей для хищников, держат под лапой камень. Образ этот можно понимать как желание не проговориться.

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король (в сторону)

Дон Энрике

Король

(В сторону.)

Дон Энрике

Дон Гутиерре (в сторону)

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король

Дон Энрике

Король.

Дон Энрике

(Роняет кинжал.)

(Уходит.)

Король

(Уходит.)

Добро пожаловать, Энрике,
А впрочем, нет, привет подобный
Здесь неуместен, потому что
Меня ты видишь...

Горе мне!

Разгневанным.

И кто ж причиной,

Что гневом ты объят, властитель?

Ты, ты, Инфант.

Так нет мне счастья.
Коль солнце в гневе на меня,
Ждет смертное меня затменье.

Тебе, как кажется, Энрике,
Неведомо, что в царской крови
Не раз омочен был кинжал,
Когда он мстил за оскорбленье?

К кому же, государь, скажи мне,
Слова ты эти применяешь?

К тебе, Энрике, все к тебе.
Честь — место, где душа сияет.
Я не над душами властитель:
Довольно этим говорю я.

Не понимаю.

Хорошо.
Коли исправиться и смолкнуть
Твоя любовь не пожелает,
Коль красоту ты не оставишь,

Где властно царствует вассал,
И где ты видишь невозможность,
Тогда легко случиться может,
Что кровь моя не устранится
От правосудья моего.

Сеньор, хоть то, что ты сказал мне,
Закон, и в сердце, как на бронзе,
Твои слова запечатлел я,
Дозволь, чтоб оправдался я;
А то не будет справедливо,
Когда неравный слух ты склонишь
К двум сторонам. Сеньор, я даму
Одну любил (понятно мне
Теперь, о ком ты говорил здесь,
Хоть недостаточен был повод):
Да, я любил ее, настолько...

Что в том, коль красота ее
Так недоступна?..

Это правда,
Но все-таки...

Молчи.

Так что же,
Оправдываться невозможно?

К чему, раз эта красота
Не допускает возражений.

Пусть это так, но ты ведь знаешь,
Что время всем овладевает,
И для любви возможно все.

(О, Боже, как я дурно сделал,
Что спрятал Дона Гутиерре!)
Молчи, молчи.

Не возбуждайся
Так на меня, покуда ты
Не знаешь, почему не сделал
Иначе я.

Отлично знаю.
Мне все известно.

(О, в какое
Я затруднение попал!)

Я должен говорить, властитель:
Я полюбил ее в то время,

В те дни свою ей отдал душу,
Как девушкой была она.
Кто ж оскорбляет и кого же?
Вассала, я...

О, я несчастный!

Который, раньше, чем женился,
Был...

Бесполезны все слова.
Молчи, молчи. Для оправданья
Ты эту выдумал химеру.
Инфант, приступим прямо к цели.
Вот этот знаешь ты кинжал?

Я без него однажды ночью
Вернулся во дворец.

И знаешь,
Где потерял его?

Не знаю.

Так вот, ты потерял его
Там, где он мог твоею кровью
Запачкаться, когда бы только

Тот, кто нашел кинжал твой, не был
Столь честный преданный вассал.
Не понимаешь, что о мщеньи
Ко мне взывает оскорбленный,
Кто и в обиде грудь подставил
И здесь оружие сложил?
Кинжал ты видишь золоченый?
То символ, ясно говорящий
В гиероглифах и узорах
О преступлении твоем.
Он говорит, что ты виновен,
И жалобу я должен слушать.
Возьми же свой кинжал, Энрике,
Взгляни, и ты увидишь в нем
Все, в чем свершил ты прегрешенье.

Сеньор, заметь, что так сурово
Меня клянешь ты, что, смущенный...

Бери кинжал. — Что сделал ты,
(Дает ему кинжал, и Инфант, смущенный, беря его, ранит Короля в руку.)
Изменник?

Я?

Моею кровью
Свое оружье обагряешь?
Ты на меня кинжал свой поднял?
Меня убить замыслил ты?

Сеньор, заметь, что говоришь ты;
Смутившись, я...

И ты дерзаешь?
Энрике, ты дерзнул, Энрике,
Я умираю, подожди!

Кто был в смятении подобном!
Нет, лучше мне уйти скорее,
Туда скорее удалиться,
Где не увижу я тебя,

Чтобы не мог воображать ты,
Что на тебя я посягаю.
Тысячекратно несчастливый,
Я сокрушенный ухожу.

О, Боже, что же это было?
Какое страшное мечтанье!

Своею кровью обагренным,
Себя я мертвым увидал.
Какое злое измышленье
Вокруг меня родило ужас,
И грудь, и душу мне стеснивши,
Меня испугом леденит?
Да не допустит Бог, чтоб это
Начало знало продолженье
И мир смутило изумленьем,
Потопом кровь распространив.

СЦЕНА 3-я

Дон Гутиерре

(Поднимает кинжал.)

(Уходит.)

Весь этот день сплошное чудо.
При изумлениях столь страшных
Не удивительно нисколько,
Что обо мне забыл Король.
О, Боже мой! что я услышал?
Но говорить ли мне об этом?

Мое несчастие огромно,
Как оскорбление мое.
Такое зло одним движеньем
Я должен сразу вырвать с корнем;
Итак, пускай умрет Менсия,
Пускай прольется кровь ее.
И раз Инфант мне оставляет
Вторично свой кинжал забытый,
Пускай она убита будет
Вот этим самым острием.

Но нет, никто о том не должен
Узнать, и так как силой тайны
Побед высоких достигаешь,
И так как скрытой месть должна
Восстать за скрытым оскорбленьем,
Пусть смерть Менсии так случится,
Чтобы никто не догадался.
Но, прежде чем дождусь того,
Пусть Небо жизнь мою отнимет,
Чтобы не видел я трагедий,
Чтобы не видел я развязки
Такой мучительной любви.

О, для чего же, для чего же
Хранят лазурные пределы
Огонь своих палящих молний,
Зачем не бросят их ко мне?
Ведь есть же в небе милосердье!
Зачем же скорбный не сожжен им?
Зачем несчастный не находит,
Чего он так желает, — смерть?

СЦЕНА 4-я

Зала в доме Дона Гутиерре, в Севилье.

Донья Менсия, Хасинта.

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Донья Менсия

Сеньора, что за странной скорбью
Смутилась красота твоя?
Ты плачешь днем, ты плачешь ночью.
Такой тоской объята я,

Что нет ей меры, нет предела.
В моей душе живет беда.
Я смутою объята необычной
С той ночи горестной, когда,
Ты помнишь, я тебе, Хасинта, говорила,
Что там, во мраке, как-то раз
Беседовал со мною Дон Энрике,
А ты сказала мне, что в этот самый час
Он говорил с тобой, что это невозможно,
Что был за садом он; и вот,
Я трепещу, смущаюсь, и робею,
Ежеминутно мысль во мне встает,
Что это Гутиерре был со мною.

Как мог такой обман произойти?

Хасинта, мог, то было ночью,
Он тихо говорил, я думала — придти
Ко мне опять Инфант решился.
Я смущена была, обман случиться мог.
И видеть, что со мной он весел,

А чуть один, кипучих слез поток
Он проливает (потому что скорби —
С глазами верные друзья,
И ничего от них скрывать не могут),
Я не могу, вся истерзалась я.

СЦЕНА 5-я

Кокин. — Те же.

Кокин

Донья Менсия

Кокин

Донья Менсия

Кокин

Донья Менсия

Кокин

Донья Менсия

Хасинта

Кокин

Хасинта

Кокин

Хасинта

Донья Менсия

(Уходит.)

Сеньора!

Что еще случилось?

Едва сказать тебе решусь.
Инфант...

Кокин, ни слова больше.
Я имени его боюсь,
При имени одном враждою исполняюсь.

Не о любви здесь речь. И потому
Я говорить тебе решаюсь.

Коль так, я твой рассказ приму.

Инфант, сеньора, что несчастно
В тебя так долго был влюблен,
С Дон Педро, братом, ныне в ссоре.
Не знаю, почему с владыкой в ссоре он,
И говорить о том не стану,

Шут и не должен о царях
Ни слова говорить. Довольно.
Энрике тайно, второпях,
Меня призвал и дал мне порученье:
"Скажи Менсии, что она
Своим презрением жестоким
Меня навек лишила сна,
Что благосклонность брата я утратил,
И убегаю в чуждый край,
Где я умру, отвергнутый Менсией,
Сказав любви и родине прощай".

Из-за меня Инфант идет в изгнанье,
У Короля в опале он.
Я буду связана молвой с таким событьем,
Уж гул, мне чудится, встает со всех сторон.
Что делать? Небеса!

Сеньора,
Не лучше ль пред бедой закрыть плотнее дверь?

Но как же?

Попросить Инфанта,
Чтоб он не уезжал теперь.
Коли теперь он удалится,
Как говорят, из-за тебя,
Он обнародует событье,
Своим изгнаньем честь твою губя;
Коли Инфант в изгнание уходит,
Узнают все — и как, и почему.

Но как же он узнать о просьбе может,
Коль он воображенью своему
Уж волю дал и шпоры приготовил?

Ему сеньора может написать.
Чтоб, честь ее щадя, не уезжал он;
Письмо успеешь ты отдать.

Опасны испытанья чести;
Но я пошлю письмо и тем вопрос решу,
Из двух несчастий меньшее в том будет;
Останьтесь здесь, покуда я пишу.

СЦЕНА 6-я

Кокин, Хасинта.

Хасинта

Кокин

Хасинта

Кокин

Хасинта

Скажи мне, что с тобой случилось,
Кокин, что стал ты так уныл?
Бывало, ты всегда смеялся.

Себя я умником возмнил
Себе же на беду и чахну:
Столь ипохондриком я стал.

А что такое ипохондрик?

Такой болезни мир не знал
Тому два года. Это новость.
Но мода на нее теперь весьма сильна,
Я знаю, милому однажды при проща-

ньи

Сказала дама нежная одна:

"Не можешь ли, — так модница шепнула, —

Мне ипохондрии немножко принести[124]*?"*

Наш господин идет!

О, Господи, скорее

К сеньоре нужно мне идти!

СЦЕНА 7-я

Дон Гутиерре. — Кокин, Хасинта.

Дон Гутиерре

Хасинта

Дон Гутиерре (в сторону)

(К Хасинте.)

Хасинта

---

[124] Примечания: 124

"...Не можешь ли, - так модница шепнула, - // Мне ипохондрии немножко принести?" - Насмешка над модной в то время болезнью ипохондрии. Эти строки прекрасно иллюстрируют желание Кальдерона в каждом удобном случае ввести в текст своих пьес (даже если время их действия относится к далекому прошлому) черты современной ему жизни.

Дон Гутиерре

(в сторону)

Хасинта

Донья Менсия

Хасинта

Кокин

Дон Гутиерре

Кокин

Дон Гутиерре (в сторону)

(Кокин и Хасинта уходят.)

(Приподнимает занавес, и видит Донью Менсию, которая пишет.)

Постой, остановись, Хасинта.
Куда поспешно так идешь?

Сеньоре доложить хотела,
Что возвратился ты.

(О, ложь!
О, слуги! О, враги! Они смутились,
Испуганы, как он, так и она.)

Поди сюда, скажи мне, что случилось?

Зачем бежать ты так была должна?

Чтоб известить мою сеньору,
Что возвратился ты, сеньор.

Молчи

(Он скажет мне.)
Какой-то бравый кабальеро
Летел так быстро на коне,
Что в ветре, веющем проворно,
Казался птицею он мне;
И можно было так подумать:
На голове его султан,
Мелькая блеском ярких перьев,
Был светом солнца осиян;
В нем луг и солнце состязались
В живой роскошности своей:
Свои цветы ему дал первый,
Второе блеск своих лучей.
И перья так переливались,
Меняли так свою волну,
Что были точно облик солнца
И походили на весну.

Вдруг в быстром беге конь споткнулся,
И, неожиданно упав.
Не птицей вольною явился,
А был как роза между трав;
И так с землей и с небом слившись
В живом сиянии своем,
Он сразу птицей был и зверем,
Звездой блестящей и цветком.

Ай-ай, сеньора...

Что такое?

Уж не грозит ли нам беда?
Кокин, ты с давних пор
Служил мне верно, вырос в доме,
Не знал, что значит горе, зло:
Прошу, прошу тебя, во имя Бога,
Скажи мне, что произошло.

Из состраданья я тебе сказал бы,
Сеньор, когда бы я во что был посвящен.
Свидетель Бог!..

Постой, кричать не нужно.

Скажи мне, чем ты был смущен?

Легко смущаюсь, и смутился,
И больше нет причин смущенья моего.

Они друг с другом знаком обменялись.
От них мне не добиться ничего.
Идите прочь. — Вдвоем мы, честь, остались,

Идем, беда, спешим, моя тоска.
Кто видел, в горести подобной,
Чтоб плакали глаза и смерть несла рука?

СЦЕНА 8-я

Донья Менсия. — Дон Гутиерре.

Дон Гутиерре (в сторону)

(Подходит к ней и вырывает у нее бумагу.)

Донья Менсия

(Лишается чувств.)

Дон Гутиерре

(Читает.)

(Пишет и уходит. — Донья Менсия приходит в себя.)

Менсия пишет. Так. Посмотрим,
Что пишет в том письме она.

О, Боже! Помоги, Всевышний!

Как лед, бледна и холодна.

Умоляю Его Высочество...
Из-за Высочества, — подумать, —
Так низко пала честь моя.
Не уезжать... Постой, умолкни.
С такой бедой встречаюсь я,
Что я почти благославляю
Судьбу злосчастную мою.
Не уезжай, она сказала.
Что если я ее убью
Сейчас?.. Но нет, мы так устроим:
Я отошлю служанок, слуг,
Пусть я в своем останусь доме
С своей заботою сам-друг.
И так как я любил Менсию,
И в ней я обожал жену,

В последний миг, в разлуке страшной
Пусть я ее не прокляну,
Пускай я к крайнему прибегну,
Но милосердием дыша:
Пусть жизнь ее умрет навеки,
Но не умрет ее душа.

СЦЕНА 9-я

Донья Менсия

(Читает.)

Сеньор, спрячь шпагу, умоляю,
Не убивай меня своей рукой,
Свидетель Бог, невинной умираю!
Невинною! Постой, постой!
Но что со мною? Разве Гутиерре
Здесь не был? В сердце трепет, страх.
Я видела себя окровавленной,
В рубиновых тонула я волнах.
И этот обморок, о, Боже,
Предвестьем смерти был моей.
Какая странная мечта меня смутила,

Я верю и не верю ей.
Я разорву письмо. — Но что я вижу?
Что видит мой несчастный взор?
Письмо от моего супруга,
И в нем мой смертный приговор.

Любовь тебя обожает, честь тебя ненавидит, и потому одна тебя убивает и другая извещает. Два часа тебе осталось жизни: ты христианка, спаси душу, а жизнь невозможно.

(Уходит.)

О Господи! Хасинта!.. Кто там?
Никто не отвечает мне.
За страхом страх меня смущает.
Кто там? Но в мертвой тишине
Нет никого, никто не слышит.
И стены плотные молчат.
Дверь заперта. Решетка в окнах.
Кричать? Они выходят в сад.
На зов никто мне не ответит,
Никто не различит мой крик.
О тени смерти спотыкаясь,

Куда ж иду я в этот миг?

СЦЕНА 10-я

Улица.

Король, Дон Диего.

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

(За сценой поют.)

Король

(Уходят оба в разные стороны.)

Итак, Энрике отлучился?

Да, государь, он из Севильи
Сегодня вечером уехал.

В своей заносчивости он
Решил, что от меня способен
Лишь он один освободиться.
Куда ж бежал он?

Полагаю,
Что в Консуэгру[125].

Там Инфант,
Маэстре[126]*, оба пожелают*
Отмстить мне за моей спиною.

Они твои родные братья,

---

[125] Примечания: 125

...в Консуэгру. - Консуэгра - маленькое селение в окрестностях Толедо, пользовавшееся в фольклоре мрачной славой. Именно там, как гласит легенда, на горе Кальденке граф Юлиан задумал предательство, которое привело к вторжению мавров в Испанию в VIII в. Эти обстоятельства, вероятно, и могут служить объяснением, почему Кальдерон остановился на выборе именно этого селения, введя его в песню, предупреждающую о смерти дона Педро от руки братьев.

[126] Примечания: 126

...там Инфант, // Маэстре... - В оригинале "магист-ринфант" - подразумевается брат короля Педро дон Фадрике (умерший в 1358 г.).

И ими ты любим как брат,
И как король их почитаем:
Так им велит сама природа.

Энрике не один уехал,
Кто в путь его сопровождал?

Дон Ариас.

Его любимец.

Чу! там поют.

Пойдем на звуки,
Быть может развлекусь я песней.

Гармония — услада зол.

Уехал нынче Дон Энрике,
Простился с Королем Инфант;
Дай Бог, чтоб грусть его и бегство
Хорошим кончились концом.

Какой печальный этот голос.
Спеши на звуки, Дон Диего,
Чтоб, кто поет такие песни,
От нас теперь не ускользнул.

СЦЕНА 11-я

Зала в доме Дона Гутиерре.

Дон Гутиерре, Людовико, с закрытым лицом.

Дон Гутиерре

(Закутывается плащом.)

Людовико

Дон Гутиерре

Людовико

Дон Гутиерре

(Уходит.)

Людовико

(Дон Гутиерре возвращается.)

Дон Гутиерре

Людовико

Дон Гутиерре

Людовико

Дон Гутиерре

Людовико

Дон Гутиерре

Людовико

Дон Гутиерре

(Людовико входит.)

Входи смелее и не бойся;
Теперь лицо открыть ты можешь,
А я взамен свое закрою.

Всевышний да поможет мне.

Что б не увидел, не пугайся.

Сеньор, меня сегодня ночью
Из дома моего ты вывел,
Но чуть мы вышли из него,
Как ты, с решительностью грозной,
Кинжал к груди моей приставил,
В испуге я не мог бороться,
И ты мне завязал глаза,
Закрыл лицо, и возле дома
Сто разных мы кругов свершили.
Коль жить хочу я, ты сказал мне,

Чтоб я повязки не срывал:
Мы шли с тобою час; где шли мы,
Не знаю я. Но, если этим
Столь важным случаем смущен я,
Я изумлен теперь вдвойне,
Что я, негаданно-нежданно,
В таком богатом пышном доме,
Где никого нет, вижу только
Тебя, закутанным в плаще.
Чего ты хочешь?

Чтоб остался
Ты здесь на краткое мгновенье.

Какое странное событье,
В какую крайность я попал!
О, Господи!

Настало время,
Чтоб ты вошел туда. Но прежде
Услышь меня: вот этой сталью
Пронжу я грудь твою, когда
Не сделаешь, что прикажу я.
Теперь к той комнате приблизься.

Что видишь там?

Лик смерти вижу,
Какой-то призрак на постели,
И две свечи по сторонам,
И перед призраком распятье.
Кто это, не могу решить я,
Лицо какой-то скрыто тканью.

Так вот, живущий этот труп
Теперь тобой убит быть должен.

Чего же хочешь ты?

Хочу я,
Чтоб ты ей кровь пустил, — чтоб с кровью
Вся сила от нее ушла, —
И чтоб, решительный и смелый,
Ты в эти страшные мгновенья
Не оставлял ее, покуда
Вся кровь не выйдет из нее.
Не возражать мне, если хочешь,
Чтоб я с тобой был милосердным,
И слушаться, коль жить желаешь.

Я слушаю тебя, сеньор,
Но так исполнен весь испугом,
Что не смогу повиноваться.

Тот, кто на большее, чем это,
Дерзнул, чтоб выполнить свой план,
Пойми, убить тебя сумеет.

Жизнь сохранить свою хочу я.

Отлично сделаешь; есть в мире,
Кто должен жить, чтоб убивать.
Отсюда буду, Людовико,
Я на тебя смотреть. Входи.

СЦЕНА 12-я

Дон Гутиерре

(Уходит.)

Из всех такое средство лучше,
Чтоб скрытым было оскорбленье:
Яд обнаруженным быть может,
И раны невозможно скрыть.
Теперь же, говоря о смерти,

Я расскажу, что нужно было
Ей кровь пустить; кто усомнится,
Что именно и было так,
И что повязка развязалась?
Предосторожности я принял,
Чтобы не знал кровопускатель,
Куда пришел он, и к кому:
Иначе, если бы пришел он
С лицом открытым и увидел,
Кто эта женщина, которой
Был вынужден пустить он кровь,
Мне б это сильно повредило.
Кто эта женщина, не сможет
Теперь он рассказать, хоть стал бы
О том, что было, говорить.
Притом, когда его из дома
Я выведу, тогда, пожалуй,
Его подальше заведу я
И в темной улице убью.
Своей я чести врач: хочу я
Спасти ей жизнь кровопусканьем.
Кто честь спасает от недуга)

Тот кровью вылечит ее.

СЦЕНА 13-я

Улица.

Король и Дон Диего, возвращаются с разных сторон; за сценой музыка. За сценой поют.

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

В Консуэгру он уехал,
Размышляет, что теперь
Сценой тысячи трагедий
Будут горы Монтиэль.

А! Дон Диего.

Государь мой...

В этой улице поют, ты слышишь?

И кто поет, мы не узнаем?
Быть может ветер нам поет?

Сеньор, не обращай вниманья
На эти глупости; не раз уж,
Чтоб досадить тебе, в Севилье
Такие пелися стихи.

Смотри, идут два человека.

Да, верно. Нам теперь не нужно
Ответа ждать от них, а надо
Узнать скорее, кто они.

СЦЕНА 14-я

Дон Гутиерре ведет Людовико, у которого завязаны глаза. — Те же.

Дон Гутиерре (в сторону)

(Уходит.)

Итак, мне Небо повелело,
Чтобы, убив его, вторичным
Ключом свою замкнул я тайну.
Но нужно мне скорей уйти

От тех двоих; что было б хуже,
Как если б здесь меня узнали!
Итак, его я здесь оставлю
И прочь немедленно уйду.

СЦЕНА 15-я

Король, Дон Диего, Людовико, с завязанными глазами.

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Людовико

(Открывает свое лицо.)

Король

Людовико

Король

Дон Диего (в сторону)

Людовико

Король

Людовико

(Уходит.)

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Из тех двоих, что подходили,
Один с поспешностью вернулся,
Другой остался.

Что за странность!
При свете матовом луны
Его лицо — как лик без формы.
Как привиденье, смутный образ.
Как будто он из камня сделан
И, сделанный, недовершен.

Прошу, не подходи, властитель,
Я подойду к нему.

Не нужно,
Не беспокойся, Дон Диего.
Скажи мне, кто ты, человек?

Двояко я смущен, властитель,
И дважды вынужден к молчанью:

Во-первых, полное смиренья,
Мне возбраняет ремесло,
Чтоб с Королем я вел беседу
(Тебя по голосу узнал я,
Твой голос хорошо известен.)
А во-вторых — и новизна
Столь примечательного дела,
Какого в летописях смутных
Еще молва не заносила.

Скажи мне, что произошло?

Скажу, но лишь тебе отдельно.

Встань там подальше, Дон Диего.

Какие странные событья

Сегодня ночью вижу я:
Бог да окончит все ко благу!

Ее лица не мог я видеть,
Я только слышал между стонов,
Меж повторенных вздохов стон:
"О, я невинной умираю!
Пусть Небо у тебя не спросит
Отчет в моей безвинной смерти".
Сказавши это, умерла.
И в то же самое мгновенье
Был свет погашен человеком,
И я пошел по той дороге,
Которой я за ним пришел.
Здесь в улице, шаги заслышав,
Меня он одного покинул.
Сказать еще мне остается,
Что руки я смочил в крови,
И, сделав вид, что опираюсь
О стены, двери все отметил.
По этим признакам, быть может,
Сумеешь ты найти тот дом.

Отлично. Если что узнаешь,
Приди ко мне, чтоб рассказать мне.
Вот этот бриллиант возьмешь ты
И скажешь, показав его,
Чтобы тебя ко мне пустили,
В какой бы час ты ни явился.

Бог да хранит тебя, властитель.

Ну, Дон Диего, что ж, идем.

Что это было?

Это было
Такое странное событье,
Какого мир еще не ведал.

Ты опечалился, сеньор.

Да, я не мог не изумиться.

Тебе уснуть необходимо.
Гляди, уж день, сменяя сумрак,
Горит меж тучек золотых.

Пока того, чего хочу я,
Я не найду, уснуть нельзя мне.

Не видишь? Солнце уж восходит,

Ты можешь всеми узнан быть.

СЦЕНА 16-я

Кокин, Король, Дон Диего.

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

Кокин

Король

(Уходят.)

Хотя б я был казнен тобою
За то, что мной теперь ты узнан,
С тобою должен говорить я,
Властитель, выслушай меня.

Что за беда, Кокин, случилась?

Поступок мой — поступок честный,

Людей достойный благородных:
Пускай я шут и скоморох,
Но раз дойдет, сеньор, до дела,
Я деловой и очень дельный.
Внимай тому, что расскажу я,
Тебя я рассмешить не мог,
Теперь хочу заставить плакать.
Обманут ложным указаньем
И честь свою спасти желая,
Стал Гутиерре ревновать.
Сегодня с этим подозреньем,
Домой вернувшись, он увидел
Супругу, пишущей Инфанту,
Чтоб он теперь не уезжал,
Чтоб ей не быть тому причиной,
Что говорить в Севилье будут,
Из-за нее, мол, он уехал...
Она невинна, говорю,
И доказать могу я это.
Тайком к ней в комнату вошел он,
Из рук ее бумагу вырвал,
Предался ревности своей,

Слуг разогнал, все двери запер
И с ней наедине остался.
Я, повинуясь состраданью
К несчастной женщине, чей рок
Влеком такой звездой враждебной,
Искал тебя, сеньор, чтоб властно
Ее от смерти неминучей
Своей рукой ты сильной спас.

Чем заплатить тебе могу я
За милосердие такое?

Свой иск, властитель, уничтожив,
Предъявленный к моим зубам.

Кокин, теперь шутить не время.

До шуток ли когда мне было!

Идем немедля, Дон Диего,
Туда, — пока не вспыхнул день.

СЦЕНА 17-я

Другая улица, и на ней дом Дона Гутиерре.
На двери виден знак кровавой руки. — Те же.

Король

Дон Диего

Кокин

Король

Дон Диего

Король

Дон Диего

Король (в сторону)

Так я найду предлог отличный,
Чтобы войти прилично в дом.
Скажу, что в этой я одежде
Внезапно был захвачен днем.
Раз там, — в чем дело, разузнаем,
И показать сумею я,
Что вправду Царь — судья верховный.

Так, превосходна мысль твоя.

К его уж дому подошли мы,
Пока решал ты сделать так.

Помедли, Дон Диего.

Что ты?

Не видишь ты на двери знак
Руки кровавой?

Слишком ясно.

Так это Гутиерре был.
Что делать? В мести был жесток он,
И так разумно поступил.

СЦЕНА 18-я

Донья Леонор, Инес, закутанные в мантильи. — Те же.

Донья Леонор

Инес

Король

Донья Леонор

Король

С своей тоской всегдашней, в церковь
Иду до наступленья дня,
Чтобы в Севилье, мирно спящей,
Никто не увидал меня.
Но кто там? Ах, Инес! Ведь это

Король. Он входит в этот дом.

Закутайся, пока пройдет он.

Совсем нет надобности в том.
Уж я узнал тебя.

Закрывшись,
Властитель, не хотела я
Жизнь пред тобою не повергнуть,
В том почесть высшая моя.

Мне нужно было бы скрываться
Перед тобою в этот миг,
Клянусь, я чувствую и помню,
Что до сих пор я твой должник;
Я обещался, не напрасно,
Что честь твою восстановлю:
Как только будет первый случай,
Я этот случай уловлю.

СЦЕНА 19-я

Дон Гутиерре. — Те же.

Дон Гутиерре (за сценой)

Король

Дон Диего

Король

Дон Гутиерре (выходит)

(Занавес отодвигается, и предстает Донья Менсия в постели.)

Король

(В сторону.)

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

Король

Дон Гутиерре

(Дает ей руку.)

Донья Леонор

Дон Гутиерре

Донья Леонор

Дон Гутиерре

О, Небо гневное, сегодня
Отчаянию я предамся,
Коль молнию ты не пошлешь мне,
Чтобы меня испепелить!

Что там такое происходит?

Дон Гутиерре, как безумный,
Как сумасшествием объятый,
Из дома вышел своего.

Куда идешь ты, Гутиерре?

К твоим ногам припасть, властитель,
И о трагедии редчайшей,
О горе высшем рассказать,
Об изумлении поведать,
Что, возвышая, ужасает.
Моя любовь, моя супруга,
Менсия, добродетель чья,
Как красота, была безмерна
(Молва о том расскажет громко,
Что так была она прекрасна,

Как целомудренна была),
Она, кому я душу отдал
И отдал жизнь, сегодня ночью
Была застигнута болезнью,
И человеческий недуг
Опровержением явился
Ее божественных достоинств.
Врач, наилучший, знаменитый,
Который в мире заслужил
Похвал бессмертных, предписал ей
Кровопускание, надеясь
Восстановить ее здоровье
И важный умертвить недуг.
В конце концов ей кровь пустили;
Я сам, в то время под рукою
Слуг не имея, ни служанок,
Кровопускателя призвал.
И вот, когда сегодня утром
К ней в комнату хотел войти я...
— Но тут лишаюсь я дыханья,
И цепенеет мой язык.
Постель была залита кровью,

В крови белье и покрывала,
И в них, о Боже, этой ночью
Менсия кровью истекла.
Легко повязке развязаться,
Но для чего стараться буду
Такие горькие несчастья
К словам бессильным низвести?
Взгляни сюда, и ты увидишь
Окровавленный облик солнца,
Луну, объятую затменьем,
Покрытый тьмою звездный свод,
Лик красоты, печальной, горькой,
Тем более меня убившей,
Что вот она, мне смерть пославши,
Меня оставила с душой.

Необычайное событие!

(Здесь важно быть благоразумным.
И я себя сдержать сумею.
Он необычно отомстил.)
Скрой этот ужас, что смущает,
Скрой зрелище, что изумляет,

Скрой, Гутиерре, этот символ
Необычайнейшей беды.
В несчастьи нужно утешенье,
И, чтоб в утрате столь великой
Такое ж было возмещенье,
Дай тотчас руку Леонор;
Пора тебе свой долг исполнить,
И нужно мне исполнить слово —
Вступиться, как предстанет случай,
За славу и за честь ее.

Когда от этого пожара,
Сеньор, еще дымятся угли,
Прошу, дай срок мне, чтобы мог я
Оплакать горести мои.
Не хочешь ты, чтоб наученным
Я был?

Так быть должно. Довольно.

Сеньор, ты хочешь, чтоб вторично,
На море бурю испытав,
Я возвратился в море. В чем же
Мне оправданье?

В том, что это
Тебе твой Царь повелевает.

Послушай доводы мои,
Я их скажу тебе отдельно.

Напрасно. Доводы? Какие?

А вдруг опять придет такое,
Что ночью брата твоего
Там в доме у себя я встречу,
В плаще закутанным?

Что делать
Тогда? Не верить подозреньям.

А если я найду кинжал,
Принадлежащий Дон Энрике,
За собственной своей постелью?

Предполагать, что в мире много
Служанок можно подкупить,
И в здравом смысле укрепиться.

Порою здравый смысл бессилен.
А если я потом увижу,
Что днем и ночью, государь,

Вкруг дома моего блуждают?

Пожаловаться мне.

А если,
Когда я жаловаться буду,
Услышу большую беду?

Что в том, раз будешь ты уверен,
Что ото всех ветров враждебных
За крепостной была стеною
Ее сокрыта красота?

А если в дом к себе вернувшись,
Найду письмо я, где к Инфанту
Взывают, чтобы он остался?

Найдется средство для всего.

Как, и для этого найдется?

Да, Гутиерре.

И какое?

Твое.

Какое ж?

Кровь пустить ей.

Что говоришь ты?

Говорю,
Что должен дверь свою ты вымыть,
На ней есть знак руки кровавой.

Кто ремесло, сеньор, имеет,
Над дверью герб он ставит свой;
Что до меня, я честью занят,
И потому руки кровавой
Отпечатлел я знак на двери.
Лишь кровью можно честь омыть.

Так Леонор свою дай руку,
Она ее вполне достойна,
Известно это мне.

Охотно.

Но только помни, Леонор,
Моя рука омыта кровью.

Я не дивлюсь и не пугаюсь.

Но я врачом своей был чести,
И врачеванья не забыл.

Припомни, если будет нужно.

Условье это принимаю.
И Врач своей здесь чести кончен.
Простите, в чем он прегрешил.

Волшебный маг[127]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Киприан
Дьявол
Флор
Лелий
Москон
Юстина, дама
Ливия, служанка
Лисандр, старик
Правитель Антиохии
Фабий, слуга
Кларин

---

[127] Примечания: 127

Драма датируется 1637 г. и принадлежит к числу наиболее известных произведений Кальдерона. Она основана на легенде, во многом схожей с немецким преданием о докторе Иоганне Фаусте. Драма заинтересовала Гете, ее переводил Шелли, драму читал К. Маркс.

Интерпретация драмы и мотивы, по которым ее заглавие следовало бы переводить "Необычайный маг" (Киприан печется не о суетных интересах, как свойственно магам, а о познании истины), дана в статье Н. И. Балашова (наст, изд., с. 811).

Об истории открытия перевода Бальмонта, печатающегося впервые, см. в статье Д. Г. Макогоненко (наст, изд., с. 708).

Действие драмы происходит в III в. Место определено без особой скрупулезности (не свойственной испанской драме XVII в.). Киприана, о котором идет речь, легенда связывала с Антиохией Писидийской, а в драме скорее говорится о более крупном городе Антиохии, столице

тогдашней римской провинции Сирия.

Слуга
Солдат
Солдаты
Толпа

Сцена в Антиохии и за стенами ее.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Лес вблизи Антиохии[128].

Киприан, одетый как студент, Кларин и Москон, как студенты-приживальщики, с книгами.

Киприан

Москон

---

[128] Примечания: 128

Лес вблизи Антиохии. - Местом действия драмы является Антиохия на Оронте - столица провинции Сирия в Римской империи (ныне - Анталья), объясняется это, прежде всего, географическим положением: близостью гор и моря. Антиохия на Оронте была известна как один из крупнейших христианских центров. Но основой сюжета послужило предание о мученической смерти Киприано, епископа другой Антиохии - Писидийской, расположенной во Фригии, но при этом обстоятельства добровольного мученичества главного героя удивительно похожи на обстоятельства, при которых погиб епископ Карфагена Фасций Киприан в 258 г. (Всего в древности насчитывалось около 10 Антиохии.)

Кларин

Москон

Кларин

Киприан

Москон

Кларин

Москон (в сторону)

(Уходит.)

Кларин (в сторону)

(Уходит.)

В уединении приятном,
В невозмутимом этом месте,
В красиво-стройном лабиринте
Стеблей, деревьев и цветов
Меня вы можете оставить,
Со мной оставив (их довольно,
Чтоб быть мне обществом приятным)
Те книги, что велел я вам
Принесть из дома; потому что,

Пока Антиохия славит
Такою пышностью праздник,
И освящает новый храм
Юпитеру, и всенародно
Туда относит изваянье,
Чтобы с достоинством там большим
Ему оказывать почет,
Я, убегая от смятенья,
От шума площадей и улиц,
Остаток дня теперь желаю
Весь изученью посвятить.
Идите ж в Антиохию
И оба в празднествах участье
Примите, а сюда позднее
Придти вы можете за мной,
Когда, спадая книзу, солнце
Захочет схорониться в волны,
Которые средь облак смутных
Серебряный готовят гроб
Для исполина золотого.
Так значит здесь меня найдете.

Я не могу пойти на праздник,

Хоть очень быть желаю там,
Не вымолвив перед уходом
Пять тысяч слов. Возможно ль это,
Чтоб в день столь праздничный, веселый,
Четыре книги, господин,
С собою взяв, ты вышел в поле
Один, к веселью повернувшись
Спиной.

Наш господин отлично
Так поступает. Что скучней
Процессий в праздник, братств и плясок?

Кларин, коль можно молвить правду,
Живя с лукавством и уменьем,
Ты применяющийся льстец:
Что делает он, это хвалишь,
Что чувствуешь, о том молчанье.

Ты ошибаешься (так будет
Сказать учтивее: "Ты лжешь", —
Когда лицом к лицу беседа),

Что чувствую, то выражаю.

Москон, довольно, — и довольно,
Кларин. В невежестве своем
Всегда упорствовать хотите,
Друг с другом непременно споря.
Ступайте же и (как сказал я),
За мной придете в час, когда
Настанет ночь, окутав в тени
Строенье светлое вселенной.

Бьюсь об заклад. Хоть и сказал ты,
Что празднества — один пустяк,
На них смотреть сейчас пойдешь ты.

Подобный вывод очевиден:
Тот, кто другим дает советы,
Сам так не будет поступать.

Чтоб Ливию скорей увидеть,
Хотел бы в крылья я одеться.

Хотя, коль точно молвить правду,
Мне в Ливии приманка чувств.
И так держать туда дорогу
Само мне имя указует:

Раз Ливия — не вправо, влево,
И будешь с Ливией счастлив.

СЦЕНА 2-я

Киприан.

Киприан

(Начинает читать.)

Один я, и теперь мне можно,
Коль только хватит разуменья,
Вопрос тот рассмотреть подробно,
Который душу захватил
С тех пор, как в Плинии прочел я
То место, где в словах он странных
Дает определенье Бога[129].
Нигде не видит разум мой
Такого Бога, чтоб сошлись в нем
Такие знаменья и тайны.

---

[129] Примечания: 129

С тех пор, как в Плинии прочел я // То место, где в словах он странных / / Дает определенье Бога. - Киприан читает книгу Гая Плиния Старшего (23-79) "Естественная история". Здесь ставится главная проблема драмы: не могущая быть согласованной с богословием тема возможности самостоятельного, без откровения свыше, познания бога.

Сокрытость истины подобной
Я должен зорко рассмотреть.

СЦЕНА 3-я

Дьявол, в праздничном наряде. — Киприан.

Дьявол (в сторону)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Садится.)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол (вставая)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(В сторону.)

(Уходит.)

Киприан

(Снова начинает читать, не замечая тех, которые приходят.)

Как ни читай и как ни мысли,
Той правды, Киприан, не сможешь
Достигнуть ты, ее я скрою.

Какой-то шум среди ветвей.
Кто там?

Я, господин мой, странник,
С утра в лесу я потерялся,
Мой конь измучен, и усталый
На изумрудном он ковре
Пасется там, в лесистой чаще.
Мой путь лежал в Антиохию,
Где важное имею дело.
От каравана отойдя,
Я так заботами развлекся,
(Кто этого лишен богатства?)

Что вовсе сбился я с дороги
И потерял друзей и слуг.

Я изумляюсь, что могли вы,
В виду высоких этих башен
Антиохии, заблудиться:
Тропинок полон этот лес,
Он ими целиком исчерчен,
Любой пойдите, непременно,
В пути достигнув средоточья,
Дойдете до ее вы стен.

Неведения в том и свойство,
Что пред лицом различных знаний,
Как применить их, не умеешь.
Решивши, что нехорошо,
Чтобы вошел в чужой я город,
Где никому я неизвестен,
Один, в расспросах о дороге,
Здесь подожду, покуда ночь
Не завладеет днем победно.
По вашей я сужу одежде
И потому, что с вами книги,

Наклонны к изученьям вы,
А к тем, кто любит изученье,
Большую чувствую я склонность.

Вы занимались изученьем?

Нет. Но довольно знаю я,
Чтоб не был я вполне несведущ.

Какие ж знанья вам известны?

Их много.

Если изучаешь
Одну науку много дней,
И то ее не достигаешь,
А вы (великое тщеславье!),
Наук совсем не изучавший,
Так много ведаете их?

Да, потому что из страны я,
Где познают, не изучая,
Круг знаний даже высочайших.

Будь это родина моя!
Чем более здесь изучаешь,
Тем более твое незнанье.

Мое столь верно утвержденье,
Что я, совсем не изучав,
До первой кафедры стремился,
И мой расчет почти был верен,
Я голосов имел так много,
А если потерял ее,
Довольно, что ее хотел я:
Похвальные есть пораженья.
Коль не хотите в это верить,
Скажите мне, в чем ваш предмет,
И вмиг начнем мы рассужденья.
Хоть я не знаю ваше мненье,
Допустим — это мненье верно,
В противном буду убеждать[130].

Весьма мне радостно, что в этом
Ваш ум находит развлеченья.

---

[130] Примечания: 130

Допустим - это мненье верно, // В противном буду убеждать. - Дьявол предлагает Киприану философский спор, который был принят в средневековых университетах, так называемый quodlibet ("на выбор"), обсуждался любой вопрос в связи с любым предметом (de quodlibet ad voluntatem cujuslibet). Вопросы задавались магистру и иногда бывали так неожиданны, что ставили отвечающего в затруднительное положение. Disputatio quodlibet имело строгую форму, отвечающий независимо от своих убеждений должен был занять противоположную позицию.

Из Плиния одно мне место
Неясно, как ни поверну:
Постичь не в силах, о каком он
Там боге рассужденье строит.

Я помню четко это место —
"Бог высшая есть доброта,
Он сущность, также как основа,
Весь зрение, и весь он руки"[131].

Так.

В чем же ваше возраженье?

Где Бог такой, не знаю я,
Как тот, о коем мыслит Плиний[132].
Коль нужно высшей добротою

---

[131] Примечания: 131

Я помню четко это место - // "Бог высшая есть доброта //, Он сущность, также как основа, // Весь зрение, и весь он руки". - Свободный пересказ из Плиния ("Historia Naturalis". 1. II, с. VII) "Полагаю, что доискиваться образа и вида бога есть свойство человеческой глупости. Каким бы ни был бог, если он только иной (чем солнце), в любой своей части он весь - чувство, весь - зрение, весь - слух, весь - душа, весь - дух, он собственная самость". В этом чрезвычайно важном для Кальдерона вопросе (проблемы соотношения предопределения и свободы воли, свободы и необходимости) нашли отражение теологические споры начала XVII в. (См. подробнее примечания А. С. Науменко к книге "Calderon de la Barca. Tres dramas y una comedia". Moscu, 1981).

[132] Примечания: 132

Где Бог такой, не знаю я, // Как тот, о коем мыслит Плиний. - В

споре между дьяволом и Киприаном поднимается актуальный для теологии XIV-XVII вв. вопрос о возможности или невозможности дать рассудочное определение понятию "бог".

Его считать, так и Юпитер
Не высшая есть доброта,
Уж видим, он во многом грешен:
Пусть обольщенная Даная
С похищенною им Европой
Об этом точно говорят.
Так как же в доброте верховной,
Чьи действия должны быть святы,
Собой божественность являя,
Вместится прах людских страстей?

Обманные легенды это,
В которых нам мирское знанье
Под именем богов являет
Моральной мудрости устав.

Он недостаточен, ответ ваш:
Величество должно быть Бога
Таким, чтоб дерзостные вины
Не льнули к имени его,
Хотя б и вымыслами были.
И, данный случай обсуждая,
Коль боги высшей добротою

Зовутся, значит, вывод тот,
Что к лучшему они стремятся.
Так как же одного желают
Одни, другие же другого?
А это ясно видим мы
В тех, столь сомнительных, ответах,
Что нам дают их изваянья[133].
Чтоб не сказали вы вторично,
Что на мирское знанье я
Ссылаюсь... Вот стоит два войска,
Обоим идолы сказали,
Что битва выиграна будет,
Одним проигран этот бой, —
Не ясный ли отсюда вывод,
Что две противоборных воли
Не могут к той же самой цели
Идти? Коль встреча суждена,
И видим, что одна благая,

---

[133] Примечания: 133

В тех, столь сомнительных, ответах // Что нам дают их изваянья. - В период распада язычества в Римской империи жрецы для поддержания веры в народе прибегали к различным приемам: в полую статую божества помещали человека, который вещал "волю богов". Мистификации были распространены в разные периоды существования христианской церкви.

Другая воля — злой должна быть.
Дурная воля в Боге, это
Бессмысленно вообразить.
Итак, нет благости верховной,
Коль в них недостает единства.

Посылки не приемлю главной.
Те изречения, что нам
Даются идолами, служат
Для целей, коих ум бессилен
Достичь и оценить, затем что
Здесь провиденье, и важней
Тому, кто потерял сраженье,
То пораженье в состязаньи,
Чем победителю победа.

Согласен. Все же этот Бог, —
Ведь не обманывают боги, —
Не должен был бы о победе
Вещать им, как о достоверном:
Довольно было бы ему
То поражение дозволить,
Не утверждая достоверность.

И, если только Бог — весь зренье,
Так увидал бы всякий Бог
Конец, предвидящийся четко.
И, видя, уверять не стал бы
В том, что не может совершиться.
И пусть такое божество
Различно будет в лицах разных,
Но в обстоятельстве малейшем
Оно по сущности едино.

Тут было важно для него
Так через голос двигать чувства.

Коль было важно двигать чувства,
Есть гении[134] *для этой цели,*
(Которых добрыми зовут
Ученые, а также злыми),
То духи, что меж нами бродят,

---

[134] Примечания: 134

...есть гении... - В античной мифологии гении - то же, что и демоны. Они занимали промежуточное положение между небом (богами) и землей (людьми); когда-то им приписывались только добрые свойства - они сообщали божественные знания людям. Здесь Киприан рассуждает как языческий философ-скептик. Он думает, что если природа гениев (дьяволов) двойственна, то двойствен и сам Бог, так как они сообщают его волю, а следовательно, он (Бог) не может быть истиной, так как она должна быть неделима.

Своим влияньем нам диктуя
Ряд добрых дел, а также злых,
Тем аргумент осуществляя
Бессмертия души, и с ними,
Способность лжи нам не являя,
Отлично мог бы этот Бог
Все чувства приводить в движенье.

Заметьте, что противоречья
Богам не возбраняют вовсе
Быть вместе божеством одним,
Затем что никогда раздора
В них нет ни в чем, что было б важно.
И это можно четко видеть
В строеньи человека... Он
Был создан замыслом единым.

Коль был он замыслом единым,
Так очевидно пред другими
В нем преимущество тогда.
А если допустить, что равны
Все божества, хоть между ними
(Чего нельзя вам отрицаться)

Противоборство в чем-то есть,
При созиданьи человека,
Чуть Бог один о том помыслил,
Другой сказал бы: "Не хочу я,
Чтоб в мире был он сотворен".
Так если только Бог — весь руки,
Чуть бог один его творил бы,
Другой его бы мог разрушить.
И если равны две руки
В могуществе, но в данной хоти
Неравны и противоборны,
Какой же суждена победа
Из этих двух?

Немыслим спор
И созиданье аргумента,
Когда посылки невозможны
И ложны! Но какой отсюда
Вы вывод сделали сейчас?

Я мыслю: Бог есть, что являет
Верховную собою благость,
Он высшее благоволенье,

Весь руки, он непогрешим,
В себя обмана не включает,
Верховный, вне он состязанья,
Бог, и никто с ним не сравнится,
Начало без начала он,
Он бытие в себе, и сущность,
Он власть, единое хотенье,
Когда же он, как таковое,
Одно, иль два, иль больше лиц,
Он, Богом будучи верховным,
Быть должен в сущности единым,
Причина всех причин.

Такую
Как очевидность отрицать?

Настолько велика досада?

А кто ж досады избежал бы,
Увидя, что другой — соперник
По разумению ему?
И нет в ответах недостатка,
Но больше отвечать не стану:
В лесу идут, я вижу, люди,

И в город продолжать мой путь
Настал уж час.

Идите с миром.

И вы здесь пребывайте в мире.

(Хоть преуспел ты в изученьях,
Тебя заставлю их забыть,
Увлекшись редкой красотою.
Я разрешение имею,
Отдавшись ярости, Юстину
Преследовать, — дать мести путь
Осуществлю в одном деяньи.)

Тот человек, он необычный,
И я не видывал такого!
Но слуг моих все нет и нет,
И возвратиться я желаю
К причине стольких размышлений.

СЦЕНА 4-я

Лелий, Флор. — Киприан.

Лелий

Флор

Лелий

(Бьются.)

Киприан

Лелий

Флор

Нам далее идти не нужно,
Лишь эти скалы, эта сеть
Пустых ветвей переплетенных
И входа солнцу не дающих,
Одни свидетелями будут
Дуэли нашей.

Шпагу вынь.
За дело. Все слова уж были.

Известно мне, что в чистом поле
Язык молчит, и речь за сталью.

Стой, Лелий! Флор, остановись!
Что вижу я? Довольно боли,
Меж вас я встану безоружный!

Ты, Киприан? Пришел откуда,

Чтоб мести помешать моей?

Ты из стволов выходишь этих?
Ты выбросок ветвей нависших?

СЦЕНА 5-я

Москон, Кларин. — Те же.

Москон

Кларин

Москон и Кларин (вместе)

Киприан

Лелий

Флор

Киприан

Лелий

Флор

Киприан

Лелий

Киприан

Флор

Киприан

Лелий

Киприан

Киприан

Флор

Лелий

Киприан

Лелий

Киприан

Флор

Киприан

Флор (в сторону)

(Уходит.)

Лелий

(Уходит.)

Киприан

(Уходит.)

Беги, там с нашим господином
Схватился кто-то, блещет сталь.

Чтобы к таким вещам бежал я?
Да никогда. От них — охотно.

Наш господин...

Ни слова больше.
Что вижу я? Два друга здесь,
Что славою своей и кровью
Сейчас для всей Антиохии
Являют око и надежду, —
И сын Правителя один,
Другого славный род — Коляльтос, —
Двумя так жизнями играют,
Что могут родине быть честью!

Хоть я исполнен, Киприан,
К тебе великим уваженьем,
И в это самое мгновенье
То чувство шпагу удержало,
Не обращай ее к ножнам,
Ты сделать этого не можешь.
Ты знаешь более в науках,
Чем в поединках, и не можешь
Постичь, что, если межь двоих

Дуэль, так здесь на поле битвы
Соображенья нет такого,
Чтоб эти двое благородных
Друзьями стали, но устав,
Чтоб из двоих один здесь умер.

Я с тем же обращаюсь словом
К тебе, прося, чтобы ушел ты
С своими слугами, и мы
Могли сражаться без помехи,
По чести и без преимуществ.

Хоть мнится вам, что в изученьях
Условий поединка[135] *я*
Не знаю, что дуэль наука
Лишь дерзких, в этом вы не правы:
Мое рождение решило,
Чтоб тот же долг мой был как ваш?
И в нем есть честь, и в нем бесчестье,

---

[135] Примечания: 135

Условий поединка... - Основными обстоятельствами и условиями поединка между Лелио и Флором были: 1) подозрение в ущемлении чести; 2) бесчестие не должно быть доказано свидетелями; 3) оба участника дуэли должны быть в равном качестве (равного сословия, одинаковое оружие; позиция во время поединка и т. д.); 4) причина должна быть только личного характера; 5) власти не должны знать о поединке.

Известно мне. Отдавшись знаньям,
Мою я храбрость не принизил,
Не в первый раз рука с рукой
Идут науки и оружье.
Коль вышли в поле вы, чтоб биться,
Вы бились, нет тут оговорки,
И невозможна клевета.
Так значит, можете сказать вы,
В чем повод был для этой ссоры,
И если я, о том услышав,
Увижу, что один из двух
Имеет к удовлетворенью
Предлог и повод, вас оставлю,
И я даю вам в этом слово.

Коль в этом слово нам даешь
И обещаешь не мешать нам,
Я рассказать хочу причину.
Люблю одну я даму сердцем,
И эту даму любит Флор.
Решай же, как согласовать нас.
Возможности не существует,
Чтоб благородных двух ревнивцев

Заставить позабыть их страсть.

Ее люблю я и желаю,
Чтобы не смело даже солнце
Смотреть на лик ее, — так значит
Здесь средства никакого нет,
И, дав нам слово не мешать нам,
Теперь уйди.

Постойте. Нужно
Мне больше знать. Что, эта дама
Возможна для надежды вам
Иль для надежды невозможна?

Так благородна, так отменна,
Что, если Флор ревнует к солнцу,
Не должен был бы ревновать
И к солнцу, потому что, мыслю,
Что и оно ее не видит.

Хотел бы ты на ней жениться?

Надеюсь я на то.

А ты?

О, если б пожелало небо,

Чтоб счастья этого достиг я!
Она бедна, и чрезвычайно,
Но ей приданым — честный нрав.

Так если оба вы хотите
На ней жениться, разве это
Не преступленье и не низость
Ее ославить перед тем?
Что скажут люди, если только
Один в супружество с ней вступит,
Из-за нее убив другого?
Пусть повода не будет тут,
Чтоб говорить, — довольно если
Без повода молва возникнет.
Не говорю, чтоб вы служили
Одновременно ей, — о, нет,
Так говоря, я был бы низким.
Влюбленный, подавивший ревность,
Чтоб эту допустить возможность,
Бесславье тем бы совершил.
Но говорю, чтоб вы узнали,
Кого из двух предпочитает
И после...

Стой. Ни слова больше.
Деянье низкое — пойти
Спросить у дамы, чтоб сказала,
Кого предпочитает дама.
Один из двух ей будет выбран,
Я или Флор. Так коли я.
Еще в том больше оскорбленья:
Ту любит кто-то, кем я избран.
А если выбирает Флора,
Свирепость высшая есть в том:
Кого люблю — другого любит.,
Итак, излишне знать, что скажет:
Какой ответ мы ни узнаем,
Вернуться к шпагам надо нам.
За честь свою любимый встанет,
Другой искать отмщенья будет.

Согласен, что это мненье
Удостоверено вполне,
Но с дамами, что позволяют
Себя любить и выбирают
Свою любовь. Итак, сегодня
Спрошу о ней ее отца.

И так как мне вполне довольно,
Что вышел я со шпагой в поле,
(И так как, — довод наибольший, —
Мешает как-то биться мне),
Я, Лелий, меч слагаю в ножны.

Меня отчасти убедил ты.
Я мог бы это рассужденье
Проверить доводом своим,
Но верно ты или неверно
В том рассуждаешь, я согласен.
Пойду отца ее сегодня
О ней просить.

Предположив,
Что служите вы оба даме,
И в том ей не грозит опасность, —
Вы оба твердо заявили,
Что добродетельна она, —
Скажите мне, кто эта дама.
Имея в городе влиянье,
Я буду от лица обоих
С ней говорить, чтобы, когда

Отец с ней заведет беседу,
Она уже об этом знала.

Мне нравится, как говоришь ты.

Так кто же это? Ваш ответ?

Юстина это, дочь Лисандра.

Когда о ней вы говорите,
Хваленья ваши были малы.
И благородна, и чиста.
Я к ней немедленно отправлюсь.

Ко мне ее да склонит небо,
Она всегда неблагосклонна.

Да изберет любовь меня,
Венчая лаврами надежду.

Да даст мне рок, чтоб устранил я
Злословия и злополучья.

СЦЕНА 6-я

Москон, Кларин.

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

(Уходят.)

Вы, ваша милость, расслыхать
Изволили, что господин наш
К Юстине в дом направил путь свой?

Да, сударь мой. А что ж такое,
Что он пошел иль не пошел?

Там вашей милости не место.

А по какой бы то причине?

А потому, что по служанке
Юстины, Ливии, совсем

Я помираю. Не хочу я,
Чтоб видело ее и солнце.

Довольно. Ссориться не буду
Я из-за дамы никогда,
Что быть должна моей супругой.

Такую мысль я одобряю,
И пусть сама она заявит,
Кто нелюб ей и кто люб.
Идем туда с тобою оба,
Пусть выберет.

Тот план прекрасен.
Хоть выберет тебя, боюсь я.

Уверенность имеешь в том?

Да, Ливии неблагодарны[136],

---

[136] Примечания: 136

Да, Ливии неблагодарны... - Значимое имя от лат. levis - легкий, легкомысленный. В римской истории известны две Ливии: 1) Ливия Друсилла (род. ок. 56 г. до н. э., с 38 г. вторая жена Августа, мать будущего императора Тиберия; умерла в 29 г.). 2) Ливия Юлия, внучка предыдущей, дочь Друза, сестра Германика; в 23 г. совместно с Сеяном отравила своего второго мужа - Друза, сына Тиберия; умерла в 31 г. Назидательные и полные авантюр биографии обеих Ливии были хорошо известны. И их имена стали нарицательными - они были метафорой коварства, неблагодарности, легкомыслия. "Женская типичность" этого имени привлекла внимание Кальдерона и он использовал его в 17 драмах.

И худшее всегда возьмут.

СЦЕНА 7-я

Зала в доме Лисандра.

Юстина. Лисандр.

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Себе не в силах утешенья
Придумать я, владыка мой,

Увидев этот грех большой,
И всенародность заблужденья.
Весь город освящает храм,
И лик в нем — в почитаньи строгом,
Который быть не может богом,
Но явственно моим глазам,
Хоть нет свидетельства такого,
Что дьявол там, родник обид,
Из бронзы мертвой говорит.

Такое говоря мне слово,
Юстина, ты, сейчас скорбя,
Вполне похожа на себя.
Как не скорбеть о власти злого?
Трагедия ужасна та,
Что терпит вера здесь Христа.

Скорбеть должна я без сомненья,
Еще бы, я ведь дочь твоя,
И ею не была бы я,
Когда б не знала огорченья.

О, горе мне! Ты мне не дочь,
Юстина! А не то счастливым

Я был бы. Вот я взят порывом,
Из сердца тайна вышла прочь.
И как мне этому помочь?

Что говоришь мне, мой владыка?

Не знаю сам, я так смущен.

Ты так не раз был огорчен,
Не раз внимала звуки всклика
Такого же, как вот теперь.
Но никогда я не хотела
Коснуться тайного предела,
Раскрыть в мое страданье дверь,
Покой твой берегла я, верь.
Но вижу, было заблужденьем
Не постараться распознать,
Что так велит тебе страдать,
Так преклонись к моим моленьям,
Я, тайну выслушав твою,
Не разглашу, а утаю.
Расстанься же с своим мученьем
И сделай вольной грудь свою.

Юстина, тайна то большая,

Боясь влиянья вести злой,
Всегда щадил я возраст твой,
Ее так тщательно скрывая.
Но видя, что способна ты
Теперь сама на рассужденье,
Я, убегая слепоты
И зная, что мое томленье
Есть смертной сени предваренье,
Теперь уж не могу молчать
И долга вижу я свершенье
Той тайны разрешить печать.
И скорби мне отдаться надо,
Чтобы была твоя отрада.

Боязни я полна сейчас.

Я покорю свое волненье.

Окончи же мое смущенье.

Юстина, слушай мой рассказ.
Лисандром я зовусь[137]*, как знаешь,*

---

[137] Примечания: 137

Лисандром я зовусь... - Прототип этого действующего лица есть в исходных латинских текстах: это диакон Прогелий, который обращает Юстину, а затем и ее родителей в христианство.

Да не дивит тебя нисколько,
Что именем я начинаю
Повествование мое.
Хотя мое ты имя знаешь,
Что обо мне тебе известно,
Как не одно лишь это имя?
Но повесть следует за ним.
Из города того я родом,
Что на семи горах гнездится,
Тот город — каменная гидра,
Имеющая семь голов[138].
Там царства Римского столица,
Приют для христиан достойный,
Лишь Рим заслугу ту имеет.
В том городе родился я,
Родители мои смиренны,
Коль именем смиренных должно
Тех называть, кого наследство
Ряд добродетелей таких.

---

[138] Примечания: 138

Тот город - каменная гидра, // Имеющая семь голов. - Речь идет о Риме, стоящем на семи холмах; семь голов было у мифической Лернейской гидры, которую победил Геракл.

Родились оба в христианстве,
Благосчастливые потомки
Тех, кто своею красной кровью
Томленья жизни завершил,
Запечатлев триумф над смертью.
Я вырос в христианской вере
И с детства так ей был научен,
Что, на защиту встав ее,
Я жизнь отдам, и многократно.
Был юношей, как в Рим сокрыто
Разумный Александр, наш папа[139],
Пришел — апостольский престол
Занять, и не имел он места,
Где б мог престол тот находиться.
Язычников жестоких ярость,
Чтоб жажду утолить свою,
Кровь мучеников проливает,
И Церковь подлинная ныне

---

[139] Примечания: 139

Разумный Александр, наш папа... - Вероятно, имеется в виду Александр - епископ Иерусалимский, погибший в 250 г. мученической смертью во время гонений при императоре Деции; имя это упоминается Кальдероном как указание на время действия. Папами назывались епископы, возглавлявшие христианские общины с середины II в.

Своих детей лелеет втайне, —
Не потому, что смерть страшна,
Не потому, чтоб строгих пыток
Они боялись, — потому лишь,
Чтобы мятежная суровость
Не истребила сразу всех,
А коль разрушена вся Церковь,
В ней больше никого не будет,
Кто просвещение давал бы
Язычникам, и их учил.
В Рим прибыл Александр, и, тайно
Его увидев, получил я
Благословенье, посвященье,
В достоинство был возведен,
В котором пребывает святость,
И зависти к ней полон ангел,
Затем что средь живущих этим
Отмечен только человек.
Мне Александр дал повеленье
В Антиохию путь направить,
Чтоб проповедовал я тайно
Закон Христа. Покорный, я,

Столь многие пройдя народы,
Путь совершил в Антиохию;
Когда же наконец увидел
С величественных этих гор
Верхи златые гордых башен,
Меня оставило вдруг солнце,
День увлекая за собою,
Мне видеть дав лицом к лицу
Замену солнечную, звезды,
Как бы в залог того, что скоро
Оно придет меня увидеть.
Но с солнцем путь я потерял
И, горестно во тьме блуждая,
В извилинах и скал и чащи,
Себя увидел в месте скрытом,
Где пряди трепетных лучей,
Что изливал живой тот факел,
Невидимы для зренья были
Что было там листвой зеленой,
То стало мраком смутных туч.
Я там решил дождаться солнца
И, дав простор воображенью,

Что столь законен для мечтанья,
С уединением я вел
Многоразличные беседы.
Так пребывал я, — вдруг раздался
Чуть слышный возглас, — вздох неясный,
Едва был эхом донесен,
И, где возник, туда вернулся.
Все чувства обратил я к слуху
И с большей четкостью услышал
Дыханье слабое и вздох,
Немой язык печальных сердцем,
Единственный, что им дарован.
То стон был женщины, и тотчас,
Тот покрывая слабый вздох,
Раздался голос человека,
Вполголоса сказал мужчина:
"На крови самой благородной
Пусть будет первое пятно
Моей рукою стерто лучше,
Чем если умереть должна ты
В руках у палачей презренных!

Прерывисто ему в ответ
Несчастная так говорила:
"Хоть над своею кровью сжалься,
Когда меня ты не жалеешь!"
Я к ним приблизиться хотел,
Дабы жестокость не свершилась,
Но я не мог, умолкли звуки,
И лишь мужчину увидал я,
Он удалялся на коне.
Но жалости моей магнитом
Опять возник тот голос слабый
И лепетал, стонал, рыдая,
И, замирая, говорил:
"Я мученицей умираю,
Невинною и христианкой!"
Как на звезду, пошел на голос
И быстро я дошел туда,
Где женщина боролась с смертью
Во тьме, где смутно было видно.
Едва мою услышав поступь,
С усильем молвила она:
"Вернись, кровавый мой убийца,

Не дай мне и минуты жизни!"
"Не тот я, — говорю в ответ ей, —
Случайно я пришел сюда,
Но, может быть, ведомый небом,
Чтоб вам помочь в беде великой!"
"...Уж невозможно, — отвечала, —
Мне состраданием помочь,
Жизнь истекает с каждым мигом,
Но пусть благоволенье ваше
В несчастной этой сохранится,
Которой небом суждено,
Родившись из моей могилы,
Наследовать моим несчастьям!"
Последний вздох свой испустила,
А я увидел...

СЦЕНА 8-я

Ливия. — Юстина, Лисандр.

Ливия

Юстина

Лисандр

(Уходит.)

Юстина

Ливия

Юстина

Господин,
Купец, которому ты должен,
Пришел за деньгами, с ним власти,
Сказала, что тебя нет дома.
Скорее выйди в эту дверь.

О, как огорчена я этим!
Тебя прервали в то мгновенье,
Когда я всей душой внимала
Повествованью твоему.
Но уходи теперь, владыка,
А то тебя увидят власти.

О, горе, сколько огорчений
Претерпеваешь от нужды!

Я слышу там шаги. Конечно,
Они приходят.

Нет, другие.

То Киприан.

Чего же хочет
Здесь Киприан?

СЦЕНА 9-я

Киприан, Кларин, Москон. — Юстина, Ливия.

Киприан

(В сторону.)

(В сторону.)

(В сторону.)

Юстина

Киприан

(В сторону.)

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

(Уходит, и Киприан также.)

Лишь вам служить.
Увидя, что отсюда власти
Выходят, я, подвигнут дружбой,
Соображая о Лисандре...

(Во мне смущенье)... может быть...

(Какой по жилам сильный холод!)
Служить вам в чем-нибудь могу я...

(О, нет, не холод, это пламень!)

Вас небо да хранит века!
Отцу благоволенье ваше
Почетно, также как и важно.

Всегда готов вам быть слугою.

(Но что смущает мой язык?)

Он вышел и его нет дома.

Тогда сказать сейчас могу я,
Что, госпожа, меня приводит:
Причину я уже сказал,
Но не единственная это.

Итак, чего же вы хотите?

Я буду краток и хочу я,
Чтоб вы услышали меня.
Исполненная чар Юстина,
Краса людского естества
В вас знак являет божества,
Меня единая причина
Сюда приводит в этот час,
Чтоб ваш покой лелеял вас.
Но видите, в том тирания,

Что берегу я ваш покой,
А нарушаете вы мой,
И пытки здесь терплю такие.
Был Лелий так любовью взят,
(Он в том имеет оправданье!)
И Флор любовью так объят,
(Понятно это состоянье!)
Что оба, — этот, как другой, —
Друг друга быстрою рукой
Убить хотели. Во вниманье
(О Боже!) к вам, им помешал.
Я зло умножил, не исправил:
Других от смерти я избавил,
Но в вас я смерть мою снискал.
Во избежание злословии,
От них двоих пришел сюда,
(Не приходил бы никогда!)
Чтоб во вниманье к их любви
Судьей вы были их забот,
Решили, этот или тот
Способен в вас будить не гневность.
Но мне за что подобный гнет?

Их чувств хочу свести я счет,
А вы даруете мне ревность.
Так, госпожа, свожу к концу:
Хочу я, чтобы вы сказали,
Кого из двух (о час печали!)
Избрали, — к вашему отцу
Тогда придут (о я несчастный!),
Чтоб все решил он мыслью властной.
Вот притязания мои.
Но только знайте (я сгораю!) —
Несправедливо (умираю!),
Чтобы ходатайство свое
Я выполнял за их мученье,
За их любовь, а в то мгновенье
Я сам бы чувствовал ее.

Бесчестное то предложенье
Так озадачило меня,
Что сразу онемела я
И вдруг лишилась рассужденья.
Что означает эта речь?
Я повод не давала Флору,
Ни Лелию, дабы позору

Таких мне подвергаться встреч.
И видя, как я к ним сурова,
Понять могли бы вы пример,
Чтоб избежать подобных мер,
Не строя здесь такое слово.

Коль был бы вами, кто любим,
Я, на вниманье притязая,
Явился б низким и дурным,
Во мне была бы страсть слепая.
Но вас скалою твердой зная
И зная, что волна шумит,
А вы пред нею, как гранит,
Себя другими не карая,
Я вас люблю, и никаких
Себе примеров в тех двоих
Не нахожу. Какое слово
Я Лелию снесу?

Чтоб он
В себе рассеял этот сон,
Я много лет к нему сурова.

А Флору что?

Чтоб в стороне,
Вдали держался он.

А мне?

Чтоб ваша страсть была скромнее.

Но страсть любви есть Бог.

Для вас
В ней больше силы в этот час?

Да, этот бог во мне сильнее.

Ответ дала (как дать яснее?)
Для Флора, Лелия и вас.

СЦЕНА 10-я

Кларин, Москон, Ливия.

Кларин

Москон

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Москон

Ливия

Москон

Ливия

Кларин

Ливия

(Уходит.)

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

(Уходит.)

К вам, госпожа, мы за ответом.

К вам за ответом, госпожа.

Вниманьем вашим дорожа,

Мы оба ждем.

Что скрыто в этом?
Чего хотите?

Мы хотим
Сказать, что оба вас мы любим,
Еще минута — и погубим
Друг друга, сразу истребим.
Но, городских бежа злословии,
Скажите, кто из двух любим
Иль может ожидать любви?

Настолько я огорчена,
Что так со мной вы говорите,
Что потеряла все я нити,
Нет разума, я смущена.
Чтоб одного я выбирала?
Мое страданье таково?
И так терпеть! Я — одного!
Ума во мне настолько мало,
И так слаба душа моя,
Чтоб не двоих избрала я?

Двоих в одно и то же время?

Тебе не будет в этом бремя?

Нет, женщины, — скажу я вслух, —
Мы переварим сразу двух.

И будешь в этом ты счастливой?

Какая глупость — повторять!
Могу любить, любить опять,
Я честно...

Как?

Альтернативой.

Альтернатива? Это что ж?

А каждый ты — свой день возьмешь.

Так, я сегодня выбираю.

Не спорю с прихотью твоей:
День будет завтрашний длинней.

Так как бы ни было, а знаю,
По Ливии я помираю,
И нынче Ливия моя.
И этим очень счастлив я.

Я, ваша милость, вам известен.

Что утверждаешь? Заключай.

Я заключил, что, как я честен,
Двенадцать бьет, и ты прощай.

СЦЕНА 11-я

Улица.

Флор и Лелий, в ночной одежде, каждый приходит со своей стороны.

Лелий (про себя)

Флор (про себя)

Лелий (в сторону)

Флор (про себя)

Чуть только ночь объята мраком,
Покров распространился черный,
Как я до этого порога
Молиться сердцем прихожу.
Хоть Киприан сумел сегодня
Сдержать стремившуюся шпагу,
Но не сдержал он этим чувство,
Возможно ль чувства задержать.

Пусть здесь заря меня находит.
Когда не здесь, я мучусь буйно,
В других местах себя я вижу
Вне средоточья моего.
О, пусть любовь зарю торопит,
От Киприана жду ответа,
Гадаю, будет ли в нем счастье,
Или опасность и печаль.

Какой-то шум в окне я слышу.

Какой-то шум там на балконе.

СЦЕНА 12-я

Дьявол, открывает окно в доме Лисандра. — Флор, Лелий.

Лелий (в сторону)

Флор (в сторону)

Дьявол (про себя)

(Спускается по лестнице.)

Лелий (в сторону)

Флор (в сторону)

Лелий (в сторону)

Флор (в сторону)

Лелий (в сторону)

(Оба приближаются, с обнаженными шпагами, чтобы узнать, кто спустился наземь.)

Дьявол (про себя)

(Погружается в землю. Флор и Лелий стоят лицом к лицу.)

Оттуда вышел кто-то смутный.

Кого-то вижу средь теней.

Дабы преследовать Юстину,

Как это я намереваюсь,

Ее дерзну я так ославить.

Несчастный! Что я вижу здесь!

Злосчастный! Что здесь взор мой видит!

С балкона устремился книзу

Неявственный какой-то призрак.

Из дома вышел человек.

О, ревность, дай мне жить, покуда
Я не узнаю, кто он, этот.

Узнаю, кто он, и проверю,
Кто счастие мое украл.

Не только я теперь Юстину
Ославлю[140]*, но затею ссоры*
И вместе вызову убийства.
Раскройся предо мной, земля,
Дабы глаза их усомнились.

СЦЕНА 13-я

Флор, Лелий.

Лелий

Флор

Лелий

Флор

Лелий

---

[140] Примечания: 140

...я теперь Юстину // Ославлю, ... - Для того, чтобы опорочить честь девушки или дамы, считалось достаточным появление (замеченное свидетелями!) незнакомого мужчины вблизи балкона или под окном ее дома.

Флор

(Они бьются.)

Лелий

Флор

Кто бы ни были вы здесь, достойный,
Но кто вы, я узнать решился,
И с этой целью прихожу.
Так отвечайте же мне, кто вы.

Коль оттого ваш гнев отважный,
Как тайно служите любви,
Так я скажу, что мне важнее
Узнать, кто вы, — в вас любопытство,
Во мне же ревность. Бог свидетель,
Узнать, кто в доме господин,
Я должен, — кто в такое время,
Спускаясь с этого балкона,
Уносит то, о чем скорблю я,
Томясь у этого окна.

Прекрасно выдумано это.
Мне приписать бесславье чувства
И счесть, что я, не вы, преступный.

Кто вы, я должен знать теперь.
Того хочу теперь убить я,
Кто ревностью меня убил здесь,
Спускаясь с этого балкона.

Как глупо так пытаться скрыть
Любовь, которая открыта.

Напрасно языком стараться
Узнать, что сталь узнает лучше.

И сталью отвечаю я.

Я должен знать и я узнаю,
Кто стал любовником Юстины.

Или умру или узнаю,
Кто вы. Решился я на то.

СЦЕНА 14-я

Киприан, Москон, Кларин. — Флор, Лелий.

Киприан

Флор

Киприан

Флор

Киприан

Лелий

Киприан

Лелий

Киприан (к Флору)

Лелий

(Уходит.)

Флор

Прошу сдержаться благородных,
Коль может обязать к тому вас,
Что вовремя сюда я прибыл.

Никто не вынудит меня,
Чтоб я намеренье оставил.

Флор?

Да, когда держу я шпагу,
Свое я не скрываю имя.

Так пусть умрет обидчик твой.
Я за тебя.

Вас всех я меньше
Боюсь, чем одного боялся.

Ты, Лелий?

Я.

Не за тебя я.
Я должен встать меж вас двоих.
Что здесь такое? Должен дважды
В один я день ваш спор окончить?

И этот раз последним будет.
Когда узнал я, кто любим
Юстиной, больше нет надежды
И помыслов нет ни малейших.
Коль ты не говорил с Юстиной,
Прошу тебя, не говори:
Мое несчастье и обида
Не могут говорить, узнавши,
Что втайне Флор возлюблен ею.
С того балкона он сошел,
Где то он взял, что я теряю.
Любовь моя не столь бесславна,
Чтобы она любить хотела,

Когда я ревность подтвердил
Разубеждением столь явным.

Постой!

СЦЕНА 15-я

Киприан, Флор, Москон, Кларин.

Киприан

(В сторону.)

Флор

(Уходит.)

За ним идти не нужно.

(Я умер, это услыхавши.)
Когда он вправду потерял
То, что нашел ты, и когда он
Предать забвенью это хочет,
Не доводи его страданье
До завершенного конца.

И ты и он одновременно
Меня доводите до края.
И от меня, прошу, с Юстиной

Не заводи ты разговора.
Хоть за ее пренебреженье
Хочу, ценой обиды явной,
Отмстить, — утратил я надежду,
Что буду ей принадлежать.
Упорствовать неблагородно,
Когда свою проверил ревность.

СЦЕНА 16-я

Киприан, Москон, Кларин.

Киприан (в сторону)

(Уходит.)

(Что это, небо? Что я слышу?
Один к другому в тот же миг
Одну испытывают ревность?
А я ревную к ним обоим?
Недоуменные, здесь оба
В ошибку впали. Им двоим
Моя признательность за то, что
Свои отвергли притязанья.
И радуюсь я тем несчастьям,

Я утешенье вижу в них
Моей тоске.) Москон, назавтра
Мне приготовь наряд роскошный.
Кларин, неси мне тотчас шпагу
И перья. Для любви всегда
Услада — видеть, что блестяще.
Уж книг я больше не желаю,
Пусть утверждают, что обычно
Врагиня гения любовь.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Киприан, Москон, Кларин, одетые праздничнo.

Киприан (в сторону)

Москон

Киприан

Москон

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

(Куда, куда меня влечете,
Высокие мечты мои?
Ведь вы в безумном забытьи.
Лишь к заблуждениям идете.
До неба дерзкий ваш полет,
Высокомерные усилья,
Мгновенно вы, сломивши крылья,
В провал срываетесь с высот.
Юстину видел... Сон без меры.
О, никогда бы я не страдал
И никогда бы не видал
Тот чистый свет четвертой сферы!
Она — желание двоих,
Враждою связаны те двое,
Я ревностью лишен покоя
Вдвойне, и бед мне ждать каких?
Лишь знаю — ярость подозренья
Меня свергает по скале,

От мглы отказа — к большей мгле,
Из тьмы обиды — в оскорбленье.
И я не знаю ничего,
Лишь одного хочу — Юстины,
Она мне жизнь и свет единый,
О, небо, в ней венец всего!)
Москон!

Что господин желает?

Узнай, Лисандра нет?

Сейчас.

Я в дом войду на этот раз!
Москон там нынче не бывает.

Вот скука. Это почему?
Всегда упрямство своеволья.
Что это значит?

Для раздолья
Сегодня быть там не ему.
Охотно это порученье
Я выполню, но не Москон.
Туда пойдет лишь завтра он.

Что за причуда измышленья?
Еще упрямствует притом.
Ни он, ни ты. Мне все едино.
Здесь свет являет свой Юстина.

Приходит с улицы в свой дом.

СЦЕНА 2-я

Юстина и Ливия, в покровах — Киприан, Москон, Кларин.

Юстина (в сторону, к Ливии)

Киприан (в сторону)

Юстина

Киприан

Юстина

(Идет, удаляясь.)

Киприан (следуя за нею)

(Юстина уходит.)

Беда! и как здесь быть мне с нею?
О, Ливия, там Киприан.

(Хоть ревностью я обуян,
Но лучше скрыть, как пламенею,
И ждать, проверку сторожа.
Лишь как люблю ее, скажу я,
Коли смогу, душой ревнуя.)
Я не напрасно, госпожа,
Переменил свою одежду:
Хочу я быть слугою вам
И к вашим я несу ногам
Мою покорность и надежду.
Так да смогу отныне быть,
Коль может умолять томленье:
Служить вам дайте позволенье,
Коль не даете вас любить.

Я вижу, господин, что тщетны
Мои разуверенья к вам...

О, я взываю к небесам!

Стремленья ваши безответны,
Прошу, чтоб мир забвенья дан
Был мне, и вижу, что напрасно.
Зачем, когда я безучастна,

Меня искать вам, Киприан?
Ищите дни меня, недели,
Года, столетья — все равно
Надежды вам не суждено,
Одной достигнете вы цели:
Ни в чем я вам не уступлю,
И так мое решенье строго,
Что я до смертного порога
Вас, Киприан, не полюблю.

Мне упованье в том, и верьте:
Коль в смерти свет любви, так срок
Мне до блаженства недалек,
И, близость чувствуя, я к смерти.
Мне этот договор подстать,
И сердцем льну к тому условью:
Так начинайте же с любовью,
Уже я начал умирать.

СЦЕНА 3-я

Киприан, Москон, Кларин, Ливия.

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Москон

Ливия

(Уходит.)

Покуда здесь с самим собою
Мой господин ведет совет,
И как живой стоит скелет,
Любовной поглощен борьбою,
Приди в объятия ко мне,
О, Ливия!

Прошу терпенья.
Минуту дай для рассмотренья,
Он твой ли, этот день вполне.
Во вторник нет, а в среду можно.

Какой тут счет? Молчал Москон.

Быть может, что ошибся он,

Я правой быть должна неложно.
Так если ум мой дорожит
Размерной правдой поведенья,
Должна давать я без сомненья,
Что каждому принадлежит.
Но говоришь ты справедливо,
Сегодня день, конечно, твой.

Так обнимись скорей со мной.

И буду в этом я счастливой.

Эй, ваша милость, пламя дня,
Моя царица дорогая!
Заметь, столь страстно обнимая:
Так завтра обними меня.

Излишне это подозренье,
Такая не придет беда,
Чтобы кому-нибудь когда
Да не дала я утоленья.
Обняться вовсе мне не лень,
И быть чрезмерной не желая.
Я справедливо обнимаю,
И обниму тебя в твой день.

СЦЕНА 4-я

Киприан, Москон, Кларин.

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Киприан

(И тот и другой приближаются к Киприану, каждый со своей стороны, и он, делая движение, ударяет их обоих.)

Кларин

Москон

Кларин

Киприан

Кларин

Москон

Киприан

(Уходят.)

Вне глаз моих по крайней мере.

Какая же в том есть беда?
Девица не моя ведь? Да?
И значит тут мне нет потери?

Нет.

И вреда мне значит нет.
И следственно здесь, ваша милость,
Впадать не нужно мне в унылость:
Раз день не мой, так нет и бед.
Но господин наш в обомленьи.

К нему приближусь. Примечай.

Я тоже встану ближе.

Ай!

В таком, Любовь, мне быть сомненье!

Ай, горе мне!

Ай-ай, и мне!

Как вижу, здесь страна такая:

Здесь море с островом Ай-ая,
И мы вздыхаем в той стране.

Сейчас вы оба тут стояли?

Клянусь, что да!

Еще бы нет!

Пусть я дойду до грани бед.
В подобный был ли кто печали?

СЦЕНА 5-я

Поле.

Киприан, Кларин, Москон.

Кларин

Москон

Кларин

Киприан

Москон

Кларин

Киприан

Кларин

(Кларин и Москон уходят.)

Куда мы держим путь, Москон?

Когда дойдем, тогда узнаем,
Но только за город шагаем.

Так значит бесполезный он,
Тот путь, — нам ныне чужды знанья.

Кларин, ступай домой.

А я?

Туда дорога и твоя.

Уйдите оба.

Нам изгнанье.

СЦЕНА 6-я

Киприан.

Киприан

О, память к смутному спеша,
Так не влеки в воображенье,
Не то возникнет убежденье,
Что здесь другая есть душа,

Ведущая меня с собою.
Меня мой идол облепил,
И я мечтой погублен был,
Я весь захвачен красотою,
И созерцал я божество.
Среди бессонных заблуждений
И утомительных сомнений
Я знаю, я люблю кого,
Не знаю я, кого ревную.
И страсть — того не утаю —
Влечет настолько мысль мою,
Терплю такую пытку злую,
Что вот я размышляю вслух,
(И горе! Это недостойно!)
Настолько все во мне нестройно,
Что если б дьявольский здесь дух
(И самый ад я вызываю)
Явился, — душу я мою
За женщину ту предаю,
Чтоб ей владеть.

СЦЕНА 7-я

Дьявол. Киприан.

Дьявол (за сценой)

(Раскаты грома, буря и молнии.)

Киприан

(Гул грозы, слышны крики.)

Голоса (за сценой)

Дьявол (за сценой)

Киприан

(Выходит Дьявол, мокрый, как будто он вышел из моря.)

Дьявол (про себя)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(В сторону.)

(В сторону.)

Киприан

Дьявол

Киприан

(В сторону.)

Дьявол (в сторону)

Я принимаю!

Что приключилось? Небеса
Безоблачны, — и в тучах их краса?
И день слабеет в обомленьи.
Раскаты грома, молнии в гореньи,
Из средоточия небес
Взорвались ужасы средь облачных завес.
В венце из туч и лес мохнатый,

Что горные украсил скаты.
Весь горизонт на север и на юг,
Одна горящая картина, адский круг,
В тумане солнце, воздух — дымы,
Огни в лазури там, они неисследимы.
О, мудрость. Я тебя оставил уж давно,
Откуда это все, мне ведать не дано.
Воображенью даже море
Является в разрывном споре,
Оно развалина, что мчится в облаках,
Как хлопья перьев на ветрах,
Как пепел, пена улетает.
Корабль на море погибает,
Вот в море не вместится он,
И пристань для него не пристань, а урон,
В нее он тоже не вместится,
Там суждено ему разбиться.
Там вопли, страхи, стоны, крик,
И образ гибели возник,
И если медлит час кончины,
Смерть достоверна там, где в бешен-

стве причины.
И не в стихиях лишь одних
Явленье знамений таких.
Не только небо из лазури
Решила прихоть этой бури.
Не в море лишь одном война.
Вот к кораблю скала идет со дна,
Чтоб он споткнулся, — он разбился,
И пенный облик волн весь кровью обагрился.

Мы гибнем! Мы идем ко дну!

Я на доске пройду волну.
Достигну суши я, чтобы достать до цели.

Там в водном бешеном пределе,
Смеясь над яростью пучин,
До суши человек один
Плывет, а между тем корабль средь водных склонов,
Ища прибежища тритонов,
В закрученный водоворот
Нырнул, в незримости плывет.

(Чтоб некое свершилось чудо,
Я на сафировых полях
Был должен выявить тот страх
Средь ужасающего гуда.
Ему иной явлю я вид,
Чем тот, в котором я являлся,
Когда с ним в мудрости сражался,
Не зная, что меня затмит.
Иду я новою войною,
И мне поможет в битве вновь
Его же ум, его любовь.)
О мать — земля, тебя родною
Зову, так помоги же мне,
С чудовищем я бился гневным.

Забудь о горе том плачевном,
О грозной позабудь волне,
Заметь, что прочного нет счастья
Ни для кого здесь под луной.

Кто ты? Так говоря со мной,
Желанность мне даешь участья.

Я тот, кто, пожалев тебя,

Теперь желает облегченья
Тебе от тяжкого мученья,
Чтоб отдохнул ты, не скорбя.

В том невозможность, чтобы знал я
Усладу отдыха. Всегда
Со мною быть должна беда.

Как так?

Свое все потерял я...
Но тщетна жалоба моя.
Пусть вступит жизнь в свое теченье,
Воспоминаниям — забвенье.

Землетрясения уж я
Не ощущаю, стихла буря,
И мрак небес не бороздит,
Хрустальный и спокойный вид
Они являют, лик не хмуря,
Так быстро все произошло,
Что в этом явно указанье:
Корабль погиб здесь в воздаянье
За что-то, — и опять светло.
И так как я тебя жалею,

Скажи мне, кто же ты такой?

Я ведал больше пытки злой,
Чем рассказать сейчас сумею.
И это меньшая беда,
Что ты здесь видел пред собою.
Я мучим грозною судьбою.
Ты хочешь знать об этом?

Да.

Так если знать об этом хочешь,
Я эпилог, я изумленье
Безмерных счастий и несчастий,
Я — тоскование потерь.
Я столь блестящим был по виду,
Столь героическим по блеску,
Столь благородным по рожденью,
Столь в разуме проникновен,
Что, верь (он между всех великий,
Боятся все, когда он гневен),
Пленившись свойствами моими,
В своем сверкающем дворце,
Где средь алмазов гиацинты,

(И ежели промолвишь звезды,
Чрезмерностью не будет это),
Меня избрал из всех других
Своим любимцем, и настолько
Я опьянен был предпочтеньем,
Что вознамерился надменно
Я царский захватить престол
С его красою золотою.
Была в том варварская дерзость,
Я это вижу после кары.
Я как безумный поступил,
Но, коль раскаиваться стал бы,
Я был бы в том еще безумней.
Отдавшись смелому хотенью,
В своем упрямстве я скорей
Низвергнусь в пропасти отважным,
Чем сдамся, уступая страху.
И пусть я был высокомерным,
Я в дерзости был не один,
Из подданных его немало
Ко мне своей склонились волей.
Его придворною дружиной

Я наконец был побежден,
Хоть частию был победитель,
И я пошел, стремя отраву —
Я ртом своим, и силой взора,
И проповедовал я месть,
Глубоко затаив обиду,
В его рядах я сеял смерти,
И грабежи, и оскорбленья.
В обширных пастбищах морей
Я проношусь, пират кровавый,
Следя, как аргус, за судами[141],
Как рысь ища камней подводных
На том проворном корабле,
Что ветер разметал как перья,
На корабле, что в море скрылся
И ни пылинки не оставил,
По тем путям из хрусталя
Я пробегал, исполнен жажды,
Был горный лес обыскан взглядом,

---

[141] Примечания: 141

Следя, как аргус, за судами, ... Мифологическая метафора: видящий все корабли на море. Аргус в древнегреческой мифологии, титан - тысячеглазый страж Ио, аллегория "всевидящего" звездного неба.

Ствол за стволом, за камнем камень,
Внимательно я проследил,
Там человек, его мне нужно,
Он слово дал, и это слово
Я получил, хочу свершенья.
Внезапно грянула гроза,
И если мой волшебный гений
Мог обуздать одновременно
И северный и южный ветер,
Отчаявшись, я не хотел,
Другим причинам повинуясь,
Их сразу превратить в зефиры.

(Хоть мог, не захотел, сказал я:
Ловушка гению его,
Он тотчас волшебства захочет.)
Не удивляйся на досаду,
Не удивляйся и на чудо:
Такой владеет мною гнев,
Что я убить себя хотел бы,
А что до чуда, силой знанья
Я солнце побледнеть заставлю.
Настолько силен в волшебствах,

Что роспись я шарам небесным
Веду, и ими я владею,
Я обошел их шаг за шагом,
Черту отметил за чертой.
И чтоб тебе не показалось,
Что хвастаюсь я без причины,
Вот в это самое мгновенье
Взгляни, коль хочешь ты того:
Тот грубый лес, Немврод скалисты,
Что спутаннее Вавилона[142],
Перед тобой разнимет недра,
Не потеряв своих листов.
Так вот каков я, гость — хозяин
Тех ясеней, тех ольх ветвистых,
И, пусть такой владею силой,
Я падаю к твоим ногам,
О помощи к тебе взывая.

---

[142] Примечания: 142

Тот грубый лес. Немврод скалистый, // Что спутаннее Вавилона. - Библейская метафора: символ силы и противления. Нимрод, внук Ноя: "сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар". (Бытие, 10; 8, 9, 10). Речь идет о "горе", над которой Дьявол будет совершать чудеса.

И если мне ее окажешь,
За то, что у тебя куплю я,
Ценою знаний, дам тебе,
Имея в том обильный опыт,
Твоей предоставляя воле,

(Его любви я тем касаюсь.)
Все то, чего хотенье ждет,
Чего ты жаждешь и желаешь.
И если это предложенье
Из вежливости или страха
Ты не решаешься принять,
Мои намеренья прошу я
Счесть не пустыми лишь словами:
За то, что выразил ты жалость,
(За это я благодарю)
Твоим я буду другом верным,
И ни чудовище измены,
Которое судьбой зовется,
Любви успех и неуспех,
То скрягой кажется, то щедрой,
Ни время, тот магнит столетий,
Что вечно носится кругами,

Свою осуществляя цель,
Ни небо дома, нет, ни небо,
Чьи звезды лучший праздник мира,
Не смогут на одно мгновенье
Меня с тобою разлучить,
С тобой, что здесь моя защита.
И это все чрезмерно мало,
Коли сумею я достигнуть
Того, что хочет мысль моя.

Могу сказать — благодарю я море
За то, что в его просторе
Потерян был и прибыл в этот лес,
А твой корабль в волнах исчез.
Ты дружбу здесь мою узнаешь,
Коль гостем быть моим желаешь,
Итак, иди теперь со мной,
И будешь друг ты верный мой!
Мой дом в твоем распоряженьи.

Я твой — и в том твое хотенье?

Тебе объятие я дам,
И дружба наша свет векам.

(О, если б я того достиг
И в магию через него проник.
Коль ей меня научит он, тогда бы
Я частью отдохнул, любовь смягчить могла бы,
Мое страданье. Или чрез волшебство
Моя любовь достигла бы всего,
Прекрасной цели всех мучений,
И бешенства, и разъярений.)
Любви и гению уж он отдаться рад.

СЦЕНА 8-я

Кларин и Москон, прибегают каждый со своей стороны. — Киприан, Дьявол.

Кларин

Москон (к Кларину)

Кларин

Москон

Киприан

Москон

Дьявол

Киприан

Москон

Киприан

Кларин

Киприан (к Дьяволу)

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол (в сторону)

(Киприан и Дьявол уходят.)

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

Кларин

Москон

(Уходят.)

Ты жив, наш господин?

Учтивость невпопад.
Твоя поспешность здесь напрасна:
Ведь жив, ты видишь слишком ясно.

Мой стиль, согласен, пышным был,
Являя торопливый пыл,
Но в этом доблестность лакея
О чуде справиться скорее:
Ведь молниями лес изборожден.

Ты видишь, что спокоен он?

Мои служители! Зачем сюда идете?

Заботу приложить к твоей заботе.

Весьма веселый нрав у них.

Всегда со скукой глупостей своих.

Кто этот человек, скажи нам?

Мой гость.

Гость с нашим господином?
Зачем нам принимать гостей?

Не видит он всей доблести твоей.

Прав господин. А ты — наследства здесь лишился?

Наследства — нет, но гость, пожалуй, к нам вселился
На год, а может и на два,
Такая у него, как вижу, голова.

Откуда это заключаешь?

А разве поговорку ты не знаешь?
Когда проходит скоро гость,
Так говорят: "Тут не бывала злость.

Немного будет в доме дыма".
А этот...

Говори.

Он не пройдет так мимо.

Что ж именно?

Уж будет в доме дым.

Чтоб был конец страданиям твоим,
И отдых был от гнева моря,
Иди со мной.

Иду, не споря.

Хочу, чтоб отдохнул скорей.

И смерти я хочу твоей.
Мой замысел вполне удался,
И я теперь с тобой остался,
Я подожду еще, а там
Я за Юстиной по пятам.

Не знаешь мысль мою?

Какую?

А ту, что в бурю грозовую

Взорвался где-нибудь вулкан,
И серным духом воздух пьян.

Не оттого ль, что гость прошел здесь по дорожке?

Плохие, верно, ест лепешки.
А также и еще причину вижу тут.

В чем именно?

А у него растут
Нарывы скверные, и бедный кабальеро
Намазался, а это зелье — сера,
Без примеси целебных трав.

Ну, в этом ты, пожалуй, прав.

СЦЕНА 9-я

Улица.

Лелий, Фабий.

Фабий

Лелий

Фабий

Киприан

(Уходят.)

Так в этой улице ты снова?

Причину я не утаю:
Я жизнь здесь потерял мою.
И выхода ищу другого.
О, если бы моя любовь
Мне жизнь мою вернула вновь!

У дома ты стоишь Юстины.

И в этом есть свои причины:
Что в том, когда решился я
Любовь мою явить полнее?
Коль ночью здесь другой смелее?
Быть может, днем тоска моя
Найти сумеет утоленье.
Уйди, войти мне, без сомненья,
Удобней будет одному
В ее заветную обитель.
Отец мой, знаешь ты, правитель
Антиохии. Потому
Могу я бешенством упиться,

И в этом яростном бреду
К Юстине смело в дом войду,
Пусть оскорбленье разъяснится.

СЦЕНА 10-я

Зала в доме Лисандра.

Юстина, и тотчас Лелий.

Юстина

(Входит Лелий.)

Лелий

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Лелий

Юстина

Лелий

Юстина

Киприан

Юстина

Лелий

Юстина

Лелий

Юстина

Да, Ливия. Но кто вошел?

Я.

Это что ж еще такое?
И поведенье столь слепое
Ты, господин, уместным счел.

Когда я ревностью терзаюсь,
Во мне пожар, и я горю.
Я только это говорю,
Твоей я чести не касаюсь,
С любовью кончился почет.

Но как же смеешь, дерзновенный...

Я в бешенстве.

Входить...

Я пленный,
И ревность мучает и жжет.

Сюда...

Я гибну, осужденный.

И твой не замечает взор,
Что создаешь ты здесь позор?

Уже он есть, и уличенный.

Что, Лелий, скажут обо мне?

Юстина, в том заботы мало.
Ты лучше с тем бы размышляла,
Кто здесь в полночной тишине
Спускался с этого балкона.
Я знаю низости твои,
И на искания мои
В тебе суровость — оборона.
Но рассуждает тут не честь,
А только то соображенье,
Что здесь другое увлеченье,

И у тебя желанный есть.

Молчи, молчи, ни слова боле.
Кто смеет в доме так моем
Быть дерзким в помысле своем?
Ты слеп? У гнева ты в неволе?
Воображаемых химер
В себе построил ты скопленье
И светов ищешь ты затменья,
Которым солнце не пример?
Чтоб в доме у меня мужчина...

Да.

Через мой сошел балкон?

Ты видишь, как я угнетен?
Так в том ответ тебе, Юстина.

О, честь, вступись же за себя!

СЦЕНА 11-я

Дьявол, появляется через дверь, которая находится за спиной Юстины. — Те же.

Дьявол (в сторону)

(Делает так, как будто он хочет выйти, и, увидев Лелия, закутывается плащом до глаз, и снова уходит.)

Юстина

Киприан

Юстина

Лелий

Юстина

Лелий

Юстина

Лелий

(Уходит туда, где был Дьявол.)

Юстина

Две цели пред собой имея,
Я к ним иду и, свирепея,
Здесь имя честное губя,
Создать позор велю я чарам:
Влюбленный тот совсем ослеп,
Так для продления судеб
Я страсть его зажгу пожаром.

Сейчас пред ним средь бела дня
Являюсь и скроюсь вдруг, мелькая,
Как бы от страха убегая.

Убить приходишь ты меня?

Нет, умереть.

Что видишь снова,
Что так бледнеешь?

Вижу я,
Как вся обманчивость твоя
Внезапно вырвалась из крова.
Опять ты скажешь мне, что лгу,
Что измышляю оскорбленья.
Вот в это самое мгновенье
Мужчина вышел, но к врагу
Он не пошел, и вновь там скрылся.

Ты видишь в воздухе обман.

Мне довод превосходный дан!

Сперва ты ночью усомнился,
Теперь теней ты ищешь днем.

Тут есть ли что, иль только тени,

Но правды или привидений
В покое поищу я том.

Пусть в это самое мгновенье
Тем оскорбляет он меня,
Развеется при свете дня
Его ночное привиденье.

СЦЕНА 12-я

Лисандр, Юстина; Лелий, за сценой.

Лисандр

Юстина (в сторону)

Лисандр

Юстина

Лисандр

(Лелий показывается у двери.)

Лелий (в сторону)

Юстина (в сторону, к Лелию)

Лелий

(Удаляется.)

Юстина

Лисандр

Юстина (в сторону)

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лелий (за занавесом)

Юстина!

Вот еще несчастье,
Что будет, если Лелий выйдет
И встретится сейчас с Лисандром!

Мои несчастья и тоску
Я прихожу делить с тобою.

Скажи мне, что с тобой? Печали
И недовольства ты исполнен.

Тут сердце рвется пополам.

Рыданья голос пресекают.

Теперь я вынужден поверить,
Что ревность создает виденья,
Тот человек, что предо мной
Возник, — его нигде не видно, —
И скрыться некуда.

Помедли,
Не выходи оттуда, Лелий,
Пока здесь будет мой отец.

Я подожду, чтобы ушел он,
Я излечился от страданий.

О чем ты плачешь и вздыхаешь?
Какое горе, господин?

Великую печаль имею
И беспримерную заботу:
Жестокость — кровью злополучных
Смыться хочет до конца.
К правителю властитель Деций

Прислал декрет[143]*... Сказать не в силах.*

Кто видел большее несчастье?
Лисандр, скорбя за христиан,
О них со мной ведет беседу,
Не знает, что услышит Лелий,
Он сын Правителя.

Юстина...

Прошу тебя, не говори,
Твое волнение чрезмерно.

Пусть все в рассказе повторю я,
С тобою говорить мне отдых.
Он в том декрете повелел...

Не продолжай. Несправедливо,
Чтоб ты свою так мучил старость.

Когда сочувствия ищу я
Тем чувствам, что во мне горят

---

[143] Примечания: 143

К правителю властитель Деций // Прислал декрет... - Речь идет о декрете императора Деция (249-251), изданном в 250 г. Именно этот декрет ознаменовал начало одного из самых длительных гонений на христиан.

И, мысль терзая, убивают,
И о декрете сообщаю,
О жесточайшем, что над влагой
Родился Тибра, тот хрусталь
Избороздив строками крови,
Не хочешь ты меня услышать.
Иначе ранее, Юстина,
Таким внимала ты вестям.

Владыка, времена различны.

Не все я слышу, из беседы
Доносятся одни обрывки.

СЦЕНА 13-я

Флор, Юстина, Лисандр; Лелий, за занавесом.

Флор (в сторону)

Лисандр

Флор (в сторону)

Лисандр

Флор

Юстина (в сторону)

Лисандр

Флор (в сторону)

Лелий (за занавесом)

Лисандр

Флор

Лисандр (в сторону)

В ком ревность, может он придти,
Об уваженьи не заботясь:
Где лицемерна добродетель,
Разоблаченье пусть возникнет.
Но тут отец ее сейчас.
Пожалуй, подождать придется.

Кто в дом ко мне сейчас приходит?

(Уйти тайком мне невозможно,
Придумать нужно что-нибудь)
Я здесь...

Зачем в моем ты доме.

Коль дашь на то мне разрешенье,
Пришел я говорить с тобою

О важном деле.

Сжалься, рок!
Я в затруднениях чрезмерных.

Что повелишь?

Что мне измыслить,
Чтоб выпутаться?

В дом к Юстине
Совсем свободно входит Флор.
Коль ревность та была напрасна,
На этот раз есть основанье.

Ты весь в лице переменился.

Ты этому не удивись,
Я прихожу к тебе с советом,
Касается твоей он жизни.
Врага имеешь ты, который
Тебя замыслил погубить.

(О том известно, верно, Флору,
Что я христианин, и хочет
Меня он от беды избавить.)
Все расскажи мне точно, Флор.

СЦЕНА 14-я

Ливия, Юстина, Лисандр, Флор; Лелий, за занавесом.

Ливия

Флор

(В сторону.)

Лисандр

(Лисандр и Ливия уходят.)

Там, господин, тебя Правитель
Велел позвать, он ждет у входа.

Мне лучше подождать с рассказом:

(Измыслю что-нибудь пока.)
Тем временем ты с ним простишься.

Весьма ценю твою учтивость
И буду здесь через минуту.

СЦЕНА 15-я

Юстина, Флор; Лелий, за занавесом.

Флор

Юстина

Флор

Юстина

Флор

Юстина

Флор

Юстина

Флор

Лелий (в сторону)

Юстина

Флор

Лелий (в сторону)

Флор

(Входит Лелий.)

Лелий

Юстина

Флор

(Хватаются за шпаги.)

Юстина

Лелий

Флор

Юстина

Флор

Так это — добродетель та,
Что даже самый легкий ветер,
Который лаской пролепечет,
Считает тяжким оскорбленьем?
Как потеряла ты ключи
От дома твоего и чести?

Флор, воздержись от оскорблений
И грубо так не покушайся
На ту, чье имя в чистоте.
Сиянье солнца превосходит.

Хвастливость эта опоздала,
Я знаю, кто к тебе свободно
Являться может...

Смеешь так
Мне говорить?

Вон тем балконом...

Ни слова больше.

Что до чести...

Так обращаться со мною?

Кто лицемерен в чистоте,
Тот не заслуживает больше.

Так Флор там не был на балконе.
Другой любовник тут, конечно,
Коль не был там ни я, ни он.

Ты знатной крови, благородных
Не оскорбляй словами женщин.

Как женщиною благородной
Ты можешь называть себя,
Когда к объятьям допускаешь
И выпускаешь чрез балконы.
Тебя завоевал он властью,
Правитель у него отец,
Антиохии повелитель,
И ты увлечена тщеславьем...

Речь обо мне.

Не обращаешь
Вниманья своего на то,
Что недостатки властью скрыты
Происхожденья и привычек,
Однако...

Флор, ни слова больше.
Когда отсутствую, меня
Не оскорбляй. В том свойство трусов —
Соперника чернить словами.
Я выхожу, чтоб замолчал ты,
И стыдно мне, что столько раз
С тобой вступал я в поединок,
А не убит ты и доселе.

Кто без вины бывал в подобных
Опасностях?

Все, что сказал
В твое отсутствие, скажу я
Перед тобой, и правда — правда.

Стой, Лелий! Флор, что хочешь делать?

Отмщение найду я там,
Где я услышал оскорбленье.

Там, где сказал свое я слово,
Его поддерживать я буду.

Спасите, небеса, меня
От столь великих затруднений!

Я покарать тебя сумею.

СЦЕНА 16-я

Правитель, Лисандр, Толпа. — Юстина, Лелий, Флор.

Все входящие

Юстина

Правитель

Юстина

Лисандр

Лелий

Правитель

Киприан

Правитель

Лелий (в сторону)

Флор (в сторону)

Правитель

Лисандр

Правитель

(Правитель и толпа уходят с Лелием и Флором.)

Остановитесь!

О, несчастье!

Что здесь такое предо мной?
Но эти шпаги — указанье,
Мне больших сведений не нужно.

О, я несчастная!

О, горе!

Владыка...

Лелий, замолчи.
Ты сын мой и затеял смуту?
Ты, опираясь на влиянье

И на мое благоволенье,
В Антиохии сеешь рознь?

Заметь, владыка...

Взять обоих.
Да исключения не будет,
Ни преимуществ знатной крови,
Когда вина, вина для всех.

Пришел, ревнуя, удаляюсь
С обидой.

Боль приходит к боли.

Их в разных поместить темницах,
Под стражей содержать в тюрьме.
А вы, Лисандр, как вы способны
Терпеть, чтобы пятно такое
На качествах благих возникло?

Да не обманывает вас
Такая видимость. Юстина
Той ссоре вовсе непричастна.

Хотите вы меня уверить,
Что здесь в неведеньи она?

Тут юноша, она красива.
В опасности такой сдержусь я,
Чтоб не сказали, что пристрастен,
Я здесь судья и я истец.
Но потеряли стыд вы вовсе,
И знаю, что еще дадите
Мне повод (и его желаю)
Сполна для всех разоблачить
Обманчивую добродетель
Явленьем низостей правдивых.

СЦЕНА 17-я

Юстина, Лисандр.

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

Лисандр

Юстина

(Уходят.)

Моим пусть словом будут слезы.

Не время более для слез.
Как дурно я, Юстина, сделал
В тот день, когда тебе задумал
Поведать я, как родилась ты.
Не говорил бы никогда,
Что ты на берегу потока
В лесу была рожденьем трупа.

Я...

Мне не нужно объяснений.

Свидетель небо за меня.

Свидетельство приходит поздно.

Нет срока, чтоб истек он поздно.

Для наказанья преступлений.

Для правды, чтоб ее явить.

За то, что видел, осуждаю.

Тебя за то, что ты не знаешь.

Оставь меня, я умираю.

У ног твоих вся жизнь моя.

СЦЕНА 18-я

Зала в доме Киприана. В глубине галерея, через которую видно поле.

Киприан, Дьявол, Москон, Кларин.

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Москон

Кларин

(в сторону.)

(Прячется.)

Киприан

Дьявол (в сторону)

С тех самых пор, как я с тобою,
Все время здесь печален ты.
В глубокой горести черты,
Лицо отмечено тоскою.
Зачем свою скрываешь боль?
Без колебаний мне откройся,
Я помогу, и успокойся,
Лишь быть полезным мне позволь,
Чтобы твое одно желанье

Исполнить, мглу развеяв, беды,
Я сдвину гвозди всех планет.

Такого в мире чарованья.
Хотя бы дружбу мог явить,
Не сможешь ты осуществить:
Мое желанье невозможно.

Раскрой мне тайны пелену.

Люблю я женщину одну.

Об этом так мечтать тревожно?

Когда бы знал ты, кто она!

Я весь зажженное внимание,
Я любопытство ожиданья,
Но трусость мне твоя смешна.

Заря, что в колыбели нежной
Рождает солнце в светлый час,
Алмазы слез струя из глаз
На свой покров пурпурно-снежный;
Зеленый тайный теремок,
В котором расцветает роза,
Когда апрель тоску мороза

Забыл и в цвет луча облек;
Плененный в беге, ручеек,
Что вот еще свой блеск не мечет,
И лишь вполголоса лепечет,
Еще не свергнув цепи льда;
Едва расцветшая гвоздика,
Где зримо небо в чаше лика.
Коралл и вместе с тем звезда;
Веселая в полете птица,
Что одевается в цвета,
Хрустальным голосом чиста,
Из перьев звонкая цевница;
Под солнцем твердая скала,
Что к солнцу всходит, высь вздымая,
И солнце думает, влюбляя,
Ее расплавить, но, светла.
Без снега есть как и была;
Лавровый куст, что, полн отваги,
Цветет, влюбляясь сам в себя
И цветом блеск лучей любя,
А корни нежа в снежной влаге;
И, словом, пурпур, колыбель,

Ручей, и роза, снег, цевница,
Влюбленная в напевы птица,
В жемчужном бисере апрель,
В хрусталь глядящая гвоздика,
Неколебимая скала,
И лавр, что весь цветная мгла,
Все часть божественного лика,
Для всех красот в ней зеркала.
Я полн забвения такого,
Увы, игралище судеб,
Настолько в страсти я ослеп,
Что в складках нового покрова
Стал походить я на другого.
Свои науки я забыл,
Толпе свою я предал славу,
Я пью в рыданиях отраву,
Ветрам надежду уступил,
Свой ум в презреньи потопил.
Сказал (и в том сдержу я слово),
Что душу брошу я векам
И духу адскому предам
(Пойми, как мучаюсь сурово),

Коль сможет ту, к кому вся страсть,
Он мне за то отдать во власть.
Но в этом торге лишь печали:
Он не придет ко мне, спеша,
Не так ценна моя душа,
Чтоб за нее любовь мне дали.

И хочешь ты теперь идти
По тем тропинкам безнадежным,
Которые есть путь влюбленных,
Что сразу радость ощущают?
Или примеры далеко
Красот, что уступили просьбам
И гордость преклонили к лести?
Желаешь ты достигнуть цели,
Ее в объятья заключив?

И в этом можешь сомневаться?

Так вышли слуг своих отсюда,
И поведем вдвоем беседу.

Отсюда уходите вы.

Я повинуюсь.

Я послушен.

(Теперь я знаю: Гость наш дьявол.)

Они ушли.

Кларин остался.
Но важности немного в том.

СЦЕНА 19-я

Киприан, Дьявол, Кларин, спрятавшийся.

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Кларин (в сторону, за занавесом)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Гора передвигается с одной стороны в другую в глубине театра.)

Киприан

Кларин (в сторону)

Киприан

(Гора возвращается на свое прежнее место.)

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Скала раскрывается, и предстает Юстина, спящая.)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Киприан устремляется к ней, скала закрывается.)

Киприан

Дьявол

Кларин (в сторону)

Киприан

(Пишет кинжалом на платке, добыв крови из руки.)

(В сторону.)

Дьявол (в сторону)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Вытаскивает Кларина.)

Кларин (в сторону)

Киприан

Дьявол

Кларин

Дьявол

(В сторону.)

Киприан

Дьявол (в сторону)

Киприан

Теперь что хочешь?

Дверь закрой ту.

Вот мы вдвоем.

Чтоб насладиться
Той женщиной, ты говорил здесь,
Отдашь ты душу?

Да, отдам.

Я договор твой принимаю.

Как так.

Могу я очень много,
Я обучу тебя науке,
С которой можешь повелеть,
И женщина, что обожаешь,
К тебе прибудет. Я хоть мудрый
И знающий, но для другого
Ее доставить не могу.
Так приготовим же расписку,
Свидетелями будем сами.

Ты ищешь новые обиды,
Чтобы продлить мою тоску?
Я предложил то, что имею
В моих руках ты предлагаешь
То, и то чужое, потому что
Свободной воле, мыслю я,
Нет понуждений в заклинаньях[144].

Ты мне лишь приготовь расписку
С таким условьем.

---

[144] Примечания: 144

Свободной воле, мыслю я, // Нет понуждений в заклинаньях. - Здесь Киприан затрагивает одну из важнейших для Кальдерона тем - тему "свободной воли". См. подробнее об этом вопросе в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 813, и примеч. 12 (хорнада I) к драме "Жизнь есть сон".

Черт побрал бы!
Тот дьявол вовсе не дурак.
Чтобы я дал ему расписку?
Да если бы моя квартира
Жильцов лет двести не имела,
Расписки не дал бы такой.

Обман для друзей веселых,
В них не удел для маловерных.

В свидетельство того, что в силах
Я совершить, в чем власть моя,
Тебе явлю я указанье,
Хоть будет это знак лишь малый.
Что видишь там за галереей?

Там много неба, луч большой,
Ручей, гора и лес.

Что больше
Тебе здесь нравится?

Конечно,
Гора, в ней лик моей желанной.

Соперница времен и лет,

В венце из туч, владыка далей,
Сорвись с земли, лети ветрами,
Заметь, что я к тебе взываю!
Сумеешь ли, и ты заметь,
Повелевать желанной даме,
Коль я горе повелеваю!

Такого не видал я дива!
Таких не видывал чудес!

От изумления и страха
Вдвойне дрожу и трепещу я!

Летящая по ветру птица,
С ветвистой чащей вместо крыл,
Корабль, по воздуху плывущий,
В котором лиственные снасти,
Вернись к заветному пределу
И удивленье прекрати.

Когда примера не довольно,
Скажу, и ты увидишь новый.
Желаешь женщину увидеть,
Что обожаешь?

Да.

Итак,
Ты четырех стихий созданье,
Суровые разъявши недра,
Яви, скрываемую тайно
В твоих пределах, красоту.

Не это ль та, кого ты любишь?

Она, кого я обожаю!

Реши, сюда ее привлекши,
Могу ли дать ее тебе.

Божественная невозможность,
Твои объятья будут гранью
Моей любви, испью я солнце,
Луч за лучом, за светом свет.

Стой. Раньше чем не подкрепишь ты
Тобою данное мне слово,
Не сможешь ты ее коснуться.

Постой, о сумрачная тень,
Что солнце лучшее скрываешь,
Струящее мне зори счастья.
Но я лишь с ветром обнимаюсь.

Я в знанья верую твои,
Себя твоим рабом считаю,
Что сделать для тебя мне нужно?
Чего ты хочешь?

Ты напишешь
Расписку кровью мне своей
И собственной своей рукою.

Свою ему я дал бы душу,
Лишь только б здесь не оставаться.

Пером кинжал мне будет этот,
Бумагой белою платок,
Чернилами для написанья
Кровь из руки моей.

О ужас!
Я изумлен! Я леденею!
И я, великий Киприан,
Так говорю и подтверждаю,
Что душу я (о, бред дремоты!)
Бессмертную отдать намерен
Тому, кто знание мне даст,
(Что за смущенье! Что за ужас!)

С которым я смогу Юстину
Привлечь к себе, сломив боренье,
Что именем своим скрепил.

(Он сдался на мои обманы,
Смирилась — предо мной та доблесть,
В которой было рассужденье,
В которой знаменем был ум.)
Ты написал?

Да, вот и подпись.

Итак, твое оно то солнце,
Что обожаешь.

И навеки
Она твоя — моя душа.

За душу я плачу душою,
И за твою душа Юстины
Твоею будет.

Срок какой мне
Даешь, чтоб магию познать?

Год, но с одним условьем только...

Не бойся ничего.

Замкнувшись
В пещере, будем жить мы оба,
Лишь предаваясь волшебствам.

И этот вот слуга нам будет
Служить — он, движим любопытством,
Остался здесь, его с собою
Мы и возьмем и сохраним
Таким путем мы нашу тайну.

О, никогда бы здесь я не был!
И как же так? Соседей много,
Чуть что следят, уж тут как тут,
А дьяволы их не уносят.

Прекрасно. Двух желанных счастий
Мой гений и любовь достигли:
Юстиной буду обладать
И буду удивленьем мира,
Владея тайной новых знаний.

Мой замысел был не напрасным.

Мой тщетным.

С нами ты пойдешь.

(Сражен противник наибольший.)

Блаженны будьте желанья,
Когда я этого достигну.

(Не успокоюсь до тех пор,
Пока не покорю обоих.)
Идем, и в этом горном лесе,
Среди непроходимой чащи,
Дам магии тебе урок[145].

Идем. С учителем подобным
Мой ум, любовь — с такой царицей
Мне говорят, что вечным в мире
Волшебник будет Киприан.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Лес. В глубине пещера.

Киприан.

Киприан

---

[145] Примечания: 145
В этой сцене для Дьявола главное - отведение Киприана от познания сущности бога.

Суровая краса моя,

Пришел счастливый день, его дождался я,

Черта надежды, что лелею,

Предел моей любви с покорностью твоею.

Сегодня истекает срок,

Холодности твоей окончится зарок.

Гора, всходящая из бездны,

Сама в себе чертог величественно-звездный,

И та пещера с тенью мглы,

Где двое жили здесь в гробнице из скалы,

Явились школой терпко-трудной,

Где таинств магии и клад изведал чудный,

Я так познал ее в свой срок,

Что и учителю могу я дать уроки.

И видя, что в предельной мере

Свершило солнце круг, идя от сферы к сфере,

Покинуло свою тюрьму,

Чтоб в свете увидать власть, данную уму.

Лазури неба свод и ткани,

Внимайте магии заветных заклинаний,

Движенье ласковых ветров,

Мгновенно задержись при звуке мудрых слов,

Утес, оплот в свирепом лике,

Я молвлю, задрожи, мои услыша вскрики,

Стволы, одетые листвой,

Смутитесь в ужасе, внимая возглас мой,

Цветы, красивые растенья,

Услышав, как скорблю, придите в изумленье,

Вы, стаи многопевных птиц,

Я буду чаровать, и вы падете ниц,

Вы, твари дикие, вы, звери,

Узнайте тайный знак, служите в полной мере,

Чтобы, ослепнув и смутясь,

Объяты ужасом, и дрогнув в этот час,
Свод неба, ветры, скалы, травы,
И рой зверей и птиц узнали величавый
Приказ, который мною дан,
В науке адской был не тщетно Киприан.

СЦЕНА 2-я

Дьявол. Киприан.

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

(Уходит.)

Дьявол

Ты, Киприан?

Учитель превосходный!

Зачем опять ты волею свободной,

Нить указания порвав,

Незнанию свой дух иль дерзости предав,

Выходишь для какой задачи предстоящей,

Увидеть солнца лик блестящий?

Увидя, что могу теперь

И аду повелеть раскрыть мне в страхе дверь,

Затем что магией недаром

Я занимался здесь и предавался чарам

Настолько, что теперь с тобой

Сравнен, а может быть ты и превзойден мной,

Узнав, что нет такой в ней части,

Чтоб изучением, трудом и силой страсти

Я не проник в нее вполне,

И некромантия, разъята мной она,

Ее узоры теневые

Раскроют предо мной пределы гробо-

выe[146],

И средоточие могил

Предъявит трупы мне, что мрак подземный скрыл,

Чтоб, алчный прах разъяв суровый,

Ряд бледных мертвецов мне отвечал на зовы,

И видя, наконец, что срок

Для солнца — совершить свой полный круг — истек,

Затем, что быстрое теченье

Свершило день за днем свое предназначенье,

И в небесах обратный ход,

Круговорот замкнув, зловещий кончен год, —

Привел я скорбь сегодня к краю

И голосом зову то благо, что желаю.

Сегодня редкая мечта,

---

[146] Примечания: 146

И некромантия, разъята мной она // Ее узоры теневые // Раскроют предо мной пределы гробовые. - Некромантия, один из разделов магии, способ мистического познания с помощью вызывания умерших, а также - по внутренностям мертвых людей и животных. В европейской культуре известна с гомеровских времен. В эпоху Кальдерона стала символом проникновения в тайну смерти.

Юстина, божество, любовь и красота,
Любовью званная моею,
На грудь ко мне придет, и буду счастлив с нею.
Я так хочу, я так люблю,
Что промедления на миг не потерплю.

Коль таково твое хотенье,
Хочу, чтоб было все сейчас без промедленья.
Скорей безгласных знаков ты
На прахе начертай размерные черты,
И полн любви и упованья,
Ты воздух проницай внушеньем заклинанья.

Так вот туда я отойду,
И небеса с землей в смущенье приведу.

Тебе даю я разрешенье,
Я знаю, что твое, как и мое, уменье
Творить чрез знанье волшебства
Внушит тебе сейчас размерные слова,
И ад, послушный заклинаньям,
Юстину даст тебе, твоим служа вли-

яньям.

Хотя могуча власть моя,

Но волею чужой владеть не в силах я,

Могу лишь ей чрез вожделенье

Восторги показать и странные хотенья,

Зажечь, шепнувши: "Вот стезя", —

Склонять я дух могу, принудить дух нельзя.

СЦЕНА 3-я

Кларин. Дьявол.

Кларин

Дьявол

Кларин

Дьявол

Кларин

(Достает грязный платок.)

(Добыв крови, пишет на платке пальцем.)

Дьявол

Кларин

(Уходит.)

Суровость, чуждая услады,

Не Ливия, где зной, а Ливия прохлады,

Уж срок истек, себя готов

Мне точно показать, верна ль твоя любовь.

Могу проникнуть в вероломство,

Узнаю, ты чиста, иль множишь ты потомство.

Недаром магию я здесь

Подробно изучал и ей исполнен весь,

Через нее могу познать я,

С Москоном знала ль ты чрезмерные объятья.

Я к вам взываю, небеса,

Моим заклятьям вняв, явите чудеса.

К горам.

Кларин, что здесь такое?

Учитель мудрый, я стал ныне знающ вдвое,

Чрез сопричастье с вами в днях,

Весьма искусным стал я в разных волшебствах,

И знать хочу я через слово,

Что Ливия сейчас, что в прелестях сурова,

Не совершает ли с другим

Проделок в этот день, что должен быть моим.

Брось тотчас эти сумасбродства,

И между этих скал, где с лабиринтом сходство,

Найди владыку своего;

Коль хочешь чуда ты, увидишь там его,

Там будет страсти завершенье.

Я быть хочу один.

Хочу сопровожденья.

И если я не заслужил

Познания твои узнать по мере сил,

На что и не снабжен я правом,

Ведь не владеешь ты моим платком кровавым,

Хочу, чтоб этот вот платок

Ты получил сейчас, в нем запись красных строк.

(С платком никто не ходит чистым,

Кто плачет хорошо и предан мыслям мглистым.)

Из сердца крови не достать,

Так по носу себя хвачу, ведь та же стать,

Из носа ль кровь потоком алым

Течет, иль из руки приведена кинжалом.

Кларин великий подтвердил,

Чтоб, Ливию узрев, я Дьяволу вручил...

Оставь меня, велю тебе я,

И к господину прочь, здесь больше быть не смея.

Уйду, уйду, уж не серчай,

Коль запись взять мою ты не хотел, прощай,

Но ты уверен, без сомненья,

Что я в свой час и так в твое вступлю владенье.

СЦЕНА 4-я

Дьявол.

Дьявол

(Уходит.)

Гей, пропасть адская и дым,

Отчаянная власть над существом своим,

Спусти из своего владенья

Всех духов чувственных, всю похоть вожделенья,

С угрозою захватных сил,

Чтоб девственный оплот Юстины сломлен был.

Пусть рой ползучих приведений

В тот чистый вступит мир безгрешных помышлений.

Воображение пленив,

Пусть ветер повлечет ее на тайный срыв.

Пусть о любви поют ей звоны,

И птицы, и цветы, луг зеленый.

Везде ее пусть видит взор

Почудившийся лик, любви желанный спор.

Везде ее пусть слух услышит,

Как нежный вздох любви к ней зазываньем дышит.

Пусть, веры потеряв оплот,

Туда, где Киприан, она теперь придет.

Пусть знание его — чарует,

И мой с ним дух слепой, ее ведя, колдует.

Начните. Голос мой молчит.

Пусть ваше пение, волхвуя, зазвучит.

СЦЕНА 5-я

Юстина. Музыка за сценой.

(За сценой поют.)

Голос

Хор

Один голос

Хор

Юстина

(удивленная и беспокойная)

Хор (за сценой)

Юстина (успокаиваясь)

Хор (за сценой)

Юстина

(Назвав Киприана, останавливается, и опять начинает говорить с беспокойством.)

(Опять успокаивается.)

(Снова впадает в беспокойство.)

(Успокаивается.)

В чем высшее очарованье
Среди живых?

Любовь, любовь.

Нет никого, в ком бьется кровь,
Кто б не узнал ее сгоранья.
Любовь. Огонь любви кладет печать,
Там человек живет, где любит,

Не там, где лишь дыханье губит,
Любовь — чтоб жизнь обозначать.
Любви являет все живое,
Деревья, птица и цветок
Любовь хотят узнать в свой срок,
Она светила верховое,
И в жизни этой всюду вновь
Для всех горит...

Любовь, любовь.

Несносное воображенье,
Как бы ласкающая мгла,
Когда я повод подала,
Чтоб это ведать огорченье?
Причина в чем того горенья?
Ответ мне сердце приготовь.
Зачем с минуты на минуту
Я в жгучую вступаю путу?
Что мучит мысль?

Любовь, любовь.

То соловей мне отвечает,
Влюбленный, сладко он поет,

На этой ветке в свой черед
Подругу пеньем он влюбляет,
На ветку ввысь перелетает.
Молчи, певучий соловей,
И не дразни воображенье,
Ты сердцу ворожишь внушенье:
Сколь полон человек страстей,
Коль так у птицы страстно пенье?
Но нет: то жадная лоза,
Обнявши ствол, его лелеет
И зеленью роскошной млеет,
С него свисая, как гроза,
Что в гроздьях тучи тяготеет,
Не заставляй меня мечтать,
Лоза. Могу ли угадать я,
Кого ты любишь. И узнать я
Хочу, как может обнимать
Рука, когда в лозе объятье.
И не лоза лепечет мне,
Подсолнечник, что взор ко взору,
Стремится к солнцу, он к убору
Златому хочет в вышине,

За светом рвется цвет во сне.
Цветок, ты полон огорченья,
Ты вянешь, и в тебе слеза.
Так как же воскорбят глаза,
Коль плачет нежное растенье?
О, я полна недоуменья.
Окончи, соловей, влюбленье,
Объятья разними, лоза,
Цветок, останови движенье,
Скажите, что вам вновь и вновь
Велит сплетать для чувства славу?
Какая власть чрез вас отраву
Струит, томя?

Любовь, любовь.

Любовь! Когда же ощущала
Я это чувство и к кому?
Я лишь презренью моему
И лишь забвенью предавала
Всех тех, кто, страстью обуян,
Будь Лелий, Флор он, Киприан.
Я Лелию не отказала?

Я Флору не дала ответ,
В котором было только: нет?
Я Киприану не сказала —

Таких суровостей, что он
Теперь от всех отъединен,
Почувствовав, что с ним опала?
Где он, не ведает никто.
И только тут мое желанье
Осмыслилось явить влиянье:
Едва сказала я про то,
Что он из-за меня сокрылся,
Как вдруг укол в меня вонзился,
И (горе мне!) не знаю я,
В чем эта скорбь и боль моя.

Конечно, это состраданье:
Столь знаменитый человек
Сокрылся, может быть, навек,
Из-за меня уйдя в изгнанье.

Но будь одно здесь состраданье,
И к Флору с Лелием тогда
Я б это чувство испытала:

Тюрьма их мучает немало,
Из-за меня пришла беда.

Но будет, будет, рассужденья,
Остановитесь, вам сейчас
Не надо провожать, толпясь,
То беспокойство сожаленья.
В вас слишком много промедленья,
И в этом может быть беда:
Мне хочется пойти туда,
Где он лелеет огорченье,
Когда бы только знала я,
Куда ушел он в отдаленье.

СЦЕНА 6-я

Дьявол. — Юстина.

Дьявол

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

(Влечет ее и не может сдвинуть.)

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

Юстина

Дьявол

(Влечет ее с большей силой.)

Юстина

Дьявол (выпуская ее)

(Уходит.)

Идем, то знает мысль моя.

Кто ты? В мое уединенье

Как ты вошел? Замкнута дверь.
Ты лишь чудовище мечтанья,
Лишь смутной грезы ты созданье?
Чего ты хочешь здесь теперь?

Я не виденье, и во власти
Той самой своевольной страсти,
Которой дух твой обуян,
Побеждена ты силой этой,
И приведу тебя согретой
Туда, где ныне Киприан.

Так не достигнешь этой цели:
Томленье это, эта страсть
Лишь взяли мысль мою во власть,
Они взять волю не сумели,
И нет согласья в этом деле.

Уж половина, вот она,
Коль ты его вообразила;
Ты полдороги совершила,
Так коли грех, пусть грех до дна.

Разубеждать меня напрасно.
Конечно, в мысли есть печать,

Подумать — это уж начать,
Над мыслью я своей не властна,
Но дело — власть моя, то ясно.
И вот должна я совершать,
Чтобы идти мне за тобою,
Движение моей ногою,
Чему могу я помешать;
Одно — в душе воображать,
Другое — делать.

Если знанье,
Источник мудрости живой,
Распространяет над тобой
Свое волшебное влиянье,
Как ты, Юстина, победишь,
Коль волю в воле ощутишь?

Себе доставлю вспоможенье
Свободной волею моей.

Принужу я ее скорей.

Когда б признала принужденье,
Так где ж свободное влеченье?

Пойдем, тебя услада ждет.

Чрезмерно дорога услада.

В ней утоленье и отрада.

Неволи в ней неправый гнет.

В том счастье.

Горькое несчастье.

Как сможешь защитить себя,

Коль власть моя влечет тебя?

Защита Бог, в нем полновластье.

Ты победила, слова нет,
О, женщина, ты победила:
Могущество ты тем явила,
Что дух был твердостью одет.
Но этим не избегла бед.
Коль Бог встает тебе защитой,
Я, имя доброе губя,
Как тень туда умчу тебя,
В свирепстве злобы ядовитой,
Твой четкий вид, в виденье влитый,
Напечатлеется на нем,
И, призрачным светясь огнем,

Мечтаньем ты к нему прибудешь
И обесчещенною будешь
В воображении людей.
Так двух побед я достигаю:
Твою невинность омрачаю
И из мечтательных страстей
Я преступленье получаю.

СЦЕНА 7-я

Юстина.

Юстина

(Кричит.)

Я к небу воззову тогда,
И видимость моих бесславии,
Возникнув на минуту в яви,
Сотрется так, как без следа
Огонь под ветром вдруг сгорает,
И цвет мгновенно умирает,
Приявши дуновенье льда.
Не сможешь ты... Но что со мною?
Кого я голосом зову?

Мужчина был здесь? Наяву?
О, да. Но нет. И с тишиною
Я здесь одна. Но нет. Его
Я видела. Так отчего
Исчез он? Только что явился,
Куда ж внезапно удалился?
Иль это страха моего
Рожденье только теневое?
Здесь явная грозит беда.

Отец и Ливия! Сюда!

СЦЕНА 8-я

Лисандр и Ливия, каждый из своей двери. — Юстина.

Лисандр

Ливия

Юстина

Лисандр

Ливия

Юстина

Ливия

Лисандр

Ливия (в сторону)

Лисандр

Ливия

Юстина

(Ливия уходит.)

(Приходит Ливия, с покровом, и надевает его на Юстину.)

Ливия

Юстина

Лисандр

Ливия (в сторону)

Юстина

Лисандр

Юстина

(Юстина и Лисандр уходят.)

Что здесь случилось?

Что такое?

Мужчина был здесь (горе мне!).
Вы видели, куда он скрылся?
Он на беду мою явился.

Мужчина здесь!

И не во сне?

Он был здесь, вот одна минута.
Его вы не видали?

Нет.

Как мог бы, не оставя след,
Войти сюда? Ведь дверь замкнута.

Сомненья никакого нет,
Она Москона увидала,
Я у себя его скрывала.

Мечтою воплощенный бред!
Твои великие печали,
Мечтанье за мечтой гоня,
Из атомов текучих дня
То привидение соткали.

Мой господин, конечно, прав.

Нет, это было не виденье,

И большее есть подозренье:
Какой-то яд, мне сердце сжав,
Его томит и рвет на части.
Смертельное тут волшебство,
Так ощущаю я его,
Так много в заклинаньи власти,
Алчбы добиться своего,
Что, если б в этом мне от Бога
Не послана была подмога,
Я устремилась бы сейчас
За собственной моей бедою.
Но он защита надо мною
И вновь спасет меня, как спас
От ярости, в которой сглаз.
Моя невинность и смиренье
Им упасутся от оков.
Подай мне, Ливия, покров:

Пока предельные мученья
Меня терзают, в тайный храм
Пойду, чтоб помолиться там
И утишить мое горенье,
В собраньи верных.

Вот покров.

Там я найду успокоенье.

Я проводить тебя готов.

Когда они уйдут из дома,
Вновь будет счастье мне знакомо.

Вас, небеса, зову, стеная,
На вас я уповаю смело...

Пойдем.

Тебе, Господь, здесь дело,
Встань за себя и за меня.

СЦЕНА 9-я

Москон. Ливия.

Москон

Ливия

Москон

Ливия

Москон

Ливия

Москон

Ливия

(Вздыхает.)

Москон

Ливия

(Плачет.)

Москон

Ливия

(Плачет.)

Москон

Ливия

Москон

Ливия

Москон

Ливия

(Уходят.)

Ушли?

Ушли.

Нагнали страха!

Зачем из комнаты ты вышел,
Придя туда, где был увиден
Ее глазами.

Видит Бог,
Я, Ливия, ни на минуту
Не выходил, — сидел, таился.

Какой же мог быть здесь мужчина?

Наверно тут сам дьявол был.
Что знаю я? Не будь в досаде.
Мое блаженство, я невинен.

Уж не об этом я тревожусь.

О чем же это?

Вот вопрос.
Со мною взаперти сидел здесь
Весь день и задает вопросы?

Не замечаешь, что в отлучке
Другой, которого мне нужно.
И если целый день вчера
Не плакала, так нужно плакать.
Иль обо мне ты помышляешь —

Столь легкого я поведенья,
Что вот полгода уж прошло,
Как он отсутствует без вести,
И не сдержу я обещанья,
Которым я тебя связала?

Полгода, говоришь, прошло?
Уж целый год о нем ни слуха.

Неверно это. Мне не нужно
Считать те дни, когда к нему я
Спокойным сердцем холодна.
А коль из целого я года —

Тебе полгода уступила,
Неправдоподобно это будет
Ему вменять все в полный счет.

Когда, жестокая, я думал,
Что я твоею всей любовью
Владею, счеты ты заводишь.

Москон, так делать я должна:
Коль верен счет, верна и дружба.

Ну, если так ты постоянна,

Прощай же, Ливия, до завтра.
Я об одном тебя прошу:
Перемежающейся хочешь
Ему быть лихорадкой в страсти,
Не будь лишь обмороком крайним.

Ты ясно можешь рассмотреть,
Нет умысла во мне дурного.

Да, это так.

Во всем сегодня
Мы порознь, но, надеюсь, завтра
Незамедлительно придешь.

СЦЕНА 10-я

Лес

Киприан, как бы изумленный, Кларин следит за ним.

Киприан

Кларин

Киприан

Конечно, возмутились звезды

В своих лазоревых владеньях,
Сии влиянья отвергая,
Меня услышать не хотят.
Вся бездна адская объята
Восстанием, непокорством,
Она должна мне подчиниться.
И подчиненья больше нет.
Тысячекратно сотрясаю
Заклятьями прозрачный воздух,
Тысячекратно начертанья
Я на земле избороздил,
Но человеческое солнце,
Которого хочу, не светит.
Но человеческое небо
В мои объятия нейдет,

Что удивительного в этом?
Тысячекратно я рисунки
Изобразил в пыли и воздух
Тысячекратно оглушил,
А Ливия все не приходит.

Я воззову еще однажды.

В последний раз. Юстина, слушай,
Красивая...

СЦЕНА 11-я

Является фантастическая фигура Юстины. — Киприан. Кларин.

Фигура

Киприан

Фигура

Киприан

Фигура

Киприан

Фигура

Киприан

Фигура

Киприан

Фигура

Киприан

Фигура

(Закрывает лицо покрывалом и уходит.)

Киприан

(Уходит.)

Вот я пришла.
Твоим заклятьям повинуясь,
Я пробегаю эти горы.
Чего ты от меня желаешь,
О, Киприан?

Я весь смущен!

И так как я...

Вот изумленье!

Пришла сюда...

Зачем смущаюсь!

Когда меня...

Зачем испуган?

Нашла любовь...

Чего боюсь?

Куда ты звал...

В чем сомневаюсь?

Я подчиняюсь чарованью,
Я от тебя скорее в чащу,
Где тьма и глушь, теперь бегу.

Постой, не уходи, Юстина.
Но почему я в колебаньях?
Пойду за ней, и эта чаща,
Куда я волшебством ее
Привлек, театром будет пышным
И сельской свадебной постелью
Для самой сказочной любови,
Какую знали небеса.

СЦЕНА 12-я

Кларин.

Кларин

От женщины я отрекаюсь,
Что только новобрачной стала,
И, приходя, так пахнет дымом.
Но, верно, сила волшебства
В тот миг ее схватила мощно,
Когда она белье стирала

Или готовила на кухне
Похлебку из свиных кишок.
Но нет. В покрове кто же в кухне
Стряпню готовит? Тут другое.
И женщина, будь распочтенна.
Не сомневаюсь, пахнет так,
Когда ее захватят страхи.
Вот он нагнал ее, и с нею
Среди неровностей долины,
Схватившись прямо как в бою,
(А так в бою неладно биться,
Хотя б любовник был дородный),
Они опять туда вернулись,
Откуда начали свой бег.
Подсматривать отсюда буду,
Узнать хочу, как совершают
Насилия.

СЦЕНА 13-я

Киприан, привлекает в объятиях фантастическую фигуру Юстины.

Киприан

(Раскрывает покров и видит скелет[147].)

Скелет

(Исчезает. Прибегает Кларин и падает в объятия Киприана.)

Теперь, Юстина,
Красивейшая здесь в лесу,
Куда и солнце не проникнет,
И самый ветер не доходит,
Моих магических познаний
Ты ныне будешь торжеством.
Чтобы достичь тебя, не страшно
Ничто, и нет мне затруднений,
Тебя, красивая Юстина,
Я приобрел ценой души.
Но то, что я купил, так ценно,
Что та цена не чрезвычайна.

---

[147] Примечания: 147

(Раскрывает покров и видит скелет). - Эта сцена, по мнению многих исследователей, считается заимствованной из драмы Миры де Амескуа (1574-1644) "Раб дьявола" (ок. 1612), в центре этой пьесы сделка с дьяволом по имени Анхелио (кстати, именно так и хотел назвать своего Дьявола Кальдерон). Продажа души за обладание женщиной, изучение магии в пещере; герой драмы "Раб дьявола" Хиль Сантарем, обнимает, как ему кажется, Леонору, но обнаруживает вместо нее лишь костяк.

Сними скорей покров туманный
С своей божественной красы.
Ни между сумраков, ни дымов
Да не скрывается лик солнца,
Яви рубиновые светы.

Но горе мне, что вижу я?
Окоченевший вижу остов,
Его объятья мне раскрыты.
Кто мог в текучее мгновенье
В увядшем лике погасить,
Средь бледности и одряхленья,
Расцветы пурпура и розы?

Такого лика ожидают
Все славы мира, Киприан.

СЦЕНА 14-я

Кларин. — Киприан.

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

Киприан

Кларин

Коль кто-нибудь желает страха,
Его имею в преизбытке.

Постой, угрюмое виденье,
Иного от тебя хочу.

Не тень, угрюмое я тело.
Ощупай, или ты не видишь?

Кто ты?

В таком я состояньи,
Что сам не ведаю, кто я.

Воздушное ты видел чудо,
Пришедшее из средоточья
Глубоких бездн, недвижный остов,
Который в дымах вдруг исчез,
С собою унеся всю пышность,
Что он принес как украшенье?

Ведь ты же знаешь, я несчастен,
Когда подсматривать берусь.

Что стало с ним?

Он вдруг распался.

Давай искать его.

Не будем.

Хочу узнать его обманы.

Я, господин мой, не хочу.

СЦЕНА 15-я

Дьявол. Киприан. Кларин.

Дьявол (в сторону)

Киприан (не видя его)

Кларин

Дьявол

Киприан

Кларин

(Уходит.)

О, небеса, вы правосудны.
Соединял одновременно
В себе я знание и милость,
Когда я чистым духом был.
И только милость я утратил,
Не знание, оно осталось.
Зачем же вы неправосудно
Мне не даете применить
Мои оставшиеся знанья?

Учитель мудрый! Звездоносец!

Не призывай его. Иначе
Другой сюда придет мертвец.

Чего ты хочешь?

Чтоб из страхов
Ты спас слабеющий мой разум.

Я, не желающий спасенья,
Уйду скорей вон тем путем.

СЦЕНА 16-я

Киприан, Дьявол.

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол (дрожа)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(После напрасных усилий, чтобы не говорить.)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол (с бешенством)

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

(Обнажив шпагу, нападает на Дьявола, но не находит его.)

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

Киприан

Дьявол

(Они борются.)

Киприан

Дьявол

(отбрасывая от себя Киприана)

Киприан

(Уходит.)

Едва заклятьем землю ранил,
Как, отвечая чарованью,
Юстина, цель любви и страсти...
Но для чего хочу тебе
Рассказывать, что сам ты знаешь?
Пришла, ее я обнял. (Пора!)
В тот самый миг, когда хотел я
Раскрыть бессмертную красу,
Какой-то труп, скелет, лишь образ,
Лишь статуя, картина смерти,
Мне говорит (о, ужас!) четко:
"Все славы мира, Киприан,
Такого ожидают лика".
Сказать, что в магии, которой
Ты научил меня, обман был,
Нельзя, — я за чертой черту
Свершил, что совершить был должен,
И в безглагольных начертаньях
Ни в линии я не ошибся,
Сказал смертельный заговор.
Так, значит, сам ты в том обманщик,

Затем что, все свершив, что нужно,
Я только призрак обнимаю
Там, где искал я красоты.

Здесь, Киприан, ты не оставил
Ни в чем пробела, и пробела
Я не оставил, потому что
Осуществил ты волшебство,
В нем проявивши острый гений,
И я, свой гений проявляя,
Учил всему, что сам я знал.
Но в этом чуде, что увидел,
Причина высшая таилась.
Пусть, все равно. Хочу доставить
Я утоление тебе,
Другим лишь способом, вернейшим,
Тебе Юстину предоставлю.

Не этого теперь хочу я.
Тот ужас так меня смутил,
Что средств твоих я не желаю.
И так как вот ты не исполнил
Условий, что в своих хотеньях

Поставила меня любовь,
Лишь одного теперь хочу я,
От вида твоего скрываясь,
Чтоб ты мою вернул мне запись,
Когда нарушен договор.

Я только говорил, что мною
Ты будешь посвящен в то знанье,
Которое на зов хотенья
К тебе Юстину приведет.
К тебе принес Юстину ветер,
Свое я слово исполняю,
И договор тот не нарушен.

Ты обещал мне, что я
Сорву заветный плод любви,
Который чаяньем я сеял
Средь этих гор лесисто-диких.

Я обязался, Киприан,
Ее привлечь к тебе, и только.

Весьма я в этом сомневаюсь;
Ты дать ее мне обязался.

Она в твоих руках была,

Я это видел.

То был призрак.

То было чудо.

Чье?

То чудо
Он совершил, кому угодно
Юстину было защитить.

Так чье?

Сказать я не желаю.

Воспользуюсь моей наукой,
К тебе то знанье применяя.
Чье чудо? Ты заговорен.

Его свершил тот Бог, который
Взял в попечение Юстину.

Что Бог один способен сделать,
Когда так много есть богов?

Тот Бог, он властен надо всеми.

Так, значит, только он — единый,
Когда одной своею волей

Свершает больше всех других.

О, я не знаю, я не знаю.

Я отрицаюсь договора,
Который заключил с тобою;
И, к Богу этому воззвав,
Тебя теперь я вопрошаю:
Ее зачем он защищает?

Чтоб честь ее осталась чистой.

Так высшая он доброта,
Коль оскорблению мешает.
Но что Юстина потеряла б,
Когда бы здесь осталась скрытой?

Узнала б чернь, исчезла б честь.

Так, значит, этот Бог — весь зренье,
Он увидал беду в грядущем.
Но не могло ли колдованье
Таким верховным в силе быть,
Чтоб быть ничем не победимым?

Нет, власть его необычайна.

Так, значит, этот Бог — весь руки,

Чего хотел он, это мог.
Скажи мне, кто тот Бог, в котором
Соединенным ныне вижу
Верховность блага с высшей властью,
Весь руки он, и весь глаза?
Так много лет его искал я.

Не знаю.

Отвечай мне, кто он?

С каким я ужасом промолвлю!
Тот Бог — Господь есть христиан.

Чем на меня он был подвигнут?

Тем, что Юстина христианка.

Так он своим дает защиту?

Да, но уж поздно, поздно, знай,
Чтоб в нем защиту получить, ты,
Ты раб мой, и ему не можешь
Служить.

Я раб твой!

Я владею
Твоею записью.

Ее
Отдать мне я тебя заставлю,
В ней обозначено условье,
Ты не отдать ее не сможешь.

И это как же?

А вот так.

Хотя ты сталью обнаженной
Наносишь ярые удары,
Меня мечом не можешь ранить;
Чтоб ты отчаялся совсем,
Хочу, чтоб знал теперь, что Дьявол
Владыка твой.

Что говоришь ты!

Что Дьявол я.

О, страх и ужас!

Знай, что ты раб, и ведай, чей.

Раб дьявола! И мой владыка —
Неправосудный!

Душу отдал,
Она моя с того мгновенья.

И, значит, упованья нет,
Нет помощи, и нет надежды,
Чтобы стереть вину такую?

Нет.

Так чего ж я сомневаюсь?
Не тщетно сталь в руке держу,
Я грудь пронжу, и эта шпага
Палач мой будет доброхотный.
Но что я говорю? Кто в силах
Юстину был освободить,
Меня освободить не сможет?

Нет, на тебя твое деянье
Идет врагом. За добродетель
Он вступится, не за того,
В ком преступленье.

Если сила
В нем высшая, тогда награда
В нем сочетается с прощеньем.

Он правосуден также. В нем
Награда в сочетаньи с карой.

Никто того карать не может,
Кто сдался. Я сдаюсь на милость.

Не можешь сдаться, ты мой раб.

Не думаю.

Чего ж тут думать?
В моем владении та запись,
Где есть чертеж твоею кровью.

Он, тот, в ком безусловна власть,
Кто не зависит от другого,
Мои несчастия растопчет.

Как так?

Затем, что он весь зренье,
Он средство верное найдет.

Его имею.

Весь он руки,
Он разорвать узлы сумеет.

Не сможет потому, что раньше
Умрешь ты от моей руки.

Бог христиан! Господь великий!

К тебе в беде я прибегаю.

Тебе дал жизнь он.

Даст и больше,
Затем что я его ищу.

СЦЕНА 17-я

Зала во дворце Правителя.

Правитель, Фабий, Солдаты.

Правитель

Фабий

Правитель

Фабий

Правитель

Фабий

Правитель

Фабий

(Уходит.)

Как захватил их?

Не случайно.

Взывая к Богу своему,
Молились в церкви, скрыты в тьму,
Но их разоблачилась тайна.
Отрядом дом я окружил,
Всех захватил без затрудненья,
И в разных тюрьмах в заключенье
Немедленно их разместил.
И так скажу я властелину,
Успех мой в этом был не мал:
Со стариком Лисандром взял
Я там красивую Юстину.

Коль хочешь ты богатств больших.
И разных почестей и чести,
Зачем, неся такие вести,
Ты у меня не просишь их?

Награды попрошу я скоро,
Коль ценишь так ты мой успех.

Скажи.

Хочу просить о тех:
Свободы Лелия и Флора.

Хотя, карая их двоих,

Хотел весь город покарать я,
Но вынужден тебе сказать я,
Тут действие причин других.
Уж целый год они в темнице,
Пришел неволе их конец.
О Лелии я, как отец,
Своей заботился сторицей:
В любви его соперник, Флор,
Имеет родственников сильных,
Я бедствий ожидал обильных,
Был мыслим всяческий позор,
Когда б вернулись к состязанью,
Гонимы ревностью своей;
Чтоб повод прекратить верней,
Им это дал я наказанье.
Изгнать Юстину я хотел,
Искал, не находил предлога.
Теперь могу карать я строго,
Придумав наказанье ей.
В ней добродетели притворны,
И смело я могу теперь
Ее изгнать, могу, поверь,

И к казни присудить позорной.
Так пусть же узники тогда
На волю выйдут без укора,
И Лелия ко мне и Флора
Ты приведи скорей сюда.

Благодаря тысячекратно,
Я падаю к твоим ногам.

СЦЕНА 18-я

Правитель. Солдаты.

Правитель

(К Солдату.)

(Солдат уходит с другими.)

Юстина отдана властям,
Судьба свершилась безвозвратно.
Чего же в бешенстве я жду?
Пусть встретит яростное мщенье
За всю печаль и огорченья,
Что чрез нее я знал в бреду.
Пусть будет предана мгновенно

Рукам кровавым палача.

Ее позоря и влача,
Веди сюда. И непременно
Чтоб, разъяренна и слепа,
Толпа над нею издевалась.
Раз во дворец ко мне попалась,
Ее окончилась тропа.

СЦЕНА 19-я

Фобий, Лелий, Флор. — Те же.

Фабий

Лелий

Флор

Правитель

Лелий

Флор

Правитель

За теми посылал двоими,
Они пришли к ногам твоим.

Желаньем полон я одним,
Не задаваясь другими:
Хочу твоим лишь сыном быть,
Хочу сейчас я быть с тобою
Лишь как с отцом, а не с судьею,
О страхах вовсе позабыть.
Но коль отец мой недоволен
Я в трепете — как верный сын.

Меня позвал ты, господин,
Я заключить отсюда волен,
Что хочешь наказать меня;
Не заслужил я наказанья,
Но весь исполнен послушанья.

Флор, Лелий, страхи прогоня,
Услышьте: если бы тогда я
Оставил на свободе вас,
Отцом я был бы в этот час,
А не судьей, вас не карая.
Но в благородных злобы нет,
И ежели ушла причина
Вражды, пусть будет в вас едино

Хотенье — это мой совет.
Немедля будьте же друзьями,
Друг другу руки дав.

Без слов
Я Флору другом быть готов.

Что дружба будет править нами,
Я обещаюсь, вот рука.

Я верю. Вы теперь свободны,
Когда предлог исчез негодный,
И дружба тут недалека.

СЦЕНА 20-я

Дьявол, Толпа. — Те же.

Дьявол (за сценой)

Правитель

Лелий

(Идет к двери и тотчас же возвращается.)

Правитель

Флор

Лелий

Флор

Толпа (за сценой)

Безумный, глянь! Смотри, безумный!

Что там такое?

Я узнал.

В дворце такая суматоха!
Что вызвало ее сейчас?

Причина важная, должно быть.

Весь этот шум, узнай, владыка,
(Столь редкостное приключенье!)
Там вызвал Киприан. Сюда
В Антиохию он вернулся,
Чрез столько дней, совсем безумный.

Он впал в такое состоянье
Через утонченность ума,
Не может быть сомненья в этом.

Безумный, глянь! Смотри, безумный!

СЦЕНА 21-я

Киприан, полуобнаженный. Толпа. — Те же.

Киприан

Правитель

Киприан

(Падает ничком наземь, как бы в обмороке.)

Правитель

(Топчет его.)

Флор

Я не был никогда разумней,
Но знаю, вы безумны все.

Что, Киприан, с тобой случилось?

Антиохии повелитель,
Чей господин есть цезарь Деций,
Вы, Флор и Лелий, для кого
Всегда столь верным был я другом,
Знать благородная, великий

Народ, услышьте, что скажу вам:
Сюда пришел я во дворец,
Чтоб все меня вы услыхали.
Я Киприан. Я силой знанья
И гения был в школах чудом,
В науках был я торжеством.
Что я из всех извлек — сомненье,
И, смутным разумом стараюсь,
Я из сомнения не вышел.
Юстину увидал и ей
Свои сполна я предал чувства,
Оставив мудрую Минерву
Для преданной любви Венеры.
Ее отвергнут чистотой,
Все ж сохранил свои я чувства,
И, в крайность уходя чрез крайность,
Ведом любовью, увидал я,
Как некий гость ко мне пришел,
На землю выброшенный морем;
Мою любовь пленив надеждой,
Он знаньями пленил мой разум,
И по причине той ему

Я за Юстину отдал душу.
Средь гор лесистых обитая,
Я стал учеником послушным,
И, те ученые труды
Пройдя, того достичь сумел я,
Что подвигать могу я горы,
Сместив с основы на основу.
Хоть эти чудеса могу
Я совершать без затруднений
И в силах выполнить сегодня,
Не в силах голосом желанья
Одну привлечь я красоту.
Причина моего бессилья
Тем чудом овладеть красивым,
В том, что есть Бог, ее хранящий,
И ныне я, его познав,
Безмерным Богом возглашаю
И исповедую верховным.
Кто он, я громко возвещаю,
Господь великий христиан.
Пусть я сейчас невольник ада,
Затем что записать дал на душу,

Но я стереть ее надеюсь
Чрез мученический конец.
Коль ты судья, коль христиан ты
Преследуешь кроваво-яро,
Знай, я христианин, мне старец
Почтенный между диких гор
Дал то достоинство, в котором
У них есть первое из таинств.
Чего ж ты медлишь? Эй, скорее,
Пускай придет ко мне палач
И голову мою отрубит,
Иль испытает в страшных пытках,
Сколь буду твердым я в горниле.
Две тысячи смертей готов
Перенести спокойно-смело,
Узнав, что только Бог великий,
Которого я обожаю,
Есть Бог, все славы без него
Лишь прах и дым, зола и ветер.

Столь, Киприан, меня смутил ты
Своим безмерным дерзновеньем,
Что кары для тебя ищу,

И никакой решить не в силах.

Встань!

Обмороком схвачен сильным,
Он ледяное изваянье.

СЦЕНА 22-я

Солдаты. Юстина. — Те же.

Солдат

Правитель (в сторону)

(В сторону, к присутствующим.)

Лелий (в сторону)

Флор (в сторону)

Юстина, повелитель здесь.

(Лицо ее да не увижу.)
Пускай она с живым тем трупом
Здесь остается.

Тут оставшись
Вдвоем, быть может, что они
Свое решенье переменят,

Один другого видя в смерти;
Когда ж моим богам упорно
Моления не принесут,
Умрут в тысячекратных пытках.

Меж изумленьем и любовью
Я тень.

Столь чувствую я много,
Что чувств своих не вижу сам.
(Все уходят, кроме Юстины.)

СЦЕНА 23-я

Юстина; Киприан, без чувств, распростертый на полу.

Юстина

(Замечает Киприана.)

Киприан (приходя в себя)

(Видит Юстину и встает.)

(В сторону.)

Юстина (в сторону)

Киприан (в сторону)

Юстина (в сторону)

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Юстина

Киприан

Все удаляетесь вы молча?
Когда я радовалась смерти,
Вы умереть мне не даете,
Затем что смерти я хочу.

Но в том моя, конечно, кара,
Что, в этой комнате замкнута,
Я медленную смерть узнаю
В сопровожденьи мертвеца.
Лишь труп сейчас со мною вместе.
О ты, идущий в средоточье,
Откуда ты исшел, — счастливый,
Коль вера привела тебя
Теперь в такое состоянье.

Чудовище высокомерья,
Чего ж ты ждешь, не разрешая
Нить жизни мне...

О, небеса!

(Тут не Юстина ли со мною?)

(Не Киприана ли я вижу?)

Но это не она, конечно,
Созданье мысли предо мной.

Но то не он, играет ветер
И привидения сплетает.

Видение моих мечтаний.

Желанья моего мечта...

Плененье чувств моих забвенных.

Мой страх и ужас, помышлений...

Чего же хочешь?

Что ты хочешь?

Я не зову тебя. Зачем
Пришла.

Зачем меня ты ищешь?

Я о тебе не помышляю.

Я не ищу тебя, Юстина.

Я не пришла на твой призыв.

Так как ты здесь?

Под стражу взята.

Я тоже схвачен. Но, Юстина,
Какое же ты преступленье
Могла свершить? Ведь так чиста ты.

Нет преступления на мне.
Но, верою в Христа гнушаясь,
Которого я чту за Бога,
Они меня теперь карают.

Так добр, Юстина, твой Господь,
Что полон он к тебе защиты,
И почитать его пристойно.
Так сделай, чтоб меня услышал.

Услышит, если с верой ты
Его зовешь.

Зову я с верой;
Но, если в нем не сомневаюсь,

Грехов своих пугаюсь страшных.

Не падай духом.

Без границ
Мои проступки.

Безгранично
Благоволение Господне.

Найду прощенье?

Достоверно.

Как я прощение найду,
Коль Дьяволу я отдал душу
За красоту твою?

Но в небе
Нет стольких звезд, нет в море стольких
Песчинок, стольких искр в огне,
Пылинок в свете, крыльев в ветре,
Как в нем прощенья прегрешеньям.

Юстина, верю. И за веру
Тысячекратно я умру.
Но дверь, я слышу, отпирают.

СЦЕНА 24-я

Фабий приводит взятых под стражу Москона, Кларина и Ливию. — Киприан, Юстина.

Фабий

(Уходит.)

Ливия

Москон

Кларин

Войдите, будете под стражей
При господах своих.

Желают
Быть христианами они,
В чем наша тут вина?

Во многом;
Мы служим, это преступленье.

Я от опасности — из леса —
В опасность новую попал.

СЦЕНА 25-я

Слуга. — Те же.

Слуга

Юстина

Киприан

Юстина

(Юстина, Киприан и Слуга уходят.)

Юстину вместе с Киприаном
Правитель требует Аврелий.

Я счастлива тысячекратно,
Когда желанный ждет конец.
Ты, Киприан, не ведай страха.

Во мне и мужество и вера,
И если за мою неволю
Отдать мне нужно будет жизнь,
Я, за тебя отдавши душу,
Большое ли свершу деянье,
За Бога отдавая тело?

Что в смерти полюблю тебя,
Когда-то я тебе сказала;
С тобою ныне умирая,
Я, Киприан, сдержала слово.

СЦЕНА 26-я

Москон, Ливия, Кларин.

Москон

Ливия

Кларин

Москон

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Москон

Кларин

Ливия

Кларин

Ливия

Москон

Кларин

(Слышен великий шум грозы.)

Как любо им идти на смерть!

Приятно жить втроем нам будет.

Есть некая тут неприятность:
Нам разъяснить придется тяжбу,
Неподходящий случай здесь,
Но времени терять не будем.

Какая тяжба?

А покуда
Я был в отлучке...

Говори же.

Без перерыва целый год
Москон твоим был господином;
И, соразмерность соблюдая,
Чтоб мы теперь совсем сравнялись,
Ты будешь целый год моя.

Такого обо мне ты мненья,
Что оскорблять тебя я буду?
В те дни, в какие было нужно,
Я проливала много слез.

Я в том свидетель; дни, что были
Твои, она хранила честно.

Неправда это, потому что,
Когда я в дом ее вошел,
Не плакала она, и с нею
Ты чувствовал себя вольготно.

Сегодня день не тоскованья.

День тоскованья: если я
Припоминаю без ошибки,
В мой день отсюда я сокрылась.

Нет, тут ошибка.

В чем погрешность,
Я знаю: високосный год,
И в счете дней он, значит, четный.

Я объясненье принимаю,
Но все расследовать нам нужно.

Но что это за страшный шум?

СЦЕНА 27-я

Правитель, Толпа; тотчас Фобий, Лелий и Флор: все объятые смущеньем; потом Дьявол.

Ливия

Москон

Правитель

(Шумит гроза, входят Фабий, Лелий и Флор.)

Фабий

Лелий

Флор

(Предстает плаха, на ней головы и тела Юстины и Киприана, в вышине на плахе Змей.)

Дьявол

(Быстро падает и проваливается.)

Лелий

Флор

Ливия

Все

Правитель

Флор

Лелий

Кларин

Москон

Дом рушится до основанья.

Что за смятенье! Что за чудо!

С основ, должно быть, сокрушилось
Сооружение небес.

Едва, поверженным на плаху,
Палач Юстине с Киприаном
Рассек, взмахнув секирой, шею,
Как восскорбела вся земля.

На нас готова рухнуть туча,
А из ее воспламенений
Летят, выбрасываясь, громы
И молнии струятся ниц.

Безликое оттуда чудо,
Все раковин полно чешуйных,
Как бы змея, на плаху пало
И нас к молчанию зовет.

Услышьте, смертные, услышьте,
Что небо мне повелевает
В защиту возвестить Юстины,
Чтоб это ведали вы все.
Я чистоту ее ославить
Хотел и, лики принимая
Обманные, к ней в дом взобрался
И в самый к ней вошел покой.
И чтобы в славе благочестной
Она ущерба не терпела,
В таком являюсь я подобьи,
Чтоб честь ее восстановить.
Тот Киприан, что вместе с нею
Счастливый памятник имеет,
Моим рабом был; но излитой
Из шеи кровью запись смыл,
И ткань его осталась белой.
Мне вопреки, взошли те двое

До высших сфер, в пределы Бога,
Чтоб в лучшем царствии там жить.
Все это правда, потому что
Я говорю, как Бог велел мне;
Хоть мало правде я научен,
Ее я вынужден сказать.

Вот удивления!

Вот ужас!

Вот диво знаменья!

Вот чудо!

Все это только колдованья,
Что в смерти совершил тот маг.

Не знаю, верить иль не верить.

Я думаю и поражаюсь.

Я думаю, что если маг он,
Так был небесным магом он.

И оставляя под сомненьем,
Любовь разделена ли верно,
Волшебному мы просим Магу
Несовершенства извинить.

Саламейский алькальд[148]

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Филипп II, король
Дон Лопе де Фигероа, военачальник
Дон Альваро де Атайде, капитан
Сержант
Искра (Чиспа)
Ребольедо, солдат
Педро Креспо, старый крестьянин
Хуан, сын Педро Креспо
Исабель, дочь Педро Креспо
Инес, двоюродная сестра Исабель
Дон Мендо, гидальго

---

[148] Примечания: 148

Примерная дата написания драмы - около 1645 г. Впервые "Саламейский алькальд" был опубликован под названием "El garrote mas bien dado" в сборнике "Лучшие из лучших сборников новых комедий", Алькала, 1651 г.

В основе драмы подлинное происшествие в эстремадурском селении Саламея, описанное в "Historia de Portugal y conquista de los islas Azores", 1591, Антонио де Эрреры. Автор приводит документ, свидетельствующий о распущенности в войсках: "Под страхом смертной казни никто из солдат или командиров не смеет покушаться на честь женщин, к какому бы сословию те ни принадлежали". Приказ этот датируется 28 марта 1580 г.

Были у Кальдерона и непосредственно литературные источники: 47 новелла Мазуччо и одноименная драма Лопе де Веги.

Подробно об этой драме см. в статье Н. И. Балашова, наст, изд., с.

825. История нахождения перевода Бальмонта описана в статье Д. Г. Макогоненко, наст. изд., с. 708.

Нуньо, его слуга
Регистратор
Солдаты
Барабанщик
Сопровождающие

Действие происходит в Саламее и в ее окрестностях.

ХОРНАДА ПЕРВАЯ
СЦЕНА 1-я

Поле вблизи Саламеи[149].

Ребольедо[150], *Искра, Солдаты.*

Ребольедо

Все

Ребольедо

Солдат 1-й

---

[149] Примечания: 149

Саламея - большое селение в Бадахосе в провинции Эстремадура, на границе с Португалией.

[150] Примечания: 150

Ребольедо - имя солдата - грасьосо, "говорящее" имя: "толстый", "пузатый", "коренастый". Имя его подруги "Чиспа" Бальмонт дает в переводе "Искра".

Ребольедо

Солдат 2-й

Ребольедо

Солдат 1-й

Ребольедо

Солдат 2-й

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Солдат 2-й

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Солдат 1-й

(Ребольедо и Искра поют.)

Искра

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Солдат 1-й

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Солдат 1-й

Чтоб черт побрал того, кто гонит
Людей вперед от места к месту,
Ни на минуту не давая
Притом нам отдыха.

Аминь.

Цыгане, что ли, мы какие,
Чтобы скитаться и скитаться?
Что толку в том, что знамя кличет
И барабан...

Запел свое?

А что ж? Пока молчал я смирно,
Он не жужжал все время в уши?

Не полагается канючить,

Когда в селенье входим мы;
Сейчас забудем про усталость.

Какой там отдых, если прямо
От утомления я помер?
А если я живым дойду,
Еще лишь Господу известно,
Найдем ли тут мы передышку:
Едва прибудем к комиссару[151],
Придут алькальды, чтоб сказать,
Что, ежели отряд способен
Путь продолжать, они готовы
Снабдить его необходимым.
Сперва им скажут: "Нет, нельзя.
Солдаты до смерти устали".
А если у солдата деньги
В количестве найдутся должном,
Тут будет разговор другой:
"Вниманье, господа солдаты.
Мы приказание имеем
Поход свершить без промедлений,

---

[151] Примечания: 151

Едва прибудем к комиссару. - Комиссар - имеется в виду интендант, квартирмейстер.

И тотчас дальше мы идем".
И мы, убожество являя,
Во исполненье приказанья
Пойдем как нищие монахи,
А настоятель сыт и пьян[152].
Клянусь, что, если на закате
Прибудем нынче в Саламею,
И нас заставят без задержки
Идти вперед, я не пойду.
И без меня тут обойдутся,
А если буду дезертиром,
Не первая проделка это,
Что совершил я на веку.

И не впервые так случится,
Что это будет жизни стоить
Неисполнительным солдатам,
А особливо если мы

---

[152] Примечания: 152

Пойдем, как нищие монахи, // А настоятель сыт и пьян. - Намек на богатства и привольную жизнь так называемых "нищенствующих" монашеских орденов, учрежденных в XIII в. в расчете на то, что, завоевав доверие народа проповедью бедности и примером благочестивой жизни, они смогут преодолеть распространявшееся недоверие к нравам церкви. Монахи нищенствующих орденов, согласно уставу, не могли иметь личной собственности, постоянного жилья и должны были кормиться подаянием. Обет бедности фактически мало соблюдался.

Сообразим, что наш начальник,
Взнесенный славою Дон Лопе
Де Фигероа, воин смелый,
Но проклинатель первый сорт,
Всегда ругается, божится,
А если судит, так в минуту,
И не поморщится, как друга
Отправит вмиг на тот он свет.

Вы слышите, что говорит он?
Так что сказал я, все исполню.

Солдат — и там хвалиться будешь?

Мне что ж? Я все могу стерпеть,
Все дело в этой вот бедняжке,
Что нас в пути сопровождает.

Из-за меня-то, Ребольедо,
Свою ты душу не тревожь.
Я, знаешь, родилась зубастой,
И страх твой лишь меня позорит.
Коли служить я захотела,
Так все лишения мне в честь.
Когда бы только я устала

Жить припеваючи, так я бы
Никак из дома рехидора[153],
Где все в избытке, не ушла.
За месяц много там подарков,
А есть такие рехидоры,
Что прямо стол у них открытый,
Хоть целый месяц пировать.
Уж если я ушла оттуда,
И мыкаюсь тут с Ребольедо,
Так мне ему не быть болячкой,
Что ж обо мне и толковать?

Клянусь, что ты царица женщин.

Он сущую промолвил правду.
Да здравствует вовеки Искра!

Да здравствует! И слава ей!
Когда и под гору идем мы,
И в гору тянем нашу лямку,
Она уж воздух потревожит,
И звонко песенку споет.

---

[153] Примечания: 153
Никак, из дома рехидора. - Рехидор - член городского управления.

Коль только речь зашла об этом,
Сейчас ответят кастаньеты.

Не станет дело и за мною,
Уж как сумею, помогу.
Товарищи пусть будут судьи.

Что хорошо, то хорошо.

Цветик я песенки, песнь голубина,
Титири, титири, титири, тина.

Песни пою, веселюсь чрезвычайно,
Титири, титири, титири, тайна.

Пусть знаменосец на бой отбывает,
Пусть капитан с кораблем уплывает.

С маврами бейся, кто хочет сражаться,
Мне с ними ладно, я буду смеяться.

Печка работай, на стол заработай,
Хлеба поем я с большою охотой.

Ну-ка, хозяйка, петух твой напелся,
Жарь его, мне уж барашек приелся.

Смотрите, есть и колокольня,

Мы, верно, здесь привал устроим,
Почти досадовать готов я,
Так песню слушать хорошо.

До Саламеи мы добрались?

У самой башни мы церковной.
А если песня прекратилась,
Об этом стоит ли тужить?
Еще не раз мне петь придется,
Забавы эти мне по вкусу,
Иная каждый миг захнычет,
А я чуть что, и запою.
Еще сто песен мы услышим.

Тут стоп, и будем ждать, покуда
Сержант не даст нам указанье,
Вступать ли нам отрядом всем,
Или входить поодиночке.

Вот он идет, и капитан тут.

СЦЕНА 2-я

Капитан, Сержант. — Те же.

Капитан

Ребольедо

Все

Капитан

Искра

(Уходят.)

Солдаты, с доброю я вестью,
Нам будет передышка тут,
И будем здесь мы на привале,
Покуда не придет Дон Лопе
С отрядом, что сейчас в Льерене.
Сегодня к нам пришел приказ,
Чтоб все мы были наготове,
Не шли пока до Гвадалупы,
Пускай весь полк сойдется вместе,
Тогда и он придет сюда.
Так несколько мы дней свободны.

За эту весть благодаренье.
Тебе бы за нее награду!

Да здравствует наш капитан!

Уж всем назначены квартиры.
От комиссара все получат
Сейчас билеты для постоя.

Сегодня уж узнаю я,
Такой сякой, что разумел он,
Когда пропел, что не барашка,
А мясо подавай петушье.
Не курочки ли хочет он?

СЦЕНА 3-я

Улица.

Капитан, Сержант.

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

(Уходят.)

Сеньор сержант, билет принес мне?
Где буду тут квартировать я?

Принес, сеньор.

Так где квартира?

Здесь близко, в доме одного
Крестьянина, он богатей здесь,
Важнейший в месте, и слыхал я,

Он человек весьма тщеславный,
Он так заносчив, что пышней,
Пожалуй, чем инфант Леона[154].

Когда богат крестьянин этот,
Тщеславье в нем вполне уместно.

В местечке лучший, говорят,
Имеет дом он, я и выбрал
Его тебе, а, впрочем, дело
Не в этом, а в ином: другую
Не сможешь в Саламее ты
Красавицу найти такую...

Ну что ж?

Как дочь его.

Неважно.
Там как ни будь она красива,
Как ни тщеславься, а всего
Она мужичка, руки грубы,

---

[154] Примечания: 154

Он так заносчив, что пышней, // Пожалуй, чем инфант Леона. — Древнее королевство Леон наряду с Астурией было первой территорией, отвоеванной у мавров во время Реконкисты. Жители Леона очень гордились этим обстоятельством. Они считали себя самыми храбрыми, достойными среди испанцев.

И ноги велики, конечно.

Чтоб кто-нибудь сказал такое?

Глупец, а почему бы нет?

Как можно провести приятней
Досуг (коль не зажжен любовью),
Чем позабавиться с мужичкой,
Все говорящей невпопад?

Ни разу в жизни не узнал я
Подобного, хотя б случайно.
Я женщину тогда лишь вижу
И женщиной могу считать,
Когда себя в порядке держит,
Чиста и хорошо одета.

А для меня, сеньор, любая.
Идем туда, и Бог судья,
А я уж позабавлюсь с нею.

Кто прав из нас, ты хочешь видеть?
Кому красавица желанна,
Тот о любимой говорит:
"Есть дама здесь моя", — не скажет:

"Моя крестьянка". Значит, если
Любимая зовется дамой,
Берет мужичка напрокат
Именование такое.
Но что за шум здесь?

Это кто-то
Слез с тощей клячи, с россинанта,
Вон на углу, — как Дон Кихот,
Чьи приключения Сервантес
Нам описал красноречиво[155].

Приметная, скажу, фигура.

Пойдем, сеньор, уж нам пора.

Пусть вещи там мои поставят,
И ты, сержант, придешь сказать мне.

---

[155] Примечания: 155

Как Дон Кихот, // Чьи приключения Сервантес // Нам описал красноречиво. - Уважительное отношение к Сервантесу характерно для Кальдерона. Обычный для испанской драмы XVII в. анахронизм. События, описанные в "Саламейском алькальде", происходили за четверть века до написания романа "Дон Кихот".

СЦЕНА 4-я[156]

Дон Мендо, Нуньо.

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

---

[156] Примечания: 156

В сцене 4-й диалог дона Мендо и Нуньо также, вероятно, навеян беседами Дон Кихота с Санчо Пансой.

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Как серый конь мой?

Заморился,
Не может двинуть он ногой.

Слуге сказал ты, чтоб минутку
Он поводил его?

Еще бы.
Какая мысль!

Ничто иное
Коня не может никогда
Так успокоить.

За овес я.

А чтобы с привязи спустили
Борзых, сказал ты?

Им приволье,
Но лишь не в барышах мясник.

Довольно. Три часа уж било.
Дай зубочистку и перчатки.

А если эту зубочистку
Да вдруг сочтут за знак пустой?

Коль кто вообразит, что будто
Не пообедал я фазаном,
Я заявлю, что ложь в нем скрыта,
И всюду довод поддержу.

Не лучше ли тебе меня бы
Питаньем поддержать немного?
Зачем поддерживать другого?
Ведь я слуга твой.

Экий вздор!
Скажи, действительно солдаты
Вошли в селение сегодня?

Да, господин.

Мужик несчастен,
Что должен ждать таких гостей.

Пожалуй, те несчастны больше,
Которые и ждать не могут...

Кто именно?

Кто благороден:
Гидальго[157]*. Не дивись тому.*
Коль нет военного постоя
В домах гидальго, в чем причина,
Как полагаешь?

---

[157] Примечания: 157

Гидальго - теперь по-русски принято писать "идальго". Идальгия - испанское дворянство, в большинстве своем мелкое и разорявшееся.

В чем? Поведай.

Чтобы не померли у них
От глада.

Да почиет в мире
Душа родителя, который
Дворянской грамоты наследье
Великое мне завещал,
Вся в золоте она с лазурью,
И род мой волен от постоя.

Допустим, что нелишним было б,
Когда б оставил он тебе
И золота еще отдельно.

Хоть если говорить по правде,
Я полагаю, что не должен
Я благодарным быть ему
За то, что я рожден гидальго:
Ведь я в утробе материнской
Отца неблагородной крови
С упорством твердым бы отверг.

Осведомиться было б трудно.

Не трудно, а легко, напротив.

Как, господин?

Понять не можешь,
Ты в философии простак,
В ее основы не проник ты...

Постиг, сеньор, и предпосылки,
И заключенья: я ж с тобою.
На столь божественный твой стол
Ни предпосылок, ни посылок,
Ни заключенья для десерта[158].

Речь не о тех веду основах.
Узнай, что, если кто рожден,
Он сущность есть той самой пищи,
Которую съедали предки.

Так эти предки ели пищу?
Ты не наследовал тот дар.

И превращается все это

---

[158] Примечания: 158

Постиг, сеньор, и предпосылки, // И заключенья: я ж с тобою. // На столь божественный твой стол // Ни предпосылок, ни посылок, // Ни заключенья для десерта // ... - Нуньо намекает на двойной смысл слова principles, означающего: 1) принципы, начало; 2) первое кушанье.

Во плоть и кровь его. Так видишь,
Когда бы луковицу ел он,
Я вмиг признал бы этот дух
И тотчас молвил бы: "Постой-ка,
Я не хочу, чтоб из подобных
Меня творил ты экскрементов".

Я вижу истину теперь...

Чего?

Что голод утончает
Соображение.

Пустяшник,
Я голодаю?

Не досадуй.
Коль ты не голоден сейчас,
Голодным быть вполне ты мог бы,
Ведь три часа уж пополудни,
И лучший мел бы против пятен
С твоей слюной или с моей
Не мог никак идти в сравненье.

Довольно ль в этом основанья,

Чтобы испытывал я голод?
Пусть голод чувствует холоп,
Не все мы единообразны,
Гидальго, ест или не ест он,
Не ощущает в том различья.

О, если б я гидальго был!

И более о том ни слова,
Мы в улицу теперь вступаем,
Где Исабель.

Зачем когда ты
Влюблен и предан Исабель,
Ты у отца ее не просишь?
Ты и отец ее тем самым
Восполнили бы два пробела:
Ты ел бы досыта, а он
Лелеял бы дворянских внуков.

Не говори об этом, Нуньо.
Чтоб деньги так меня сразили,
И человек совсем простой
Моим посмел бы зваться тестем?

А я-то думал, что отлично

С простым и низким знаться тестем,
Другие, как гласит молва,
Зятьям суть камень преткновенья.
Когда не хочешь ты жениться,
Зачем любовные безумства?

К чему же непременно брак?
Есть Бургос, в Бургосе обитель[159],
Как надоест, туда ей можно
Отправиться. Ее не видно?

Боюсь, что Педро Кресло вдруг
Меня увидит...

Что посмеет,
Кто б ни было, с тобою сделать,
Когда ты мой слуга? Исполни,
Что приказал твой господин.

Исполню, хоть и не придется
Мне за одним столом сидеть с

---

[159] Примечания: 159

Есть Бургос, в Бургосе обитель. - Имеется в виду знаменитый в то время женский монастырь в Бургосе - Сайта Мария де лас Уэльгас.

ним[160].

У слуг, всегда есть поговорка.

Благая весть. Она идет
С своей двоюродной сестрою,
Инес, к решетке.

Лучше молви,
Что на востоке самоцветном
Себя желая повторить,
На склоне дня восходит солнце.

СЦЕНА 5-я

Исабель и Инес, у окна. — Те же.

Инес

Исабель

Инес

Исабель

Инес

---

[160] Примечания: 160

Исполню, хоть и не придется //Мне за одним столом сидеть с ним. - Намек на испанскую пословицу: "делай, что тебе прикажет твой господин, и ты сядешь с ним за стол".

Исабель

Инес

Исабель

Дон Мендо (приближаясь к окну)

Исабель

Дон Мендо

Исабель

(Уходит.)

Инес

(Уходит.)

Дон Мендо

Нуньо

Иди к окну, сестра, не бойся,
Увидишь, как солдаты входят
В селенье.

Ах, не говори.
Как подходить к окну могу я,
Коль этот человек близ дома,
Мне так его противно видеть.

Упорствует, служа тебе,
Он чрезвычайно.

Мне в том счастья
Немного.

Ты совсем напрасно
Так беспокоишься об этом.

Что ж в этом видеть я могу?

Забаву.

Можно забавляться
Тем, что противно?

Я поклясться
Могу, дворянское дав слово,
(А эта нерушима честь,)
Что до сих пор не рассветало, —
Но можно ли на то дивиться?
Заря вторая с вами всходит.

Я не один вам раз, сеньор,
Уж говорила, что напрасно
Вы расточаете любезность,
Здесь каждый день пред этим домом

Являя крайности любви.

Когда красавицы бы знали,
Как гнев к лицу им и досада,
Клянусь, они не знали б в жизни
Иных румян или белил.
Вы так красивы. Говорите
Мне неприятностей побольше.

Коль говорить их не довольно,
Дон Мендо, сделать я могу.
Инес, иди со мной отсюда
И хлопни перед ним окошком.

Как видно, странствующий рыцарь,
Всегда вам нужно в бой вступать
С враждой подобных приключений,
Вам нелегко тут удержаться,
Так пусть же вам любовь поможет.

Инес, красавицам — их путь,
Хотят — придут, хотят — уходят.
Что ж, Нуньо.

Бедным незадача.

СЦЕНА 6-я

Педро Креспо; потом Хуан Креспо. — Те же.

Креспо (в сторону)

Нуньо (в сторону, к своему господину)

Дон Мендо

(Выходит Хуан Креспо.)

Хуан (в сторону)

Нуньо (в сторону, к своему господину)

Дон Мендо

Креспо (в сторону)

Хуан (в сторону)

Дон Мендо (в сторону, к Нуньо)

Креспо

(Дон Мендо и Нуньо уходят.)

Чуть в улицу мою вхожу я,
А уж дворянчик тут как тут,
Гуляет поступью преважной.

Сюда подходит Педро Креспо.

Идем вот этою дорогой.
Злокачественный он мужик.

Чуть я домой, уж тут у двери
То пугало в своих перчатках,
На наглом лбе его забрало.

А тут сынок его идет.

Смелей, не приходи в смущенье.

Но тут подходит Хуанито.

Однако тут идет отец мой.

(Но в чем и виду не подай.)
Храни Господь вас, Педро Креспо!

Храни Господь вас!

СЦЕНА 7-я

Педро и Хуан Креспо.

Креспо (в сторону)

Хуан (в сторону)

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

(Уходят.)

Он задумал
Упорствовать. Ему придется
Однажды пожалеть о том.

(Не сдобровать ему однажды.)
Откуда мой сеньор приходит?

Иду с гумна. Сегодня вышел
Я жатву нашу осмотреть.
Снопы большие, копен много,
Посмотришь издали, так будто
Снопы из золота, как груды,
И полновесное оно,
Тут зерна небом проверялись.
Лопата вверх и вниз летает,
И ветер, ею ранен, веет,

Ложится в сторону зерно,
Мякина в сторону другую:
И тут, кто более смиренен,
Тому, кто грузен, уступает.
Пошли Господь удачу мне,
Чтоб жатву, всю собрать в амбары,
И чтобы ливень или буря
Не обездолили колосья.
А ты что делал в этот час?

Не знаю, как тебе скажу я,
Чтоб только ты не рассердился.
Я в мяч играл, и две их было
Игры, и обе проиграл.

Что ж, хорошо, коль заплатил ты.

При мне не оказалось денег.
Не заплатил. Пришел просить я...

Постой и выслушай меня.
Двух никогда вещей не делай:
Не обещайся, раз не знаешь,
Что ты сдержать способен слово,
Когда ж играешь, так играй

Лишь на наличность, что с тобою.
Быть может в деньгах и нехватка,
Зато себя ты не уронишь.

Совет как должно от тебя.
Чтоб оценить его полнее,
Другой совет тебе в отплату:
Тому советов не давай ты,
Кто просит денег.

Ловко мстишь.

Двор при доме Педро Креспо.

СЦЕНА 8-я

Креспо, Хуан, Сержант.

Сержант

Креспо

Сержант

Креспо

Сержант

Живет не здесь ли Педро Креспо?

Чего желает ваша милость?

В ваш дом хочу доставить вещи,
Что принести сюда велел
Дон Альваро де Атаиде,
Он капитан того отряда,
Который нынче в Саламее
Расквартирован.

Хорошо.
Чтоб послужить по чести Богу
И Королю, для капитанов
Мое имущество и дом мой.
Пока в порядок приведут
Для капитана помещенье,
Оставьте вещи там при входе
И сообщите, пусть приходит,
Его мы милость будем ждать,
В том, что велит, служить готовы.

Он будет здесь через минуту.

СЦЕНА 9-я

Креспо, Хуан.

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

И примиряешься с постоем,
Когда настолько ты богат?

Как я его избегнуть мог бы?

Дворянской грамотой. Купи лишь.

Скажи по совести, есть кто-то,
Не знающий, кто я таков?
Я человек простой, хоть крови
Я незапятнанной, конечно.
Так я ведь грамотой дворянской

Дворянской крови не куплю[161].
Что ж, лучше буду я, чем прежде?
Бессмыслица. И что же скажут?
Что за шесть тысяч я реалов
Стал благороден. Тут мошна,
Не честь. Честь деньгами не купишь.
Рассказик маленький скажу,
Прослушай, пусть он пошловатый.
Был человек сто лет плешивым,
Уже сто лет как облысел он,
И наконец купил парик.
Что ж, в пересудах перестал он
Быть лысым? Да ничуть, любезный.
Посмотрят на него, и скажут:
"Парик он носит хорошо".
Итак, ему какая ж польза,
Что лысину его не видят?

---

[161] Примечания: 161

Так я ведь грамотой дворянской // Дворянской крови не куплю. - Во времена Кальдерона звание дворянина можно было покупать за деньги. В XXI главе (I т.) романа Сервантеса есть соответствующее высказывание Дон Кихота: "...Когда я воссяду на королевский престол, ты у меня сей же час получишь дворянство, и тебе не придется ни покупать, ни выслуживать его" (перевод Н. Любимова). Но Педро Креспо утверждает, что честь купить нельзя, так как это достояние, дарованное человеку богом.

А он ущерб, как мог, поправил
И неприятности смягчил
От солнца, холода и ветра.

Поддельной чести не хочу я,
Ущерб, что был, остался в доме.
Мои все предки мужики,
Пусть будут дети мужиками.
Покличь сестру.

Она пришла уж.

СЦЕНА 10-я

Исабель, Инес. — Креспо, Хуан.

Креспо

Исабель

Креспо

(Уходит.)

Исабель

Инес

(Исабель и Инес уходят.)

Дочь, наш Король (храни Всевышний
Его еще на сотню лет!)
Путь в Лиссабон сейчас свершает,
Где будет он короноваться
Как полновластный повелитель.
И потому идут в поход
С военной пышностью отряды,
И старый Фландрский полк приходит
В Кастилью, командир — Дон Лопе,
Он, говорят, Испанский Марс.
Сегодня в дом придут солдаты,
И им тебя не нужно видеть.
Так, дочь, немедленно отправься
В то помещенье наверху,
Где комнаты мои.

Хотела
Тебя как раз просить об этом,
И потому сюда пришла я.
Когда бы я осталась здесь,
Мне много услыхать пришлось бы
Ненужных глупостей. С сестрою
В твоем мы помещеньи будем,

И не увидит нас никто,
Ни даже солнце не узнает,
Где мы.

Побудь здесь, Хуанито,
Прими гостей благопристойно,
А я покуда пощу,
Чем угостить их хорошенько.

Идем, Инес.

Идем, сестричка.
Но женщину, я полагаю,
Совсем безумно охранять,
Коль женщина сама не хочет
Себя хранить.

СЦЕНА 11-я

Капитан, Сержант. — Хуан.

Сержант

Капитан

Сержант (в сторону, к Капитану)

(Уходит.)

Хуан

(В сторону.)

Капитан

Хуан

Капитан

Хуан

(Уходит.)

Вот этот самый,
Тот дом.

Пусть принесут мне вещи
Из кордегардии.

Пойду
Сперва крестьянам смотр устрою.

Добро пожаловать. Нам счастье,
Что в дом приходит кабальеро,
В котором благородный лик.

(Какой изящный он и стройный!
Мне хочется служить в солдатах.)

Мне вас весьма приятно видеть.

Прощенья просим, что еще
Мы не прибрали хорошенько.
Хотел бы мой отец, чтоб дом наш
Сегодня был роскошным замком.
Пошел он поискать еды,
Вам приготовить угощенье,
А я все приведу в порядок.

Благодарю за все заботы.

Всегда у ваших буду ног.

СЦЕНА 12-я

Сержант, Капитан.

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

(Видит, что подходит Ребольедо.)

Ну что, сержант? Крестьянку видел?

Свидетель Бог, взглянул я в кухню
И осмотрел все помещенье,
Ее нигде не повстречал.

Упрятал девку мужичина.

Я расспросил о ней служанку,
Та говорит, отец велел ей
Быть в помещеньи наверху,
Ревнив он, не велел спускаться.

Какой мужик не с хитрецою?
Когда бы тут ее я видел,
Вниманья б я не обратил,
А если так оберегает
Ее старик, клянусь, хочу я
Ее найти.

Но что ж мы можем
Такого выдумать, сеньор,
Чтобы войти без подозренья?

Из одного упрямства только
Ее увидеть я желаю,
И хитрость должную найду.

Не нужно и хитрить чрезмерно,
Была бы только здесь удача,
А остальное все неважно.

Так слушай, что придумал я.

Скажи, в чем дело?

Ты представься...

Но нет. Вон там солдат приходит,
В котором ловкости побольше,
Он разыграет это все.

СЦЕНА 13-я

Ребольедо, Искра. — Те же.

Ребольедо (к Искре)

Искра

Ребольедо

Искра

Ребольедо

(Приближается.)

Капитан

Сержант

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Искра (в сторону)

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Искра (в сторону)

Ребольедо (возвышая голос)

Искра (в сторону)

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан (кладя руку на шпагу)

Искра

(В сторону.)

Ребольедо

Капитан

(Обнажает шпагу.)

Ребольедо

Капитан

Искра

Сержант

Искра

Сержант

Искра

(Капитан бежит за Ребольедо; Сержант за Капитаном; Выходит Хуан со шпагой, потом его отец.)

Поговорю я с Капитаном,
Быть может, будет мне удача.

Поговори с ним хорошенько,
Не все ж сорви быть головой.

Ты поучи меня быть умным.

Уж много ли ума, не знаю,
А все бы отдала тебе я.

Ты здесь покуда подожди.

С ходатайством к тебе пришел я...

Я, Ребольедо, Бог свидетель,
Тебе во всем помочь желаю,
Мне люб твой смелый, быстрый нрав.

Солдат отличный.

Что ж ты хочешь?

Все деньги, сколько их имею,
Имел или иметь я буду,
Я потерял, и беден я
В грядущем, в прошлом, в настоящем.
Не сделаешь ли ты мне милость
И не велишь ли знаменосцу,
Чтоб в возмещение потерь...

Ну говори же, что ты хочешь?

Чтобы он дал мне разрешенье
Заведовать игрой в фортунку[162],
В нужде я нахожусь большой,
И, человек вполне я честный.

Ты рассуждаешь справедливо,
И я скажу, чтоб знаменосец
Твое ходатайство скрепил.

С ним капитан совсем приветлив.
О, если б мне фортункой зваться!

Я передам ему немедля.

---

[162] Примечания: 162

Заведовать игрой в фортунку. - Фортунка - азартная игра, напоминает упрощенный вариант рулетки.

Послушай, что еще скажу.
Тебе довериться хочу я
В том, что задумал, ты поможешь
Из затруднения мне выйти.

Что ты задумал? Лишь скажи.
В осведомлении задержка
Есть замедленье в исполненьи.

Так вот. Хочу в покой я верхний
Войти сейчас же, чтоб взглянуть,
Не там ли некая персона,
Что от меня желает скрыться.

Так почему же не взойдешь ты?

Хочу, чтоб все имело вид
Такой, что это лишь случайно.
И мы поссоримся притворно,
Ты от меня спасешься бегством
Туда наверх. И в гневе я
Вбегу со шпагой обнаженной.
Ты будешь там, где та, кого я
Хочу найти.

Все разумею.

Так с Ребольедо капитан
Беседует, что прямо нынче
Фортункой буду называться.

Свидетель Бог, такую помощь,
Как та, которой я прошу,
Вор получал, и трус, и низкий,
А честный человек тут просит,
Ему отказом отвечают.

Ну, загудел теперь вовсю.

Так смеешь говорить со мною?

И рассердиться не могу я,
Когда я прав?

Нет, и не смеешь
Ни слова больше говорить.
Благодари, что я сдержался.

Вы, ваша милость, капитан мне,
Лишь потому молчать я буду.
Иначе, будь со мной ружье...

Что сделал бы?

Сеньор, помедли.

(Я вижу смерть его.)

Тогда бы
Поговорил я и получше.

Чего я жду, чтоб наглеца
Не пронизать моею шпагой?

Передо мною знак отличья,
Лишь потому я уступаю.

Беги иль не беги — убью.

Он конченый!

Сеньор, послушай!

Сеньор!

Сдержи себя, помедли!

Не буду зваться я фортункой!

СЦЕНА 14-я

Хуан, Креспо. — Искра.

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Искра

Хуан (в сторону)

(Уходит.)

Спешите все сюда! Скорее!

Что здесь случилось?

Что здесь было?
На одного солдата в гневе
Был капитан и вынул шпагу,
За ним по лестнице бежит.

Судьба — и как тут с нею будешь?

Бегите все за ним скорее!

Напрасная была задача
Желать укрыть мою сестру.

СЦЕНА 15-я

Верхняя комната в том же доме.

Ребольедо убегает и наталкивается на Иса-

бель и Инес; потом Капитан и Сержант.

Ребольедо

Исабель

Инес

Исабель

(Входит Капитан и Сержант.)

Капитан

Исабель

Капитан

Исабель

Капитан

Сеньоры, храм всегда защита.
Пусть нынче здесь защиту встречу,
Как в церкви, где для всех укрытье,
Ведь я вступаю в храм любви.

Кто вам велит скрываться бегством?

Что побудило вас укрыться
Сюда?

И кто за вами следом?

Я, потому что я хочу
Убить негодного. Но Боже...
Подумать...

Я прошу, сдержитесь,
Лишь потому, сеньор, хотя бы,
Что он прибег в беде ко мне.
Таким, как вы, мужчинам, должно
Нас, женщин, защищать, затем что
Мы женщины, — того довольно,
Коль в вас вполне я вижу вас.

Прибежище он не нашел бы,
Где б моего избег он гнева,
Когда б его не защитила
От смерти ваша красота.
Во имя вас его щажу я.
Но хорошо ль, что, помешавши
Смертоубийству совершиться,
Вы убиваете меня?

Когда учтиво, кабальеро,
Вы наши жизни обязали,
Зачем заступничеству быстро

Велите вы затрепетать?
Оставьте этого солдата,
Я вас об этом умоляю,
Но пусть не думаю я тотчас,
Что я вам что-нибудь должна.

Не только небо наделило
Вас редкостною красотою,
Но сочетало с ней в союзе
И разумение ума.

СЦЕНА 16-я

Креспо и Хуан, с обнаженными шпагами; Искра. — Те же.

Креспо

Исабель (в сторону)

Креспо

Капитан

Креспо

Хуан (в сторону)

Креспо

Капитан

Хуан

Креспо

Капитан

Креспо

Хуан

Капитан

Хуан

Капитан

Хуан

Капитан

Креспо

(Обнажают шпаги.)

Ребольедо

Искра (кричит)

Ребольедо

(В сторону.)

Как, кабальеро? Я боялся,
Что вас застану за убийством,

А между тем...

Всевышний Боже!

Вы сладости, как вижу, тут
Пред женщиною говорите?
Вы, видно, очень благородны,
Что гнев так скоро гаснет в сердце.

Кто с обязательствами в мире
Рожден, тот должен исполнять их,
И в уваженье к этой даме
От бешенства я удержался.

Пред вами дочь моя, сеньор,
И Исабель всего крестьянка,
Не дама.

(Видит Бог, все это
Не более как лишь уловка,
Предлог, чтобы сюда войти.
Я со стыда сгорю, коль только
Подумают, что я обманут.
Не быть тому.) Скажу сеньору
Я капитану, можно б вам
Увидеть было, что отец мой

Весьма желает послужить вам,
И неприятностей подобных
Не причинять ему.

Юнец,
Тебя кто впутывает в это?
Какая тут мне неприятность?
Коли солдат его разгневал,
Он должен был идти за ним.
И дочь моя, конечно, ценит
Такую милость, как прощенье
Того, кто был в угрозе кары,
Его я уваженью рад.

Другой тут не было причины,
И это слишком очевидно,
Вам думать следует получше
О собственных своих словах.

Что говорю, я это знаю.

Так как же говорить так смеешь?

Вы здесь, и потому лишь только
Юнца я вмиг не покарал.

Прошу сеньора капитана
Сдержаться. Я отец, и с сыном,
Как будет мне благоугодно,
Могу по праву поступить,
Не вы.

И от отца стерплю я,
Не от другого.

Что могли бы
Вы сделать?

За себя вступаясь,
Могу и жизнь я потерять.

Крестьянин честь свою имеет?

Совсем такую же, как ваша.
И пахаря не будь, не будет
И капитана на земле.

Клянусь, терпение есть низость.

Заметьте, я здесь посредине.

Ну, Искра, шпаги поиграют,
Клянусь.

Скорей, сюда, сюда!

Дон Лопе!

(Этот глаз увидит.)

СЦЕНА 17-я

Дон Лопе, одет парадно, с ружьем; Солдаты, Барабанщик. — Те же.

Дон Лопе

Капитан (в сторону)

Креспо (в сторону)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Капитан

Дон Лопе

Капитан

Дон Лопе

Ребольедо (в сторону)

Исабель

Дон Лопе

Ребольедо

Дон Лопе

Ребольедо

Искра (в сторону)

Капитан (в сторону, к Ребольедо)

Ребольедо (в сторону)

Креспо

Дон Лопе

Капитан

(Капитан, Солдаты и Искра уходят.)

Креспо

(Исабель, Инес и Хуан уходят.)

Что тут такое? Чуть пришел я,
И первое, что здесь я вижу,
Тут ссоры?

В неудобный час
Дон Лопе здесь де Фигероа.

Выходит дело-то такое,
Что против всех восстал мальчонка.

Что тут такое? Отвечать.
Иначе, вот клянусь я Богом,
Мужчин, и женщин, дом, всех к черту!
Довольно мне того, что нужно
Мне было поспешить сюда
С больной ногой моей, ее же
Чтоб дьяволы скорей схватили!
Аминь! Что было здесь такое?

Совсем здесь ничего, сеньор.

Ответьте и скажите правду.

Здесь мне назначена квартира,
Один солдат мне...

Продолжайте.

Дал случай шпагу обнажить;
Сюда взошел он, убегая;
Я следом; две крестьянки были
Тут в комнате; и вот отец их,
А может быть, не знаю, брат,
Себе нашли обиду в этом.

Так значит вовремя я прибыл.

Получит каждый то, что нужно.
Скажите, где он, тот солдат,
Что своему дал капитану
Предлог для шпаги обнаженной?

Что ж, мне платить за всех придется?

Вот этот прибежал сюда.

Его на дыбу вздернуть дважды.

На дыбу? Куда, сеньор, мне нужно?

На дыбу.

На дыбы вставать мне?
Нет, не такой я человек.

Теперь его мне поломают.

О, Ребольедо, ради Бога
Не говори сейчас ни слова,
А я тебя освобожу.

(Как мне не говорить возможно?
Смолчу, тогда мне руки вздернут.
Как недостойному солдату.)
Мне капитан велел, чтоб я
Изобразил притворно ссору,

И он бы получил возможность.
Сюда войти.

Теперь вам видно,
Мы были правы или нет.

Неправы, потому что случай
Чрез вас возник, который мог бы
Все погубить селенье это.
Эй, барабанщик, дай отбой,
Чтоб в кордегардию немедля
Все отправлялися солдаты,
И чтоб никто под страхом смерти
Сегодня прочь не уходил.
И чтоб заботу вашу кончить,
И чтоб довольны были оба,
Без неприятностей дальнейших, —
Себе другое капитан
В селе найдите помещенье,
А здесь я буду помещаться,
Пред тем как путь свой в Гваделупу
Направлю, где сейчас Король.

Я указаньям подчиняюсь

Как повеленьям.

Все на место.

СЦЕНА 18-я

Креспо, Дон Лопе.

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе (в сторону)

Креспо (в сторону)

Сто раз, сеньор, благодарю вас,
Что случай устранили вы,
Через который я погиб бы.

Как вы себя бы погубили?

Убив того, кто захотел бы
Малейшую обиду мне...

Свидетель Бог, вам неизвестно,
Что был тут капитан пред вами?

Свидетель Бог, вполне известно,
Но будь он даже генерал,
Когда б моей коснулся чести,
Его убил бы.

Кто посмел бы
И у последнего солдата
Хоть нитку тронуть на плаще,

Его повесил бы немедля.

И если б кто посмел у чести
Моей задеть хотя пылинку,
Его повесил бы сейчас.

Клянусь, вы знать должны, что нужно,
Раз вы есть вы, терпеть повинность,
Которую вам указали[163]*?*

Имуществом моим, о, да,
Клянусь, служу, но лишь не честью.
Я Королю отдам именье,
И жизнь мою отдам охотно,
Но честь — имущество души[164]*,*
И над душой лишь Бог властитель.

Христос свидетель, что вы правы.

---

[163] Примечания: 163

Дон Лопе: Клянусь, вы знать должны, что нужно, // Раз вы есть вы, терпеть повинность, // Которую вам указали. - В оригинале "Por ser quien sois" - формула, утверждающая незыблемость сословных принципов, в том числе чести.

[164] Примечания: 164

Педро Креспо: Но честь имущество души... - Для Креспо честь - это высшее благо, дарованное богом, и именно поэтому равняющее всех: и дворянина и крестьянина. Некоторые теологи того времени также рассматривали сословные представления о чести как проявление "человеческой гордыни". (Напр.: Diego de Estella. Tratado de la vanidad del mundo. I, II).

Да, прав, мне в том Христос свидетель,
И знаю, что всегда был прав.

С дороги я устал, и эта
Нога, мне дал ее сам Дьявол, —
Нуждается теперь в покое.

Кто ж вам на это скажет нет?
А здесь постель мне дал сам Дьявол,
Она вам может пригодиться.

И ту постель стелил вам Дьявол?

Да.

Так ее сейчас сомну.
Клянусь, что я устал изрядно.

Клянусь, есть час и отдохнуть вам.

Упрям мужик. Как я клянется.

Он с норовом. Нам с ним не быть.

ХОРНАДА ВТОРАЯ
СЦЕНА 1-я

Улица.

Дон Мендо. Нуньо.

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

(Произнося это восклицание, он делает движение рукой и ударяет Нуньо в лицо.)

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо (в сторону)

Дон Мендо

Кто рассказал тебе об этом?

Все рассказала мне Хинеса,
Ее служанка.

После ссоры,
Что в доме там произошла,
(Была ль в том правда или хитрость)
Тот капитан в нее влюбился?

И так он в Исабель влюбился,
Что в доме дама у него
Не более чем в нашем.
Весь день перед ее он домом
И каждый час ей шлет посланья.
Тут солдатишке есть один,
Так он ему и вестоносец.

Не говори ни слова больше,
Чрезмерно много в этом яда,
Душа не вытерпит зараз.

Особенно коли в желудке
Нет сил, чтобы бороться с ядом.

Минутку, Нуньо, будь серьезен.

То Бог, чтоб я шутил.

А как она на все на это?

Как и с тобой, ответ такой же.
Ты знаешь, Исабель богиня
И выдыхания земли,
Того не досягает небо.

Господь пусть даст тебе награду.

Тебе пусть даст он боль зубную,
Два зуба мне сейчас сломал.
Но это хорошо ты сделал,
Коли задумал ты исправить
Лентяев, что совсем без дела.
Вон капитан идет.

Клянусь,
Честь Исабель не будь на карте,
Его убил бы.

Ты бы лучше
О голове своей подумал.

Послушаю со стороны.
Иди сюда ко мне поближе.

СЦЕНА 2-я

Капитан, Сержант, Ребольедо.

Дон Мендо и Нуньо. В стороне.

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Дон Мендо (в сторону, к Нуньо)

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Такая страсть, такое пламя
Не могут быть любовью только,
Тут просто бешенство, тут гнев,
Тут распаление упрямства.

Пусть никогда бы ту крестьянку
Красивую сеньор не видел.
Из-за нее тебе хлопот

Достаточно.

Какой служанка
Дала ответ тебе?

Не знаешь,
Какие от нее ответы?

Чему свершиться суждено:
Ночь расстилает тени мрака,
И, прежде чем приду к решенью,
Согласному с благоразумьем,
Ступай вооружи меня.

Как, у тебя, сеньор, оружие
Имеется? Я думал только
Оно как знак в лазурной рамке
Над дверью дома твоего?

В седельной кладовой, наверно,
Найдется что-нибудь такое,
Чтоб в предприятии подобном
Мне послужить.

Уйдем, пока
Вас капитан не заприметил.

СЦЕНА 3-я

Капитан. Сержант. Ребольедо.

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

(Капитан и Сержант уходят.)

Чтобы мужчине так надменно
Сопротивленье оказала
И чтоб ни слова мне в ответ.

Такие женщины, сеньор мой,

Мужчинами совсем иными,
Чем ты, способны увлекаться.
Когда бы ей простой мужик
Вниманье оказал, служил ей,
Он был бы много ей угодней.
А жалобы твои притом
Несвоевременны. Ведь ты
Уйти отсюда должен завтра.
Так как же это ты желаешь,
Чтоб женщина благоволенье
Тебе явила в день один?

Но в день один восходит солнце
И прочь уходит; в день все царство
Сполна перемениться может;
И из утеса в день один
Законченное строят зданье;
И в день один конец сраженью;
И выясняется победа;
На море буря в день один
Взыграет и опять спокойно;
Рождаются и умирают
В пределах дня; все это значит,

Что и любовь в единый день
Способна испытать, конечно,
Лучи и тени, как планета,
Успех и неуспех, как царства,
Явление зверей, как лес.
Грозу и тишину, как море
Триумф и гибель, как сраженье,
И жизнь и смерть, как тот, в ком чувства
И в ком возможности свершать.
И если в день один сумела
Ее суровая жестокость
Меня совсем несчастным сделать,
Так почему бы в день один
Не сделать ей меня счастливым?
Иль медленней восторг родится,
Чем оскорбленье?

Раз лишь видел
Ее и в крайности такой?

Чего ж еще, когда увидел,
И что еще мне видеть больше?
Чуть искра вспыхнет, мы в пожаре;

Чуть пламя выбросит вулкан,
И серная клокочет пропасть;
Чуть молния вверху зажжется,
Она внизу все разрушает;
Чуть пушка грянет, страх летит;
Что ж удивительного, если
Любовь огонь четырехкратный,
Пожар, вулкан, и взрыв, и молния
Хватает, ранит, губит, жжет?

Не говорил ли, что крестьянки
Красивыми и быть не могут?

Как раз уверенность такая
Меня убила наповал.
Кто знает, что пред ним опасность,
Он приготовится к защите.
Кто к достоверному стремится,
Его-то именно и ждет
Опасности внезапной трудность,
К которой он не приготовлен.
Крестьянку думал я увидеть,
И я богиню увидал.

Неосмотрительность такая
Не западня ли мне, подумай?
Такой божественной ни разу
Еще не знал я красоты.
А, Ребольедо, я не знаю,
Что б сделал, чтоб ее увидеть.

В отряде есть солдат, который
Изрядно в пеньи преуспел,
И Искра, что в игре в фортунку
Мне помогает, пляшет ловко
И звонко песни петь умеет,
Другой нет женщины такой.
Идем, сеньор, к ее окошку,
Устроим праздник там и песни,
Ты сможешь так ее увидеть,
А раз увидишь, говорить.

У них Дон Лопе квартирант,
Его будить я не хотел бы.

Когда ж с своей ногой больною
Дон Лопе спит? Притом, сеньор,
Коли возникнет неприятность,

Вина ведь не твоя, а наша,
Коль будешь ты с лицом закрытым
В толпе.

Хоть возраженья есть,
И в этом трудностей немало,
Моя тоска их превышает.
Так все сберемся этой ночью.
О, ты забота, Исабель.

СЦЕНА 4-я

Искра. Ребольедо.

Искра (за сценой)

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

(Обнажает кинжал.)

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

(Уходят.)

Держи.

Что там случилось, Искра?

А вот попался мне бедняжка,
Ему лицо я пощипала.

Поссорились из-за чего?

Когда игра была в фортунку,
Задумал он меня морочить.
И вот когда шары считала,
Он стал бесстыдно плутовать.
Его я этим наградила.

Пока его цирюльник будет
Сшивать и починять прореху[165],
Мы в кордегардию пойдем,
Я там тебе отчет представлю.

Когда хочу я веселиться,

---

[165] Примечания: 165

Пока его цирюльник будет // Сшивать и починять прореху. - В одной из назидательных новелл Сервантес изображает наемного убийцу (bravo), ранившего противника и требующего вознаграждения, соответствующего числу швов, наложенных цирюльником на рану.

Задумала ты быть сердитой.

Помехи нет тут никакой.
Вот кастаньеты. Петь где будем?

А вот когда завечереет,
Нам нужно музыку устроить.
Идем немедля и зайдем
Мы в кордегардию дорогой.

Я славу о себе оставлю,
И будет Искорка Фортунка
Известна до скончанья дней.

СЦЕНА 5-я

Низкая комната в доме Креспо, с видом и с выходом в сад. Окно с одной стороны.

Дон Лопе, Креспо.

Креспо (за сценой)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Садится.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Вот в этом месте, где свежее,
Сеньору нашему Дон Лопе
Накройте стол. Здесь ужин лучше.
Ведь в августе за жарким днем
Лишь к вечеру вздохнешь немного.

Приятное здесь пребыванье.

Обыкновение имеет
Здесь развлекаться дочь в саду.
Садитесь. Между этих веток
И меж побегов винограда
Приятно песенки лепечет
Полувоздушный ветерок,
Согласный в звуке с водоемом.
Среброжемчужная гитара,
В ней златокамешки, как струны.
Простите, если нет певцов,
А слышны только инструменты,
Поют нам песни только птицы,
И по ночам они смолкают,

Заставить петь их не могу.
Присядьте же и от недуга
Вы отдохните здесь немного.

Я не смогу найти услады.
Бог да поможет мне.

Аминь.

Господь мне ниспошли терпенья.
Садитесь, Креспо.

Так мне ладно.

Садитесь.

Если мне даете
Вы позволение, сеньор,
Я вам охотно повинуюсь,
Хоть и стоять я мог отлично.

Вы знаете, что я заметил?
Вчера так силен был в вас гнев,
Что из себя совсем вы вышли.

Нет, из себя не выхожу я,
Что б ни случилося со мною.

Так как же это так вчера

Вы сели, хоть и не просил я,
Притом же и на лучшем месте?

Вот потому что не просили.
Сегодня просите, и я
Стоять хотел бы: на учтивость
Всегда учтивым быть нам нужно.

Вчера вы были в проклинаньях,
И все у вас, чтоб так и сяк,
Сегодня вы миролюбивый,
В благоразумьи и покое.

Всегда, сеньор, я отвечаю
В том самом тоне, как со мной.
Вчера вы говорили сами
В таком же тоне, как ответно
Я говорил. И подходящим
Я сделал правилом своим:
С тем, кто клянется, сам клянусь я,
Кто молится, и я с молитвой.
Во всем компанию держу я.
И это даже до того,
Что глаз сомкнуть не мог я ночью,

Все о ноге я вашей думал.
А утром встал, в ногах обеих
Изрядную я чуял боль:
Ведь я не знал, у вас какая
Нога болит, так значит обе
И заболели. Ради Бога,
Какая, уж скажите мне,
Чтобы вперед одна болела.

Не вправе ль сетовать я горько?
Уж тридцать лет, как боль терплю я,
Во Фландрии, в трудах войны,
Зимой страдаю от мороза,
А летом от мучений зноя,
И никогда не отдыхаю,
И я без боли ни на час.

Да ниспошлет вам Бог терпенья.

А для чего оно мне нужно?

Да не пошлет вам Бог терпенья.

Да, не придет оно сюда,
Пусть дьяволы меня с терпеньем
Возьмут и к черту удалятся.

Аминь. А ежели замедлят,
Благого сделать не хотят.

О, Иисус. О, Сыне Божий.

Да будет с вами и со мною.

Христос, Христос, я умираю.

Христос, Христос, как я терплю.

СЦЕНА 6-я

Хуан, уставляет стол. Дон Лопе, Креспо.

Хуан

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Хуан уходит.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе (в сторону)

Вот стол накрыт и все готово.

Так почему же не приходят
Мои сюда служить мне слуги?

Сеньор, я вам решусь сказать,
Что я о том распорядился,
Чтобы они не приходили,
Я с Божьей помощью уверен,
Что все в порядке будет здесь.

Пускай же не приходят слуги.
Прошу, чтоб ваша дочь со мною
Откушала.

Хуан, сейчас же
Пойди и позови ее.

Я так здоровьем слаб, что вряд ли
Меня подозревать здесь можно.

Хотя б здоровье ваше было
Таким, как я того хочу,
Подозревать я вас не стал бы.
Меня обидеть вы хотите,
Так говоря: сюда входить ей
Я не велел из-за того,
Что слушать лишнее не нужно.

Но если б все солдаты были,
Как вы, учтивы, ей бы должно
Быть первой, чтобы им служить.

Претонкий этот мужичина,
И осторожен чрезвычайно.

СЦЕНА 7-я

Хуан, Инес, Исабель. Дон Лопе, Креспо.

Исабель

Креспо

Исабель

Дон Лопе

(В сторону.)

Исабель

Дон Лопе

Креспо

Исабель

(Садятся. — За сценой звучат гитары.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Хуан

Дон Лопе

Хуан

Что мне сеньор повелевает?

Сеньор Дон Лопе хочет нас
Почтить: тебя позвал он в гости.

Слуга покорная пред вами.

Я вам служить намереваюсь.

(Красавица, и как скромна.)
Прошу поужинать со мною.

Уж лучше я с моей сестрою
За ужином служить вам буду.

Прошу вас сесть.

Садитесь вы,
Сеньор Дон Лопе так желает.

В повиновении заслуга.

Что там такое?

А солдаты
С гитарой песни там поют.

Без этой маленькой поблажки
Труды войны большое бремя,
Солдату очень часто тесно,
И вольность эта им нужна.

И все же славное житье их.

Попробовать его хотели б?

Лишь Ваша Светлость захотела б,
А я попробовать готов.

СЦЕНА 8-я

Солдаты, Ребольедо. — Те же.

Солдаты (за сценой)

Ребольедо (за сценой)

(Слышен стук камня об окно.)

Голос (поет за сценой)

Дон Лопе (в сторону)

(Вслух.)

Креспо

(В сторону.)

Хуан (в сторону)

(Хочет выйти.)

Креспо

Хуан

Креспо

Солдаты (за сценой поют)

Исабель (в сторону)

Дон Лопе

(Опрокидывает стол.)

Креспо

(Опрокидывает стул.)

Дон Лопе (в сторону)

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(В сторону.)

Дон Лопе (в сторону)

Креспо

Дон Лопе

Исабель

Дон Лопе (в сторону)

Креспо (в сторону)

Дон Лопе

Креспо

(В сторону.)

Дон Лопе

Исабель (в сторону)

Инес (в сторону)

Креспо

Хуан

Креспо

(Уходит.)

Вот здесь как раз и петь мы будем.

Мы к Исабель направим песню,
А чтоб она скорей проснулась,
В окошко камень бросим мы.

Цветочек розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня цветик синий,
А завтра будет мед.

(Ну музыка идет, но камень
Бросать в окно совсем бесстыдно...)
И перед домом, где живу я,
Так серенады задавать.

Вот сорванцы.

А, это юность.

(Когда бы не был здесь Дон Лопе,
Уж я бы задал им...)

Когда бы
Я только добыл старый щит,
Что в комнате висит Дон Лопе...

Куда ты, юноша, уходишь?

Сказать, чтоб приносили ужин.

Для этого есть слуги там.

О, Исабель, проснись, проснись же.

О, Боже, чем я провинилась,
Что мне терпеть такое нужно?

Нет, более терпеть нельзя,
И непомерно это дурно.

И совершенно уж чрезмерно.

(Я нетерпенью подчинился.)
Ведь правда же терпеть нельзя,
Когда нога болит так тяжко?

Я говорил как раз об этом.

Я думал о другом о чем-то.
Вы опрокинули тут стул...

Как вами стол был опрокинут,
Я не имел перед собою
Другого ничего, чтоб бросить.

(О, честь, скрываться нужно нам.)

(Кто там на улице, узнать бы.)
Я ужинать не расположен.
Идите.

В добрый час.

Сеньора,
Идите с Богом.

С вами Бог.

Из комнаты моей есть выход
На улицу, и щит там видел?

Есть выход со двора, я знаю.
Я шпагу добрую найду.

Так доброй ночи.

Доброй ночи.

Детей моих запру снаружи.

Я дом немного успокою.

О, как притворствуют они,
И как притворствовать им трудно.

Друг друга обмануть желают,
Им удается это плохо.

Эй, юный.

Я.

В постель — сюда.

СЦЕНА 9-я

Улица.

Капитан, Сержант; Искра и Ребольедо, с гитарами; Солдаты.

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

Капитан

Сержант

Искра

Сержант

Ребольедо

Искра

Да, здесь, пожалуй, будет лучше.
Мы тут устроимся удобней.
Что каждый должен делать, делай.

Опять за музыку?

Ну да.

Все это мне как раз по вкусу.

Какая дерзкая крестьянка.
Окошка даже не открыла.

Там в комнатах уж слышно нас.

Постой.

Придется расплатиться.

Посмотрим только, кто приходит.

Не видишь разве? Это рыцарь,
Во всеоружии идет.

СЦЕНА 10-я

Дон Мендо, с большим щитом, Нуньо. — Те же.

Дон Мендо (в сторону, к Нуньо)

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Ребольедо

(К Искре.)

Искра

Ребольедо

Искра

Ты видишь, что здесь происходит?

Не вижу, нет, не вижу ясно,
Но слышать слышу превосходно.

Кто это мог бы вынесть?

Я.

Что, Исабель окно откроет?

Откроет.

Низкий, не откроет.

Ну, не откроет.

О, Всевышний.
Какую пытку я терплю.
Я лезвием их всех прогнал бы,
Но надо скрыть свое несчастье,
Пока мы ясно не увидим,
В том есть ее вина иль нет.

Так сядем здесь.

Отлично, сядем.
Я так останусь неизвестным.

Ну, человечек наш уселся,
Или не человек, душа,
Которой суждено скитаться
С таким щитом за то, что в жизни
Она сломала много копий.

Брось в воздух голос свой.

Летит.

Спой песню так, чтоб кровь забилась.

Пою, и будет кровь быстрей.

СЦЕНА 11-я

Дон Лопе и Креспо, одновременно, со щитами, каждый со своей стороны. — Те же.

Искра (поет)

Креспо

Дон Лопе

(Дон Лопе и Креспо нападают с обнаженными шпагами на солдат и на Дона Мендо с Нуньо. Обращают их в бегство. Дон Лопе возвращается.)

Дон Лопе

(Креспо возвращается.)

Креспо (в сторону)

Дон Лопе (в сторону)

Креспо (в сторону)

Дон Лопе

Креспо

(Бьются.)

Дон Лопе (в сторону)

Креспо (в сторону)

Был такой сякой Сампайо,
Цвет красивых Андалузцев,
Был большой он забияка,
Рыжевласый, золотой.
Вечерком, когда смеркает,
Он пришел болтать с Крикуньей,
А она болтала с Гарло,
Испивая с ним винцо.
Гарло на руку был ловок,
Все, что делал, делал быстро,
Был он молнией без тучи,
Прямо с неба упадал.
Шпагу вынул, и немедля
Бьет вперед и бьет наотмашь.

Должно быть, так случилось это.

Вот так удар был без сомненья.

Бежали. Лишь один остался.

Какой-то тут еще солдат.

И этому задам я встряску.

И этот не уйдет отсюда,
Чтоб стали раньше не отведал.

Беги вдогонку за толпой.

Беги, ты побежишь скорее.

Клянусь, он бьется превосходно.

Отлично бьется, Бог свидетель.

СЦЕНА 12-я

Хуан со шпагой. Дон Лопе, Креспо.

Хуан (в сторону.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Дай Бог, чтоб встретился я с ним.)
Сеньор, я здесь, с тобою рядом.

Вы Педро Креспо?

Я. Дон Лопе?

Дон Лопе. Я же говорил вам,
Чтобы не выходили вы?
Что означает этот подвиг?

Я объясню, что извиненье
Мне в том, что сделали вы здесь.

Мое в том было оскорбленье,
Не ваше.

Лишнее скрываться.
Я вышел, чтобы с вами рядом
Принять и встретить этот бой.

СЦЕНА 13-я

Солдаты, Капитан. — Те же.

Солдаты (за сценой)

Капитан (за сценой)

(Входят Солдаты и Капитан.)

Дон Лопе

Капитан

Дон Лопе

Капитан

(В сторону.)

Креспо (в сторону)

Дон Лопе

(Уходят.)

Теснее. Мужичье покончим.

Заметьте...

Стой. Куда идете?
Что означает эта крайность?

Здесь в этой улице сейчас,
Совсем не причиняя шума,
Солдаты пели, веселились,
Внезапно возникает ссора,
И я удерживать их стал.

Дон Альваро, я понимаю
Благоразумье вашей меры,
И так как здесь, в местечке этом,
Возник сегодня шум и гам,
Хочу беды избегнуть большей.

И так как ночь близка к рассвету,
Я отдаю вам приказанье,
Чтоб завтра утром свой отряд
Из Саламеи увели вы
И уж сюда не возвращались,
Затем что если будет нужно
Вторично водворить покой,
Клянусь, я применю оружье.

Я подтверждаю, что отряд мой
В походе будет завтра утром.

(Ты будешь стоить жизни мне,
Красивая моя крестьянка.)

Дон Лопе этот прихотливый,
Мы будем в добром с ним согласьи.

Идемте вместе, чтобы вас
Здесь одного никто не встретил.

СЦЕНА 14-я

Дон Мендо; Нуньо, раненый.

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

(За сценой бой барабана.)

Дон Мендо

Нуньо

Дон Мендо

Нуньо

Ты, Нуньо, не серьезно ранен?

Хотя б и менее серьезно,
Мне вовсе в том отрады нет,
И ран я вовсе не желаю.

Ни разу в жизни не имел я
Такой печали неприятной.

И я.

Вполне уместен гнев.
Тебя он в голову ударил?

Вот этот бок, он весь ушиблен.

Что там?

Отряд солдат уходит.

И в этом счастие мое:
Уж к Капитану я не буду
Испытывать такую ревность.

Сегодня за день уберутся.

СЦЕНА 15-я

Капитан и Сержант с одной стороны. — Дон Мендо и Нуньо с другой.

Капитан

Сержант (в сторону, к Капитану)

Дон Мендо (в сторону, к Нуньо)

Нуньо

(Дон Мендо и Нуньо уходят.)

Сержант, с отрядом ты пойдешь
И будешь до заката солнца
Идти, когда ж тот светлый факел

Сокроется в волне холодной,
Уйдет в Испанский океан,
Тебя в лесу я жду, запомни,
Сегодня жизнь мою хочу я
Найти и встретить в смерти солнца.

Молчи, здесь пугало сих мест.

Так постараемся пройти мы,
Чтоб скорби он моей не видел.
Будь, Нуньо, тверд, скрепись наружу.

Как крепышом я покажусь?

СЦЕНА 16-я

Капитан, Сержант.

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

В местечко нужно мне вернуться,
С служанкой я договорился,
Увижу, не возможно ль будет
С жестокой этой говорить.
Я ей такие дал подарки,
Что похлопочет достоверно.

Коль хочешь ты, сеньор, вернуться,
Заметь, с подмогою приди:
На мужичье нам полагаться
Никак нельзя.

Я это знаю.
Ты нескольких наметь, которых,
Когда пойду, возьму с собой.

Все, что велишь ты, я исполню.
А ежели да вдруг Дон Лопе
Вернется, о тебе узнает...

Ну, в этом мне велит любовь
Не видеть никакого страха.
Дон Лопе тоже прочь уходит
Готовить войско в Гвадалупе:

Об этом я сейчас узнал,
Как приходил к нему прощаться,
Туда Король уже в дороге.

Во всем сеньору повинуюсь.

Заметь, что жизнь моя вся тут.

СЦЕНА 17-я

Ребольедо, Искра. Капитан, Сержант.

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

(Уходит.)

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

(Уходят.)

Сеньор, с хорошею я вестью.

Что приключилось, Ребольедо?

За эту весть хочу награды
И заслужил ее вполне...

В чем дело?

В том, что стало меньше
Одним врагом, и меньше страха.

О ком ты говоришь? Скорее.

О юном брате Исабель.
К отцу Дон Лопе обратился,

Прося, чтоб сына отпустил он,
Тот отпустил, и он уходит,
Идти он хочет на войну.
На улице его я встретил,
Щеголеватый и веселый,
Еще крестьянином смотрел он,
Но и солдатом уж глядел.
Теперь у нас одна забота:
Старик.

Дела идут отлично.
Пойдут и лучше, если только
Мне та поможет, что дала
Надежду мне сегодня ночью
Беседовать с моей желанной.

Не можешь в этом сомневаться.

С дороги я вернусь сюда,
Теперь же нужно быть с отрядом,
Пока уходит он отсюда.
Со мной вы оба возвратитесь.

Нас будет мало, видит Бог,
Хотя еще пришли бы двое,

И четверо, и шесть, и больше.

А я, коль ты сюда вернешься,
Скажи, что буду делать там?
Не в безопасности я буду,
Коль мне придется повстречаться
С тем, кто сшивал свои прорехи
Там у цирюльника.

Как быть?
Не знаю, что с тобой мне делать.
Со мной идти не побоишься?

Бояться? Нет. Наряд имею,
И нрав совсем не робкий мой.

Одежда для тебя найдется,
Ушедший паж свою оставил.

На месте я его и буду.

Идем, уж знамя в путь идет.

Теперь я вижу, справедливо
Поется песенка, что длится
Один лишь час любовь солдата.

СЦЕНА 18-я

Дон Лопе, Креспо, Хуан.

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Хуан

Креспо

Дон Лопе

Хуан

За много вас благодарю,
Но более всего я тронут
Тем, что вы сына отпустили,
И он моим солдатом будет,
От всей души благодарю.

Даю, чтоб был слугой он вашим.

Его беру своим я другом.
Он люб мне смелым бодрым нравом,
И тем, что воинский в нем дух.

Всегда у ваших ног я буду.
И вы увидите, как стану
Я правдой вам служить, стараясь
Повиноваться вам во всем.

В чем вашего прошу прощенья,
Сеньор, так это в том одном лишь,
Что, может быть, он не сумеет
Вам должным образом служить.
Нам в нашей школе деревенской
Соха и борона как книги,
Умеем действовать лопатой
И ловко действуем цепом,
Но здесь не мог он научиться
Тому, что во дворцах богатых
Преподает векам учтивость
И обхождение дает.

Уже теряет солнце силу.
Я в путь решаюсь отправляться.

Иду, сеньор, и посмотрю там,
Готовы ли носилки вам.

СЦЕНА 19-я

Исабель, Инес. — Дон Лопе, Креспо.

Исабель

Дон Лопе (к Исабель)

Исабель

Дон Лопе

Исабель

Дон Лопе

И это хорошо, уйти так,
С тем не простившись, кто желает
Всегда служить вам?

Не ушел бы
Я без того, чтоб руки вам
Поцеловать, прося прощенья,
Что дерзновенно оставляю
Вам дар, и дар не как награду,
А как покорности лишь знак.
Медаль есть эта хоть богата
Алмазами, своей оправой,

Но к вам она приходит бедной,
Возьмите этот слабый знак
И, в честь меня, прошу, носите.

Огорчена я, что хотите,
Являясь столь великодушным,
За хлебосольство заплатить,
Мы должники, ведь вы гостили
И этим честь нам оказали.

Не плата это, лишь вниманье.

Как знак внимания беру.
О брате я моем прошу вас,
Служить вам он чрезмерно счастлив.

О нем, прошу, не беспокойтесь,
Сеньора, будет он со мной.

СЦЕНА 20-я

Хуан. — Те же.

Хуан

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Хочет уйти.)

Дон Лопе

Креспо

(Дон Лопе уходит.)

Носилки поданы.

Ну, с Богом.

Вас да храни Господь Всевышний.

А, Педро Креспо, добрый, бравый.

Сеньор Дон Лопе, смелый вождь.

Кто мог бы думать в день тот первый,
Когда увиделись мы с вами,
Что будем мы друзья навеки.

Сеньор, так мог бы думать я,
Когда бы знал; тогда вас слыша,
Что вы...

Скажите, ради Бога.

Безумец прихоти прекрасной.

СЦЕНА 21-я

Креспо, Хуан, Исабель, Инес.

Креспо

Хуан

Исабель

Хуан

Инес

Креспо

Хуан

Креспо

(Хуан уходит.)

Мой сын, пока сеньор Дон Лопе
Приготовляется к отбытые,
Перед сестрой, перед родною
Услышь, что я тебе скажу.
Ты родился, по воле Божьей,

Хуан, от крови самой чистой,
И чистота ее как солнце,
Но кровь крестьянская в тебе.
Тебе одно я и другое
Затем подробно сообщаю,
Чтоб слишком не смирял ты гордость
И смело большим стать хотел.
Но также, чтобы, впавши в гордость,
Чрезмерного не захотел ты,
И чтоб не стал тем самым меньше,
Ты оба твердо знай пути.
И ими пользуйся смиренно.
Смиренным будучи, ты сможешь
Спокойно рассудить, что лучше,
Забудешь также и о том,
Что служит к униженью гордых.
Сколь многие, свершив погрешность,
Ее смиреньем искупили.
Сколь многие через тщету
Себе лишь ненависть снискали.
Будь вежливым необычайно,
Будь щедрым, также и веселым:

Ты знаешь, делают друзей
Обычно деньги вместе с шляпой.
Все золото, какое только
Там в Индии соткало солнце[166]
И к нам идет через моря,
Не стоит счастья быть любимым.
Дурного никогда не молви
О женщинах: и в самой скромной
Узнай, достойная душа,
И наконец, от них родился.
Не бейся из-за каждой вещи.
Когда в селеньях наших вижу,
Как биться учат тут и там,
И как учителей тех много,
Я часто про себя помыслю:
"Не эта школа нам потребна,
И нужно не тому учить,
Как биться ловко и красиво,
А почему, за что нам биться.
И утверждаю, если б только

---

[166] Примечания: 166

Все золото, какое только // Там в Индии соткало солнце. - Имеется в виду золото, которое добывали испанцы в своих американских колониях.

Один такой учитель был,
Который бы учил успешно
Не как, за что нам нужно биться,
Все б сыновей к нему послали".
С такими мыслями в уме
И с деньгами, что на дорогу
Берешь, а также чтоб разумно
Приличных две одежды сделать,
С защитою Дон Лопе ты
Прими мое благословенье,
И я на Бога уповаю,
Что будешь в лучшем положеньи.
Прощай, мой сын. Уж я с тобой
Расчувствовался, так прощаясь.

Я доводы твои запомню
И в сердце их запечатлю,
Так будут жить, пока живу.
Дай руку мне. Тебя, сестра, я
Хочу обнять. Сеньор Дон Лопе
Уж отбыл, нужно поспешить мне.

Тебя хотела б удержать.

Прощай, Инес, прошай, сестрица.

Тебе не говорю я словом,
Глаза мне голос заменили.
Прощай.

Иди уж поскорей.
А то как только погляжу я,
И больно мне, что ты уходишь.
Так поступай, как говорил я.

Всевышний с вами.

Бог с тобой.

СЦЕНА 22-я

Креспо, Исабель, Инес.

Исабель

Креспо (в сторону)

Исабель

Креспо

(В сторону.)

Исабель

Инес

Креспо (в сторону)

Инес

Исабель

Креспо

(Садятся.)

Какой жестокий этот выбор.

(Теперь, когда его не вижу,
Могу я говорить спокойней.)
Что здесь бы делал он со мной,
Всю жизнь он прожил бы лентяем?
Пусть Королю служить идет он.

Мне жаль, что он уходит ночью.

А в летний зной свершать поход
Приятнее не днем, а ночью,
Не так устанешь, да и нужно,
Чтоб он скорей нагнал Дон Лопе.

(Растрогал вовсе он меня,
Хоть пред другими и креплюсь я.)

Пойдем домой, сеньор, уж поздно.

Теперь, когда ушли солдаты,
Еще помедлить можно нам,
Здесь у дверей прохладный ветер,
А вскоре выйдут и соседи.

(Сказать по правде, потому я
В дом не иду еще сейчас,
Что как дорога забелеет,
Так мнится, вижу я Хуана.)
Инес, дай стул мне, посижу я.

А вот скамеечка есть тут.

В совете городском, как слышно,
День выборов прошел сегодня.

Так в Августе всегда бывает.

СЦЕНА 23-я

Капитан, Сержант, Ребольедо, Искра и Солдаты, все закутаны до глаз в плащи.

Креспо, Исабель, Инес.

Капитан (в сторону, к своим)

Ребольедо

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Сержант

Капитан

Ребольедо

Искра

Ребольедо

Искра

Капитан

Креспо

Капитан (в сторону, к своим)

(Солдаты подбегают к троим, задерживают Креспо и Инес, овладевают Исабель.)

Исабель

Капитан

(Увлекает ее и уходит.)

Исабель (за сценой)

Креспо

Исабель (за сценой)

Инес (в сторону)

(Уходит.)

Креспо

Ребольедо

(Похитители уходят.)

Креспо

Бесшумно совершайте шаг.
Иди вперед ты, Ребольедо,
Дай знать служанке, что пришел я.

Иду. Но что такое вижу?
У входа к ним там люди есть.

И я их вижу в лунном свете.
Среди теней лицо как будто,
Там Исабель.

Она, конечно.
Мне сердце это говорит

Ясней луны. Как раз пришли мы.
Коль мы, когда сюда достигли,
На все дерзнем, исход отличный.

А можешь выслушать совет?

Нет.

Так его и не скажу я.
Что ты замыслил, то и делай.

Я подойду и дерзновенно
Схвачу оттуда Исабель.
А вы в то время помешайте
Преследованью остриями.

С тобой пришли, и что велишь нам,
Мы будем это исполнять.

Запомните, что мы сойдемся
В лесу соседнем, что направо,
Когда уходишь прочь с дороги.

Слышь, Искра.

Что?

Держи плащи.

Хранить плащи одна услада
В часы, как биться начинают,
Хоть о купаньи говорят так.

Я первый подойду сейчас.

Ну, воздухом мы насладились.
Теперь и в дом пойдем, пожалуй.

Пришла пора, друзья, спешите.

Предатель. Что это, сеньор?

Безумье, бешенство любви.

Предатель. О сеньор, сеньор мой.

О, подлые.

Отец мой милый.

Уйду отсюда я сейчас.

Вы увидали (О, бесчестье),
Что я без шпаги, потому лишь
Вы, трусы подлые, напали.

Уйдите, а не то вам смерть.

Коль честь убита, что мне пользы
В живых остаться. Если б шпагу.

За ними без оружья гнаться
Напрасно, а за ней пойду,
Так их из виду потеряю.
Что делать мне в судьбе неверной?
Как ни пойти, везде опасность.

СЦЕНА 24-я

Инес, со шпагой. Креспо.

Инес

Креспо

(Уходит.)

Тебе я шпагу принесла.

Ты вовремя приходишь с нею.
Имею честь, имея шпагу,
Чтобы преследовать преступных.

СЦЕНА 25-я

Поле.

Креспо, бьется с Сержантом. Ребольедо с Солдатами; потом Исабель.

Креспо

Сержант

Креспо

(Падает.)

Ребольедо

Сержант

Исабель (за сценой)

Креспо

Ребольедо

Креспо

(Его увлекают.)

Предатели, трусливый род,
Свою добычу отпустите,
Из ваших рук ее исторгну,
Или я с жизнью здесь расстанусь.

Напрасного желаешь ты.
Нас много.

Но терзаний больше
В моей душе, и все вступают
В бой за меня...

Я поскользнулся.
Шаг изменил.

Убить его.

Отнявши честь, лишить и жизни
Чрезмерно было бы, жестоко.
Его мы к дереву привяжем,
В глухом лесу не сможет он
Поднять тревогу.

Господин мой.
Отец мой.

Дочь моя.

Тащите
Его подальше.

Дочь родная,
Тебя лишь вздох мой провожает.

СЦЕНА 26-я

Исабель и Креспо, за сценой; потом Хуан.

Исабель (за сценой)

Хуан (входя)

Креспо (за сценой)

Хуан

О, я несчастная, увы.

Печальный голос.

О, несчастный.

Какое смертное стенанье.
Мой конь споткнулся подо мною
При входе в лес, и я упал,
За ним слепой бегу по чаше,
И крик печальный слышу справа,
И слева горькое стенанье,
И так неявственны они,
Что я едва их различаю.
Здесь две беды ко мне взывают,
И помощи желают обе,
И голос здесь один мужской,
И женский также, вслед за ним я
Пойду, отцу так повинуюсь.
Он два мне правила преподал:
"Чтить женщину и биться там,

Где будет случай надлежащий".
И, следуя теперь призыву,
Честь женщины я защищаю,
И буду биться в должный миг.

ХОРНАДА ТРЕТЬЯ
СЦЕНА 1-я

Чаща леса.

Исабель, плачущая.

Исабель

О, никогда пусть не сияет
Моим глазам рассвет и утро,
Чтобы в тени не нужно было
Стыдиться мне самой себя.
Весна проворных звездных гроздий,
Не уступай заре дорогу,
Пусть по твоим полям лазурным
Она не рассылает смех,
А ежели придти уж нужно,
И надо мир твой потревожить,
Так пусть заря не смех роняет,

А с горьким плачем день ведет.
О, наибольшая планета,
Побудь в волне холодной дольше,
Дозволь, чтоб ночь продлила царство
Своих сомнительных темнот.
Дозволь, чтоб о тебе сказали,
Когда мою мольбу услышишь,
Что ты идешь не неизбежно,
А волю явствуешь свою.
Зачем ты восходить желаешь
И хочешь увидать с лазури
Мою печальнейшую повесть,
Рассказ чудовищной судьбы,
Насилий диких безымянность,
Что в посрамленье человекам
Свершилось, и по воле неба
Записан этот приговор?
Но горе мне, твое насилье,
Твою жестокость замечаю,
Тебя просила задержаться,
А ты встаешь над гранью гор.
О горе мне. За мною следом

Такие беды и несчастья,
Такое страшное бесчестье,
Такой судьбинный приговор,
И ты свой гнев стремишь мне с неба.
Что делать мне? Куда пойду я?
Когда дрожащие я ноги
Решусь направить в дом родной,
Найдет отец мой престарелый
Себе в том новое бесчестье,
Ведь он одну имел лишь радость,
Глядеться в светлую луну
Моей невозмущенной чести,
Которая узнала ныне
Такое лунное затменье.
Коль во внимание к нему
Не ворочусь домой, я этим
Возможность создаю для мысли,
Что соучастницей была я
Сама бесчестья моего.
И, будучи в том невиновной,
Неосмотрительно могу я
Злоречию дать основанье.

Как дурно поступила я,
Что я от брата ускользнула.
Не лучше ль было, чтобы гневный,
Весь распалясь, меня убил бы,
Мою судьбу он увидав?
Хочу позвать его, хочу я,
Чтоб, мщеньем яростным пылая,
Меня убил он, возвратившись,
Пусть эхо зов мой повторит...

СЦЕНА 2-я

Креспо, Исабелъ.

Креспо (за сценой)

Исабель

Креспо (за сценой)

Исабель

Креспо

Исабель

Креспо

Исабель

Креспо

Исабель

Креспо

Исабель

Креспо

Исабель

(Развязывает его.)

Креспо

Исабель (в сторону)

Креспо

(Уходят.)

Вернись меня убить скорее,
Убийцей будешь милосердным,
В том милосердья нет нисколько
Несчастному оставить жизнь.

Что говорит там голос слабый,
Неявственный и плохо слышный,
Его признать не в состояньи.

Убей из жалости меня.

О, небо, небо, вот несчастье.
Еще другой взывает к смерти,
Еще меня он злополучней,
И против воли должен жить.
(Раздвигает ветки, предстает
Креспо, привязанный к дереву.)
Но что мои глаза здесь видят?

Коль в том, кто здесь по лесу бродит,
Есть хоть на каплю милосердья,
Пусть подойдет меня убить...
Но что глаза мои здесь видят?

Привязанный руками к дубу...

Взывающую горько к небу...

Здесь мой отец.

Я вижу дочь.

О, мой отец и повелитель!

О, дочь, приди ко мне скорее
И развяжи мне эти путы.

Не смею. Если развяжу
Тебя стесняющие узы,

Тогда, сеньор, я не посмею
Тебе сказать мои несчастья
И рассказать мою беду.
Чуть будешь с вольными руками,
Лишенный чести, ты немедля,
Проникнут гневом смертоносным,
Меня убьешь, и я хочу
Тебе сказать сначала повесть
Моих томительных несчастий.

О, Исабель, постой, помедли,
Не продолжай. Несчастья есть,
Чтобы почувствовать их сердцем,
Нам говорить о них не нужно.

Есть многое, о чем ты должен
Узнать, и, как о том скажу,
Твое все сердце возмутится,
И, прежде чем о том услышишь,
Мгновенного захочешь мщенья.
Я вечером вчера была
В тени твоих седин спокойна,
И юность сердцу обещалась,

Когда предатели, что были
До глаз закутаны в плащи,
(Они решили, что сумеет
Их дерзость побороться с честью)
Меня похитили: так точно
Ягненка похищает волк,
Когда сосет он грудь родную.
Тот Капитан, тот гость нечестный,
Что в первый день в наш дом низринул
Раскол предательства и ссор,
Всю смуту низкого коварства,
Меня схватил в толпе он первый,
А между тем другие с тылу
Его согласно, как один,
От нападенья защищали.
Вот этот лес, вот эта чаща
Ему прибежищем служили:
Когда же тирании гнет
Не укрывался в темной чаще?
Была здесь дважды без сознанья,
Когда и голос твой, за мною
Звучавший, оставлял меня.

Слабел он с отдаленьем в ветре
И еле-еле доносился,
И то, в чем раньше смысл был явный,
Не голос был, а только звук,
Рассеянный летучим ветром,
Не голос был, а только эхо,
Лишь слабый отзвук смутной вести.
Так тот, кто слушает рожок,
Когда уходит в отдаленье,
Уж звук растаял, долго слышит
Намек какой-то смутной вести.
И вот предатель, увидав,
Что больше нет за ним погони,
Что мне ни в ком уж нет защиты,
Затем что и луна, сокрывшись
Меж темных туч, заемный свет,
От солнца взятый, погасила,
Опять, и сколько раз, и снова,
Притворными словами начал
Оправдывать свою любовь.
Кто не нашел бы слишком странным,
Что кто-то хочет оскорбленье

Изобразить в словах как ласку?
Как дурно, дурно человек
Поступит, если пожелает
Приобрести насильем душу,
Не понимая, что победа,
Не понимая, что любовь
Есть чувство красоты, к которой
Испытываешь уваженье:
Любить же красоту в обиде,
И без души — лишь тень одна,
Любовь то к женщине красивой,
Но не живой. Каких молений,
Каких не говорила слов я,
То вся смиренье перед ним,
То гордая. Но все напрасно.
Затем что (Пусть мой голос смолкнет!)
Надменный (Пусть не льются слезы!),
И дерзкий (Грудь моя, стони!),
И грубый (Плачьте, плачьте, очи!),
Свирепый (Пусть молчат все чувства!),
Тиран (Прервись, мое дыханье!),

Насильник (Траур мне явись!),
О, если голос изменяет,
Порою действие расскажет,
И я в стыде лицо скрываю,
Обиду я в слезах топлю,
От бешенства ломаю руки,
Пойми же действия такие,
Мой голос говорить не может.
Довольно, если я скажу,
Что в час, когда, взывая к небу,
Уж я не помощи просила,
А правосудия, с зарею
Шум веток услыхала я,
Взглянула, брат был предо мною.
О, небо! Рок мой несчастливый!
Когда к злосчастному являлась
Подмога с должной быстротой?
В сомнительном огне рассвета
Он сразу угадал несчастье,
О чем никто еще не молвил,
Ведь скорбь есть рысь и видит вдруг.
И вот, не говоря ни слова,

Тот меч, которым опоясал
Его вчера ты, обнажил он,
Увидев это, Капитан
Своей блистает белой сталью,
Один к другому тесно бьются,
Ударит тот, ответит этот,
А я, покуда длился бой,
Со страхом, с болью увидавши,
Что он не знает, виновата,
Не виновата ли я в этом,
Чтоб в оправданиях пред ним
Не впасть в опасность быть убитой,
Бегу, и в чаще укрываюсь.
Не так, однако, бегство быстро,
Чтоб не смотреть среди ветвей,
Хотела знать исход я боя.
Мой брат, я вскоре увидала,
Наносит рану Капитану,
Тот падает, его убить
Он хочет, но спешит подмога,
На брата мчится нападенье
Он защищается, но, видя,

Что их толпа, скорей бежит.
Они его не нагоняют,
Важней помочь им Капитану,
Чем позаботиться о мщеньи.
И, раненого в руки взяв,
Они спешат скорей в местечко,
О преступленьи забывая.
В том затруднительном стеченьи
Всего, что здесь произошло,
За первое они схватились
А я, увидев цепь несчастий,
Боль с болью слитые, как звенья,
Слепая; в скорби, в смуте вся,
Бежала, падала, бежала,
Без света, без пути, без мысли,
Горами, полем, лесом, чашей,
И вот теперь у ног твоих,
Чтоб рассказать тебе несчастья,
Пред тем как смерть мою ты дашь мне.
Теперь уж все я рассказала,
Вонзи же смело сталь в меня.

Чтоб ты убил меня, я руки
Твои от пут освобождаю.

Пускай одна из тех веревок
Мне шею бедную сожмет.
Я, дочь твоя, и я без чести,
А ты свободен, так найди же
Свою хвалу в моей кончине,
И пусть промолвят о тебе,
Что дочь свою ты отдал смерти,
Чтоб честь твоя живой осталась.

Встань, Исабель, с колен, из праха,
Не оставайся больше так:
Когда бы не было подобных
Несчастий и терзаний наших,
Без всякой пользы были б пытки,
И счастье вовсе без цены.
Судьбой они даются людям,
Мы их в груди запечатляем
С достойной твердостию сердца.
Идем скорее, Исабель:
Домой вернемся; этот юный

В большой опасности, и нужно
Принять немедленные меры,
Чтоб нам узнать скорей, где он,
Укрыть его, где безопасность.

Удача мне. Как он разумен,
Иль как он скрытен.

Так идем же.

СЦЕНА 3-я

Улица при входе в селение.

Креспо, Исабель.

Креспо

Свидетель Бог, коль только рок
С необходимостью лечиться
Так сделали, что здесь в селеньи
Тот Капитан, пускай он лучше
Умрет от раны от своей,
Не то получит он другую,
И тысячу: не успокоюсь,
Пока его я не увижу

Умершим. Дочь, идем домой.

СЦЕНА 4-я

Регистратор. Креспо, Исабель.

Регистратор

Креспо

Регистратор

Креспо (в сторону)

Регистратор

Креспо

Исабель

Креспо

(Уходят.)

Привет сеньору Педро Креспо.
С благою вестью прихожу я.

С благою вестью, Регистратор?

Сегодня выбрал вас совет
Алькальдом и к началу службы
Два важные у вас есть дела:

Во-первых, к нам Король прибудет,
Сегодня будет, говорят,
Иль завтра; во-вторых, в селенье
Солдаты принесли поспешно
Того лечиться Капитана,
Что был вчера с отрядом здесь.
Кем ранен был, не говорит он,
Но, если выяснится это,
Тут крупное возникнет дело.

(О, небо. В час, как мыслю месть,
Жезл правосудия дает мне
Моей быть господином чести.
Как совершу я преступленье,
Когда вот в этот самый час
Меня судьею выбирают,
Чтоб преступления карал я?
Но в миг один такие вещи
Не разрешаются умом.)
Я чрезвычайно благодарен,
Что так почтить меня желают.

Теперь придите в дом совета,

Жезл правосудья будет вам
Вручен, и к рассмотренью дела
Немедля приступить вам можно.

Идем. В свой дом ты удалишься.

О, сжалься, небо, надо мной.
Тебя сопровождать нельзя мне?

Дочь, он алькальд теперь, отец твой:
Тебе найдет он правосудье[167].

СЦЕНА 5-я

Помещение Капитана.

Капитан, с повязкой, как раненый; Сержант.

Капитан

Сержант

Капитан

---

[167] Примечания: 167

...он алькальд теперь, отец твой // Тебе найдет он правосудье. - Кальдерон, возможно, имеет здесь в виду испанскую народную пословицу, относящуюся чаще к алькайду (начальнику крепости, тюрьмы): "Quien padre tiene alcaide, seguro va a juicio" ("Имея отца алькайда, легко можно добиться правого суда").

Сержант

Капитан

Ведь рана сущий есть пустяк,
Зачем сюда меня несли вы?

Кто мог бы что-нибудь предвидеть,
Пред тем как рану осмотрели?
Когда врачом осмотрен ты,
Не нужно ставить жизнь в опасность,
Раз может снова рана вскрыться.
И было бы гораздо хуже,
Когда бы кровью ты истек.

Коль мне перевязали рану,
Здесь оставаться безрассудно.
Уйдем, покуда разговоров
О том не будет, что мы здесь.
Другие тут?

Они все с нами.

Так нужно нам бежать немедля,
Чтоб с мужиками не столкнуться:
Коли узнают обо мне,
Что здесь я, нам не минуть схватки.

СЦЕНА 6-я

Ребольедо, Капитан, Сержант.

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Ребольедо

Капитан

Там суд.

Какое отношенье
Ко мне имеет суд обычный?

Я говорю, идут сюда.

Тем лучше для меня: узнают,
Что здесь я, нечего бояться
Нам населения местечка.
Меня направит здешний суд
В совет военный, и хоть дело
Столь неприятно, я спокоен.

Конечно, жалобу он подал,
Крестьянин этот.

Верно так.

СЦЕНА 7-я

Креспо, Регистратор, Крестьяне. — Те же.

Креспо (за сценой)

Капитан

(В сторону.)

(Входит Педро Креспо с жезлом[168], вместе с ним Крестьяне.)

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан (к сержанту и Ребольедо)

Креспо (к крестьянам)

(В сторону, к Регистратору.)

---

[168] Примечания: 168

Входит Педро Креспо с жезлом. — Жезл алькальда — черный, с набалдашником из слоновой кости.

Регистратор

(Крестьяне, Сержант, Ребольедо и Регистратор уходят.)

Все выходы займите в доме,
Из всех солдат никто отсюда
Пусть не выходит; если ж будет
Кто выходить, убить его.

Как можете сюда входить вы?

(Но что я вижу пред собою?)

А как же нет? Для правосудья
Не разрешенья ль нужно здесь?

Суд местный, как я полагаю,
(Коль вы вчера в него вступили)
Ко мне не может отношенья,
Как согласитесь вы, иметь.

Сеньор, прошу вас, не волнуйтесь,
Здесь нечто выяснить лишь нужно,
Коль вы дадите позволенье,
И разговор наедине.

Уйдите.

Вы уйдите также.

(Солдат иметь под наблюденьем.)

Так будет.

СЦЕНА 8-я

Креспо, Капитан.

Креспо

(Становится на колени.)

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

(Встает и берет жезл.)

Именем суда я
Вас обязал, чтоб вы меня
Услышали, теперь слагаю
Я этот жезл, и вот хочу я
Не более как человек о муке
Моей сейчас вам говорить.
(Приставляет жезл к стене.)
Сеньор Дон Альваро, мы двое
Так будем говорить спокойно,
Явиться не давая гневам,
Что в сердце скрыты в глубине.
Я честный человек, и если б
Рождение мог выбирать я,
Свидетель Бог, нет недостатка,
Который бы я захотел

В себе почувствовать, оставить.
Средь равных я всегда уважен,
Ко мне относятся с почтеньем
И управленье и совет.
Именья у меня довольно,
Во всей округе, слава Богу,
Нет земледельца здесь богаче
И состоятельней меня.
Дочь воспиталась, полагаю,
По правилам вполне достойным,
В ней сдержанность и добродетель,
Такая мать у ней была,
Бог да хранит ее на небе.
Достаточно сказать мне будет,
Сеньор, что, будучи богатым,
Не возбуждаю я кругом
Злословия; живу я скромно
И я обид ни в ком не встретил;
Отметить нужно особливо,
Что я в глухом углу живу,
Где нет иного недостатка,
Как у других искать, какие

В них недостатки, и добро бы,
Коль только бы хотели знать.
Красива ль дочь моя, пусть скажут
Те крайности, что вы свершили...
Но если говорить прямее,
О том бы плакать должен я,
Мое несчастье было в этом.
Не тронем до конца отраву,
Которая сейчас в стакане,
Пусть пострадаем в чем-нибудь.
Но пусть не все выходит сразу,
И что-нибудь нам нужно сделать.
Вот эта боль, сеньор, судите,
Как велика: хотел бы скрыть,
И не могу. Мне Бог свидетель,
Когда бы мог я эту тайну
Скрывать, в себе бы схоронил я,
И не пришел бы я к тому,
К чему иду. Я предпочел бы
Страданье, но не речь о боли.
Так оскорбленье очевидно,
Что путь единственный отметить,

Но месть не помощь и не средство.
И вот, блуждая мыслью в разном,
Один усматриваю выход,
Мне благо в нем и вам нет зла.
Тот выход вот он: все возьмите
Мое добро, мое именье,
Ни мне, ни сыну (сын мой будет
У ваших ног), нам ни гроша.
Пускай хоть милостыню просим,
Коли другого не имеем,
В чем пропитание б снискали.
И если, в этот самый час,
Хотите нас клеймом отметить,
И нас продать, мы рабство примем[169],
А выручка в доплату будет
К приданому. Но только честь,
Что отняли вы, нам отдайте.
Пятна не будет вашей чести,

---

[169] Примечания: 169

Хотите нас клеймом отметить // И нас продать, мы рабство примем. - В оригинале: Y si quiereis desde luego // Per una S y un clavo // Hoy a los dos y vendernos, etc. - Из слов una S и un clavo - образуется "esclavo" - "раб". Эта игра слов употребляется испанцами и доказывает, что в Испании на теле рабов выжигалось клеймо - буква S и гвоздь.

Как полагаю: ваши дети,
Как внуки, может быть, мои,
Ущерб какой-нибудь потерпят,
Но выгоду получат вдвое
Они, сеньор, как дети ваши.
В Кастилье поговорка есть,
Что красит конь седло, и верно.

Вот я коленопреклоненный,
Взгляните, вас молю об этом,
И слезы льются, как вода,
На престарелые седины.
О чем прошу? Прошу о чести,
Которой вы меня лишили[170].

---

[170] Примечания: 170

О чем прошу! Прошу о чести, // Который вы меня лишили. - Смиренное начало разговора Креспо с дворянином, капитаном армии, реально. Некоторые западные ученые ищут более частные аспекты ситуации. С. Э. Левитт, посвятивший этому эпизоду статью, считает, что Кальдерон пожертвовал верностью изображения характера ради того, чтобы вызвать у зрителей симпатию к Педро Креспо и тем самым оправдать его решение казнить капитана (см.: Leauitt S. E. Pedro Crespo and the Captain in Calderon's "Alcalde de Zalamea". Hispania". (Baltimore), 1955. Vol. XXXVIII, Э 4. P. 430-431). Последнее, вероятно, верно, чего не скажешь о мнении английского ученого Данна, который готов обнаружить в этой сцене действительное стремление "обратить капитана в свою веру" (См. Dunn P. N. Honour and the Christian Background in Calderon Bulletin of Hispanic studies. Liverpool, 1960. Vol. XXVII, N 2. P. 100-102).

И честь моя, но так прошу,
Так умоляю я смиренно,
Что не моя она как будто,
А ваша. Взять ее я мог бы
Своей рукой, но не хочу,
А чтобы вы ее мне дали.

Уж больше я терпеть не в силах.
Старик скучнейший и болтливый,
Благодарите, что сейчас
Своей рукой вас не убил я,
И вас и сына; не хочу я
Быть с вами более жестоким,
И то во имя Исабель
И красоты ее. А если
Оружьем спор решить хотите,
Мне очень мало в этом страха.
А коль судиться — что же, в суд,
Но я вам вовсе не подсуден.

И вам ничто вот эти слезы?

Коль женщина, старик, ребенок
Заплакали, в том толку нет.

И эта скорбь не заслужила
Хотя бы слово утешенья?

В живых остались вы — какого
Вам утешения еще?

Заметьте, что повержен наземь,
О чести криком я взываю.

Какая скука!

Рассудите,
Стал в Саламее я Алькальд.

Я не подсуден вам: за мною
Пришлет сюда совет военный.

Вы так решили?

Да, скучнейший
И надоедливый старик.

И нет исхода?

Наилучший
Для вас молчать.

И нет другого?

Нет.

Так клянусь я Вышним Богом,
Вы мне заплатите за то.
Эй!

СЦЕНА 9-я

Крестьяне. Креспо, Капитан.

Крестьянин (за сценой)

Капитан (в сторону)

(Входят Крестьяне.)

Крестьяне

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

Креспо

Капитан

(Крестьяне с Капитаном уходят.)

Что, сеньор?

Что пожелают
Здесь эти мужики устроить?

Что нам прикажешь?

Я велю вам
Сеньора Капитана взять.

Подумаешь, какие меры.
Служу я Королю; со мною
Так поступать вам невозможно.

Попробуем. Отсюда вам
Лишь мертвым выход или взятым.

Я капитан и я на службе.

Быть может, я алькальд в отставке?
Немедля сдайтесь, и в тюрьму.

Мне невозможно защищаться,

И потому я сдаться должен.
Я жалобу на эту меру
Представлю прямо Королю.

А я на ваше поведенье.
Он близко здесь и нас услышит.
Обоих. Шпагу здесь оставьте.

Нет основанья для того...

Как нет, коль вас берут под стражу?

Вы обходитесь с уваженьем...

Все к основанию сведем мы.
Вы с уважением его
Сведите тотчас в дом совета;
И с уваженьем наложите
Вы цепь с колодками; следите
Вы с уважением за ним,
Чтоб ни с одним не говорил он
Солдатом; тех двоих вы тоже
В тюрьму сведите; основанье
К тому имеется вполне;
И всех троих мы с уваженьем
Рассмотрим, пригласив к допросу.

И между нами вам скажу я,
Что, если будет матерьял,
Достаточный для рассужденья,
Я с уважением великим
Вас вздерну, Бог тому свидетель.

Мужик, когда имеет власть.

СЦЕНА 10-я

Ребольедо, Искра, Регистратор. Креспо.

Регистратор

Креспо

Ребольедо

Креспо

Ребольедо

Креспо

Ребольедо

Креспо

Искра (в сторону, к Ребольедо)

Креспо

Искра

Креспо

Искра

Креспо

Искра

Креспо

Искра

Креспо

Искра

Креспо

Искра

Креспо

Искра

(Поет.)

Ребольедо (поет)

Креспо

Искра

(Уходят.)

Солдат и паж, их удержал я,

А третий обратился в бегство.

Тот плут все песни распевает,
Так шею я ему сверну,
Что больше петь уже не будет.

Сеньор, так песня преступленье?

Достоинство, совсем напротив.
И я имею инструмент,
Что лучше петь тебе поможет.
Скажите...

Что?

Сегодня ночью
Что там произошло?

А лучше
Об этом знает дочь твоя.

Иначе смерть.

Ты, Ребольедо,
Все отрицай, что б ни спросили,
И если будешь ты упорным,
Сложу я песню в честь тебя.

Вы тоже после попоете.

Меня пытать нельзя.

Скажите.
А почему?

Известно дело,
На это есть такой закон[171].

Какая же к тому причина?

Большая.

Так оповестите.

Беременна.

Какая дерзость.
Вы вызываете мой гнев.
Так вы не паж кавалерийский[172]*?*

О, нет, сеньор, на поводу я.

Скажите, что сказать вам нужно.

И больше, чем известно нам.

---

[171] Примечания: 171

На это есть такой закон. - В испанском законодательстве того времени имелась статья, по которой запрещалось пытать беременных женщин.

[172] Примечания: 172

Так вы не паж кавалерийский? - Пажи в кавалерии несли хинеты капитанов - короткую, изящную пику, знак их должности.

Ведь умирать гораздо хуже.

Избегнете вы этим пытки.

Коль так, для песни я родилась,
Жив Бог, я буду песни петь.

Меня вести хотят на пытку.

А мне какая пытка будет?

Что с вами?

Пробуем мы голос,
Сейчас мы звонко будем петь.

СЦЕНА 11-я

Хуан.

Хуан

Когда предателя я ранил
И увидал, что на подмогу
Бегут пособники, и много,
Я прочь, и в чащу убежал,
В места глухие проникал я,
Но я сестру нигде не встретил.

Потом идти домой решился,
Чтоб все отцу мне рассказать.
Он посоветует, что делать,
Чтоб жизнь спасти, и честь спасти мне.

СЦЕНА 12-я

Инес, Исабель, очень печальная. Хуан.

Инес

Исабель

Хуан

(В сторону.)

(Вынимает кинжал.)

Инес

Исабель

Хуан

Исабель

Хуан

Оставь такое гореванье;
Коли такой печальной жить,

Ты не живешь, а умираешь.

Но кто, Инес, тебя уверил,
Что жизнь не стала мне противна?

Скажу я моему отцу...

(Но это Исабель? Чего же
Я жду?)

Ты, братец?

Брат, что хочешь
Ты сделать?

Отомстить немедля
За то, в чем жизнь и честь.

Заметь...

Клянусь, тебя сейчас убью я.

СЦЕНА 13-я

Креспо, Крестьяне. — Те же.

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

Хуан

Креспо

(В сторону.)

Хуан

Креспо

(В сторону.)

Хуан

(Его уводят под стражей.)

Что тут случилось?

Я намерен
Отмстить жестокую обиду
И оскорбленье кровью смыть...

Довольно. Это заблужденье,
Что ты посмел сюда явиться...

Что вижу?

Ты передо мною
Так Капитану, там в лесу
Нанесши рану.

Господин мой,
Но это было в честной битве,
И честь твою там защищал я...

Довольно, будет уж, Хуан.
Эй там, взять и его под стражу.

Сеньор, с твоим родимым сыном
Обходишься ты так сурово?

И даже моему отцу
Такую ж я б явил суровость.

(Так жизнь его я обеспечу,
И скажут: это правосудье
Необычайного примера.)

Лишь выслушай: ведь мной предатель
Был ранен, и сестру хотел я
Убить, услышь, за что.

Я знаю.
Но не довольно мне, что я,

Как я рассказ об этом слышу,
Мне как алькальду ведать нужно
И следствие о том составить.
И должен до тех пор, пока
Твоя вина не будет ясной,
Тебя под стражею держать я.

(Ему найду я оправданье.)

Тебя понять я не могу:
Лишенный чести, ты под стражу
Берешь того, кто так желает
Ее вернуть тебе, того же,
Кто чести враг, хранишь с собой.

СЦЕНА 14-я

Креспо, Исабель, Инес.

Креспо

Исабель

Креспо

(Исабель уходит.)

(Инес уходит.)

Ты, Исабель, войди, и имя
Под жалобою ты подпишешь
На оскорбителя.

Обиду
То оскорбленье, что душа
Слезами скорби обливает,
Хотел ты скрыть и вот намерен
Ее соделать всенародной.
Коль отомстить не в силах ты,
Будь в силах сохранить молчанье.

Хотел решить иначе это,
Решить иначе невозможно,
И ныне это будет так.

Инес, дай жезл мне правосудья.
Добром он не хотел покончить,
И если невозможно дело
Добром окончить, будет зло.

СЦЕНА 15-я

Дон Лопе, Солдаты. Креспо.

Дон Лопе (за сценой)

Креспо

(Входит Дон Лопе и Солдаты.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Солдат

Дон Лопе

Креспо

(Уходят.)

Стой. Стой!

Что там еще случилось?
Кто в дом ко мне спешит сегодня?
Кто это входит?

Я с полдороги прихожу,
В селенье это воротился.
Мне кажется, меня приводит
Сюда большая неприятность,
В другом я месте не хотел
Остановиться, потому что

Вы друг мне, связаны мы дружбой.

Бог да храни вас. Постоянно
Меня хотите вы почтить.

А сын ваш так и не явился.

Сейчас узнаете причину.
Но в чем причина, что вернулись,
Благоволите сообщить.
Взволнованы, сеньор, вы очень.

Взволнован большим я бесстыдством,
Чем даже можно представлять.
Никто такого никогда
Осуществить не покушался.
Солдат меня настиг в дороге
И рассказал... Я вам признаюсь,
От гнева прямо я погиб.

Рассказ продолжите.

Какой-то
Алькальдик взял здесь Капитана
Под стражу и его так держит.
За всю дорогу я, клянусь,

Ногой проклятою моею
Так не был мучим, как сегодня,
Она-то мне и помешала
Явиться раньше, а не то
Уже его я покарал бы.
Клянусь Христом, что тот наглейший
Под палками найдет конец.

Напрасно вы тогда пришли.
Алькальд не даст себя в обиду.

Даст иль не даст, свое получит.

Не видно мне, кто был способен
Вам столь негодный дать совет.
За что он взят был, вам известно?

Нет. Будь что будет, правосудье
Мне полагается явить здесь.
И обезглавить также я
Умею, если это нужно.

Мне кажется, вам непонятно,
Что здесь алькальд обозначает.

Лишь мужичину. Разве нет?

Быть может он и мужичина,
Но если только он в упрямстве
Захочет дать ему удавку,
С ней будет Капитан, клянусь.

Не будет, я клянусь, не будет.
Проверить ежели хотите,
Скажите, где живет он, этот.

А очень близко он живет.

Так кто алькальд тот?

Я.

Клянусь вам,
Уже подозревал я это.

Клянусь, как вам сказал, сказал я.

Так, Креспо, слово — слово есть.

Сеньор, и дело, это дело.

Пришел за взятым я под стражу
И покарать такую крайность.

Его под стражей здесь держу
За то, что здесь как раз случилось.

Известно вам, что он на службе
У Короля, и я судья в том?

Известно вам, что дочь мою
Из дома моего украл он?

Известно вам, что в этом деле
Мне надлежит все рассмотренье?

Известно вам, что он в лесу
Там в чаще честь ее похитил?

Известно вам, как полномочья
Мои пред вашими важнее?

Известно вам, что я просил
О мире, и отверг он просьбу?

Вы в полномочие чужое
Вмешались, не имея права.

Вмешался он в чужую честь,
В чем вовсе права не имел он.

Сумею я окончить дело
И обязуюсь о расплате.

Я никогда не попросил
Другого там, где сам умею.

Взять заключенного я должен,
Обязан в этом пред собою.

Составил дело я о нем.

Какое дело?

А бумаги,
Что я в одну тетрадь сшиваю,
Как получаю показанья.

За ним в тюрьму пойду я сам.

Я вас удерживать не буду,
Одно я вас прошу заметить,
Что в каждого, кто подойдет там,
Направит выстрел мой мушкет.

Я научился слушать пули.
Но в этом действии сегодня
Ничто не будет не наверно.
Солдат, беги-ка поскорей,
Оповести по всем отрядам,
Которые сейчас в походе,
Чтоб в боевом они порядке
Явились каждый эскадрон,

Фитиль зажечь, и в дулах пули.

Нет даже надобности звать их:
Услышав, что здесь приключилось,
В селенье все они пришли.

Жив Бог, увижу, отдадут ли
Мне заключенного, как молвил.

Жив Бог, успею сделать
То, что быть сделано должно.

СЦЕНА 16-я

Тюремная комната.

Дон Лопе, Регистратор, Солдаты, Креспо, все за сценой. (Бьют барабаны).

Дон Лопе

Регистратор

Солдаты

Креспо

Дон Лопе

Здесь Капитан в тюрьме вот этой.
Солдаты, ежели откажут

Его нам выдать, подожгите
Тюрьму, а если все село
В защиту встанет, сжечь селенье.

И хоть тюрьму вы подожжете,
Его не выпустят оттуда.

Смерть мужикам!

Ну, что ж? Пусть смерть.
И больше ничего не будет?

Там к ним подмога подоспела.
Взломать тюрьму, сломите двери,

СЦЕНА 17-я

Выходят Солдаты и Дон Лопе с одной стороны; и с другой Король, Креспо, Крестьяне и Свита.

Король

Дон Лопе

Король

Дон Лопе

Король

Креспо

Король

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Король

Креспо

Король

Креспо

(Открывает дверь, и предстает сидящий на стуле Капитан, вкруг шеи его удавка[173].)

Король

Креспо

Король

Креспо

Король

---

[173] Примечания: 173

Открывает дверь, и предстает сидящий на стуле Капитан, вкруг шеи его удавка. - При удушении гарротой приговоренный сидел на табурете, прижатый к вертикальному столбу, и палач удавливал его с помощью завертки, прижимая к столбу. Эта завертка состояла из коротенькой палки, называемой garrote, отчего и получила свое название казнь.

Креспо

Король

Креспо

(Король и Свита уходят.)

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Уходит с Регистратором.)

Что здесь такое? Я пришел,
И нахожу в таком вас виде.

Здесь, государь, явил крестьянин
Такую дерзость, вне сравненья,
Какой не знал ни разу свет.
И видит Бог, когда бы только
Вы не вошли в село поспешно,
Иллюминация была бы
К приходу вашему везде.

Что здесь случилось?

Капитана
Алькальд какой-то взял под стражу,
За ним пришел я, не хотели
Его мне из тюрьмы отдать.

А кто алькальд?

Я.

Оправданье
Какое в этом мне даете?

Вот это дело, в нем подробно
Все преступленье явно нам.
Достойно смерти то деянье,
Он девушку одну похитил.
Над ней в лесу свершил насилье,
Жениться он не пожелал,
Хотя отец просил о мире.

Алькальд, отец он в то же время.

Не важно то в подобном деле.
Когда б ко мне пришел чужой
С подобной жалобой, ему я

Не оказал я правосудья?
Так почему ж бы я не сделал
Для дочери моей того,
Что для других я совершил бы?
Притом я сына взял под стражу,
Хоть и одной он с нею крови.
Так пусть проверят, все ли я
Так сделал, как я сделать должен,
И если кто-нибудь укажет,
Что что-нибудь свершил я злое,
Что мной свидетель хоть один
Подговорен, что написал я
Не то, что ныне утверждаю,
Пусть жизни я лишусь немедля.

Вы рассудили хорошо;
Но не имеете вы власти
Свой приговор свершить: здесь право
Суда иного, значит, нужно
Вам узника теперь отдать.

Отдать его едва ль сумею,
Сеньор, суда здесь нет другого,

И потому, какой бы ни был
У нас составлен приговор,
Он исполняется немедля,
И он теперь уже исполнен.

Что говорите вы?

Когда вы
Не верите, взгляните там,
И вы увидите глазами.
Вот Капитан.

Как вы дерзнули?

О приговоре вы сказали;
Что он составлен хорошо,
Так значит здесь и нет дурного.

Но разве приговор исполнить
Не мог совет?

Все правосудье
Одно есть тело, Государь.
Коль много рук оно имеет,
Что в том, одна или другая
Рука убьет того, кто должен

Убитым быть? И если кто
В главнейшем справедлив, что значит,
Коль погрешил он в наименьшем?

Пусть это так, но почему же,
Раз кабальеро капитан,
Он здесь не мог быть обезглавлен?

В том, Государь, у вас сомненье?
Но здешние гидальго люди
Достойные, и наш палач
Не ведает, как обезглавить.
Притом тут жаловаться может
Лишь мертвый, и пока не будет
Кто должен жаловаться тут,
Нет в этом никому касанья.

Дон Лопе, это свершено уж.
Смерть присудили справедливо,
А тот, кто в главном справедлив,
Грешить он может в наименьшем.
Ни одного пускай солдата
Не будет здесь, пусть выйдут тотчас,
Я в Португалию спешу.

В местечке этом оставайтесь
Алькальдом и притом бессменным.

Почтить высоко правосудье
Лишь вы умеете один.

Его Величество явился
К вам в добрый час.

Клянусь, когда бы
Он не пришел, погибло все бы.

Не лучше ль было мне сказать,
И узника отдать, и средство
Найти честь дочери поправить?

Она поступит в инокини,
Супруг ей выбран, он такой,
Что качество ему неважно.

Других мне узников отдайте.

Немедленно их на свободу.

СЦЕНА 18-я

Ребольедо, Искра, Солдаты; потом Хуан.
Дон Лопе, Креспо, Солдаты и Крестьяне.

Дон Лопе

Креспо

Дон Лопе

Креспо

(Входит Хуан.)

Хуан

Ребольедо

Искра

Креспо

Средь них отсутствует ваш сын,
Он мой солдат, и он не может
Здесь в заключеньи оставаться.

Сеньор, я покарать желаю
Безумца, ранил своего
Он капитана, и, хоть правда,
Что честью был к тому подвигнут,
Избрать другой был должен способ.

Так, Педро Креспо, хорошо.
Теперь его вы позовите.

Он здесь.

Припасть к ногам мне дайте,
Сеньор, рабом я вашим буду.

Уж я не буду больше петь
До самой смерти.

Я же буду,
Лишь посмотрю на инструмент я,
С которым ныне я знакома.

Здесь автор кончит свой рассказ,
В котором истинная правда.
В чем недостатки есть, простите.

Дополнения

Жизнь есть сон
Перевод Д.К. Петрова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Василий, царь Польский
Сигизмунд, сын его
Астольф, Московский князь
Клотальдо, старик
Кларин, слуга
Эстрелла, инфанта
Розаура, дама (боярышня)
Солдаты, придворные, слуги, стража и музыканты

Действие происходит в пустыне, в царском дворце и на поле битвы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА 1-я

С одной стороны горные ущелья, с другой башня, в нижней части которой — темница Сигизмунда; против зрителя в башне

полуоткрытая дверь. Наступает ночь.

Розаура, в мужском костюме, на коне спускается с вершины горы; следом за нею Кларин.

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

(Слышно бряцание цепей.)

Кларин

Розаура

Кларин

Как ветер, мчался ты, крылатый конь;
Куда теперь, о, неразумный зверь,
О, луч без пламени, без блеска птица

И рыба без чешуйных украшений,
Несешься ты, спускаешься, стремишься
К запутанному лабиринту скал?
Останься на верху горы, где звери
Тебя за Фаэтонта примут[174]*. Мне*
Один лишь путь дают судьбы веленья;
Другого нет; в отчаяньи слепом
Спущусь с горы я дикой и суровой,
Пред солнцем хмурящей свое чело.
Ты, Польша, принимаешь чужеземца
Неласково, записывая кровью
Его прибытье на своих песках:
При самом входе ждут его страданья.
Сказалось это и в моей судьбе.
Но, правда, кто страдальца пожалеет?

---

[174] Примечания: 174

Обращение к коню вполне в духе того "изящного стиля" (estilo culto), который с легкой руки поэта Луиса Гонгоры (Luis de Gongora, 1561-1627) привился довольно крепко к испанской литературе; неестественные сравнения, напыщенные уподобления и происходящая отсюда неясность составляют главный признак этого явления, имеющего свои параллели почти во всех литературах XVII в. Очень многие из драм Кальдерона, и между ними "Жизнь есть сон", несвободны от этого стилистического недостатка. См. ниже, действие III, сц. 9-я, новое описание коня Розауры, которое автор влагает в уста Кларина.

Скажи двоих; и, жалуясь, синьора,
В гостинице не оставляй меня.
Ведь мы вдвоем покинули отчизну
И, подвергаясь разным приключеньям,
Вдвоем среди несчастий и безумств,
Мы прибыли сюда; вдвоем скатились
С горы; и если так, разумно ль будет
Меня
лишь свесить, а не сосчитать[175]*?*

Но горестей моих я не хочу
С тобой делить: а то и, сам страдая,
Ты не сумеешь мне давать советов.
О, жалобы приятны людям! правду
Сказал философ, что готовы люди
Всегда страдать и жаловаться горько.

Философ сей изрядный был глупец;
А дай ему кто тысячу пощечин,
Была бы в жалобах ему приятность.
Но что же будем делать мы, синьора,

---

[175] Примечания: 175

"...оставлять в гостинице" (dejar en posada) - картинное выражение, смысл которого "покидать"; Кларин этими словами, а также и след. указывает Розауре, что и он, страдая одинаково с нею, имеет такое же право жаловаться, как и она.

Пешком, одни, и заблудившись ночью
В уединеньи гор, когда уходит
Уже к другому горизонту солнце?

Кто испытал столь странную судьбу?..
Но если взор виденьем не обманут,
Что создала фантазия ему,
При свете угасающего дня
Мне кажется, я вижу впереди
Строение?

Иль лжет мое желанье,
Иль я скажу и признаки его.

Меж голых скал я вижу дом столь низкий,
Что он едва глядеть на солнце смеет.
Искусством грубым создан этот дом
И у подножья скал высоких камнем
Он кажется, упавшим с их вершины.

Там подойдем; внимательный осмотр
Строенья этого не помешает;
Но лучше будет, если тот, кто в нем
Живет, великодушно примет нас,

Открыта дверь, скажу вернее, пасть;
Из глубины ее исходит ночь.
Которая и возникает там.

Что слышу я, о, небо?

Я дрожу,
Оцепенела вся, как в лихорадке.

Должно быть цепью узник там гремит;
Там каторжник, готов я провалиться:
Мне это ясно говорит мой страх.

СЦЕНА 2-я

Сигизмунд (в башне), Розаура и Кларин.

Сигизмунд

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

(Дверь башни отворяется, и выходит Сигизмунд в цепях, одетый в звериную шкуру. В башне горит огонь.)

Сигизмунд

Розаура

Сигизмунд

Кларин

Розаура

Сигизмунд

Кларин

Розаура

Сигизмунд

Розаура

О, я несчастный, о, страдалец!

Услышала печальный голос я,
И новые в душе возникли муки.

И новый страх возник в душе моей.

Кларин...

Синьора...

Убежим скорее
От башни; заколдована она.

Я не могу, когда бы и хотел.

Как в обмороке лишь биенье пульса
И сердца стук о жизни говорят,
Так здесь мерцает бледная звезда,
Печальный свет, и оттого весь дом
Еще мрачнее кажется. Темница,
Насколько можем мы судить, пред нами,
И кто-то заживо в ней погребен.
Смотри, прикрытый шкурою звериной,
Там человек, закованный в цепях;
Он фонарем едва лишь освещен.
Бежать не можем мы; а если так,
Отсюда станем слушать, что он скажет
О горестях своих, узнаем, кто он.

О, я несчастный, о, страдалец!
Хочу, о, небо! я узнать,

Какое зло своим рожденьем
Тебе я сделал, если ты
Со мною так всегда сурово?
Но понимаю, я родился,
И преступление готово.
Твое жестокое решенье
Причину явную имеет:
Весь самый величайший грех
Для человека есть родиться.
Но мне хотелось бы узнать,
Чтобы мое сомненье кончить,
(Оставив в стороне теперь
Тот тяжкий грех, что я родился)
Чем мог еще я провиниться,
За что мне больше наказанье?
Другие разве не рождались?
Конечно, и они родились,
Но преимущество у них,
Которым я не наслаждаюсь.
Родится птица; перьев блеск
Дает ей высшую красу;
Но что она? цветок из перьев,

Букет крылатый, а как быстро
Летит в эфирное пространство,
Как быстро рассекает воздух,
Гнездо спокойно покидая
И негу тихую его!
Ведь у меня побольше духа,
Так почему ж свободы меньше?
Родится зверь: с своею шкурой,
Которая вся в пестрых пятнах,
Он лишь подобье звезд небесных,
(Хвала природы мудрой кисти!)
Но голод мучит и его,
Становится он смел и жаден,
Страшит жестокостью своей,
Пустыни целой он гроза.
А я с душой гораздо лучшей
Свободу меньшую имею!
Родится рыба, что не дышит,
Ублюдок пены и травы,
И лишь она себя увидит
Корабликом из чешуи,
Как всюду плавать начинает

С такой проворностью, какую
Холодные пучины моря
Ей оставляют для движенья.
Ведь лучше разум у меня,
Но почему свободы меньше?
Из-под земли ручей пробился,
И, как серебряная змейка,
Среди цветов сверкает он,
И прелесть их он прославляет
Своим журчаньем музыкальным,
И широко открыто поле
Для бега звучного его!
Ведь больше жизни у меня,
Но почему свободы меньше?
О, как в темнице я томлюсь!
И став Вулканом или Этной,
Хотел бы из груди я вырвать
И разорвать на части сердце.
Какой закон и справедливость
И разум могут у людей
Такое право отнимать,
Такое сладостное право,

Какое дал Творец ручью,
И рыбам, и зверям, и птицам?

И страх и жалость пробудили
В душе моей его слова.

Меня подслушивает кто-то?!
Клотальдо, ты?

Скажи, что да.

О, нет! Страдалец здесь (увы!).
То он в ущелий холодном
Услышал жалобы твои.

В ущельи в этом и умрешь.
О горестях моих ты знаешь;
Но ты о них не должен знать;
Ты слышал; этого довольно,
Чтоб разорвать тебя на части
Могучими руками.

Я,
Увы! я глух, не мог я слышать.

Коль ты от женщины рожден,
К твоим ногам упасть довольно,

И ты помилуешь меня.

Твой голос мог меня смягчить,
И я невольно уваженьем
К тебе проникся. Расскажи,
Кто ты и как сюда попал?
Немного знаю я ваш мир —
Ведь это башня колыбелью
Моей была и будет гробом;
Со дня рожденья моего
(Не знаю, счесть ли то рожденьем?)
Я вижу дикую пустыню
И в ней живу, как мертвый зверь,
Скелет, подобье человека[176].
Хотя из всех людей доныне
Я говорил с одним, который
О всех моих страданьях знает
И от которого узнал я
Кой-что о небе и земле,
Хотя, чудовище для всех,

---

[176] Примечания: 176

Название страдающего, истомленного человека "живым трупом и скелетом" у Кальдерона довольно обычно; ср. ниже, д. III, сц. 6-я, где каждый солдат назван лишь живым скелетом.

Я человек среди зверей
И дикий зверь среди людей,
Хотя учился, обращенью
Я у зверей и птиц пустыни,
И только милых, ясных звезд
Я наблюдал круговороты[177],
Однако ты мое страданье
Обычной горечи лишил,
Ты, восхищенье глаз моих,
Восторг ушей. Ты каждый раз,
Когда взгляну я на тебя,
Меня даришь блаженством новым.
Чем больше на тебя гляжу,
Тем больше хочется смотреть;
Мои глаза больны водянкой,
Их жажда будет бесконечна,
Они погибнут от питья
И все же пьют. И я погибну
С восторгом, глядя на тебя.

---

[177] Примечания: 177

Т. е. изящное, правильное обращение известно мне только из правильного движения звезд. Красоту звезд Кальдерой прославляет и в других драмах.

Смотреть я буду и умру.
Лишаюсь сил я и не знаю,
Что станется со мною, если
Тебя не буду больше видеть?
Твой ясный взор приносит смерть,
А если ты уйдешь отсюда,
Наступит нечто хуже смерти,
Ужасней бедствий и страданий;
Наступит жизнь! свое, мученье
Могу я так определить:
Несчастному оставить жизнь
Ведь это — смерть послать счастливицу[178].

Смущен видением печальным,
Тебе внимаю с изумленьем.
Не знаю, что сказать тебе,
О чем спросить тебя, не знаю.
Одно скажу тебе я, узник;
Меня утешить хочет небо,

---

[178] Примечания: 178
Обычное выражение пессимизма, считающего за благо освобождение от зол жизни при помощи смерти. Вся эта тирада Сигизмунда может служить примером, как иногда неясен стиль Кальдерона.

И потому сюда в пустыню
Меня сегодня привело;
Порой слетает утешенье
К несчастному, когда он видит
Других, чье горе еще больше[179].
Рассказывают: жил мудрец,
Он так был беден и несчастлив,
Что только травами питался,
Которые сбирал в полях.
Он раз спросил себя: найдется ль
Другой такой бедняк, как я?
И вот когда он обернулся,
Он получил ответ, увидев,
Что сзади шел другой мудрец,
Листки смиренно подбирая,
С презреньем брошенные им.

---

[179] Примечания: 179

В комедии "Тюремщик самого себя" (Et alcaide de si mismo) Елена, у которой убили на турнире брата, говорит Федерико, над которым также разразилась беда:

Твои жестокие страданья
Утешили мою печаль;
Тому, кто сам страдает тяжко,
Несчастного найти отрадно.

Действие I, сц. 2-я по изданию Кейли, т. 4-й, с. 373, столб. 2-ой.

Своей судьбою недовольный,
Жил в этом мире я, и вот,
Когда я спрашивал себя,
Другой найдется ль человек
С судьбою более жестокой,
Страдалец, ты ответил мне;
Я, поразмыслив, нахожу,
Что взял бы ты мои страданья,
Чтоб сделать их своим блаженством,
И если в чем-нибудь они
Тебе доставят облегченье,
О них внимательно послушай
И те возьми ты для себя,
Которые мне лишни. Я...

СЦЕНА 3-я

Те же, Клотальдо и Солдаты.

Клотальдо (за сценой)

Розаура

Сигизмунд

Клотальдо (за сценой)

Голоса (за сценой)

Кларин

(Входят Клотальдо с пистолетом в руках и солдаты; все в масках.)

Клотальдо (входя, солдатам)

Кларин

Клотальдо (Розауре и Кларину)

Сигизмунд

Клотальдо

(Солдатам.)

Сигизмунд

Клотальдо

(Несколько солдат схватывают Сигизмунда и запирают его в темницу.)

Заснув иль оплошав от страха,
Вы, стражи башни, пропустили
Сюда каких-то двух людей;
Они темницу отворили.

Я еще более смущен.

Тюремщик это мой, Клотальдо.

Когда ж конец моим страданьям?

Сюда скорее, чтоб они
Не приготовились к защите;
Схватите их или убейте!

Измена!..

Стражи башни мрачной,
Вы допустили нас пройти,
И если выбор нам позволен,
Скажу я вам: схватить нас легче[180].

Вы на лицо наденьте маски;
Необходимо, чтоб никто
Нас не узнал, пока мы здесь.

Так значит это маскарад?

Вы в заповедные пределы,
Закрытые для всех людей,
Проникнули и, по незнанью,
Нарушили царя приказ,
Гласящий, чтоб никто не мог

---

[180] Примечания: 180

Трусость и грубое остроумие составляют отличительные признаки характера Кларина; ср. ниже, в этой же сцене далее, в д. III, сц. 12-я и т. д.

Узнать о том, что скрыто здесь.
Свое оружье нам отдайте,
Иль пистолет, как грозный аспид,
Двух пуль жестокий яд изрыгнет
И воздух тихий и спокойный
Огнем блестящим потрясет.

Но прежде, чем обидишь их
Иль оскорбишь ты их, тиран,
Добычей будет жизнь моя
Несчастных рук моих. Клянусь
Творцом! я разорву на части
Себя руками и зубами,
Скорей умру я среди скал,
Чем допущу погибель их,
Чем оскорбленье их оплачу.

Ты, Сигизмунд, прекрасно знаешь,
Как велико твое несчастье:
Ведь прежде, чем родился ты,
Ты умер — так решило небо.
Ты знаешь, что сия темница
Узда для гордости твоей

И колесо, которым я
Твой бег безумный направляю.
Зачем шумишь ты, это зная?

Закройте дверь темницы тесной
И скройте в ней его!

О, небо!
Как хорошо, что ты меня
Свободы сладостной лишило.
Я был бы против них гигантом,
И, чтобы стекла и кристаллы
Разбить у солнца в небесах,
Горой бы яспис положил я
На основание из скал[181].

Вот чтоб ты этого не делал,
Сегодня терпишь столько зол.

СЦЕНА 4-я

Те же, без Сигизмунда.

---

[181] Примечания: 181
Как в древней басне, по которой гиганты стали громоздить горы на горы, чтобы добраться до небес и убить Зевса.

Розаура

Кларин

Клотальдо

Солдаты

Клотальдо

Розаура

Кларин

(отдает шпагу солдату).

Розаура

Клотальдо (в сторону)

(Розауре):

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо (в сторону)

(Розауре и Кларину).

(Все трое уходят.)

Я вижу, дерзость здесь бессильна,
Безумцем быть я не хочу;
К твоим ногам повергнув жизнь,
Пощады ей прошу смиренно.
О! пожалей меня, молю.
Была бы редкая жестокость,
Когда ни гордость, ни смиренье
Тебя бы тронуть не могли.

Когда и гордость и смиренье,
Изображения которых
Духовных Драм судьбу решали
Уж много раз[182]*, бессильны здесь,*
То я ни гордый, ни смиренный,
А средним между них являясь,
Помилуй нас и пощади,
Молю тебя...

Гей, стража!

Здесь мы.

---

[182] Примечания: 182

В духовных драмах того времени (autos sacramentales) постоянно действуют аллегорические изображения гордости, смирения, идолопоклонства, сладострастия и других отвлеченных понятий. Понятно, что от искусства в их изображении зависел успех или неуспех известной драмы, на что и намекает Кларин.

Оружие у них возьмите;
И чтоб они не увидали,
Куда и как отсюда выйдут,
Скорей глаза им завяжите.

Тебе я только шпагу дам:
Ведь ты начальник остальных,
А доблесть меньшим не сдается.

А я могу отдать свою
И подлецу

Бери ее[183].

И если должен я погибнуть.
Тебе я шпагу оставляю,
Доверясь жалости твоей;
Ее ценить высоко можешь,
Ее носил когда-то рыцарь.
Прошу тебя, храни ее.
Хотя мне тайна неизвестна,
Одно наверно знаю я:
Великие сокрыты тайны

---

[183] Примечания: 183
Ср. выше, примеч. 7.

В сем позолоченном клинке.
Надеясь только на него,
Стремился в Польшу я отмстить
За оскорбление!

О, небо!
Что это значит? Возросли
Мои страданья и смущенье.
Печаль и горести мои.

Кто шпагу дал тебе, дитя?

Мне женщина ее дала.

Как женщину зовут?

Не смею
Я это имя открывать.

Откуда заключаешь ты,
Что в этой шпаге тайна скрыта?

Кто дал ее мне, тот сказал:
"Отправься в Польшу; осторожно
И ловко постарайся там,
Чтоб увидали эту шпагу
Военачальники, дворяне.

Я знаю, что один из них
Тебя полюбит, защитит...

О боже правый, что я слышу?
Я даже не могу решить:
То, Что случилось здесь со мною,
Действительность или мечта[184]*?*
Ведь эту шпагу я оставил
Моей прекрасной Виоланте
И ей сказал: "Кто с этой шпагой
В мои объятия придет,
Найдет во мне, как милый сын,
Благоволение отца.
Но что же делать мне (о горе!)
В таком ужасном затрудненья?
Ему любовь дала оружье,
Оружье смерть ему дает;
Пощады просит у меня
На смерть заране обреченный.
Какая горькая судьба!
Какой непостоянный жребий!

---

[184] Примечания: 184
Первый намек, что в жизни нет резкой разницы между мечтой и действительностью.

Что сын он мне, сказали ясно
И признаки и голос сердца;
Оно зовет его ко мне
На грудь; в ней бьет оно крылами,
Не в силах цепи разорвать.
Как человек в темнице мрачной,
На улице заслышав шум,
К окну подходит посмотреть,
Так и оно теперь, не зная,
Что здесь такое, слышит шум,
К глазам поспешно подступает,
Которые суть окна сердца,
И хочет выйти через них
В слезах горючих. Что мне делать?
Его отправить к королю?
Но это значит — смерть ему!
А скрыть такое приключенье
Я не могу, я дал присягу.
Меня любовь терзает к сыну,
Но есть и верность государю.
Но, впрочем, что я сомневаюсь?
Дороже чести, выше жизни

Должна быть верность королю.
Живи, о верность! он погибнет.
И если я не ошибаюсь,
Он отомстить сюда пришел,
А если так, он оскорблен,
А всякий оскорбленный — низок.
Нет, он не сын мой; нет моей
В нем благородной крови; нет!
Но вдруг беда случилась с ним?
От ней никто не огражден;
Работы тонкой наша честь,
Ее один поступок губит!
Ее и воздух запятнает!
И что же больше мог он сделать,
Он — крови благородной отпрыск,
Когда, опасности презрев,
Пришел сюда за честью смело?
Нет! Сын он мой; в нем кровь моя,
Великую в нем вижу доблесть.
Я в обе стороны колеблюсь,
Но лучше выбрать середину;
И так пойду я к королю,

Скажу ему: "Вот это сын мой".
Пусть он убьет его. Быть может,
Увидев, что я чести верен,
Простит он юношу; и если
Удастся мне спасти его,
Я помогу ему отмстить
За оскорбление. Но если
Король с суровостью обычной
Его на казнь отправит злую,
Погибнет он и не узнает,
Что я отец ему.

Идите
Со мною вместе, чужеземцы.
Не бойтесь; горькое страданье
Не вам одним дано в удел.
Среди сомнений тяжких жить
Иль умереть, не знаю, право,
Где больше мук, где больше горя[185]*!*

---

[185] Примечания: 185
Верность государю, забота о чести и любовь, из-за столкновения которых так часто возникает в испанских драмах трагическое положение героя, ярко отражаются в речи Клотальдо.

СЦЕНА 5-я

Зала во дворце царя. Астольф и солдаты входят с одной стороны, с другой — инфанта Эстрелла и дамы. За сценой военная музыка и приветственные клики.

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Астольф

Как луч кометы, ваши очи
Огнем блистают перед нами,
И звучный им привет поют
Ручьи, органы, трубы, птицы.
И вас в глубоком изумленья
Равно приветствуют теперь
И вашу славят красоту
Одни — рожки из пестрых перьев[186],

---

[186] Примечания: 186
Птицы.

Другие — птицы из металла[187].
Д пули, как своей царице,
Поют приветственный вам гимн,
И птицы — как Авроре; трубы
Вас воспевают, как Палладу,
Цветы — как Флору. День блистает
И гонит сумрачную ночь;
Но вы ясней, чем ясный день;
Аврора — вы в часы веселья,
Когда повсюду мир, вы — Флора,
В час грозный битвы, на войне,
Паллада вы, и вместе с этим
Царица вы души моей[188].

Когда должны согласоваться
Слова людские и дела,
То дурно поступили вы,
Сказав так вежливо и тонко.
У вас, пожалуй, отниму я

---

[187] Примечания: 187
Рожки или трубы.

[188] Примечания: 188
Это напыщенное приветствие Астольфа для современного читателя является совершенно безвкусным, но у Кальдерона довольно много примеров такой речи.

Великолепные трофеи,
Я в бой за них вступаю смело[189].
Мне кажется, не согласить
Ту лесть, которую я слышу,
С суровостью, какую вижу.
Подумайте, ведь это низко,
Скорее свойственно зверям,
Полно обмана и измены,
Словами нежно льстить, лелеять,
А повеленьем убивать.

Как плохо знаете вы дело,
Когда не верите вы мне;
Эстрелла, я открою вам
Мои все мысли и желанья,
Тогда поймете вы меня.
Евсторгий третий, польский царь,
Имел троих детей; Василий
Теперь повелевает Польшей,
По праву, как его наследник.
Он дядя наш: и вы и я

---

[189] Примечания: 189

Т. е. мне легко показать, что ваше пышное приветствие только ложь, и вашим истинным чувствам не соответствует.

Родились от его сестер;
Евсторгий — дед наш; но об этом
Я больше говорить не стану;
Оно излишне; Клорилена,
Моя синьора, ваша мать, —
Теперь она в том лучшем мире,
Под балдахином ясных звезд, —
Родилась первая, и вы
Ей дочь; вторая, ваша тетка,
Прелестнейшая Рецизунда,
Пусть жизнь ее продлит господь!
С московским князем повенчалась;
От брака их родился я.
К другому делу перейдем.
Василий, знаете, синьора,
Влиянью времени сдается;
Наукам больше предан он,
Чем женщинам, он овдовел,
Нет сына у него, и вы
И я — наследники престола;
Вы потому, что дочь вы старшей
Сестры, а я, рожденный младшей,

Как муж, имею больше прав.
Мы о намереньи своем
Послали дяде извещенье;
Он отвечал нам, что согласен
Навек соединить нас с вами;
Мы день назначили и место...
С таким намереньем уехал
Я из Московии своей;
За этим я пришел сюда,
Не воевать хочу я с вами;
Стремитесь только вы к войне.
О, пусть захочет бог Амур,
Чтобы народ, астролог верный,
Не ошибался и для нас,
Предсказывая наш союз,
В котором были б вы царицей,
Царицей моего ума.
О, если бы для большей чести
Корону дядя отдал нам,
Триумф дала бы доблесть ваша,

Моя любовь бы власть дала[190].

На эти ласковые речи
Ответить лаской не хочу.
О, будь империя моей,
Она бы тотчас стала вашей.
Но все же вы неблагодарны,
И я от этого страдаю.
Мне думается, вашу ложь
Портрет, который на груди
У вас висит, невольно выдал.

И я сейчас вас успокою
Насчет его; однако поздно:
Я слышу звуки инструмента;
Должно быть, близко государь
Со всею свитою своею.

СЦЕНА 6-я

Те же, Василий и свита.

Эстрелла

---

[190] Примечания: 190
Т. е., вероятно, моя любовь даст вам власть над моей душою.

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Василий

Астольф

Все

Василий

Все

(Эстрелла, Астольф и свита уходят; Василий остается один.)

Фалес!

Ученейший Эвклид!

Ты среди звезд

Небесных знаков
Находишься

И пребываешь

И их пути

И их следы

Описываешь

Измеряешь.

Дозволь в смирении души,

Дозволь моим объятьям нежным

Дозволь к твоим ногам склониться[191].

Плющем быть древа твоего.

Племянники, вам мой привет!
Я знаю, что и вы с любовью

---

[191] Примечания: 191

Подобные разговоры двух лиц, постоянно прерывающих друг друга, не редкость в поэзии Кальдерона.

Моей любви пришли на встречу.
О, верьте мне, нет человека,
Которого бы я обидел;
И вас не стану обижать и.
Я сознаю, что я согнулся
Под тяжким бременем годов,
И потому прошу смиренно
У вас молчания; потом
Настанет время изумленью,
Когда услышите рассказ
О том, что мнится невозможным.
Вы знаете, друзья мои,
Что в мире за свои познанья
Стяжал я имя мудреца.
Бессильны время и забвенье
Мне повредить, когда повсюду,
На всем земном огромном шаре
Тиманта кисть, Лизиппа мрамор
Меня давно провозгласили
Василием великим. Все
Вы знаете, что до сих пор
Одной науке предан я,

Науке цифр и вычислений.
Нас учит каждый новый день,
Молва несет нам поученье,
Но предвосхитил я наукой
Обязанности их и право:
В своих таблицах вижу я
Все новости веков грядущих,
Все есть "теперь" в моих таблицах.
Что нового расскажет время?
Все сам могу я рассказать.
Небесный свод с его красою,
Лучами солнца освещенный
Иль озаряемый луной,
Миры бриллиантов и кристаллов,
Где звезды ласково сияют
И блещут знаки зодиака —
Вот вам предмет моих занятий
В течение многих, долгих лет;
Вот книги вам мои, в которых
На бриллиантовой бумаге
И на сапфировых страницах,
Златыми буквами, понятно

Судьбу людскую пишет небо,
Благоприятную и злую[192]
Так быстро их читаю я,
Что духом следую своим
За ними в быстром их движеньи,
И, прямо и на поворотах.
О, если б раньше умер я,
Небесным гневом пораженный,
Чем комментарием стал ум мой
Движенья звезд, регистром неба[193]*!*
Ах! кто несчастен, для того
И преимущество есть нож!
Кто небом осужден на знанье,
Тот самого себя убийца.
И это лучше, чем я сам,
Судьба моя вам разъяснит.
У вас я вновь прошу молчанья:
Чудесен будет мой рассказ!
От Клорилены дорогой

---

[192] Примечания: 192
Одним словом, Василий занимается астрологией.

[193] Примечания: 193
Прозаическое, но чрезвычайно смелое сравнение.

Имел несчастного я сына;
И кажется, что все приметы,
Какие бедствием грозят,
Свершились при его рожденьи[194].
Так, прежде чем на божий свет
Он вышел из гробницы чрева, —
Рождение подобно смерти, —
Среди видений беспокойных
Приснилось матери его,
Что зверь, по виду человек,
Ей внутренности разрывал,
И, вся в крови, она родила
Ехидну злую, человека,
И тотчас после умерла[195].
Но вот приходит день рожденья,
И предсказанья совершились.

---

[194] Примечания: 194

Ср. след. место из Montesquieu, Lettres persanes (письмо XXXIX): Il me semble, ben Josue, qu'il y a tonjours des signes eclatants, qui preparent a la naissance des hommes extraordinaires; comme si la nature souffrait une especе de crise et que la puissance celeste ne produisit qu' avec effort.

[195] Примечания: 195

В древности и в Средние века полагали, что рождение ехидны влекло за собой неминуемую смерть ее матери. Ср. у Пруденция, Hamartigenia, ст. 580-606, и многие места в пьесах Кальдерона.

Как редко ложными бывают
Те предсказанья, что печальны!
Таков был сына гороскоп:
Окрашенное кровью солнце
С луной вступало в бой жестокий;
Земля была их валом темным;
Они схватиться не могли
Руками, но сражались светом.
Такого страшного затменья
Ни разу с солнцем не случалось
С тех давних пор, как смерть Христа
Оно оплакало однажды.
Земля затоплена пожаром
Была зловещего огня
И думать в ужасе могла,
Что час ее пришел последний.
Небесные затмились своды,
Дрожали зданья на земле,
Дождь каменный на землю падал,
Текли волной кровавой реки[196].

---

[196] Примечания: 196

Ср. Евангелие от Матфея, гл. 27, с. 45-52, рассказ о знамениях, бывших при смерти Иисуса Христа.

И в этот страшный час, когда
Казалося безумным солнце,
Родился Сигизмунд и сразу
Свою природу обнаружил;
Родился он, скончалась мать,
И он, причина этой смерти,
Сказал жестокие слова:
"Я человек, и потому
Отплачиваю злом за благо".
И я в науке стал искать
Разгадку ужасов таких
И увидал, что Сигизмунд
Жестокий будет человек,
Монарх — губитель благочестья;
Добычей войн междоусобных
Из-за него вся Польша станет
И будет школою измены,
И академией пороков.
А он, безумьем увлеченный,
Среди разврата и злодейств,
Поднимет руку на меня,
И голова моя седая

Его ногам подстилкой будет.
О, горе мне! И предсказаньям
Поверил я; и как не верить
Тому, что говорит наука?
Себя мы любим и охотно
Заботимся мы о себе.
И так, предсказывало небо
Несчастия и мне и Польше;
Решил животное смирить я,
Хотя и сам родил его,
Смирить затем, чтобы узнать,
Покорны ль звезды мудрецу?
Объявлено народу было,
Что мертвым родился наследник,
А я, обдумав осторожно,
Велел в горах построить башню,
Куда и свет едва проникнет,
И вход в которую закрыт
Громадой мрачных обелисков.
Суровые мои законы,
Тогда объявленные всем,
Чтобы никто под страхом смерти

Проникнуть в горы те не смел,
Причиною имели то,
О чем сейчас я вам сказал.
Там Сигизмунд живет поныне,
Несчастный, жалкий, в тяжком плене;
При нем находится Клотальдо,
И только он с ним говорит;
Наставник Сигизмунда он;
Он научил его наукам
И католическою верой
Ребенка душу просветил;
И только он был до сих пор
Свидетелем невольных мук
И униженья Сигизмунда.
Здесь три вопроса перед нами;
Сначала первый укажу.
Я так люблю вас, дети Польши,
Что в рабство королю-тирану
Отдам ли вас когда-нибудь?
А кто в несчастия такие
Отчизну ввергнет, государем
Великодушным быть не может.

Второй вопрос не легче будет:
Прилично ли христианину
Дитя свое тех прав лишить,
Какие и людьми и небом
За ним быть признаны должны?
Такого нет еще закона —
Тираном быть, чтобы других
Спасать от дерзкого тирана,
Когда мы согласимся с тем,
Что будет Сигизмунд тираном.
И хорошо ли делать зло,
Другое зло предупреждая?
И, наконец, еще вопрос:
Я предсказаниям поверил,
Но хорошо ли так легко
Поверить им без колебаний?
Хотя несчастьями грозит
Характер дикий Сигизмунда,
Быть может, зло не победит!
Нам мнится, рок неумолим,
Дурны наклонности, планета
Вещает гибель, но они

Склоняют только нашу волю,
А не насилуют ее[197].
И так колеблясь, размышляя,
Придумал наконец я средство;
И всех вас изумит оно!
Сегодня ночью Сигизмунда,
Ему не открывая раньше,
Что он мой сын и ваш король,
Я во дворец велел доставить.
Под балдахином королевским
Он на моем воссядет троне,
Повелевать он будет вами,
А вы в покорности ему
Дадите клятву. Трех вещей
Я этим способом достигну
И дам ответ на три вопроса,
Сейчас поставленные вам.
Быть может, злое предсказанье
Пустым окажется обманом,

---

[197] Примечания: 197

Убеждение в силе и свободе человеческого духа, сближающее Кальдерона с Софоклом; ср. знаменитый хор из Антигоны, начинающийся словами: "Много могучего в свете, но что человека могучей?"

И Сигизмунд умом и лаской
Любовь всеобщую заслужит,
И государем вашим будет
Тот, кто имеет все права,
Хотя и был он до сих пор
Товарищем зверей пустыни
И блеск придворного и ловкость
Мог показать лишь пред горами.
А если он и в самом деле
Безумный, дерзкий и жестокий,
Поводья закусив, помчится
Чрез поле мерзостных пороков,
Тогда я долг исполню свой:
Преодолев души страданья,
Лишу я Сигизмунда власти,
В темницу вновь его отправлю,
И заключенье уж не будет
Жестокостью, но наказаньем.
И, наконец, когда мой сын
Характер дикий обнаружит,
Вас всей душой любя, вассалы,
Других я дам вам королей,

Достойных скиптра и короны:
Они — племянники мои!
Соединив права обоих,
Сердца связав святыней брака,
Отдам Эстрелле и Астольфу
Корону и свои владенья.
Вполне заслуженные ими.
Все это я повелеваю
Как государь; но как отец
Прошу об этом; как старик
Даю благие вам советы,
И если правильно Сенека
Царя рабом владений назвал,
Как раб смиренно умоляю,
Как раб об этом вас прошу.

Тебе ответить должен я,
Мой голос больше прав имеет;
Скажу от имени других:
Верни свободу Сигизмунду!
По праву он наследник твой.

Верни свободу Сигизмунду,

Его мы просим в государи.

Любезность вашу я ценю.
И вас благодарю, вассалы;
Теперь скорей идите вслед
Вы за атлантами моими[198].
Его увидите вы завтра.

Да здравствует великий царь Василий!

СЦЕНА 7-я

Василий. Входят Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

---

[198] Примечания: 198
Под этими атлантами Василий подразумевает Астольфа и Эстреллу, надежду и опору польского трона.

Василий

(Уходит.)

Клотальдо

Могу ль с тобой поговорить,
Великий государь?

Клотальдо,
Сюда пришел ты в добрый час!

К твоим ногам склоняюсь я,
И должен, государь, склониться.
Несчастный случай! Все открыто,
Нарушен строгий твой закон,
Который стал уже привычным.

Но что случилось?

Государь,
Со мной произошло несчастье,
Тогда, когда я мог считать
Себя счастливейшим из смертных.

Но что же дальше? Говори.

Вот этот юноша прелестный,
Намеренно иль по ошибке,

Проник в темницу Сигизмунда,
Там принца увидал он и...

Напрасно ваше беспокойство;
Случись все это не сегодня,
Не скрою, он бы поплатился.
Но тайна всем теперь известна,
И не беда, что и ему
О ней проведать удалось.
Ко мне придите вы попозже;
Предупредить я должен вас
О многом; ваша помощь также
Нужна мне будет; да, Клотальдо,
Произойдет престранный случай,
Какого не бывало в мире;
И вы в нем будете орудьем.
Я этим пленникам прощаю,
Чтоб вы не думали, что я
Сержусь на вашу нерадивость.

Благодарю вас, государь.

СЦЕНА 8-я

Клотальдо, Розаура и Кларин.

Клотальдо (в сторону)

(Розауре и Кларину.)

Розаура

Кларин

Розаура

Клотальдо

(В сторону.)

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

(В сторону.)

Розаура

Клотальдо (в сторону)

(Розауре)

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

(Розаура уходит, за нею и Кларин.)

Клотальдо

Немного легче стало мне,
Но я, пока скрывать возможно,
Не буду говорить ему,
Что он мой сын.

Свободны вы.

Целую ноги я твои.

А я твои стопы целую;
Различье маленькое слов

Друзьям, конечно, незаметно[199].

Синьор, вы жизнь вернули мне;
На ваш я счет живу отныне,
И потому навеки буду
Рабом я вашим.

Погоди!
То, что я дал тебе, — не жизнь:
Кто от рожденья благороден,
Тот, оскорбленный, жить не может.
Ты говорил мне, что пришел
Сюда отмстить за оскорбленье.
Не мог тебе вернуть я жизни,
Которой ты и не имел:
Ведь жизнь позорная — не жизнь!

Задеть стараюсь за живое
Я самолюбие его[200].

---

[199] Примечания: 199

В подлиннике непереводимая игра слов: Ros. tus pies beso; Clar. y yo los piso. Т. е. целую твои ноги, а я попираю следы их, ставлю свои ноги на след твоих.

[200] Примечания: 200

Мы говорили в предисловии, как ревниво оберегали испанцы свою честь от малейшего оскорбления; человек оскорбленный, по их мнению, не имел права жить, пока не смывал кровью своего оскорбления.

Пожалуй, жизни не имею,
Хотя вернул ты мне ее;
Но отомщением жестоким
Я честь свою восстановлю;
Тогда, во что бы то ни стало,
Казаться будет жизнь моя
Твоим подарком.

Меч блестящий,
Который ты мне дал, возьми.
Довольно этого меча:
Он, обагренный вражьей кровью,
Отмстит, я знаю, за обиду.
Он был в моих руках однажды, —
Ведь я держал его в руках,
Хотя не очень долго, — он
Отмстить сумеет за тебя.

Я снова опояшусь им,
И именем твоим клянусь,
Что буду мстить, хотя мой враг
Сильней меня.

А он сильней?

Он так силен, что я не смею
Его назвать перед тобою;
Не потому, чтобы боялся
Тебе открыть такую тайну;
О нет! Боюсь, что ты меня
Тогда лишишь своей защиты.

Напротив, помощь от меня,
Назвав его, скорей получишь.
Когда его ты мне укажешь,
Я буду знать, что он твой враг.

О если бы узнать, кто он?

Ценя доверие твое,
Я за него плачу доверьем.
Противник мой и оскорбитель
Был сам Астольф, Московский князь.

Я поражен его словами!
Мое страдание тяжеле,
Чем думал я до этих пор.
Но выясним получше дело.

Ты по рожденью Москвитянин,
И твой природный государь

Едва ли мог тебя обидеть.
Ступай назад в свою отчизну
И буйный свой сдержи порыв:
К безумству он тебя ведет.

Он государь, я это знаю,
Но мог меня он оскорбить.

Не мог, когда бы даже в гневе
Тебя ударил по лицу[201].

Была моя обида больше.

Открой мне все, не утаи;
Ведь то, что я воображаю,
Наверно более того,
Что приключилось в самом деле.

Сказал бы я, но, ах! не знаю,
С каким глубоким уваженьем
Я на тебя смотрю! Какое
В груди моей зажглося чувство!

---

[201] Примечания: 201

Король - особа священная, и никоим образом не может оскорбить своего подданного.

Как я люблю тебя и чту[202]*!*
С трудом промолвить я могу,
Что эта верхняя одежда —
Загадка, и тому, кто носит
Ее, она едва ль подходит.
Прошу, подумай хорошенько:
Ведь я не то, чем я кажусь,
И в этом случае возможно,
Что брак Астольфа и Эстреллы
Обида горькая и мне.
Я все тебе сказала ясно.

Послушай, подожди, останься!
Какой возник здесь лабиринт,
В котором разум не находит
Своей руководящей нити!
Жестоко честь моя задета;
Могуч, силен мой оскорбитель,
Вассал — я, женщина — она;
Укажет небо пусть дорогу!

---

[202] Примечания: 202
Любовь и уважение к отцу, основываясь на голосе крови, невольно возникают в детях; на этой мысли основана драма Кальдерона "Las tres justicias en una".

Хотя удастся ли, не знаю,
Когда в сей пропасти глубокой
Одна таинственность — все небо,
И чудо дивное — весь мир!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
СЦЕНА 1-я

Зал во дворце Василия.

Василий и Клотальдо.

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

(Уходит.)

Все я исполнил, государь,
Как ты приказывал.

Клотальдо,
Как было дело, расскажи.

Происходило дело так.
С успокоительным питьем,
По приказанью твоему,
Составленным из трав различных,
Смешав еще такие травы,
Которые имеют силу,
Упорно, хоть и незаметно,
Рассудок мощный человека
И ослаблять, и оглушать,
И делать, чувства убивая,
Из человека труп живой...
(Зачем доказывать, что это
Возможно, если столько раз
Доказывал возможность опыт?
И, несомненно, медицина
Полна природных, чудных тайн,
И нет растенья, камня, зверя,
Чтобы таинственного свойства
В нем не было хоть одного!
И если злоба человека

Уж тысячи открыла ядов
Смертельных, надо ль удивляться,
Что усыпляющий есть яд,
Который действует слабее,
Есть и губительный состав,
Смерть приносящий без пощады?
Давно доказано все это
И опытом и размышленьем.)
Мое питье составил я
Из опия и белены,
К нему дурмана сок прибавив;
И с чашей к Сигизмунду я
Спустился в мрачную темницу.
Здесь повели мы разговор
О человеческих науках;
Хотя немного он учился
И красноречье изучал
В пустыне у зверей и птиц,
Однако многое открыла
Его широкому уму
Безмолвная природа скал,
Небес безмолвная природа!

Его желая приготовить
К тому, что замышляешь ты,
И гордость духа возбудить,
Как бы случайно указал я
Ему на горного орла,
Который, ветер презирая,
Как грозной молнии стрела
Или свободная комета
Вздымался в верхние пределы.
И Сигизмунду я сказал,
Полет свободный восхваляя:
"Орел могучий — царь пернатых,
И потому под облаками
Над всеми гордо он вознесся".
Довольно было этих слов:
За мысль мою схватился он,
И о величии царей
Высокомерно рассуждать
Он начал; нам понять не трудно,
Что в самом деле кровь его
К великим подвигам зовет,
Волнуясь и играя в нем.

Он говорил: "Смотри, Клотальдо,
И в беспокойном царстве птиц
Слабейшие могучим птицам
В повиновении клянутся.
Утешен я в своем несчастьи,
Когда подумаю об этом:
Я подчинен, но только силой
Меня принудили к тому,
А добровольно человеку
Не сдался бы я ни за что!"
Из этих слов увидел я,
Что в нем проснулся гнев обычный
На горький плен и заключенье;
Тогда ему я подал кубок
С успокоительным питьем,
И лишь из чаши в грудь его
Проник напиток, Сигизмунд
Глубокому предался сну,
И пот холодный у него
По членам разлился и жилам...
И если б не было известно,
Что это мнимая лишь смерть,

Легко бы всякий мог подумать,
Что в самом деле умер принц.
Приходят в это время люди,
Которым ты доверил дело,
Берут его с собой в карету
И во дворец к тебе везут,
Где приготовлены тобою
Ему величие и блеск,
Вполне достойные его.
И здесь его в твоей постели
Они кладут, чтобы потом,
Когда минует летаргия,
Ему служить, как ты велишь.
И если я повиновеньем
Себе награду заслужил,
(Прости мою неосторожность!)
Скажи, зачем ты во дворец
Так удивительно и странно
Велел доставить Сигизмунда?

Твое сомненье справедливо,
Клотальдо, и тебе охотно
Я дело разъясню теперь.

Ты знаешь сам, что Сигизмунду
Влияние звезды враждебной
Несчастиями угрожает
И множеством страданий тяжких.
И вот узнать я захотел,
Правдиво ль неба предсказанье?
Дало немало указаний
Оно суровости своей;
Но, может быть, оно смягчится,
Свою жестокость уменьшит
И, доблестью благоразумья
Побеждено, изменит жребий?
Ведь человек сильнее звезд!
Все это я хочу узнать.
Кто он, скажу я Сигизмунду.
И пусть тогда покажет он
Свои наклонности и разум.
И если он звезды влиянье
Великодушьем победит,
Он будет царствовать; но если
Тираном будет и злодеем,
Его верну к цепям обратно.

Теперь я знаю, спросишь ты:
Чтобы проделать этот опыт,
Зачем сюда он привезен
В забвении глубоком сна?
И это разъясню тебе,
Поймешь из моего ответа.
Когда сегодня он узнает,
Что он мой сын, а завтра утром
Себя в темнице вновь увидит
Конечно, жалкий жребий свой
В отчаяньи проклянет он!
Чем, как себя тогда утешит
И что в замену прав получит,
Прав на корону и престол?
Оставить надо дверь открытой
На случай горькой неудачи!
Ему ты скажешь: "Сигизмунд,
Все, что ты видел в эту ночь,
Лишь сновидение и греза".
Мы двух вещей достигнем так.
Во-первых, ближе мы узнаем
Его наклонности и чувства:

Проснувшись, будет поступать он,
Как вздумает и как захочет;
А во-вторых, его утешим:
Сегодня, правда, во дворце
Все повинуются ему,
Но завтра он в своей темнице,
Припоминая день минувший,
Поймет, что только грезил он;
И хорошо, когда поймет:
Ведь в этом мире все, Клотальдо,
Все, кто живет, лишь спят и грезят[203].

Легко бы мог я доказать,
Что не годится этот план;
Но поздно, дела не поправишь:
Насколько можем мы судить,
Проснулся он и к нам идет.

Теперь я должен удалиться.
Ты принца воспитал, Клотальдо,
И потому останься с ним

---

[203] Примечания: 203
Вполне ясное выражение основной мысли пьесы.

И среди стольких затруднений,
Что окружили мысль его,
Ему ты истину откроешь.

Ты позволенье мне даешь
Все рассказать ему?

Конечно;
Когда опасность знаем мы,
Нам легче победить ее.

СЦЕНА 2-я

Клотальдо и Кларин.

Кларин (в сторону)

Клотальдо (в сторону)

(Кларину)

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

Четыре палочных удара!
Я заплатил за право входа!
Какой-то рыжий гренадер,
Уж больно важный, алебардой
Мне отсчитал удары эти.
За них я кой-что здесь увижу;
Нет, правда, лучшего окошка,
Как то, которое с собою,
Без разрешения кассира,
Повсюду носит человек;
Когда его со всех празднеств
Прочь гонят, все же он садится
У своего окошка смело[204].

---

[204] Примечания: 204

Под своим окошком Кларин подразумевает свои глаза; в эпоху Кальдерона представления давались на дворе, находившемся между несколькими домами, так что окна этих домов, выходившие на двор, представляли весьма удобное место для зрителя; Кларин говорит, что ему не надо покупать билета, чтобы смотреть из окошка.

А это, кажется, Кларин,
Слуга той женщины несчастной,
Которая, торгуя горем,
Сюда позор мой привезла.

Кларин, что нового?

Синьор,
А вот что нового; во-первых,
Как милосердный человек,
Вчера вы помощь обещали
Моей синьоре Розауре
И дали ей совет одеться,
Как подобает... в женском платье.

Я думаю, что сохранить
Стыдливость в женском платье легче.

Затем, по вашему совету,
Племянницей назвавшись вашей,
Она переменила имя
И так возвысилась теперь,
Что во дворце живет она,
Как дама ближняя Эстреллы.

Да, мне весьма приятно сразу

Взять под защиту честь ее.

Она полна одной надеждой.
Что, если час придет удобный,
Ты вступишься за честь ее.

Надежда эта не обманет:
В конце концов наступит время
И кончит трудные дела.

Она теперь живет в почете,
Все, как царице, служат ей
За то, что ей Клотальдо — дядя.
А я приехал вместе с нею
И вот от голода чуть жив!
И обо мне никто не вспомнит,
Забыв, что я, Кларин — рожок[205]*;*
Когда ж такой рожок затрубит,
Он все сумеет рассказать
Царю, Астольфу и Эстрелле.
Кларин — рожок, Кларин — слуга!
Сознайся сам: ведь тут все вещи,
Что плохо берегут секрет.

---

[205] Примечания: 205
Кларин (Clarin) по-испански значит рожок.

И если я молчать не стану,
Петь будут песню обо мне:
Рожок, зарю нам возвестивший,
Не лучше пел.

Сознаюсь, жалобы твои
Довольно правильны; охотно
Могу тебе я пособить,
А ты во всем мне повинуйся.

Смотрите, Сигизмунд идет.

СЦЕНА 3-я

Музыка и пение. Слуги стараются одеть Сигизмунда, который выходит в большом волнении. Клотальдо и Кларин.

Сигизмунд

1-й придворный

2-й придворный

Кларин

2-й придворный

(Сигизмунду)

Сигизмунд

1-й придворный

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд (в сторону)

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

2-й придворный

Клотальдо

(Уходит.)

2-й придворный

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

Кларин

2-й придворный

Кларин

Сигизмунд

Кларин

Сигизмунд

Кларин

О, боже, боже, что я вижу?
На что смотрю? Что предо мною?
Всему без страха удивляюсь,
И все ж душа полна сомненья!
Я во дворце великолепном!
В одежде шелковой, в парче!
Вокруг меня толпятся слуги,
И как одеты, как ловки!
На ложе пышном и богатом
От сна я пробудился здесь!
Едва проснулся я, как слуги
Бегут помочь мне одеваться.
Сказать, что этот сон — неправда?

Но знаю я, что я не сплю.
И разве я не Сигизмунд?
Открой, о небо, мне обман!
Скажи мне, что во время сна
С моей фантазией случилось?
Но для чего я рассуждаю?
Пусть будет то, что быть должно,
И что бы ни было со мною,
Пускай мне служит все равно[206]*!*

О, как задумчив Сигизмунд!

Найдет на всякого сомненье,
Когда случится то же с ним.

А я не стал бы сомневаться!

Поди и с ним поговори.
1-й придворный

Возобновить прикажешь пенье?

Я больше пенья не хочу.

Ты так задумчив; я хотел

---

[206] Примечания: 206
См. подобные сцены пробуждения в комедии "El Alcaide de si mismo" у Keil'я, т. IV, с. 380 б. и 388 а.

Тебя развлечь.

Но этим пеньем
Не разогнать моей тоски.
Одна музыка боевая
Приятна слуху моему.

Великий государь, позвольте
Поцеловать мне вашу руку.
Вам первый повинуюсь я.

Клотальдо?! Он. Но почему
Он так жесток со мной в темнице,
А здесь почтителен и вежлив?
Что происходит здесь со мною?

Я вижу, новость положенья
Тебя в смущенье повергает,
И тысячи сомнений разных
Дорогу в разум твой проложат;
А я хочу тебя от них
Освободить, когда возможно.
Узнай, о государь, что ты
Великой Польши принц наследный.
А если жил ты до сих пор

В уединении печальном,
Такой жестокости причина —
Страх пред враждебною фортуной.
Она грозила государству
Жестокой гибелью, когда
Твой лоб высокий увенчает
Венец достойный, гордый лавр.
Но полагая, что ты можешь
Свою печальную судьбу
Великодушьем одолеть, —
И, правда, муж великодушный
Сумеет звезды победить, —
Из башни той, в которой жил ты,
Сюда в отцовские палаты
Тебя вчера мы привезли
В то время, как был предан сну
Твой дух. Отец твой, мой король,
Придет сюда, и от него
Побольше, верно, ты узнаешь.

И что еще мне нужно знать,
Презренный, низкий ты изменник,
Когда я знаю, кто такой я?

Могу сегодня показать
Свое могущество и силу!
Как смел отечеству так дерзко
Ты изменять, меня скрывая,
И, нарушая все законы,
В противность разуму и праву,
Меня лишать того, что было
Всегда моим?

О, горе мне!

Ты был изменником закону,
Ты государя обманул,
Со мною же ты был жесток!
Итак, закон, король и я —
За столько тяжких преступлений
Тебя на смерть мы осуждаем:
От рук моих умрешь!

Ах, принц!

Никто мне не мешай. Напрасно!
Клянусь Творцом, что если вы
Вперед тут будете соваться,
Вас за окошко брошу я.

Беги, Клотальдо!

Принц несчастный!
Ты гордости сдержать не хочешь,
Не зная, что, быть может, спишь!

Послушай!

Прочь отсюда!

Он
Повиновался государю.

Но в том, что правду нарушает,
Царю нельзя повиноваться.
Да кроме этого, и я
Был государем для Клотальдо.

Не мог Клотальдо рассуждать,
То было хорошо иль дурно!

А вы все спорите со мною;
Куда как вежливо! смотрите!

Принц превосходно говорит,
А вы все дурно поступали.

Но кто вам право дал судить?

Да сам я взял его.

Ты кто?

Я в это дело нос свой сунул,
И в нем легко я стал судьей;
Я величайшее ничто,
Какое только было в мире!

Ты только в этом новом мире
Приятное мне сделал.

Я,
О государь, большой поклонник
Всех Сигизмундов; верьте мне.

СЦЕНА 4-я

Те же и Астольф. Музыка.

Астольф

Сигизмунд

Астольф

Сигизмунд

2-й придворный (Астольфу)

(Сигизмунду)

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

Трикраты счастлив этот день:
Сегодня вы явились Польше,
Как солнце ясное, мой принц,
И блеском радости и счастья,
Как пурпурным зари сияньем,
Вы осветили наше небо:
Ведь вы, как ласковое солнце,
Из лона гор сюда явились.
Привет вам, принц; и если поздно
Лавр ваше увенчал чело,
То пусть он поздно и завянет.

Храни вас Бог.

Одно незнанье,
Кто я такой, вас извиняет

За недостаточный привет.
Я — князь Московский; я — Астольф,
А вам — двоюродный я брат.
И должно нам хранить равенство!

Я вам сказал: храни вас Бог!
Вам этого привета мало?
Вы славою своей гордитесь?
Пеняйте сами на себя;
Когда мы вновь сойдемся с вами,
Я вам скажу: пусть не хранит
Вас Бог!

Вы, государь, поймете,
Что он, воспитанный в горах,
Так обращается со всеми,

Но преимущество Астольфа...

Мне было неприятно слышать
Такие пышные слова,
И далее — надел он шляпу,
Как только подошел ко мне.

Он гранд.

А я важней его[207].

Должны вы оба относиться
Друг к другу с большим уваженьем,
Чем к остальным.

Скажите мне,
Чего суетесь вы сюда?

СЦЕНА 5-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Сигизмунд (Кларину)

Кларин

Сигизмунд

(Эстрелле)

Эстрелла

Астольф (в сторону)

---

[207] Примечания: 207

Испанские гранды имели право в присутствии короля надевать шляпу; этим правом придворный думает оправдать Астольфа в глазах Сигизмунда, но С. не понимает специального значения выражения "es grande", полагая, что придворный указывает просто на важный сан Астольфа, и в ответ на это замечает, что он еще важней Астольфа. В подлиннике игра слов.

2-й придворный (в сторону)

(Сигизмунду)

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

2-и придворный

Сигизмунд

2-й придворный

Сигизмунд

(Схватывает придворного и уходит; все спешат за ним, но он немедленно возвращается.)

Астольф

Эстрелла

Сигизмунд

Астольф

Сигизмунд

(Астольф уходит.)

Благословляю ваш приход,
О, благородный принц, под сень,

Где с радостью вас принимают
И все вам шлют привет любви.
И здесь в кругу друзей, не зная
Несчастий, принц, живите вы,
Блистая славой и величьем,
И пусть считается веками,
А не годами ваша жизнь.

Скажи ты мне теперь, кто эта
Великолепная краса?
Она не смертная — богиня,
К ногам которой небеса
Свой блеск склоняют. Кто она?

Она твоя сестра Эстрелла.

Ты лучше бы сказал, что солнце[208].

Желаете вы счастья мне;
Похвально это пожеланье!
Но счастье в том лишь для меня,
Что вижу вас: и вот, имея
То незаслуженное счастье,

---

[208] Примечания: 208

Estrella по-испански значит звезда; но, по мнению Сигизмунда, Эстрелла так прелестна, что ее можно назвать солнцем.

Я за благое пожеланье
Благодарю вас; вы одна,
Как день, сияете, и в силах
Блистанье радостное дать
И так прекрасному светилу.
Зачем же солнце в небе светит,
Когда с зарею встали вы?
О, дайте вашу руку мне!
Хочу ее поцеловать;
Из этой чаши белоснежной
Пьет воздух белизну свою[209].

Повежливее будьте, принц.

Когда ее он руку схватит,
Погиб я...

Знаю, неприятен
Астольфу будет поцелуй.
Не допущу я Сигизмунда.

Подумай, государь, едва ли
Прилично это, и Астольф...

---

[209] Примечания: 209

Эти комплименты в устах грубого Сигизмунда кажутся довольно неуместными.

Я вам уже сказал: отстаньте.
Какое дело вам, сеньор?

Я вам заметил справедливо.

Но это все противно мне,
А если что противно мне,
То уж никак не справедливо.

Однако слышал, государь,
Я от тебя, что справедливо
Повиноваться и служить.

Вы также слышали, конечно:
Кто будет мне надоедать,
Того я выброшу в окошко.

Со мной нельзя так поступать!

Нельзя? Клянусь Творцом, сейчас же
Обратное я докажу.

Что вижу я?

Скорей на помощь!
Освободите вы его.

Он в море вылетел с балкона;
Хвала Творцу, что удалось!

Обдумывать бы не мешало
Побольше вам свои поступки;
Далеко зверю до людей,
И до дворца горе далеко.

Как вы горды, высокомерны!
Но лучше бы умолкнуть вам,
А то, пожалуй, не сыскать
Вам головы своей, покрытой
Столь изукрашенною шляпой.

СЦЕНА 6-я

Те же и Василий.

Василий

Сигизмунд

Кларин (Сигизмунду)

Василий

Сигизмунд

Василий

Сигизмунд

Василий

Сигизмунд

Василий

Сигизмунд

Василий

(Уходит.)

Сигизмунд

Что здесь случилось?

Ничего.
Мне тут один надоедал,
И я его с балкона сбросил.

Заметь, что это сам король.

Едва пришел ты к нам, и вот
Ты уж убийца человека!..

Он мне сказал, что невозможно,
А я... я выиграл пари.

Мне тяжело в тебе увидеть
Жестокий и строптивый нрав.
Я думал, что найду тебя.
Преодолевшим звезд влиянье,
Владыкою судьбы своей

И поступающим разумно!
И что же? Первый твой поступок —
Убийство злое человека.
Могу ль тебя обнять с любовью,
Когда я знаю, что сейчас
Ты руки кровью обагрил?
Когда мы видим меч блестящий,
Смертельную нанесший рану,
Ужель бесстрашно и спокойно
Смотреть мы станем на него?
И кто из нас не содрогнется,
Увидев место, на котором
Сейчас убили человека?
Мы, люди, все страшимся смерти,
И самый смелый человек
Предел наш общий не преступит.
В твоих руках орудье смерти
Я вижу, кровь я вижу здесь
И отступаю от тебя,
Хотя желал тебя с любовью,
Как сына милого, обнять.
Теперь же должен уходить

Без этого: тебя боюсь я!..

Твои объятья мне не нужны,
Я обходился и без них:
Отец, который так жестоко
Мог с сыном поступать своим,
Его воспитывать, как зверя,
И, как чудовище, держать
И замышлять на жизнь его,
В объятьях сыну отказал!..
Объятия отца такого
Кому нужны? Кому приятны?
Меня не хочешь ты обнять?
Как мало в этом мне обиды!
И я не удивляюсь даже:
Кто самый образ человека
У сына мог отнять, легко
Ему откажет и в объятьях!

О, если б образа людского
Тебе я не дал! Горе мне!
Тогда бы дерзких слов не слышал
И оскорблений от тебя!

Когда бы ты его мне не дал,
Не слышал бы моих упреков!
Ты дал; тебя я упрекаю
За то, что отнял ты его.
Давать — прекрасно, благородно;
Но отнимать, что раз дано, —
Какая низость и позор!

Вчера бедняк и жалкий пленник,
Царевичем ты стал сегодня
По приказанью моему;
И так меня благодаришь!

Тебя благодарить за это?
Тиран души моей свободной,
Уж близок час твоей кончины,
И, умирая, что ты можешь
Мне дать? Не более того,
Что мне и так принадлежит!
Ты мой отец, ты мой король,
И потому твой сан и власть
Ко мне по праву перейдут.
Тебе ничем я не обязан.

Могу лишь требовать расплаты
За то, что долго ты лишал
Меня свободы, чести, жизни.
Но я не требую ее,
И мне приятнее сознанье,
Что ты должник мой.

Дерзкий варвар!
Ты предо всеми доказал,
Что небо правду говорило:
Высокомерен ты и горд.
Теперь ты знаешь, чей ты сын;
Открыта истина тебе.
Себя ты видишь во дворце,
Среди всеобщего почтенья;
Но я прошу тебя, послушай
Мои слова предупрежденья
И будь душой смирен и скромен!
Ведь, может быть, ты спишь и грезишь,
Хотя и кажется тебе.
Что это все не сон, а правда.

Мне кажется, что это правда,

А между тем я сплю и грежу?!
О нет! Не сплю, конечно, я;
Я понимаю, что я был
И что теперь! Я знаю, кто я.
Напрасны все твои старанья:
Уж невозможно уничтожить
Прав Сигизмунда на престол.
И если ты до этих пор
Меня держал в темнице мрачной,
То потому лишь, что не знал я,
Какие я права имею!
Теперь открылся твой обман;
Теперь я знаю, что во мне
Слилися зверь и человек[210].

СЦЕНА 7-я

Те же и Розаура (в женской одежде).

Розаура (в сторону)

---

[210] Примечания: 210

И, следовательно, Василий, который, не обращая внимания на лучшую, человеческую сторону существа С., держал его, как зверя, должен приготовиться к тому, что и Сигизмунд будет поступать с ним, как зверь. Таков, вероятно, смысл этого странного выражения: Yo soy un compuesto de hombre y fiera.

Кларин (Сигизмунду)

Сигизмунд

Розаура (в сторону)

Сигизмунд

(В сторону.)

Розаура (в сторону)

Сигизмунд (в сторону)

Розаура (в сторону)

Сигизмунд (в сторону)

(Розауре)

Розаура (в сторону)

(Сигизмунду)

Сигизмунд

Эстреллу здесь я думала найти,
Но встретиться с Астольфом я боюсь:
Астольф меня не должен узнавать.
Так, по словам Клотальдо, будет луч-ше
И так скорее честь восстановлю я.
Клотальдо доверяюсь я вполне:

Он под защиту взял и жизнь мою и честь.

Конечно, удивлялись вы
Здесь многому и многим поражались,
Но что же вам понравилося больше?

Я ничему не удивился здесь:
Все это предугадывал я раньше.
Один предмет достоин изумленья,
Лишь пред одним склониться можно в мире:
И тот предмет есть женщин красота!
Мужчина малый мир, и потому
Творцу обязан более служить,
Чем женщина, — так в книгах я прочел.
Но мнится мне, что это дело женщин:
Их красота есть маленькое небо!
Далеко до небес земле ничтожной!
Пред женщиной какая в нас краса?
Они прелестны, но прелестней всех
Красавица, которая пред нами.

Здесь принц; мне лучше будет удалить-

ся.

Постой, красавица; меня послушай!
Зачем восток соединять с закатом,
Зачем бежишь ты сразу от меня?
Ведь если мы соединим восток
С закатом солнца, свет с холодным мраком,
То сократится день; в том нет сомненья.

Но что я вижу?

Я полна сомненья,
Но верить я должна тому, что вижу.

Красавицу я эту где-то видел.

Мне кажется, что в мрачном заключеньи,
Без пышности и блеска Сигизмунда
Я видела.

Нашел я жизнь свою!

О, женщина! Ты знаешь: это имя

В устах мужчины лучшая хвала[211]
Душа моя стремится обожать
Твою красу, не ведая, кто ты?
С тобою мы встречались, я уверен,
И я твои черты отлично знаю.
Откройся мне.

Придется Сигизмунда
Уловкою невинной обмануть.

Я фрейлина несчастная Эстреллы.

Себя ты лучше солнцем назови,
А та звезда живет в твоем сияньи,
И блеск ее твои лучи рождают.
Среди цветов, в их царстве ароматном
Царицей божество прекрасной розы
Над всеми возносилось: там она,
Как лучшая, была императрицей.
Где драгоценные блистают камни,
В собрании ученом их богатств,
Алмаз был императором над всеми.

---

[211] Примечания: 211

Ср. известное стихотворение Вальтера фон дер Фогельвейде: Wip daz muoz iemer sin der wibe hohste name, т. е. женщина - это лучшее название для женщины.

В прекрасном хоре беспокойных звезд
Звезда Венеры ярче всех сияла.
И там, где солнце, в сферах совершенства,
Вокруг себя планеты собирает,
Царит оно, великий дня оракул.
Среди цветов и камней драгоценных,
Планет и звезд и знаков зодиака
Владычествует то, что лучше всех;
Так почему же меньшей красоте
Лишь ты покорствуешь, хотя ты лучше,
Прекрасней всех, ты солнце и алмаз,
Звезда Венеры, розы аромат.

СЦЕНА 8-я

Те же и Клотальдо, незаметно для других.

Клотальдо (в сторону)

Розаура

Сигизмунд

Розаура

Сигизмунд

Розаура

Сигизмунд

Розаура

Сигизмунд

Клотальдо (в сторону)

Розаура

Сигизмунд

(Слуги и Кларин уходят.)

Розаура (в сторону)

(Сигизмунду)

Сигизмунд

Клотальдо (в сторону)

(Сигизмунду)

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

(Хочет вынуть шпагу из ножен; Клотальдо удерживает его, становясь на колени.)

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Розаура

Сигизмунд

(Борются.)

Розаура

(Убегает. Клотальдо падает; входит Астольф и становится между дерущимися.)

Хочу я образумить Сигизмунда:
Ведь все же я воспитывал его.
Но что я вижу тут?

Благодарю
Вас, Государь, за ласковые речи;
Пусть риторически мое молчанье
Ответит вам: ведь если разум слаб,
То лучше, без сомненья, отвечает
Тот, кто молчит искуснее.

Останься!

Ты, значит, мне загадку разгадать
Не хочешь[212]*?*

Я прошу вас, Государь,
Позвольте мне уйти.

Зачем ты просишь?
Без просьбы позволенье ты берешь:
Решительно ты хочешь удалиться.

Когда не дашь ты позволенья мне,
Надеюсь, что сама его возьму.

Дождешься ты, что стану грубияном
С тобою я, хоть вежлив был покуда;
Пойми: мое терпение не вечно,
И для него жестокий яд — упорство.

И если яд, который пробуждает
Безумство, гнев и злобу в человеке,
Твое терпенье сможет одолеть,
Другая есть защита у меня:
Ты женщину не можешь оскорбить.

---

[212] Примечания: 212

Т. е. не хочешь объяснить мне, кто ты и как из пустыни, где я видел тебя, попала сюда?

Вот, чтобы увидать, могу ли я,
Твою красу подвергну испытаньям.
Препятствия люблю я побеждать;
То, что другим казалось невозможным,
Сегодня сделал я, с балкона сбросив
В морские волны человека; он
Мне с гордостью пред всеми говорил,
Что этого с ним сделать не придется.
Теперь хочу другое я узнать:
Смогу ль твою невинность за окошко
Я выбросить!

Как он разгорячился!
Но что мне делать, если честь свою
В опасности вторично вижу я?

Да, не напрасно было предсказанье
Стране несчастной этой, что с тобою
Придут грехи, измена, гнев и смерть.
Но правда, что и делать человеку,
Имеющему только это имя,
Бесчувственному, дерзкому и злому, —
Тирану, варвару и гордецу,

Среди зверей воспитанному!

Право,
С тобою вежлив, кажется, я был;
Мне оскорблений слушать не хотелось,
И думал я, что вежливою речью
На вежливость тебя я вызывал.
Но ты меня злодеем называешь;
Клянусь Творцом! За это мне ответишь.
Гей! слуги! Нас одних оставить здесь.
Заприте дверь, и пусть никто не входит.

Погибла я!

Послушай...

Я тиран,
Меня напрасно убеждать ты хочешь.

Какой ужасный случай!
Должен я
Безумное желанье удержать,
Хотя бы это стоило мне жизни.

Подумай, государь!

Опять ты здесь?
Ты снова хочешь рассердить меня,
Старик, безумный, дряхлый? Неужели
Так мало гнева моего страшишься,
Что вновь сюда осмелился войти?

Я подошел, услышав крики здесь,
Сказать тебе: смиряй жестокий нрав,
Когда ты хочешь царствовать над нами,
И, повелителем себя увидев,
Не будь жесток; ведь это все, быть может,
Лишь сон и греза.

Ах, как мне досадно,
Когда ты начинаешь говорить,
Что это сон, обман и заблужденье.
Убив тебя, узнаю я наверно,
Действительность ли это или сон?

Я так надеюсь жизнь свою спасти.

Прочь руку дерзкую с меча!

Пока сюда не прибежит народ

Сдержать твой гнев и дикую досаду,
Я твоего меча не отпущу.

О, боже!

Отпусти сейчас, старик,
Безумный, дряхлый, варвар, враг мой, или
Тебя я задушу.

Сюда скорее!
На помощь! Хочет он убить Клоталь-до!

СЦЕНА 9-я

Сигизмунд, Клотальдо и Астольф.

Астольф

Сигизмунд

Астольф

Сигизмунд

Астольф

(Астольф обнажает шпагу, и они дерутся.)

Клотальдо

Что здесь случилось, благородный принц?

Ужели шпага ваша оросится
Холодной кровью старика? Вложите
Свой славный меч в ножны.

Да, я вложу,
Когда он этой кровью обагрится.

Но жизнь его прибежище свое
Нашла у ног моих, и послужу
Я кое в чем ему.

С ним умереть
Готовься ты. Убив тебя, отмщу
За оскорбление твое.

Я защищаю жизнь свою и, значит,
Величества не оскорбляю.

Не оскорбляй его, о, государь!

СЦЕНА 10-я

Те же. Василий. Эстрелла и свита.

Василий

Эстрелла

Василий

Астольф

Сигизмунд

Василий

Клотальдо

Сигизмунд

(Уходит.)

Василий

(Василий, Клотальдо и свита уходят.)

Зачем обнажены здесь шпаги?

Ах!
О, горе мне! Астольфа вижу здесь!

Что здесь случилось?

Ничего, когда
Сюда пришел ты, государь.

Конечно,
Здесь не случилось ничего, хотя
Ты и пришел сюда; убить хотел я

Клотальдо.

Оскорбить его седины?!

Не забывайте, государь, они мои, —
И это все не значит ничего.

Желать безумно, чтобы уважал
Я седины! Быть может, и твои
Когда-нибудь у ног своих увижу;
Ведь я еще не отплатил тебе
За воспитание мое.

Но прежде,
Чем ты увидишь это, ты заснешь
И, пробудясь от сна, поймешь, что все,
С тобой случившееся здесь сегодня,
Как в мире бывшее, есть только сон!

СЦЕНА 11-я

Эстрелла и Астольф.

Астольф

Эстрелла

Как редко, редко лжет судьба,

Когда предсказывает горе,
И, как сомнительна для счастья,
Так для несчастия верна.
Каким искусным астрологом
Она была бы, если б ей
Всегда предсказывать несчастья!
В том нет сомненья, что они
Всегда бы так и исполнялись.
На Сигизмунде и на мне
Легко проверить вам, Эстрелла,
Правдивость слов моих; различно
Судьба относится к обоим.
Ему предсказывала гордость,
Несчастья, ужасы, убийства,
И истину во всем сказала —
Все это так и происходит;
А мне, синьора, посулила
Она блестящие лучи,
(В сравненьи с ними солнце — тень,
И небо-маленькая туча.)
Затем удачи и трофеи,
Рукоплескания и блага,

И вместе хорошо и худо
Она предсказывала мне.
Но, впрочем, правда, лишь тогда
Судьба надежною бывает,
Когда нескоро исполненье
За обещанием идет!

Не сомневаюсь я, что эти
Любезности вполне правдивы,
Но все назначены они
Другой, портрет которой вы,
Астольф, имели на груди
В день вашего приезда в Польшу.
И если так, то лишь она
Одна достойна похвалы.
Ступайте к ней — она заплатит.
Бездоказательны, ничтожны
В делах любви, перед судом,
Любезности и уверенья,
Назначенные для других
Красавиц, для других царей.

СЦЕНА 12-я

Те же и Розаура, незаметно для других.

Розаура (в сторону).

Астольф

(В сторону.)

(Уходит; Розаура приближается.)

Розаура (в сторону)

Эстрелла

Розаура

Эстрелла

Розаура

Эстрелла

Розаура

Эстрелла

(Уходит.)

Хвала Творцу! Мои несчастья
Достигли своего предела;
Кто видит это, ничего

Тому не должно уж бояться[213].

С груди моей портрет сниму,
Он должен место уступить
Твоей красе: куда — Эстрелла,
Оттуда прочь уходит тьма;
Где солнце, там погасли звезды.
Сейчас иду.

О, Розаура!
Прости мне это оскорбленье;
В разлуке вряд ли кто сумеет
Обеты верности хранить!

Я не слыхала ничего,
Боясь, что он меня увидит.

Астрея!

Я, синьора.

Мне
Приятно здесь тебя увидеть.
Одной тебе доверю я

---

[213] Примечания: 213

Т. е. кто застает своего жениха в нежных разговорах с другой женщиной, несчастия того достигли высшей точки и, вероятно, скоро начнут уменьшаться.

Секрет.

Тебе повиноваться,
Синьора, лестно и приятно.

Недолго ты живешь со мною,
Но завладеть уже сумела
Ключами от моей души.
И я тебе доверю то,
Что от самой себя скрывала.

Тебе во всем я повинуюсь.

Не буду медлить. Князь Московский,
Астольф, двоюродный мой брат,
(Сказать довольно, что он брат;
Ты знаешь, есть такие вещи,
Которые мы только мыслим,
Не смея их произнести.)
Со мною хочет сочетаться
Союзом брачным навсегда,
Когда Фортуна пожелает
За столько горестей и бед
Единым счастьем расплатиться.
И потому я огорчилась,

Увидев на груди Астольфа
В тот день, когда приехал он,
Какой-то женщины портрет;
И я заметила ему;
Он вежлив, тотчас согласился
Мне передать портрет изящный.
Теперь ушел он за портретом;
Но стыдно мне принять его;
Прошу тебя, останься здесь
И жди, когда он возвратится.
Тогда ты примешь от него
Портрет и мне без замедленья
В мои покои принесешь.
Тебе не объясняю больше:
Красива ты, умна и знаешь,
Что есть для женщины Любовь!

СЦЕНА 13-я

Розаура

О если бы не знала я!
Какая женщина, о боже!

Так осмотрительна, умна,
Чтобы помочь себе сумела
В таком ужасном положеньи?
И есть ли в мире человек,
Которому Творец жестокий
Несчастий больше посылает
И больше горестей, чем мне?
Что делать в этом затрудненьи,
Когда я вижу, невозможно
Ничем себя мне облегчить,
Ничем нельзя себя утешить!
Случилось первое несчастье,
И все, что следует за ним,
С собой несчастия приносит;
Вслед за одним идет другое,
Они наследуют друг другу;
Одно рождаясь из другого,
Они рождаются, как Феникс,
И смерть одних начало жизни
Другим, и так от пепла их

Всегда гробница горяча[214].
"Они хитры, — сказал мудрец, —
Ведь никогда поодиночке
Они нейдут за человеком".
А я скажу, они всесильны:
Они всегда идут вперед
И никогда не отступают.
Кто веял с собою их, на все
Дерзать тот может и решаться:
Пусть не боится, что они
Когда-нибудь его оставят.
Могу я это подтвердить:
Несчастья в жизни от меня
Не отставали никогда
И не отстанут до тех пор,
Пока, убитая фортуной,
В объятьях смерти не засну.
О, горе мне! О, что мне делать?
Когда откроюсь я, Клотальдо,

---

[214] Примечания: 214
По верованиям древности и Средних веков, Феникс рождается из своего собственного пепла, следовательно, самовозрождается; поэтому и гробница его всегда содержит горячий пепел, ибо из него возникает новая жизнь.

Который спас меня от смерти
И охраняет здесь меня,
Имеет право оскорбиться:
Он мне сказал, что лишь молчаньем
Возможно честь мою вернуть.
А если буду пред Астольфом
По-прежнему скрывать себя,
То как я обману его,
Когда останусь с ним вдвоем?
Обманывать стараться будут
Глаза, и голос, и слова,
Но их обман душа откроет.
Что делать мне? Но для чего,
Однако, думать мне об этом?
Ведь как бы ни старалась я,
Заботилась или хитрила,
То сделает печаль моя,
Чего она сама желает.
Никто не властен над страданьем!
И если не могу решиться
Исполнить то, чего хочу,
То пусть придет мое страданье

Сегодня к своему пределу,
Дойдет путь горе до конца,
Пусть кончатся сомненья разом
И все случайности несчастья!
Но что бы ни было, о Боже,
Ты помоги мне, помоги!

СЦЕНА 14-я

Розаура и Астольф, с портретом в руках.

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

(Старается вырвать портрет.)

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

Астольф

Розаура

(Оба стараются завладеть портретом.)

Синьора, вот портрет, берите.
Но, боже...

Что случилось с вами?
Что вас смущает, государь?

Смущен тебя я видеть здесь,
Твой голос слышать, Розаура.

Я Розаура? Вы ошиблись
И, без сомненья, за другую
Меня вы приняли. Но здесь
Пред вами фрейлина Астрея,

И, кажется, она не стоит,
Чтоб вы смущались из-за ней.

К чему обманы, Розаура?
У нас душа не может лгать;
Хотя я вижу здесь Астрею,
Тебя люблю как Розауру.

Не понимаю, государь,
И что ответить вам, не знаю;
Скажу я только, что Эстрелла,
Которую назвать возможно
Звездой Венеры, приказала,
Мне подождать вас здесь немного
И передать вам от нее,
Чтоб вы мне отдали портрет, —
Какой портрет, известно вам, —
А я ей отнесу его.
Эстрелла этого желает,
Повиноваться я должна;
Ее желание исполню,
Хотя бы и во вред мне было.

Ты делай большие усилья,

Но не обманешь и тогда.
Очам скажи ты, Розаура,
Чтобы они согласовали
С словами музыку свою;
А то фальшивит инструмент,
Когда он сильно так расстроен
И все же хочет выдавать
За гармонические звуки
Соединенье лжи и правды,
Той лжи, что громко произносит,
Той правды, что сокрыта в сердце.

Я говорю вам лишь одно:
Позвольте мне портрет.

Ты хочешь
Обман продолжить до конца?
Изволь, обманом я отвечу.
Астрея, передай инфанте,
Что я глубоко уважаю
Ее достоинства; и если
Она портрет прекрасный просит,
Мне кажется неделикатным

Послать ей именно портрет;
Я ей пошлю оригинал,
И пусть она его оценит:
Портрет ничтожен перед ним.
Оригинал снести ты можешь,
Его всегда с тобой ты носишь:
Сама ты тот оригинал.

Когда желаем получить
Одно, а нам дают другое,
Хотя ценой и подороже,
Мы остаемся недовольны,
Себя мы чувствуем в обиде.
К тебе пришла я за портретом,
А ты даешь оригинал,
И пусть дороже стоит он,
Но без того, о чем просила,
Досадно будет мне уйти.
Итак, позвольте мне портрет,
А если нет, я ждать останусь.

Но если я не дам его,
Так что же? силою возьмешь?

Да, силой я возьму его!

Отдай его, неблагодарный!

Увы, напрасные старанья!

Клянусь Творцом, что не увидят
Его у женщины другой.

Ужасна ты!

А ты изменник!

О Розаура ты моя!

Что, я твоя? Ты лжешь, негодный!

СЦЕНА 15-я

Те же и Эстрелла.

Эстрелла

Астольф (в сторону)

Розаура (в сторону)

(Эстрелле)

Астольф (Розауре)

Розаура

Эстрелла

Астольф

Эстрелла

Розаура

Эстрелла

Розаура

Эстрелла

Розаура (в сторону)

(Уходит.)

Что это значит, господа?

Эстрелла здесь.

О пусть любовь
Мне даст уменье получить
Портрет!

Когда хотите вы,
Могу сказать я вам, в чем дело.

Что замышляешь ты?

Велели
Вы мне Астольфа дожидаться

И от него принять портрет.
Я остаюсь, и так как мысли
Легко влекут одна другую,
То я, поговоривши с вами
Лишь за минуту о портретах,
Припомнила, что у меня
В кармане свой портрет лежит.
Я захотела посмотреть
Его (легко ведь человек,
Когда один он, предается
Пустым занятиям), и вдруг
Нечаянно из рук моих
Портрет мой на ковер упал.
Астольф, который в это время
Принес красавицы портрет,
Его, должно быть, пожалел
И заскупился; мой портрет
Он поднял с полу и в награду
За свой подарок хочет взять.
Ты видишь, он схватил его,
И убеждением и просьбой
Я не могла его вернуть,

И вот в досаде, в нетерпеньи,
Я свой портрет отнять решила.
И тот портрет, который держит
В своих руках он, это мой,
И ты сама легко увидишь,
Что он походит на меня.

Астольф, позвольте мне портрет.

Синьора...

Да, черты лица
Одни и те же.

Разве это
Не мой портрет?

Твой, без сомненья.

И так другого требуй ты.

Свое бери ты и ступай.

Теперь я свой портрет вернула;
Пусть будет далее, что будет.

СЦЕНА 16-я

Эстрелла и Астольф.

Эстрелла

Астольф (в сторону)

(Эстрелле.)

Эстрелла

(Уходит.)

Астольф

(Уходит.)

Теперь позвольте мне портрет,
Который я у вас просила;
Хоть я решила навсегда
Расстаться с вами, не хочу,
Чтоб он у вас в руках остался,
Уж если я имела глупость
Его однажды попросить.

Ах, как бы извернуться мне!

Хотя готов я всей душою

Служить, повиноваться вам,
Я не могу отдать портрета,
Который просите, синьора.

Ну да, конечно, кавалер
Ты грубый и неделикатный!
Не нужно мне его, не нужно,
А то, пожалуй, ты напомнишь,
Когда я получу портрет,
Что я тебя о нем просила.

Постой, послушай, подожди!
Будь проклята ты, Розаура!
Откуда, как и для чего
Сюда приехала ты в Польшу,
Сгубить меня, сгубить себя?

СЦЕНА 17-я

Темница Сигизмунда в башне. Сигизмунд, как в начале пьесы, в звериной шкуре и в цепях, лежит на земле. Клотальдо, двое слуг и Кларин.

Клотальдо

1-й слуга

Кларин

Клотальдо

(Слугам)

Кларин

Клотальдо

Кларин

Клотальдо

Кларин

(Слуги уводят Кларина.)

Здесь вы положите его;
Где началася его слава,
Там пусть и кончится.

И цепь
По-прежнему я привяжу.

Не просыпайся, Сигизмунд,
Затем, чтобы увидеть здесь,
Как жребий твой переменился:
Вся слава прахом разлетелась.
Она была лишь тенью жизни

И смерти пламенем[215].

Тому,
Кто так искусно рассуждает,
Мы приготовим помещенье,
Где невозможна болтовня.

Его схватите и заприте
В другой темнице, поскорей.

За что?

Кларин, который знает
Такие тайны, должен быть
В темнице мрачной заключен,
Чтобы не мог звучать[216].

Да разве
Отца убить я замышляю?
Да разве бросил за окно
Икара я в миниатюре?
Я сплю иль грежу? Для чего

---

[215] Примечания: 215

Эти слова Кларина служат как бы прологом к глубоко трогательным сц. 18-й и 19-й. Ср. Жуковского "Слава, нас учили, дым!".

[216] Примечания: 216

Напомним, что имя "Кларин" значит "рожок". Ред.

Меня вы тащите в темницу?

Но ты — Кларин.

Я говорю,
Что лучше буду я корнетом,
Наигрывать не стану песен.
Когда не нравятся они.

СЦЕНА 18-я

Входит Василий, переодетый. Клотальдо и Сигизмунд (спит).

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Сигизмунд (во сне)

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

Сигизмунд (во сне)

(Просыпаясь)

Василий (Клотальдо)

(Отходит в сторону.)

Сигизмунд

Клотальдо

(Сигизмунду.)

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо (в сторону)

(Сигизмунду.)

(Уходит.)

Клотальдо...

Государь, вы здесь?!
И странно так одеты вы?

Безумно наше любопытство!
Хочу я знать, что с Сигизмундом
Происходить в темнице будет,
И потому переоделся,
Чтоб не узнал меня никто.

Вы видите, что снова здесь
Он в прежнем жалком положеньи!

О принц несчастный! в горький час
Родился ты. Ступай, Клотальдо,
И разбуди его, пора!
А то от сонного напитка
Он силу потерял и сам
Не скоро, может быть, проснется.

Он неспокоен, государь,

И говорит все...

Подожди!
Послушаем, о чем он грезит.

Любви достоин государь,
Который отомстит тиранам.
От рук моих умрет Клотальдо,
Отец мне ноги поцелует.

Он смертью угрожает мне.

А мне жестокостью, позором...

Меня лишить он хочет жизни.

Меня — склонить к своим ногам.

Пусть на широкой сцене мира
Увидят люди нашу доблесть,
Которой в мире равной нет,
И пусть мое узнают мщенье,
И пусть увидят Сигизмунда
Триумф достойный над отцом.

Но где я? Где? И что со мною?

Меня не должен видеть он;
Ты знаешь сам, что нужно делать.

Его оттуда буду слушать.

Случайно что ли я захвачен,
Закован в цепи и себя
В таком ужасном месте вижу?
Иль эта башня есть гробница?
Должно быть так! О Боже, Боже!
Что только видел я во сне!

Теперь я должен подойти,
Растолковать ему все дело.

Как, разве уж пора вставать?

Да, кажется, пора, Клотальдо.

Должно быть, хочешь целый день
Ты спать; с тех пор, когда я начал
Следить за медленно летящим
Орлом и здесь тебя оставил,
Неужели ты не просыпался?

О нет! Да и теперь еще,
Мне кажется, я не проснулся:
Насколько я могу судить,
Теперь я сплю еще, Клотальдо;

И, вероятно, это правда.
Ведь то, что видел я во сне,
Так было ясно, несомненно...
Быть может, то, что вижу, — сон!

Скажи мне, что во сне ты видел?

Ты называешь это сном!..
Но я скажу тебе, Клотальдо,
О том, что видел я очами,
А не о том, что только грезил.
О как жестоко я обманут!
Заснув в темнице, я проснулся
На ложе пышном и богатом;
По красоте и по убранству
Его сравнить возможно было
С благоухающим ковром
Цветов, рукой весны сотканным.
Там знатных тысячи людей,
Вокруг почтительно склонясь,
Меня царем своим назвали,
И пышной, царскою одеждой
И драгоценными камнями

Они украсили меня.
Моя душа была спокойна,
Но ты в восторг меня привел,
Когда сказал, что, несмотря
На прежние мои страданья,
Всегда был польским принцем я.

Ты одарил меня за это?

Нет, не совсем-то одарил,
Но, как изменника, тебя
Два раза я хотел убить.

За что же эта мне суровость?

Над всеми я повелевал,
Всем за себя хотел отмстить.
Одну лишь женщину любил,
И только это было правда:
Все, что там было, все исчезло,
Но не исчезла та любовь!

Слова его услышав, царь,
Растроганный, уходит прочь.

Мы об орле здесь говорили,

И потому немудрено,
Что власть увидел ты во сне;
Но и во сне бы не мешало
Любить и почитать того,
Который воспитал тебя
С таким терпеньем, Сигизмунд.
Всего разумней и вернее
Поступок добрый и во сне.

СЦЕНА 19-я

Сигизмунд один.

Сигизмунд

Да, правда! Мы должны смирить
Честолюбивые порывы
И буйный и жестокий нрав,
Когда мы в самом деле спим
И жизнью нашей только грезим.
Так мы и будем поступать,
В чудесном мире пребывая,
Где наша жизнь есть только сон.
Ведь опыт научил меня,

Что люди в этом мире спят
И грезят жизнию своей,
Пока от сна не пробудятся!
Царь спит и грезит, что он царь;
В обмане этом он живет,
Повелевая, управляя;
Взаймы дана ему хвала:
Она написана на ветре.
Увы! Царя в прах обратит
Царица смерть! о жалкий жребий!
И кто же царствовать захочет,
Когда он знает наперед,
Что в смертный час проснется он?
Богач своим богатством грезит,
Богатством, что полно забот,
Но также грезит и бедняк,
Терпящий нищету и голод.
Кто начинает наживаться,
Кто утомлен и жаждет счастья,
Кто оскорбляет и вредит, —
Все эти люди спят и грезят.
Ну, словом, грезят в мире все,

Хотя никто не замечает.
И сам я сплю и сам я грежу,
Что заключен в темнице я,
И грезил лишь, когда увидел
Себя в блистании царя!
Что наша жизнь? Одно безумье!
Одна иллюзия она,
Она лишь тень, мечты созданье,
И в ней великое ничтожно.
Вся наша жизнь лишь сновиденье,
И сновиденья также сон[217].

---

[217] Примечания: 217

Этот монолог интересно сравнить с 5 I книги 1-ой части сочинения Ар. Шопенгауэра "Die Veit als Wille und Vorstellung" (по изданию Гризебаха, т. 1, с. 45-52), где приводятся соображения в пользу мысли, что весьма трудно различить жизнь ото сна; там же Шопенгауэр приводит цитаты из разных поэтов на тему: "жизнь есть сон". К ним можно прибавить след, место и Bernardin de St. Pierre, Paul et Virginie: "Pourquoi douter des songes? La vie, remplie de tant de projets passagers et vains, est eile autre chose qu'in songe?"; и еще отрывок из прелестного стихотворения Вальтера фон дер Фогельвейде:

Ist mir min Leben getraumet oder est ez war?
Dar nach han ich geslafen und enweiz ez nicht;
Nu bin ich erwachet und ist mir unbekant
Daz mir hie vor was kundic als min ander Hant.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
СЦЕНА 1-я

Башня, в которой заключен Кларин.

Кларин

Сижу в проклятой башне я,
Сижу за то, что мне известно;
Что ж сделают они со мною
За то, чего не знаю я,
Когда за то, что мне известно,
Они убить меня хотят?
Но если даже жить оставят,
То я от голода умру!
Я самого себя жалею;
И скажут все: "Тебе мы верим".
И этому легко поверить,
Когда никак несогласимо
Молчанье с именем моим:
Кларин — молчать я не могу.
Мои товарищи здесь — крысы
И пауки; а как поют!

Что сладкозвучные щеглята!
От сновидений этой ночи
Полна Кларина голова
Гобоев тысячью и труб;
И в ней процессии, кресты,
Толпы бичующихся в ней:
Одни спускаются, другие
Идут наверх; одни дрожат,
Кровь на других увидев[218]*, я же*
Дрожу лишь только от того,
Что голоден; в темнице тесной
Я заключен и днем читаю
Философа я Никомеда,
А в ночь беседую с Ниценом[219]*.*
И если новый календарь
Признал "молчанье" за святого,
"Святой Секрет" — патрон мой верный,

---

[218] Примечания: 218

Словом, у Кларина голова "трещит", и ему снилась всякая бессмыслица.

[219] Примечания: 219

В подлиннике игра слов: Nicomedo и Niceno могут значить "неедящий" и "неужинающий", т. е. Кларин ничего не ест.

Которому служу я ныне
Постом, а не весельем. Впрочем,
Вполне я кару заслужил:
Молчал я, будучи слугою.
А это грех, великий грех!

СЦЕНА 2-я

Кларин и солдаты.

1-й солдат (за сценой)

Кларин

1-й солдат (за сценой)

(Выходят на сцену.)

2-й солдат

Кларин

Все

Кларин (в сторону)

1-й солдат

Все

Кларин (в сторону)

Солдаты

Кларин

2-й солдат

Кларин

1-й солдат

Кларин

2-й солдат

Все

Кларин (в сторону)

Он в этой башне; дверь ломайте;
Войдемте все.

Хвала Творцу!
Меня отыскивают люди,
Когда сказали, что я здесь.
Что нужно им?

Войдемте в башню.

Он здесь.

Не здесь.

О государь!

Не в белой ли они горячке?

Ты наш природный государь,
Другого допустить не можем:
Не нужен принц нам иностранный.

Да здравствует наш государь!

Постой, здесь дело не на шутку!
Обычай в этом царстве есть,
Чтоб каждый день кого-нибудь
Царем поставить надо всеми
И после тотчас возвратить
Его в темницу. Это верно,
Я это вижу каждый день,
И эту роль, как видно, нынче
Разыгрывать придется мне!

Дай ноги нам поцеловать.

Мне самому они нужны,
И их отдать вам не могу я;
Не правда ль, очень неприятно
Безногим государем быть?

Мы твоему отцу сказали,

Что государем мы признаем
Тебя лишь, а не москаля.

Но как же должного почтенья
Отцу не оказали вы?
Вы, значит, просто негодяи.

Закон мы грудью защищали.

Когда закон, прощаю вас.

Иди же с нами возвратить
Себе империю свою!
Да здравствует король наш славный!

Да здравствует наш Сигизмунд!

Как Сигизмунд? Ну что ж, отлично:
Всех принцев, выбранных на сутки,
Здесь Сигизмундами зовут.

СЦЕНА 3-я

Те же и Сигизмунд.

Сигизмунд

Кларин (в сторону)

1-й солдат

Сигизмунд

2-й солдат

Кларин

1-й солдат

Голоса за сценой

Сигизмунд

2-й солдат

Сигизмунд

2-й солдат

Сигизмунд

(В сторону.)

Кто Сигизмунда призывал?

Так, значит, принц я только в шутку!

Вы Сигизмунд?

Да, это я!

Так как же, дерзкий ты дурак,
Ты смел назваться Сигизмундом?

Себя я назвал Сигизмундом?

Неправда, нет! скорее вы
Осигизмундили меня[220]*!*
Выходит, вы и дураки,
И дерзок ваш поступок странный.

По всем приметам заключаем,
Что ты и есть наш Сигизмунд,
И, полагаяся на них,
Открыто мы провозглашаем
Тебя законным государем.
Отец твой, наш король Василий,
Боясь, что предсказанья неба
Исполнятся когда-нибудь
И что, тобою побежденный,
К твоим ногам склонится он,
Тебя задумал беззаконно
Лишить короны и престола
И передать Астольфу их.
В собраньи знатных он сбирался
Постановить уже решенье,
Но верный твой народ, проведав

---

[220] Примечания: 220
В подлиннике: vosotros fuisteis los que - me segismundeasteis.

О их намереньях преступных
И зная, что король законный
У Польши есть, не хочет, чтобы
Повелевал им иностранец.
Презрев веления судьбы
Немилосердной и жестокой,
Он отыскал тебя в темнице.
Оставь же башню заключенья;
При помощи его оружья
Ты власть свою верни и скипетр,
Коли тебе удастся их
Отнять у гордого тирана.
Иди же с нами. Там в пустыне
Тебя приветствуют плебеи,
Тебя приветствуют бандиты[221]*!*
Свобода ждет тебя. Послушай
Ты клики радостные войска.

Да здравствует наш Сигизмунд!

Хотите вы, чтоб снова я

---

[221] Примечания: 221

"В устах восставших слово "bandidos" правильнее было бы перевести "повстанцы". - Ред.

Величие во сне увидел
И снова не нашел его,
Когда наступит пробужденье?
Опять хотите вы заставить
Меня среди видений странных
Величием и блеском грезить,
Которые, как прах от ветра,
Рассыплются? О Боже, Боже!
Я должен снова обмануться,
Опять увидеть, как ничтожны
Могущество и власть людей?!
Довольно этого, довольно!
Я подчиняться не хочу
Своей фортуне; я ведь знаю,
Что наша жизнь есть только сон.
Ступайте прочь! Вы только тени,
И чувства мертвые мои
Вы обольщаете сегодня,
Мне представляя, будто есть
У вас тела и голоса,
Тогда как в самом деле нет
У вас ни голоса, ни тела!

Ступайте прочь! Не нужно больше
Величья ложного! Не нужно
Мне фантастического блеска!
Подует утром ветерок,
Они рассыплются, погибнут,
Как и миндальника цветы,
Хотя роскошно расцвели,
Теряют нежную красу
Своих пахучих лепестков,
Далеко в поле разносимых
Дыханьем легким ветерка!
Я знаю вас, отлично знаю:
Ведь с вами происходит то,
Чему подвержен всякий спящий;
Но обольщений для меня
Уж нет: глазам обман открылся,
И знаю я, что жизнь есть сон.

Когда обман подозреваешь,
То обрати глаза свои
К горам великолепным этим:
Увидишь ты, что ожидает
Тебя народ, во всем готовый

Тебе повиноваться.

Я
Народ такой и прежде видел
Так ясно и определенно,
Как вижу я его теперь, —
И это было только сон.

Нередко важные событья
Нам предвещаются во сне;
Случилось это и с тобою,
Когда во сне ты все уж видел.

Пожалуй, было предвещенье!
И если в самом деле так,
Душа моя, погрезим снова:
Ведь наша жизнь так коротка!
Но грезить будем мы с тобою
Внимательно и осторожно,
Затем, что можем мы проснуться
Тогда, когда всего дороже
Нам будут эти наслажденья.
Когда разумно поступаем,
То меньше разочарованья;

И если примем меры раньше,
То над несчастьем посмеемся.
И если даже не во сне
Я снова счастьем наслаждаюсь,
То все ж не должен забывать,
Что наша власть взаймы дана,
И нам ее вернуть придется
Тому, кто нам дает ее;
И это зная, без смущенья
Дерзнем на все! Сюда, вассалы!
За преданность спасибо вам!
Во мне найдете человека,
Который смело и спокойно
От рабства чужеземцу вас
Освободит. Теперь к оружью!
Теперь узнаете вы скоро
Мою великую отвагу.
Против отца я поднял меч;
Да, небо истину сказало:
У ног своих отца увижу...

Но если раньше ты проснешься,
Не лучше ль умолчать о том,

Что, может быть, и не свершится?

СЦЕНА 4-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

(в сторону)

Кларин

(Уходит.)

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

Клотальдо

Сигизмунд

(В сторону.)

(Солдатам.)

Клотальдо

(Уходит.)

Сигизмунд

(Все уходят; играет музыка.)

Что значит этот шум? О боже!..

Клотальдо...

Государь...

На мне
Свою испробует жестокость.

Бьюсь об заклад, что старика
С горы он спустит.

Государь,
К твоим ногам склоняюсь я
И знаю — смерти час настал.

Нет, встань с земли, старик, скорее!
Моим наставником, вождем
Ты будешь; на тебе успех
Надежд моих теперь основан.
Я знаю, что тебе обязан
Я воспитанием своим.
Дай руку мне!

Что говоришь ты?

Я сплю и грежу! И хочу
Творить добро: ведь и во сне
Не должно случая терять
Творить добро, когда возможно.

И так ты взял своим девизом
Творить добро и потому
Ты, государь, не оскорбишься,
Когда увидишь, что Клотальдо
Сегодня делать хочет то же.
Идешь войной ты на отца;
Тебе я не могу советов
Давать, ни помогать тебе.
К твоим ногам склоняюсь я,
Убей меня!

Неблагодарный,
Изменник грубый!

Но я должен
Умерить пыл своих страстей:
Ведь я еще не знаю — сплю я
Или проснулся уж совсем!

Клотальдо, мне весьма завидно
Такую твердость видеть в вас;
Она приятна мне. Ступайте,
Служите государю; с вами
Увидимся на поле битвы.

А вы беритесь за оружье.

Синьор, благодарю тебя.

Мы царствовать идем, фортуна!
Когда я сплю глубоким сном,
Не пробуждай меня напрасно;
Но если это все не греза,
Тогда не усыпляй меня[222].
Но будь то правда или сон,
Творить добро — вот наш закон:
Когда не грезим — для того,
Чтобы добро царило в мире,
А если грезим, то затем,
Чтобы тогда иметь друзей,

---

[222] Примечания: 222
Т. е., если все это правда, не разрушай моего счастья.

Когда минует сладкий сон[223].

СЦЕНА 5-я

Зал в царском дворце. Василий и Астольф.

Василий

Астольф

(Уходит.)

Василий

Какой благоразумный человек
Смирить сумеет бешенство коня,
Удила закусившего? Кто сможет
Остановить свободный бег ручья,
Который без удержу мчится в море?
Астольф, скажи мне, кто громадный камень,
С горы летящий, в силах удержать?
Но все это смирить гораздо легче,

---

[223] Примечания: 223

В этих словах заключается как бы программа нравственной деятельности человека: если жизнь не сон, тогда надо в ней бороться за правду и расширять ее господство на земле; а если жизнь сон, то и тогда надо творить добро, ибо, еде бы мы ни проснулись, лучше проснуться с чистой совестью.

Чем гнев и бешенство толпы народной.
Разносится стоустая молва:
Ты слышишь, партии в стране явились,
В горах пустынных эхо раздается,
Одни Астольф! другие Сигизмунд!
Кричат; а трон, присягой освященный,
Театром стал кровавым, на котором
Трагедию разыгрывает рок.

На время пусть исчезнет то веселье,
Замолкнет пусть рукоплесканий гром,
Которые сулила мне твоя
Счастливая рука! Ведь если Польша,
Которой я повелевать надеюсь,
Отказывает мне в повиновеньи
Сегодня, то причина мне ясна:
Сам должен Польшу заслужить мечом я!
Подайте мне коня; и пусть скорее
Блеснет, величья полный, луч, и гром
Ударит вслед за ним.

Борьба напрасна,
Когда чему-нибудь свершиться долж-

но,

И риск велик против того бороться,

Что ранее назначено судьбой;

И если что-нибудь должно случиться,

То уж его никак не миновать.

Кто убежать стремится от несчастья,

Тот раньше всех несчастье испытает[224].

О злое бедствие! Ужасный случай!

Опасности хотел я избежать,

И сам призвал я беды на себя!

И тем себя я должен погубить,

Чего я более всего страшился,

Да, сам отечество я погубил.

СЦЕНА 6-я

Василий и Эстрелла.

Эстрелла

---

[224] Примечания: 224

Василий отступает от своего убеждения, что "человек сильнее звезд", выраженного им выше (действие II).

Когда не думаешь ты, государь,
Сам обуздать мятеж, который всюду
На улицах и площадях, увидишь
Ты царство Польское в волнах кровавых,
В крови сынов своих; уж и теперь
Повсюду кровь, страдание и ужас!
Так велико империи крушенье,
Так велики убийства и раздор,
Что горестно очам смотреть на них,
И уху горестно о них услышать.
В смущеньи солнце, ветер затруднен;
Надгробной пирамидой каждый камень
Вздымается; в полях цветок стоит
Как памятник; дом каждый есть гробница,
И каждый воин лишь живой скелет.

СЦЕНА 7-я

Те же и Клотальдо.

Клотальдо

Василий

Клотальдо

Василий

(Уходит.)

Эстрелла

(Уходит.)

Хвала Творцу, что я живым могу
Упасть к твоим ногам.

Скажи, Клотальдо,
Где Сигизмунд?

Толпа, как дикий зверь,
Чудовище, сорвавшееся с цепи,
В темнице Сигизмунда отыскала
И вывела его на божий свет.
А он, себя увидев вновь свободным,
В поход отправился как храбрый воин
И объявил народу и войскам,
Что он докажет верность предсказаний,
Которые имеются о нем.

Подайте мне коня; хочу я сам
Сразить неблагодарного, наука
Моей короны защитить не может;
Поправить дело должен добрый меч.

Я возле солнца буду там Беллоной,
Поставлю рядом наши имена,
Я поднимусь на крыльях распростертых
И в храбрости с Палладою поспорю.

СЦЕНА 8-я

Розаура входит и останавливает Клотальдо.

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

Клотальдо

Розаура

(Уходит.)

Клотальдо

(Уходит.)[228]

Хотя я знаю, доблесть сердца
Тебя зовет на поле битвы,
Теперь, когда война пылает,
Однако выслушай меня.
Ты знаешь сам, с каким позором,
Кем оскорбленная жестоко,
Приехала я в Польшу. Здесь
В тебе нашла я состраданье:
Ты под защиту взял меня.
По приказанью твоему,
Переодевшись, я осталась
Среди придворных дам, и ревность
Свою скрывала, и Астольфа
Оберегалась, как сказал
Ты мне; но вот беда случилась:
Астольф узнал меня вчера
И, несмотря на то, что здесь я,

---

[228] Примечания: 228

Вся эта скучная сцена служит ярким примером, в какие рассуждения, построенные по всем правилам логического искусства, пускаются герои и героини Кальдерона.

<Это примечание обнаруживает то восприятие барокко и классицизма, которое существовало в XIX в. - Ред.>

Как бы в насмешку надо мною,
В саду свиданье назначил
Эстрелле; я достала ключ
От сада; ты войдешь туда
И там с моей печалью кончишь[225].
Там можешь смело и спокойно
Ты честь мою восстановить,
Когда решился в самом деле
Отмстить Астольфу за меня.

Да, правда, встретившись с тобою,
Я был твоей печалью тронут
И обещал тебе все сделать,
Что буду в силах, Розаура.
Я посоветовал тебе
Мужской наряд немедля снять
И план оставить безрассудный
Своей неопытной рукою
Отмстить Астольфу за обиду.
А сам я думал в это время.
Как честь твою восстановить,

---

[225] Примечания: 225
Т. е. убьешь Астольфа и восстановишь мою честь.

И даже не страшился мысли
Убить Астольфа: так хотелось
За честь твою вступиться мне.
Безумный замысл старика!
Но оправдаться я могу
И пред собой и пред другими
Хотя немного в том безумьи!
Я мог Астольфу отомстить:
Он не был королем моим[226].
Но все теперь переменилось:
От мести дикой Сигизмунда
Я был спасен рукой Астольфа!
Он защищал меня так храбро,
Что безрассудною отвагой
Назвать его поступок можно.
Могу ли я убить Астольфа,
Который спас меня? Подумай!
Того, кто даровал мне жизнь,
Убить? Ты видишь, между вами

---

[226] Примечания: 226

См. примеч. 28 на с. 565. Francisco de Rojas Zorrilla написал свою знаменитую драму "Del rey abajo, ninguno" ("Кроме короля никто") на тему, что оскорбления можно прощать только королю.

Разделена душа моя:
Что дал тебе я, Розаура,
То сам я принял от Астольфа.
На что решиться, я не знаю.
Кому помочь? Я обязался
За оскорбленье Розауры
Тому отмстить, кому обязан
Спасеньем жизни я своей!

Тебе доказывать не нужно,
Что для великого героя
Давать настолько благородно,
Насколько низко принимать.
И если ты согласен с этим,
За что тебе благодарить
Астольфа? За спасенье жизни?!
Его подарок жизнь твоя,
Тебе обязана я жизнью.
И так ты видишь, он заставил
Тебя позорно поступить,
А я позволила тебе
Великодушное деянье
Свершить; ты оскорблен Астольфом,

А мне обязан, если мне
Дал то, что от него сам принял.
И так подумай обо мне,
Отмсти Астольфу за меня;
Ведь я настолько больше прав
Имею на твою защиту,
Чем он, насколько выше делать,
Чем получать благодеянье.

Согласен я, что благородство
На стороне того, который
Дает; но благодарным быть
Обязан тот, кто получает.
И так как я умел давать,
То, с детства честный человек,
Могу я смело называться
Великодушным, Розаура.
Позволь мне благодарным быть!
Я был с тобою щедр, дитя;
Ты знаешь, щедрость — добродетель;
Но той же чести я достигну,
Когда я буду благодарен.

Жизнь от тебя я получила;
Но ты, Клотальдо, мне сказал,
Когда от смерти спас меня,
Что жизнь позорная — не жизнь.
И так ты видишь, ничего
Я от тебя не получила,
И жизнь моя не есть твой дар.
Сперва ты хочешь щедрым быть
И уже после благодарным,
Как сам сейчас ты говорил.
Верни мне жизнь мою, которой
Я от тебя не получала.
Давать нас больше возвышает,
И потому сперва будь щедрым,
Тогда заслужишь благодарность.

Твоею речью побежденный,
Дитя, сперва я буду щедрым:
Тебе отдам свое богатство,
И ты живи в монастыре[227].

---

[227] Примечания: 227
Обычный исход несчастной любви; в монастырь, напр., собираются идти донья Мария (Gustos y disgustos son no mas que imagination) и Доротея (Nina de Gomez Arias).

Обдумал я все это дело
И середину в нем избрал.
В святое место удаляясь,
Ты убегаешь от грехов!
Теперь подавлено бедами
Все государство; я не буду
Как благородный человек
Несчастий этих умножать;
Избрав такое средство, я
Не изменяю государству;
К тебе я щедр и благодарен
Астольфу... Потому скорее
Ты выбирай, дитя, что хочешь;
Иначе я не поступлю,
Хотя бы был твоим отцом!

Когда б ты был моим отцом,
Снесла бы я обиду эту;
Теперь же не могу снести...

Но что же хочешь делать ты?

Убить Астольфа.

Ты, девица,

Отец которой неизвестен,
Дерзнешь ли ты на это?

Да.

Откуда мужество твое?

За честь я мщу.

Астольф, подумай...

Всего дороже честь моя!

Твой государь, супруг Эстреллы.

Ее супругом он не будет.

Безумье это...

Знаю я.

Смири его.

Нет, не могу.

Погубишь ты...

Я это знаю.

И жизнь и честь.

Охотно верю.

Тогда к чему же ты стремишься?

К чему стремлюсь? Ищу я смерти.

Подумай, это ведь безумье.

Нет, это честь.

Ведь это дикость.

Отвага это.

Ты безумна.

А ты забыл мою обиду.

Скажи, ужели средства нет
Против твоей безумной страсти?

Нет средства!

Кто ж тебе поможет?

Сама я!

Нет другого средства?

Нет средства!

Есть пути другие.

Не все равно ли, как погибнуть?

Когда погибели ты ищешь,
Так подожди же, дочь моя:

Идем и все погибнем вместе.

СЦЕНА 9-я

Поле. Сигизмунд, одетый в звериную шкуру; солдаты проходят. Кларин. Музыка.

Сигизмунд

(Слышен рожок.)

Кларин

Сигизмунд

Кларин

(Уходит.)

Сигизмунд

О если бы сегодня Рим великий,
Во дни своих триумфов над вселенной,
Меня увидел! Мужеством моим
Он восхитился бы и во главе
Полков своих меня бы он поставил!
И храбрости моей, казалось бы,
Не трудно небесами завладеть.
Но для чего вздымаешь паруса,

Душа моя? Безумная отвага
Мой блеск и славу может погубить,
И тяжело мне будет, просыпаясь,
Понять, что сам все это потерял я!

Там кто-то мчится на коне чудесном!
Простите, принц, но этого коня
Хочу я вам представить описанье.
Легко его принять за карту мира:
Земля есть тело бурного коня,
Огонь — душа, которая в груди
Его; белеющая пена — море,
А воздух есть дыхание его.
Все элементы в нем соединились,
И в нем, как в хаосе, слилися вместе
Огонь и воздух, море и земля —
Его душа, дыханье, пена, тело.
По яблокам, пестреющим на шерсти,
Его удобно шпорой ударять.
Не скачет он, как ветер, он летит,
И, кажется, в воинственном наряде
Красавицу подвозит он сюда.

Меня ее блистанье ослепляет.

Хвала Творцу! Я вижу Розауру.

Сам бог ее мне возвращает[229].

СЦЕНА 10-я

Розаура, в пастушеском наряде, со шпагой и кинжалом. Сигизмунд. Солдаты.

Розаура

Сигизмунд (в сторону)

(Солдатам.)

Розаура

Сигизмунд

(Уходит, и солдаты с ним.)

Розаура

О, благородный Сигизмунд!
Твое величие восходит
Как яркий день из мрака ночи.
В объятьях пламенных Авроры

---

[229] Примечания: 229
Потому что Розаура и есть та женщина, которую любит Сигизмунд.

Забудет солнце труд дневной
И с прежней силою блистает
Поутру розам и растеньям,
И над горами и морями
Короной царскою сверкая,
И разливая ровный свет,
Вершины гор в сияньи топит,
И разноцветными шелками
Морскую пену расшивает.
Так новый день, о солнце Польши,
И ты под миром занимаешь!
Ты бедной женщине поможешь,
К ногам твоим с мольбой упавшей.
Кто храбр и сердцем благороден,
Тот должен женщине помочь;
А если женщина несчастна,
Тогда двойное основанье
Дает ей право на защиту.
Три раза видел ты меня
И трижды ты не знаешь, кто я!
В одежде новой каждый раз
Являлась я перед тобою!

Сперва в твоей темнице мрачной,
Где горькие твои страданья
Мне послужили утешеньем,
Меня за рыцаря ты принял.
Потом ты восхищался мною
Как женщиной, в тот день, когда
Весь блеск величья твоего
Был только сном, мечтаньем, тенью.
Сегодня видишь в третий раз;
И я чудовищем кажусь,
Соединением двух природ:
Одежду женщины на мне
Оружье мужа украшает.
И чтоб, проникшись состраданьем,
Ты лучше защитил меня,
О горестной моей судьбе
Рассказ печальный ты прослушай.
Я при дворе князей Московских
От знатной матери родилась;
Как все несчастные, она
Была красавицей прелестной.
Там на нее свое вниманье

Один изменник обратил...
Кто он, сказать я не могу,
Не знаю имени его,
И только в храбрости моей
Найдешь ты отблеск, может быть.
Величия его души.
Когда бы жили мы еще
Во дни языческих богов,
То я сказала бы тебе,
Что это был Зевес могучий,
Спускавшийся златым дождем
К Данае, к Леде прилетавший
Как лебедь белый, и Европу,
Как бык, унесший по волнам.
Казалось мне, что свой рассказ
Я замедляю без нужды
Мифологической прикрасой.
Но нет! ты понял сам теперь,
Что с матерью моей случилось.
К его любовным увереньям
Свой слух склонила мать моя,
И, будучи прекрасней всех,

Она, как все, несчастна стала.
Он клялся быть ее супругом,
Она поверила ему,
Он обманул, и до сих пор
Она не может не заплакать,
Когда подумает об этом.
И, как Эней родную Трою,
Изменник, мать мою покинул,
Оставив ей в воспоминанье,
Как тот герой, лишь добрый меч.
И этот меч теперь со мною;
До окончанья приключений
Его сегодня обнажу!
От этой связи беззаконной,
Которую назвать возможно
Супружеством и преступленьем, —
Не станем спорить мы о том,
Какое имя ей подходит, —
От этой связи я родилась.
И так устроила судьба,
Что стала я живым портретом
Несчастной матери своей,

От ней в наследство получив
Не красоту, а стыд и горе.
Ты, государь, поймешь, что я,
Наследница ее судьбы,
Таким же бедствиям подверглась!
И я своей лишилась чести,
Невинности своей лишилась —
Их, как трофей, унес... Астольф.
О, лишь я назову Астольфа,
В груди моей больное сердце
Тоской наполнится и гневом,
Как бы указывая мне,
Что я врага его назвала.
Моей любовью насладившись,
Астольф забыл свою победу
И, новой славы добиваясь,
Приехал в Польшу, где с Эстреллой
Он хочет браком сочетаться.
Зажгла Эстрелла яркий факел
Моей погибели печальной!
И кто поверит, что звезда
Любовников соединяла,

И что теперь звезда — Эстрелла
Разъединяет их навек?
Осмеяна, оскорблена
Осталась я с своей тоскою,
И в Вавилон души моей
Все муки адские собрались.
Молчала я — ведь есть страданья,
Есть беды, о которых нам
Не нужно говорить ни слова:
В поступках наших открываясь,
Они и так другим понятны.
И горестным своим молчаньем
Я матери сказала ясно,
Что я страдаю. Как-то раз
Мы с матерью вдвоем остались,
И вдруг она неосторожно
Темницу тесную открыла,
И наши горькие страданья
Толпою вырвались на волю.
Тогда я все сказала ей.
Когда рассказываем мы
О преступлениях своих

Тому, кто сам виновен был,
То, кажется, уже мы слышим
Прощенья ласковое слово.
Так и дурной пример порою
Приносит людям пользу. Словом,
Услышав жалобы мои,
Она прониклась состраданьем
И стала утешать меня...
Рассказом о своей обиде:
Судья, виновный сам, легко
Дарит преступнику прощенье.
Но, свой проступок осуждая,
Она утешить не могла
Свою тоскующую дочь:
Ей и самой не удалось
Вернуть потерянную честь.
И вот тогда она решила,
Что следом за Астольфом я
Должна отправиться скорее,
И так, во что бы то ни стало,
Его заставить заплатить
Свой долг за поруганье чести.

Во избежанье новых бед
Она велела мне надеть
Мужской наряд и на прощанье
Вот эту шпагу мне дала.
Пора мне обнажить ее!
Ее значенью доверяя,
Сказала мать: "Дитя мое,
Без страха в Польшу отправляйся
И там в собрании знатнейших
Ты эту шпагу покажи;
Быть может, в ком-нибудь найдут
Твои страданья — утешенье
И помощь — бедствия твои".
Достигла польских я пределов.
Опустим то, что здесь неважно
И что тебе уже известно.
Ты знаешь, буйный конь примчал
Меня к твоей темнице страшной,
Где ты с великим удивленьем
Меня увидел; знаешь ты,
Что пожалел меня Клотальдо,
Пощады для меня просил,

Что, внемля просьбам старика,
Меня простил король. Затем,
Узнав историю мою,
Клотальдо мне велел надеть
Наряд, мне больше подходящий.
Я стала фрейлиной Эстреллы,
И удалося мне нарушить,
Согласье между них и свадьбу
Хотя на время задержать.
Опустим то, что во дворце
Меня опять ты увидал
И форму прежнего виденья
Ты с новой женскою смешал.
Скажу я прямо, что Клотальдо,
Увидев, как полезен будет
И государству и ему
Астольфа и Эстреллы брак,
Мне посоветовал оставить
Все притязания мои.
Теперь, великий Сигизмунд,
За все ты можешь отомстить:
Ты вышел из темницы мрачной,

Где ты по чувствам был лишь зверь
И где страдания свои
Переносил, как твердый камень.
Отмщенье ты отцу готовишь
И против родины своей
Ты поднял меч. И я пришла
Тебе помочь, соединяя
В себе Палладу и Диану,
Под латами одной богини
Имея пышную одежду
Другой. Обоим важно нам
Не допустить осуществиться
Мечтам Астольфа и Эстреллы:
Моим супругом будет он,
Когда похитил честь мою.
И ты препятствовать им должен:
А то они, располагая
Войсками двух могучих царств
И силу большую имея,
Сомнительной твою победу,
Пожалуй, сделают. К тебе
Как женщина я прихожу,

Защиты я прошу смиренно;
Но как мужчина, я сумею
Твой дух на подвиг возбудить,
А подвиг тот — добыть корону.
Как женщина склонясь, слезами
Хочу твое я сердце тронуть
И как мужчина шпагой смело
И жизнью всей тебе служить.
Когда меня ты вновь полюбишь
Как женщину, в защиту чести
Тебя убью я как мужчина.
В завоевании любви[230]
Тебе я жалуюсь смиренно
Как женщина, но как мужчина
Сумею честь свою вернуть.

О боже! если в самом деле
Я сплю глубоким сном и грежу,
О прошлых днях воспоминанья
В душе моей сотри бесследно.
Ведь я не мог во сне увидеть

---

[230] Примечания: 230
Т. е. возвращая потерянную любовь Астольфа.

Все, что теперь припоминаю!
О боже, кто понять сумеет
Все эти вещи? Кто принудит
Себя ни об одной не думать?
Кто был в подобном затрудненьи?
Когда лишь сонной грезой было
Мое величие и блеск,
То почему ж она теперь
Столь ясно и определенно
О них рассказывает мне?
Так, значит, это не был сон!
А если истина, то здесь
Другое вижу затрудненье!
Как называет жизнь моя
Все это сном? Иль наша слава
На сон похожа до того,
Что мы действительную славу
Считаем ложью и обманом,
А славу, созданную грезой,
Считаем истиной? Ужели
Так мало разницы меж ними,
Что можно задавать вопрос,

Принять ли то, что видим мы,
Чем наслаждаемся порою,
За истину или за ложь?
Иль так похожи друг на друга
Оригинал и подражанье,
Что в нас сомненье возникает,
Который же оригинал?
Но если, словно тень, исчезнут
Величие и блеск людей
И их могущество и слава,
Сумеем захватить для счастья
Хоть то короткое мгновенье,
Какое нам дано в удел!
Ведь если мы лишь спим и грезим,
То жизнью насладится тот,
Кто и во сне ей насладится.
В моих руках здесь Розаура,
Душа моя полна любовью
К ее небесной красоте;
И так воспользуемся счастьем!
Она доверчиво пришла
Защиты у меня просить;

До этого мне дела нет!
Она в моих руках, и я
Люблю ее. Она моя!
Все это сон; и если сон —
Теперь о счастьи будем грезить,
А после пусть беда приходит!
Но ах! своими же словами
Я должен обличить себя!
Ведь если это сон и греза,
Кто согласится потерять
За человеческую славу —
Божественную? Разве благо
Минувшее не тот же сон?
Кому на долю выпадало
Столь героическое счастье,
Чтобы, о нем воспоминая,
Он не сказал: "То был лишь сон!"
И если я теперь предвижу
Разоблачение обмана,
И если я теперь уж знаю,
Что наслажденье — только пламя,
Которое в ничтожный пепел

И легкий ветер обратит,
Я буду к вечному стремиться!
Оно — живительная слава,
Перед которой прах ничтожный
Величие и блеск людей.
Я вижу — чести лишена
Красавица, и государю
Приличней возвращать ее,
Чем отнимать рукою смелой.
Клянусь Творцом! Я постараюсь
Ей честь сперва вернуть, а после
Свою корону добывать.
Соблазна так избегнем мы,
А он не мал.

Друзья, к оружью!
Сегодня битву дам я раньше,
Чем солнца яркие лучи
В водах темнозеленых моря
Схоронит сумрачная ночь.

Как, государь, уходишь ты?
Ужели горести мои

Не заслужили даже слова?
Возможно ль, государь великий,
Что ты меня не хочешь слушать?
Смотреть не хочешь на меня?

Теперь я должен, Розаура,
С тобою быть суров, а после
Во мне найдешь ты состраданье!
Тебе не отвечает голос,
Тебе ответит честь моя.
Теперь молчу, но мой ответ
Из дел моих узнаешь ты.
Тот, кто среди страданий тяжких
Берется честь спасти твою,
Не должен на тебя смотреть,
Твоей красы не должен видеть.

Что значат эти все загадки?
Я так страдала, что сомненье
По поводу ответов странных
В душе невольно остается!

СЦЕНА 11-я

Кларин и Розаура.

Кларин

Розаура

Кларин

Розаура

Кларин

(Слышна музыка.)

Розаура

Кларин

Розаура

(Уходит.)

Синьора?

Это ты, Кларин?
Где был ты?

Был в темнице. Там
По картам я гадал о смерти,
Придет она иль не придет?

И вышло мне, что жизнь свою
Я потеряю очень скоро.
Меня держали взаперти
Затем, что важные секреты
Хотел открыть я.

Но какие?

Да тот секрет, кто ты такая!
Клотальдо... Но ты слышишь шум?

Что это значит?

Из дворца,
Который крепко осажден,
Идут на вылазку полки
Сразиться с гордым Сигизмундом.

Так почему же я не с ним?
Мне стыдно трусости своей!
Вперед, на помощь Сигизмунду!
Теперь его теснит жестокость,
Права нарушив и закон.

СЦЕНА 12-я

Кларин. Солдаты (за сценой).

Одни

Другие

Кларин

(Прячется. Слышна музыка и шум битвы.)

Да здравствует наш царь могучий!

Да здравствует свобода наша!

Привет царю! Привет свободе!
Привет обоим в добрый час!
Какое дело мне до них?
Меня заботит лишь одно:
Как обойдутся здесь со мною?
Вокруг смущение и битва,
А я один запрячусь в горы,
И, как Нерона в древнем Риме,

Меня ничто не потревожит[231].
По правде, если беспокоюсь
О чем-нибудь, так о себе.
Я спрячусь здесь; и как чудесно
Увижу праздник весь отсюда.
Какое славное местечко!
В горах удобно притаиться,
И если смерть меня не сыщет,
Так фига смерти, даже две!

СЦЕНА 13-я

Василий, Клотальдо и Астольф бегут, Кларин, незаметно для других.

Василий

Клотальдо

Астольф

Василий

---

[231] Примечания: 231

По преданию, Нерон любовался на пожар Рима и декламировал в это время стихи Энеиды на пожар Трои; на эту тему есть один старинный испанский романс, в котором повторяется выражение: "Y el de nada se dolia"- т. е. он не тревожился ни о чем; на это место, вероятно, и намекает Кальдерон.

(За сценой стреляют, и Кларин падает.)

Кларин

Астольф

Кларин

(Падает и умирает.)

Василий

Клотальдо

Астольф

Василий

(Берутся за оружие.)

Где более несчастный царь?
Где более отец страдает?

Твои полки побеждены,
Бегут в смущеньи, в беспорядке.

Изменники — и победили.

Тот прав, кто в битве победил,
А побежденный — вот изменник.
Бежим, Клотальдо, с поля битвы:
Спасаться должен я от злобы
И мести собственного сына.

О боже!

Там солдат упал;
Он весь в крови, несчастный; кто он?

Я тот несчастный человек,
Который думал убежать
От смерти и нашел ее.
Она попалась мне навстречу,
Когда я от нее бежал.
На всей земле не сыщешь места,
Недостижимого для смерти.
Отсюда ясен вывод мой:
Кто шибче всех бежит от смерти,
Скорее тот приходит к ней.
Итак, сейчас же возвращайтесь
В кровавый бой; среди огня
И грома битвы безопасней
Вы будете, чем здесь в горах,
В уединеньи; нет дороги
Столь безопасной, чтоб по ней
Мы от судьбы могли уйти.
Спешите вы освободиться

От смерти бегством от нее?
Смотрите, вы на смерть идете,
Когда Творец решил, что вы
Должны погибнуть.

Вы идете
На смерть, когда Творец решил,
Что вы должны погибнуть! Боже!
Все заблуждения людей,
Все их невежество и глупость
Пред светом высшего познанья
Презренный обличает труп,
Устами раны говорящий.
Он языком кровавым учит,
Что тщетны все стремления наши,
Когда бороться мы хотим
Против того, что нас сильнее[232]*!*
Хотел я родину свою
От смут и гибели спасти,

---

[232] Примечания: 232

Ср. подобный оборот в индейской драме "Malati und Madhava" (пер. Ludwig Fritze):

> *Sie predigen durch ihre Leiber jetzt,*
> *. . . . . .wie doch die Menschen meist*
> *Hinfallig und des Unheils Beute sind.*

И этим самым вверг ее
В то, от чего спасти стремился.

Судьбе открыты все дороги,
И среди скал найдет она
Того, кого захочет взять.
Но рассуждение твое
Христианина недостойно:
Грешно сказать, что нет защиты
Против ее слепого гнева.
Ты знаешь, храбрость помогает
Отнять победу у судьбы.
Теперь гоним ты злой судьбою,
Но хоть на будущее время
Уйти старайся от нее.

Клотальдо правду говорит
Как умудренный жизнью муж,
А я как юноша скажу —
В густом кустарнике есть конь,
Он ветра быстрое дитя;
Беги на нем; а я меж тем
Тебе прикрою отступленье.

Не знаю я небес решенья,
Умру сегодня или нет,
Но сам искать я буду смерти
И встречусь с ней лицом к лицу.

СЦЕНА 14-я

Сигизмунд, Эстрелла, Розаура, солдаты, свита; Василий, Астольф, Клотальдо.

Солдат

Сигизмунд

Клотальдо

Василий

Астольф

Василий

Клотальдо

Василий

(Сигизмунду).

Сигизмунд

Василий

Все

Сигизмунд

Астольф

Клотальдо

Астольф

Клотальдо

Астольф

Сигизмунд

Эстрелла

Сигизмунд

Солдат

Сигизмунд

Василий

Астольф

Розаура

Сигизмунд

(К зрителям.)

Там в глубине, в ущельях гор,
Скрывается король.

Идите
За ним туда и все деревья,
За веткой ветку, ствол за стволом,
Скорее там вы обыщите.

Бегите, государь.

Зачем?

Что хочешь делать ты?

Астольф,
Оставь меня.

Что ты задумал?

Испробовать задумал средство,
Которым я до этих пор
Пренебрегал.

Меня ты ищешь,
О принц, и я у ног твоих;
И пусть ковром их будет снег
Моих волос. Возьми корону,
И честь мою ты уничтожь,
И уважение ко мне.
Отмсти за прежние обиды.

Я пленник твой, и честь моя
В твоих руках. Я вижу ясно,
Что бесполезны все старанья.
Так пусть исполнятся теперь
Небес былые предсказанья!
Я побежден своей судьбой.

Внемлите речи государя,
О знатные дворяне Польши,
Свидетели событий чудных,
Небес решенье неизменно,
И лжи презренной не найдется
В предвечной книге у Творца,
В которой буквами златыми
И на лазоревой бумаге
Написана судьба людей!
Что там написано однажды,
То не обманет, не солжет.
Обман и ложь созданье тех,
Кто в смысл великих предсказаний
Проникнуть хочет неискусно.
Вот мой отец стоит пред вами!
Он оградить себя хотел

От зла, которым угрожала
Судьба, когда царем я стану,
И воспитал меня, как зверя,
В пустыне дикой и безлюдной.
И если б я родился кротким,
И если б царственная кровь
Во мне текла струей ленивой,
То воспитание такое
Дало бы мне привычки зверя!
Прием искусный уничтожить
Дурные свойства человека!
И если бы сказали нам:
"Вот этот дикий зверь, проснувшись,
Вас растерзает", — неужели
Мы стали бы его будить,
Избегнуть гибели желая?
Когда бы кто-нибудь сказал:
"От этой шпаги ты умрешь", —
Того сочтем безумцем мы,
Кто, избежать желая смерти,
Клинок к своей груди приставит.
И если б нам известно было,

Что мы погибнем в бурном море,
Ужели б в море мы пустились,
Когда оно вздымает гордо
Зубчатые громады волн,
Кудрявые холмы кристаллов?
С моим отцом случилось то же,
Что с тем, кто на свою погибель
Разбудит яростного зверя,
Кто шпагу обнажает, зная,
Что он погибнет от нее,
Иль с тем, кто в море выплывает
Тогда, когда оно бушует[233].
И если б даже спящим зверем
Мой непокорный был характер,
А гнев мой — шпагою в ножнах,
А злоба — тишиною моря,
То все ж судьбы не победить
Жестокостью и грозным мщеньем:

---

[233] Примечания: 233

Т. е. - забросить человека с дурными наклонностями в пустыню, вместо того чтобы воспитанием постараться сгладить его недостатки, так же безрассудно, как разбудить дикого зверя и т. д., ибо в пустыне трудно человеку исправиться от своих пороков. Этими словами С. указывает Василию, что он сам вырыл себе яму.

Кто мстит, ее ожесточает.
Над ней победу одержать
Возможно лишь тому бывает,
Кто кроток и благоразумен.
До наступления беды
От ней спастись и уберечься
Нельзя тому, кто безрассудно
Стремится сам ее накликать!
И ясно, что смиреньем можно
Нам защищаться лишь тогда,
Когда ударит час несчастья!
А избежать страданий тяжких
Никто не властен на земле.
И пусть послужит вам примером
Все, что случилось в эти дни.
Немало здесь событий чудных,
Ужасных бед и приключений!
Не странно ли, друзья мои,
Что, несмотря на все старанья,
Отец лежит у ног моих,
Что он монарх — и побежден!?
Да, было здесь решенье неба,

Его хотел он изменить,
И все ж не смог. Дерзну ли я,
Неопытный, ничтожный воин,
И меньший по годам и знанью,
Дерзну ли изменить его?
О встань, синьор, и дай мне руку,
И, чтобы ты вполне поверил,
Что заблуждался ты, желая
Небес решенье изменить.
Скорее обними меня,
А я к твоим ногам склоняюсь.

Мой сын, какое благородство!
Ты как бы снова зачат мною!
Ты по природе государь,
Тебе приличны лавр и пальма,
Ты победил, и пусть тебя
Твои деяния прославят!

Да здравствует наш Сигизмунд!

И так как я хочу немало
Побед великих одержать,
То выше всех одна победа —

Победа над собой! Астольф,
Дай руку милой Розауре;
Ведь ты ее должник, и ныне
Я этот долг хочу взыскать.

Согласен я, что должен ей;
Чья дочь она, не знаем мы,
И униженье и бесчестье
Жениться князю на такой!

Постой, довольно! Розаура,
О князь, не меньше благородна,
Чем ты. Ее отец — Клотальдо,
Он шпагой защитит ее.

Возможно ли?

Я не хотел
Вам тайны этой открывать.
Пока я не увижу дочь
Любимой всеми и в почете,
И замужем за государем;
Рассказ об этом очень длинен,
Но все же дочь она моя.

А если так, то я согласен.

А чтоб красавица Эстрелла
Поменьше плакала, грустила,
Теряя храброго Астольфа,
Свою ей руку предлагаю;
И если счастьем я и славой
Не выше славного Астольфа,
То все же с ним могу равняться!
Дай руку мне.

Какое счастье
Выигрываю я с тобою!

Клотальдо верного, который
Так доблестно служил отцу,
Мои объятья ожидают
И с ними милости мои:
Все, что попросит, дам ему.

Когда ты милости такие
Даешь тому, кто не служил
Тебе, то что же дашь ты мне,
Который был причиной смуты
И спас тебя из башни мрачной,
Где был навек ты заключен?

Тебе дарую ту же башню;
Ты жить под стражей будешь там,
До смерти из нее не выйдешь.
Изменник более не нужен,
Когда измена миновалась.

Мы удивляемся тебе!

Чудесно он переменился!

Как осторожен и разумен!

Напрасно ваше изумленье!
Моим учителем был сон:
Я все еще боюсь, что снова
Проснусь и вновь себя увижу
В темнице мрачной и печальной;
А если этого не будет,
То все же наша жизнь лишь греза,
И знаю я, что наше счастье
Проходит, словно легкий сон,
Хочу я насладиться им,
Покуда будет длиться он!

Теперь за все ошибки наши
У вас мы просим извиненья:

Сердцам великодушным вашим
Приятно ближнего простить!

К. Бальмонт
ПРЕДИСЛОВИЕ
[Ко второму выпуску издания Сочинений Кальдерона (М., 1902)]

[...] В Севилье растут гвоздики, каких нет на Севере. Их цветы по величине равняются розам, а их нежный запах в своей свежей пряности сладко необычен для северянина.

Вот образы, которые невольно возникают в душе, когда мы вступаем в чарующий мир поэтических созданий Кальдерона. Здесь температура повышена, как в теплице, или как в жаркой стране, здесь воздух напоен дыханиями страстных цветов, и у всех предметов, составляющих это царство, необычные очертания.

Кто хочет, пусть войдет в этот сад. Но пусть он знает заранее, что здесь он встретит не те растения, к которым привык с детства.

Уже самая форма драм Кальдерона сразу обращает на себя внимание. Его стихи, легкие и быстрые, как движение ветра, капризно переходят от одного размера к другому. То они рифмованы, то они белые, то перед нами возни-

кают условные стансы, то появляются во всей своей торжественности пышные сонеты.

Конечно, в переводе это может ощущаться лишь отчасти. В рифмованных стихах я связываю рифмой лишь вторую и четвертую строку, дабы иметь возможность не уклоняться от текста и передавать его с наивозможной близостью. Тем не менее я передаю все или почти все перемены испанского ритма. При передаче таких стильных вещей, как драмы Кальдерона, главной задачей переводчика должно быть стремление передать все личные, национальные и временные особенности. Этим стремлением я и руководствовался главным образом, стараясь, конечно, в то же время придать русскому стиху возможно большую звучность. Примечания, которыми снабжена каждая драма, принадлежат в большей части мне; не принадлежащие же мне взяты у Макса Кренкеля, Менендеса и Пеляйо, и других испанологов. У Кренкеля же взяты две статьи.

Предлагаемый том есть лишь начало длинного ряда образцовых произведений Испанского Творчества в моем переводе. Дальнейшими томами явятся Бытовые Драмы Кальдерона, его Драмы ревности и мести, Фантастические драмы, Демонические драмы Испанского Театра

(Тирсо де Молина, Мира де Мескуа, Бельмонте), Крестьянские драмы Испанского Театра (Лопе де Вега, Тирсо, Франсиско де Рохас), и, быть может, еще другие. Вряд ли нужно говорить, что быстрое осуществление этого плана и заполнение такого существенного пробела в нашей переводческой литературе зависит не только от меня. Можно надеяться, что журналы и газеты, имеющие влияние на большую публику, сделают все от них зависящее, чтобы поэтические замыслы таких гениев, как Кальдерон, получили возможно широкое распространение в России.

Нельзя не высказать изумления, что эта богатая область — Золотой Век Испанской Литературы — была у нас до сих пор в таком небрежении. Пять-шесть разрозненных и в большей части. крайне неудачных попыток — это все. Я, однако же, отмечаю их в своем приложении, поскольку они касаются Кальдерона, хотя их количество и качество напоминают человека, который, будучи спрошен, видел ли он море, ответил: "Да, это большое пространство воды, а на берегу его песок и раковины: вот вам пять раковин". [...]

Не было в России и попытки подвергнуть полному рассмотрению творчество Кальдерона в его художественной и исторической цельности.

Счастливее в этом отношении оказался Лопе де Вега. Молодой ученый Д. К. Петров с неутомимым вниманием изучил многообразный мир художественного его творчества, и только что выпустил свое интересное исследование ""Очерки бытового театра" Лопе де Веги". СПб., 1901. В этой книге собран огромный материал, касающийся не только самого создателя испанской драмы, но и многих сторон испанской литературы и испанских нравов. Приходится вдвойне ценить это серьезное, богатое фактами исследование, ибо вопросы, которые затрагиваются Петровым, не только совсем новые у нас, но и мало разработаны в Европе. Для каждого, кто заинтересуется Кальдероном и испанистикой, книга Д. К. Петрова может быть очень полезной.

Для лиц, знакомых или желающих ознакомиться с испанским языком, в дополнение к литературе о Кальдероне, отмеченной мною в приложении, я могу еще указать на интересную монографию о драме "Жизнь есть сон". Segismundo, estudio critico por Enrique Funes. Madrid. 1899. В ней есть оригинальные мысли и интересные сопоставления между типами Сехисмундо, Гамлета и Прометея.

Драма "Жизнь есть сон" до сих пор ставится на

сцене в Испании. Мне пришлось ее видеть в Мадриде, и я убедился, что она не только сценична, но что и ее символический философский смысл от сценических эффектов выступает еще ярче и отчетливее. Необходимо было бы, чтобы лица, заведующие репертуаром русских театров, не оставили без внимания богатый сценический материал, предстающий перед нами в драмах Кальдерона. Гете, бывший сам драматургом и директором театра, не был опрометчивым, когда он ставил на Веймарской сцене "Стойкого принца" и "Жизнь есть сон".

1901. Осень.

К. Бальмонт.

К. Бальмонт
[Предисловие к драме]
"ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ"

Основное свойство критики — ошибаться. Основная особенность порицателей — говоря о гениях, являть собственное ничтожество и незнание. Среди лиц, высказывавших свои суждения о Кальдероне, есть достопримечательные люди, называющие его писателем Инквизиции. Если бы они прочли драму "Любовь после смерти", не говоря уже о драмах "Луис Перес Галисиец" или "Саламейский Алькад", они должны были бы несколько изменить свой приговор. Возмутительное насилие одной народности над другой, составляющие вечную принадлежность Истории и до наших дней повторяющееся в странах слишком хорошо нам известных, нашло в религиозном философе и придворном поэте яркого изобразителя и судью. Написать в 17-м веке, в нетерпимой Испании и в придворной атмосфере, драму, в которой герои мавры, и сочувствие автора — на стороне врагов отечества, это то же самое, как если бы, Шекспир написал драму, где

ореолом благородства были украшены испанцы или французы.

Кальдерон, чья внутренняя утонченность была как воспринимающая нежность цветка, понял это и почувствовал. Уже в "Стойком Принце" он нарисовал чарующий образ Мулея и привлекательный образ Фесского Царя, здесь же, в драме "Любовь после смерти", все наши симпатии на стороне мавров. Дон Альваро, являясь мстителем за даму, вознесен как пример для столетий, сам Лопе де Фигероа, национальный герой испанцев, высказывает перед ним преклонение, и его геройский поступок отмечен Кальдероном как деянье лучшее любви.

Создавая эту драму, Кальдерон строго держался исторической основы. В ней описано восстание морисков, т. е. мавров, оставшихся в Испании после падения Гранады, вспыхнувшее в 1568-ом году и укрощенное Дон Хуаном Австрийским в 1570-ом году. Отдельные места драмы указывают на заимствования из знаменитой книги Diego de Mendoza (1503-1575), "Guerra de Granada", например, речь Малека в начале I хорнады и описание Альпухарры в начале II (Lib. 1, p. 72, 73, 75). Некоторые частности взяты также из книги Luis del Marmol Carvajal "Historia del rebelion y castigo de

los moriscos del reino de Granada". Основной мотив — любовь после смерти любимой женщины — взят из книги Gines Perez de Hita, "Guerras civiles de Granada".

Так как наше впечатление от драмы может только усилиться, когда мы узнаем, что события и страсти, в ней представленные, взлелеяны живою кровью, приведем из книги Переса де Ита (глава 22 и след.) рассказ о действительно случившемся, послуживший для Кальдерона основным мотивом.

Во время осады Галеры в ней находилась сестра военачальника Малеха, которая гостила там у своих родных. Во время взятия города она была убита, вместе с множеством других женщин. Она была необыкновенно красива, и слава о красоте ее гремела по всему Гранадинскому царству.

Человек пятнадцать морисков, как мужчин, так и женщин, при разграблении Галеры спаслись от смерти через водопровод, которым шли в Галеру речные воды; они-то и рассказали обо всем, что там происходило.

Малех, узнавши обо всем этом в Пурчене и весьма огорчившись, размышлял, кто бы мог тайком отправиться в Галеру, разведать о судьбе его сестры, и, если она убита, отыскать ее труп,

а если взята в плен, узнать, куда увели ее. Один молодой мавр, который хотел сделаться его зятем и давно уже был влюблен в его сестру, вызвался исполнить такое поручение, разузнать о ней, и, если она взята в плен, то отправиться к самому Дон Хуану, выкупить ее и удалиться с ней в Гвескар или в Мурсию.

Итак Мавр простился с Малехом, сел на прекрасного коня и направился в Галеру. По прибытии в Орсу он нашел город опустошенным; тем не менее он оставил свою лошадь в одном известном ему доме, и достиг Галеры в полночь. Шел дождь, было темно, и, смущенный, он увидел город совершенно иным, чем знал его прежде. С ужасом он смотрел на улицы заваленные трупами, о которые он спотыкался на каждом шагу. Он не мог даже узнать, где именно он находился, и, хотя дом, в котором жила его возлюбленная, был ему очень хорошо знаком, он не мог найти его на улицах, пересеченных траншеями, и, дожидаясь, рассвета, должен был провести ночь стоя, прислонившись к одному из окопов. Под шум дождя он слышал только вой собак и вопли кошек, скорбевших в опустошенном городе.

При восходе солнца смелый Мавр взошел на одно из высоких мест, откуда можно было видеть

лагерь Дон Хуана, подивился на его размеры и, вернувшись, поспешно отправился к дому, где жила его возлюбленная. Войдя во двор, он увидели трупы нескольких мужчин, а подальше несколько зарезанных женщин. Среди них была его Малеха. Мавр не мог не признать ее: хотя она была убита уже три дня тому назад, в своей красоте она была как живая. Только она была вся белая-белая, по причине потери крови. Она была в одной рубашке, христианские грабители сняли с нее все другие одежды, и это единственное одеяние уже указывало, что в убившем ее солдате было хоть сколько-нибудь честности, потому что рубашка эта была роскошная, вышитая по зеленому шелку, согласно обычаю морисков.

В день взятия города, к вечеру, был возвещен отбойный марш, а потом, благодаря сильным дождям, христиане не могли вернуться для срытия укреплений, как приказал Дон Хуан, потому-то Малеха так и лежала, как в минуту смерти, в своей окровавленной рубашке. У нее было две раны, обе на груди, и поистине это было на редкость прискорбное зрелище, видеть, что такую красоту постигла подобная жестокость.

Когда Мавр признал свою возлюбленную, он взял ее на руки, и, проливая жгучие слезы, гово-

рил ей тысячу нежных и жалобных слов. Покрывая поцелуями ее бескровные уста, он восклицал: "О, мое блаженство, о, чаянье любви моей! Так затем я семь лет служил тебе, чтобы получить эту ласку, которая была .бы моей нежнейшей славой, лишь тогда, когда твои похолодевшие уста говорят мне, что смерть восторжествовала над твоими чарами? Безжалостный христианин! Как мог ты иметь презренное мужество лишить мир такого совершенства? Или ты не был никогда влюблен? Или ты не знал, что такое красивая женщина? Если ты когда-нибудь любил, как не вспомнил ты любовь свою, как не вспомнил ты, что та, кого ты находил красивой, несомненно имела хоть в чем-нибудь сходство с этой? Одного взгляда ее не было ли достаточно, чтоб остановить твою яростную руку? Если какой-нибудь мавр тебя ранил в бою, ты должен был направить свою месть на мавра, не на ангела. Или ты думал, что, поражая ее, ты победил врага? Или ты думал, что ты возвышаешь славу твоего полководца, проливши кровь такой красоты, какой никогда не видали в Гранадинском царстве? Ты дурно поступил, христианин. С бойцами ты должен был биться. Зачем ты не сделал ее пленницей? Я пришел бы разделить ее цепи, и у тебя было бы

два пленника вместо одного. Ты дурно поступил, христианин. Клянусь тебе душой этой несчастливой, я отыщу тебя и заплачу тебе то, что ты заслужил подлым своим преступлением".

Дав полную волю своей скорби, тысячекратно покрыв поцелуями мертвую возлюбленную, Мавр задумал, дождавшись ночи, отнести ее тело в долину Альманзоры. Но, видя невозможность выполнить такой план, он решил похоронить свою возлюбленную в Галере. Достав заступ, он вырыл около одной стены могилу и зарыл ее. После этого он взял уголь и по-арабски написал на стене следующее:

"Здесь лежит прекрасная Малеха, сестра Малеха. Я, Тусани, похоронил ее, потому что она была моей возлюбленной и моим божеством. Христианский пес умертвил ее. Я его найду, я его встречу, и он умрет от руки моей".

Тусани не захотел более оставаться в Галере. Он вернулся через водопровод., Шел дождь и снег, и он мог совершить свой путь незамеченным. В Орсе он сел на своего коня и в один переезд приехал в Пурчену, где рассказал Малеху об избиении женщин и детей, и о том, как он увидел Малеху мертвой.

Вот что случилось далее с этим храбрым Мав-

ром, происходившим из Кантории. Он был тверд сердцем и очень умен. Выросши с самого детства среди настоящих христиан, он так хорошо говорил по-кастильски, что никто бы не мог принять за мориска. Едва он возвратился в Пурчену, как, решившись отомстить за смерть своей дамы, он покинул пределы Альманзоры, одетый христианским солдатом, опоясанный доброю шпагой, и с мушкетом на плече, стрелять из которого он научился в Валенсии. Имея для мавров пропуск от Малеха, он направился в Баэсу, а оттуда в лагерь Дон Хуана, где поступил в Неаполитанский полк.

Находясь в армии испанцев, среди событий, связанных с военной жизнью, он неизменно хранил в своей памяти мысль о смерти прекрасной Малехи. Он обожал ее при жизни, но после смерти выказал еще большую любовь к ней. Ее образ был неразлучен с его душой, ее портрет был у него всегда на сердце, и он постоянно повторял про себя клятву мести. Чтобы найти убийцу, он подходил то к одной, то к другой группе солдат и заводил разговор о разграблении Галеры. "Что правда, то правда", говорил он, "такого славного дела, товарищи, ни разу еще не бывало, ни такого избиения мавров. Сам про себя могу сказать: я убил не меньше сорока женщин, и каких красивых, не считая

мужчин и детей". Солдаты, конечно, наперерыв принимались рассказывать о своих подвигах, что кто поджег и разграбил, и когда кого убил. И вот раз при такой беседе один солдат сказал: "Верно, брат, сердце у тебя железное, если все ты так сделал, как говоришь. Так или иначе, а не радостная это вещь — увидеть смерть женщины, особенно ежели она красива. Всего одну я убил, а пожалел об этом до глубины души, особенно когда после ее смерти другие женщины, которых я не тронул, сказали мне, что это была сестра военачальника Малеха из Пурчены. Да и видно было по ее одежде, по запястьям и серьгам, которые я снял с убитой, что женщина это была знатная. Чтоб ей не быть нагой, я оставил на ней рубашку, хотя она была роскошная. Вот кажется и сейчас ее вижу: шитая, по зеленому шелку. Другие солдаты хотели взять ее, да я им не дал. Так я ее жалел, так жалел, сказать нельзя: таких красивых немного мне приходилось встречать. Видит Бог, она уж была мертвой, а заставляла умирать от любви всех, кто ее видел. Все меня кругом проклинали. "Подлец", говорили, "Бесчестный, какую красоту похитил у мира". Один говорил: "Я бы за нее дал пятьсот дукатов". Другой: "Я бы ее к самому Королю отвел, он один ее достоин". Да и правда,

товарищ, кабы увидел ты ее, как она лежала на земле, мертвая, в вышитой рубашке, и как у нее по груди волосы рассыпались, светлые, точно из золота, сказал бы, что это ангел. Художник у нас был знаменитый, при капитане Бертране де ля Пенья, убитый потом при этом самом приступе, — так он целый день писал с нее портрет, и так похоже, что на редкость. Вышел я из Галеры со стыдом и с проклятиями, и до сих пор все на сердце у меня мысль об этой несчастной".

Каждое из слов этого солдата было как удар кинжала для Тусани. "Изменник, ты заплатишь за эту смерть, или я не буду Тусани", повторял он про себя и, по мере того как тот говорил, он бледнел настолько, что другие солдаты заметили это. Он спросил у солдата, не осталось ли у него что-нибудь из вещей, принадлежавших Мавританке. "Я все продал в Баэсе", ответил тот, "у меня остались только серьги да кольцо; я охотно бы их продал, чтобы попытать счастья в игре". — "Я куплю эти вещи", сказал Тусани, "и, если мы сговоримся насчет цены, снесу их в Велес-эль-Блянко, показать одной из ее сестер, она рабыня у маркеса". — "Идем в мой барак, и дело с концом". — "Идем".

Они отправились вдвоем в то место лагеря, где

помещался солдат; из мешка были вынуты серьги и кольцо. Тусани сто раз видел их прежде. Он не мог удержаться от скорбных вздохов, но овладел собой, договорился о цене и немедленно уплатил деньги. Положив драгоценности около сердца, он предложил солдату пройтись вместе с ним по окрестностям Андаракса. Когда они несколько отошли от селения, Тусани спросил солдата: "Если б я показал портрет убитой Мавританки, ты узнал бы ее?" — "Сейчас же", ответил солдат, "она не выходит у меня из памяти; мне кажется, что еще и часу не прошло, с тех пор как я ее убил". — "Не эта ли?" — "Она, она", воскликнул солдат, "дивлюсь, что ее вижу". — "Скажи же мне", вскричал тогда Мавр, "человек без чести, солдат без совести, зачем умертвил ты эту красоту? Узнай, она была моим блаженством. Я должен отомстить за нее. Защищайся. Увидим, восторжествуешь ли ты над двумя жизнями, умеешь ли ты убивать влюбленных".

С этими словами он обнажил шпагу и с яростью устремился на солдата. Тот, хотя изумленный, не потерял мужества, он, в свою очередь, устремился на Мавра и дрался как лев. Но Тусани был более искусен во владении шпагой и нанес противнику смертельную рану со словами: "Получи, чего

стоит твое варварство: это прекрасная Малеха посылает тебе смерть". Христианин упал, и Мавр нанес ему вторичный удар. "Ты убил мою даму двумя ударами", сказал он, "ты должен умереть от двух ран". После этого он ушел в горы и лишь к вечеру вернулся в Андаракс. Солдат умер через несколько часов. Он звался Франсиско Гарсес.

Тусани мог бы спокойно вернуться к своим, но один подлый мориск, находившийся на службе у Дон Хуана, предал его. Увидев, что он узнан, Мавр не захотел ничего скрывать, и на вопрос Дон Хуана, откуда он родом, ответил: "Я из селения, что находится между Канторией и Пурченой и называется Финне. Я надел эту одежду, чтобы убить подлого, умертвившего при взятии Галеры мою возлюбленную, которая была красивейшей женщиной в мире, тогда как он мог взять ее в плен. Я поклялся найти его и лишить жизни. Я его нашел и убил два дня тому назад. Такова истина. Пусть теперь Его Высочество делает со мной, что хочет. Если умру, я буду доволен, что я отомстил за мою возлюбленную. Надеясь на милосердие Бога, я думаю, что увижу ее после смерти, и она не упрекнет меня, что я оставил ее смерть неотомщенной. Умру довольный, что умираю по повелению такого знаменитого властителя. Толь-

ко одна у меня к тебе просьба: сохрани ее портрет, чтобы он не попал в какие-нибудь жалкие руки, недостойные к нему прикасаться. Возьми также эти драгоценности; на вид они мало стоят, но они принадлежали ей, и потому им нет цены". Сказав все это, с лицом нисколько не изменившимся, он преклонил колено и подал Принцу портрет и драгоценности Малехи.

Изумленный мужеством Тусани и хладнокровием, с которым он все рассказал, Принц подошел к Мавру и взял из его рук пергамент и украшения. Отдавая их, Тусани испустил глубокий вздох, как будто он отдавал ему свою возлюбленную вместе с своим сердцем. Дон Хуан взглянул на портрет и восхитился красотою Мавританки, так же как и другие находившиеся при этом рыцари, которые все без исключения сказали Принцу, что Тусани поступил как храбрый солдат и как истинный рыцарь, отомстивши смерть столь прекрасной дамы.

Дон Лопе де Фигероа, пленившись поведением этого Мавра, встал и, произнеся два-три крепкие ругательства, воскликнул, обращаясь к Принцу: "Солдат представил достаточное оправдание, его не за что лишать жизни, и если Его Высочество даст ему свободу и вернет ему оружие, я прошу

отдать его в мой полк, потому что, клянусь Богом, если бы кто-нибудь умертвил мою возлюбленную, я убил бы его, — и его и всех из его рода".

"Иди, приятель", сказал Дон Лопе, обращаясь к Тусани, "иди в мой полк, я люблю таких солдат, как ты. А чтобы ты служил мне охотнее, я сохраню у себя портрет твоей возлюбленной". — Тусани отвечал ему: "Я знаю, о, Марс наших дней, что отныне ты будешь владыкою судьбы моей, какая бы она ни была. Но мне кажется, что я вторично теряю мою даму. Я буду служить как честный солдат, если только утрата этого портрета не послужит причиной моей смерти". Дон Лопе, хорошо понимавший, что значит — забить себе что-нибудь в голову, побоялся, как бы утрата портрета не вовлекла солдата в меланхолию, а отсюда к смерти, и потому сказал: "Бери, Тусани, храни у себя свое утешение и будь всегда при мне. Я знаю, что ты мне будешь верным другом". Ему вернули драгоценности Малехи, и он вышел из комнаты, оставив всех изумленными.

С тех пор он не расставался с Лопе де Фигероа, участвовал вместе с ним в битве при Лепанто, а после смерти своего генерала поселился в Вильенуева де Алькаудетэ. Автор рассказа, Хинес Перес де Ита, сам видел Тусани и говорил с ним. Он ви-

дел портрет прекрасной Малехи и восхитился им. Вокруг тонкой его рамки на арабском языке было начертано: "Day fati Maleha aynia". Что означает "Красавица очей моих".

Вот безыскусственный рассказ, сразу переносящий нас в далекую эпоху, когда умели любить лучше, чем мы. Изменивши все, мы изменили и любовь, превращая ее или в дымный пламень сладострастия, или в скучные тяготы ежедневного самоотвержения. Здесь же мы видим полную гамму ощущений, которые возникают в любви, порванной судьбою.

Кальдерон весьма искусно воспользовался материалом, представлявшимся в этом рассказе. Он делает, конечно, различные уклонения от исторической правды, впрочем, незначительные, вроде перемещения даты, когда говорит о битве при Лепанто, — но в целом его драма, так же как и летописное повествование, сразу перемещает нас в жгучую и пряную атмосферу арабской любви. Кальдерон еще усилил рыцарский оттенок романтического сюжета, создав чудесные перепевы двух любящих душ, томящихся тоскою неслитой любви, нарисовав нежный образ Доньи Клары и дав нам возможность усладиться вулканическими монологами пламенного Дон Альваро. Вся

драма развивается с поразительной легкостью, и даже шут Алькускус, который кстати является одним из лучших кальдероновских шутов, не нарушает нежной и трагической возвышенности общего настроения.

Среди поэтических произведений, отмеченных печатью высокого гения, в разных литературах есть произведения повторные или способные к повторности и есть произведения единственные. Хороши драмы Лопе де Веги, хороши хроники Шекспира, или романы французов 19-го века; но таких произведений можно написать сколько угодно, и их написано более чем нужно. А "Фауст" или "Макбет" могли возникнуть только один раз, хотя много существует образов убийц, и несмотря на то, что много есть поэтических редакций Фауста.

К числу таких единственных произведений должна быть отнесена и драма "Любовь после смерти". В ней сказано нечто, что должно было быть высказанным и без чего наша внутренняя жизнь была бы неполна.

Приложения

Н.И. Балашов. На пути к не открытому до конца Кальдерону

1
КАК СЛОЖИЛОСЬ ЭТО ИЗДАНИЕ

Почти каждому великому, привлекающему к себе внимание читателей поэту грозит, что он станет предметом не только серьезного изучения, но и мифа. Причем в науке XX столетия, насыщенной страстной борьбой идей, такой миф — нередко "черная легенда". Целая научная школа, особенно в немецкой испанистике первой половины XX в., пыталась связать не только что Кальдерона, но и Сервантеса, и Лопе де Вегу с самыми мрачными течениями испанской мысли XVI-XVII вв. Когда же пишут о Кальдероне, то, бывает, можно подумать, что ученый будто не знаком с испанской историей и вычеркнул из своей памяти острейшую за все века прежнего литературного развития идейную борьбу вокруг театра в Испании XVI — XVII вв. ("Этот спор о комедиях, — писал в 1676 г. один из участников борьбы с "черной" стороны, отец Томас де Ресуррексьон, — есть одна из самых кровавых и

длительных битв в истории испанской нации"; а архиепископ Севильский Педро де Тапия твердил, "будто Лопе де Вега принес больше вреда Испании своими комедиями, чем Лютер Германии своей ересью"). Оглушенный пристрастием ученый имярек будто ничего не знает об обширнейшем географическом, техническом, научном, культурном опыте, обновившем с конца XV по середину XVII столетия все представления испанцев; наконец, будто он и самого Кальдерона просматривал по методу "быстрого чтения", а уж о "Братьях Карамазовых" и рассказанной в них "Легенде о Великом инквизиторе" и не слыхивал. Ибо "черный миф" о Кальдероне в том и состоит, что поэта выводят чуть ли не собратом "великому инквизитору", врагом всякого гуманизма.

Не умалчивая ни о каких противоречиях Кальдерона, настоящее издание может тем более чувствительно поколебать "черное мифотворчество", что состав издания определен не подготовителями, а Константином Дмитриевичем Бальмонтом. В книге печатаются все десять пьес, переведенных им в 1900-1919 гг.

В числе задач серии "Литературные памятники" немаловажным также является издание двойных памятников, т. е. таких произведений мировой

литературы, перевод которых осуществлен выдающимся писателем и представляет сам по себе значительное явление *русской* поэтической культуры — "Илиада" Гнедича, "Одиссея" Жуковского, трагедии Эсхила Вячеслава Иванова.

Это определило и характер предлагаемой книги. К. Д. Бальмонт (1867-1942) среди крупных русских поэтов конца XIX — начала XX в. больше всех занимался переводами: он первым дал русскому читателю полных Руставели и Шелли, переводил Калидасу, Словацкого, По, Уитмена и др. Но перевод Кальдерона был заветнейшей мечтой Бальмонта. Он напечатал в одном из лучших по тем временам издательств, соглашавшемся на научное комментирование текстов, у братьев Сабашниковых, три выпуска: 1900, 1902, 1912 гг. и подготовил IV выпуск драм Кальдерона.

До торжественной сессии 1981 г. в Москве и Ленинграде по случаю 400-летия со дня кончины Кальдерона всерьез судьбой рукописи этого выпуска не занимались. Тем более, что главное здание издательства Сабашниковых на Никитском бульваре в Москве сгорело в 1917 г. и, казалось, сборник мог сохраниться лишь по булгаковскому принципу, что рукописи не горят, или в том доме Сабашниковых, на Плющихе

55, где вышли их первые послереволюционные издания ("Великая хартия вольностей", 1918, и др.) — Однако к 400-летию кончины Кальдерона В. Е. Багно обнаружил машинопись перевода "Волшебного мага", а вскоре Д. Г. Макогоненко нашла в Отделе рукописей Ленинской библиотеки машинописи всех четырех переведенных драм и документацию, показавшую, что завершение работы над IV выпуском относится не к 1917 г., а к 1919 г.

Таким образом корпус известных переводов Бальмонта увеличился сразу с шести до десяти драм Кальдерона. Поздние переводы Бальмонта, впервые публикуемые в настоящей книге, шедевры самого Кальдерона — комедия "Дама Привидение", историческая драма "Луис Перес Галисиец", философская — "Волшебный маг" и знаменитая народно-революционная драма "Саламейский алькальд", та самая, которая навела Герцена на мысли о величии испанского плебея.

Переводы Бальмонта при их замечательных достоинствах подвергались критике за чрезмерную лиризацию текста, приводящую порой к некоторой вычурности. Но в случае с Кальдероном "коса находит на камень", ибо из мировых гениев европейской драматургии Кальдерон несомненно

самый лирический, а порой, когда его увлекает волна поэтического монолога, может быть, местами и самый "вычурный". Об этом мы будем говорить ниже, но "чрезмерности" Кальдерона специфичны для испанской культуры с ее многообразными столкновениями и сочетаниями "Запада" и "Востока". Этот андалузско-андалусийский, арабско-испанский колорит впоследствии пленил романтиков, очаровал Гете, ставшего горячим поклонником, пропагандистом и постановщиком Кальдерона, и весьма способствовал укреплению у Гете идеи "всемирной литературы" (Weltliteratur), идеи принципиального единства мировой культуры.

Поэтические качества Бальмонта находятся в некотором внутреннем согласии со стилем Кальдерона, что, вероятно, и порождало такой страстный переводческий интерес. Что же касается точности в передаче мысли, философски весьма отточенной у Кальдерона, то Бальмонт, как правило, замечал и сохранял ее, и на его переводы в большинстве случаев можно опираться даже в исследовательских целях.

Если проследить содержание выпусков сочинений Кальдерона, то видно, что Бальмонт в своих переводах переходил от драм более спиритуа-

листических к произведениям более земным, проникая все дальше в конкретную связь Кальдерона с общественными проблемами его эпохи, час от часа увеличивавшей бедствия всего испанского народа, кроме ослепленной эгоизмом и наглым высокомерием малочисленной светской и духовной верхушки.

2
ВЗАИМНЫЙ АНТАГОНИЗМ КАЛЬДЕРОНА И КОНТРРЕФОРМАЦИИ. "ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН" И САМЫЕ "ТРУДНЫЕ" ДРАМЫ И АУТОС КАЛЬДЕРОНА

Наших современников никак не должно вводить в смущение то обстоятельство, что Кальдерон писал духовные драмы и что среди переводов Бальмонта встретится, например, пьеса под заглавием "Поклонение кресту".

Кальдерон, написавший немало пьес религиозного содержания, однако нанес духовной диктатуре контрреформационной церкви своей эпохи еще более тяжкий удар, чем неукротимый

Лопе де Вега и несокрушимо рассудительный Сервантес.

Не случайно именно после смерти Кальдерона в 1682 г. грянул еще более босхо-гойевский шабаш, чем после кончины Лопе, на этот раз затеянный иезуитскими деятелями о. Педро Фомперосой, о. Агустином де Эррерой и другими, которые в серии злых памфлетов стремились смешать с грязью, сжить со сцены и вообще из памяти испанцев Кальдерона, а заодно и весь театр испанского Золотого века — гордость нации.

Если когда-то, на своей заре, христианство было движением рабов и угнетенных, если долгие столетия полного господства веры, когда других идеологических форм практически не существовало, угнетенные в нем и в ересях искали правды и защиты, то противостоявшая этому церковь не выступала никогда в столь бесчеловечном и в столь бездуховном обличий, как во время Контрреформации XVI-XVII вв. В Контрреформации доминировали, конечно, не вера, даже не стремление упорядочить католицизм перед лицом успехов лютеранства и кальвинизма, а репрессивные тенденции, порожденные ужасом, который был вызван обрушением духовной диктатуры церкви в эпоху Возрождения.

У Достоевского в "Легенде о Великом инквизиторе" символически раскрыта создавшаяся в те века ситуация, когда иерархи церкви готовы были вновь казнить Христа, буде он вновь явился на земле, а великий инквизитор прямо объявил ему, что мы не с Тобой, а с *ним*, т. е. с дьяволом.

Между контрреформационной церковью и Кальдероном не могло быть точно таких отношений, как в притче Ивана Карамазова между Великим инквизитором и Христом, но антагонистическое соотношение казенной церкви с Кальдероном было весьма схожим с тем, которое гениально уловил и воспроизвел Достоевский.

Сторонники "черного мифа" не задумывались, есть ли что-либо похвальное для Кальдерона в том, чтобы быть с великим инквизитором и с ним, которому инквизитор служил.

Они совсем не задумывались и над художественным богатством барокко Кальдерона, которое вслед Возрождению было открыто не только гуманистическому антидогматизму и народному антицерковному представлению о вере, но и неумиравшему в народе в Средние века индифферентизму к вере, особенно чувствительному в низах, а отчасти — и среди клириков, дворян, богатеев. Этот индифферентизм прояв-

лялся в быту и в самых различных сферах жизни — в бесчисленных пережитках язычества, в суевериях, 'В неистребимости шуток, поговорок, светской песни и сказки, в искусстве бродячих певцов, плясунов, в вывернутых пародийных священнодействиях и т. д., во всем том, что М. М. Бахтин в увеличительной оптике своей концепции представил как "смеховую культуру". Проявления индифферентизма в культуре были куда шире, чем собственно "смеховая культура": они касались всей светской литературы — героических песен, саг, куртуазной поэзии, фаблио, затем новеллистики, поэзии Возрождения не только в ее флорентийском "низе", в поэме "Большой Моргант" Пульчи, но и в ее феррарском "верхе", во "Влюбленном Роланде" Боярдо.

Такое явственное отражение так называемой "смеховой культуры", как у Пульчи или у Рабле в образах брата Жана, Панурга да и повсюду в "Гаргантюа и Пантагрюэле", у испанских писателей встречалось редко, но среди разных причин, почему драматический жанр именовался "комедиа" и почему именно комедия преобладала среди всех видов "комедиас", был тот же народный индифферентизм, тяга к воле. Этого индифферентизма, этой тяги к воле у Кальдерона тоже

более чем достаточно, чтобы порвалась и расскочилась ржавая цепь "черного мифа". Вскоре мы встретимся с отражением народного индифферентизма как с существенной третьей линией в драме "Поклонение кресту", где в основе философского конфликта лежит тема преодоления фарисейства официальной церкви личным благочестием отлученного от церкви разбойника Эусебио. Не "смеховой" ли это монолог в сцене, открывающей III действие драмы, когда крестьянин, посланный женой за дровами в лес, где действует благочестивый разбойник, появляется с множеством крестов и с одним очень большим на груди?

Велела Менга дров достать мне,
Я на гору сюда пришел,
А чтоб опасности избегнуть,
Такую штуку изобрел:
Наш Эусебио, я слышал,
Благоговеет пред Крестом
Что ж, с ног до головы прикроюсь
И значит по дрова пойдем...

Это пример, когда, пусть это и кажется странным, Кальдероново "Поклонение кресту" могло

вызвать у публики лишь одну адекватную реакцию — смех.

А если вспомнить веселую комедию Тирсо де Молины "Хиль Зеленые штаны", где слуга, чтобы уберечься от нечистой силы, которая множила в его воображении Хилей в зеленых штанах, тоже весь обвешивается ладанками и вооружается кропилом? То есть и в веселой комедии и в философской драме о благочестии испанские поэты одинаково забавно изображали борьбу и с нечистью, и с пылким благочестием?

Трудно черным мифотворцам претендовать на познание до конца Кальдерона, на познание богатства его барокко.

Нечто выходящее за рамки можно встретить в любом произведении Кальдерона, и чем оно религиозно-философичнее, тем это вероятнее. "Волшебный маг" весь построен на соединении линий серьезных с линией смеховой и не слишком пристойной. В самой с виду "средневековой" драме Кальдерона, в "Чистилище святого Патрика", тоже есть народное объяснение, чего ради Патрик показал ирландцам вход в пещеру-чистилище:

И чтоб они уверовали в вечность

Души, открыл им некую пещеру,
И что за ужас в ней — послушать страшно!

Когда кающийся Людовико решается спуститься в пещеру, чтобы искупить свои бесконечные злодеяния, он приглашает с собой крестьянина, обращенного им в слугу: "Поди и ты со мною, Паулин..."

Ну нет, уж если так, ступай один,
Для храбрецов не нужен провожатый,
И никогда не слышал я, чтоб в ад
С лакеем уходили. Лучше снова
Отправлюсь я в родимую деревню
И буду жить в ней мирно, а насчет
Видений там и всяких привидений,
Так мне супруги хватит за глаза.

А ведь пока ни слова не было сказано о порожистой, завихряющейся озорством реке смеха, перелившейся к Кальдерону от Лопе де Веги...

До XVIII в., до эпохи Просвещения, как известно, цельно атеистические системы взглядов были относительно редки. Для Контрреформации, а отчасти и для Реформации, которая реже, но тоже

прибегала к кострам, казням, запугиванию и к модусу двух доктрин — одной для пастырской верхушки, а другой для прочих верующих, в XVI-XVII вв. более страшным, чем редкий и еще непонятный народу атеизм, были индифферентизм и сознательное или стихийное противопоставление догме правящих церквей евангельской этики, сохранявшей элементы социального протеста, имевшиеся в раннем христианстве. Противопоставление церкви, такой, какой она стала, Евангелию было стихийно свойственно многим еретическим учениям, а после научно обоснованной филологической критики текстов Писания итальянскими гуманистами, а особенно Эразмом Роттердамским (склонным, как и они, к острозубому индифферентизму "смеховой культуры" — "Похвала глупости!") приобрело характер системы взглядов. Вначале уроки Эразма, которые иногда именуют "христианским гуманизмом", были использованы Лютером, но вскоре Эразм стал одинаково ненавистен и контрреформаторам и реформаторам. В Испании со второй половины XVI в. подозрение в эразмизме вело подозреваемого на суд инквизиции, а облик великого гуманиста был так искажен клеветой и шельмованием, что мог оттолкнуть людей, кото-

рые по сути мыслили в лучах его воздействия.

Контрреформация, однако, достигала своим жестким, догматическим курсом не только прямых, но и обратных ее целям результатов. Требование слепого повиновения, игнорирование нового гигантского практического и научного опыта, а с ним и происходившего под влиянием этого опыта необратимого раскрепощения сознания способствовало развитию в XVII в. рационалистического мышления. Естествоиспытатели, путешественники, а с ними Декарт, Спиноза, Гоббс, Локк пошли дальше Эразма и Монтеня в подготовке Просвещения XVIII в. Контрреформационное упрямое философское мракобесие в соединении с ненавистью ко всему человеческому вело к тому, что наиболее значительные деятели культуры, хотя они в Испании оставались верующими, веровали и творили совсем не по контрреформационной указке. Это прямо относится к Кальдерону, у которого комедии нередко продолжали озорное свободомыслие Лопе де Веги, а избыточная пышность стиха пела о радостях жизни, как в домоцартовской опере голоса и музыкальное сопровождение. Как ни странно, но именно в духовных произведениях — в аутос и в тех драмах, где большое значе-

ние имеет религиозное отречение, например в "Стойком принце", возникают ситуации и высказывания предпросветительского, иногда совсем не совместимого с религией характера: мы еще помянем финал чудного ауто "К Богу из государственных соображений".

Поэтому как ни эффектно крылатое слово, пущенное в ход немецкими романтиками, будто "Кальдерон-это католический Шекспир", оно верно только в отношении конфессиональной принадлежности героев и самого поэта, а по существу как суммарное определение творчества Кальдерона настолько же обманчиво, как если сказать, будто "Шекспир-это протестантский Кальдерон..."

Современные Кальдерону церковь и государство лучше Шлегелей разобрались в этом вопросе, когда в середине 1640-х заставили драматурга замолчать на несколько лет, а затем приковали позолоченными кандалами к придворному театру и, наконец, осыпав покойника неслыханной хулой, затормозили на полстолетия печатание его пьес, и наипаче пьес духовных.

И по переводу Бальмонта, и по переводу Пастернака видно, как в начале драмы "Стойкий принц" взгляд мавританского военачальника Мулея

в несоответствии с его воинской профессией в грозном строе португальских боевых кораблей, шедших к берегам его родины, долго улавливал лишь видимости, а не формы, в неотличимых светотенях моря, облаков и волн. Между тем, в понимании творчества Кальдерона таятся опасности прямо противоположно направленного процесса. Как Мулею в конце, так читателю и исследователю в начале многое представляется ясным в драматургии Кальдерона, а затем вдруг ускользает, как переливающиеся и колышущиеся светотени.

Кальдерон, неоспоримо, величайший драматический поэт барокко. Идеи барокко будто закодированы в заглавии самой известной его драмы "Жизнь есть сон" и разворачиваются в ее действии.

Чтобы разобраться в запутанном барочном соотношении видимостей и сути в поэзии Кальдерона, целесообразно предварить более или менее последовательную характеристику его творчества рассмотрением противоречивости ключевой его драмы "Жизнь есть сон" и самых далеких современному восприятию и могущих быть вначале понятыми как правоверно католические — драм "Чистилище святого Патрика" и

"Поклонение кресту".

В драме "Жизнь есть сон" принц Сехисмундо по астрологическому предсказанию должен стать чудовищным злодеем, и отец будто мудро и предусмотрительно заточает собственного сына в башню, где тот в дикости и безлюдии проводит детство и молодость. Чтоб испытать верность провидения, сей мудрый отец, польский царь Василий (Басилио), приказывает усыпить сына, переодеть его в одежды принца и перенести во дворец. Предсказание сбывается — принц ведет себя безобразно: грозит оружием всем, вплоть до отца, выбрасывает одного человека из окна, готов проявить полную необузданность в отношении женщин. Отцу вроде бы ничего и не остается, как из государственной мудрости приказать усыпить Сехисмундо и вернуть его обратно в темницу. Очнувшись в тюрьме, принц "убеждается" в тщете мирской жизни, в том, что жизнь есть сон...

Это словно конспект, сгусток представлений, повторявшихся многими, в том числе и не самыми значительными, поэтами барокко в разных странах, даже до появления драмы Кальдерона.

На этот момент драма, ее аксиома: "жизнь есть сон" — прямой противовес гамлетовскому ренессансному — в пользу решительных действий

— преодолению сомнения "быть или не быть".

Будто все ясно. Но и в драму Кальдерона врывается вихрь реальности, развеивающий свойственные кризисной стороне барокко представления о тщете и сумятице земного существования; увидим, что ни в поэте барокко, ни в герое барокко — ни в Кальдероне, ни в Сехисмундо — не умирает, а лишь преображается, раздваивается неведомый им Гамлет.

Поверил Сехисмундо в то, что жизнь есть сон, однако не поверил он в то, что сном была и его любовь к Росауре.

Красота перевоспитала и его, как некогда у Боккаччо грубого простака Чимоне ("Декамерон", V, 1; "Чимоне, полюбив, становится мудрым..."). "В ней больше красоты, чем в человеке", — размышляет Сехисмундо о женщине и кратко ("Столетья — час, когда они прошли"[234]) пробегает путь, который освобождающееся человеческое сознание совершило с XII-XIII по XVI-XVII вв.:

Лишь женщину одну любил...
И думаю то было правдой:
Вот все прошло, я все забыл,

---

[234] Примечания: 234

Последняя строка сонета дона Фернандо в "Стойком принце" Кальдерона в переводе Бальмонта.

И только это не проходит...

Идее тщеты всего земного противопоставлена истинность любви к женщине. Это пролом всей концепции жизни — сна, пролом жизнеутверждением, порожденным самой действительностью и утвержденным как принцип Ренессансом. Утвержденным с того момента, как Данте, внутренне не согласившись с божиим приговором Франческе и Паоло, сказал об этом в "Божественной Комедии", а может быть, и несколько раньше в хрупких образах донн Гвиницелли, а на Востоке у таких мудрых побратимов Предвозрождения, как Сзади.

Второй пролом представления, будто жизнь есть сон, сам Кальдерон свершает изображением вполне реального восстания. Народ восстал, узнав, что у Басилио есть сын, а государь, не спросясь мнения народного, хочет навязать стране чужеземного принца Астольфо. Восставшие освобождают Сехисмундо, и он, возглавив их, разбивает войска, оставшиеся верными отцу, но, вопреки оракулам и ожиданиям, не творит расправу, а щадит отца, Росауру, Астольфо и объявляет политику, которая, по представлениям передовых людей того непростого времени, вменялась в обязанность национальному мо-

нарху-объединителю, пресекая одновременно возможность дальнейших междоусобиц.

Пролом третий — реальное восстание корнями уходит в самое начало пьесы и соответствует восстанию духа Сехисмундо в I акте, где он укорял небеса, что они даровали ему меньше свободы, чем всем другим тварям — "...А с духом более обширным // Свободы меньше нужно мне?..."

Тут уж не надо считать "проломы", ибо Кальдерон ходом действия раскрывает возможную двойственность оценок, обнаруживая, как посюсторонняя реальность вступает в противоречие с тем положением о суетности земной жизни, ответвлением которого является яркое сентенциозное заглавие "Жизнь есть сон",

С реализацией внутренней свободы в предположительно возможную в абсолютистские времена политическую свободу (которая проглядывала в лучшие годы правления некоторых итальянских князей, Франциска I, Генриха IV, а в Испании оставалась лишь мечтой) в пьесе утверждается и победа "свободы воли" над предопределением. В сравнении с искомой Сехисмундо "свободой воли" оно выступает в довольно жалком виде, как насильственные меры ложно "мудрого" Басилио. "Свободу воли", эту заново обоснованную

гуманистами философски-утопическую идею католицизм после тысячелетнего гонения был вынужден допустить хоть на словах, поскольку лютеране и кальвинисты сумели сделать на время эффективным пропагандистским орудием "несвободу воли", хотя ограниченность этого тезиса адекватно отражала социальную ограниченность целей протестантских вождей.

С идеей "жизнь есть сон" контрастирует и русско-польский сюжет, имевший в Испании особое конкретное наполнение после знаменитой драмы Лопе де Веги "Новые деяния Великого князя Московского" (1606). Удивительно подробно осведомленный о том, что происходило на Руси, но не знавший в момент написания драмы (видимо, конец мая 1606 г.), что Димитрий был уже убит, Лопе представил события Смутного времени как "великую революцию" (grande revolucion). "Великий князь Московский" Лопе де Веги, в котором, насколько нам пока известно, введено в международный политический лексикон оказавшееся таким знаменательным понятие "великой революции", дал модель множеству испанских драм и нескольким повествовательным произведениям для невозможного на испанском материале изображения чаемого переворота

и установления приемлемой народу национальной государственности. Такой социально насыщенной русско-польская тема вошла в испанскую литературу. Но затем и она, несмотря на удаленность событий, оказалась не проходящей цензурно, так как в положительном виде, в качестве образца выступала история не католического, а православного государства. Если Лопе и Сервантесу (в "Персилесе") было достаточно намеренного умолчания о религиозной розни, то Кальдерону (который обращался к польской и русской тематике до восьми раз) приходилось прибегать к, должно быть, им и придуманному хитроумному средству перемены мест русских и поляков. Так в его драмах появились русские с ремаркой, что они одеты a lo polaco, польские цари по имени Василий (Басилио), а с ними русские короли Казимиры. А ведь польский король Ян Казимеж (Казимир V, 1609-1672, правил в 1648-1668), современник Кальдерона, был хорошо известен на Западе. Знали и что Василий — имя русских царей. Так — Хуаном Басилио, или просто Басилио, испанцы называли Грозного, да и царь Василий Шуйский был современником Кальдерона.

При отвлеченной тематике "суеты сует" "Жизнь есть сон" грохочет отзвуками драмы Лопе. Здесь

есть и победа восставшего народа, и призвание заточенного или изгнанного царевича, свергающего тирана (отзвук данных о Борисе Годунове), отстраняющего иностранного принца (Владислав), все это в драме идет от фантастического и реального понимания у Лопе "великой революции" на Руси XVII в.

Первым не какой-либо критик, а Сехисмундо сам высказал и в общем преодолел противоречие, таившееся в драме. Он пришел к выводу, выраженному в категориях, приемлемых в светской философии и в принципе пригодному и для просветителей: "действовать во благо, вот что существенно" ("Obrar bien es lo que importa"), независимо от того, есть ли жизнь сон, или нет.

Сехисмундо, запутанный предыдущими экспериментами отца, не уверен, "правда или сон" то, что он возглавил восстание, но произносит ответственное суждение, которое Бальмонт перевел следующим образом:

Что важно — оставаться добрым:
Коль правда, для того, чтоб быть им,
Коль сон, чтобы, когда проснемся,
Мы пробудились меж друзей.

"Obrar bien" ("творить добро"), независимо от

того, сон жизнь или не сон, — тезис этот, повторяемый Сехисмундо несколько раз и осуществляемый им на деле, еще глубже, чем о нем пишут. Сомнениям философской мысли Сехисмундо, а в данном случае заодно с ним и Кальдерон, противопоставляют необходимость действовать, как если жизнь есть несомненная реальность, т. е., выражаясь несколько модернизированно, поверяют философию критерием общественной практики.

С этим было бы небесполезно познакомиться самому Дидро. Но у Кальдерона и материалистические идеи могут быть выраженными в сложных барочных образах. Например, два последних стиха монолога Сехисмундо, заключающих II хорнаду, не удалось в алгебраической точности содержащегося в них отрицания отрицания передать даже Бальмонту. Отделенные точкой с запятой от предыдущего, эти стихи гласят: "Que toda vida es sueno, // Y los suenos, suenos son". "Поскольку (раз) вся жизнь есть сон, (то) и сны суть (тоже) сны". Таким образом, накануне III хорнады, хорнады решительных действий, опровергающих иллюзии и заблуждения предыдущих хорнад, из тезиса в иллюзию переходит главная эмблема драмы: "жизнь есть сон", но ведь "сны

тоже суть сны"; следовательно минус на минус дал плюс. Утверждение, что "жизнь есть сон" тоже сон, следовательно: "жизнь не есть сон!"

Как это ни парадоксально, именно сомнения, поиски, смятение мысли, вся глубокая двойственность одной из величайших драм Кальдерона более субстанционально барочны, чем взятое само по себе, не без оснований принимаемое за квинтэссенцию барокко и кажущееся такой квинтэссенцией положение "жизнь есть сон". Неразрешимость вопроса, действительно ли "жизнь есть сон", шаткость эмблематичности еще характернее для барокко, чем сама эмблематичность.

Этот вывод имеет общее значение для вершинных произведений барокко и прямо относится к двум "трудным" драмам, к которым мы переходим.

В особом объяснении нуждаются две переведенные Бальмонтом в самом начале 1900-х годов драмы, видимо казавшиеся переводчику в чем-то созвучными собственным настроениям и вообще модным тогда среди символистов томлению по непостижимому и увлечению мистическим познанием, — "Поклонение кресту" (ок. 1630-1634) и "Чистилище святого Патрика" (1634).

Эта пьеса, с которой Бальмонт и начал пере-

воды Кальдерона, по году написания примерно современная философской драме "Жизнь есть сон", отличается занимательностью сюжета и лишена претензии на какое-либо правдоподобие действия. Она может быть поставлена на сцене всерьез как реконструкция средневекового театра (в таком виде, в каком он никогда не существовал, но мог существовать в представлении поэта барокко) или как некая опера, "мистерия-буфф", как полная противоположность созданным по канве средневековых легенд и тоже реконструирующих их сурово сосредоточенным вещам, наподобие "Тангейзера" Вагнера.

Св. Патрик (ок. 389 — ок. 461), хотя его образ потонул в цветении раннесредневековых преданий, особенно пышном у кельтов, — лицо историческое. Этот миссионер, прошедший через рабство и ставший вдохновителем христианизации Ирландии, традиционно считается ее покровителем. От него дошли даже некоторые произведения, например "Исповеди". Одна из самых распространенных легенд о Патрике, растекшаяся по Западной Европе, возможно, повлиявшая и на ислам, а позже докатившаяся до Данте и до Кальдерона, — легенда об открытии Патриком близ Даунгела (Donegal) в Ирландии

страшной и чудесной пещеры, через которую он проложил путь в загробный мир, — чистилища св. Патрика. Если верующий, какие бы грехи он ни совершил, отыщет пещеру и решится войти в нее не из любознательности (исследовательский дух в средневековом человеке был приглушен надолго), а, как Патрик, с готовностью перенести при жизни истязания за грехи, он выйдет невредимым и отбывшим очищение. По дуализму сказок такой подвиг удается либо святым, либо раскаявшимся злодеям. Внести во все это дух ренессансной упорядоченности сумел лишь Данте — один из первых гуманистов, постигавший сошествие в загробный мир в "Энеиде" Вергилия почти так же естественно, как средневековые предания.

Как это бывает в произведениях барокко, драма, подобно эллипсу, имеет два фокуса. Фактически у Кальдерона главный герой не святой, не Патрик (по-испански Патр*и*сио; Бальмонт писал "Патрикк", через два "к" не чтобы передать английскую орфографию, а чтобы закрепить необычное принятое им ударение на втором слоге, более соответствующее испанскому), а Людовико Энио — христианин сверхзлодей, убивавший, насиловавший, растлевавший не только

ради выгоды или удовольствия, а просто так, без смысла, во утверждение своей независимости от морали, т. е. своей "свободы воли" в дурном смысле. В эпоху первоначального накопления, становления национальных монархий, колониального грабежа образы таких выродков из знати и из выбивавшихся в люди простолюдинов были порождены жизнью, а не только миром сказок или театра Сенеки. Освобожденный индивидуализм имел и весьма темные стороны. Однажды даже один великий гуманист Италии в приступе отчаяния, порожденном неудачами в объединении родины, предположил, что такие темные стороны, если они сконцентрированы в воле государя, то и автоматически регулируемые масштабом и целесообразностью задачи объединения страны могут в какой-то исторический момент оказаться общественно полезными. Но и у тех, кто о таких проблемах не задумывался или, наученный многогорьким опытом, в такую пользу не верил, многообразие проявлений индивидуализма, в том числе и зловещих, поражало воображение, рождая, особенно в Испании и Англии, сотни драм с персонажами, удивительными своими преступлениями, включая властительного Тамерлана у Марло, а в более

стройной художественной системе Шекспира — злодея Ричарда III, Яго и др.

В банальном варианте "злодейские" драмы выполняли функции, схожие с теми, которые в наш век переняли мелодраматически-детективные романы и фильмы.

Серьезные решения варианта "злодей" и "святой" в испанской драме могли различаться в зависимости от периода написания, литературного направления, художественной индивидуальности автора. У Тирсо де Молины, знаменитейшего мастера в этом деле, вопрос мог решаться то в ренессансном духе, то в духе художественных направлений, складывавшихся в более сложной обстановке XVII в. В "Осужденном за недостаток веры" Тирсо отчасти продолжает традицию Данте, решившегося поместить современных ему пап в ад. В драме примерный священнослужитель Паоло оказывается хуже свирепого разбойника Энрико. В конце концов, второй "спасается", а церковный деятель, как папы в дантовском "Аде", попадает в преисподнюю.

В "Севильском озорнике" вопрос о распределении в жизни людей вины и добродетелей усложнен. Даже женщины, становящиеся жертвами Дон Хуана, в отличие от персонажей близкого

амплуа у Лопе, у "старшего", и Кальдерона, у "младшего", сами не безгрешны и попадают в беды и по собственной вине. В отношении главного персонажа Дон Хуана (Дон Жуана) в ходе действия ударение ставится не просто на том, что он не только озорник-соблазнитель, но и настоящий преступник — обманщик, использующий свою безнаказанность сына фаворита, а на том, что он превращается в героя, мужественно встречающего гибель, как только высшая справедливость предстает перед ним в виде косной каменной силы. Роль святого в драме многозначительно передана каменной статуе командора, также обитателя преисподней. Проваливаются туда оба, и тот, кто играл роль "злодея", и тот, кто выполнял функцию вершителя небесного суда. На будущие века такая развязка закрепила сочувствие не к высшему правосудию, а к герою.

Кальдерон в "Чистилище святого Патрика" разыгрывает в патетической и остросюжетной форме с виду как бы самый канонический вариант. Патрик сначала спасает Людовико после кораблекрушения, а затем косвенно способствует решимости злодея раскаяться и пройти при жизни пытки чистилища. В противоположность развязке "Севильского озорника" "спасаются" оба:

и святой и злодей.

Вычеркивая в 1915 г. с афиши Старинного театра слово "святой" из-за того, что Патрик не числился среди православных святых, царская цензура будто была способна оценить теологическую противоречивость драмы. И католическому богословию, пусть в конце драмы большим списком перечисляются церковные авторитеты, на которых драма может опереться, тоже было не совладать с Кальдероном. На подходах к пещере Людовико во многом противоположен типу "кающегося" и ситуационно в некоторые моменты даже схож с Сехисмундо. Когда Людовико приближается к пещере-чистилищу, он встречается с некогда соблазненной и предательски им убитой дочерью ирландского короля Полонией (Патрик воскресил ее). Она — из смирения, но и из остатков былого чувственного влечения — объясняет своему убийце, как тот должен действовать, и что уже первые испытания — переправу через страшное озеро — ему нужно пройти по своей "свободной воле":

> *... По льдистой сфере озера ты должен*
> *Пройти в ладье, владыкой полновластным*

Своих свободных действий...

Перевод точен: "... Has de pasar, siendo absolute dueno de tus acciones".

Таким решающим выступлением, такой решающей ролью "свободы воли" перевернута вся видимая ("каноническая") концепция.

Но этого мало: из того кошмарного бреда, в который Людовико превратил свою жизнь, он вырвался, победил исключительно потому, что был обманут. "Спасся" обманом.

Но и этим не исчерпывается вопиющая неканоничность драмы, с виду религиозной. Со "спасением" обманом сочетается изображение власти земных страстей вплоть до порога потустороннего мира. Как страсть к Росауре преодолевала внушение, что жизнь есть сон, так в этой драме она сильнее будто запрограммированной сюжетом благостыни. Покаявшийся и твердо решившийся "спасаться" Людовико, встретив Полонию, устоял от чувственного искушения, "победил" (venci) тоже вследствие обмана. Напуганный до этого явившимся ему в виде его скелета призраком собственной смерти, он и Полонию принял за призрак, не поверив свидетельству чувств, что она вновь ему желанная живая женщина:

Твой призрак ложный
С правдивостью земною его
Меня не покорил, хоть предо мною
Ты видимую форму приняла,
Чтоб я оставил цель свою, утратив
Надежду.

Это Людовико восклицает за сценой, с озера, когда он поплыл, и уже было невозможно повернуть назад. Религиозна драма, где отречение от земного, возможность преодолеть страсть на пороге чистилища — следствие *обмана*!

Поэт, сквозь острый и запутанный сюжет, сквозь чередование богохульства и вдохновенной хвалы, ведет и в этой драме к ситуации контраста и противоречий. Их великий поэт барокко не сглаживал в пользу догмы, а оставлял такими же нерешенными, какими видел в жизни.

Пусть читатель вдумается в хорнаде III, сцена 7, в слова Людовико о противоположности, которая *сближает* противоположное — гору рая и гору ада. Бальмонт не вполне передает в данном случае уж слишком рассудочно-философский характер этих стихов, буквально означающих следующее: "Те две горы столь безмерно различ-

ны, // Что их теснейшим образом сближает // Противоречивое противостояние":

Tan disformes son los dos,
Que les hace mas amigos
La contraria oposicion.

Идея единства неразрешенных противоположностей — это философский рывок поэтического всеведения барокко на полтораста лет вперед, к рубежу, где кончается диалектика по Канту и начинается диалектика по Гегелю.

Игра противоречий кальдероновского барокко, звонко раскалывающая чугун догм, еще очевиднее в драме, названной будто правовернее всех других — "Поклонение кресту" (1630-1634). Но и здесь существенно не столько заглавие-эмблема, сколько те ножницы между преследовавшимся церковью личным благочестием (ими Эусебио означает "благочестивый") и казенной контрреформационной церковью, которые в этой драме доходят до предела или выходят за всякий предел, если можно так выразиться даже о метафорических "ножницах". Нечто подобное встречается у Кальдерона в необычайном "Волшебном маге", где языческий философ своим умом, без помощи откровения, доходит до основ христианства. Те-

зис, на который могло бы не хватить нескольких костров инквизиции, взятых вместе.

В "Поклонении кресту" Эусебио — изгой по рождению, так как отец, движимый ложной ревностью (чтобы задеть честь дворянина, признается он с осуждением, достаточно и "воображаемого подозрения"), решил накануне родов убить жену в глуши леса в горах. Окрававленного младенца нашли в лесу у подножия креста (такие кресты в католических странах часто ставились на перекрестках, на местах каких-то достопамятных событий), и это так же, как и родимое пятно в виде креста на груди, — единственные его свидетельства.

Драма начинается с того, что друг Эусебио Лисардо, обнаружив переписку Эусебио с сестрой, несмотря на все уговоры, вынуждает героя на поединок, в котором, однако, гибнет сам. Теперь Эусебио — совсем изгой. Хотя поединок был честным, и он сам отнес на плечах умирающего исповедаться, он официально вне закона, имущество его конфисковано, Юлия, его возлюбленная (к которой он, конечно, не прикоснулся), вопреки ее "свободе воли" (это составляет предмет разбирательства в драме), заточена отцом в монастырь. Схожая ситуация вынужденного разбойничества

великодушного, рыцарственного героя воспроизведена Кальдероном в светском варианте в драме "Луис Перес Галисиец".

Одиночество Эусебио и человеческую отчаянность драмы усугубляет правдивое и важное для понимания мышления Кальдерона изображение того, что крестьяне, равнодушные к конфессиональным проблемам, с одинаковым безразличием относятся и к церкви и к нецерковному благочестию разбойника:

Убьет и крест над ним поставит,
И грех свой, дескать, искупил.
Подумаешь, какая милость
Тому, кого он сам убил!

А тем временем против Эусебио, объявленного государственным преступником, мобилизованы военные силы (во главе отрядов поставлен суровый Курсио, отец Юлии). Он (и все это прямо, терминологически точно сказано в тексте и адекватно передано Бальмонтом (отлучен от церкви, что в те времена было тягчайшим наказанием, против Эусебио ведется "несправедливая война" ("Guerra injusta"). Его не спасает ни удаль товарищей, ни отчаянные действия — проникновение в монастырь к Юлии (увидев у нее на груди такой

же знак креста, как у него самого, он отказывается посягнуть на Юлию), но она, потрясенная всем происшедшим, также становится разбойницей.

С точки зрения эмблематики заглавия, "открытость" судьбы Юлии еще более загадочна, чем чудесное "спасение" Эусебио. Ведь у Юлии такой же знак, как у Эусебио, но он не движет ее судьбой. Насильно заточенная, затем оставшаяся вне стен монастыря, Юлия, разбуженная чувственность которой оскорблена внезапным отказом Эусебио, переодевшись в мужское платье, становится злым разбойником, покушается и на самого Эусебио, затем с отчаянной храбростью помогает ему, но знак креста не оказывает влияния на ее жизнь и поступки: чудо не становится законом. Кальдерон едва ли читал Декарта, но дышал тем же воздухом рационализма.

После самых драматических перипетий узнается, что Эусебио брат Юлии, сын гневливого Курсио, родившийся в лесу от израненной самим Курсио жены. Что-либо сделать поздно: Эусебио умирает, и его как отлученного не хоронят по обряду, а оставляют в лесу и "по случаю" близ того же креста, у которого начался его краткий и горестный жизненный путь. Жестокости церковной расправы — приговору к вечным мукам

на том свете — противостоит лишь осуждаемое церковью личное, "эразмианское" благочестие. По Евангелию так, путем прямого обращения с креста к кресту, "спасся" один из разбойников, распятых рядом с Иисусом. Развязать драму может лишь повторение неповторимого чуда. Призыв умирающего, даже умершего, слышит священник Альберто, когда-то пощаженный разбойником. Он чудом оживляет мертвого на время, достаточное для исповеди.

Моральная победа отлученного, "спасенного" прямым вмешательством неба, "спасенного" вопреки церкви-отлучительнице, с помощью духовника нарушающего церковную дисциплину, обнаруживает зияющее, как его ни прикрывать, расхождение Кальдерона с "великоинквизиторской" Контрреформацией.

Сложность оценки драмы об Эусебио не только в том, что развязывается она жонглированием одного игольного острия на другом — неповторимым чудом, но и в том, что крестьяне, т. е. персонажи драмы, наиболее близкие тому простому и наивному зрителю, у которого нецерковное благочестие могло встретить стихийную поддержку, не понимают и не принимают милосердия разбойника Альберто — ни то, что он

щадит их и всех тех, кто обратился к нему во имя креста, ставит кресты над могилами убитых, ни то, что относит умирающих на исповедь: "Примерное благотворение — // Убил и тащит на плечах".

Свойственное барокко Кальдерона сосредоточение внимания на непримиренных противоречиях, правдивое отражение зыбкости, иллюзорности попыток их спиритуалистического разрешения, неприложение их к Юлии проявились в "Поклонении кресту" еще отчетливее, чем в драмах "Жизнь есть сон" и "Чистилище святого Патрика".

Когда рассеиваются мифы вокруг так называемых религиозно-философских драм Кальдерона, то не остается ли последняя возможность впустить темный луч в светлое царство? Не обнаружено ни одного бальмонтовского перевода ауто Кальдерона, но ведь заказные, исполнявшиеся на площади в праздник Тела господня "действа о причастии" (autos sacramentales) составляют около третьей части драматического наследия Кальдерона. Оставим пока в стороне то, что они практически не издавались, что из-за них поэт терпел не меньше неприятностей, чем из-за других пьес, и поставим вопрос, не свидетельствуют

ли хоть они одни о какой-то близости поэта официальному католицизму?

Церковной задачей ауто было укреплять главное, но все менее приемлемое в свете жизненного, географического, астрономического, вообще научно-технического опыта XV-XVII вв. для сознания нового человека "таинство веры". А именно то, что в ходе обедни (на Западе — мессы) осуществляется не символическое, а вещественное (материальное) пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Христову, а верующие во время причастия (евхаристии) действительно приобщаются к Христу. Прямо показать это и в ауто было затруднительно, поэтому действие ауто строилось на отличии Нового завета от Ветхого (Ветхий не знал причастия), на изложении чудес, связанных с причастием, на толковании истории, преданий, мифов, аллегорически соединяемых с евхаристической тематикой.

Ауто поэтому было обоюдоостро, а, скажем, у Лопе остро не в ту сторону, в которую требовалось. Это относится и к формально более осмотрительному Кальдерону. Ведь не мог же он удержаться даже в комедии "Дама Привидение", чтобы слуга, трепещущий от такой дьявольской дамы, завидев ее со светильником, не бросился

бы пояснять, что дьявол, как "luci-fer", тоже означает "свето-носный"; а в аутос и чудеса и дьявол должны были являться на каждом шагу.

Бальмонт не переводил аутос Кальдерона. Но роль их в творчестве испанского драматурга велика, и если читателю хочется составить себе представление об их жанровой и идейной свободе, можно обратиться к изданной в 1986 г. в Ленинграде книге: "Iberica. Кальдерон и мировая культура". В данной статье мы перелистаем несколько страниц из этой специфической области испанского театра XVI-XVII веков.

Сначала остановимся на одном позднем, зрелом ауто, ошеломляюще озаглавленном "A Dios por razon de Estado" (1650-1660?), т. е. "К Богу из государственных соображений", что более литературно можно перевести: "К Господу блага государственного ради". Перед нами типичное Кальдероново ауто, но по существу это язычески-вольная комедия-фантасмагория, будто написанная неким не то Аристофаном, не то Лукианом, переместившимся, минуя XVII, прямо в XVIII столетие; неизмеримое остроумие сочетается в ауто не столько с "христианским гуманизмом" Эразма, сколько с чем-то странно похожим на рационалистический деизм фран-

цузских просветителей.

Действие ауто протекает от поры распятия Христа до открытия Америки и до века Кальдерона и задевает все континенты. Самым опасным из его аллегорических персонажей оказывается не первобытное индейское *Безбожие* (*Атеисмо*), играющее роль *Америки*; не выступающее как *Африка* будущее *Магометанство*, но играющий роль *Азии* Ветхий завет (*Синагога*). Ветхозаветность выступает намного хуже безбожия и магометанства, не говоря уж об античном язычестве, мгновенно преобразующемся в истинную веру. Европа представлена греко-римским *Язычеством*, притом не философским, а имперским, тем, которое по преданию и в действительности до IV в. обрекало на мученичество тысячи и тысячи христиан. В соответствии с выдвижением *Язычества* на первый план *Дух*, человеческий разум, воплощен в Дионисии Аргите (I в.), т. е. в первом эллинском магистрате, который был, согласно Деяниям апостолов (17, 34), обращен апостолом Павлом в христианство. Странно, но персонаж этот, изображавшийся мудрецом (в Средние века ему приписывали сочинения философа-мистика VI в., ныне именуемого Псевдо-Дионисием), в честь которого названа ближайшая к Акрополю

улица в Афинах, выведен Кальдероном молодым человеком, в амплуа "первого любовника" (de galan)!

В ауто выступает и апостол Павел, решительно облеченный поэтом, возможно вспомнившим римскую фреску Микеланджело и картину Караваджо, в римские одежды (a lo romano). На сцене происходит его обращение ударом молнии господней и его падение с коня. Чтобы поднять Павла на ноги, требуется не благодать, как в Писании, но оказываются необходимыми совместные действия *Духа* и играющей роль шута *Мысли*. На весах догматизма, впрочем, как и на весах скептицизма, трудно сказать, что убийственнее: необходимость для обращения Павла (совершенного Христом уже после распятия, посредством чуда) *Мысли* или Шута: о, Кальдерон!

Синагога, любимцем которой был Павел, убедившись в его обращении, обнажает на него и на *Дух* меч (ветхозаветный закон поднимает меч на св. Духа!), но оба ищут защиты у ...*Язычества*! — "Saca la espada y se amparan los dos de la Gentilidad" (O. C., III, 867). Причем защищают христиан не философы, не поэты, а сама империя, Рим, который на вопрос, где Павел и Дионисий укроются, надменно отвечает: "A mis pies" ("У моих ног");

основоположники христианства, спасающиеся у ног языческой империи Рима: такого не придумали бы худшие насмешники над христианством, ни острый Лукиан, ни серьезный Цельс!

В своем удалении от Ветхого завета в сторону язычества и его *государства* ("К Богу из государственных соображений"!) Кальдерон оставляет в этом ауто без внимания бесчисленные предания о кровавых гонениях христиан императорами и о казни Петра, а также и Павла в Риме. А Кальдерон видел темницу, куда заключали апостолов, видел храмы, воздвигнутые на предполагаемых местах казни. Поэтом нарушен даже тот вид равновесия, который царил у самых смелых художников Чинквеченто, например в фресках Микеланджело в капелле Паолина, где напротив "Обращения апостола Павла" символически помещено "Распятие св. Петра", осуществляемое (как и казнь Павла) *римскими* карательными войсками.

Кальдерон идет своим путем. После всех знамений, чудес, споров континентов, плясок Африки он выводит действо о вере на прагматическую деистически-рациональную прямую: большую часть мира — Азию и Африку — страшные знамения и христианские чудеса не убеждают, и они остаются врагами христианства. Обращаются

Павел, Дух, Язычество-Европа и Индеец-Америка. Но обращаются в большинстве не верой, а деловыми соображениями, прагматическим разумом. Дионисий говорит, что "(новая) вера (св. Павла) не несет ничего такого, почему не было бы благом для всех уверовать в нее и полюбить ее, достигая этой веры и любви из соображений политических, если соображений самой веры недостаточно", если нет внутренней основы для веры:

nada su ley nos propone,
que bien a todos no este
el creerlo y el amarlo,
Ilegando a amar y creer
por razon de Estado cuando
faltara la de la fe
(O.C., III, 868).

В жилах Кальдерона будто заиграла кровь будущих писателей предреволюционной Франции XVIII в. Шут — *Мысль*, пересмеивая все содержание ауто, готов "отметить празднествами и развлечениями истину этой истины", — а именно, что если веры недостаточно, в бога надо верить из политических соображений (O.C., III, 869).

И этого Кальдерону мало. Он кончает ауто обращением ко всем, "парабасой", как это называется в комедиях Аристофана. Притом у Кальдерона это нечто еще больше нарушающее сценическую иллюзию. Все (todos), т. е. актеры, а за ними, как в массовом театре, и зрители, толпившиеся на площади, смеются реплике Шута, а если сумеют, подхватывают ее, пляшут и поют, весело завершая удивительную по тем временам пьесу о целесообразности любви к вере у неверующих:

Todos
I contigo
todos diciendo otra vez,
que debe el ingenio humano
liegarlo a amar y creer
por razon de Estado cuando
faltara la de la fe

(O.C, III, 869).

(Все: И с тобой (с шутом) все мы будем веселиться, повторяя, что человеческий разум должен полюбить (веру) и поверить из политических соображений, коль для веры нет основы).

Нужно ли еще что-либо добавить, чтобы убедиться в широте диапазона жанровой и идейной

свободы аутос Кальдерона, в том, чтобы убедиться, что они могут быть в согласии не только с его антидогматическим благочестием, но и с народным жизнерадостным свободомыслием, которое вело к просветительству XVIII в.

Глубокие противоречия наблюдаются также в аутос, написанных непосредственно на библейские темы. Ауто 1662 г., двусмысленно названное "Mistica y real Babilonia" (заглавие можно понять и как: "Вавилон мистический и Вавилон царский", и как: "Вавилон в таинстве и в жизни"), написано по Книге пророка Даниила, рассказывающей о жестокостях царя Навуходоносора II (начало VII в. до н. э.) и о чудесном спасении Даниила, брошенного в ров со львами, и юношей, уцелевших в огненной печи.

Но самым удивительным в ауто являются не эти чудеса, но вплетение в него отсутствующих в Библии стихов о свободе Рода Человеческого (прописные буквы имеются в автографе Кальдерона, стих 1899: "el Henero Humano"). Род Человеческий за шесть веков до Христа и до причастия, надеясь на это будущее, предполагает отстоять и от внешних притеснений, и от собственных пороков свою свободу (в автографе: "su livertad...", стих 1902).

Иными словами, в обязательное в каждом ауто

сакраменталь восславяение причастия Кальдерон ввел нечто еще большее, чем апология свободы воли, — *апологию свободы Рода Человеческого*.

В пределах обязательного не только для ауто, но принятого практически во всей литературе XV-XVII вв., формального хотя бы, согласования любого свободолюбивого утверждения с христианским учением, Кальдерон пошел дальше Эразма, Вивеса и Монтеня и встал в утверждении свободы Рода Человеческого едва ли не впереди крайне светских итальянских мыслителей XV в.

В том же библейском цикле представляет интерес позднее, написанное к 1672 г., ауто "Вавилонская башня" ("La torre de Babilonia"), которое основано на весьма вольном художественном истолковании гл. 8-11 библейской Книги Бытия.

В действии ауто тоже развивается идея свободы. Свой ковчег Ной определяет эпитетами едва не предромантическими — "свободный и надежный" ("...libre y segura"), а открывая ковчег, провозглашает: "для всех настала свобода" ("para todos ha venido la libertad").

Ауто "Вавилонская башня" родственно так называемому "героическому пейзажу" XVII в. с гигантскими фигурами среди дикой природы.

Оно во многом барочно, а в некоторых аспектах приближается к такому направлению в литературе и искусстве XVII в., придерживаясь которого, поэты и художники, изображая сложность жизни, предпочитали не давать прописных ответов, ограничивающих свободу дальнейшего постижения поднятых в нем вопросов.

Героями ауто являются выступающие у Кальдерона как титанические в первоначальном мифологическом греческом смысле слова личности — сын Ноя бунтарь Хам и внук Хама Нимрод, первый самодержец, о котором и в Библии отмечено: "сей начал быть силен на земле" (Быт., 10, 8). Разные направления искусства XVII в. переняли от Возрождения страсть изображать титанизм не только в хорошем, но и в дурном, а также в их переплетении, не подлежавшем однозначной оценке.

Даже пресловутый Хам выведен Кальдероном в ауто "Вавилонская башня" далеко не однолинейно. Опустошенная потопом земля с развалинами и костями кажется его суровому нраву прекрасней солнца, ковчега, радуги. Ведь радугу Бог создал, чтобы она была "знамением вечного завета", обещания людям, что Бог больше не истребит землю потопом (Быт., 9, 8-17). Хам же не хочет

прощать истребления людей потопом и поэтому не признает красоты радуги: его взгляд на прекрасное согласуется с его убеждениями.

Тематика ауто вплетена в пьесу странным и с вида не очень благочестивым способом. Сон о пресуществлении вина в кровь Ной видит, валяясь на полу нагим и пьяным, и даже сам, когда позже толкует его, признает, что в этом опьянении "было заключено и зло, и благо".

В свете общего господства в ауто духа противоречий, идеи переплетения добра и зла, центральной фигурой ауто стал внук Хама царь Нимрод. Кальдерон сгустил по сравнению с Библией характеристику Нимрода. Основатель Вавилонии, Аккада, Ассирии, он царь — деспот и завоеватель, а в то же время организатор строения Вавилонской башни. Хотя и в Библии строительство башни — гордыня, но замысел относится к потомкам Ноевым вообще: "И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли" (Быт., 11, 4). За этим последовало смешение богом языков, воспрепятствовавшее совместному строительству.

Планы Нимрода — планы деспота на манер действий и мечтаний испанских монархов XVI-XVII

вв., периода завоевания Америки и наступательных войн в Европе. Башня строится — только по произволу властителя, чтобы он мог обнять взглядом весь круг земель и узнать, есть ли у него возможность завладеть миром целиком, как подобает его великой гордыне.

Даже дикарь (Salvaje) понимает, что Нимрод положил начало "абсолютной монархии" ("la monarquia absolute"). Однако Кальдерон, хоть и сын века абсолютизма, не забывает тут же напомнить не совместимую с правовым мышлением монархии той эпохи истину, что "у каждого человека свобода — абсолютна".

Нимрод тоже старается найти общее обоснование своему замыслу. Он отрицает, что ковчег спасен от потопа чудом: "И раз мы видим, что свирепства // Неба человек без Бога // Может победить своим мастерством // ...Чтобы оградить себя от [гнева] неба // ...Построим башню // ...[И поднявшись] узнаем, из какого вещества сделана луна, // Пощупаем своими руками // Самые чистые звезды".

На фоне таких конфликтов и таких противоречий характеров обязательная мораль ауто имеет не соответствующий масштабу действия и жалкий вид. Когда Бог посылает ангела, чтобы

смешать языки и прекратить строительство башни, Нимрод, свергаемый среди развалин к ногам своих бывших рабов, не соглашается покориться и пред лицом ангела, гордо восклицает: "нет!", бросается в бездну и гибнет в пучине. Ангел же преподносит наставление, никак не согласное ни с ходом ауто, ни с опытом эпохи, — "пусть никто // в слепом заблуждении не осмеливается исследовать тайны неба, // вместо того, чтобы удивляться им".

На фоне встречающихся в аутос и необходимых по условиям времени и жанра догматических формул может быть еще отчетливее проявляется нескованность мысли Кальдерона. Это относится и к ранней пьесе вавилонского цикла "Пир царя Валтасара" ("La cena del rey Baltazar", 1634), одному из наиболее известных и слывущих образцовыми аутос. Оно кажется соответствующими требованиями жанра. Ауто основано на гл. V Книги Даниила, по содержанию подходящей для драматизации. В этой главе рассказывается о роковом Валтасаровом пире. Когда царь и пирующие осквернили священные сосуды, таинственная рука начертала на стене слова "Мене, текел, перес (фареш)". Даниил объяснил Валтасару смысл непонятных слов: "Исчислил Бог царство твое и

положил конец ему..." В ту же ночь Валтасар был убит, а царство его перешло к мидянам и персам.

В библейском рассказе четко противопоставлены надменный царь-идолопоклонник и суровый бог, карающий по одной своей воле: "И все, живущие на земле, ничего не значат, по воле Своей Он действует... и нет никого, кто бы мог... сказать Ему, что Ты сделал?" (см. Дан., 4, 32). Кальдерон существенно изменил ситуацию, отказавшись от жесткого противопоставления. Он гибко, в духе Возрождения, воплотил разные степени моральной справедливости не в одной, а в двух различающихся между собой инстанциях. Поэт сочувствует не суровости Ветхого завета, которая воплощена им в Смерти, а той сравнительно большей гуманности раннего христианства, которую передовые люди Возрождения и XVII в. противопоставляли властолюбию, корысти, жестокости и распутству тогдашней церкви и которая в ауто олицетворена в дважды останавливающем Смерть Данииле. К этому важно добавить, что в ауто выведен мотив преемственной связи христианства с греко-римским язычеством. Художественная сила ауто выросла не на скупой почве догмы, но опирается на его внутреннюю неканоничность, на связь с ренес-

сансным наследием и опытом XVI-XVII в.

Совершив экскурс в сферу аутос и самых трудных для человека XX в. так называемых религиозно-философских драм, проще с помощью переводов Бальмонта разобраться в тех загадках, которые, как в упомянутом выше монологе Мулея из "Стойкого принца", возникают перед читателем, сомневающимся, где видимость и где же суть в драматической поэзии Кальдерона.

3
ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА КАЛЬДЕРОНА. КОМЕДИИ, "ДРАМЫ ЧЕСТИ"

Дон Педро Кальдерон де ла Барка (а по фамилии матери: и Энао) родился в Мадриде 17 января 1600 г. и умер там же 25 мая 1681 г. Он происходил из средних дворян, по бедности вынужденных служить в правительственных учреждениях или принимать духовный сан. Учился сначала в Мадриде, в так называемом "Коллехио империаль", управлявшемся иезуитами, а затем в университетах Алькала и Саламанки, но к 1620 г. оставил каноническое право и обратился к поэзии. Поэт участвовал в бывших тогда в ходу литературных состязаниях, например по поводу канонизации

Исидора Пахаря, считавшегося покровителем Мадрида. К 1623 г. относится первая датируемая пьеса Кальдерона "Любовь, честь и власть", и для него начинается увлекательная, но необеспеченная и небезопасная жизнь профессионального драматурга. В те времена поэт не считался даже автором своих пьес, а так именовался (auctor) постановщик, купивший произведение. Возможность собственного авторского контроля над изданиями пьес также была проблематичной. Цензура могла легко перейти в инквизиционное расследование. Кальдерону и его братьям приходилось туго. Пришлось продать главный источник дохода — отцовское место в Совете (министерстве) по финансам. После смерти Лопе де Веги в 1635 г. власти делают попытки как-то привязать Кальдерона, теперь самого знаменитейшего драматурга, к своей колеснице. Его удостаивают звания рыцаря ордена Сант-Яго. Такие ордена, утратившие реальное значение, которое они имели в эпоху Реконкисты (семисотлетнего отвоевания Испании от мавров), стали, как и монашеские ордена, посвящение в священники, для писателей своего рода "профессиональными союзами", обеспечивавшими минимальные права и легализованное общественное положение.

Через это прошли и Сервантес, и Лопе, и Тирсо де Молина, которым также приходилось рано или поздно формально принимать священнический сан, совершенно не совместимый ни с их взглядами, ни с творчеством, ни с бытием в миру.

Внутреннюю жизнь Кальдерона едва ли возможно связно реконструировать по сохранившимся документам, драматическим произведениям. Он сам успел составить список из 110 произведений, но сохранилось их еще больше. Работал поэт много: он написал 120 драм и комедий, 80 аутос, несколько интермедий и драматические прологи (лоас). Биографические данные очень скудны. Дважды, в 30-е и в конце 40-х годов, он служил в армии. Существуют документы о его воинской храбрости и о том, что, служа в 30-е годы, Кальдерон побывал в Италии. И хотя жизнь в Италии не имела для Кальдерона такого значения, как для Сервантеса, Риберы или Веласкеса, такая поездка была очень важна для каждого деятеля культуры той эпохи. Кальдерон служил также во Фландрии, а затем во время войны с Францией и Каталонского восстания.

По причине ли скрытой темпераментности или раздражительности от жизненных невзгод, но поэт и его братья неоднократно вовлекались

в дуэли и кровавые стычки, при которых бывали жертвы с обеих сторон. Однажды в ходе такого "сражения", в котором был серьезно ранен брат поэта, он в толпе друзей и альгвасилов, преследуя врагов, ворвался в монастырь монахинь-тринитариек. За это нарушение церковной неприкосновенности Кальдерон был заклеймен с амвона и рисковал оказаться в положении своих героев Эусебио или Луиса Переса Галисийца. Поэту подходило к пятидесяти, когда его жизнь вновь была омрачена личными неприятностями: новая дуэль, кончина возлюбленной, тревога за осиротевшего сына.

Гонения против театра продолжались постоянно. Второй, особенно неистовой со времен Филиппа II (с 1598 г.), была кампания за полное запрещение театра, открывшаяся с середины 1640-х годов при Филиппе IV. И хотя сам король увлекался пьесами Кальдерона, кампания была направлена и непосредственно против поэта как самого влиятельного драматурга эпохи. На пять лет, с 1644 по 1649 г., закрываются театры, а на 25 с лишним лет прерывается печатанье томов сочинений Кальдерона. Подлинные чувства поэта выразились в народно-революционной драме "Саламейский алькальд" и в имевшем

характер публицистической статьи гневном письме 1652 г. в защиту поэзии патриарху Индий дону Алонсо Пересу де Гусман, то запрещавшему театр, то осмеливавшемуся вновь заказывать Кальдерону духовные пьесы. Кальдерон в письме отстаивает восходящую к Возрождению концепцию единства светской и философско-духовной литературы как "украшения души и развития разума".

В 50-60-е годы Кальдерона продвигали в духовных синекурах и при дворе. Рукоположенный в священники, он с середины 60-х годов числился почетным духовником короля (что, правда, не предполагало реального исполнения этой должности). Как драматург Кальдерон оказался связанным всем этим и мог писать лишь для придворных постановок да духовные действа (аутос), исполнявшиеся в церковный праздник.

Официальное признание, обеспечивавшее Кальдерону удовлетворительное материальное положение, было по существу внешним. Еще дважды, в 1665 г. и 1672 г., великому драматургу, все более убеленному сединой, пришлось пережить оскорбительные кампании за полное запрещение театра, воплощением которого в это время был он. Еще ясней истинное отношение церкви

и двора выявилось через год после смерти поэта, когда именно выход посмертной "Пятой подлинной части комедий Кальдерона" (1682) вызвал, как мы уже говорили, ряд злобных антитеатральных проповедей и памфлетов, создававшихся, прежде всего, в среде иезуитов. Они полагали, что после смерти Кальдерона настала пора навек покончить с национальным театром. Как поношение веры и добрых нравов рассматривался и духовный театр, даже заказные, в той или иной мере навязанные Кальдерону произведения, но главный удар направлялся против комедий, в которых реакционеры чувствовали неумиравший ренессансный дух.

Комедия и после Лопе де Веги и смены Ренессанса новыми художественными направлениями XVII в. оставалась для реакционеров ненавистнейшим жанром национального театра. Пусть ее гуманистическая содержательность сузилась, а драматурги барокко прямо или косвенно перерабатывали комедии Лопе и его круга, внешне оттачивая и как бы формализуя их. И тем не менее комедии в противоположность, скажем, философской драме не могли быть "исправлены" цензурными изъятиями. Они всем текстом и всей постановкой утверждали чувство любви, ис-

крились веселым остроумием, давали актрисам возможность развернуть их женское обаяние, влияли самим ходом действия и на искушенного и на неискушенного зрителя.

Бальмонт успел перевести лишь одну комедию Кальдерона. Он точно передал ее заглавие — "Дама Привидение" ("La darna duende" — буквально "Дама — домовой"; русское "домовой" точно и по этимологии соответствует лат. "domitus"). Проблема суеверия — антисуеверия очень важна в произведении и является одной из пружин его совершенно индифферентистского по отношению к вере комизма. На советской сцене произведение шло в выдающемся переводе Т. А. Шепкиной-Куперник, сделанном тогда, когда о существовании или, во всяком случае, о сохранности перевода Бальмонта не было известно, под ярким, но вольным заглавием "Дама невидимка".

"Дама Привидение" (1629) относится к стилизованным в духе барокко комедиям более или менее "лопевского" типа. Она начинается с сочувственно улыбчатых насмешек над любовными драмами круга Лопе. Конечно, свойственный Лопе де Веге ренессансный реализм, раскрывающий динамику освобождения личности, утверждающий свершающиеся преобразования

как свершившиеся, у Кальдерона изменен в сторону более сдержанного и более печального правдоподобия в изображении дворянской семьи того времени. Трагический аспект положения женщины в семье Кальдерон осветил свинцовым лучом в так называемых "драмах чести", где прототипом ревнивого мужа — убийцы выступает царь Ирод. Для многих комедий Кальдерона характерна скрытая связь с трагической проблематикой "драм чести", а среди них — "Не всегда верь худшему", написанная около 1648-1650 гг., вскоре после одной из самых осуждающих из этих драм — "Живописец своего бесчестья", служит своего рода эпилогом к этим драмам.

Раннюю "Даму Привидение" можно тоже рассматривать как отражение жизненных "драм чести", но в относительно оптимистическом зеркале, где все будто так, но все наоборот. Хотя действие комедии несется со сказочной быстротой, Кальдерон по-шекспировски много сообщает о судьбе и характере доньи Анхелы. Молодая женщина страдает от вдовьей судьбы. С горечью говорит она одевающей ее в постоянный траур служанке: "Меня живой окутай в саван"...

Поистине я взаперти

Живу, лишенная свободы,
Вдова я моего супруга,
Двух братьев суженая строгих.
И в преступленье вменят мне,
Что, низости не совершая,
А отвергая лишь опеку,
До глаз закутана покровом
В тот славный я пошла театр...

Зритель узнает, что покойный муж Анхелы, начальник морской таможни, не отличался особой честностью и задолжал казне большую сумму. Так что в столице Анхела живет уединенно не только по воле братьев, но и чтобы уладить дело с долгами мужа и потому, что ей не на что жить.

Видит зритель и жизнелюбие, и целеустремленную решительность доньи Анхелы, завоевывающей сердце и руку человека, который пленил ее своей безрассудно донкихотовской храбростью, став по первому слову незнакомки на ее защиту со шпагой в руке. Анхелу строго блюдут два брата, будто она их жена (casada), и в комедии случай должен быть столь же благоприятен, сколь он был зловещ в "Поклонении кресту", а особенно в "драмах чести". Без этого и донья

Анхела с ее завидной "лопевской" активностью и сообразительностью погибла бы. Девушку с кувшином у Лопе в роковой момент спасла слава о ее подвиге, донью Анхелу — трансцендентное вмешательство в его самой ненавязчивой форме — счастливый случай.

Донья Анхела

И все же не могу поверить,
Такой невероятный случай:
Едва сюда в Мадрид он [дон Мануэль] прибыл,
Встречает тотчас даму он,
Которая защиты просит,
И брата — тот наносит рану,
И брата — тот его уводит
В гостеприимный дом к себе.
Стеченье обстоятельств
Настолько странно, что хотя бы
Все и случилось так, поверю,
Когда увижу я его.

Анхелу братья скрывают от гостя, а она пока не знает ни о соседстве комнат, ни о тайной двери. Так что "невероятный случай" ("Porque caso

estrano fuera...") оказывается еще невероятнее.

Такой "невероятный случай" — эмблема комедии барокко, поскольку в жизни таяли реальные основы лопевской ренессансной комедии, кроме возрожденных Ренессансом характеров.

Анхеле стоила бы жизни встреча с вспыхивающим по любому поводу братом дон Луисом по пути из театра, не подвернись тут дон Мануэль — "Дон Кихот перекрестков", готовый по просьбе незнакомой дамы ("... Прощайте. Мертвая иду. — Что это? Дама или ветер?") вступить в поединок с неизвестным. Новый случай — второй более рассудительный брат Анхелы, дон Хуан, друг дон Мануэля, поспевает точно вовремя, чтобы разнять сражающихся и пригласить друга остановиться у него в доме. Пусть он и друг, и верит другу, он, конечно, скрывает, что в доме сестра, отделенная от комнаты гостя потайной дверью со стеклянным шкафом. Но аллегорическая деревянно-стеклянная дверь, воплощающая своей хрупкостью некую условность складывающейся комедии барокко, соединяет на театре то, что было бы разделено в действительной жизни (Дон Луис: Защита из стекла для чести.// Удар, и хрустнуло стекло...)

Дальше сквозь все препятствия действуют зако-

ны комедии "лопевского типа" и вступают в игру качества испанской женщины, воспитанной в духе Возрождения. Зритель знает больше героев, потому что сцена была разделена надвое, и он видел и слышал, что происходит в обеих комнатах. Анхелу, отделенную от спасителя тонкой перегородкой двери, нельзя удержать, а дон Мануэль, к ужасу слуги, решается вступить с привидением в донкихотски-галантную переписку. В комедии есть не только лопевские, но ясные каждому испанцу сервантесовские ассоциации. О доне Мануэле еще раз говорится, что "...странствующим подражает // Он рыцарям"; Косме — один из наиболее близких Санчо Пансе, хотя и с некоторым снижением мужицкой мудрости, слуг испанской комедии. Читатель сам удивится его запасу шуток, его систематике домовых, жалобам по поводу разделения между слугой и господином радостей и тумаков от призрачной дамы, его причитания по поводу покражи ворованных денег и т. п.

Со "смеховой культурой", с народным религиозным индифферентизмом связано наполняющее комедию чертыханье, перемешанное с обращениями к господу всуе, мысль, что привиденье монах-капуцин с рожками, что это крещенное привидение, богатейшая "демонология", раз-

вернутая в беседе Косме с хозяином, незаметно переключающаяся от ведьм и чародеев на неприкаянные души Чистилища и на отрицание доном Мануэлем сверхъестественного (sobrenatural) вообще. Дон Луис в разговоре с холодной к нему Беатрис не к месту говорит о земной любви — "Любовь есть Бог". А служанка Исабель восклицает: "Я первое из привидений,// которое взывает к Богу". Такой озорной перестановкой разных вопросов Кальдерон, отражая особенности мысли современников, как бы смешивает в осмеянии и суеверия и веру. Дон Мануэль, хотя по характеру полностью противоположен типу дон Жуана, по просвещенности воззрений сближается с ним. Опасный шаг за допустимый или допускавшийся предел — свойство барочных героев Кальдерона и, похоже, неистребимая черта их создателя!

В комедии Кальдерона все продумано и взвешено — это дух XVII в. Каждому событию противостоит противособытие, зритель еле успевает следить за причудливым ходом перипетий, но нити действия образуют четкий рисунок. При некоторых исходных условностях комедии поэт барокко создает в ней весьма реальную общую картину жизни.

"Дама Привидение" представляет один из ти-

пов комедии Кальдерона. Такая же комедия, как "Опасайся тихого омута" (1649), показывает, что за двадцать лет Кальдерон ближе подошел к свойственным XVII в. модификациям изображения жизни. Эта пьеса Кальдерона, которую, как видно из письма Бальмонта от 24 июля 1919 г. (см. наст, изд., т. 2), поэт собирался перевести ("Бойтесь тихой воды"), близка комедии нравов и бытописательным жанрам французского классицизма. Действие, насколько это было мыслимо для испанца, родившегося при Лопе, замедлено. Включение обширных монологов, повествующих о прибытии в Испанию Марии-Анны, невесты Филиппа IV, связано не только с назначением пьесы обезоружить врагов театра при дворе, но и с чисто художественными задачами. Описания были необходимы для решения возникшей перед Аларконом, Рохасом, Кальдероном задачи изображения на сцене не столько перспективы развития, сколько существовавшего статуса нравов и быта. Описания давали возможность не только в действии, но и в широкой экспозиции развернуть такие комические образы, как дон Торибио, чванный и хвастливый провинциальный идальго-богач. Он схож с появившимся у современников Кальдерона, например у Фран-

сиско де Рохаса Сорильи (1607-1648), "фигуроном" — испанским вариантом огрубленно-комического и вместе с тем реального вплоть до бытовых штрихов типа, потребовавшегося сатире классицистов, а потом реалистов — Мольеру (Журден), Филдингу (Вестерн), Фонвизину (Простакова), и так вплоть до Гоголя, Диккенса, если не Флобера (Омэ в романе "Госпожа Бовари"). Ренессансный дух сохраняется в комедии в преображении тихой девушки Клары под влиянием любви в великого стратега семейных дел.

Элементы описания нравов и быта, включение в текст пьесы классицистических побасенок-притч характерны также для комедии "Не всегда верь худшему" (ок. 1650) — гуманистическому опровержению Кальдероном бесчеловечности "кодекса чести" дворянской семьи.

Этому посвящены вызывавшие много споров и нареканий "драмы чести", завершающиеся кровавой расправой над подозреваемой, но не виновной в измене женщиной. Три из них — "Ревность — ужаснейшее чудовище в мире", "За тайное оскорбление — тайное мщение" и переведенная Бальмонтом самая знаменитая — "Врач своей чести" (переработка одноименного произведения 1620-х годов, приписываемого Лопе)

— относятся к 1634-1635 гг. и одна, "Живописец своего бесчестья", к 1648-1649; анатомии чести посвящена также приведенная к благополучному концу драма "Последний поединок в Испании" (ок. 1651-1653).

Кальдерон в "драмах чести" (если не принимать во внимание весьма существенного параллельного действия среди слуг) далек от необобщающего изображения характеров и ситуаций впрямь такими, какими художник их встречает в тех или иных случаях повседневной жизни. Он далек от манеры изображения, которая была свойственна пикарескно-караваджистскому направлению в литературе и искусстве XVII в. Нет в этих драмах той особой ориентированности на общественную перспективу, на будущее, которую в XVII в. открыл в "Севильском озорнике" Тирсо де Молина. В этой драме уже отсутствует полнота воплощения ренессансного идеала, но есть жизненная перспектива превращения человека в героя, перспектива высветления героической возможности; есть тот земной свет человеческих возможностей, который светится у Веласкеса, Рембрандта, в величайших творениях Мольера, где, однако, нет возможности дать ренессансный ответ на вопрос, как быть?

"Драмы чести" должно рассматривать во вспышках молний барокко. Эти драмы не просто зеркало реальности, даже не концентрирующее лучи зеркало. В них реальность преломляется сквозь призму свойственного барокко эмоционального напряжения. Драмы погружены в атмосферу зловещего ожидания и предвидения зол. Здесь даже "свобода воли", одна из главных опорных точек Кальдерона, отодвинута на второй план. Только внутреннее достоинство главной героини "Врача своей чести" спасено ее убеждением "Что воля — воля, и не властен // Над волею чужой никто".

"Драмы чести", если прибегнуть к выражению, нередкому у Лопе, протекают "без бога" (sin Dios). В веселом беге комедий такое качество подразумевается как бы само собой и связано с ренессансными традициями. "Драмы чести" оно погружает в безвыходность, обнаруживая трагизм разрыва жизненной практики со всякой моральной системой. Злодей Людовико Энио или вынужденный разбойник Эусебио в той или иной степени осознают свои преступления, а дон Гутиерре, "врач своей чести", большую часть времени находится во все более непроницаемой моральной темноте.

Глубже разобраться в нравственной позиции самого автора в "драмах чести" позволяет ключ, данный в одной из первых двух таких драм, изданных в 1637 г.: "Ревность — ужаснейшее "чудовище в мире".

Свое отношение Кальдерон определил уже выбором главного персонажа, тем, что идею и исполнение кровавой расправы над невиновной женщиной поручил баснословному злодею истории и народных легенд тетрарху четырех иудейских земель царю Ироду Старшему (37 г. до н. э.4 г.). Это он, чье имя стало нарицательным, известен распоряжением об избиении младенцев, а сын его, тоже Ирод, — приказом отрубить голову Иоанну Крестителю и поднести ее на блюде Иродиаде. Кальдерон не придерживается буквы церковного предания, драма идет настолько "без бога", что он не упоминается. Кальдеронов Ирод в ужасе от собственных злодеяний, поражений, неотвратимой казни и сам бросается в море почти за тридцать лет до того, как он мог осуществить избиение младенцев.

Действие развернуто вокруг безумной "любви" Ирода к жене, распоряжения тетрарха сразу после его смерти умертвить Мариамну, становящегося ей известным, и убийства жены самим Иродом.

Кальдерон, органически связанный с поэзией Востока, искусно окружает эти ужасы и портрет Ирода как специфически "восточного" деспота и злодея контрастным им пышным словесным плетением, эмфатичными "восточными" хвалами красоте Мариамны, придавая всей драме черты условности, оперный эффект, подчеркивающий трагизм, а в то же время "остранением" делающий его переносимым для слушателя и читателя.

Определение любви — безумия, данное в начале драмы самим Иродом, выражает не слишком скрываемый им импульс неистового властолюбия: дескать, Ирод так любит Мариамну и она так прекрасна, что ей не пристало завидовать ничьей судьбе, а, значит, ему надо стать повелителем мира. Марионеточный ставленник римлян, чужеземец, тетрарх четырех малозначительных провинций всерьез надеется захватить высшую власть в Римской империи. Он услужал Марку Антонию, но предательски злорадствует по поводу его поражения и гибели, теоретически обосновывает предательство и пользу от войн. Его одурманенному властолюбием мозгу мерещится, что теперь на пути к вселенскому престолу не два, а "одно" препятствие — надо

лишь захватить и убить Октавиана.

Однако изложение предательского плана, а заодно и портрет прекрасной Мариамны попадает в руки противника, а оказавшийся в заточении Ирод приказывает убить "любимую" жену, чтобы она после его смерти не досталась никому другому. Верная Мариамна, знающая о приказе, вымаливает, однако, Ироду прощение у Октавиана, но оказывается меж двух огней: муж-убийца преследует ее ревностью, а Октавиан, выведенный отнюдь не в одних светлых тонах, — все более настойчивой любовью. Когда противники сходятся, то Ирод впотьмах убивает жену в нарушение задуманной им очередности...

Мужья-убийцы в других "драмах чести" — не Ироды по характеру, но в чем-то схожи с Иродом по самовластительности и жестокости.

Зловещие беседы дона Гутиерре "с честью наедине", идея кровавого "лечения чести" обдуманы, но скрыты от людей и чужды как гуманистическому, так и религиозному нравственному началу. Он будто чувствует, что убивает невиновную, даже якобы любит жену, не как Ирод, но его функция "врача своей чести", хоть он казнит не своими руками, это безотрадная функция палача, притом действующего не от имени госу-

дарства или церкви, а палача самодовлеющего. Боязливый цирюльник, который под угрозой оружия совершает смертельное кровопускание и которого от предательского удара кинжалом дона Гутиерре спасает лишь случайная встреча на улице с королем, борется с преступлением, оставляя на всех дверях дома кровавый отпечаток руки, чтобы было легче найти место убийства. Шут-неудачник Кокин, кажется, думающий лишь о заработке, возвышается не только над пройдохами пикарескного романа, но и над доном Гутиерре, рискуя объявить королю о готовящемся его знатным сеньором преступлении.

То, что цирюльник и слуга нравственно выше и в чем-то героичнее дона Гутиерре, снимает всякие домыслы о солидарности автора или зрителя с убийцей.

Во "Враче своей чести" кошмар возведен во вторую степень, ибо мрак мира дона Гутиерре погружен в царство универсального кошмара царствования короля Кастилии Педро Жестокого (XIV в.). Этот образ был удивительно глубоко и разносторонне осмыслен испанским фольклором. Предания отдавали долг энергии и бесстрашию короля (он, например, бился с призраком зарезанного по его приказу человека, выступив в этом

отношении предшественником героического начала в Дон Хуане). Но в то же время народная молва была беспощадна к жестокому монарху — ему сопутствуют голоса погубленных младенцев и народных певцов, настойчиво предупреждающих его о возмездии и бесславии; он останется истуканом в истории страны: "ты будешь камнем в городе Мадриде..."

В драме все это замешано густо. Есть и роковые песни. Оруженосец называет короля "странствующим мертвецом". Важную роль в драме играет домогающийся Менсйи и погубивший ее этим инфант дон Энрике, брат короля, впоследствии убивший его. Зловещее предвестие есть в том, что, прощаясь с Менсией, инфант признается, что порывает с родиной. Иными словами, за действием "драмы чести" обрисовывается глубинное действие мрачной исторической драмы о каиновом предательстве брата короля. Можно сказать, что в крови Менсйи как бы захлебывается все королевство.

Педро Жестокий хочет быть или слыть правосудным, но идет роковым путем жестокости, приводящей его к смерти. Отрезок этого пути в драме дан достаточно отчетливо. Среди других жалоб король получает жалобу доньи Леонор,

оставленной Гутиерре ради брака с Менсией, а затем жалобу Гутиерре на инфанта: разрешения создавшегося положения найти король не может. Поэтому, хотя он внял предупреждению Кокина и ринулся спасать Менсию, он в глубине души доволен, что смерть Менсии избавляет его от трудного суда, и перед лицом необратимости свершенного втайне преступления думает по-своему овладеть ситуацией, и, ужасаясь жестокости мести, не оглашает преступления и приказывает дону Гутиерре немедленно (хотя тело Менсии еще не унесено) обручиться с Леонор. Определяя поступок Гутиерре, король употребляет то же слово, которым нарекли его самого — "жестокий" (el cruel), но находит способ действия мужа разумным (cuerdo).

Жестокое "благоразумие" не ведет короля к добру.

Сгущенность ужаса и мрака поражает в драме и потому, что главный персонаж воплощает не только жестокость кодекса чести, но и смятенность человека барокко. Дон Гутиерре изощренно барочен по способу мышления и выражения. Когда Менсия еще ревновала его к прежней любви, к Леонор, он так витиевато объяснял ей свой переход от "любви к луне" к "любви к солнцу",

что она справедливо отвечает ему: "уж очень ты метафазичен" (Muy parabolico estais). Это проникновенное определение характера воображения человека барокко. Таков же Гутиерре и в конце драмы, когда, неистовый (loco furioso) от содеянного, показывает отвращающую и жестокого короля картину ложа с окровавленной Менсией:

Взгляни сюда и ты увидишь
Окровавленный облик солнца,
Луну, объятую затменьем,
Покрытый тьмою звездный свод,
Лик красоты, печальной, горькой,
Тем более меня убившей,
Что вот она, мне смерть пославши,
Меня оставила с душой.

Сквозь все эти кошмары барочного смятения Кальдерон и обнаруживает с беспощадной прямотой не согласуемые между собой зияющие противоречия семейного устройства испанского дворянского общества. Общее кровавое смятение "драм чести", безнадежных, по его представлению, драм "без бога" не менее важный предмет, чем выведенный в них брак, чаще без любви со стороны женщины, выданной родителями

замуж в момент, когда она обескуражена известием (обычно ложным) о гибели или об измене молодого человека, которого она втайне любила. Кальдерон в этих драмах всегда изображает женщину верной женой, ничем не запятнанной: жена сама воспитана в духе "кодекса чести", не изменяет мужу с любимым человеком, являя, в отличие от жизненной в своих страстях Кассандры из "Казни без мщения" Лопе, или некоторых героинь философских драм самого Кальдерона — Полонии или Юлии, о которых речь шла выше, характерную для героев барокко и классицизма "декартовскую" непреклонность воли.

Трагическая закономерность выступает в "драмах чести" Кальдерона (как впоследствии у многих романтиков) сквозь нагромождение случайностей, в драме — роковых и в то же время реальных. Например, жена не может перед вечной разлукой (и будто по ее вине!) не объясниться с ранее любимым ею человеком, а доходящие до мужа сведения о целомудренной сцене прощания трактуются им как доказательства измены. Все сочувствие Кальдерона — не в меньшей степени, чем это было у писателей Возрождения, — на стороне женщины, которая в этих драмах у него более цельно ангелоподобна,

чем у Лопе или Шекспира, хотя не наделена такой жизненной пластичностью, как идеальные героини "Цимбелина", "Зимней сказки", "Бури". Зато Кальдерон выделяет еще одно очень важное для испанского зрителя обстоятельство: героиня чиста перед небом. Это единственная щелочка, сквозь которую в "драмы чести", в драмы "без бога", проникает тонкий луч нравственного света, как его понимали современники Кальдерона.

В поздней "драме чести", озаглавленной с презрительно-осуждающей иронией "Живописец своего бесчестья" ("Врач", функция более пассивная: безумец "лечил" честь от болезни, которая ее, по его мнению, настигла; "живописец" активен: он сам придумывает то бесчестье, которое карает убийством мнимых любовников). Причиной расправы мужа является плод воображения в самом дурном смысле слова — "выдумки". Такое ложно "художественное" воображение противопоставлено правде жизни. И хотя родители убитых не осуждают убийцу, и он не излагает мотивы преступления так красноречиво, как "врач", совесть сама обрекает его на изгнание, а авторское прозвание "художник своего бесчестья" оттеняет низко-фарсовый характер клейма.

В заключение напомним, что в каждой "драме

чести" Кальдерона содержится народное осуждение бесчеловечной софистики кровавых расправ устами простых людей — здравомыслящих слуг и служанок, шутов-грасьосос, составляющих неотъемлемую часть всех испанских драм Золотого века.

4
ФИЛОСОФСКИЕ ДРАМЫ: "ВОЛШЕБНЫЙ МАГ", "СТОЙКИЙ ПРИНЦ", "ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ"

Среди переводов Бальмонта больше всего философских драм: сюда, кроме драмы "Жизнь есть сон", надо отнести шедевры Кальдерона: "Волшебный маг" (1637), "Стойкий принц" (ок. 1629) и "Любовь после смерти" (1633). Эти драмы могут рассматриваться и как драмы исторические, возведенные до высоких философских проблем. Формально для испанских современников, называвших драматические произведения "комедиями", все они "comedias historicas".

Мы не возвращаемся к драме "Жизнь есть сон", которая рассматривалась выше как эмблема творчества Кальдерона и как "главное" произве-

дение всего литературного барокко. Этой драмы, как некоторых архитектурных сооружений Бернини и Борромини в Риме, достаточно, чтобы дать барокко определенную характеристику.

"Волшебный маг" — так мы, уступая переводу Бальмонта, именуем здесь драму, хотя считаем правильным переводить "El magico prodigioso" менее поэтично, но более точно как "Необычайный маг". Христианство на первых порах усердно боролось с низовыми верованиями языческого мира и вытравляло веру в магов и магию. Слово в неотрицательном смысле было оставлено лишь для трех царей-магов (в славянской традиции: волхвов), приведенных звездой "с Востока" из разных частей мира поклониться младенцу Христу и скрывших от Ирода свое открытие: и они в западной традиции, начиная от Тертуллиана и твердо с VI в. именуются "царями" ("королями" — "reges") намного чаще, чем "магами".

Действие происходит в Антиохии Писидийской в середине III в. Молодой ученый-язычник — Киприан у Кальдерона — маг необычайный. Он стремится не просто к сверхъестественному знанию, не к тому, чтобы стать всемогущим, поразить мир и достигнуть неслыханных наслаждений.

Кальдерон ставит вопрос так, что видно не только, как он далек от казенной церкви, но и насколько "девятый вал" рационалистической философии XVII в. отделяет его от христианского мышления — по драме Киприан самостоятельно, без помощи откровения, сам открывает основы христианства. К легендарному Киприану III в. он находится в таком же отношении, как Декарт, Спиноза, Лейбниц.

Дьявол, хотя стремится при помощи любви язычника Киприана искусить и ввергнуть в грех христианку Юстину, по существу как бы выполняет негласную волю неба, отводя Киприана от сокрушительного для богословия открытия. Моря крови еретиков-мистиков, лютеран, кальвинистов были пролиты церковью из-за того, что те искали менее оказененный, более прямой путь общения с богом, а тут речь о самостоятельном, без помощи Писания, рациональном открытии и постижении бога!

Если вглядеться в Киприана пристально, наподобие гофмановских фантастов, то в язычески прекрасном юноше замерещится язвительная улыбка гудоновского Вольтера, разговаривающего с небом на рационалистическом языке деиста XVIII в.

Южный Фауст начинает опаснее, чем его северный собрат, будь то в немецкой народной книге, будь то у Марло и даже позже у Гете. Осью, определяющей масштаб драмы Кальдерона, является стремление выяснить сокровенную истину до конца ("Esta verdad escondida // He de apurar"). Однако дьявол все-таки сумел разными уловками, поставив на пути Киприана красавицу Юстину, увести ученого от познания сущности. Как это ни чудовищно молвить, дьявол таким образом привел Киприана к христианству. У Кальдерона получается, что тут-то ученый вернулся от идеи всемогущества знания к идее сомнения (la duda) и смятенности (la confusion) разума. Это вариант барокко. Гетевского замысла многотрудного, встречающего препятствия преобразования мира, с вовлечением в это духа зла у кальдероновского Фауста нет.

Римские власти (времен императора Деция) казнят Киприана вместе с Юстиной.

Тяжкий путь к христианскому мученичеству Киприана идет на фоне прекрасной природы — леса, садов, стройных башен, на фоне любовных безумств, поединков, видений, разыгранных кораблекрушений (не листал же Кальдерон "Бурю" Шекспира, никому в Испании не известного!),

страданий и радостей Юстины, ее искушений и продемонстрированной ею, как нигде кроме трактата Декарта о страстях (I, 41), твердостью "свободной воли", безусловно властной, если не над помыслами, то над поступками.

Уже приходилось говорить, что энергичное утверждение "свободы воли" отделяло героев Кальдерона от христианских представлений и приближало к греко-римской гражданственности. Киприан вообще очень нов для своей эпохи и полон гражданского достоинства: он самостоятельно аннулирует договор с дьяволом как с не выполнившим условия контракта, отстаивает принципиальное право мыслителя на переход от одной системы взглядов к другой, ответственно относится к правам окружающих.

Но для характеристики драмы необходимо вспомнить и "фальстафовский фон" в заостренном, достойном Панурга в романе Рабле, если не венецианского сквернодума XVI в. Аретино, варианте: остроты слуг-грасьосос Москона и Кларина и их весьма не беспорочной подруги Ливии, старающейся поровну делить свои ласки между ними. Дьявола они распознают куда ловче, чем глубокий и в то же время доверчивый Киприан, но безобразно торгуются о распределении ласк

Ливии.

Как дьявол несколько раз исчезает, растворяется в воздухе, натворив очередную пакость, так и серьезность драмы то и дело подрывается то здравыми, то охальными замечаниями разошедшихся грасьосос. Мало того, нельзя избавиться от впечатления, что сам поэт то серьезен, то смеется и озорует.

Среди шуток веселых есть и мрачные, как к концу "Короля Лира". Попав в одну тюрьму с Юстиной и сразу ею обращенный, Киприан, уходя на казнь, "шутит", имея в виду, что отдал душу дьяволу в надежде обладать ныне гибнущей на одной плахе с ним красавицей:

Я, за тебя отдавши душу,
Большое ли свершу деянье,
За бога отдавая тело?

А несколькими стихами ниже слуга-шут Москон восклицает: "Как любо им идти на смерть!" — и получает ответную развязнейшую реплику Ливии: "Приятно жить втроем нам будет". Так вплоть до последних стихов текст перемежается назойливым спором о чередовании ласк Ливии:

И оставляя под сомненьем,

Любовь разделена ли верно,
Волшебному мы просим Магу
Несовершенства извинить.

Одной из поразительных по глубине и неисследимости мысли, по лирической избыточности и барочному двуединству построения является философская драма "Стойкий принц".

С первого взгляда драма кажется ясной. В соответствии с народными преданиями она "бескорыстно" воспевает подвиг не испанского, а португальского принца XV в. дона Фернандо, брата короля, попавшего в заложники к царю Фесскому. Фернандо — "стойкий принц". Он отказывается от свободы ценой возврата фесцам Сеуты, главного опорного пункта охраны связи португальской океанской и средиземноморской торговли. Принца обращают в раба, изнуряют самыми каторжными работами, но стойкий Фернандо переносит все безропотно и гибнет на гноище. По легенде мученичество Фернандо обеспечивает королю португальскому Альфонсо V (1438-1481) взятие Танжера, а прах Фернандо торжественно возвращают на родину. К этому надо для объективности добавить, что Альфонсо V был одним из опаснейших врагов Испании и

поддерживал мятежных феодалов, осужденных в "Фуэнте Овехуне" Лопе де Веги.

Таких данных было достаточно для философской драмы барокко о стойком принце.

Но Кальдерон все усложнил, создав драму, где лирическое начало стало столь же весомым, как драматическое, подавленная любовь — столь же трагичной, как мученичество, мусульманка Феникс едва ли не столь же существенным фокусом драмы, как христианин Фернандо, где оказалось, как воскликнул немецкий ученый Вольфганг Кайзер, что не имеет значения, происходит ли все под небом христианским или под магометанским, где принятые отношения человека с богом пошатнулись.

Кальдерон ввел в драму узлы, которые ввек не разрубить сторонникам одноцветной официально-католической концепции его творчества.

В начале драмы, еще свободным, дон Фернандо отпустил пленного фесского полководца Мулея, когда тот объяснил, что его пленом может воспользоваться соперник по любви к Феникс. Мулей верен дружбе и, рискуя жизнью, готов, в свою очередь, помочь бежать дону Фернандо, которому грозят истязания и смерть. Однако Стойкий принц, решившийся на муки и подсозна-

тельно ощутивший, что отказ от счастья любви — одна из самых тяжких из них, не принимает помощи Мулея и произносит слова, колеблющие представление о нем как о герое веры и сближающие его с простым солдатом, выполняющим свой долг, "как все", произносит "войнаимировские" слова, открытые "на все времена":

Когда его страданье — Феникс,
Он большей скорбью огорчен.
Моя печаль — страданье многих,
Обыкновенная беда.

Кальдерон редко бывает схож с Толстым, и мы не станем больше настаивать на мысли, что до рассказа о судьбе Пьера Безухова и Платона Каратаева в плену мало кто так писал. Схождение может быть усмотрено лишь на существеннейшем, но скрытом уровне — в соединении проблем "войны" и проблем "мира" органически и таким образом, что конечную, высшую важность по сравнению с суетой "войны" имеют вопросы "мира". Великим словом является формула "обыкновенная беда" (Бальмонт перевел буквально: es comun репа). Но стилистически никакого сходства между толстовской неукрашенностью и фигуральностью барокко нет. Стих "Когда его

страданье — Феникс" намеренно многозначен. "Феникс" воплощает не только семейное счастье человеческой мирной жизни. Есть здесь и подавленная скорбь дона Фернандо, который не может дать свободы чувству к возлюбленной своего мавританского побратима. Есть здесь и игра смыслом имени: решение дона Фернандо с определенностью ведет его к мученической смерти. Исход страданий Мулея неясен, и они могут испепелять его как сгорающая птица феникс и, как она, возрождаться из огня и пепла.

Нельзя обойти вниманием, что в этих стихах уравниваются два мира — мир христианский и мир магометанский — и делаются понятными взаимные благословения друзей именем бога и аллаха.

Другим весьма загадочным пунктом драмы являются мысли, что герои "обязали небо" (obligando al cielo) им помогать, а особенно последние слова Феникс в конце драмы: "cumplio el cielo su homenaje". Эти слова не решились точно перевести ни А. В. , Шлегель, ни французские прозаические переводчики первой половины XIX в., которые легко могли прибегнуть к кальке, ни Юлиуш Словацкий, ни, наконец, Бальмонт и Пастернак. Буквально: "исполнило небо свой

оммаж", т. е. "вассальное обязательство" по отношению к Стойкому принцу. Если натянуть значение термина феодального вассалитета "оммаж" до готовой лопнуть струны метафоричности, можно перевести "исполнило небо свой обет". Но и такого тезиса не признает никакое богословие, если речь не идет о языческом роке или о заранее свободно данном небом обетовании. Кальдерон, певец человеческой стойкости, дошел в апофеозе Стойкого принца до невозможного в религиозном мышлении постулата, что человек может "обязать небо" и добиться того, чтобы "небо выполнило свое обязательство"!

Драматург, видимо, сам понял, что зашел слишком далеко, к чуждой ему грани, где кончается вера и маячит богоборчество или магия. Во всяком случае, важные элементы в развязке драмы "Жизнь есть сон" могут быть поняты как исправление поэтом стиха об исполнении небом (вассального) обязательства. Потерпевший поражение в битве с сыном Басилио бросается к ногам Сехисмундо со стоном:

Пусть, после стольких предвещаний,
Исполнит сказанное небо —
Свершит обещанное рок.

(Y tras prevenciones tantas
Cumpla el hado su homenaje
Cumpla el Cielo su palabra.)

Здесь все похоже, но все совсем по-другому. Предвещание сбывается лишь формально, ибо Сехисмундо-победитель проявляет не жестокость, а величайшую почтительность к отцу. Homenaje отнесено не к небу, а к року (язычество в известных пределах допускало обязательство того или иного бога смертному: Аполлона, Афины — Оресту), к небу же отнесено свободное слово самого неба, а не обязательство. Глагол "cumplir" из совершенного прошедшего изъявительного наклонения (preterite, т. е. перфект: "выполнило") переведен в настоящее время сослагательного наклонения (subjuntivo presente: "пусть же выполняет..."). Перед зрителем не реальность, а предположение Басилио.

Сехисмундо в ответном монологе отцу говорит о нелепости принятых Басилио мер, которых одних было достаточно, чтобы ожесточить сына. Бросаясь, в свою очередь, к ногам побежденного отца, он определяет неизбежность происходившего изречением: "Sentencia del Cielo fue".

То было приговором неба;

И как он [отец] ни хотел его
Предотвратить, он был не властен.

Но исправив крайность в отношении обязательства неба, Кальдерон отнюдь не склонен был становиться на точку зрения "предопределения" и оставался верен идее "свободы воли". Небо показало царю лишь то, что он ошибся в способе преодолеть приговор неба, "победить его": "...el Cielo te desengana // De que has errado en el inodo / / De vencerle..." —

Небо показало,
Что ты ошибся, захотев
Так победить его решенье.

Подчеркнутое нами у Бальмонта "так" несколько ослабленно соответствует испанскому "в способе".

Как Кальдерон ни исправлял идею, что можно "обязать небо", получилось лишь, что не надо ошибаться в способе победить его.

Полуосознанно начатая Данте борьба с томизмом, самой "просвещенной" догматикой эпохи, привела в ближайшие века к необратимому разладу у верующего разума и веры: они сосуществовали, но не сливались и у Кальдерона

— тут уж не до "черного" великоинквизиторского мифа.

В "Стойком принце" с темой подавленного томления дона Фернандо по Феникс расцветает лиризм двуфокусной драмы. Отделенные друг от друга одна — любовью, другой — дружбой с Мулеем, разностью вер и положений, одна царевна, другой умирающий смердящий раб, разделенные неизмеримостью и несоизмеримостью бед, Феникс и дон Фернандо неосознанно влекутся друг к другу. Фернандо, когда в нем погасло все, кроме стойкости, произносит Феникс прощальный сонет о вянущих цветах и слышит от нее столь же грустный сонет об угасающих звездах. В собственно поэтическом плане в этот момент по существу и свершается его отречение и смерть, мгновенное угасание красоты, воссозданное в сонетах, и есть гибель Стойкого принца, разрешение действия, идущего от второго фокуса драмы.

В сцене сонетов Феникс произносит приговор всему земному в Фернандо:

Будь первым горестным, с которым
Не хочет вместе быть другой.

Веротерпимость и предельная человечность драмы "Стойкий принц" зеркально отразилась

в драме "Любовь после смерти" (1633), где герои гранадские мавры, а насилия и злодеяния совершаются испанцами Филиппа II.

Драма "Любовь после самой смерти" — как с поэтическим заострением замысла переводит заглавие Бальмонт в заключительных стихах (точный перевод: "Любовь после смерти, или Тусанй из Альпухарры"), — одна могла бы принести Кальдерону славу великого драматурга барокко и смелого продолжателя народно-гуманистических идей Возрождения.

Драма в еще большей мере, чем "Стойкий принц", философское произведение о равенстве людей разных рас и вер. Она построена по контрапункту со "Стойким принцем". Там герой, хоть португалец, но христианин, по свободной воле, ради идеи, отрекается от всего земного и гибнет мучеником. Здесь герой мориск, крещенный араб, внутренне верный магометанству, повстанец против Испании, получающий после разных испытаний любимую Малеку и в тот же миг теряющий жену, поскольку начинается испанское наступление. Малеку грабит и варварски убивает испанский солдат. Тусанй дает торжественный обет, обязательство (homenaje — вспомним "Стойкого принца"!) отомстить. Он

проникает в испанский лагерь, в невероятно трудных условиях отыскивает и закалывает убийцу. Схваченный Тусанй говорит всю правду, поражает испанское командование и пощажен.

Без этого последнего обстоятельства, не дающего полностью потускнеть испанскому воинству, драма не могла бы существовать, ибо Кальдерон и так преступает всякую меру в сочувствии морискам и в восхищении ими. Согласно драме, испанцы повинны в восстании и прямым оскорблением морискских руководителей и унизительными запретами, и приказами о поголовном истреблении, включающем женщин и детей. Об исторических причинах, делавших компактное население морисков опасным в условиях максимума турецкой экспансии, Кальдерон не говорит. Что же касается возмутительных притеснений, то оно так и было: Филипп II в соответствии с советами самого изуверствующего отребья из своего окружения, перед которым и герцог Альба выглядел ягненком, ввел в действие в 1565-1567 гг. устрашающий указ Карла V от 1526 г. о запрещении не только веры, но костюма и языка морисков (даже дома предписывалось не говорить по-арабски). Все это делалось с целью спровоцировать восстание и кровавую бойню.

Филипп II, не гнушавшийся кровосмесительством и сыноубийством (умерщвление дона Карлоса относится к 1568 г.), мог хотеть превратить своих военачальников в сообщников резни. Особенно это касалось ненавистного ему младшего брата, побочного сына Карла V дона Хуана Австрийского (1547-1578; Филипп; 1527-1598), привлекавшего к себе, хоть по контрасту, мнение народное. Юноша дон Хуан оказался во главе "грабьармии", так как ему не выделялось средств на ведение войны и содержание войск. Так, на сияющие латы дон Хуана брызгала кровь, смешанная с грязью: чего стоит сцена, когда принц крови "Дон Хуан де Аустриа" попадается на глаза Тусанй с ожерельем, снятым с убитой Малеки и подаренным командующему! Кальдерон хотя не затрагивает самого короля (на этот счет существовало непререкаемое табу), говорит о бесславии, ждущем победителей над окруженными в Альпухаррских горах морисками, их женами и детьми. Чтобы не затоптать в грязь дон Хуана, который как командующий объединенным флотом в победе над султанской Турцией при Лепанто (7 октября 1571 г.) стал в некотором роде национальным героем, поэт намеренно меняет очередность событий, перенося поход в Альпухарру на время

после Лепанто.

Героизация многовековых врагов-мавров, давняя высокая традиция испанских народных романсов была воспринята ренессансной литературой. Разительные примеры универсализма и терпимости есть в "Дон Кихоте" (в частности, в главах о мориске Рикоте) и в "Английской испанке" Сервантеса, в новелле "Мученик чести" и во многих драмах Лопе. Борьба за гуманистическую терпимость распространялась и на защиту индейцев, и на объективное изображение протестантов (нидерландцев и англичан), на защиту "свободы совести". Блестящих примеров много, и кроме Сервантеса и Лопе — Лас Касас, Эрсилья, испано-индеец Инка Гарсиласо де ла Вега, сам Кальдерой, начиная с ранних драм "Осада Бреда" (1625) ("... и пусть каждый сможет спокойно исповедовать свою веру") и "Английская схизма" (1627), где раскрыта экономическая невозможность контрреформы в Англии, и до позднейших аутос.

К гуманистической традиции принадлежит и старший современник Сервантеса Перес де Ита (1544?-1619?), у которого Кальдерон почерпнул основную сюжетную канву. Хинес Перес де Ита, сам жертва нападений мавров и участник

войны против морисков, написал среди других две книги, объединяемые общим заголовком "История гражданских войн в Гранаде". Первая из них, исторический роман "Повесть о Сегри и Абенсеррахах, мавританских рыцарях из Гранады" (1595), была по-русски в 1981 г. издана в серии "Литературные памятники" (о промавританской традиции см. с. 267 и ел.). Вторая часть (1619) — действительно хроника альпухаррской войны, содержит эпизод о Тусани и завершается мужественным выступлением автора против изгнания морисков из Испании в 1600-1610-е годы.

Итак, самая, как теперь бы сказали, "интернационалистическая" драма XVII в., чтобы ей не сузиться до какой-то антииспанской памфлетности, спасена тем, что мотивы мести Тусани испанскому солдату за убийство жены поняты, одобрены, и он пощажен испанским командованием.

Пусть Тусани, свершающий невероятное, такой же герой барокко, как дон Фернандо, Стойкий принц, а заглавие "Любовь после самой смерти" отдает трансцендентальностью и выделяет одну из основных идей барокко о победе воли и духа вопреки всему и над любыми препятствиями, драма не двуфокусна. У Тусани нет расщепления

дона Фернандо между героической одержимостью и ощущением ценности личного чувства, любви, нет расщепления Сехисмундо между идеей, что жизнь есть сон, и непроходящей памятью о Росауре. Драма в пределах, возможных у поэта барокко, более ренессансна. Можно искать аналогии в "Ромео и Джульетте", в "Антонии и Клеопатре", в "Цимбелине", а особенно у Лопе в "Звезде Севильи".

Пусть любовь оказалась сильнее самой смерти, пусть по просьбе вдовы руководителя подавленного восстания Исабели, сестры Тусани, он прощен, — что у него осталось в жизни?

Дон Хуан произносит блистательное заключение:

Пленительная Исабель,
Ты попросила слишком мало;
Встань, Тусани прощен. Да будет
Записано на бронзе славы
Деянье лучшее любви,
Какое только было в мире.

Во времена Кальдерона спектакли шли днем. В современном театре за этими словами следовало бы погасить свет: ведь сделано все возможное и

невозможное, а мрак трагического пребывает, тот весьма реальный мрак жизненно трагического, который роднит некоторые драмы барокко с поздними драмами Ренессанса. Кальдерон подходит здесь к тому синтетическому направлению XVII в., к линии Тирсо — Мольер, Веласкес — Рембрандт, которая умела изобразить все, и свет и тьму эпохи, изобразить в ракурсе реальной общественной перспективы, но задачу конкретного изображения этой перспективы могла лишь завещать будущим временам.

В чем же залог перспективы в драме Кальдерона — в земной возможности такой непреоборимой воли, такого подвига: "Любовь после самой смерти"...

5
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДРАМЫ "ЛУИС ПЕРЕС ГАЛИСИЕЦ" И "САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД"

В почти точном совпадении с хронологией переводов мы подходим к историческим драмам, работа Бальмонта над которыми была завершена в 1919 г. и которые у нас публикуются впервые.

По отношению к Кальдерону трудно настаивать на отделении исторических драм от философских, отличающихся лишь большим значением в конфликте широких проблем, по отношению к которым собственно исторические события отходят с нынешней точки зрения — на второй план. Но для современного Кальдерону и не относившегося к числу высокообразованных зрителю "Любовь после смерти" была и школой истории и курсом философского и морального мышления, соединенными в чарующем по своему характеру поэтическом восприятии. Вероятно, Кальдерон тоже не задумывался над вопросами жанровой нюансировки своих пьес.

Говоря о Стойком принце, надо иметь в виду, что если изгоя и разбойника Эусебио все же поддерживает благочестие, хотя и особого нецерковного толка, то этого никак не скажешь о мориске Тусан*и* и о внерелигиозной стойкости главного героя "Луиса Переса Галисийца" и его испанских и португальских друзей.

В драме барокко этот образ относится к числу наиболее наглядных, динамичных, завершенных изображений все еще жившего ренессансного идеала человека. Хотя Луис Перес в безвыходном конфликте с испанским государством, он светит-

ся, как молодые люди у Рафаэля и Микеланджело. Он более реально жизненно активен, чем витязи, в которых Ариосто полнее выразил, чем прямо изобразил ренессансное горение.

Разница в том, что ситуация неренессансна. Она не сломила героя, но обещанной второй части нет, и это закономерно. Эусебио жил среди чудес, и то, что его посмертные просьбы выполнены, не удивляет: важно, что в конечном счете правым оказывается отлученный от церкви и поставленный вне закона человек. Стойкий принц "обязал небо" "выполнить свое обязательство" (cumplir su homenaje), и хотя это неслыханно дерзкое пренебрежение богословием, оно проскальзывало в череде подвигов Стойкого принца, скрадывалось апофеозом. Тусанй героическим и бесстрашным осуществлением мести испанскому солдату и таким же рассказом о том, что он сделал, пробудил восторг во врагах-испанцах, но этими врагами были входившие в легенду военачальники дон Лопе де Фигероа и сам дон Хуан Австрийский, скошенный в 31 год (не филипповской ли?) скоротечной лихорадкой.

В лице Луиса Переса сознающий свое человеческое достоинство и свои гражданские права испанский ренессансный рыцарь не по своей

воле, не как Дон Кихот, втягивается с горсткой друзей, в том числе смелых женщин, в тяжкое единоборство с государственной машиной во главе с королем. Эта ситуация нисколько внутренне не надломила Луиса Переса. Когда это необходимо, он сам решает все и решается на все. Он поступает так, как ему велят его взгляды на дружбу и на честь, не считаясь с тем, что подвергает свою жизнь и свободу опасности. Он стойче Стойкого принца в том отношении, что тот свободно принимает мученичество за отчизну и веру, Луис Перес ради дружбы и ради своего человеческого достоинства идет на смертельную борьбу с испанской королевской полицией и судом. Это борьба большого масштаба. Хотя она внутренне оправдана идеей личного достоинства человека, она по упорству, активности, числу жертв постепенно принимает характер мятежа против короля. Что задета власть Филиппа II, с фанатичной прямотой со сцены объявляет сам главный судья, который казнить мятежника клянется "жизнью короля" (Por la vida del rey..., С., 1, 309). Причем правота галисийца против короля Испании, ясная герою, его друзьям, достойнейшим из врагов, и, конечно, зрителю, отчаянней правоты крестьян Фуэнте Овехуны или алькальда Саламеи. Те казнят или

убивают хотя и представляющего власть, но одного и непосредственного обидчика. Луис Перес защищает человеческое достоинство наступательно — пресекая попытки власти осуществить предписанную законом процедуру и до того как эти попытки привели к жертвам. В пьесе, существующей лишь в своей I части (не на сцене же было капитулировать Филиппу II во второй?), гибнут лишь те, кто находится на королевской службе. В драме все — безусловно. Когда Луис Перес узнает, что в судебном деле против него есть ложные показания, то герой, оставив на страже друга, врывается в судебное присутствие и на глазах у судьи вырывает лживые листки из дела.

Однако в более поздние годы (ок. 1645), когда конфликт короля Филиппа IV с нацией достиг предельного накала, когда осуществилось освобождение Португалии и Каталонское восстание, а власти вдобавок пытались упразднить театр в Испании, Кальдерон создал знаменитую драму "Саламейский алькальд". Она вписывается в ряд народно-революционных драм Золотого века испанской литературы, таких, как "Фуэнте Овехуна", "Перибаньес и командор Оканьи" Лопе де Веги, "Королю нельзя быть отцом" Рохаса, "Преследуемый государь" Бельмонте, Морето и

Мартинеса, "Господь вершит справедливость всем" Франсиско де Вильегаса и др.

Даже в век наиболее полного затмения славы Кальдерона, в эпоху Просвещения, "Саламейский алькальд", может быть в еще большей степени, чем "Жизнь есть сон", жил в переводах, переработках, постановках за пределами Испании.

В основе сюжета драмы Кальдерона подлинное событие 1580 г., зафиксированное в архивной записи в Саламее-де-ла-Серена (провинция Бадахос в Эстремадуре), уже обработанное Лопе де Вегой в драме, от которой сохранилась, судя по иному характеру строфики, чья-то чужая одноименная переработка. Кальдерон, вероятно, знал (видел, читал список?) и драму Лопе и ее переработку.

"Саламейский алькальд" полон стихов-эмблем и ситуаций-эмблем. Капитан дон Альваро де Атайде под обманным предлогом вторгся в женскую половину дома Креспо и, встретив сопротивление брата Исабели, молодого Хуана, нагло кричит ему:

Хуан

Крестьянин честь свою имеет?

Совсем такую же, как ваша.
И пахаря не будь, не будет

И капитана на земле.

Резню останавливает лишь неожиданное прибытие генерала дона Лопе де Фигероа, быстрого на решения: "Мужчин, и женщин, дом, всех к черту..."

Когда ситуация будто разрешается, дон Лопе наедине спрашивает у Педро Креспо (отца), известно ли ему, что перед ним был капитан?

Креспо

Дон Лопе

Креспо

Свидетель Бог, вполне известно,
Но будь он даже генерал,
Когда б моей коснулся чести,
Его убил бы.

Кто посмел бы
И у последнего солдата
Хоть нитку тронуть на плаще,
Его повесил бы немедля.

И если б кто посмел у чести
Моей задеть хотя пылинку,
Его повесил бы сейчас.

Дон Лопе напоминает, что крестьянин обязан терпеть повинность; Креспо заявляет о готовности отдать именье, жизнь, —

Но честь — имущество души,
И над душой лишь Бог властитель.

Уже видно, какая ситуация складывается в драме, и еще раз понятно, какова, по Кальдерону, его антиконтрреформационная вера, призванная защитить от высших сословий и от их государства достоинство человека из народа, а не гнуть его ярмом, как хотел великий инквизитор у Достоевского.

В "Фуэнте Овехуне" восставшие крестьяне убивают феодала-насильника, мятежного по отношению к короне. Но Фердинанд и Исабелла выступают не столько объединителями Испании, сколько первыми дворянами государства. Они из классовой солидарности приказывают подвергнуть крестьян поголовной пытке, чтобы установить и наказать непосредственных убийц мятежника. Королевская власть в "медовый месяц" объединения сама сплачивает крестьян против своей политики, сама создает предпосылки для того, что Лопе де Вега назвал "grande revolucion". Ни женщины, ни дети под

пыткой не выдают зачинщиков и твердят только мирное имя всего селения: "Фуэнте Овехуна" ("Овечий источник"). Первой опоминается Исабелла Кастильская, предлагая замирить крестьян и превратить героическое местечко в государственный домен, подвластный только короне. Драма Лопе, хотя речь идет о восстании против одного феодала, показывает и потенциальную широту событий и с необыкновенным воодушевлением воссоздает атмосферу революционного действия. Не случайно историю непосредственно советского театра иногда исчисляют с постановки в 1919 г. в Киеве Марджановым именно этого произведения. Позже "Фуэнте Овехуна" и "Саламейский алькальд" стали литературными эмблемами народно-революционной войны 1936-1939 г. в Испании.

По сравнению с неуемной динамикой событий у Лопе драма Кальдерона "ситуационнее", монументальнее. Действия саламейского алькальда и стекающихся к нему вооруженных крестьян открывают раскол всей страны, дошедший в данном случае до вооруженного противостояния крестьян и дворян, народа и королевской армии во главе со знаменитым полководцем, распорядившимся применить ее мощь — вырезать и

жечь сопротивляющееся селение целиком:

Дон Лопе

Солдаты

Дон Лопе

Здесь капитан в тюрьме вот этой.
Солдаты, ежели откажут
Его нам выдать, подожгите
Тюрьму, а если все село
В защиту встанет, сжечь селенье...

Смерть мужикам!

Там к ним подмога подоспела.
Взломать тюрьму, сломите двери.

В эту не самую удачную для него минуту прибывает король Филипп II. Некоторые старые издания, в том числе то, которым пользовался Бальмонт, помещали здесь ремарку, объясняющую вынужденность дальнейших решений короля, если он не хотел в момент португальского похода угрозы "grande revolucion" в тылу: "Выходят солдаты, и дон Лопе *с одной стороны*; и *с другой* Король, Креспо, крестьяне и свита". Победа крестьян заложена в такой ремарке, где король

оказывается на той же стороне, что крестьяне и их алькальд.

В "Фуэнте Овехуне" на первом плане горячая молодежь, сама пламенная Лауренсия, на виду — действие, отчетливо выявляющее противостояние двух Испании. В "Саламейском алькальде" на первом плане пожилой крестьянин, умудренный ходок за мужицкие нужды, избираемый в самый нужный момент алькальдом, т. е. на первом плане не бег действия, а противостояние, чреватое всеобщим столкновением и "grande revolution". Кальдерон понимал, что он пишет. Креспо размышляет: нас "нужно не только учить, // Как биться ловко и красиво, // А почему, за что нам биться..." По сравнению с этой проблемой и с внутренним действием — поединком воплощающего военноадминистративную дворянскую верхушку доном Лопе и крестьянским избранником алькальдом Педро Креспо — остальное как бы раскрытие этого конфликта.

Бесчинства армии на собственной территории, изнасилование наглецом капитаном Исабели Креспо, внутренне развитой и душевно богатой (как у крестьян Фуэнте Овехуны, у нее высокоренессансное представление о любви: она "есть чувство красоты, к которой испытываешь

уважение..."), Исабели, не готовой, однако, как Лауренсия у Лопе, поднять меч на нового Олоферна, вводят в самое главное. Едва узнав о несчастии, Педро Креспо получил известие, что избран алькальдом, и ему вручают жезл правосудия. Он смиренно просит капитана смыть бесчестье браком, но когда в ответ сыплются одни оскорбления и насмешки, берет жезл и со своими мужиками вершит суд. Капитан такому суду неподсуден, но крестьяне знают, "*почему, за что нам биться*", и поскольку под угрозой возвращения дона Лопе с войсками и прибытия короля медлить нельзя, капитана судят и казнят не подобающим для дворянина образом — удушением в гарроте (деревянной удавке).

Эту картину — удавленного капитана — королю и дону Лопе еще предстоит увидеть. В первом издании (1651) Кальдерон или молва дали драме совсем зловещее заглавие: "El garrote mas bien dado". Интеллигентнейший перевод был бы "Никто не казнил справедливее", а более близкий к кошмарно-гойевскому смыслу — "Удавлен поделом"...

Избрать такой, хотя общеизвестный, сюжет для сцены можно было в большом гневе и в условиях всеобщего брожения в Испании 1640-х годов.

Отпадение Португалии от Испании в 1640 г. аннулировало единственное успешно — с точки зрения Филиппа II — доведенное им до конца крупнейшее завоевательное мероприятие. Тогда, в 1580 г., давлением, оружием, подкупом он добился, что его как сына португальской принцессы признали королем Португалии, а значит и ее гигантских владений в Африке, Индии, Индонезии и Бразилии. По протяженности обитаемой береговой линии от соединения владений Испании и Португалии получилась величайшая империя за всю историю человечества. Это погубило Испанию, ибо страна во многом превратилась в паразитический придаток, призванный править этой империей, притом экономически никак не обоснованными чудовищными мерами принуждения. Филипп II видел "славу", а об объеме скрытой в ней катастрофы не задумывался. Однако непосредственные опасности — необходимость держать войска в Португалии и другие — он понимал. Поэтому осложнять ситуацию неожиданным конфликтом со своими же кастильцами или эстремадурцами на пути в скрыто бурлившую Португалию не хотел.

Можно подумать, что Кальдерон "обыгрывает" официальное прозвание короля "благоразумный"

и заставляет его отступить перед крестьянским самосудом над офицером-насильником, перед логикой алькальда. Кресло говорит королю: "И если кто // В главнейшем справедлив, что значит, // Коль погрешил он в наименьшем?"

"Благоразумный" Филипп, увидев задушенного капитана, останавливает репрессии против крестьян:

Дон Лопе, это свершено уж.
Смерть присудили справедливо,
А тот, кто в главном справедлив,
Грешить он может в наименьшем.
...
Я в Португалию спешу.
В местечке этом оставайтесь
Алькальдом и притом бессменным.

Читатель уже привык к тому, что Кальдерона надо читать внимательно. В драме несколько раз упоминается о выборности как об источнике авторитета алькальда, так что король, проявив неслыханную милость, все же подпортил хоть "в наименьшем", утвердив алькальда на свой монархический манер.

Драма "Саламейский алькальд" синтезирует

разные направления литературы XVII в. Черты барокко не доминируют в ней так явственно, как в других произведениях Кальдерона. Преемственность с Возрождением и с "Фуэнте Овехуной" — Возрождением par excellence — очевидна. Есть выведение из несомненного случая некоей перспективы "на все времена", типичное для писателей и художников-синтетистов XVII в. Есть, как мы увидим, и богатый разнообразными персонажами и событиями фон, отличавший пикарескно-караваджистскую линию. Наконец, есть черты классицизма: строгая уравновешенность, симметрия, особенно проявляющаяся в соотношении реплик Креспо с репликами дона Лопе, симметрия, не менее сурово выверенная, чем в трагедиях Корнеля. Наблюдается законченность действия, относительная неизукрашенность и простота языка, делающие эту драму одним из проявлений классицизма или предклассицизма на испанской почве.

Так определенно, как Кальдерон провел черту между Испаниями двух основных сословий, ее не проводил никто. Но у Кальдерона это не ведет к схематизму и к схожести персонажей по классовому признаку. Особенно богат характер Педро Кресло. Людям высшего сословия он не нравится.

"Претонкий этот мужичина" — размышляет дон Лопе. Не нравится он и захудалому "дворянчику" дону Мендо, устраивающему тщетные серенады дочери Креспо — "Злокачественный он мужик"...

Но прогрессивный зритель и читатель все 350 лет придерживался другого мнения. А. И. Герцен в дневнике 1844 г. отметил превосходный характер Педро Креспо и вынес ставшее знаменитым суждение: "Велик испанский плебей, если в нем есть такое понятие о законности..."[235]

Педро Креспо горд крестьянским происхождением и достоинством, не согласен покупать дворянское звание, хотя средств у него хватило бы ("честь деньгами не купишь"). Он сдержан, бывает смиренен, но когда речь идет о чести и достоинстве простолюдина, он бесстрашен и перед доном Лопе и перед самим королем. Сходство Кальдерона с синтетическим направлением XVII в. открывается в том, что его герой смотрит вперед за дальние горизонты, ставя вопрос: "а почему, за что нам биться?"

Столь же достойны те крестьяне и жители местечка, которые избрали алькальда и вершат вместе с ним рискованный суд. Сын Педро Креспо

---

[235] Примечания: 235
Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954. Т. 2. С. 363.

Хуан более подвержен расхожим представлениям. Когда ему не удается убить насильника, он собирается восстановить честь сестры ее убийством. Слуга Нуньо больше всего мечтает о сытной еде. Веселый солдат Ребольедо и его подруга Ла Чиспа (Искра), бросившая ради него богатых содержателей, втягиваются в преступление капитана; Ребольедо хмелеет от возможности убивать, и опоздай дон Лопе и король, он и его подружка могли бы получить от алькальда по заслугам.

У дворян в пьесе тоже разные характеры.

Дон Лопе де Фигероа (с ним читатель встречался в драме "Любовь после смерти") безжалостен в чрезвычайных обстоятельствах. Но хоть он и готов "забить алькальдишку на месте батогами", он отходчив, хочет быть по-своему справедливым, испытывает известное уважение к Педро Креспо. Кальдерон искусно изображает, как на определенном уровне между этими двумя упрямыми стариками, людьми долга, каждый посвоему, существуют некоторые человеческие отношения: пусть отталкивание, но "общее поле".

Капитан дон Альваро де Атайде ненавидит и презирает народ; свое желание овладеть Исабелью Креспо он сам объясняет как "бешенство":

Тут просто бешенство, тут гнев,

Тут распаление упрямства.

Действия и "чувства" капитана вполне сочетаются с отвращением к крестьянской девушке до и после зверского насилия в лесу.

Капитан — дворянин, использующий свои привилегии в абсолютистском государстве, но никак не испытавший цивилизирующей роли абсолютизма.

"Дворянчик" дон Мендо, дошедший до нищеты и комически-спесивый, — тоже распространенный в тогдашней Испании тип идальго. Неулыбчивый Кальдерон по поводу дона Мендо шутит, да как! Он вкладывает в его уста тираду:

Ведь я в утробе материнской

Отца неблагородной крови

С упорством твердым бы отверг.

За драмой с ее точно очерченным действием стоит романная, бытовая панорама, нечто вроде фона, который является предметом "плутовского романа" и на котором развиваются высокие события в "Дон Кихоте".

Несмотря на корнелевски сдержанный характер драматизма этого своего произведения,

Кальдерон отдавал себе отчет в романном богатстве его фона, что подтверждается не обычной в те времена прямой ссылкой на величайшего писателя Испании. По поводу нищего идальго дона Мендо говорится:

Это кто-то
Слез с тощей клячи, с россинанта,
Вон на углу, — как Дон Кихот,
Чьи приключения Сервантес
Нам описал красноречиво.

Характеры, воспроизведенная ситуация, направление действия на решение вопроса "за что нам биться?", явное продолжение мятежной драмы "Фуэнте Овехуна" Лопе, честная ссылка на Miguel'я de Cervantes'a и на роман "Дон Кихот", — все это придает "Саламейскому алькальду" редкую для барокко и его великого драматурга цельную определенность, ставит эту народно-революционную драму на особое место в культуре XVII в.

Массивные двери перед зрителем и читателем распахиваются, и открываются внутренние покои души поэта. Вглядитесь: перед вами не только славная драма, но и сам Кальдерон. В тиши, в сумраке просторного помещения он

вглядывается в свой век: "Путь полный бед. Что полон бед он — мало? // Так бед к тому ж, друг с другом несогласных..."

Свое горе он переносит скрытно, стоически, как "обыкновенную беду". Он видит и неисчислимые, обыкновенные и необыкновенные, беды современников, простых испанцев и неиспанцев, людей своей и других вер, и даже задает вопрос: "За что нам биться?" (... por que // ha de renir?). В поэте пламенеют души Эусебио и Тусанй, Стойкого принца и Луиса Переса; живет в Кальдероне также спокойное мужество Педро Креспо и того гуманнейшего Алонсо Кихано Доброго, которого под именем Дон Кихот обессмертил Сервантес.

Д.Г. Макогоненко. Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы

I

Переводы К. Д. Бальмонта из Кальдерона явились подлинным открытием для русской литературы одного из величайших представителей Золотого века испанской литературы. Бальмонт не только стремился к точному и поэтическому переводу текстов, но и сопровождал его значительным историко-литературным и библиографическим аппаратом. Задуманное необычайно широко для своего времени издание было самым современным научным типом издания. И в этом плане во многом не уступает уровню известных изданий (Шекспира, Байрона) под редакцией С. А. Венгерова.

В истории становления русского театра и драматургии начала XX в. обращение Бальмонта к Кальдерону имело особый смысл. Появление переводов Кальдерона выходило далеко за рамки научно-просветительские. Они как бы непосредственно включались в литературную борьбу за

новое литературное направление. Традиции барокко и романтизма являлись неотъемлемой частью программ и новых художественных моделей. По своему значению переводы К. Д. Бальмонта из Кальдерона можно сравнить с ролью, которую сыграли немецкие романтики начала XIX в. в ознакомлении с драматургией Кальдерона европейской литературы.

Уже в начале XIX в. имя Кальдерона стало знаком новых художественных исканий, определяло новую романтическую модель драматургии и театра. Не случайно Ф. Шеллинг, сопоставляя его с Шекспиром, видел в нем идеальный образец романтического творчества: "Разрозненные начала романтизма Кальдерон объединил в более строгое единство, которое приближается к подлинной красоте; не соблюдая старых правил, он сконцентрировал действие; его драма драматичнее и уже поэтому чище..."[236]

В этих словах — итог понимания Кальдерона и его места в истории немецкой романтической школы. Бальмонт, издавая собрание сочинений Кальдерона, не ставил перед собою аналогичную задачу. Творчество самого Бальмонта склады-

---

[236] Примечания: 236
Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 438.

валось в эпоху великих исторических бурь и катастроф и отразило эстетические и духовные переживания русской жизни начала XX в.

Обращение Бальмонта к переводу Калидасы и особенно к Кальдерону явилось в какой-то мере практическим и теоретическим обновлением его художественного мировосприятия. В перестройке структурно-смысловой основы художественного творчества у символистов большую роль играет обращение к театру. Драмы И. Анненского, В. Брюсова, А. Блока, Вячеслава Иванова отразили новые потребности театра и искусства. С другой стороны, театр и его деятели обращаются к символизму. "То движение, — писал В. Брюсов, — которое в конце прошлого века обновило все формы искусства, перекинулось, наконец, в театр..."[237]

Переводы Бальмонта, не менее чем оригинальные пьесы Блока или Сологуба, во многом отразили процессы, происходящие в театре тех лет. Недаром молодой участник "условного" театра А. А. Мгебров, прочитав "Чистилище святого

Патрика" в переводе Бальмонта, вспоминал: "Я упивался Кальдероном. Сколько раз, бывало,

---

[237] Примечания: 237

Брюсов В. Реализм и условность на сцене / Театр. Книги о новом театре. СПб., 1908. С. 249.

целыми днями читал я маленькую, драгоценную книгу, растворялся благодаря ей во всей вселенной..."[238]

К. Д. Бальмонт начал переводить очень рано. В предисловии к книге своих переводов чешского поэта Ярослава Врхлицкого (1928) он писал, что, еще будучи четырнадцатилетним мальчиком, "тайком от старших", выучил немецкий язык и перевел стихи немецкого романтика Ленау. Но всерьез переводческой деятельностью Бальмонт занялся в конце 90-х — начале 900-х годов, когда вышли его переводы Шелли и Эдгара По. В 1903-1907 гг. Бальмонт издал полное собрание сочинений Шелли в трех томах. Так определилась его репутация переводчика. Неблагоприятная критика даже видела в нем два лика: лицо Бальмонта-переводчика "озарено светом ума, трудолюбивых и почтенных вдохновений", тогда как "другое лицо — маска плутоватого дурачка, полу-шарлатана, полу-юродивого"[239].

Переводами Бальмонт занимался всю жизнь. После Шелли его внимание привлекли произведения Байрона, испанские народные песни,

---

[238] Примечания: 238
Мгебров А. А. Жизнь в театре. М., 1932. Т. 2. С. 32.

[239] Примечания: 239
Амфитеатров А. В. Собрание сочинений. П., [б. г.] Т. 37. С. 174.

стихотворения Бодлера, Адама Мицкевича и многое другое.

Переводческую деятельность Бальмонта отличает беспримерное разнообразие интересов: "Хорошее знание многих языков, большие лингвистические способности и основательная филологическая эрудиция позволили Бальмонту широко развернуть переводческую деятельность. Репертуар ее громаден, охватывает и Запад и Восток, и глубокую древность и новое время"[240].

Естественно, его переводы обратили на себя внимание и специалистов и поэтов. Мнения о них были самыми различными — одни хвалили, другие отзывались критически. Наиболее резко в 1906-1907 гг. выступил К. И. Чуковский: "Бальмонт как переводчик — это оскорбление для всех, кого он переводит, для По, для Шелли, для Уайльда"[241].

Современный советский исследователь Вл. Орлов, говоря об оценке, данной К. И. Чуковским переводам Бальмонта, пишет: "Чуковский справедливо указывал на ошибки Бальмонта, но в целом его критика (с уязвимой позиции "буква-

---

[240] Примечания: 240

Орлов Вл. Бальмонт. Жизнь и поэзия / К. Д. Бальмонт. Л., 1969. С. 68.

[241] Примечания: 241

См. статьи К. Чуковского: Весы. 1906. No 10; No 12; 1907. No 3.

лизма") носила внешний, фельетонно-резвый характер"[242].

Время меняло восприятие переводов Бальмонта, и оценка его трудов пересматривалась: так, то, что было для Чуковского неприемлемым (переводы Шелли), иначе воспринимается Б. Пастернаком: "Русский Шелли был и остается трехтомный бальмонтовский. В свое время этот труд был находкой, подобно открытиям Жуковского. Пренебрежение, высказываемое к этому собранию, зиждется на недоразумении. Обработка Шелли совпала с молодыми и творческими годами Бальмонта, когда его свежее своеобразие еще не было опорочено будущей водянистой искусственностью"[243].

Заслуживает внимания и мнение Ал. Блока: "Эдгар По требует переводчика, близкого его душе, непременно поэта, очень чуткого к музыке слов и к стилю. Перевод Бальмонта удовлетворяет этим требованиям, кажется, впервые"[244].

Особое место в деятельности Бальмонта-пере-

---

[242] Примечания: 242
Орлов Вл. Указ. соч. С. 69.

[243] Примечания: 243
Пастернак Б. Заметки переводчика / Лит. Россия. 1965. No 13. С. 18.

[244] Примечания: 244
Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Л. Т. 5. С. 618.

водчика занимало творчество великого испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барки.

Интерес к Испании, к драматургии Золотого века, в особенности к творчеству Кальдерона у Бальмонта был поистине огромным. Первоначальный его замысел включал в себя переводы различных по жанру драм Кальдерона (философские и религиозные драмы, драмы чести, комедии плаща и шпаги). Но мысли переводчика были сосредоточены не только на произведениях великого представителя испанского барокко. Он мечтал перевести и "демонические драмы испанского театра" (Тирсо де Молины, Бельмонте), "крестьянские драмы испанского театра" (Лопе де Веги и Тирсо де Молины), каждое издание сопроводив комментариями и пояснительными статьями.

По договоренности с М. и С. Сабашниковыми он передает им для издания шесть драм Кальдерона, которые вышли в трех сборниках. В первый сборник (1901) — вошла драма "Чистилище святого Патрика". Во второй (1902) — четыре драмы: "Стойкий принц", "Жизнь есть сон", "Поклонение кресту", "Любовь после смерти". Третий вышел только в 1912 г. и состоял из одной драмы — "Врач своей чести".

В архиве К. Д. Бальмонта мы обнаружили интересный документ, характеризующий отношения переводчика с издателем:

Господам М. и. С. Сабашниковым в Москве

Милостивые государи,

Ссылаясь на бывшие между нами личные переговоры, имею честь подтвердить состоявшееся между нами соглашение в следующем:

1) Я предполагаю перевести с испанского стихами 12 драм Кальдерона и уступаю Вам право на первое издание этих драм в моем переводе.

2) В вознаграждена за уступку Вам указанного права я имею получить от Вас половину всей чистой прибыли, какая окажется по распродаже каждого выпуска отдельно, причем при определении чистой прибыли Вы имеете предварительно удержать в свою пользу из валовой выручки издания 10% с номинальной стоимости издания, на покрытие расходов по складу, а именно на наем помещения для склада, страховку,

переписку и счетоводство, а также на общие с прочими Вашими изданиями публикации. Специальная же публикация о сочинениях Кальдерона будет ставиться непосредственно в расходе по этому изданию, равно как скидка, делаемая книготорговцами, и расходы по пересылке книг.

3) Ввиду неопределенности того вознаграждения, какое может получиться по предыдущему пункту, Вы гарантируете мне получение не менее пятидесяти рублей с печатного листа русского текста, содержащего 37 тысяч букв прозаического набора или 672 строки стихов, и будете уплачивать мне это полистное вознаграждение в счет той прибыли, какая будет мне причитаться по 2-му пункту сего условия следующим порядком:

а) при заключении настоящего условия в виде задатка 500 рублей.

б) по предоставлению Вам готового к печати перевода каждой драмы отдельно по 250 рублей за драму.

в) затем, по отпечатании каждого выпуска или тома, Вы должны уплатить мне

полностью по 50 рублей с листа, удержав в погашение предварительных платежей, указанных в пунктах а и б, по триста рублей за каждую драму.

4) За мной остается право помещать переводы Кальдерона в ежемесячных журналах, но с тем, чтобы в каждом томе или выпуске Вашего издания было не менее одной, а во всем Вашем издании сочинений Кальдерона не менее четырех, нигде в других изданиях не появлявшихся.

5) Внешность издания, число экземпляров, равно и цена его и порядок появления в свет определяются Вами.

6) Каждой драме я имею право предпослать маленькую заметку, текст которой оплачивается Вами на общих условиях сего договора, как сказано в пунктах 2 и 3. Размер этих заметок или статей не должен, однако, превышать пять листов для 3-х драм и 1 листа для каждой из остальных.

7) Я имею перевести и подготовить к печати все 12 драм в течение 2-х лет со дня заключения настоящего соглашения,

доставляя Вам материал для печати в течение всего периода равномерно, т. е. приблизительно по 3 драмы в полугодие. Драма "Чистилище св. Патрика" не входит в состав 12 драм, относительно которых мы вступили в настоящее соглашение.

8) За мною остается право последующих переизданий драм Кальдерона в моем переводе, но не иначе как по окончательной распродаже Вашего издания.

9) По представлении мною 2 драм, готовых к печати, Вы обязуетесь напечатать их и выпустить в свет не позже как через полгода.

10) Вы обязуетесь доставлять мне по отпечатании по 100 экземпляров бесплатных каждого выпуска.

К. Д. Бальмонт

Согласно пункту 3-ему (а) пятьсот рублей получил.

***К. Бальмонт"*[245].**

---

[245] Примечания: 245
ГБИЛ. ОР. Архив К. Д. Бальмонта. Ф. 26/732. 687

Издание драм Кальдерона Бальмонт сопроводил научными комментариями и пояснительными статьями, не утратившими своего научного значения и сегодня. Второй выпуск драм Бальмонт сопроводил обширной библиографией, которая доказывает компетенцию поэта в сложных вопросах толкования философских драм Кальдерона. В подавляющем большинстве случаев Бальмонт сам комментировал драмы, но в некоторых случаях считал необходимым воспроизвести в издании статьи ученых-испанистов, в частности, статьи известного немецкого исследователя М. Кренкеля.

Высоко оценил Бальмонт труд Д. К. Петрова "Очерки бытового театра Лопе де Веги", не исключено, что он послужил для поэта неким толчком при переводе произведений испанского драматурга.

Увлеченно работая над переводами кальдероновских драм, Бальмонт стремился сделать их не только достоянием читающей публики; его заветным желанием было увидеть драмы Кальдерона на русской сцене. В предисловии ко второму выпуску он пишет: "Драма "Жизнь есть сон" до сих пор ставится на сцене в Испании. Мне пришлось ее видеть в Мадриде, и я убедился, что она

не только сценична, но что и ее символический философский смысл от сценических эффектов выступает еще ярче и отчетливее. Необходимо было бы, чтобы лица, заведующие репертуаром русских театров, не оставили без внимания богатый сценический материал, предстающий перед нами в драмах Кальдерона. Гете, бывший сам драматургом и директором театра, не был опрометчивым, когда он ставил на Веймарской сцене "Стойкого принца" и "Жизнь есть сон""[246].

Поэт считал себя обязанным сообщить публике свое понимание перевода и принципы, которые легли в основу его работы над драмами Кальдерона. "В рифмованных стихах я связываю рифмой лишь вторую и четвертую строку, дабы иметь возможность не уклоняться от текста и передавать его с наивозможной близостью. Тем не менее, я передаю все или почти все перемены испанского ритма". Стремясь к точному воспроизведению стиля эпохи, он продолжает: "При передаче таких стильных вещей, как драмы Кальдерона, главной задачей переводчика должно быть стремление передать все личные, национальные и времен-

[246] Примечания: 246

Бальмонт К. Д. Предисловие к книге "Сочинения Кальдерона". М., 1902. С. VIII.

ные особенности"[247].

Этим принципам он строго следовал. Бальмонту чужд буквализм. Он передавал не только философский смысл драм Кальдерона, но и проявлял их художественное своеобразие, особенности поэтического стиля великого драматурга. И смысловые, и стилистические отступления от оригинала, конечно, были, что неизбежно при переводе, когда автор принципиально отказывается от буквализма.

Одно из важнейших современных требований к переводу — историзм в передаче замысла поэта, его философии, его поэтической лексики. Характерно, что при сравнении "старых" переводов Бальмонта с современными оказывается, что поэт бывал историчнее наших сегодняшних переводчиков Кальдерона.

Конечно, в выборе перевода имеет значение и субъективный момент. Бальмонт признавался: "Не счастье ли найти клад, и не высокая ли радость прочесть неожиданно, в подлиннике, на чужом и на близко-родном языке то, о чем когда-то думал сам, думал и забыл или не умел

---

[247] Примечания: 247
Там же. С. VI.

выразить"[248].

Подобная субъективность не вела" Бальмонта к искажению переводимого произведения. Еще раз подчеркнем, что его переводы Кальдерона отличает научная и поэтическая точность. Субъективность же в данном случае проявляется в признании поэта, какое именно произведение близко и дорого ему, и объяснения, почему оно избрано для перевода. Такая субъективность свойственна и лучшим переводам Жуковского, Лермонтова (из Гете, Гейне).

II

С бальмонтовскими переводами драм Кальдерона связаны и важные искания театральных режиссеров начала века, их стремление реформировать театр, в котором господствовали окостеневшие и заштампованные приемы и принципы сценического искусства. Интерес театральных деятелей к переводам Бальмонта, несомненно, был обусловлен их высоким поэтическим уровнем. В известной мере верный истории, Бальмонт в своих переводах воссозда-

---

[248] Примечания: 248
Врхлицкий Я. Избранные стихи. Прага, 1928. С. XIX.

вал и дух времени и особенности мышления человека эпохи, изображаемой Кальдероном.

В. Э. Мейерхольд был первым, кто вдохновился "русским Кальдероном" и попытался воссоздать его на сцене приемами современного театрального искусства. Выбор его пал на драму "Поклонение кресту" В драме Кальдерона действие происходит в XIII в. Но Мейерхольд считал главной своей задачей связать современность с тем испанским театром XVII в., когда таким успехом пользовались драмы Кальдерона.

Осуществить этот замысел режиссеру удалось не в профессиональном театре, а на сцене любительского Башенного театра, организованного в Петербурге на квартире Вячеслава Иванова, в доме на Таврической улице. Здесь устраивались не только спектакли, но и литературные вечера, собиравшие любителей искусства и литературы.

Организаторами постановки драмы Кальдерона в Башенном театре выступили В. К. Иванова-Шварсалон, падчерица Вяч. Иванова, ее подруга Н. П. Краснова и Борис Мосолов. Исполнителями были близкие к дому литераторы, художники и т. д. В их числе М. Кузмин, В. Пяст, В. Княжнин. Для постановки приглашены Мейерхольд и художник С. Судейкин.

Спектакль состоялся 19 апреля 1910 г. В журнале "Аполлон" появилась статья Евг. Зноско-Боровского. Подробно рассказывая о нем, он останавливается на нових приемах раскрытия характеров, организации сценического действия и оформления спектакля. Фиксирование мельчайших подробностей имеет большое значение для истории театра и эстетической позиции постановщика. Но главную задачу автор статьи видел в том, чтобы показать, какими средствами режиссер и художник воссоздавали образ испанского театра XVII в. "И в этом было особое значение спектакля, далеко превысившее то, которое имеет факт, сам по себе такой отрадный, постановки редкого в России Кальдерона, стало до очевидности ясно, что все привычные, казалось, необходимые черты современного театра, весь механизм этой сложнейшей машины совсем не нужен, и что при минимальной затрате средств можно достичь не меньших, если не больших, результатов и эффектов. При этом надо особенно отметить, что все попытки и достижения спектакля, — и в этом видим мы залог их жизненности, что все они добыты не отвлеченным рассуждением, но родились из подлинной жизни театра, жизни современной, равно и очень

старой: современные искания были направлены к драгоценным сокровищам давней старины, а ее лучшие заветы усвоены были нынешними приемами.

Это была попытка воскресить испанский театр XVI-XVII веков"[249]

Участник спектакля В. Пяст в своих воспоминаниях рассказывает, какими средствами достигалась эта задача: "Весь фон сцены был заткан, закрыт бесконечными развернутыми, разложенными, перегнутыми, сбитыми и пышно взбитыми витками тысяч аршин тканей, разных, но преимущественно красных и черных цветов. В квартире Вячеслава Иванова хранились вот такие колоссальные куски и штуки старинных и не очень старинных материй. Тут были всякие сукна, бархаты, шелка... Изобилие материй пленяло Судейкина; наворотивши вороха тканей, он создал настоящий пир для взора. Истинную постановку в сукнах, в квинтэссенции сукон и шелков. Он же соорудил и особенно пышный занавес, вернее две завесы. Два арапчонка, по окончании каждой картины, задергивали сцену с двух противоположных концов; всякая механи-

---

[249] Примечания: 249

Зноско-Боровский Евг. Башенный театр / Аполлон. 1910. No 8. С. 31.

зация, в виде ли колец на палочке или проволоке, в виде ли электрического света (все освещалось свечами в тяжелых шандалах), была изгнана из этого средневекового представления"[250].

Спектакль в Башенном театре — первая попытка постановки Кальдерона в современном театре. В процессе создания спектакля были найдены и разработаны новые средства театрального раскрытия жизни людей далекой эпохи. Вс. Мейерхольд чувствовал, что это не только его режиссерский спектакль, но и постановка художника Судейкина. Его яркое оформление, эффектность цветового решения и произвели огромное впечатление на зрителей.

Заслуживает внимания и тот неожиданный, ломавший традицию прием, примененный Мейерхольдом в спектакле.

В драме Кальдерона главному герою Эусебио должны принести лестницу, но "подмостки" Башенного театра не позволяли этого; лестница не проходила в единственную дверь, ведущую на сцену. В. Пяст рассказывает: "Мейерхольду ни за что не хотелось расставаться с лестницей. И вдруг его осеняет мысль. Мысль — поистине

---

[250] Примечания: 250
Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 169.

историческая...

— Несите отсюда! — воскликнул Мейерхольд, показывая рукою налево от себя, направо от сцены, — на дверь, через которую входила публика в столовую из соседней комнаты. Больше в столовую дверей не было.

— Т. е. как? Из публики? Через зрителей?

— Ну, конечно, да. Именно так. Пусть все расступаются.

И в первый раз в истории, по крайней мере современного театра, "актер вышел в публику"[251].

Спектакль в Башенном театре шел только один раз. Но мысль о "русском Кальдероне" продолжает волновать воображение Мейерхольда.

В 1912 г. в Терйоках Мейерхольдом было создано "Товарищество актеров, писателей, художников и музыкантов". В него входили: Л. Д. Блок, А. А. Мгебров, художники Ю. М. Бонди, Н. И. Кульбин, Н. Н. Сапунов, композитор Ю. Л. Де-Бур, поэт М. А. Кузмин и др.

Театр в Терйоках существовал один сезон. Репертуар его не сложился. Первое представление — 3 июня. Оно состояло из нескольких частей: пантомимы, сцены из Сервантеса, в центре — "Ар-

---

[251] Примечания: 251
Там же. С. 176.

лекин — ходатай свадеб" (В. Н. Соловьева) . В связи со смертью Августа Стриндберга (1 мая 1912) 14 июля Товарищество устроило вечер его памяти. Была поставлена неизданная пьеса Стриндберга "Виновны — невиновны".

Но Мейерхольда продолжала интересовать Испания. Было задумано сценическое воплощение "Каменного гостя" Пушкина, но замысел не был осуществлен. И тогда режиссер вернулся к Кальдерону. Он решил создать вторую редакцию драмы "Поклонение кресту". Спектакль в Терйоках состоялся 15 июля. Сохранились режиссерские экспликации, которые дают довольно ясное представление о новом замысле и его воплощении.

Мейерхольда в новом спектакле интересовало прежде всего раскрытие не обстоятельств действия, а убеждения и поведение созданных Кальдероном характеров. Акцент переносился на актерское исполнение. М. В. Бабенчиков указывал, что главная цель постановки Мейерхольда сводилась к тому, чтобы максимально помочь актерам, ибо, по мысли Мейерхольда, "только в игре актеров... лучше всего мог выявиться дух

Кальдерона"[252].

В своих режиссерских экспликациях Мейерхольд пишет о подчинении этой задачи всего оформления спектакля. Основная декорация — белый шатер. На заднем полотне его навешивали вертикальные полосы, между которыми входили актеры. Мейерхольд объясняет символический смысл этого шатра-занавеса: "Этот белый занавес, с нарисованным на нем длинным рядом синих крестов, является символической границей, отделявшей место действия католической пьесы от внешнего враждебного мира. По бокам сцены стояли высокие белые фонари; в них за матовой бумагой горели маленькие лампы, но фонари стояли лишь как символы фонарей, а сцена освещалась верхними и боковыми софитами (рампы не было)"[253].

Эта идея осуществлялась и в дальнейшем оформлении. О второй хорнаде Мейерхольд писал: "Чтобы показать, что действие происходит в монастыре, два отрока под однотонный звон колокола за сценой вносили и ставили большие белые трехстворчатые ширмы, на которых

---

[252] Примечания: 252
Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Ч. 1. С. 255.

[253] Примечания: 253
Там же.

был нарисован строгий ряд католических святых"[254].

Эти два отрока исполняли ту же роль "курамбо", но это использование "курамбо" носило не формальный характер — таким образом создавалось действие на просцениуме. Режиссер считал, что именно Мольер стремился вынести действие из глубины сцены на просцениум, на самый край его. По мысли Мейерхольда, это было нужно Мольеру, чтобы преодолеть традиционное в театре отделение актера от публики. Опыт Мольера нужен был режиссеру для решения своей центральной задачи: сделать актера главным выразителем авторской концепции пьесы.

Приведем следующее высказывание Мейерхольда: "Как свободно зажили ничем не стесняемые гротескные образы Мольера на этой сильно выдвинутой вперед площадке. Атмосфера, наполняющая это пространство, не задушена колоннами кулис, а свет, разлитый в этой беспыльной атмосфере, играет только на гибких актерских фигурах"[255].

Все эти сценические новации применялись

---

[254] Примечания: 254
Там же.

[255] Примечания: 255
Мейерхольд В. О театре. СПб., 1913. С. 124.

при постановке пьесы Кальдерона "Поклонение кресту" и в Башенном и в Териокском театрах. Это кальдероновское начало в исканиях Мейерхольда почувствовал А. Блок, присутствовавший на спектакле в Териоках. Он писал: "Итак, Кальдерон 1) в переводе Бальмонта; 2) в исполнении модернистов; 3) с декорациями, "более чем условными", однако — этот "католический мистицизм" был выражен как едва ли выразили бы его обыкновенные актеры"[256].

Через три года Мейерхольд вновь обращается к Кальдерону. 23 апреля 1915 г. в Александрийском театре в бенефис актера Ю. Э. Озаровского он ставит драму Кальдерона "Стойкий принц" в переводе К. Д. Бальмонта.

Программа спектакля извещала: ""Стойкий принц" драма в 3-х хорнадах сочинения Кальдерона, перевод К. Д. Бальмонта. Декорации художника А. ЯГоловина. Костюмы и бутафория по рисункам художника А. Я Головина. Постановка режиссера В. Э. Мейерхольда. Музыка В. Г. Каратыгина. Действующие лица: Дон Фернандо — г-жа Коваленская; Дон Энрике — г. Вивьен; Д. Х. Кутиньо — г. Вертышев; Царь Феса — г. Студенцов;

---

[256] Примечания: 256
Блок А. Собрание сочинений. М.: Л. Т. 7. С. 135.

Таруданте — г. Озаровский; Феникс — г-жа Стахова; Роза — г-жа Шигарина; Сара — г-жа Рашевская; 1 кл. — г. Локтев; 2-й — Казарин; Эстрелья, Селима, Селин, португальские солдаты, мавры и пленники — ученики Императорских драматических курсов, сотрудники драматической труппы и ученики студии Вс. Мейерхольда".

Появление на сцене Императорского театра драмы Кальдерона "Стойкий принц" в постановке Мейерхольда вызвало противоречивые отзывы. Непосредственным откликом на спектакль явилась рецензия А. Р. Кугеля в журнале "Театр и искусство", написанная в задиристо-фельетонном стиле. Критик считал, что "это был скучный спектакль". Виновником "скуки" был объявлен Мейерхольд. Отрицалась новизна режиссерского замысла, целесообразность постановки и интерпретации драмы Кальдерона. "Вместо духа — живого, какое-то стремление сориginальничать, да показать что-нибудь почудней — в пределах приличий, без чего, разумеется, нельзя в Александрийском театре"[257]. Отрицая оригинальность режиссерского замысла, критик отказывается видеть художественное единство

[257] Примечания: 257
Кугель А. Р. Театр и искусство. 1915. No 17. С. 293.

спектакля: "Что же показал нам г. Мейерхольд? Реконструкция старинного театра? Неправда, это не реконструкция. Стилизация? Нет, и не стилизация! Просто собственное сочинение г. Мейерхольда, которое не могло быть ни ярче, ни острее, ни эффектнее, ни талантливее своего творца"[258].

Иронически отзывался рецензент и о смелом решении режиссера поручить заглавную роль принца — женщине (актрисе Г. Коваленской).

Критик не приемлет новое театральное искусство, ни МХТ, ни Мейерхольда. Отзыв театрального критика не был серьезной попыткой понять и раскрыть смысл и драмы Кальдерона, и ее театральной интерпретации. Естественно, эта статья вызвала ответную реакцию. В следующем, 1916 г., в журнале "Любовь к 3-м апельсинам" появилась серьезная статья молодого историка западной литературы В. М. Жирмунского, писавшего под псевдонимом Victor — "Художественная идея постановки". Автор раскрывает идейное содержание драмы Кальдерона, которое получило верное воплощение в режиссерском решении.

По мнению В. М. Жирмунского, единая задача

---

[258] Примечания: 258
Там же.

режиссера и художника сводилась к тому, чтобы в центре спектакля было "не внешнее правдоподобие действительной жизни", не воссоздание "исторической обстановки, в которой происходило действие". Тем самым режиссер и художник "избегали соблазна, который представляет исторический этнографизм на сцене"[259].

Излагая концепцию спектакля, близкую к замыслу Мейерхольда (это вполне естественно, т. к. В. М. Жирмунский готовил статью для журнала Мейерхольда), он писал: "Только то казалось пригодным для постановки, что могло воплотить основное лирическое настроение кальдероновской драмы: игра актеров, их декламация и костюмы, грим, движения и жесты, вместе с тем, та внешняя обстановка, в которой развивается действие, все должно было стать выражением душевного содержания драмы"[260].

Естественно, оправдывается введение на мужскую роль — принца — актрисы. Мотивируется это режиссерское решение особенностью самой драмы, ее лиризмом и "женственной" философи-

---

[259] Примечания: 259

Victor. Художественная идея постановки. Любовь к 3-м апельсинам. СПб., 1916. No 2-3. С. 136.

[260] Примечания: 260

Там же. С. 137.

ей характера главного героя. Подробно об этом пишет другой сотрудник журнала, М. М. Жирмунский[261].

Постановка В. Э. Мейерхольдом двух драм Кальдерона свидетельствует о его интересе к идейно-философской концепции произведений испанского драматурга, о желании раскрыть своеобразие драм Кальдерона. Режиссер ведет поиски новых выразительных театральных средств. При этом два последних спектакля — в Териоках и Александрийском театре — отчетливо проявили главную тенденцию режиссерского поиска — ставку на актера, на передачу психологической достоверности сложного символического содержания драм Кальдерона.

Драмы Кальдерона в переводе Бальмонта вызвали интерес и у других режиссеров русских театров. В частности, в 1911 г. в Старинном театре в Петербурге режиссер Н. В. Дризен поставил драму Кальдерона "Чистилище святого Патрика".

Спектакль, и прежде всего режиссерская интерпретация драмы Кальдерона, вызвали противоречивые оценки. Рецензент А. Ростиславов писал под непосредственным впечатлением от уви-

[261] Примечания: 261

Жирмунский М. М. "Стойкий принц" на сцене Александрийского театра, Любовь к 3-м апельсинам. СПб., 1916. No 1.

денного. Критику все понравилось: декорации, костюмы, план постановки и т. д., драму он именует "красивой и проникновенной мистерией".

Акцент был сделан не на раскрытии идейно-философского и эстетического содержания пьесы, а на реставрацию эпохи и театрального действа того времени, когда ставились драмы Кальдерона при дворе Филиппа IV в театре Buen Retiro. "Театральная археология" господствует в спектакле. Кальдероновская поэзия оказывалась в тени, ее глубокое содержание не раскрывалось.

Авторитетный критик тех лет Эдуард Старк — летописец Старинного театра — справедливо и беспристрастно оценил постановку режиссера Дризена и попытался объяснить серьезные режиссерские просчеты[262]. Он решительно выступил против эстетики театральной археологии. Мудрость драмы Кальдерона требовала современной формы театрального прочтения, которая исключала и стилизацию, и ненужную реставрацию старинной манеры игры.

Эд. Старк писал, что постановка драмы Кальдерона свидетельствует 'о правильности выбора театра. Оттого представление было "чудом": "Чу-

---

[262] Примечания: 262
Старк Эд. Старинный театр. П. 1922. С. 60.

до глубокой мысли, настроенной на серьезный философский лад и обвеянной сладким ароматом великолепной поэзии. Чудо это принадлежит Кальдерону"[263].

Обратим внимание на то, что театральный критик подчеркивает высокие поэтические достоинства драмы, которая была ему известна в переводе К. Бальмонта.

При этом критик отмечал, что замысел драмы не был полностью раскрыт: "Ввиду блестящей поэзии Кальдерона, перед глубиной его мысли и возвышенностью идей стала как-то совершенно неинтересна реставрация игры; то, что в этом предприятии было главным, вдруг сделалось второстепенным, и вы ловили себя на мысли: да ведь это совсем неважно, как оно происходило при Филиппе IV, в загородном дворце Buen Retire! Театральная археология совершенно стушевалась перед Кальдероном, может быть, потому, что он сам очень уж явно не археология. Между примитивной постановкой и упрощенными приемами игры, с одной стороны, и внутренними достоинствами кальдероновской драмы — с другой, не получалось необходимой гармонии

---

[263] Примечания: 263
Там же. С. 60.

вследствие того, что достоинства эти, весь сценический материал, заключенный в творении испанского поэта, бесконечно превышают тогдашние театральные возможности"[264].

В спектакле Старинного театра было допущено искажение текста. Оно происходило по причинам как независимым от театра — цензура, так исходило и от самого театра — были сделаны неоправданные купюры в тексте. Вмешательство цензуры носило анекдотический характер: не было разрешено вынести на афишу подлинное название драмы: "...называется она "Чистилище Патрика", так по афише, ибо последняя есть уступка цензуре; настоящее же имя чуду: "Чистилище святого Патрика". Это очень характерно для нашей страны, где не только соответствующие инстанции, но и целые категории людей все еще продолжают смотреть на театр как на бесовское заведение. Иной взгляд был в Испании XVII века, "инквизиционной Испании!.. Бесчисленное множество религиозных пьес игралось там на всевозможных сценах, и это не только никого не оскорбляло, но напротив, содействовало, с одной стороны, возвышению достоинства театра, а с

[264] Примечания: 264
Там же. С. 60.

другой — пробуждению и укреплению в зрителях добрых чувств"[265], — отмечал Эд. Старк. По поводу неоправданных купюр, сделанных театром, он писал: "Дирекция произвела в тексте драмы такие сокращения, которые, в подобном художественном произведении совершенно недопустимы.

Необходимо было поставить "Чистилище Патрика" целиком прежде всего потому, что такая задача удовлетворила бы прежде всего эстетическую потребность самих работников театра, предполагая, что им была дорога каждая строка поэта...

Наконец, уж если так необходимы были купюры, последние, во всяком случае, должны были быть сделаны с большим выбором: никакими соображениями нельзя было оправдать пропуск во II действии великолепного диалога между царем и Патриком по поводу того, куда идет человеческая душа после смерти; это одно из лучших мест драмы"[266].

В 1915 г. в Москве открылся новый театр, получивший название Камерного. Одну из главных задач театр видел в определении собственного ре-

---

[265] Примечания: 265
Там же. С. 54.

[266] Примечания: 266
Там же. С. 58-59.

пертуара. Любопытно, что первые два спектакля были непосредственно связаны с переводческой деятельностью К. Д. Бальмонта. Театр открылся премьерой в постановке Таирова индийской драмы "Сакунтала" в переводе Бальмонта. Вторым спектаклем стал "Жизнь есть сон" Кальдерона, режиссер Зонов.

Спектакль "Жизнь есть сон" активно обсуждался театральной критикой. Мнения рецензентов были не просто противоречивыми, но и взаимоисключающими. В журнале "Любовь к 3-м апельсинам" Сергей Игнатов резко осудил спектакль. В "Театральной газете" рецензент похвалил постановку. В "Рампе и жизни" Юрий Соболев критиковал режиссера.

В противоречивости оценок сказалось, прежде всего, различное понимание драмы Кальдерона, ее поэтики. Так, С. Игнатов писал: ""Жизнь есть сон" относится к циклу философских драм Кальдерона, а глубина мысли, пафос драматурга совершенно пропали за ненужной напыщенностью стилизованных декораций.

Не было гармонии и между декорациями и актерами. Краски, слова, жесты — существовало

отдельно, без необходимой слитности"[267].

Рецензент считал, что успех мог быть достигнут только в, случае соблюдения принципов театрального действия старинного испанского театра. Он утверждал: замысел Кальдерона "остался неясным для режиссера. Как нельзя ставить fiab'y Гоцци, не зная принципов commedia dell'arte, так и здесь — надо было, прежде всего, постичь характер испанского театра, не допускающего замедленного темпа и стилизованных пауз; медлительных движений и застывания у колонн. В результате — спектакль оставляет расплывчатое впечатление. Здесь и элементы испанского театра, и стремление к стилизованному реализму современности. Эта нестройность проходит и в постановке, и в декорациях, и в исполнении"[268].

Критик "Театральной газеты", в целом положительно оценивая спектакль, хвалит театр, как это ни парадоксально, за "преодоление Кальдерона": "Камерный театр подошел к Кальдерону с большой любовью, с тонким пониманием стиля.

---

[267] Примечания: 267

Игнатов С. "Камерный театр", "Сакунтала", "Жизнь есть сон", "Любовь к 3-м апельсинам", 1914. No 6-7. С. 104.

[268] Примечания: 268

Там же.

Намечено все было очень правильно и по мере возможности осуществлено. Я говорю "по мере возможности" потому, что играть Кальдерона очень и очень трудно. Дать его во всей монументальности невозможно уже потому, что техника нашей сцены не знает этих средств. Наш театр, театр характера, театр человека, а театр Кальдерона — театр формул на ходулях, театр поучений на котурнах. С другой стороны, опростить в обыденном смысле Кальдерона, значит лишить его всякой внутренней силы и смысла и сделать от, начала до конца фальшивым. Камерный театр взял хорошую середину, оттенив монументальность условно-тяжелой читкой стихов, а в остальном стараясь приблизить и смягчить структуру пьесы до наших восприятий"[269].

Критик Ю. Соболев считает, что оба спектакля Камерного театра — "Сакунтала" и "Жизнь есть сон" — не были удачными, и эти неудачи объясняет неверным пониманием замысла драматурга. Особенно наглядно это проявлялось в постановке драмы Кальдерона: но ни "Сакунтала", ни "Жизнь есть сон" не были осуществлены так, как должны осуществляться на сцене произведения, столь

[269] Примечания: 269

Э. Б. Кальдерон в Камерном театре / Театральная газета. 1915. No 1. С. 4.

огромные и по внутренней и по внешней своей конструкции.

И как ни помогали декоратор, режиссер и композитор "Сакунтале" сделаться близкой нам, современным зрителям, так и осуществляющие спектакль Кальдерона ни хорошими декорациями, ни общим удачным планом постановки не спасли драму от привкуса какой-то археологичности, столь утомляющей скуки, заметной с первой картины.

Правда, в дальнейшем своем течении спектакль не казался таким грузным. Жгучая философия Кальдерона волновала и находила отклик в Душе зрителя.

Но если бы исполнители до конца верно поняли основной "тон" трагедии, — какими яркими огнями мог бы озариться весь спектакль"[270].

Обратим внимание на противоречивость суждений критиков. С. Игнатов упрекает театр и режиссера в том, что не восстанавливается принцип старинного театра, а Ю. Соболев видит причину неудачи спектакля в излишней археологичности и нежелании театра найти новые сценические средства для выражения глубоких

---

[270] Примечания: 270

Соболев Ю. Кальдерон в Камерном театре / "Рампа и жизнь". 1915. No 1. С. 7.

идей Кальдерона.

Интересно, что и в обсуждении постановки в Камерном театре, и спектаклей, осуществленных Мейерхольдом, и спектакля в Старинном театре поднимался вопрос не только о современном воплощении художественных произведений XVII в., но ставился шире — речь шла о принципах их воссоздания средствами современного театра.

Так драмы Кальдерона в переводах Бальмонта оказались важным этапом в развитии театрального искусства. При этом характерна общая тенденция режиссуры при воссоздании идей далекой эпохи, проявившаяся прежде всего в выдвижении актера на первый план спектакля и возложении на него главной задачи по раскрытию замысла драматурга.

Как мы уже отмечали, к этому пришел в своих поисках Вс. Мейерхольд. Критика оказалась единодушной", признав крупной удачей спектакля Камерного театра исполнение актером Шалаховым роли Сехисмундо: "Центральную роль Сехисмундо с большим подъемом и темпераментом вел г. Шалахов, отлично читавший стихи и умевший подняться до грандиозности

кальдероновского замысла"[271].

В "Рампе и жизни" мы читаем: "Но, увы, только отдельные вспышки радовали, да и то только благодаря одному исполнителю — г. Шалахову, давшему четкий и смелый образ Сехисмундо. И внешне и внутренне роль сыграна очень выпукло. В особенности удались последние картины: пробуждение после "сна" и вещее провидение жизни, которая не более, как "сновидение"... Большой монолог читал г. Шалахов прекрасно; это волновало и звучало так торжественно-скорбно"[272].

Актриса Камерного театра Алиса Коонен в своих воспоминаниях пишет, что спектакль "Жизнь есть сон" не удался. Он не был принят ни публикой, ни критикой. Одна только удача была несомненной — исполнение Шалаховым центральной роли Сехисмундо. Шалахов играл действительно великолепно. И даже критики, браня спектакль, единодушно хвалили его темперамент и голос, а одна из газет объявила даже,

---

[271] Примечания: 271

Э. Б. Кальдерон в Камерном театре / Театральная газета. 1915. No 1. С. 4.

[272] Примечания: 272

Там же.

что родился 2-й Шаляпин"[273].

Мы кратко остановились на театральной жизни драм Кальдерона, поставленных в первые десятилетия XX в. Театральное воплощение Кальдерона на русской сцене раскрывает один из важных моментов происходившего в начале века обновления театра и, в частности, решения важной проблемы раскрытия классики прошлых эпох современности средствами.

III

Как мы отмечали, К. Д. Бальмонт, приступая в начале века к переводу драм Кальдерона, руководствовался обширным замыслом дать читателю и театру русского Кальдерона. Переводчик, задумывая свое издание, отчетливо понимал все трудности, которыми оно будет сопровождаться. "Вряд ли нужно говорить, что быстрое осуществление этого плана и заполнение такого существенного пробела в нашей переводческой литературе зависит не только от меня. Можно надеяться, что журналы и газеты, имеющие влияние на большую публику, сделают все от них

---

[273] Примечания: 273
Коонен Алиса. Страницы из жизни / Театр. 1967. No 9. С. 112.

зависящее, чтобы поэтические замыслы таких гениев, как Кальдерон, получили возможно широкое распространение в России"[274].

Поначалу, как мы видели, план не был выполнен. Переведено и издано только пять драм. Разные обстоятельства отвлекали Бальмонта от осуществления задуманного. Но Кальдерон продолжал интересовать его. Так, находясь во Франции в 1912 г., он перевел "Врача своей чести", снабдив перевод вступительной статьей. В письме к М. В. Сабашникову он писал:

> "1912.1.13. Пасси.
>
> Дорогой Миша. Ты, верно, удивишься, получив посланное. Хочется думать, что удивление будет симпатического свойства. Я послал тебе "Врача своей чести" Кальдерона (бандеролью) и предисловие к нему при сем. Если бы ты согласился выпустить его без промедлений, я был бы счастлив. Я успел бы еще получить весь набор (во всяком случае набор предисловия), я здесь до 2-го28-го. Я думаю, что 3-й выпуск Кальдерона подхлестнет

---

[274] Примечания: 274
Коонен Алиса. Страницы из жизни / Театр. 1967. No 9. С. 112.

и остальное, как по свойству драмы (кто-то в мире не ревнует!). Так и дешевизна выпуска.

Жду ответа"[275].

Бальмонту удалось продолжить работу над Кальдероном только в 1919 г. В архиве поэта мы обнаружили договор на продолжение издания драм Кальдерона:

"Москва, июля 24, 1919 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Константин Дмитриевич Бальмонт и Товарищество под названием Изд-во М. и С. Сабашниковых, заключили между собой следующее соглашение:

1) К. Д. Бальмонт переведет для издательства стихами с испанского на русский язык драмы Кальдерона: "Волшебный маг", "Саламейский алькальд" "Луис Перес Галисиец", "Бойтесь тихой воды", "Возлюбленная Гомеса Ариаса".

2) Эти драмы издательство приобретает от К. Д. Бальмонта с правом выпуска их в количестве экземпляров и изданий

---

[275] Примечания: 275
ГБИЛ. ОР, Архив К. Д. Бальмонта. Ф. 261.2.74.

по усмотрению издательства, отдельно или совместно с другими переводами из Кальдерона, а также с присовокуплением статей или примечаний, если таковые не будут даны самим К. Д. Бальмонтом.

3) Гонорар К. Д. Бальмонта определяется в 15% с нарицательной цены книги (без переплета), объявленной издательством в момент ее выпуска, уплачиваемых постепенно по мере продажи книги или книг с количества действительно проданных издательством экземпляров, причем расчет учиняется ежегодно по заключении издательством отчета и установления количества проданных экземпляров.

4) Авансом в счет вышеозначенного отчисления К. Д. Бальмонт получает по 3 рубля с каждого переводимого им стиха по представлению им издательству рукописи каждой драмы вполне законченной к печати.

5) В счет аванса упомянутого в пункте 4 с/д К. Д. Бальмонт получает при подписании сего 3 тысячи рублей, т. е. по 600 рублей за каждую драму.

К. Д. Бальмонт.
1919/VII, 24"

На общих условиях сего договора К. Д. Бальмонт подготовил еще несколько переводов из Кальдерона (драма "Дама Привидение")[276].

В том же архиве мы обнаружили четыре неопубликованных перевода драм Кальдерона: "Волшебный маг", "Саламейский алькальд", "Луис Перес Галисиец", "Дама Привидение". Сохранилось письмо Бальмонта к издателю Михаилу Васильевичу Сабашникову о завершении работы над драмой "Луис Перес Галисиец".

"Дорогой Миша!

Я принес тебе 2-ое действие "Люиса Переса". Притязаю на 3760 руб. (1320 строк — 200 руб. аванса). Мне нужно было бы переговорить с тобой о точном счете строк. Я считаю все строки и не знаю, согласен ли ты с моей арифметикой. Но я

---

[276] Примечания: 276
ГБИЛ, ОР, Архив К. Д. Бальмонта. Ф-261, 7, 32.

думаю 1) что прозаическая строка берет столько же у меня внимания и механического труда, — как и целый стих, будь это строка лишь означение действующего лица; 2) строка, независимо от счета букв, занимает отдельное типографское место; 3) гонорар есть лишь аванс, и позднее все равно перейдет к иному масштабу, т. е. к 15%.

Жалею, что не застал тебя в твоем прелестном саду.

Жму руку.

1919 VIII 6/19.
Твой К. Бальмонт"[277].

Почему же именно на этих четырех драмах остановил свой выбор Бальмонт, из огромного наследия Кальдерона выделив именно их? Нам кажется, что Бальмонт, вновь возвращаясь к своему титаническому замыслу, решил в новых переводах дать русскому читателю возможность представить более четкую картину многообразия поэтического мира Кальдерона. Если на раннем этапе работы над пьесами испанского драма-

---

[277] Примечания: 277
ГБИЛ, ОР, Архив К. Д. Бальмонта, Ф-261, 2, 75.

турга Бальмонта интересуют принципиально важные для его концепции литературы и театра "мистические" драмы, то спустя два десятилетия меняются его взгляды, и теперь поэт стремится представить многожанровую систему кальдероновского наследия. И действительно, Бальмонт переводит четыре драмы, почти полностью отражающие жанровое разнообразие драматургии Кальдерона: пьеса "Волшебный маг" (в 1637 г. впервые поставлена, напечатана в 1633 г.) — философская драма. По-русски публикуется впервые. Другие переводы этой драмы нам обнаружить не удалось. Важность публикации — еще и в том особом месте в истории литературной культуры, которое занимала эта драма. Именно о ней писал К. Маркс, рассказывая о своем изучении испанского языка: "Начал с Кальдерона, с его "Чудодейственного мага" — католического Фауста — Гете почерпнул для своего "Фауста" не только отдельные места, но и целые сцены"[278].

"Саламейский алькальд" написан в 1640-х годах, первое издание — в 1651 г. "Луис Перес Галисиец" написан в 1628 г., издан в 1647 г., принадлежат к числу драм чести. И комедия "плаща и шпаги"

---

[278] Примечания: 278
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 300.

"Дама Привидение" (первая постановка — 1629 г., издана в 1636 г.). Кстати, Бальмонт впервые берется за перевод кальдероновской комедии.

Обратим внимание и на тот факт, что Бальмонт выбрал одни из лучших произведений Кальдерона, до сих пор остающиеся в центре внимания ученых разных стран. Интересны мнения современных испанских исследователей творчества Кальдерона о "Саламейском алькальде". Вот что пишет об этой драме А. Вальбуэна Брионес: ""Саламейский алькальд" — возможно самая популярная драма Кальдерона и одно из самых известных сочинении испанской литературы за рубежом"[279]. Другой известный ученый отмечает: "Самый драгоценный камень в поэтической короне Кальдерона — "Саламейскцй алькальд". Она (драма.—Д. М.) является исключением в театре Кальдерона; мы в ней находим реалистические описания окружающего мира, страстные характеры, напряженные конфликты между этими характерами"[280].

---

[279] Примечания: 279

Valbuena-Briones A. Perspectiva Critica de las dramas de Calderon. Madrid, 1965. P. 136.

[280] Примечания: 280

Meregalli Fr. Consideraciones sobre tres siglos de receocion del teatro Calderoniano, в кн.: Calderon, actas del Congreso internacional sobre Calderon v el teatro espanol del Siglo de Oro. Madrid, 1983. P. 119.

Одной из самых популярных комедий среди критиков является "Дама Привидение". О ней много написано и в самой Испании и за ее пределами, в частности Анхель Вальбуэна Брионес считает, что "Дама Привидение" — "один из шедевров XVII в., драма полифонического автора, умеющего создать сложный "и многообразный театральный мир"[281]. Много внимания этой комедии уделяли и советские ученые. В. С. Узин считает, что "ситуация, разработанная в комедии "Дама Привидение", представляет значительный интерес именно потому, что в ней вскрыто резкое противоречие между естественным человеческим чувством, которое властно предъявляет свои права, и косными условиями, в силу которых люди вынуждены скрывать свои чувства. При помощи простого сценического приема, заимствованного у Тирсо де Молины, Кальдерон как бы обнажает перед нами самый механизм насилия над человеческой природой"[282].

Выдающийся русский поэт Константин Дмитриевич Бальмонт был замечательным перевод-

---

[281] Примечания: 281

Valbuena-Briones A. Calderon y la Comedia Nueva, Madrid, 1977. P. 164.

[282] Примечания: 282

Узин В. С. Кальдерон и его комедия "Дама — Невидимка" / Испанский театр XVII века. М.—Л., 1946. Т. 3. С. 11.

чиком и филологом, знатоком многих языков. Отвергая педантичное воспроизведение особенностей, чуждых русскому языку, Бальмонт в своих переводах средствами современного ему стихосложения сумел передать поэтическую стихию драм Кальдерона, не отступая при этом, от смысла оригинала.

Однако ни при жизни, ни после смерти его переводы драм Кальдерона не были собраны и изданы полностью. Настоящее издание является первым собранием всех сохранившихся переводов К. Д. Бальмонта.

Г.А. Коган. Материалы по библиографии русских переводов Кальдерона
1. К ИСТОРИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ КАЛЬДЕРОНА

В начале XIX в. имя Кальдерона появляется на страницах русских журналов. Хотя опыт перевода Кальдерона относится к концу XVIII в., когда Екатерина II сделала "вольное переложение" семи начальных сцен комедии Кальдерона "Спрятанный кабальеро". Эта рукопись, озаглавленная "Чулан", была опубликована в 1901 г. Затруднительно определить, с французского или с немецкого языка сделан перевод. Второй известный нам перевод сделал в 1809 г. П. А. Корсаков, ориентируясь на испанское издание, — "Сонет о розе" из драмы "Стойкий принц"; перевод был напечатан лишь в 1840 г.

Первый появившийся в печати перевод Кальдерона, выполненный П. В. Киреевским, относится к концу 20-х годов. В, 1828 г. "Московский вестник" публикует прозаический перевод первого действия комедии "Трудно стеречь дом о двух дверях". В примечании редакции сказано о на-

мерении П. В. Киреевского "заняться переводом всех лучших произведений Кальдерона"[283]. И действительно после смерти Киреевского в его бумагах было обнаружено несколько переведенных на русский язык пьес испанского драматурга.

В самом начале 30-х годов появляется еще один перевод Кальдерона. В. А. Каратыгин перевел для своего бенефиса драму "Врач своей чести", которая под названием "Кровавая рука" шла на сцене Большого театра в Петербурге в 1831 г. Вокруг перевода развернулась дискуссия. В "Литературных приложениях к Русскому инвалиду" говорилось, что переводчик "по неразумению своему обезобразил ее (немецкую версию пьесы, с которой был сделан перевод. — Г. К.) до того, что многие в ней места трудно или, вернее сказать, невозможно понять"[284]. Рецензент "Северной пчелы" также отметил "темноту перевода"[285]. Однако перевод взяли под защиту литераторы, группировавшиеся вокруг журнала "Сын отечества". В этом журнале в 1831 г. появилось сообщение о

---

[283] Примечания: 283
Моск. вестн. 1828. Ч. П. No 19/20. С. 271.

[284] Примечания: 284
Лит. прибавл. к Рус. инвалиду. СПб. 1831. 15 апр. Ч. 2. No 30. С. 238.

[285] Примечания: 285
Сев. пчела. СПб. 1831. 14 янв. No 10.

намерении одного из литераторов выпустить в свет "Испанский театр", в том числе 8 пьес Кальдерона, включив в издание биографию, разбор творчества, комментарии, а также отрывки из сочинений испанских историков, описывавших эпоху, которой посвящены пьесы испанского драматурга. Ни один из этих переводов не был напечатан.

Пьеса Кальдерона "Последняя дуэль в Испании" была переведена на русский язык и поставлена в Петербурге в Александрийском театре в 1838 г. В 1843 г. в двух выпусках "Испанского театра" были опубликованы "Жизнь есть сон" и "Саламейский алькальд", переведенные К. И. Тимковским. Эти переводы, выполненные с испанского, были доброжелательно встречены большинством журналов и газет того времени (подробнее см. в нашей статье "Сценическая история драматургии Кальдерона в России XVIII-XIX вв." в сборнике "Iberica". Л., 1986, вып. 2).

Общественный подъем конца 1850-х — начала 1860-х годов способствовал росту интереса к классической литературе Европы. Предпринимаются новые издания, знакомящие читателей с испанской драматургией. В 1860-1861 гг. в Москве выходят в свет два выпуска "Избранных

драм Кальдерона", в которых были напечатаны стихотворные переводы двух трагедий: "Врач своей чести" и. "Жизнь есть сон". Переводчик С. В. Костарев был известен как оригинальный автор, написавший ряд исторических драм, и как деятельный пропагандист испанской литературы, познакомивший русских читателей и зрителей также с "Саламейским алькальдом". Есть указания на то, что Костарев работал над переводом еще двух драм Кальдерона ("Благоговение к кресту" и "Чудный маг"), однако эти переводы не были изданы. Опубликованные переводы Костарева вызвали критические отклики в печати. "Отечественные записки", в целом благожелательно оценив появление "Избранных драм", отметили: "Что касается стиха, то видно, что г. Костареву в некоторых местах немалого труда стоило совладать с ним. Желательно, чтоб г. Костарев обращал побольше внимания на его обработку..."[286] Рецензент "Северной пчелы" писал: "Я уверен, что нам надлежит ознакомиться... и с испанской литературой... Только какая надобность сближать нас с иноземным поэтом

---

[286] Примечания: 286
Отеч. зап. СПб., 1862. Т. 140, No 1. Янв. отд. 1. С. 364.

посредством дурных русских стихов"[287]. "Санкт-Петербургские ведомости" указывали: "...Стих г. Костарева очень угловат и вовсе не плавен: к тому же стихосложение такое, что не годится никак для сцены..."[288].

Вслед за Костаревым переводом произведений Кальдерона, занялся поэт-переводчик Н. П. Греков. Им были переведены две драмы: "Ересь в Англии" и "Жизнь есть сон". Отрывки первой были напечатаны в "Модном журнале" в мае 1865 г., в 1866 г. драма была поставлена на сцене московского Малого театра. В том же году там были поставлены "Саламейский алькальд" в переводе Костарева и комедия "Сам у себя под стражей", переведенная с немецкого С. А. Юрьевым. Позже, в 1891 г., эта комедия была опубликована в журнале "Артист". С. А. Юрьев, много и плодотворно работавший над переводом испанской драматургии познакомил русского читателя с кальдероновской трагедией "За тайное оскорбление тайное мщение" (напечатана в 1871 г.). Им же был переведен "Саламейский алькальд", поставленный лишь в 20-х годах нашего столетия.

---

[287] Примечания: 287
Сев. пчела. 1861. 13 янв. No 10. С. 38.

[288] Примечания: 288
Санкт-петерб. ведомости. 1861. 11 мая. No 103. С. 592.

В 1872 г. в журнале "Вестник Европы" появляется отрывок из пьесы Кальдерона "Дочь воздуха" в переводе В. П. Буренина. В это же время к переводу произведений Кальдерона обращается А. Н. Островский, высоко ценивший испанского драматурга. В архиве Островского, хорошо знавшего испанский язык, остались фрагменты переводов комедии "Дом с двумя выходами трудно стеречь" и драмы "Вера в крест".

Русская печать отметила в 1881 г. двухсотлетие со дня смерти Кальдерона. В 1884 г. в серии "Библиотека европейских писателей и мыслителей", издаваемой литератором В. В. Чуйко, появился прозаический перевод трех пьес Кальдерона: "Поклонение кресту", "Час от часу не легче" и "Алькад в Саламее".

В 90-е годы интерес к Кальдерону возрастает; появляются новые переводы его произведений. В журнале "Артист" в 1891 г. печатается его драма "Дон Фернандо, стойкий принц", переведенная с немецкого языка с оглядкой на французский перевод Н. Ф. Арбениным, в то время артистом Малого театра. В 1894 г. там же напечатан анонимный перевод "Невидимки", а в 1898 г. основатель отечественной испанистики, профессор Петербургского университета Д. К. Петров

публикует свой перевод кальдероновской драмы "Жизни есть сон". Этот перевод, напечатанный незначительным тиражом, воспроизводится в нашем издании. Заметим попутно, что в это же десятилетие появляются новые переводы пьес Кальдерона, выполненные для театра. Известная переводчица с испанского М. В. Ватсон вновь переводит комедию "Сам у себя под стражей", озаглавив ее "Тюремщик самому себе". Тогда же сделаны новые переводы "Саламейского алькальда" и драмы "Сила веры". В конце 90-х годов к произведениям Кальдерона обращается К. Д. Бальмонт, сделавший очень много для популяризации его творчества.

В 1909 г. в журнале "Театр и искусство" появилось сообщение о предстоящем издании полного собрания драматических сочинений Кальдерона в переводе драматурга И. М. Булацеля, потратившего на этот труд около пяти лет. Однако это издание так и не вышло в свет.

Нельзя не упомянуть о заслуживающем внимания эпизоде бытования Кальдерона в нашей стране. Накануне революции 1905 г. Ян Райнис перевел "Саламейского алькальда" на латышский язык. В свете революционной ситуации, сложившейся в России, пьеса приобрела в глазах

цензоров опасный характер. "...В драме Кальдерона де ла Барка "Судья Саламеи", — писал цензор, — много фраз, которые нельзя не считать неудобными... Я полагал бы драму "Судья Саламеи"... не дозволить к исполнению"[289].

Лишь после Октябрьской революции "Саламейский алькальд" наряду с другими пьесами Кальдерона был рекомендован к постановке.

Наиболее значительной из постановок кальдероновского театра в первое десятилетие после революции явился спектакль Второй студии МХТ "Дама-Привидение", премьера которого состоялась 9 апреля 1924 г. Государственный Центральный театр юного зрителя в Москве поставил в 1934 г. комедию Кальдерона "Сам у себя под стражей". Новое прочтение кальдероновской пьесы (автор переработки — драматург Белла Зорич) способствовало созданию веселого жизнерадостного спектакля, с большим успехом исполнявшегося на сцене театра вплоть до Великой Отечественной войны.

Большой интерес к испанскому классическому театру, вызванный героической борьбой испанского народа против фашистских мятеж-

---

[289] Примечания: 289

Дрейден С. Театр 1905-1907 годов и царская цензура // Театр. 1955. No 12. С. 107-108.

ников, вновь поставил на повестку дня вопрос о постановке пьес Кальдерона и переводе его произведений на русский язык.

Следует отметить, что издательство "Academia" еще в 1935 г. планировало приступить к переводу драм Кальдерона. Однако это издание не осуществилось.

В 1939 г. отдельной книгой издается "Саламейский алькальд" в переводе М. М. Казмичова с содержательной вступительной статьей К. Н. Державина.

Существенным рубежом в знакомстве с творчеством Кальдерона следует считать 1940 г., когда появляется перевод "Дамы-Привидения", мастерски выполненный Т. Л. Щепкиной-Куперник (напечатан в 1946 г., затем неоднократно переиздавался). Появление этого перевода вдохнуло новую жизнь в бытование театра Кальдерона на советской сцене. Поставленная в том же году в Москве и Ленинграде, эта пьеса начала свое сценическое существование на подмостках советского театра. "Дама-Привидение" была широко представлена в репертуаре театров военных лет и в послевоенное время. В 50-70-е годы она шла ежегодно на сцене не менее десятка театров страны. Как правило, это был один из наиболее

посещаемых спектаклей. Успех драмы разделила и другая пьеса Кальдерона, идущая в течение многих лет на советской сцене, — комедия "С любовью не шутят". Первую ее постановку (в переводе М. М. Казмичова) осуществил в 1948 г. Н. П. Акимов в Ленинградском театре комедии (вышла отдельным изданием в 1949). В 1955 г. в Ленинградском театре им. Ленсовета была поставлена комедия Кальдерона "Спрятанный кабальеро", переведенная М. М. Казмичовым. В том же году она была опубликована. Многие ТЮЗы страны ставят комедию "Сам у себя под стражей", трактовавшуюся как спектакль для юношества. Пьесы испанского драматурга нашли в нашей стране благодарного зрителя.

В 1961 г. предпринимается издание двухтомника произведений Кальдерона. В этом издании, включавшем 12 пьес испанского драматурга, приняли участие советские переводчики: Б. Пастернак, Т. Щепкина-Куперник, О. Савич, М. Казмичов, И. Тынянова, Ф. Кельин, Ю. Корнеев, В. Бугаевский. Четыре пьесы были впервые напечатаны на русском языке.

В 1963 г. читатели знакомятся с пьесой Кальдерона "В тихом омуте" в переводе А. Голембы. В 1982 г. выходит в свет пьеса Кальдерона "По

секрету — вслух" в переводе М. А. Донского. В настоящее время Г. А. Товстоногов готовит к постановке в Ленинградском Академическом Большом драматическом театре пьесу Кальдерона "Жизнь есть сон" (перевод М. Донского). Ряд сонетов и эпиграмм Кальдерона в различных переводах напечатан в антологии "Испанская поэзия в русских переводах" (1978, 1984), в сборниках "Испанская классическая эпиграмма" (1970), "Испанская эстетика" (1977), "Жемчужины испанской лирики" (1984) и др.

Таким образом, можно констатировать, что советские читатели и зрители имеют возможность широко и разносторонне знакомиться с творчеством Кальдерона в высокохудожественных переводах, выполненных ведущими переводчиками нашей страны.

2. ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАЛЬДЕРОНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Избранные произведения. Сборники

1. Испанский театр / Пер., предисл. и примеч. К. Тимковского. Т. 1. Кальдерон. СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. XII. 210 с. [Вып. 1, т. 1.]: Жизнь есть сон; [Вып. 2, т. 1.]: Саламейский алькальд.

Рец.: Кони Ф. // Лит. газ. 1843. 4 апр. No 14. С. 282-285; Лит. газ. 1843. 16 мая. No 19. С. 377380; Кони Ф. // Лит. газ. 1843. 30 мая. No 21. С. 424-425; Отеч. зап. СПб. 1843. Т. 28, No 5. С. 12; No 6. С. 37-44; (Плетнев П. А) // Современник. СПб. 1843. Т. 31, No 7. С. 112-113; Рус. инвалид. СПб. 1843. 9 мая. С. 401-403; (Полевой Н. А.) // Сев. пчела. СПб. 1843. 12 окт. С. 910-911; Подп.: Z. Z.; [Белинский В. Г.] // Отеч. зап. 1844. Т. 32, No 1. С. 37, [паг. 5-я].

2. Избранные драмы Кальдерона: Вып. 1, 2 / Пер. С. Костарева. М.: тип. Каткова и К°, 1860-1861.

Вып. 1: Врач своей чести. 1860. XXXIII. 141 с.;

Вып. 2: Жизнь есть сон. 1861. V. [5]. 150 с.

Рец.: Моск. ведомости. 1860. 8 дек. С. 2124; -цкий // Сев. пчела. 1861. 13 янв. С. 37-39; СПб. ведомости. 1861. 11 мая. С. 591-592; Отеч. зап. 1862. Т. 140, No 1. С. 362-364.

3. Драматические произведения: Поклонение кресту; Час от часу не легче; Алькад в Саламее. СПб.: тип. газ. Новости, 1884. 204 с. (Б-ка европ. писателей и мыслителей / Изд. В. В. Чуйко. Сер. 2; No 16). (Переводчик не указан).

4. Сочинения Кальдерона: Вып.1-3 / Пер. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. 1900-1912.

Вып. 1: Чистилище святого Патрика. 1900. CXLII.

150 с.

Содерж.: Предисловие переводчика; Бальмонт К. От страстей к созерцанию: (Поэзия Кальдерона); Руанэ Л. Заметка о Чистилище святого Патрика; Текст пьесы.

Вып. 2: Философские и героические драмы. 1902. VIII. 772 с.

Содерж.: Предисловие; Жизнь есть сон: Кренкель М. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Поклонение кресту: Бальмонт К. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Стойкий принц: Кренкель М. Статья;

Текст пьесы; Примечания; Любовь после смерти; Бальмонт К. Статья; Текст пьесы; Примечания; Книголюбительские приложения: Литература о Кальдероне.

Вып. 3: Врач своей чести. 1912. XXVIII. 187 с.

Содерж.: Бальмонт К. О ревности; Текст пьесы.

Ред.: Правит, вести. СПб. 1900. 10 сент.; (Амфитеатров А. В.) // Россия. СПб. 1900. 19 сент. — Подп.: Old gentleman // Новый мир. СПб. 1900. No 12. С. 92-94, [паг. 2-я]; Ежемес. соч. СПб. No 46. С. 128; Деген Е. // Мир божий. СПб. 1900. 1900, No 11. С. 288; Рус. Богатство. СПб. 1900. No 11. С. 70-71; Буренин В. // Новое время. СПб. 1902. 3 мая; Венгерова З. /

/ Образование. СПб. 1902, No 7 / 8. С. 116-120; Почтальон. СПб. 1902. No 6. С. 334; Айхенвальд // Речь. СПб. 1912. 13 авг.; К-ский Л. // Рус. ведомости. М. 1912. 5 июня; Бюл. лит. и жизни. М. 1912. No 10. С. 414-415; No 19. С. 392.

5. Пьесы: В 2-х т. / Сост., вступ. статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. пер. Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961: (Б-ка драматурга). Т. 1: [Драмы] / Вступ. ст. и примеч. Н. Б. Томашевского. 702 с.

Содерж.: Томашевский Н. Б. Театр Кальдерона; Стойкий принц / Пер. Б. Пастернака; Луис Перес Галисиец / Пер. В. Бугаевского; Любовь после смерти, или осада Альпухарры / Пер. О. Савича; Врач своей чести / Пер. Ю. Корнеева; Жизнь — это сон / Пер. И. Тыняновой; Саламейский алькальд / Пер. Ф. Кельина; Томашевский Н. Б. Примечания.

Т. 2: [Комедии] / Примеч. Н. Б. Томашевского. 688 с.

Содерж.: Дама-невидимка / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Сам у себя под стражей / Пер. О. Савича; Спрятанный кавальеро / Пер. М. Казмичова; Дама сердца прежде всего / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Апрельские и майские утра / Пер. Т. Щепкиной-Куперник; Не всегда верь худшему / Пер. М. Казмичова.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

A secreto agravio secreta venganza

6. За тайное оскорбление тайное мщение: Трагедия в 3-х д. / Пер. С. Юрьева // Беседы в О-ве любит, рос. словесности. М. 1871. Вып. 3. С. 87135.

El alcaide de si mismo

7. Сам у себя под стражей: Комедия в 3-х д. / Приспособл. к сцене С. А. Юрьевым // Артист. М., 1891. No 15. С. 1-8; No 16. С. 1-7; No 17. С. 1-8.

8. Тюремщик самому себе: Комедия в 3-х д. / Пер. и приспособл. к рус. сцене М. Ватсон: Рукопись. ЛГТБ. 1895.

9. Сам у себя под стражей: (Комедия в 3-х д.) / Пер. В. Левика и В. Узина: М.: ВУОАП, 1945. 47 с. Ротапринт. (См. No 5.)

El alcalde de Zalamea

10. Саламейский алькальд: Драма в 3-х д. / Пер. С. Костарева: Рукопись. ЛГТБ. 1865. 117 с.

11. Саламейский судья: Драма в 3-х д. / Пер. для сцены С. Юрьева: Рукопись. ЛГТБ. [Не нумер,

листы].

12. Саламейский алькальд: В 3-х д.: Рукопись. ЛГТБ. 1896. [Не нумер. листы].

13. Саламейский алькальд: Драма в 3-х д. / Пер. М. М. Казмичова; Под ред. М. Л. Лозинского; Вступ. ст. К. Н. Державина. Л.; М.: Искусство. 1939. 200 с. (См. No 1, 3, 5.)

14. Саламейский алькальд: (Отрывки) из пьесы / Пер. Ф. В. Кельина // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М.: Учпедгиз, 1940. С. 201-205. То же. 2-е изд., доп. и испр. М., 1949. С. 187-191.

15. Саламейский алькальд: Отрывки из драмы / Пер. М. М. Казмичова // Хрестоматия по истории западноевропейского театра. 2-е изд. М.: Искусство, 1953. Т. 1. С. 373-378.

16. Наставленья Педро Креспо сыну / Пер. Ф. Кельина // Европейская поэзия XVII века. М.: Худож. лит., 1977. С. 417-419.

Amar despues de la muerte

(См. No 4, 5.)

Antes que todo es mi dama

(См. No 5.)

Casa con dos puertas mala es de guardar

17. Трудно стеречь дом о двух дверях: Комедия. День первый / [Пер.] П. В. Киреевского // Моск. вести. 1828. Ч. II, No 19 / 20. С. 234-271.

La cisma de Inglaterra

18. Ересь в Англии: Драма в 3-х д. / Пер. Н. П. Грекова: Рукопись. ЛГТБ. 1865. 48 л.

19. Ересь в Англии: Сцены из драмы / Пер. Н. П. Грекова // Модный магазин. СПб., 1865. No 15. С. 225-229.

20. Слепец: [Фрагмент из драмы] / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 419.

21. Презренье к славе: [Фрагмент из драмы] / Пер. И. Тыняновой // Там же. С. 420-421.

La dama duende

22. Невидимка: Комедия в 3-х днях // Артист. М., 1894. No 39. Прилож. С. 1-23.

23. Дама-невидимка: Комедия в 3-х д. / Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник; Вступ. статья В. С. Узина. М.; Л.: Искусство, 1946. 168 с. (Испанский театр

XVII века; Вып. 3).

То же // Щепкина-Куперник Т. Л. Избранные переводы. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 319-428.

То же // Испанский театр. М.: Худож. лит., 1969. С. 579-684.

Тоже: М.: ВААП, 1974. 121 л. Ротапринт. (См. No 5.)

Рец. на изд. 1946 г.: Февральский А. // Сов. книга. М., 1946. No 8 / 9. С. No 141-143.

24. Дама-невидимка: Отрывки из пьесы / Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник // Сов. искусство. М., 1938. 22 дек.

La devocion de la cruz

25. Сила веры: В 3-х д. / Пер. СБ: Рукопись. ЛГТБ. 1898. 63с. Подзагл.: Поклонение кресту см. NoNo 3, 4.

El escondido y la tapada

26. Чулан: Вольное переложение из Кальдерона де ла Барка. Отрывок // Соч. императрицы Екатерины II, на основании подлинных рукописей и с объяснит. примеч. ак. А. Н. Пыпина. Т. 3. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1901. С. 387-395.

27. Спрятанный кабальеро: Комедия в 3-х д., 4-х

карт. / Пер. М. М. Казмичова. М.: ВУОАП, 1955. 123 с. Ротапринт.

То же: Выступ, ст. и примеч. М. Казмичова. М.: Искусство. 1957. 211 с., 1 л. портр.

То же: М.: ВААП, 1974. 135 л. Ротапринт.

Под загл.: Спрятанный кавальеро см. No 5.

Guardate del agua mansa

28. В тихом омуте...; Комедия в 3-х д. / Пер. А. Голембы: М.; ВУОАП, 1936. 146 л. Ротапринт.

То же: Вступ. ст. А. Д. Михайлова. М.: Искусство, 1963. 175 с.

La hija del aire

29. Дочь воздуха: Отрывок из трагедии / [Пер.] В. Буренина // Вести. Европы. СПб., 1872. Т. 2, март. С. 62-81.

То же: Зотов В. Р. История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, харатеристиках и образцах. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1878. Т. 2. С. 661-665.

Luis Perez, el Gallego

См. No 5.

El magico prodigioso

30. Тайный зов любви: Отрывок из драмы / Пер. А. П. Тамбовского // Тамбовский А. П. Триумф любви. СПб.: Г. В. Енисейский, 1895. С. 123-124.

Mananas de abril y mayo

См. No 5.

El medico de su honra

31. Кровавая рука: Трагедия в 5-ти д. на исп. яз. / Пер. с нем. В. А. Каратыгина: Рукопись. ЛГТБ. 1830. 130 с.

32. Врач своей чести: Драма / Пер. К. Д. Бальмонта // Вестн. иностр. лит. 1908. Янв. С. 7-95. См. NoNo 2, 4, 5.

No hay burlas con el amor

33. С любовью не шутят / Пер. М. Казмичова. М.; Л.: Искусство, 1949. 188 с.

No siempre lo peor es cierto

См. No 5.

Peor esta que estaba

См. No 3.

El postrer duelo de Espana

34. Последняя дуэль в Испании: Драма в 3-х сутках: Пер. с исп.: Рукопись. ЛГТБ. Не нумер. листы.

El principe constante

а) Полная публикация пьесы

35. Дон Фернандо, стойкий принц: Трагедия в 5 д. и 8 карт. / Пер. и перед, для рус. сцены Н. Ф. Арбенина // Артист. М., 1891. No 12. С. 1 — 14; No 13. С. 1 — 11; No 14. С. 1-9.

То же / Театрал. М., 1898. Кн. 2, No 152. С. 3-99.

То же // Арбенин Н. Ф. Западный театр. СПб., 1906. С. 317-426.

36. Стойкий принц / Пер. К.Д. Бальмонта // Вести, иностр. лит. СПб., 1902. Март. С. 149-171; Апр. С. 179-200; Июнь. С. 139-158.

37. Стойкий принц / Пер. Б. Пастернака // Испанский театр. М.: Худож. лит., 1969. С. 487-577.

См. NoNo 4, 5.

б) Отрывки из пьесы

38. Дон Фернандо. Стойкий принц: Трагедия в 5-ти д.: Отрывок / Пер. Н. Арбенина // В память С. А. Юрьева. М., 1890. С. 397-404.

39. Стойкий принц: [Отрывки из трагедии] Пер. М. Травчетова // Хрестоматия по западноевропейской литературе. М.: 1937. С. 508-540.

в) Сонет о розах

40. Роза и человек / Вольный пер. П. Корсакова / / Невский альбом. СПб., 1840. С. 92-93.

41. Сонет ("С веселостью и пышной, и беспечной...") / Пер. К. Д. Бальмонта // Под знаменем науки. М., 1902. С. 243.

42. Сонет ("Они очей очарованием были...") / Пер. О. Румера // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 187; 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. С. 168-169.

То же // Румер О. Избранные переводы. М., 1959. С. 74.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М.: Прогресс, 1978. С. 401; 2-е изд., испр. и доп. М.: Радуга, 1984. С. 291.

43. К цветам ("Казались сада гордостью цве-

ты...") / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 423.

То же. Под загл.: Сонет // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 856; 2-е изд. М., 1984. С. 588.

44. К розам / Пер. П. Грушко // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 857; 2-е изд. М., 1984. С. 588-589.

45. Розы / Пер. Б. Дубина // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 858; 2-е изд., 1984. С. 589.

То же // Жемчужины испанской лирики. М., 1984. С. 113-114.

г) Другие сонеты

46. "Нет, меня не веселит..." / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 417.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М,, 1978. С. 403; 2-е изд. М., 1984. С. 291, 293.

47. "Рассыпанные по небу светила..." / Пер. Б. Пастернака // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 424.

То же. Под загл.: Сонет // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 405; 2-е изд. М., 1984. С. 293.

То же // Жемчужины испанской лирики. М.,

1984. С. 113.

El purgatorio de San Patricio

См. No 4.

Saber del mal y del bien

48. Щедрость (Фрагмент из драмы "Знание добра и зла") / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 420.

El secreto a voces

49. По секрету — вслух: Комедия в 3-х д. / Пер. М. Донского. М.: ВААП — Информ. 1982. 158 л.

50. Из комедии "По секрету — вслух": Сцены / Пер. М. Донского // Бычья шкура. Л.: Худож. лит., 1978. С. 71-85.

51. Рассказ Фабьо о мартышках: Фрагмент из комедии / Пер. М. Донского // Там же. С. 86-87.

То же // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 422.

52. Рассказ Фабьо о блохе: Фрагмент из комедии / Пер. М. Донского // Там же. С. 422-423.

La vida es sueno

53. Жизнь есть сон: Комедия / Пер. и предисл. Д. К. Петрова. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедн., 1898. 170 с.

То же // Сборник пьес. СПб., 1906. Т. 37. С. 1 — 169.

Рец.: Венгерова З. // Образование. СПб., 1898. No 4. С. 54-57; Сев. вести. СПб., 1898. No 1. С. 69-70 [паг. 2-я]; ЖМНП. СПб., 1898. Ч. 315, янв. С. 166-167 [паг. 2-я].

См. NoNo 1, 2, 4, 5.

54. Жизнь есть сон: [Отрывки из пьесы] / Пер. Д. Петрова // Русская историческая хрестоматия с приложением важнейших образцов иностранной литературы / Сост. К. П. Петров. 6-е изд. СПб., 1901. С. 471-473.

55. Жизнь есть сон: [Отрывок из драмы] / Пер. К. Д. Бальмонта // Под знаменем науки. М., 1902. С. 95-98.

56. Жизнь есть сон: Отрывки из пьесы / Пер. С. Н. Протасьева // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 188201.

57. Жизнь есть сон: Из пьесы / Пер. В. Я. Парнаха // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. 2-е изд., испр. и доп. М., 1949. С.

170-187.

58. Жизнь есть сон: Отрывки из трагедии / Пер. К. Д. Бальмонта // Хрестоматия по истории западноевропейского театра. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. Т. 1. С. 367-373.

59. "В лохмотьях, голодом томим...": [Отрывок] / Пер. В. Васильева // Испанская классическая эпиграмма. М., 1970. С. 94.

60. Утешение: [Отрывок] / Пер. И. Тыняновой // Европейская поэзия XVII века. М.., 1977. С. 421.

61. Романс ("Вы меня не узнаете?..") / Пер. О. Б. Румера // Хрестоматия по западноевропейской литературе. М., 1937. С. 561-563.

То же // Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940. С. 187-188; 2-е изд., 1949. С. 169-170.

62. "Взглянув на кудри, коим ночь дала..." / Пер. М. Самаева // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 424.

То же // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 407; 2-е изд. М., 1984. С. 215.

63. "Ты видишь розу?.." / Пер. М. Самаева // Испанская поэзия в русских переводах. М., 1978. С. 409; 2-е изд. М., 1984. С. 295, 297.

64. "Придворный угощал посла..." / Пер. В. Васильева // Испанская классическая эпиграмма.

М., 1970. С. 89.

65. "Нельзя столь несчастливым стать..." / Пер. В. Васильева // Там же. С. 90.

66. "Гнусавый Пабло в плен попал..." / Пер. В. Васильева // Там же. С. 91.

67. "Я слышал, что, когда однажды..." / Пер. В. Васильева // Там же. С. 92.

68. "Латал подмастерье жилет..." / Пер. В. Васильева // Там же. С. 93.

69. Эпиграмма ("Про ученых с умом осла...") / Пер. П. Грушко // Лит. Россия. М. 1968. 20 сент. С. 18.

То же // Испанская эстетика. М., 1977. С. 139.

70. Эпиграмма ("Книга, — нет друга скромнее...") / Пер. П. Грушко // Там же. С. 139.

71. Эпиграмма ("Однажды плохой художник...") / Пер. П. Грушко // Там же. С. 139-140.

Обоснование текста

Как ни значительны цели, стоящие перед данным изданием, оно, разумеется, не является "критическим". Такая задача по отношению к драме испанского Золотого века (XVI-XVII вв.) медленно, десятилетиями решается и на языке оригинала, несмотря на беспрецедентную (в сравнении, например, с Англией или Францией) сохранность рукописей XVII в., даже автографов.

Задача критического издания текстов К. Д. Бальмонта тоже не дело ближайшего будущего. Применительно к переводам драм Кальдерона мы пользовались лишь одним "окончательным" текстом, более обработанным, когда речь идет о шести напечатанных самим Бальмонтом пьесах, и менее завершенным в четырех новооткрытых в машинописи 1919 г. пьесах, печатающихся в этой книге в переводе Бальмонта впервые.

Выше в статье отмечалось значение двойных литературных памятников — таких, в которых важна не только художественная ценность оригинала, но ценность вклада переводчика в русскую культуру. Приведены также сведения по

истории текстов перевода Бальмонта, открытия машинописи утраченных четырех пьес: "Дама Привидение,", "Луис Перес Галисиец", "Волшебный маг" и "Саламейский алькальд".

Нужно лишь еще раз повторить, что, по мнению издателей, бальмонтовские переводы Кальдерона — явление удивительное. Они доказывают осуществимость сочетания *максимальной точности* (их можно рекомендовать как для занятий по совершенствованию знания испанского языка, так и по проблеме русских лексических и синтаксических эквивалентов стилизованной речи Кальдерона) *с высокой поэтичностью*.

Пьесы расположены в хронологическом порядке.

В тексте Бальмонта исправлялись лишь явные опечатки и описки.

Написание иностранных имен собственных у Бальмонта сохранялось, но в некоторых случаях, где оно орфографически отличается от современной передачи вследствие известной общей эволюции принятых норм по сравнению с началом XX в., приводилось (с соответствующей оговоркой) к современной норме. Наиболее частое изменение — это сужение употребления "э" (особенно в дифтонгах) или приведение в

соответствие с преобладающей современной традицией написания "у" или "ю" после испанского "ль", не соответствующего ни мягкому, ни твердому русскому "л". Например: вместо дон Гутиэрре у Бальмонта — дон Гутиерре, вместо дон Люис у Бальмонта — дон Луис.

Не воспроизводится также спорная идея Бальмонта обозначать перенос ударения в имени Патрик (по-русски обычно на первом слоге) на "и", в соответствии с испанским (восходящим к латинскому) эквивалентом "Патрисио", путем написания сдвоенного "к" — "Патрикк". Мы пишем просто "Патрик", напоминая, что у Бальмонта всюду ударение на втором слоге: "Патрик".

Не привилась по-русски и употреблявшаяся Бальмонтом (воспроизведенная Сабашниковыми) новоиспанская традиция ставить в начале вопросительных и восклицательных предложений соответствующие знаки в перевернутом виде. В рукописях и изданиях кальдероновских времен она не соблюдалась.

Бальмонт переводил, естественно, по изданиям XIX в., в которые, в отличие от изданий XVII в. и в большинстве случаев более точно следующих им изданий XX в., вводилось деление трех действий (по-испански — "хорнад", "дней") на сцены ("явле-

ния"). Такое деление, ставшее в некотором роде международной нормой издания европейских драм, мы сохраняем. Этим достигается большая полнота воспроизведения перевода таким, каким его видел и слышал сам Бальмонт, а кроме того, обеспечиваются удобства при чтении и постановке, а также при пользовании примечаниями.

В Дополнения включены целиком или с отмеченными сокращениями статьи, которые К. Д. Бальмонт предпосылал своим переводам.

В случае, если в примечаниях используются примечания Бальмонта, они отмечены в скобках инициалами К. Б., а где эти примечания положены в основу измененного или сокращенного текста, то пометой в скобках: по К. Б.

Печатные источники для воспроизведения перевода Бальмонта: Сочинения Кальдерона / Пер. с исп. К. Д. Бальмонта. М.: изд. М. и С. Сабашниковых. Вып. I-III. 1900, 1902, 1912; для рукописей: ГБИЛ. Отдел Рукописей. Архив К. Д. Бальмонта. Картон Э 10. Ф 261.14 (5-8).

Помещаемый в Дополнении перевод драмы "Жизнь есть сон" известного ученого-испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872-1925) воспроизведен по редкому малотиражному оттиску: Кальдерон Педро. Жизнь есть сон / Пер. Д.

К. Петрова. СПб., 1898. Орфография, пунктуация, написание имен сохраняются. Сохранены также и примечания Д. К. Петрова. Надо напомнить, что они написаны в период, когда понятие барокко еще не применялось к литературе и специфика эстетики барокко Кальдерона не была уяснена.

К нашему изданию приложены с соответствующим введением материалы по библиографии русских переводов Кальдерона Г. А. Когана.

Подготовка настоящего издания проходила в известном согласовании с подготовкой книги: Iberica. Культура народов Пиренейского полуострова (Вып. II). Кальдерон и мировая культура XVII в. Отв. ред. академик Г. В. Степанов (1919-1986); выпуск подготовлен Н. И. Балашовым и В. Е. Багно (Л.: Наука, 1986).

Напомним, что, помимо издания отдельных пьес, в СССР были напечатаны два издания сочинений Кальдерона: Педро Кальдерон. Пьесы. Т. I-II /Сост., вступит, статья и примеч. Н. Б. Томашевского. Ред. переводов Н. М. Любимова. М.: Искусство, 1961; а также: Кальдерон де ла Барка Педро. Избранные пьесы (на испанском языке), с аппаратом на русском языке: статья С. И. Ереминой, подробный комментарий, включающий библиографию А. С. Науменко. М.: Прогресс, 1981.

Основное испанское издание, по которому сверялся текст и на которое даны ссылки в статьях: Calderbn de la Barka, don Pedro. Obras completes. Vols I-III por A. Valbuena Briones. Madrid / Ed. Aguilar (t. I — 1966; t. II — 1959; t. IIII — 1967).

Настоящее издание осуществляется в двух книгах. В первой помещены шесть драм Кальдерона, в Приложении статья Н. И. Балашова и примечания к шести драмам.

Во второй книге четыре драмы Кальдерона в переводе Бальмонта, в Дополнениях — драма "Жизнь есть сон" в переводе Д. К. Петрова, предисловия Бальмонта к сочинениям Кальдерона. Приложения ко второй книге включают статьи Д. Г. Макогоненко и Г. А. Когана, а также примечания к публикуемым во второй книге драмам.